

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

13-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1911—1912 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Томъ XII.

~~38503~~
17645

(СОСТАВЛЯЕТЪ СО СЛѢД. ТОМ. ОДНО ЦѢЛОЕ).

Н. В. Кюнерь.

ПРОФЕССОРЪ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ

ОЧЕРКЪ КОРЕИ,

ПЫНЪ ЯПОНСКАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВА ЦЮСЕНЪ.

Часть I.

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОРЕИ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

1912.

17645

38503.

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

Томъ ХІІ.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

13-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1911—1912 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Томъ ХІІ.

(составляетъ со слѣд. том. одно цѣлое).

Н. В. Кюнеръ.

ПРОФЕССОРЪ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

Н. В. Кюнеръ

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ

ОЧЕРКЪ КОРЕИ,

НЫНѢ ЯПОНСКАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВА ЦЮСЕНЪ.

Часть I.

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОРЕИ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

1912.

ВЛАДИВОСТОКЪ ИИФ СССР

38

7

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

71105

Предисловіе.

Въ основу предлагаемаго «Очерка Кореи» — какъ первой, такъ и второй частей его, авторомъ положены главнымъ образомъ японскія данныя касательно этой новой японской области, почерпнутыя либо изъ частныхъ японскихъ сочиненій или изъ сообщеній японской періодической печати, либо изъ документовъ и прочихъ матеріаловъ, опубликованныхъ японскимъ правительствомъ или вообще указывающихъ на официальный источникъ — всѣ перечисленныя категоріи изданій преимущественно на японскомъ языкѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ на иностранномъ (англійскомъ) языкѣ.

Японскія данныя самага разнообразнаго содержанія являются нынѣ для Кореи не только самыми полными, но и наиболее современными, простираясь до настоящаго момента, что объясняется той особенной ролью, которая выпала на долю Японіи на корейскомъ полуостровѣ за послѣдніе 25 лѣтъ и которая завершилась, нѣсколько болѣе одного года тому назадъ, присоединеніемъ его къ территоріи японской имперіи подъ одной верховной властью. Исключительное положеніе, занятое Японіей въ Корей, побуждало самихъ японцевъ удѣлять значительное вниманіе дѣлу научнаго и практическаго изученія этой страны и обусловило появленіе на японскомъ языкѣ многочисленныхъ сочиненій, описывающихъ Корею съ разныхъ сторонъ ея природныхъ условій и экономическаго и культурнаго быта ея населенія и выясняющихъ способы и цѣли дѣятельности японцевъ въ этой части азіатскаго материка. Наряду съ частными печатными трудами этого рода, появляются и японскія официальные изданія въ видѣ отчетовъ, программъ и специальныхъ сообщеній, вмѣстѣ съ

опубликованіемъ разнообразныхъ статистическихъ матеріаловъ. Неумолимое и кропотливое собраніе статистическихъ свѣдѣній о Корей, сводимыхъ затѣмъ въ соответствующія таблицы, наглядно рисующія положеніе того или другого вопроса и намѣчающія способы его разрѣшенія, составляетъ отличительную черту дѣятельности японцевъ въ Корей—какъ частныхъ лицъ, такъ и агентовъ правительства, и въ этомъ отношеніи ими былъ дѣйствительно собранъ для Кореи весьма любопытный матеріаль. Если эти цифровыя данныя не всегда могутъ быть вполне точными, особенно въ Корей, гдѣ статистики въ европейскомъ значеніи слова ранѣе не существовало вовсе, иногда же оказываются и прямо ошибочными, то во всякомъ случаѣ эти данныя являются понынѣ единственными въ своемъ родѣ и приносятъ большую пользу для правильнаго сужденія о многихъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ внутренней жизни Кореи и существующихъ въ ней въ настоящее время бытовыхъ и экономическихъ условій, независимо отъ политическихъ проблемъ.

Японскіе авторы, поскольку они служили при составленіи настоящаго «Очерка», обладаютъ крупными положительными достоинствами, въ особенности по богатству сообщаемаго матеріала и новизнѣ статистическихъ данныхъ, но съ другой стороны и существенными недостатками, съ которыми необходимо серьезно считаться. Прежде всего японскія описанія Кореи, въ особенности дѣлаемые ими общія характеристики, грѣшатъ иногда поспѣшностью выводовъ или предвзятостью взглядовъ, обнаруживая въ послѣднемъ случаѣ одностороннее отношеніе къ предмету въ духѣ японскихъ интересовъ. Въ зависимости отъ этого имъ нерѣдко бываютъ свойственны то не вполне оправдываемый дѣйствительностью оптимизмъ (это надлежитъ отмѣтить въ отношеніи японскихъ официальныхъ заявленій насчетъ Кореи), то, наоборотъ, столь же неосновательная пессимистическая оцѣнка тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и событій на корейскомъ полуостровѣ. Все это требуетъ себѣ соответствующихъ поправокъ со стороны безпристрастнаго изслѣдователя, осуждающаго тенденціозность во всѣхъ ея проявленіяхъ. Къ недостаткамъ японскихъ авторовъ можно от-

нести подчасъ и нѣкоторую мелочность, заслоняющую отъ нихъ болѣе существенные факты и суживающую ихъ кругозоръ при объясненіи извѣстныхъ явленій. Но при всѣхъ этихъ оговоркахъ японскіе авторы сообщаютъ европейскому изслѣдователю такое обиліе весьма поучительныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, которыхъ не найти ни въ одномъ описаніи Кореи иностраннаго автора; только на основаніи ихъ можно правильно судить о томъ, что японцы уже совершили въ Корей и что они предполагаютъ предпринять въ этой странѣ въ будущемъ, при чемъ разсѣянные въ этихъ сочиненіяхъ практическія указанія позволяютъ ясно оцѣнить возможную важность Кореи для Японіи въ качествѣ колониальной области. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма любопытны тѣ параллели, которыя постоянно проводятся японскими авторами между экономическими и прочими условіями, существующими въ Корей съ одной стороны и въ самой Японіи съ другой; изъ этихъ сравнительныхъ данныхъ наилучшимъ образомъ уясняются мотивы и стремленія японской активной политики на корейскомъ полуостровѣ въ періодъ, предшествовавшій присоединенію его къ территоріи японской имперіи.

При этихъ условіяхъ японскія данныя въ настоящій моментъ, когда японцы только что начали планомѣрное развитіе своей дѣятельности на полуостровѣ, заслуживаютъ особаго вниманія и пріобрѣтаютъ исключительный интересъ въ глазахъ посторонняго, иностраннаго, въ частности русскаго наблюдателя, который задается цѣлью правильно поставить и освѣтить «корейскій вопросъ», какъ онъ представляется нынѣ въ изображеніи новыхъ обладателей Кореи — самихъ японцевъ.

Изъ весьма обширной и разносторонней японской литературы о Корей — болѣе ранней и современной, т. е. начиная съ эпохи окончательнаго утвержденія Японіи на полуостровѣ, въ настоящемъ «Очеркѣ» были использованы преимущественно слѣдующія сочиненія:

1) Канкоку-синцири 韓國新地理 «Новая географія Кореи», составленная кандидатомъ словесности Табуци Томохико 田淵友彦. Изданіе Хакубункан 博文館 въ Токио. Составляетъ 134-ый томъ «Японской энциклопедіи (Тейкоку-хяккадзэнсію 帝國百

科全書)». Выпущено въ свѣтъ въ сентябрѣ 1905 г. Всего 338 страницъ, не считая авторскаго предисловія и оглавленія, и одна карта Кореи.

Настоящее сочиненіе, какъ и нижеслѣдующее, является спеціальнымъ географическимъ описаніемъ Кореи, при чемъ въ языкѣ его наблюдается значительная примѣсь китайскихъ оборотовъ литературной рѣчи, что указываетъ на то, что матеріаль для него отчасти заимствованъ изъ китайскихъ или вѣрнѣе корейскихъ сочиненій, которыя по языку составляли прежде почти одно и то же съ китайскими.

2) Канкоку-цири 韓國地理 «Географія Кореи», составленная Ядзу Масанага 矢津昌永. Изданіе акціонерной компаніи Марудзен 丸善株式會社. Первое изданіе выпущено въ свѣтъ въ сентябрѣ 1904 г., второе изданіе, которое и служило при составленіи настоящаго «Очерка», — въ октябрѣ 1905 г. Всего 214 страницъ, кромѣ предисловія и оглавленія; общей карты нѣтъ, зато въ текстѣ имѣется нѣсколько схематическихъ картъ (карта горнаго построенія корейскаго полуострова на 12 стр.; карта распредѣленія по полуострову минеральныхъ мѣсторожденій на стр. 38; схематическій чертежъ группы острововъ Портъ-Гамильтонъ на стр. 166 и такой же чертежъ юго-восточнаго угла морскаго побережья Кореи на стр. 168, для иллюстраціи положенія Масанхо и Чинхѣман). Кромѣ того въ этомъ сочиненіи имѣются слѣдующіе рисунки въ текстѣ — изображеніе типичнаго корейскаго дома на стр. 49 и «воротъ независимости» на стр. 156 и на отдѣльномъ листѣ между 172 и 173 стр. изображеніе остатковъ старинныхъ японскихъ укрѣпленій въ г. Ульсан. Въ концѣ книги, послѣ текста, помѣщены 10 страницъ схематическихъ рисунковъ, изображающихъ предметы корейской одежды, корейскіе же головные уборы и прически, обувь, утварь, земледѣльческія орудія; даются также чертежи устройства корейскаго жилища.

Многія данныя Канкоку-цири, полученныя имъ преемственно отъ болѣе раннихъ аналогичныхъ изданій, цѣликомъ перешли въ Канкоку-синцири и указываемое ниже Канкоку-сѳран, которыя, впрочемъ, не указываютъ источника, откуда они заимствуютъ ихъ.

3) Канкоку-сѳран¹ 韓國總覽 «Описаніе Кореи», составленное служащимъ департамента торговли и промышленности въ японскомъ министерствѣ земледѣлія и торговли Токунага Кумби 徳永勳美 и просмотрѣнное личнымъ секретаремъ генеральнаго резидента въ Кореи Фуруя Хисацуна 古谷久綱 и секретаремъ японскаго министерства земледѣлія и промышленности Ямаваки Харуки 山脇春樹. Впереди текста помѣщены автографы генеральнаго резидента въ Кореѣ маркиза, затѣмъ князя Итѳ Хиробуми 伊藤博文, министра иностранныхъ дѣлъ виконта Хаяси Тадасу 林董 и корейскаго министра земледѣлія, торговли и промышленности Куѳн Чжунъхѳн 權重顯 и предисловія: японскаго министра земледѣлія и торговли Мацуока Ясуцука 松岡康毅, директора департамента торговли министерства иностранныхъ дѣлъ Исии Кикудзирѳ 石井菊次郎, директора департамента торговли и промышленности министерства земледѣлія и торговли Морита Сигекици 森田茂吉, директора департамента патентовъ министерства земледѣлія и торговли Ода Хадзиме 織田 —, бывшаго директора департамента земледѣлія министерства земледѣлія и торговли доктора агрономіи Сакава Цунеаки 酒匂常明, совѣтника министерства иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ секретаря управленія генеральнаго резидента въ Кореѣ Кураци Тецукици 倉知鐵吉 и, наконецъ, самаго автора. Настоящая книга издана Хакубунканъ въ Токио и выпущена въ свѣтъ въ августѣ 1907 г., 1489 страницъ, не считая вышеуказанныхъ многочисленныхъ предисловій, оглавленія на 40 страницахъ и на 55 страницахъ (среди объявленій) фотографическихъ снимковъ городов², столичныхъ дворцовъ, храмовъ, воротъ и прочихъ достопримѣчательностей, бытовыхъ сценъ, профессій и ремесль, затѣмъ особо снимки морскихъ произведеній Кореи, всѣ впереди текста, при чемъ

¹) Въ текстѣ первой части «Очерка» до 305 стр. въ ссылкахъ на это сочиненіе заглавіе его пишется по недосмотру «Канкоку-цѳран», что, впрочемъ, ничуть не измѣняетъ самаго смысла заглавія, такъ какъ сѳран и цѳран 通覽 въ сущности являются синонимами, съ одинаковымъ букввальнымъ значеніемъ: «обозрѣніе».

²) Сеула (интересна общая панорама его), Чѳмульпхо, Касѳнъ, Фузана (панорама города и гавани), Масанихо (панорама), Мокпхо, Сѳнъчжин, Гензана (видъ части города и гавани), Пхѳнъянъ (общій видъ города), Чынънампхо (панорама), Ыйчжю. Помимо видовъ городовъ, имѣются снимки рѣкъ—Нактонъганъ, Тадонъганъ и Амнокканъ.

раньше всѣхъ прочихъ иллюстрацій идутъ портреты послѣдняго и предпослѣдняго императоровъ Кореи и покойнаго князя Итō.

Разсматриваемый большой трудъ содержитъ лишь краткія географическія свѣдѣнія о Корей (на стр. 31—69, при чемъ здѣсь повторяются въ сущности тѣ же свѣдѣнія, что въ Канкоку-синцири и Канкоку-цири, съ нѣкоторыми погрѣшностями); за то этотъ трудъ останавливается съ большими подробностями на политическомъ, соціальномъ и экономическомъ строѣ корейскаго полуострова; въ особенности разработанъ отдѣлъ о корейскомъ земледѣліи, различныхъ другихъ отрасляхъ промышленности въ Корей и торговли—внутренней и внѣшней; по всѣмъ этимъ предметамъ даются весьма любопытныя данныя и статистическіе матеріалы, обычно не встрѣчающіеся въ такой полнотѣ въ другихъ японскихъ сочиненіяхъ; въ частности къ отдѣлу о корейскомъ земледѣліи приложены многочисленные чертежи корейскихъ земледѣльческихъ орудій. Помимо сказаннаго, имѣется въ этомъ трудѣ и большая историческая глава, излагающая новѣйшую исторію полуострова съ 1849 г., съ краткимъ обзоромъ всей предшествовавшей исторіи его.

Впереди книги имѣются двѣ карты: 1) общая карта корейскаго полуострова и 2) планъ Сеула.

4) Сайкин Канкоку-іоран 最近韓國要覽 «Новѣйшій очеркъ Кореи», изданъ редакціей журнала Ціосен (выходящаго съ марта 1908 г.) 朝鮮雜誌社 въ Сеулѣ, выпущенъ въ октябрѣ 1909 года. 392 страницы, не считая предисловія и оглавленія.

Это сочиненіе содержитъ новый и болѣе полный статистическій матеріалъ относительно экономическихъ ресурсовъ Кореи и общіе итоги, въ которыхъ резюмируется ихъ современное состояніе; много вниманія удѣляется разсмотрѣнію внутренней и внѣшней (въ частности японо-корейской) торговли страны, при чемъ приводятся любопытныя данныя относительно ея организаціи съ пояснительными діаграммами. Въ этомъ же сочиненіи помѣщены и наиболѣе полныя статистическія таблицы, изъ коихъ уясняется дѣятельность японцевъ и прочихъ иностранцевъ въ Корей на поприщѣ экономического и культурнаго развитія страны и ея населенія.

5) Сайкин Ціосен-іоран 訂正增補最近朝鮮要覽 исправленное и дополненное издание «Новѣйшаго Очерка Ціосен» (т. е. Кореи, какъ ее стали называть официально японцы со времени аннексії въ августѣ 1910 г.). Издано той же редакціей журнала Ціосен, выпущено въ свѣтъ въ ноябрѣ 1910 г. 443 стр., не считая предисловія и оглавленія. Въ этомъ новомъ изданіи предшествующаго сочиненія основной текстъ остается обычно безъ измѣненій (среди дополненій имѣется особая глава о рѣчномъ судоходствѣ и вообще расширены свѣдѣнія о путяхъ и средствахъ сообщенія въ Кореи), за то прибавлены почти всюду позднѣйшія статистическія данныя и рядъ новыхъ таблицъ.

6) Канкоку-сіокуминсаку 韓國殖民策 «Колонизаціонная политика въ Корей», иначе называется: Канкоку-идзю-аннай 韓國移住案内 «Справочная книжка для переселенцевъ въ Корей». Составлена Аояги Наммей (Кѳтарѳ¹) 青柳南冥 (綱太郎), съ предисловіями Иноуе Утадзи 井上雅二, Кякуци Ціѳфу 菊地長風 и Фуіосей² 芙蓉生; издатель Аояги Тѳдзирѳ 青柳藤次郎. Изданіе Никкан-сіобѳ въ Сеулѣ 日韓書房 (Ирхансѳбанъ по корейски) и Кибункан въ Осака 輝文館. Выпущено первымъ изданіемъ въ мартѣ 1908 г. и вторымъ изданіемъ въ маѣ того же года. 153 страницы основного текста и 55 страницъ приложенія, гдѣ помѣщены тексты изданныхъ корейскимъ правительствомъ въ 1906 и 1907 г. правилъ относительно порядка официальной регистраціи документовъ на недвижимыя имущества и въ 1907 г. закона насчетъ утилизаціи пустующихъ земель въ Корей (съ относящимися сюда правилами и прочими пояснительными замѣчаніями и образцами канцелярскихъ формъ) и статистическія данныя относительно: 1) цѣнности и количества недвижимыхъ имуществъ японцевъ въ Корей и 2) корейской внѣшней торговли. Имѣется еще на стр. 34 приложенія таблица различныхъ категорій мѣстныхъ произведеній по отдѣльнымъ провинціямъ Кореи. Впереди текста книги небольшая карта.

Какъ показываетъ само заглавіе, настоящее сочиненіе пре-

¹) Наммей—литературное имя автора; Кѳтарѳ—его собственное имя.

²) Литературный псевдонимъ.

слѣдуетъ опредѣленную цѣль — изобразить существующія въ Корей условія для переселенія туда японцевъ и указать прибыльныя отрасли экономической дѣятельности для нихъ въ этой странѣ, при чемъ авторъ съ одной стороны подчеркиваетъ необходимость этого переселенія съ точки зрѣнія экономического и культурнаго подъема Кореи, съ другой же стороны признаетъ это переселеніе весьма выгоднымъ въ интересахъ самихъ японскихъ переселенцевъ.

Помимо этихъ сочиненій, въ распоряженіи автора настоящаго «Очерка» были для отдѣльныхъ справокъ слѣдующія болѣе раннія японскія сочиненія относительно Кореи:

7) Ціосен-ококу 朝鮮王國 «Королевство Ціосен (Корея)¹», составлено Кикуци Кендзіо 菊池謙讓. Изданіе Минъюся 民友社 въ Токио. Выпущено въ декабрѣ 1896 г. 557 стр.

8) Канханто 韓半島 «Корейскій полуостровъ». Составилъ и издалъ Синобу Дзюмпей 信夫淳平. Выпущено въ свѣтъ въ сентябрѣ 1901 г., 694 стр., съ нѣсколькими фотографіями на отдѣльныхъ листахъ, въ частности хорошей панорамой Сеула къ стр. 134 и общими видами городовъ Сююн, Пхёнъянь и т. д.

9) Канкоку-аннай 韓國案内 «Путеводитель по Корей», составленъ Кацуки Гентаро 香月源太郎. Изданъ Сюдзандо 嵩山堂 въ Токио. Выпущенъ двумя изданіями въ сентябрѣ и декабрѣ 1902 г., 477 стр., съ общей картою и планами отдѣльныхъ открытыхъ портовъ въ Корей. Впереди текста помѣщенъ рядъ фотографическихъ снимковъ. Въ концѣ книги въ качествѣ особаго приложенія краткій японо-корейскій словарь.

Помимо вышеперечисленныхъ сочиненій на японскомъ языкѣ, при составленіи предлагаемаго «Очерка» служили еще нѣсколько частныхъ и официальныхъ японскихъ изданій на иностранномъ (англійскомъ) языкѣ.

Прежде всего изъ официальныхъ изданій этого рода должно указать на отчеты управленія японскаго генеральнаго резидента въ Корей за 1906, 1907, 1908—9 и 1909—10

¹) Въ данномъ случаѣ Ціосен является стариннымъ названіемъ Кореи, подъ которымъ она была извѣстна при династіи И вплоть до 1897 г. Японцы лишь воспользовались имъ для обозначенія своей новой колониальной области на материкѣ.

годы, при чемъ отчетъ за 1906 г. былъ помѣщенъ въ англійскомъ переводѣ съ оффиціального японскаго изданія подѣ заглавіемъ «Административныя реформы въ Корей» въ газетѣ *Japan Weekly Times* за 1907 г. въ номерахъ отъ 25 мая н. ст., стр. 279—281; 1 іюня, стр. 312—314; 8 іюня, стр. 350—353, и 15 іюня, стр. 382—383 (русскій переводъ этого отчета съ присоединеніемъ собственныхъ названій въ іероглифическомъ написаніи и ихъ корейскихъ чтеній, изображенныхъ онмун'емъ (корейской азбукою), помѣщенъ въ *Извѣстіяхъ Восточнаго Института*). Позднѣйшіе отчеты выпускались отдѣльными изданіями на англійскомъ языкѣ подѣ заглавіемъ: отчетъ за 1907 г.—*Annual report for 1907 on reforms and progress in Korea. Compiled by H. I. J. M.'s Residency General. Seoul, December 1908*; за 1908—9 г.г.—*The Second annual report on reforms and progress in Korea (1908—9). Seoul, December 1909*, и за 1909—10 г.г.—*The Third annual report on reforms and progress in Korea (1909—10). Seoul, December 1910*¹. Далѣе изъ оффиціальныхъ изданій можно назвать изданія корейскаго таможеннаго управленія: *Korea, Reports of the foreign trade and shipping for the year 1908* и *Korea, Tables of the foreign trade and shipping for the year 1909*, а также метеорологическіе отчеты—годичные за 1908 и 1909 г.г. и мѣсячные за 1910 г.

Среди японскихъ частныхъ изданій на англійскомъ языкѣ слѣдуетъ назвать слѣдующія:

Kotō, Prof. B.—*An Orographic Sketch of Korea: Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo. Japan, Vol.*

¹) Этотъ третій отчетъ былъ широко использованъ, въ особенности въ отношеніи сообщаемыхъ имъ цифръ и прочихъ данныхъ, на страницахъ европейской періодической печати на Д. Востокѣ. см., напримѣръ, статью «Харбинскаго Вѣстника», № 2161 отъ 10 іюня 1911, стр. 2, подѣ заглавіемъ: *Корейское генераль-губернаторство*.

Данными перваго отчета за 1907 г. воспользовался Alfred Backhausen въ книгѣ: *Die Japanische Verwaltung in Korea und ihre Tätigkeit. Berlin 1910*, а данными втораго отчета за 1908-9 г.г.—коммерческій агентъ, состоящій при германскомъ генеральномъ консульствѣ въ Іокохама, для весьма содержательнаго донесенія, напечатаннаго подѣ заглавіемъ: «*Die wirtschaftlichen Verhältnisse Koreas*» въ журналѣ *Deutsche Japan-Post*, 1910, въ номерахъ отъ № 11 (11. Juni 1910) до № 19 (6. August 1910); какъ дополненіе къ нему, тамъ же была помѣщена статья: «*Das wirtschaftliche Erwachen Koreas*»: *Deutsche Japan-Post*, 1910, № 20 (13. August), стр. 9—12.

XIX, article 1 (1903) съ фотографіями на отдѣльныхъ листахъ и большой картою, 61 стр.

Kotō, Prof. B. и Kanazawa, S.—Catalogue of the romanized geographical names of Korea. Published by the University of Tokyo (въ мартѣ 1903 г.) съ отдѣльной картою: Dr. Kotō's General Map of Korea.

Kanazawa, S.—The Common origin of the Japanese and Korean languages, 40 стр. Second edition. Tokyo, Sanseido, 1910 (вмѣстѣ съ японскимъ текстомъ: Никкан-ригокуго-дōкейрон 日韓兩國語同系論, 60 стр.).

Много новѣйшихъ статистическихъ данныхъ и прочихъ указаній было почерпнуто авторомъ настоящаго «Очерка» изъ двухъ японскихъ періодическихъ изданій, печатаемыхъ на англійскомъ языкѣ и являющихся въ сущности полу-оффиціозами японскаго правительства: изъ Сеульской ежедневной газеты «The Seoul Press» за 1909 и 1911 годы (для 1910 г. въ распоряженіи автора настоящаго «Очерка» были только отдѣльные номера этой газеты) и еженедѣльнаго изданія Токиуской ежедневной газеты «Japan Times» (еженедѣльное изданіе называется The Japan Times. Weekly Edition) за послѣдніе два года.

Изъ многихъ сочиненій на русскомъ и иностранномъ языкахъ, откуда авторомъ настоящаго «Очерка» заимствовались различныя данныя и мнѣнія, главнымъ образомъ для сопоставленія ихъ съ японскими данными или въ немногихъ случаяхъ для восполненія пробѣловъ, оставляемыхъ японскими авторами (по крайней мѣрѣ, тѣми, которые были въ распоряженіи автора настоящаго «Очерка»), необходимо прежде всего указать на изданіе русскаго министерства финансовъ «Описаніе Кореи», вышедшее въ трехъ томахъ въ 1900 г. и использовавшее наиболѣе удачнымъ и полнымъ образомъ всѣ матеріалы относительно Кореи, существовавшіе на иностранныхъ и русскомъ языкахъ до указаннаго 1900 г., въ силу чего авторъ предлагаемаго «Очерка» изъ не-японскихъ сочиненій относительно Кореи обычно пользовался только тѣми, которые вышли въ свѣтъ послѣ 1900 г. и, слѣдовательно, не могли быть включены въ упомянутое «Описаніе Кореи». Въ частности это были на русскомъ языкѣ: Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ

Сѣверной Кореи, С.-Петербургъ 1904; на иностранныхъ языкахъ: Knochenhauer, Bruno.— Korea, Berlin, 1901, отд. оттискъ, съ нумераціей стр. 74—124; Bourdaret, En Corée. Paris, 1904. 361 стр. съ 30 гравюрами внѣ текста; періодическія изданія: Korea Review, за 1901 и 1902 (полностью), за 1903, 1904 и 1906 за исключеніемъ нѣсколькихъ недостающихъ номеровъ; Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. I, (1900), Vol. II, part 1 (1901) и 2, Vol III, part 1 (1903), наконецъ, различныя періодическія изданія, выходящія въ Восточной Сибири и на Дальнемъ Востокаѣ, въ особенности «Харбинскій Вѣстникъ», который внимательно слѣдитъ за всѣмъ новымъ, происходящимъ въ Корееѣ. Къ этому краткому списку слѣдуетъ добавить англійскіе консульскіе отчеты о внѣшней торговли Кореи съ 1902 по 1910 годы и отчеты императорскихъ китайскихъ морскихъ таможенъ для Аньдуньсянь на границѣ съ Кореей. Прочія статьи и изданія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, не показанныя въ настоящемъ спискѣ, отмѣчаются въ соответствующихъ мѣстахъ текста предлагаемаго «Очерка» въ ссылкахъ на нихъ.

Изъ общихъ картъ Кореи, служившихъ автору для подлежащихъ справокъ необходимо назвать слѣдующія:

изъ русскихъ картъ: карта, приложенная къ «Описанію Кореи», и Двадцати-верстная карта Сѣверной Кореи, составленная и изданная барономъ Корфомъ и Звегинцовымъ. С.-Петербургъ, 1904;

изъ иностранныхъ картъ—Karte von Ost-Asien mit Spezial-Karte von Korea. Berlin, 1904. Dietrich Reimer;

и изъ японскихъ картъ: Сайкин-ціōса Ціōсен-цидзу 最近調査朝鮮地圖 «Карта Кореи», составленная по новѣйшимъ матеріаламъ Хара Дзисабурō 原治三郎 и изданная Фуіōся 芙蓉社 въ Токио; выпущена въ свѣтъ въ ноябрѣ 1904 г. Съ планами столицы, южной части залива Ёньхынъ, участка юго-восточнаго побережья съ бухтою Фузанъ и морского лимана р. Тәдонъганъ и съ таблицею разстояній отъ Сеула до различныхъ пунктовъ въ Корееѣ;

Сайкин-тōса Никкан-дзендзу 最近踏査日韓全圖 «Общая карта Японіи и Кореи», составленная по новѣйшимъ даннымъ,

редакціонно-издательскимъ отдѣломъ Сіомидō 鍾美堂, выпущена въ свѣтъ первымъ изданіемъ въ октябрѣ 1906 г. Время второго изданія не обозначено.

Дзиссоку-сіомицу Канкоку-синцидзу 實測詳密韓國新地圖 «Новая подробная карта Кореи», составлена на основаніи фактическихъ съомокъ, географическимъ обществомъ Цири-кенкюкай 地理研究會 и издана Танака Сōейдō 田中宋榮堂; выпущена въ іюнѣ 1907 г. Съ планами Сеула, Чѣмульпхо, Владивостока, Гензана, Пхёнъянь и Фузана.

Ціосен-кōцү-дзэндзу 朝鮮交通全圖 «Общая карта путей сообщенія Кореи», составлена Накамура Кендзō 中村謙三, новое исправленное изданіе редакціи газеты «Осака Майници Симбун». Приложение къ № 9736 газеты «Осака Майници Симбун», отъ 1 октября 1910 года. Съ планами Сеула, Чѣмульпхо, Пхёнъянь, Гензана, Кунсан, Чынънампхо, Тагу, Фузана, Масанпхо, Мокпхо. Въ масштабѣ 1:1,000,000.

Необходимо упомянуть еще объ очень удобномъ для справокъ атласѣ Кореи, подъ заглавіемъ Тахан-тчѣгук-тчидо 大韓帝國地圖, составленномъ корейцемъ Хён Гонънѣм 玄公廉, изданномъ тремя книжными торговлями въ Сеулѣ и выпущенномъ въ свѣтъ въ маѣ 1908 г. Атласъ содержитъ 10 картъ, каждая на двойномъ листѣ, начиная съ карты азіатскаго материка и общей карты корейскаго полуострова, за которыми слѣдуютъ 8 отдѣльныхъ картъ, по одной на каждую изъ бывшихъ 8 корейскихъ провинцій, изображенныхъ, однако, здѣсь въ новомъ раздѣленіи ихъ на 13 провинцій; по краямъ картъ отдѣльныхъ провинцій помѣщены планы открытыхъ для иностранной торговли городовъ и портовъ и карты отдѣльныхъ острововъ—о. Квельпартъ и о. Дажелеть и бухты Ёньхынъ.

Въ заключеніе авторъ предлагаемаго «Очерка» считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность Е. Г. Спальвину и Г. В. Подставину, изъ коихъ первый взялъ на себя трудъ провѣрить японскую транскрипцію корейскихъ названій и, по просьбѣ автора, давалъ объясненія касательно различныхъ японскихъ терминовъ, встрѣчающихся въ текстѣ

книги, а второй установилъ для настоящаго «Очерка» однообразную русскую транскрипцію, примѣнительно къ Сеульскому произношенію, корейскихъ названій и наводилъ различныя справки въ корейскихъ источникахъ. При провѣркѣ переводовъ съ японскаго, которые дѣлались возможно ближе къ подлиннымъ текстамъ, съ сохраненіемъ присущаго имъ колорита и своеобразности нѣкоторыхъ сужденій, авторъ пользовался помощью японскаго лектора при Восточномъ Институтѣ Мацуда Мамору.

Н. Кюнеръ.

31 декабря 1911 г.

Таблица китайскихъ, корейскихъ и японскихъ «названій годовъ правленія (年號)» съ 1876 г. по Р. Х.

По Р. Х.	Китайскіе:	Годы по порядку.	Японскіе:	Годы по порядку.	Корейскіе ¹ :
1876	Гуанъсюй	2	Мейдзи	9	
1877	(光緒)	3	(明治)	10	
1878	—	4	—	11	
1879	—	5	—	12	
1880	—	6	—	13	
1881	—	7	—	14	
1882	—	8	—	15	
1883	—	9	—	16	
1884	—	10	—	17	
1885	—	11	—	18	
1886	—	12	—	19	
1887	—	13	—	20	
1888	—	14	—	21	
1889	—	15	—	22	
1890	—	16	—	23	
1891	—	17	—	24	
1892	—	18	—	25	
1893	—	19	—	26	
1894	—	20	—	27	Годы по порядку.
1895	—	21	—	28	
1896	—	22	—	29	Кѡн'янъ (建陽) 1
1897	—	23	—	30	Коанъму 1
1898	—	24	—	31	(光武) 2
1899	—	25	—	32	— 3
1900	—	26	—	33	— 4
1901	—	27	—	34	— 5
1902	—	28	—	35	— 6
1903	—	29	—	36	— 7
1904	—	30	—	37	— 8
1905	—	31	—	38	— 9
1906	—	32	—	39	— 10
1907	—	33	—	40	{ Юнъхый (隆熙) 11
1908	—	34	—	41	— 2
1909	Сюанътунъ	1	—	42	— 3
1910	(宣統)	2	—	43	— 4
1911	—	3	—	44	—

¹) До 1896 г., года введенія солнечнаго календаря, и 1897 г., года принятія корейскимъ королемъ императорскаго титула, Корея, въ качествѣ вассала Китая, не имѣла собственныхъ «названій годовъ правленія», но должна была пользоваться китайскими.

Употребительныя японскія мѣры, встрѣчающіяся въ настоящемъ «Очеркѣ»¹⁾.

Въ самомъ текстѣ «Очерка» отношеніе этихъ мѣръ къ русскимъ указывается въ круглыхъ цифрахъ, достаточныхъ для нагляднаго сравненія, почему нѣсколько отличается отъ точнаго соотношенія между ними, какъ показано здѣсь.

Мѣры длины:

1 ри 里² = 36 ціō = 2160 кен = 12960 сяку = 3,68 версты, или 3,93 километра, или 2,44 англійскихъ статутныхъ миль (statute mile, равной 1,5 версты³⁾).

1 ціō 町 = 60 кен = 360 сяку = 51,1 сажень.

1 кен 間 = 6 сяку = 6 футовъ.

1 сяку 尺 = 10 сун = 1 русскому или англійскому футу.

1 морская ри (кайри 海里 или 哩) = 1 англійской морской мили или узлу = 1,738 версты = 1,852 километра.

1 хиро 尋 (морская сажень), англ. fathom = 6 футовъ.

Мѣры поверхности.

1 кв. ри (хōри 方里) = 1555,2 ціō = 13,53 кв. версть, или 15,423 кв. кил., или 5,95 кв. англ. статутныхъ миль.

1 ціō 町 или ціōбу 町步 = 10 тан = 100 се = 3000 цубо = 0,9 десятины, или 2,45 англ. акра.

1 тан 反 = 10 се = 300 цубо = 0,09 десятины = 0,245 акра.

1 се 畝 = 30 цубо.

1 цубо 坪 = 6 кв. сяку = 6,5 кв. аршинъ.

1) Составлено на основаніи таблицы, приложенной къ статьѣ Н. Кохановскаго, Очеркъ экономическаго положенія Японіи (Извѣстія Восточнаго Института, т. V, 1902—3 ак. годъ), стр. 129 (еще стр. 93 и 96 относительно курса японскаго ена), таблицы, помѣщенной у Позднѣва, Д.—Японо-Русскій іероглифическій словарь, стр. 1180—1182, и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ.

2) Корейская «и» 里, соответствующая китайской «ли», составляетъ приблизительно $\frac{1}{2}$ версты.

3) По японски майру 哩.

Мѣры объема:

1 коку 石 = 10 то = 100 сiō = 1000 гō = 6,88 четвериковъ или 0,86 четверти; 6,28 коку составляютъ 1 тонну.

1 то 斗 = 10 сiō = 100 гō = 5,5 гарнца.

1 сiō 升 = 10 гō = 0,55 гарнца.

1 гō 合 = 0,055 гарнца.

Мѣры вѣса:

1 кан 貫 или камме 貫目 = 1000 момме = $6\frac{1}{4}$ кин = 9,16 (точноѣ 9,1577) русскихъ фунтовъ.

1 кин 斤 (японскій фунтъ) = 160 момме = 1,47 (точноѣ 1,4652) русскихъ фунта.

1 пикуль тан 擔 (или хяккин 百斤) = 16 кан = 100 кин = $146\frac{1}{3}$ русскихъ фунта.

40 кан или $2\frac{1}{2}$ пикуля составляютъ 1 коку по вѣсу = 9 пудовъ 6,31 фунт.

Денежныя единицы:

Японскій серебряный енъ, имѣвшій обращеніе въ Японіи до 1897 г. и въ Корей номинально до 1901 г. и фактически до 1905 г., когда было приступлено къ осуществленію закона о золотой валютѣ, изданнаго въ 1901 г., подвергался сильнымъ колебаніямъ курса, какъ и нынѣшній мексиканскій долларъ въ Китаѣ, въ сторону его пониженія, при чемъ въ 1878 г. этотъ курсъ, выраженный въ нынѣшней русской валютѣ, соотвѣтствовалъ 1 р. 78 к., а въ 1895 г. только 99,35 копѣекъ.

Нынѣшній японскій золотой енъ имѣетъ болѣе постоянный курсъ, соотвѣтствующій на русскія деньги 96—98 копѣекъ (точный паритетъ 96,86 копѣекъ).

1 енъ 圓 или 円 = 100 сень.

1 сень 錢 = 10 рин 厘.

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ
ОЧЕРКЪ КОРЕИ,
нынѣ японскаго генераль-губернаторства Ціосенъ.

—♦—♦—♦—
Часть I.

Статистико-географическій очеркъ Кореи.

I.

Общія замѣчанія. Корея, ранѣе королевство (оаньгукъ 王國) Чіосен 朝鮮, въ китайскомъ чтеніи іероглифовъ Чаосянь, въ японскомъ Ціосен, съ 1897 г. имперія (тчѣгукъ 帝國) Тѣхан 大韓, въ китайскомъ чтеніи Дахань, въ японскомъ Дайканъ, въ обычномъ же японскомъ употребленіи просто Канкоку 韓國, съ августа 1905 г. находившаяся подъ японскимъ протекторатомъ, нынѣ же послѣ договора между корейскимъ и японскимъ правительствами отъ 22 августа н. ст. 1910, опубликованнаго 29 числа того же мѣсяца, объявленная подъ официальнымъ японскимъ обозначеніемъ Ціосен (Chōsen въ англійской транскрипціи) нераздѣльной частью территоріи японской имперіи подъ верховной властью японскаго императора и въ непосредственномъ подчиненіи японскому генераль-губернатору (Ціосен сѣтоку 朝鮮總督), занимаетъ полуостровъ, выдавшійся на восточномъ краю азіатскаго материка въ юго-восточномъ направленіи между двумя морями — Японскимъ и Желтымъ и обращенный съ третьей стороны къ Корейскому проливу, соединяющему указанныя моря и отдѣляющему самый полуостровъ и географически и политически связанныя съ нимъ группы острововъ отъ сосѣдняго

архипелага изъ болѣе крупныхъ острововъ, входящаго въ составъ японской имперіи, нынѣ подчинившей вышеназванный полуостровъ своей политической власти, какъ ранѣе въ теченіе послѣдней четверти XIX столѣтія своему хозяйственному вліянію. Съ четвертой стороны корейскій полуостровъ примыкаетъ къ той части азіатскаго материка, которая составляетъ почти цѣликомъ территорію Маньчжуріи, т. е. китайской имперіи, и только въ крайнемъ восточномъ углу образуетъ южный выступъ русской территоріи въ лицѣ Посыетскаго участка Никольскъ-Уссурійскаго уѣзда Приморской области.

Подобное географическое положеніе Кореи знаменательнымъ образомъ оказало первостепенное и своеобразное вліяніе на внутреннее строеніе и береговыя очертанія полуострова, на физическія условія, наблюдаемыя въ его предѣлахъ, на исторической ходъ политическаго и культурнаго развитія обитающаго на немъ народа въ связи съ его ролью въ политикѣ сосѣднихъ государствъ того же дальневосточнаго міра, въ новѣйшее же время и европейской державы, занявшей мѣсто въ этой области азіатскаго материка—Россіи.

Взаимодѣйствіе между корейскимъ полуостровомъ и сосѣдними областями на материкѣ и островахъ.

Географически корейскій полуостровъ неразрывно связанъ съ азіатскимъ материкомъ и обладаетъ многими физическими чертами, общими съ прилегающими областями этого послѣдняго; но съ другой стороны самый полуостровъ, вмѣстѣ съ примыкающими къ нему на западѣ и югѣ островами, всегда оказывался въ значительной мѣрѣ подъ тѣми же физическими вліяніями, которыя въ наибольшей яркости проявлялись ранѣе и обнаруживаются понынѣ на главныхъ островахъ центрального японскаго архипелага и лежащихъ къ югу отъ нихъ островахъ, образующихъ южное звено всей обширной цѣпи японскихъ острововъ. Такимъ образомъ физическая картина корейскаго полуострова представляетъ весьма любопытное смѣшеніе материковыхъ и островныхъ чертъ природы сѣвернаго пояса восточно-азіатскаго міра, при чемъ островныя вліянія выражены болѣе отчетливо въ южныхъ частяхъ названнаго

полуострова и на островахъ, примыкающихъ къ нимъ.

Въ *географическомъ* отношеніи корейскій полуостровъ служитъ переходомъ отъ природы приморскихъ областей материка восточной Азіи, какъ она проявляется въ Маньчжуріи и сѣвернѣе лежащемъ Приамурьѣ, къ японской и вообще островной природѣ сѣверной и подтропической области Тихаго океана. Черезъ Корею цѣлый рядъ представителей флоры и фауны сѣверной материковой Азіи проникалъ на японскіе острова, а въ обратномъ направленіи двигались путемъ черезъ ту же Корею представители флоры и фауны островного пояса съ японскихъ и болѣе южныхъ острововъ восточной Азіи. Единственная болѣе значительная преграда для свободнаго сообщенія въ настоящее время между японскимъ архипелагомъ и корейскимъ полуостровомъ—Корейскій проливъ, ранѣе могъ вовсе не существовать въ настоящемъ своемъ видѣ, замѣняясь перешейкомъ твердой земли, но и понынѣ отъ этой болѣе ранней непосредственной сухопутной связи полуострова и главныхъ японскихъ острововъ, представлявшихъ въ ту отдаленную эпоху, по авторитетному мнѣнію, также почти одну сплошную полосу суши, уцѣлѣлъ на этомъ пути рядъ острововъ, изъ нихъ нѣсколько болѣе крупныхъ—острова Готō и Ики на японской сторонѣ, островъ Квельпартъ и острова Цусима по срединѣ пролива и островъ Кōчжѣдо (Каргодо) и множество болѣе мелкихъ острововъ на корейской сторонѣ, въ качествѣ естественныхъ промежуточныхъ опорныхъ пунктовъ въ морскомъ сообщеніи между Японіей и Кореей.

Взаимныя вліянія между корейскимъ и японскимъ физико-географическими мірами нашли себѣ полное отраженіе и соотвѣтствіе и въ отношеніи *этнографическомъ*. Довольно рано могъ быть установленъ европейскими изслѣдователями тотъ фактъ, что корейскій полуостровъ, вмѣстѣ съ промежуточными островами, послужилъ какъ-бы мостомъ, по которому материковый народъ, вѣроятнѣе всего принадлежавшій къ тунгусской вѣтви монгольской расы, перешелъ изъ внутреннихъ областей восточной Азіи на японскіе острова и здѣсь послужилъ однимъ изъ основныхъ элементовъ, вошедшихъ въ племенной составъ позднѣйшаго японскаго народа. Въ обрат-

номъ направленіи, тѣмъ же путемъ, какимъ происходило переселеніе въ Корею представителей южно-островной природы, двигались и этническіе элементы болѣе южной островной расы, сыгравшіе въ дальнѣйшемъ несомнѣнную, хотя и нерѣдко преувеличиваемую, роль въ дѣлѣ выработки той особой племенной группы монгольской расы, которая нынѣ извѣстна подъ именемъ корейскаго народа. Слѣдовательно и въ отношеніи народныхъ переселеній на востокъ Азіи корейскій полуостровъ выполнилъ весьма важную роль одного изъ главныхъ этаповъ этого движенія, явившись необходимымъ соединительнымъ звеномъ въ раселеніи двухъ вѣтвей монгольской расы — сѣверной, или материковой, и южной, или островной, при чемъ задержавшіяся на немъ части переселявшихся народныхъ группъ, поскольку онѣ могутъ быть установлены при наличности скудныхъ научныхъ данныхъ, понынѣ являются живыми свидѣтелями этой прошлой роли полуострова, хотя въ значительной мѣрѣ успѣли слиться въ одно общее цѣлое корейскаго народа.

Всѣ указанныя выше явленія совершались въ періодъ, предшествовавшій исторической памяти народа, котораго они непосредственно касались, почему нельзя нынѣ установить отдѣльныя стадіи этого переселенія или событія сопровождавшія ихъ. Однако, роль посредника между материкомъ и островнымъ міромъ, на этотъ разъ уже въ *культурномъ* отношеніи, преемственно сохраняется Кореей и въ историческую эпоху, такъ какъ путемъ черезъ Корею и при посредствѣ ея населенія совершилось приобщеніе японскаго народа къ материковой (китайской) цивилизаціи, при чемъ корейцы, ранѣе усвоившіе ее, явились въ V—VII стол. по Р. Х. первыми учителями японцевъ въ дѣлѣ передачи тѣмъ отъ китайцевъ высокаго умственнаго достоянія, ремесль, различныхъ отраслей промышленности и искусства, наконецъ, основныхъ принциповъ политической организаціи, воплощенныхъ въ извѣстныя формы государственныхъ и соціальныхъ учрежденій. Эта историческая культурная роль корейцевъ, выполненная ими свѣше десяти столѣтій тому назадъ, нынѣ уступила мѣсто аналогичной роли японцевъ по отношенію къ самимъ корейцамъ въ дѣлѣ на-

сажденія въ Корей культурныхъ успѣховъ, усвоенныхъ японцами изъ европейской цивилизаціи. Словомъ, и въ данномъ отношеніи нынѣ происходитъ на полуостровѣ тотъ же процессъ ассимиляціи чуждыхъ культурныхъ элементовъ, который наблюдался ранѣе на немъ, только въ обратномъ направленіи со стороны его западнаго сосѣда Китая.

Будучи неизмѣнно лишенъ истинной самобытности въ указанныхъ отношеніяхъ и оказываясь подъ переменными вліяніями материка и островного міра, корейскій полуостровъ съ обитающимъ на немъ народомъ не могъ рассчитывать на сохраненіе дѣйствительной независимости и въ *политическомъ* отношеніи, благодаря нахожденію между двумя могущественными сосѣдями, впоследствии соперниками— Китаемъ и Японіей. Съ политической точки зрѣнія, дѣйствительно, нельзя не признать положенія корейскаго полуострова весьма неблагоприятнымъ въ центрѣ скрещенія противоположныхъ политическихъ стремленій Китая и Японіи, при чемъ самъ полуостровъ съ одной стороны представлялъ собою естественный путь для завоевательнаго движенія Китая, какъ материковой державы, изъ занятыхъ ею побережныхъ областей Азіи на японскіе острова и съ другой стороны являлся наиболѣе пригоднымъ мѣстомъ для утвержденія Японіи въ качествѣ островной державы на материкѣ. Подобное въ значительной мѣрѣ безсознательное тяготѣніе Японіи къ сосѣднему материку, подсказанное желаніемъ создать себѣ здѣсь опорную базу для превращенія въ конечномъ результатѣ въ материковую державу, было присуще Японіи еще съ болѣе ранняго времени и въ болѣе сильной степени, чѣмъ обратное стремленіе Китая къ завоеванію прилегающихъ къ материку острововъ, и исторически выражалось то въ регулярныхъ военныхъ экспедиціяхъ японскихъ правителей противъ Кореи и ея сюзерена Китая, то въ разбойничьихъ нападеніяхъ японскихъ пиратовъ на корейскіе и китайскіе берега. Однако, лишь усвоеніе Японіей приемовъ и задачъ европейской колониальной политики въ болѣе недавнее время, наряду съ признаніемъ, что въ Корей найдутъ себѣ выходъ избытокъ населенія въ собственной Японіи и излишекъ произведеній быстро растущей промышленности метро-

полнѣ, съ другой стороны — обладаніе необходимыми для выполненія этого обширнаго плана матеріальными средствами, вмѣстѣ съ усиленіемъ военной мощи, позволили Японіи въ послѣднее десятилѣтіе осуществить съ полнымъ для себя успѣхомъ исконную задачу по отношенію къ корейскому полуострову, тогда какъ во весь долгій предшествующій періодъ времени перевѣсъ въ этой борьбѣ за Корею двухъ противоположныхъ политическихъ вліяній почти неизмѣнно оставался на сторонѣ Китая, давашаго корейскому народу духовную и матеріальную культуру, вмѣстѣ съ извѣстнымъ политическимъ воспитаніемъ, и потому привлекавшаго къ себѣ симпатіи и чувства преданности корейскаго вассала.

Въ новѣйшее время тяготѣніе Японіи къ материку въ Корей встрѣтило себѣ новыя препятствія въ лицѣ европейскихъ державъ, желавшихъ сохранить въ своихъ интересахъ открытый торговый рынокъ на полуостровѣ, и въ особенности Россіи, для которой Корея лежала на прямомъ пути къ конечной цѣли — открытому морю. При этихъ условіяхъ, послѣ устраненія Японіей прежняго опаснаго противника въ Корей — Китая, сдѣлалось неизбѣжнымъ столкновение названной островной державы съ ея новымъ и болѣе серьезнымъ соперникомъ въ лицѣ Россіи, такъ какъ, помимо естественнаго тяготѣнія къ материку, для Японіи являлось вопросомъ жизненной важности со стратегической точки зрѣнія держать всегда открытымъ по собственной волѣ Корейскій проливъ; для таковой цѣли ей было необходимо имѣть по своему сосѣдству на противоположной сторонѣ пролива въ Корей нейтральную, если не дружественную страну, но никакъ не сильную соперничающую европейскую державу, тѣмъ болѣе Россію, которой японскими государственными людьми приписывались, по отношенію какъ разъ къ наиболѣе важнымъ въ интересахъ внѣшней обороны Японіи южнымъ берегамъ Кореи, честолюбивые замыслы въ смыслѣ созданія въ этой части полуострова русской перво-классной морской базы и незамерзающаго порта.

Такимъ-то образомъ въ результатъ естественнаго хода событій, послѣ первыхъ болѣе рѣшительныхъ попытокъ Японіи въ XVI стол., не говоря о болѣе раннихъ, и повторенныхъ

въ 70 и 80 гг. XIX стол. въ новой формѣ, подсказанной принципами европейской колониальной политики, Японія, побѣдивъ Китай въ 1894—5 гг., стала твердой ногою въ Корей къ 1895 г. и, не смотря на огромныя матеріальныя жертвы, другой континентальной державѣ—Россіи, не удалось, какъ и Китаю, вытѣснить ее изъ занятой позиціи, но лишь ускорить назрѣвавшія событія, которыя и отдали въ августѣ 1910 г. корейскій полуостровъ окончательно въ нераздѣльную власть новой островной великой державы на Дальнемъ Востокѣ.

Значеніе Кореи, какъ колониальной области, для Японіи.

Съ присоединеніемъ Кореи къ Японіи, для культурнаго развитія полуострова, несомнѣнно, какъ доказываютъ очевидные результаты всей предшествующей дѣятельности японцевъ въ этой странѣ¹, открылась новая эра, въ которой выгоды новаго политическаго положенія страны выпадутъ и на долю корей-

1) Для общей характеристики тѣхъ перемѣнъ, которыя были внесены въ жизнь корейскаго народа японскою дѣятельностью въ Корей за послѣдніе годы, можно процитировать любопытное мнѣніе извѣстнаго автора сочиненія: «Corea, The Hermit Nation», W. Griffis, помѣтившаго въ газетѣ Seoul Press статью, въ которой восхваляя заслуги японцевъ передъ корейцами (см. Харб. Вѣстн. 8 февр. 1911, № 2059, 1: Что сдѣлали японцы для Кореи). Японцы, говоритъ онъ, принялись прежде всего за просвѣщеніе корейскихъ массъ, открывъ въ самое короткое время нѣсколько десятковъ среднихъ и вышихъ школъ, въ частности коммерческой, технической, земледѣльческой и медицинскій колледжи, съ затратою въ 250,000 енъ; въ 1911 г. предполагено отстроить болѣе 100 новыхъ народныхъ школъ. Японцами организована повсюду въ Корей медицинская помощь (больницы), съ затратою на различныя мѣропріятія по улучшенію санитарныхъ условій въ странѣ 6 милл. енъ; улучшены пути сообщенія: помимо желѣзныхъ дорогъ, устроены дековильныя дороги въ сѣверномъ районѣ и широкія грунтовыя дороги между болѣе крупными торговыми центрами, съ затратою въ 750 тыс. енъ; устроены во многихъ мѣстахъ опытные земледѣльческія поля, организованы курсы по шелководству и хлопководству, приняты самыя широкія мѣры по облѣсенію страны; введены новыя правила по разработкѣ горныхъ богатствъ для поднятія этого промысла на извѣстную высоту, нынѣ добывается въ Корей въ годъ разныхъ минераловъ на сумму до 3 милл. енъ (раньше на сумму 1 милл. енъ); реформирована администрація и судебное вѣдомство; продажа мѣсть и различныя административныя злоупотребленія отошли въ область прошлаго.

Конечно, въ этой блестящей картинѣ, нарисованной американскимъ авторомъ съ несомнѣнными тенденціями въ пользу японцевъ, не указываются нѣкоторыя отрицательныя черты японскаго режима въ Корей, которыя, однако, не умаляютъ дѣйствительныхъ заслугъ японцевъ въ смыслѣ общаго культурнаго подъема страны и отчасти народа. Харбинскій Вѣстникъ въ той же статьѣ (см. выше) подчеркиваетъ въ этомъ отношеніи гнетъ и довольно частый произволъ японскихъ властей, высокомерное и презрительное обращеніе съ корейцами даже простаго японскаго обывателя, не только со стороны офицера и чиновника.

скаго населенія, не только японцевъ, если только удастся сгладить тренія, происходящія въ настоящее время между обѣими народностями и вызванныя вѣковымъ антагонизмомъ между ними. Во всякомъ случаѣ, если даже оставить въ сторонѣ интересы корейскаго народа, съ которымъ никто, не только японцы, которые, какъ ни какъ, ближе стоятъ къ нему, серьезно не считался, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что политическая и экономическая важность Кореи, какъ новой колониальной области Японіи¹, болѣе богатой естественными произведеніями и болѣе развитой въ культурномъ отношеніи, нежели всѣ остальные колоніи (Формоза, Хоккайдō, Сахалинь) этой державы, является весьма значительной въ глазахъ метрополіи. Между тѣмъ понынѣ на этотъ счетъ высказываются въ европейской и русской литературѣ весьма противорѣчивыя сужденія, объясненіемъ и оправданіемъ которыхъ можетъ служить недостаточное знакомство съ дѣйствительными физическими и экономическими условіями, существующими на полуостровѣ. Поэтому вполне уместно воспользоваться недавнимъ переходомъ корейскаго полуострова къ новому политическому режиму для выясненія въ настоящемъ «Очеркѣ» общаго экономическаго состоянія бывшей корейской имперіи, въ связи съ существующими въ ней физическими условіями, въ томъ видѣ, какъ эти физическія и экономическія условія страны опредѣлились къ настоящему времени, отчасти какъ прямой результатъ указаннаго политическаго переворота.

II.

Имя страны. Европейское обозначеніе Кореи, въ первоначальной португальской формѣ *Cogia*, несомнѣнно, происходитъ отъ названія бывшаго корейскаго королевства — Корё 高麗 (въ китайскомъ чтеніи Гаоли, въ японскомъ Кōрай, или Кома) послѣ объединенія полуострова подъ властью дина-

¹) Японія имѣетъ настоятельную нужду въ подобной колонизаціонной области для избытка своего населенія, не находящаго необходимыхъ условій нормальнаго существованія на родинѣ, равно какъ и для пополненія собственныхъ запасовъ народнаго продовольствія. Последнее доказывается уже тѣмъ, что изъ корейскаго вывоза, направляемаго въ Японію и составляющаго 75% отъ всей суммы корейскаго вывоза, около 80% по цѣнности приходится на долю пищевыхъ продуктовъ для людей и животныхъ въ Японіи.

стии Оанъ 王 съ 918 по 1392 г. Это прежнее названіе страны — Гаоли удержалось у китайцевъ много позже того, какъ съ воцареніемъ съ 1392 г. новой династіи И 李 официальное обозначеніе корейскаго государства было измѣнено въ Чіосѣн 朝鮮, въ китайскомъ чтеніи Чаосянъ, въ японскомъ Ціосен, каковое обозначеніе было заимствовано отъ тождественнаго названія древнѣйшаго государства (вплоть до 37 г. до Р. Х.) на корейскомъ полуостровѣ, основаннаго китайскими выходцами и имѣвшаго центръ тяжести на территоріи не собственной Кореи въ позднѣйшемъ территориальномъ объемѣ этого термина, но сосѣдней Маньчжуріи съ присоединеніемъ, однако, области сѣверной Кореи вплоть до р. Тядонганъ. Во всякомъ случаѣ названіе Чіосѣн въ эту раннюю эпоху историческаго существованія «корейскаго» королевства могло примѣняться лишь къ сѣвернымъ частямъ позднѣйшаго корейскаго государства, на которыя распространялась власть первой китайско-корейской династіи, тогда какъ южныя части корейскаго полуострова въ болѣе раннюю эпоху назывались китайскими авторами коллективно Саньхан 三韓, по корейски Самхан, по японски Санкан, по имени трехъ отдѣльныхъ болѣе крупныхъ владѣній въ этой половинѣ страны Чинхан 辰韓 (по китайски Чэньханъ, по японски Синкан), Пёнхан 弁韓 (по китайски Бяньханъ, по японски Бенкан) и Махан 馬韓 (по китайски Маханъ, по японски Бакан).

Вышеупомянутое древнее королевство Чіосѣн смѣнилось съ 37 г. до Р. Х. по 668 г. по Р. Х. почти въ тѣхъ же границахъ, впоследствии же только на территоріи собственной Кореи, королевствомъ Когурё 高句麗 (Гаогюйли по китайски и Кōкōрей по японски), тогда какъ въ южной Корее возникли два болѣе крупныхъ владѣнія, королевства Пакчѣ 百濟 (въ китайскомъ чтеніи Боцзи, въ японскомъ — Кудара) и Силла 新羅 (въ китайскомъ чтеніи Синьло, въ японскомъ — Сираги). Существованіе въ періодъ съ I вѣка до Р. Х. до VII столѣтія по Р. Х. этихъ трехъ королевствъ, на которыя дѣлилась тогдашняя Корея, дало поводъ китайцамъ называть весь полуостровъ Саньго 三國 т. е. три государства, каковое названіе было усвоено самими корейцами въ корейскомъ произно-

шеніи Самгук (яп. Санкоку).

Независимо отъ прочихъ наименованій, связанныхъ съ обозначеніями отдѣльныхъ владѣній, или официальныхъ названій всего государства, китайцы съ давняго времени называли Корею Дунъго 東國, т. е. Восточное государство, или просто Восточная страна, въ корейскомъ произношеніи Тонъгук (по японски Тѳококу). Этимъ названіемъ указывалось географическое положеніе Кореи по отношенію къ Китаю, подобно тому какъ Японія, какъ страна, лежащая еще далѣе къ востоку отъ Китая, была названа китайцами Жибэньго 日本國, т. е. страна, гдѣ восходитъ солнце, по японски Ниппонкоку или Нихонкоку, каковое имя понынѣ удержано японцами въ качествѣ официального обозначенія страны.

Перечисленными названіями исчерпывались до 1897 г. главнѣйшія наименованія Кореи среди самихъ обитателей или у сосѣднихъ китайцевъ. Послѣ 1897 г. съ провозглашеніемъ Кореи независимымъ государствомъ и съ принятіемъ его королемъ титула императора, официальнымъ обозначеніемъ страны сдѣлалось Тахан 大韓, т. е. Великій Хан (послѣднее имя взято изъ старинныхъ названій трехъ владѣній южной Кореи, какъ національныхъ въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. не китайскихъ, съ прибавленіемъ та, или великій въ отличіе отъ нихъ и въ подражаніе китайскому Дацинъго, т. е. Великому Цинскому государству или японскому Дайниппонкоку — Великому государству Ниппонъ).

Присоединеніе Кореи къ Японіи вызвало въ послѣдній разъ перемѣну официального обозначенія полуострова, на этотъ разъ въ Ціосен въ японскомъ чтеніи (кор. Чіосѣн), съ которымъ не могло связываться никакого представленія о величій или независимости страны, такъ какъ подъ именемъ Ціосѣн Корея съ XIV по XIX стол. являлась преданнымъ вассаломъ Китая и легкой жертвою честолюбивыхъ стремленій Японіи.

Сосѣдніе съ корейцами маньчжуры называли, да и называютъ корейцевъ, помимо официальныхъ китайскихъ наименованій ихъ государства, солхо или гаоли по китайски. Точно также монголы, въ частности восточные, прилагаютъ сходныя имена

къ корейцамъ. Такъ, А. Д. Рудневъ отмѣчаетъ, что Гүііі, Гōіі (Гаоли) есть обозначеніе Кореи у монголовъ Джасту или Гүіі у Дурбуть-Бэйсэ или Солоңо, солоб, солбо у Джасту, которые этимъ же именемъ называютъ и всю захинганскую восточную (т. е. смежную съ Маньчжуріей) Монголію, считая ее за бывшую солонгоскую (корейскую?) территорію¹. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ, возможно, лишь смѣшеніе по созвучію имени корейцевъ (Солоңо) и солоновъ, народа отличнаго, хотя въ извѣстномъ смыслѣ родственнаго происхожденія, обитающаго понынѣ въ сопредѣльныхъ съ Монголіей частяхъ сѣверной Маньчжуріи.

Географическое положеніе. Крайнія географическія точки Кореи, на основаніи англійскихъ и русскихъ морскихъ картъ, указываются «Описаніемъ Кореи» на сѣверѣ подь $43^{\circ}2'$ с. ш. на поворотѣ р. Туманганъ, близъ впаденія въ эту рѣку р. Хуньчунхэ подь 130° в. д. отъ Гринвича (Канкоку-синцири, стр. 2, указываетъ крайнюю сѣверную точку корейской территоріи подь той же широтою близъ Ёнъдаль 永達², недалеко отъ впаденія въ р. Туманганъ лѣваго притока Гаяхэ 嘎牙河); на югѣ—подь $34^{\circ}20'$ с. ш. (какъ говоритъ Канкоку-синцири, у мыса Таллынъкот 達陵角 на Ю.-З. отъ острова Оандо и на югѣ отъ города Ханам 海南, по японскому чтенію Кайнан) на материкѣ и подь $33^{\circ}7'$ с. ш. на островѣ Giffard на югѣ отъ острова Квельпартъ; на востокѣ—подь $130^{\circ}40'$ на материкѣ и подь $130^{\circ}54'$ на островѣ Даже-летъ (какъ его обозначаютъ на европейскихъ картахъ), или Уллынъдо по корейски 鬱陵島, по японскому чтенію Уцүріотō или по чисто японскому названію Мацусима 松島, т. е. сосновый островъ) и на западѣ—подь $127^{\circ}34'$ в. д. (устье рѣки Амнокканъ 鴨綠江, яп. Оріоккō).

Карта Кореи, принятая бывшимъ бюро корейской обсерваторіи (коанчхыксо 觀測所), помѣщаетъ крайнюю южную точку бывшей корейской имперіи подь $33^{\circ}12'$ и крайнюю западную подь подь $124^{\circ}18'$ ³. Наконецъ, Канкоку-цуран⁴, принимаетъ за

¹) Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи, 79 и 121.

²) На картѣ приложенной къ «Описанію Кореи»—Іонъ-даль.

³) Second annual report on reforms and progress in Korea, стр. 6—7.

⁴) Стр. 32.

крайнія точки корейской территоріи: на сѣверѣ—островъ Нокто 鹿島 въ устьѣ рѣки Туманганъ подь $42^{\circ}25'$ с. ш., на югѣ—Мосурпхо 毛毳浦 на островѣ Квельпартъ подь $33^{\circ}15'$ с. ш., на западѣ—подь $124^{\circ}30'$ Обецуки 小乳蘘角, или Чяньсангот 長山串, западную оконечность полуострова Хоаньхэдо, на востокѣ—подь $130^{\circ}35'$ устье р. Тумангана.

Границы. Почти на всемъ протяженіи границы Кореи являются въ настоящее время естественными линіями, почему, казалось бы, не должны бы были вызывать сомнѣнія и споры; на дѣлѣ же это далеко не такъ благодаря случайнымъ политическимъ обстоятельствамъ. Только съ одной стороны граница Кореи оказывается сухопутной, а съ трехъ остальныхъ—морской, переходя къ тому же во многихъ мѣстахъ съ материка на острова. Въ отношеніи нѣкоторыхъ морскихъ острововъ возникалъ споръ между Японіей и Кореей, напримѣръ, въ отношеніи Уллындодо (Мацусима), при чемъ онъ разрѣшился въ пользу Кореи; напротивъ, островъ Хакасима (Фага), лежащій уединенно въ Японскомъ морѣ и причисляемый нынѣ къ группѣ острововъ Оки, былъ удержанъ Японіей.

Сухопутная граница Кореи прилегаетъ къ двумъ государствамъ, являясь на первомъ короткомъ участкѣ, если принять за исходный пунктъ ея восточное окончаніе, всего длиною въ 15 верстъ, смежной съ территоріей Россіи, на всемъ же остальномъ протяженіи съ китайской Маньчжуріей въ лицѣ ея двухъ провинцій—Гириньской и Шэньцзинь'ской (Мукденьской).

Граница съ *Россіей* начинается отъ устья р. Туманганъ, проходя серединой русла этой рѣки, при чемъ въ отношеніи принадлежности той, или другой сторонѣ нѣкоторыхъ острововъ, лежащихъ на этой рѣкѣ, можетъ быть возбужденъ споръ, вслѣдствіе частаго измѣненія рѣкою русла въ ея нижнемъ теченіи¹, и продолжается до перваго пограничнаго столба подь литерою Т, которымъ начинается граница между Китаемъ и Россіей.

¹) Газета «Пріамурье» въ № 1225 (въ октябрѣ 1910 г.) уже сообщила о самовольныхъ дѣйствіяхъ японцевъ (вѣроятно лишь частныхъ лицъ) по отношенію къ островамъ въ нижнемъ теченіи р. Тумангана, выразившихся въ захватѣ одного острова, расположеннаго между двумя устьями рѣки и недавно составлявшаго

Отъ названнаго пограничнаго столба идетъ граница Кореи съ Китаемъ, слѣдую по р. Туманганъ, которая официально получила значеніе пограничной политической линіи только съ 1712 г., когда уполномоченные Китая и Кореи (со стороны Китая это былъ уласкій завѣдующій Му Кэ-дэнъ, со стороны Кореи трое уполномоченныхъ) съѣхались на горѣ Пактусан и рѣшили считать границею между Кореей и Китаемъ р.р. Ялуцзянь (Амнокканъ) и Туманганъ, истоки коихъ ими были найдены на самой горѣ, а между ними на водораздѣлѣ поставить пограничный столбъ, сохранившійся по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ понынѣ у Пактусан¹; на немъ были якобы изображены два іероглифа ту-мынь 土門, т. е., по буквальному переводу, «врата земли» или только «земляныя ворота»².

Отсюда, по китайскому толкованію, произошло и самое названіе рѣки Тумыньцзянь (по корейски Туманганъ). Однако,

еще естественное продолженіе русской территоріи, при чемъ японскими неводами вылавливалась изъ обоихъ устьевъ вся рыба, идущая съ моря, а въ русскіе невода, поставленные выше, попадалась только мелкая рыба. Дѣло дошло до арестованія японскаго невода русскими стражниками.

На сосѣднемъ морѣ японскіе промышленники также не считаются, по словамъ той же газеты, ни съ границей територіальныхъ водъ, ни съ русскими промысловыми законами и самымъ хищническимъ образомъ вылавливаютъ у русскихъ береговъ трепанговъ.

Какъ ни относится къ подобнымъ газетнымъ замѣткамъ, не получившимъ официального подтвержденія, но во всякомъ случаѣ самое возникновеніе ихъ доказываетъ необходимость особаго соглашенія между русскимъ и японскимъ правительствомъ насчетъ пограничной линіи въ нижнемъ участкѣ и устьѣ р. Туманганъ.

Объ усиленной японской предприимчивости въ нижней долинь Тумангана говоритъ и газета «Дальній Востокъ» въ номерѣ отъ 30 дек. 1910 г.

¹) Стрѣльбицкій также указывалъ въ близкомъ разстояніи отъ горы Пактусан одинъ пограничный столбъ. Вѣроятно это тотъ самый столбъ, который показанъ на корейской рукописной картѣ 1860 г. на перевалѣ Пунсоёнгъ; къ западу отсюда граница не показана, а къ юго-востоку она спускается съ перевала къ истоку Тумангана и обозначена сперва въ видѣ пограничнаго завала, потомъ изгороди (граница 1712 г.). Нынѣ заваль и изгородь исчезли и самое названіе перевала не существуетъ (Баронъ Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣверной Кореи, 39—40).

²) Въ связи съ этимъ выраженіемъ: «ту-мынь» слѣдуетъ привести любопытную выдержку изъ всеподданнѣйшаго доклада Цзунъ-ли-я-мынь отъ 16 года правленія Гуанъ-суй (1890 г.), гдѣ говорится, что корейское правительство, желая доказать, что р. Тумыньцзянь китайцевъ не является пограничною рѣкою, но что таковой является р. Хайланъхэ (Доуманъцзянь) «пристегнуло смыслъ этого слова тумынь (земляныя ворота) къ похожему на ворота земляному бугру, находящемуся въ Хуанъхуасунъгоуцзы, гдѣ беретъ начало Сунъхуацзянь (р. Сунгари)». См. Рудаковъ, Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гириньской провинціи, т. I, стр. 113.

китайцы обычно употребляют для написанія названія этой рѣки іероглифы 圖們, произносимые также ту-мынь, корейцы же изображаютъ названіе рѣки совершенно другими іероглифами, имѣющими, однако, по корейски сходное чтеніе Туман 豆滿 (въ китайскомъ чтеніи Доумань), почему должно думать, что названіе рѣки вышло изъ туземныхъ языковъ Маньчжуріи и китайцы лишь пытались объяснить его смыслъ на собственный ладъ путемъ употребленія подходящихъ по звуку іероглифовъ, тогда какъ корейцы передавали въ своемъ написаніи только звуки названія независимо отъ его смысла. Дѣйствительно, маньчжурцы называютъ эту рѣку Туман'ула, что значитъ «рѣка 10,000 (ручьевъ)», т. е. образованная изъ множества истоковъ.

До разграниченія 1712 г. граница Кореи къ востоку отъ Пяктусан охватывала первоначально съ сѣвера эту гору, проходила сѣвернѣе же нынѣшняго Наньганскаго района (долины р. Хайланьхэ) по водораздѣлу ея съ р. Болохэтуньхэ и выходила къ Тумангану близъ устья этого притока; затѣмъ Наньганскій район¹ былъ, повидимому, очищенъ добровольно корейцами и въ 1709 г. представлялъ уже дикую и ненаселенную страну². Въ 1712 г. одновременно съ разграниченіемъ вся мѣстность къ сѣверу отъ Тумангана, включая и гору Пяктусан, была обращена въ нейтральную³; самое существованіе этой нейтральной полосы сдѣлало съ теченіемъ времени границу между Китаемъ и Кореей на этомъ участкѣ весьма неопредѣленной, тѣмъ болѣе что поставленные знаки, если таковые были, разрушились и никакой охраны границы со стороны Китая не производилось. Поэтому въ новѣйшее время корейскіе выходцы стали переходить черезъ р. Туманганъ въ сосѣднюю нейтральную полосу, не встрѣчая себѣ никакихъ препятствій со стороны китайскихъ властей, каковыхъ въ этомъ районѣ до 1887 г. вовсе не было, а само корейское правительство стало взирать на эту пограничную мѣстность, какъ на искони принадлежавшую корейской территоріи, тѣмъ болѣе что, при разграниченіи 1712 г., не было установлено, какая изъ рѣкъ, стекающихъ съ Пяктусан на востокъ и юго-востокъ и принадлежащихъ одинаково бассейну р. Туманганъ, должна являться главной и служить условленной границею. Поэтому корейцы считали р. Хайланьхэ 海蘭河

1) Имя Наньганъ прилагается въ широкомъ значеніи слова къ цѣлой области въ юго-восточной части Гириньской провинціи между верхнимъ теченіемъ рѣкъ Сунгари, Туманганъ и Муданьцзянь по горной системѣ хребтовъ Чаньбошанъ и Лаофлинъ съ главнымъ городомъ Хуньчунъ.

2) Въ этомъ смыслѣ высказывается и Цзяньдаовэньти (объ этомъ сочиненіи см. ниже), упомянувъ передъ тѣмъ, что коренное (маньчжурское) населеніе этого района ушло отсюда въ эпоху завоеванія маньчжурами Китая. Въ дальнѣйшемъ маньчжурское правительство запрещало иммиграцію въ эту область и этимъ какъ бы позволило корейскому правительству утвердиться на время въ ней.

3) Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣв. Кореи, 182.

(Хярамганъ или Туманганъ 豆滿江) главной рѣкою, называя ее пограничной—Пунгѣганъ 分界江, а Тумыньцзянь китайцевъ 圖們江¹ лишь ее притокомъ; китайцы же, ссылаясь на различное начертаніе іероглифовъ, считали главной и пограничной рѣкою р. Тумынь-цзянь, протекающую мимо городовъ Мусан и Хойрѣнь. Благодаря этому различному толкованію границы, мѣстность, заключенная между линіями, по которымъ проводили соответственно границу корейское и китайское правительства, оказалась спорной въ отношеніи принадлежности ей той или другой сторонѣ, при чемъ будучи почти со всѣхъ сторонъ (только съ запада ее замыкалъ горный узелъ Пяктусан) окружена рѣками (верхнимъ теченіемъ р. Туманганъ, какъ его указываютъ европейскіе географы, нижнимъ теченіемъ р. Болохэтунъхэ и далѣе рѣкою Хайланъхэ, или Сѣланъ) получила весьма подходящее китайское обозначеніе: Цзяньдао, т. е. островъ между (рѣками), или просто рѣчной островъ 間島, по корейскому чтенію іероглифовъ Кандо, по японскому Кантō. По своему положенію Цзяньдао составлялъ часть болѣе обширной области Нанъганъ, съ которой иногда смѣшивался. Съ другой стороны японцы на своихъ картахъ стали въ послѣдствіе проводить различіе между этой областью Цзяньдао, называемый ими «Восточной», и сосѣдней, мѣстностью по другую сторону Пяктусан, занимающей аналогичное положеніе внутри петли глубокаго изгиба Амноккана, къ которой стали прилагать имя Западнаго Цзяньдао.

Въ новѣйшее время китайско-корейскій споръ о томъ, по какой рѣкѣ проводить границу въ этомъ участкѣ пограничной полосы, приобрѣлъ реальное значеніе лишь съ того времени, какъ въ 70 г.г. была уничтожена 70-верстная нейтральная полоса между Кореей и Китаемъ и область, извѣстная подъ именемъ Цзяньдао, стала усиленно заселяться выходцами съ обѣихъ сторонъ въ особенности же корейцами. Первое появленіе корейскихъ поселенцевъ на территоріи Цзяньдао Сунъ Лянь 宋鍊 въ первой главѣ своего труда «Цзяньдао вэньти» 間島問題 (составленномъ въ 1908 г.)² объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Послѣ уступки Китаемъ Россіи Уссурийскаго края, русское правительство разрѣшило корейцамъ поселиться на лѣвомъ берегу р. Туманганъ; отсюда корейскіе переселенцы въ поискахъ новыхъ мѣстъ перешли въ нынѣшній Хуньчуньскій округъ и, наконецъ, черезъ р. Хайланъхэ проникли въ Цзяньдао, гдѣ и устроились захватнымъ образомъ на прочное жительство. До

1) Эта та самая рѣка, которую европейскіе географы считаютъ совершенно правильно главнымъ истокомъ рѣки Туманганъ и обозначаютъ въ качествѣ таковой, слѣдуя въ данномъ случаѣ примѣру китайцевъ.

2) Этотъ трудъ [рукопись] былъ доставленъ мнѣ слушателемъ Восточнаго Института поручикомъ Акимовымъ, воспользовавшимся первой главою его, заключающей историческое изложеніе Цзяньдаоскаго вопроса, для предисловія къ своей отчетной работѣ: «Значеніе округа Яньцзинъ», переводъ сочиненія Яньцзинъ-линъту-вэньти-чжи-цзѣцзюэ 延吉廳領土問題之解決, составленнаго въ 1909 г. Куанъ Си-минемъ.

1881 г. (7-го года правленія Гуанъсюй) китайскія власти совершенно не подозрѣвали объ этомъ и только въ этомъ году, когда гириньскій цзяньцзюнь Минъ Анъ 銘安 отправилъ областного начальника Ли Цзинь-юнъ для завѣдыванія Хунъчуньскими новями, этотъ послѣдній обнаружилъ, что на югъ отъ р. Гаяхэ корейцами уже занята пашнями площадь не менѣе 8,000 шанъ (величина одного шана 晌 значительно колеблется по мѣстности, будучи равна въ Яньцзитинъ приблизительно отъ 3600 до 7200 кв. бу 步 (шаговъ)). Документы на пользование этой землею выдавались въ то время властями корейской провинціи Хамгёндо, такъ что вся эта мѣстность, называвшаяся у корейцевъ Кэньту 墾土 новья пахотныя земли или Цзяньдао, считалась какъ бы принадлежащей Корей. По полученіи донесенія Ли Цзиньюна, Минъ Анъ вмѣстѣ съ главнозавѣдующимъ пограничной обороною У Да-чжэнъ 吳大澂 представили всеподданнѣйшій докладъ о занесеніи корейцевъ, проживающихъ въ означенной мѣстности, въ списки Хунъчуньскаго и Дунъхуасяньскаго вѣдомствъ, т. е. о зачисленіи ихъ въ китайское подданство. Однако, корейскій король донесъ сюзерену, что онъ желаетъ отозвать своихъ подданныхъ обратно. Соотвѣтственно этому Минъ Анъ предложилъ начальнику корейскаго округа Юкчин 六鎮 въ теченіе годичнаго срока вывести корейцевъ съ китайской земли. Между тѣмъ сами корейцы были вполне довольны новыми привольными мѣстами и не желали покидать ихъ, поэтому они, получивъ приказъ китайскаго начальника уѣзда Дунъхуасянь о выѣздѣ, подали жалобу¹ начальнику корейской области Чюсенъпу, въ которой утверждали, что Цзяньдао не является китайской территоріей. Областной начальникъ, согласившись съ жалобщиками, просилъ начальника уѣзда Дунъхуасянь разобрать вопросъ о китайско-корейской границѣ въ названной мѣстности. Такимъ образомъ впервые возникъ этотъ вопросъ.

Споръ о границѣ уже въ 1885 и 1887 г. заставилъ китайское и корейское правительство выслать уполномоченныхъ для установленія окончательной границы, при чемъ китайскіе и корейскіе чиновники дважды осмотрѣли указанный пограничный столбъ на водораздѣлѣ и мѣстность истоковъ рр. Амнокканъ и Туманганъ и согласились, что рѣка Туманганъ 豆滿江 является границею; единственное разногласіе касалось вопроса, который изъ истоковъ этой рѣки считать главнымъ — корейскіе уполномоченные отдавали предпочтеніе Хунътушуй 紅土水, тогда какъ китайцы настаивали на Шикуйшуй 石塊水 (Шипшуй?). Однако, это разногласіе не имѣло отношенія къ дальнѣйшему (на востокъ отъ города Мусан) главному теченію рѣки, которое было единогласно признано настоящей границею, такъ что Цзяньдао, на сѣверъ отъ него, несомнѣнно, оказывалось китайской территоріей. Дѣйствительно, въ

¹) Цзяньдао вѣзти указываетъ, что жалобщиками являлись корейскій простолюдинъ Анъ-ту-чунъ-цянъ (въ кор. чтеніи Ан-до-чхюнь-чхён) съ другими корейцами — уроженцами уѣздовъ Чюньсёнъ, Онсёнъ, Хойрёнь и Мусан.

1888 г. были установлены пограничные столбы числом 10 вдоль верхняго и средняго теченія указанной рѣки¹, и такимъ образомъ Цзяньдаоскій вопросъ могъ считаться окончательно разрѣшеннымъ.

Само корейское правительство доказало въ то время свое согласіе со взглядомъ китайскаго правительства въ вопросѣ о границѣ по р. Туманганъ тѣмъ, что уже въ 90 г.г. на картѣ, изданной имъ, спорная граница была проведена цѣликомъ по р. Туманганъ, что подтвердилъ и Стрѣльбицкій, установивъ присутствіе на самомъ берегу названной рѣки внутри спорной территоріи цѣпи китайскихъ пограничныхъ карауловъ, равно какъ и то, что китайское правительство приняло незадолго передъ тѣмъ мѣры къ подчиненію своей власти мѣстнаго корейскаго населенія. Напротивъ, японская карта Кореи 1894—5 г.г., а также Лубенцовъ продолжали проводить на этомъ участкѣ границу Кореи по названной рѣкѣ только на протяженіи 180 верстъ вверхъ по теченію отъ указаннаго пограничнаго между Китаемъ и Россіей столба до города Хойнёнъ (въ разговорѣ Хойрёнъ) 會寧, а отсюда, отступивъ отъ рѣки къ сѣверу, вели границу по хребтамъ Хэйшанъ и Чанъбошанъ къ горѣ Пяктусан. На русской сороковерстной картѣ граница ранѣе показывалась отходящей отъ р. Туманганъ даже значительно сѣвернѣе г. Чюньсэна.

Во всякомъ случаѣ, по праву сильнѣйшаго, при томъ же сюзерена по отношенію къ вассалу, китайское правительство принимаетъ послѣ середины 80 гг. XIX столѣтія мѣры къ фактическому установленію своей власти въ бывшей спорной области. Въ 1887 г., гириньскій цзяньцзюнь Чанъшунъ 長順 издалъ приказъ, подчинявшій корейцевъ въ Цзяньдао китайскимъ законамъ², при чемъ исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе въ Цзюйцзыцзѣ 局子街 управленія каньцзюй 墾務局 для измѣренія пахотной земли, занятой въ мѣстности Цзяньдао корейцами³, и обложенія ея податью, при чемъ корейцы, не пожелавшіе вернуться на родину, должны были быть зачи-

¹) На имѣющемся въ нашемъ распоряженіи экземплярѣ новѣйшей китайской печатной карты района Цзяньдао вдоль верхняго теченія р. Туманганъ нанесены отъ руки на правомъ и лѣвомъ берегу ея 10 пограничныхъ столбовъ (вѣроятно, какъ они были поставлены въ 1888 г.), тогда какъ одиннадцатый, самый крупный, помѣщенъ на горѣ Пяктусан. На картѣ, приложенной къ рукописному изданію: Цзянь-дао-вэнь-ти, кромѣ этихъ столбовъ, указанныхъ въ меньшемъ числѣ, обозначена, опять таки вдоль верхняго истока Тумангана, линія пограничнаго завала (каменнаго и землянаго), затѣмъ изгороди, устроенныхъ въ 1712 г.

²) До 1886 г. область Цзяньдао, какъ говоритъ отчетъ китайской морской таможни относительно Цзяньдао за 1910 г., осталась ненаселенной, но съ этого года китайскіе чиновники стали поощрять (китайскую?) иммиграцію въ ея предѣлы. Въ 1887 г. въ главный населенный пунктъ области—Цзюйцзыцзѣ, былъ присланъ мелкій китайскій чиновникъ.

³) Въ 1887 г. корейцевъ, перешедшихъ изъ области Мусанъ внутрь Цзяньдао, насчитывалось круглымъ числомъ нѣсколько тысячъ семей, занявшихъ приблизительно нѣсколько десятковъ тысячъ шановъ земли. См. Рудаковъ, Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гириньской провинціи, I, стр. 114 (изъ всеподданѣйшаго доклада Цзунъ-ли-я-мынь отъ 1890 г., содержащаго резюме всей предшествовавшей переписки касательно «корейскаго вопроса» въ Гириньской провинціи).

слены въ китайское подданство¹; вмѣстѣ съ тѣмъ корейскому правительству было предложено прекратить выселеніе корейцевъ въ названную мѣстность. Благодаря этимъ мѣрамъ съ этого времени многие корейцы въ Цзяньдао стали носить китайскую одежду и косу. Несмотря, однако, на означенное запрещеніе, переселеніе корейцевъ въ Цзяньдао не остановилось, скорѣе даже усилилось, вслѣдствіе неурожая въ корейской провинціи Хамгёндо, который побуждалъ мѣстныхъ жителей искать пропитаніе въ хлѣбородной и привольной области Цзяньдао. Эти новые переселенцы, переходившіе черезъ р. Туманганъ тайкомъ отъ китайскихъ властей около города Мусан, гдѣ рѣка мелководна и доступна въ бродъ, дѣлились на три разряда: одни переправлялись черезъ рѣку утромъ, работали днемъ на своихъ поляхъ на противоположномъ китайскомъ берегу и вечеромъ возвращались въ свои дома на корейской сторонѣ; вторые нанимались въ мѣстности Цзяньдао работать на китайцевъ; третьи переселялись на китайскую территорію на постоянное жительство. Число корейцевъ съ каждымъ днемъ увеличивалось и китайцы уже не были въ состояніи поддержать въ силѣ запрещеніе ихъ вѣзда, но старались лишь укрѣпить свою власть въ этой мѣстности Маньчжуріи; съ этой же цѣлью въ 1902 г. гириньскимъ цзяньцзюнемъ былъ учрежденъ новый административный округъ Яньцзинь, включавшій въ свои предѣлы также всю спорную область.

Выселившіеся на китайскую территорію корейцы заняли къ 1900—1901 г.г. сплошь китайскій берегъ Тумангана, мѣстами охватывая своими селеніями полосу до 100 верстъ шириною, при чемъ въ Наньганскомъ районѣ Хуньчуньскаго фудутунства ихъ считалось до 30 тыс., а въ долинѣ р. Хуньчуньхэ и въ Савеловскомъ районѣ до 20 тыс. человекъ. Китайцы имѣлись лишь около г. Хуньчунь, въ д. Шивандзы (противъ д. Хурюнчин на корейскомъ берегу 訓戎鎮) ниже г. Онсёнъ и въ небольшомъ числѣ противъ г. Онсёнъ². Всюду число корейцевъ превосходило число китайцевъ, мѣстами болѣе, чѣмъ въ три раза. Это соотношеніе между двумя народностями удержалось по отношенію къ области Цзяньдао и въ позднѣйшее время; такъ, по подсчету, произведенному въ 1909 г. японскимъ жандармскимъ управленіемъ въ Цзяньдао, численность корейскаго населенія области достигала 82,999 душъ и китайскаго — 27,371.

Вслѣдствіе того, что китайцы въ Цзяньдао позволяли себѣ, по праву сильныхъ, различныя обманныя дѣйствія по отношенію къ мѣстнымъ корейцамъ, то послѣдніе стали отказываться отъ подчиненія китайской администраціи и въ свое оправданіе ссылались на то, что

¹) Означенныя мѣры были высочайше разрѣшены къ введенію въ дѣйствіе въ видѣ опыта по докладѣ о томъ Цзунъ-ли-я-мыня въ 1889 г. (Рудаковъ, Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гириньской провинціи, I, 116).

²) Баронъ Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣверной Кореи, 59.

область Цзяньдао собственно принадлежит Корее. Сторону этих корейцевъ приняли и корейскія власти въ провинціи Сѣверной Хамгёндо (въ 1898 г. начальникъ уѣзда Кёнбуён, ѣздившій осматривать пограничный столбъ на горѣ Пяктусан, представилъ докладъ, что р. Туманганъ не является границею) и ранѣе улаженный споръ о Цзяньдао снова возгорѣлся, вопреки прежнему признанію Кореей китайскихъ правъ на него. Мало того, корейское правительство пыталось воспользоваться событіями 1900—1901 г. въ Китаѣ (боксерскимъ возстаніемъ), чтобы фактически утвердиться въ Цзяньдао. Съ этой цѣлью въ 1901 г. послѣ занятія русскими войсками города Хуньчунь¹, были командированы корейскіе чиновники для принятія въ свое управленіе зарубежных соплеменниковъ² въ названной пограничной области; въ числѣ ихъ былъ нѣкій И Пам-ун 李範允. Въ 1903 г., по требованію китайскаго правительства, корейское правительство согласилось отозвать И Пам-ун. Однако, послѣдній рѣшилъ на собственный страхъ отнять силу у китайцевъ Цзяньдао, для чего сдѣлалъ попытку захватить съ корейскими солдатами китайскій городъ Янъцзыганъ на берегу р. Болохэтуньхэ (Бурхатунъхэ), но потерпѣлъ пораженіе, и китайское положеніе въ Цзяньдао снова окрѣпло.

Въ новѣйшее время, съ установленіемъ японскаго вліянія, затѣмъ протектората надъ Кореей, вопросъ о правѣ владѣнія Цзяньдао былъ снова поднятъ Японіей, которая отъ имени корейскаго правительства заявила притязанія на эту область, повторяя прежніе корейскіе доводы, что граница идетъ отъ г. Пяктусан къ истокамъ рѣки Хайланъхэ, по этой рѣкѣ до впаденія въ р. Болохэтуньхэ и, наконецъ, по этой послѣдней до сліянія съ р. Туманганъ³.

Русско-японская война отложила на два года повтореніе попытокъ корейскаго правительства утвердиться въ Цзяньдао. Во время этой войны много изъ корейцевъ, проживавшихъ въ Цзяньдао, вернулось въ Корею, послѣ же окончанія ея водворилось снова въ Цзяньдао, но уже одѣтые по корейски и съ корейскими привычками⁴. Съ начала

¹) Цзяньдао вѣзти въ первой главѣ указываетъ, что русское правительство въ лицѣ своего посланника въ Кореѣ Вебера было готово оказать въ этомъ дѣлѣ поддержку корейскому правительству и что былъ уже составленъ въ 1902 г. проектъ особаго соглашенія между обоими правительствами, устанавливавшаго совмѣстное управленіе ими областью Цзяньдао.

²) Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ Сѣв. Кореи, 183.

³) Въ подтверженіе корейскихъ правъ на Цзяньдао японцами приводилось еще то оригинальное соображеніе, высказанное въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ Кейдзіо Ниппо генераломъ Хасегава, командующимъ японскими войсками въ Кореѣ, объѣхавшимъ въ сентябрѣ 1906 г. сѣверныя границы полуострова, что «разъ морской берегъ принадлежитъ Корее, то само собою ей принадлежитъ и вся область до водораздѣльныхъ хребтовъ Чанъбошанъ и Лаофлинъ, иначе трудно объяснить, почему Китай, если онъ давно владѣлъ областью Цзяньдао, не продвинулся оттуда до моря». Кроме того японцы указывали на то, что по р. Хайланъхэ имѣются пограничные столбы, и увѣряли, что въ 1881 г. гириньскій цзяньцзюнь издалъ актъ, переуступавшій Корее права на Цзяньдао.

⁴) Japan W. Chron. 14 oct. 1909, 695.

1906 г. начались усиленные командировки японских специалистов для выяснения богатств и местных условий области Цзяньдао; осенью того же года его посетил упомянутый генералъ Хасегава, а съ начала 1907 г. начинают кампанію насчетъ Цзяньдао и японскія газеты, подчеркивавшія богатство этой области земледѣльческими (Наньганская пшеница славится въ Маньчжуріи) и горными (золотомъ) произведеніями и стратегическую ея важность, въ качествѣ базы противъ будущихъ попытокъ Россіи вернуть утраченное положеніе на Д. Востокѣ (Кейдзіо Симпō).

18 ноября 1906 г. корейское правительство обращается съ просьбою къ японскому генеральному резиденту отправить японскій отрядъ въ Цзяньдао для охраны жизни и собственности местныхъ корейцевъ, которые уже давно жаловались на притѣсненія со стороны хунхузовъ, отъ которыхъ ихъ не защищали местные китайскія власти. Предварительно японское правительство рѣшило снестись съ китайскимъ правительствомъ и въ августѣ 1907 г. предложило послѣднему разрѣшить окончательно вопросъ о правѣ владѣнія Цзяньдао, но ввиду категорическаго отказа китайскаго вай-у-бу вести переговоры по этому вопросу, командировало въ сентябрѣ майора Сайтō съ 60 жандармами въ Титасо (地陀所), подъ предлогомъ неотложной необходимости охраны корейцевъ отъ хунхузовъ. Вслѣдъ затѣмъ японское генеральное резидентство въ Корей открыло отдѣленіе (Detached office of Residency general 統監府派出所) въ Кантō, т. е. Цзяньдао (положеніе о немъ было опубликовано японскимъ императорскимъ указомъ № 86 въ апрѣлѣ 1908 г.). Указанное отдѣленіе не только приняло мѣры относительно охраны корейскихъ подданныхъ въ Цзяньдао, но и занялось учрежденіемъ въ этой мѣстности почты, школъ, земледѣльческихъ фермъ, рынковъ, больницы, обсерваторіи и т. д. Подъ влияніемъ столь энергичныхъ дѣйствій японцевъ китайское общественное мнѣніе взволновалось и гириньскій цзы-чжи-хуй (провинціальный совѣщательный комитетъ) постановилъ ни за что не отдавать японцамъ Цзяньдао, такъ какъ, по мнѣнію членовъ указаннаго цзы-чжи-хуй, Цзяньдао является дверью въ Маньчжурію и японцы, завладѣвъ имъ, захватятъ и Маньчжурію.

Само пекинское правительство осталось далеко не безучастнымъ къ создавшемуся положенію дѣль и съ одной стороны командировало Чэнь Чжао-чанъ съ отрядомъ войска принять мѣры защиты въ качествѣ бянъ-у-ду-банъ 邊務督辦 главнозавѣдующаго пограничной обороною (въ мартѣ 1908 г. его мѣсто занялъ извѣстный генералъ У Лу-чжэнь), съ другой стороны въ лицѣ вай-у-бу обращалось много разъ къ японскому правительству съ устными заявленіями и письменными нотами, оспаривая его притязанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого времени обѣ стороны старались фактически утвердиться въ краѣ: китайцы—изданіемъ распоряженій о подчиненіи всѣхъ жителей края китайскому фу-минь-фу въ Яньцзинь (въ Яньцзыганѣ); сосредоточеніемъ войскъ въ Яньцзыганѣ и другихъ мѣстахъ Цзянь-

дао и сосѣдняго района¹; обложеніемъ корейцевъ податями и понужденіемъ ихъ принимать китайское подданство; соединеніемъ телеграфомъ Яньцзыгана съ Хуньчуномъ, откуда идетъ линія черезъ Нингугу и Омосо въ Гиринь; японцы—протестами въ китайское вай-у-бу на этотъ образъ дѣйствій Китая въ отношеніи принудительныхъ мѣръ противъ корейцевъ, сосредоточеніемъ войскъ въ пограничной полосѣ Кореи и въ самомъ Цзяньдао, захватомъ промысловъ въ этой области, постройкою грунтовыхъ дорогъ въ Цзяньдао и телеграфа изъ Хойрёна черезъ Людаогоу въ Титасо, отсюда къ Яньцзыгану, наводкою двухъ временныхъ мостовъ черезъ Туманганъ у Хойрёна и Чюньсёна, а потомъ устройствомъ паромовъ.

Подобное ненормальное положеніе, конечно, не могло продолжаться вѣчно, тѣмъ болѣе, что въ 1908 г. японцы отказались отъ утвержденія, что Цзяньдао всегда принадлежало Корее, но лишь оспаривали, будто этотъ округъ всегда принадлежалъ Гириньской провинціи, и объявляли японскую военную оккупацию необходимой для охраны проживающихъ тамъ 70,000 корейцевъ². Поэтому явилась возможность мирнаго разрѣшенія вопроса, которое и послѣдовало въ видѣ особаго соглашенія, ниже приводимаго, вскорѣ за благополучнымъ улаженіемъ вопроса о переустройствѣ японцами Аньдунь-Мукденьской ж. д., являшагося еще въ болѣе значительной степени камнемъ преткновенія въ нормальномъ теченіи взаимныхъ сношеній между Китаемъ и Японіей.

По соглашенію между Японіей и Китаемъ отъ 4 сент. н. ст. 1909 г.³ японское правительство признало р. Туманганъ за границу между Кореей и Китаемъ, такъ что отнынѣ спорная область Цзяньдао становилась окончательно китайской территоріей; согласилось также на подчиненіе мѣстныхъ корейцевъ китайскимъ законамъ, подъ условіемъ открытія четырехъ пунктовъ въ Цзяньдао для иностранной торговли и принятія Китаемъ на себя обязательства продолжить желѣзную дорогу между городами Чаньчунь и Гиринемъ до южной границы Яньцзыфу (т. е. Цзяньдао) для связи ея съ корейскимъ Хойрёномъ⁴.

1) Для охраны китайско-корейской границы по рѣкѣ Туманганъ хуньчуньскій даотай проектировалъ создать военную линію изъ Яньцзыфу (бывшаго Яньцзытиня) въ Дуньхуасянь, Хуадэньсянь, Мэньцзыньчжоу, съ центромъ въ Яньцзыганѣ. См. подр. Калачевъ, Матеріалы для характеристики преобразов. дѣятельности китайск. правительства въ Маньчжуріи, отчетн. работа б. слушателя Вост. Инстит., рукоп. 177—8.

2) *Ostasiat. Lloyd*, 5. Juni 1908, 1166.

3) Текстъ соглашенія см. *Third annual report on the reforms and progress of Korea*, стр. 169—170.

4) Какъ-бы въ оправданіе сдѣланной японскимъ правительствомъ уступки въ вопросѣ о Цзяньдао, генераль Мацуси, начальникъ перваго отдѣла управленія генеральнаго штаба арміи, заявилъ, уже послѣ подписанія соглашенія, что

Послѣ японо-китайскаго соглашенія отъ 4 сент. 1909 г., надлежитъ съ полнымъ основаніемъ считать р. Туманганъ границею Кореи на всемъ протяженіи ея теченія до ея истока на склонѣ горы Пактусан, какъ съ этимъ согласилось и японское правительство¹; любопытно, однако, отмѣтить, что по недосмотру-ли, или случайной забывчивости, на картѣ корейскаго полуострова, приложенной къ *Third annual report on the reforms and progress in Korea (1909—10)*, въ который включенъ самый текстъ соглашенія о Цзяньдао, граница въ верхнемъ бассейнѣ р. Туманганъ показана по прежнему сѣверному спорному направленію, хотя самая карта начерчена вновь, если сравнить съ болѣе ранними выпусками того же отчета.

Дойдя до истоковъ р. Туманганъ, граница проводится на существующихъ картахъ черезъ гору Пактусан, высшую точку горной системы Чанъбошанъ, и спускается по противоположному склону ея къ истоку р. Амнокканъ², по теченію каковой рѣки и слѣдуетъ на всемъ остальномъ протяженіи до выхода этой рѣки въ море—въ Корейскій заливъ, часть Желтаго моря.

Рѣка Амнокканъ (Ялуцзянъ) сдѣлалась границею между китайской и корейской территоріями окончательно лишь въ 1712 г., а до ука-

стратегическая важность округа Цзяньдао невелика благодаря крайне гористому характеру страны, совершенно непригодному для операцій большой арміи, съ дорогами неописуемо крутыми и опасными, въ дождь невылазно грязными. *Japan W. Chronicle*, 9 Sept. 1909, 463.

¹) При заключеніи соглашенія о Цзяньдао была установлена граница между Шишуй, верхнимъ Туманганомъ, и Мудзыбай на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ ли, но постановки пограничныхъ знаковъ тогда же не было произведено и только послѣ аннексіи Кореи яньцифускій даотай снесся по этому предмету съ японскимъ консуломъ въ Цзяньдао (газета Чжунъгобао отъ 28 ноября 1910 г.).

²) Этотъ участокъ китайско-корейской границы является весьма гадательнымъ, будучи извѣстенъ лишь теоретически, такъ какъ въ этой пограничной мѣстности, точной топографической съемки еще не производилось. Сколь различно граница обозначается между истоками рр. Туманганъ и Амнокканъ, доказываютъ слѣдующіе примѣры: на японской картѣ 1894 г.—она проводится черезъ вершину горы Пактусан; на русской сороковерстной она спускается съ хребта восточнѣе Пактусан и идетъ южнѣе горы къ самому восточному изъ истоковъ р. Амнокканъ; на картѣ Далле, составленной на основаніи корейскихъ картъ 60 гг., граница отъ истоковъ Ялуцзянъ идетъ на С.В., обходитъ Пактусан съ сѣвера и выходитъ къ Тумангану южнѣе г. Мусан. Стрѣльбицкій показываетъ границу въ 2¹/₂—3 верстахъ къ югу отъ вершины Пактусан идущей отъ истока Тумангана у урочища Мутропой къ восточному истоку Амноккана. Нынѣ японскимъ и китайскимъ правительствомъ приняты уже мѣры къ фактическому разграниченію обѣихъ территорій въ этой мѣстности: согласно телеграммѣ изъ Мукдена въ «Новомъ Времени» отъ 6 февраля 1911 г., изъ этого города выѣхала коммиссія представителей китайскихъ и японскихъ властей для провѣрки маньчжуро-корейской границы, въ частности для точнаго разграниченія названнаго горнаго участка.

заннаго года Кореѣ принадлежало съ давняго времени широкая полоса земли по правому берегу названной рѣки. Въ этомъ отношеніи надлежитъ различать два участка нынѣшней китайско-корейской границы вдоль р. Амнокканъ, раздѣленныхъ между собою устьемъ притока этой рѣки на корейской сторонѣ, Часѣнъганъ, и имѣвшихъ неодинаковую исторію.

Нижній участокъ указанной границы, повидимому, дважды переходилъ изъ рукъ Китая къ Кореѣ и обратно. Въ началѣ XV стол. граница китайской провинціи Ляодунъ съ Кореей, начинаясь приблизительно отъ нынѣшняго г. Синъцзинътинъ, проходила нѣсколько западнѣе позднѣйшей «пивовой изгороди» (ея юго-восточнаго участка, идущаго по линіи на В. отъ г.г. Синъцзинътинъ и Фынъхуанъчэнъ къ пункту на З. отъ Дадунъгоу). Во второй половинѣ XV или въ первой половинѣ XVI стол. эта граница, повидимому, отодвинулась къ р. Ялуцзянъ и мѣстность между старой и новой китайско-корейской границей заселена была китайцами, собранными затѣмъ въ 80 гг. XVI в. въ 6 городахъ для защиты отъ набѣговъ приграничныхъ маньчжурскихъ племенъ; во второмъ десятилѣтіи XVII стол. эти города были покинуты изъ-за тѣхъ же набѣговъ и жители ихъ переселены далѣе къ западу, за линію позже построенной «пивовой изгороди»¹. Въ 1712 г., по соглашенію между Китаемъ въ лицѣ его новаго маньчжурскаго правительства и Кореей, китайская территорія номинально снова подошла къ рѣкѣ Амнокканъ, но одновременно съ тѣмъ было рѣшено, что китайское правительство не станетъ заселять вновь мѣстности между названной рѣкою и «пивовой изгородью», а оставить эту полосу земли, шириною въ 70-80 верстъ, нейтральной между обѣими сосѣдними территоріями, съ цѣлью преградить свободный доступъ въ Корею для китайскаго населенія со стороны густо населенной южной Шэнъцзинской провинціи, какъ и обратно для корейскаго населенія изъ сѣверной Кореи въ указанную часть Шэнъцзинской провинціи, во избѣжаніе пограничныхъ недоразумѣній и столкновеній. Въ этихъ цѣляхъ закрытіе сухопутной границы, какъ и морскаго побережья, составляло послѣ японскаго и маньчжурскаго вторженія основной принципъ внѣшней политики корейскаго правительства, желавшаго устранить такимъ образомъ всякій поводъ къ вмѣшательству сосѣднихъ государствъ въ дѣла страны. Созданіе искусственной преграды между территоріями Китая и Кореи вдоль р. Амнокканъ въ видѣ упомянутой нейтральной полосы являлось необходимымъ уже въ силу того, что иначе физическія условія этой пограничной мѣстности оказывались весьма благопріятными для сообщенія изъ Маньчжуріи въ Корею и обратно и могли служить приманкою для усиленнаго притока поселенцевъ съ обѣихъ сторонъ, противно тому, что можно было наблюдать до самаго послѣдняго времени на противоположномъ участкѣ китайско-корейской границы вдоль Тумангана, гдѣ малопроезжая гористая и лѣсистая часть Гириньской провинціи,

¹) Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ Сѣв. Кореи, 181.

прилегающая къ верхнему бассейну этой рѣки, совершенно ненаселенная въ ту эпоху, когда устанавливались запретительныя мѣры по отношенію къ пограничной странѣ по Амноккану, сама по себѣ уже не располагала къ путешествію въ Корею, помимо всякихъ спеціальныхъ мѣръ закрытія здѣсь корейской границы, и только въ недавнее время, вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ эту мѣстность значительнаго числа поселенцевъ съ обѣихъ сторонъ, могъ возникнуть и самый вопросъ о Цзяньдао.

Аналогичныя побужденія, какъ и въ отношеніи установленія нейтральной полосы въ нижней долинѣ Амноккана, вызвали и удаленіе корейскаго населенія съ пограничной полосы на сѣверъ отъ разсмотрѣннаго участка китайско-корейской границы вдоль Амноккана, именно на сѣверъ отъ устья Часѣньганъ, гдѣ границу Кореи въ свое время, вѣроятно, составлялъ отрѣзокъ земляного вала¹, протянувшагося параллельно р. Амноккану по водораздѣлу между ними и р. Сунгари отъ горы Пяктусан до поворота Амноккана на юго-западъ (отъ селенія Маоэрсанъ), откуда начиналась особая вѣтвь этого вала до устья упомянутаго притока главной рѣки—Часѣньгана. Мѣстность между валомъ и р. Амнокканъ была покинута, вѣроятно не позже 1712 г., корейцами, желавшими, какъ говорятъ баронъ Корфъ и Звегинцевъ², установить труднодоступную полосу между своими культурными владѣніями и землями хищныхъ бродячихъ племенъ въ верховьяхъ Сунгари. Но помимо этой частной причины, была и указанная выше общая причина, побуждавшая корейское правительство создавать непроходимыя преграды на своихъ границахъ.

Лишившись осѣдлаго населенія, названная нейтральная полоса³ сперва сдѣлалась убѣжищемъ хищныхъ звѣрей, а затѣмъ бѣглецовъ изъ Манчжуріи, которые занялись частью земледѣліемъ, частью разбоемъ среди пограничнаго китайскаго и корейскаго населенія, переставъ существовать официально лишь съ 1875 г., когда по жалобѣ корейскаго короля Ли Хунъчжанъ послала военную экспедицію противъ хунхузовъ, наводнившихъ ее, и съ согласія же короля присоединилъ всю эту мѣстность къ Китаю, а затѣмъ въ связи съ активнымъ выступленіемъ Японіи въ Кореѣ, принялъ мѣры къ заселенію этой полосы нижняго участка долины Амноккана мирными китайцами и къ перенесенію такимъ образомъ фактической границы къ самой названной рѣкѣ, съ цѣлью имѣть

¹) Этотъ валъ, расходящійся съ ивовою изгородью, построенной позже него, у д. Вэйюань (къ сѣверу отъ г. Кайюань) составляетъ нынѣшнюю сѣверную границу Мукденской пров. (см. Хвостовъ и Любицкій, 20-верстная карта Мукденской провинціи). Восточное продолженіе этого вала и составляло прежнюю корейскую границу.

²) Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ Сѣв. Кореи, 182.

³) Указаніе на нейтральную полосу, примыкавшую къ сѣверной границѣ Кореи, и нравы ея населенія дается старымъ корейскимъ учебникомъ географіи, исправленнымъ, по словамъ Dallet, въ 1850 г., въ томъ смыслѣ, что на сѣверѣ Хамгёнъ-ская и Пхёнъанская провинціи граничатъ не съ Китаемъ, а съ «страною дикарей». (Корфъ и Звегинцевъ, Военн. обзоръ Сѣв. Кореи, 183).

опорный и наблюдательный пункт у самого входа въ Корею, помимо пользы отъ уничтоженія столь опаснаго разбойничьяго гнѣзда.

Болѣе сѣверный участокъ нейтральной полосы вдоль Амноккана отъ устья р. Часѣнганъ былъ фактически присоединенъ къ Китаю сравнительно недавно, такъ что перебравшіеся сюда корейскіе выходцы еще совсѣмъ не успѣли окитантятся. Эти корейцы постепенно стали проникать въ рассматриваемую пограничную полосу, пока Корея являлась еще вассаломъ Китая, послѣ формальнаго уничтоженія нейтральной полосы, и въ концѣ 90 г.г. на правомъ берегу Амноккана корейцевъ было насчитано противъ г. Пёктонъ болѣе 1000 семей, противъ города Чхосан—до 10,000 семей. Выше порѣкъ число ихъ постепенно уменьшается; однако, выше селенія Маоэрршанъ относительное число ихъ настолько велико, что преобладающей національностью является корейская¹. Послѣ разрыва вассальныхъ отношеній между Китаемъ и Кореей китайскій уѣздный начальникъ близъ р. Ялуцзянъ пытался въ 1902 г. заставить корейцевъ, проживавшихъ въ подвѣдомственномъ ему уѣздѣ, надѣть китайское одѣяніе и отпустить косу, но корейское министерство иностранныхъ дѣлъ заявило протестъ китайскому посланнику, указывая на то, что такъ какъ китайцы, живущіе въ Корей, могутъ носить національную одежду и прическу, то и корейцы, живущіе въ Китаѣ, должны пользоваться такой же привилегіей².

По послѣднимъ извѣстіямъ маньчжурской вице-король, въ цѣляхъ поднятія экономическихъ силъ богатаго края, прилегающаго къ границѣ Кореи по верхнему теченію р. Амнокканъ, проектируетъ провести узкоколейную ж. дорогу между Синьцзиньтинъ, въ 100 в. къ востоку отъ Мукдена, и Чанъбайфу (внутри колѣна верхняго теченія Амноккана), въ 700 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Мукдена. Мѣстность между Синьцзиньтинъ и Чанъбайфу очень плодородна, но мало населена; сюда необходимо направить переселенческую волну, что достижимо лишь при удобныхъ путяхъ сообщенія³. Несомнѣнно, что настоящая мѣра задумана въ видахъ прекращенія притока корейскихъ переселенцевъ въ названную пограничную полосу.

Въ такихъ общихъ чертахъ представляется историку и географу сухопутная, въ сущности тоже почти цѣликомъ водная (рѣчная) граница Кореи, которая, какъ сказано, лишь благодаря случайнымъ обстоятельствамъ или искусственнымъ политическимъ притязаніямъ, утрачивала присущее ей, какъ отчетливой географической линіи, значеніе естественной политической границы. Въ силу тѣхъ же причинъ, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ условій, означенная граница не является въ строгомъ

¹) Корфъ и Звегинцевъ, Военн. обзоръ Сѣв. Кореи, 60.

²) Korea Review, II, 1905. 409.

³) Харб. Вѣстникъ, № 2202, 28 іюля 1911, стр. 3.

смыслъ и разграничительной линіей между китайской и корейской народностями, при чемъ послѣдняя переступаетъ за политическіе предѣлы страны и въ растущемъ числѣ водворяется на территоріи сосѣднихъ государствъ, какъ Китая, такъ и Россіи.

Если въ отношеніи р. Амнокканъ, какъ политической границы, и не возникало такихъ затяжныхъ споровъ, какъ относительно р. Туманганъ, то съ другой стороны споръ можетъ быть возбужденъ относительно правъ владѣнія того или другого государства на нѣкоторые острова въ руслѣ нижняго Амноккана и его морского устья.

Что касается остальныхъ границъ корейскаго полуострова, то, какъ сказано, онѣ на всемъ протяженіи являются морскими, совпадая, почти только на восточномъ побережьи полуострова и въ сѣверной части западнаго побережья, т. е. тамъ, гдѣ въ морѣ имѣется лишь немного острововъ, съ береговой линіей самаго материка, которая имѣетъ общее протяженіе въ 1,940 англ. миль, обычно же переходя на острова, принадлежащіе полуострову и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ это можно сказать въ отношеніи острововъ Уллындо, Квельпартъ и другихъ, довольно удаленные отъ его береговъ. Болѣе подробныя данныя о морскихъ границахъ Кореи будутъ приведены при разсмотрѣніи строенія береговой линіи корейскаго полуострова и обзорѣніи принадлежащихъ ему островныхъ группъ. Теперь же достаточно замѣтить, что на востокѣ морскую границу Кореи составляетъ Японское море, на западѣ—Желтое море, на югѣ—Корейскій проливъ, въ частности его западная половина—проливъ Броутона, ранѣе отдѣлявшая корейскую имперію отъ Японіи; нынѣ же политическая граница между обѣими странами уничтожена, какъ результатъ договора объ аннексіи, и сохранена лишь, вмѣстѣ съ оставленіемъ въ силѣ установленнаго по прежнимъ договорамъ между Кореей и иностранными государствами таможеннаго тарифа, на срокъ 10 лѣтъ таможенная граница между новой японской колоніей и метрополіей, въ смыслѣ обложенія въ теченіе этого времени, какъ и раньше, въ прежнемъ размѣрѣ таможенными пошлинами японскихъ товаровъ при ввозѣ ихъ на территорію бывшей корейской имперіи и

обратно корейскихъ произведеній, ввозимыхъ въ предѣлы самой Японіи.

Площадь. Въ указанныхъ границахъ общая площадь бывшей корейской имперіи, включая и всѣ входящія въ ея составъ острова, исчисляется отъ 218,192 кв. кил. (Готтше)¹ до 223,523 кв. кил.²; по другому подсчету—отъ 84,000 до 100,000 англ. кв. миль, т. е. отъ 216,720 до 258,888 кв. кил.³ Канкокуцүран, измѣряя длину полуострова, простирающагося съ сѣвера на югъ на 9 градусовъ широты, въ 250 японскихъ ри, а въ ширину съ запада на востокъ—въ 60 ри, исчисляетъ площадь его въ 13,400 кв. ри. Japan Year book 1911, на основаніи новѣйшаго достовѣрнаго подсчета, произведеннаго бюро сообщеній бывшаго управленія генеральнаго резидента, указываетъ площадь Кореи (Цібсен) въ 14,047 кв. ри, т. е. немного меньше площади главнаго японскаго острова Хонсю, но болѣе половины соединенной площади собственной Японіи и Формозы. Всѣ эти цифры не могутъ быть абсолютно надежными уже потому, что точной съемки на всемъ пространствѣ корейскаго полуострова и принадлежащихъ ему острововъ до сихъ поръ не было произведено.

На болѣе раннихъ корейскихъ картахъ линія материка охватывала, сравнительно съ болѣе точными европейскими картами, цѣлыя группы острововъ, такъ какъ корейцы обладали въ этомъ отношеніи весьма несовершеннымъ знакомствомъ съ физическимъ строеніемъ своей родины. Кромѣ того, острова у западнаго и юго-западнаго побережья Кореи, въ общемъ представляющаго низменную приморскую полосу съ примыкающими со стороны внутреннихъ областей возвышенностями, раздѣляются между собою нерѣдко только мелководными проливами, такъ что во время отлива сосѣдніе острова соединяются какъ-бы въ одинъ большой островъ; или во время отлива сравнительно

1) Gottsche, Verh. der Ges. f. Erdkunde zu Berlin, XIII, № 5, стр. 249; почти такую же цифру (218,650 кв. кил.) даетъ и проф. Котô (Koto, Orographic sketch of Korea, 7, прим. 6).

2) Стрѣльбицкій, см. Описание Кореи, I, стр. 72, прим. 2.

3) Second annual report on reforms and progress in Korea (1908—9), стр. 7. На таблицѣ I, приложенной къ Third annual report of reforms and progress of Korea, стр. 177, общая площадь страны, по приблизительному подсчету, показана въ 14.123 кв. ри или, если принять одну кв. ри равной 5,95 кв. англ. миль, или 15,42 кв. кил.,—84,000 кв. миль или 217,776 кв. кил.

широкое водное пространство между ними превращается въ узкій каналъ. Это обстоятельство, несомнѣнно, затрудняло производство точной съемки и измѣренія площади суши, принадлежащей полуострову.

Въ признаніе полной недостаточности существующихъ картъ, въ 1897 г. корейскимъ правительствомъ было учреждено особое землемѣрное бюро янъджнамун **量地衙門**, которое въ частности должно было заняться и исправленіемъ картъ; однако никакихъ съемокъ имъ не было произведено. Съ другой стороны, японскимъ военно-сухопутнымъ и морскимъ вѣдомствомъ въ періодъ японо-китайской и русско-японской войны были выполнены, спеціально въ военныхъ цѣляхъ, различныя топографическія работы въ предѣлахъ корейской территоріи, въ частности и подробная съемка береговъ. Отчасти это было сдѣлано и по просьбѣ корейскаго правительства, которое въ 1903 г., не будучи въ состояніи заняться само этимъ дѣломъ, поручило японскому правительству произвести точную географическую съемку всей страны; однако, война придала этой работѣ спеціально-военный характеръ и назначеніе. Въ 1905 г., по настоянію японскаго финансоваго совѣтника, въ видахъ производства кадастровой съемки страны, весьма необходимой для урегулированія системы взиманія поземельнаго налога, понынѣ связаннаго въ Корей съ крайне неопредѣленной единицею земельной мѣры—кѣль **結**, былъ учрежденъ въ составѣ департамента податныхъ сборовъ (**Tax supervisory bureau**) сасъгукъ **司稅局** министерства финансовъ особый отдѣлъ землемѣрной съемки **Landsurvey section** янъджигоа **量地課**, который, для подготовки будущаго персонала, учредилъ въ Сеулѣ, съ отдѣленіями въ Тăгу **大邱**, Пхѣнъянъ **平壤** и Чхѣнъчжю **清州**, землемѣрныя училища (**Survey training school**). Указанный отдѣлъ былъ переведенъ въ 1908 г. въ вѣдѣніе бюро по урегулированію земельной собственности **имсичăсанчѣнънигукъ** **臨時財產整理局**, учрежденное 23 іюля н. ст. 1908, въ томъ же министерствѣ финансовъ, и для производства точной и полной кадастровой съемки всей страны и составленія картъ былъ образованъ особый фондъ въ 14,129,707 енъ, въ томъ числѣ 10,000,000 енъ изъ общей суммы въ 17,963,920 енъ, составлявшей т. н. «**Second undertaking loan**», заключенный въ декабрѣ 1908 г. у японскаго промышленнаго банка¹. Общій планъ землемѣрныхъ работъ былъ окончательно составленъ къ январю 1910 г. и въ мартѣ этого года для завѣдыванія всѣмъ дѣломъ было учреждено бюро землемѣрной съемки съ многочисленнымъ составомъ служащихъ². Въ смѣту указаннаго года была включена соответствующая сумма на покрытіе расходовъ по землемѣрнымъ работамъ, которыя должны были начаться въ томъ же году и продолжаться въ теченіе 10 лѣтъ³.

1) Second annual report on reforms and progress in Korea, 7.

2) Third annual report on reforms and progress in Korea, 17—18.

3) Japan W. Chronicle, 3 febr. 1910, 197.

Присоединеніе Кореи къ Японіи не остановило задуманнаго японцами же дѣла, почему въ составъ учрежденій управленія генераль-губернатора было включено особое бюро по обслѣдованію земель (*Land investigation bureau*), къ которому перешли функціи названнаго бюро землемѣрной съемки, и въ оффиціальной газетѣ корейскаго генераль-губернаторства отъ 30 мая н. ст. 1911 г. было опубликовано положеніе о подготовительныхъ курсахъ (*Training station*) для канцелярскихъ служащихъ и помощниковъ землемѣровъ для указаннаго бюро по изслѣдованію земель. Согласно этому положенію подготовка кандидатовъ въ канцелярскіе служащіе (*clerks*), исключительно изъ числа корейцевъ, обладающихъ надлежащимъ образовательнымъ цензомъ, должна продолжаться отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, и въ помощники землемѣровъ—отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года¹.

Протяженіе. Наибольшее протяженіе корейскаго полуострова въ длину по направленіи съ СВ. на ЮЗ. измѣряется около 900 верстъ, а въ ширину въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ (отъ берега Корейскаго залива въ Желтомъ морѣ до бухты Лазарева въ Японскомъ морѣ)—130 верстъ, а въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ полуострова самые удаленные отъ берега моря пункты внутри корейской территоріи отстоятъ отъ послѣдняго не болѣе 200 верстъ².

III.

Строеніе береговъ. При первомъ взглядѣ на карту корейскаго полуострова бросается въ глаза самое рѣзкое различіе въ этомъ отношеніи между восточнымъ и западнымъ побережьемъ его, въ той же мѣрѣ, какъ подобное различіе существуетъ между восточнымъ и западнымъ побережьемъ японскихъ острововъ, только въ обратномъ порядкѣ. Строеніе береговъ корейскаго полуострова, какъ справедливо замѣчаетъ нѣмецкій инженеръ Кнохенхауеръ³, въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ направленія горныхъ цѣпей. Тамъ, гдѣ линіи горныхъ цѣпей и берега идутъ параллельно другъ другу, берегъ менѣе изрѣзанъ, бѣденъ бухтами и островами. Крутымъ краямъ материка по этимъ берегамъ соотвѣтствуютъ въ прилегающемъ морѣ большія глубины, изъ нѣдръ которыхъ только изрѣдка,

¹) Seoul Press, 1 June 1911.

²) Описаніе Кореи. I, 73; приблизительно тѣ же цифры въ Канкокуцуран.

³) Knochenhauser, Korea, 110.

при томъ въ силу особыхъ причинъ, поднимаются единичные острова. Напротивъ, тамъ, гдѣ горы наискось упираются въ берегъ, послѣдній оказывается изрѣзаннымъ и еще на далекое разстояніе въ сторону моря бываетъ возможно прослѣдить направленіе горныхъ хребтовъ, которые частью въ качествѣ узкихъ мысовъ вдаются въ море, частью выступаютъ надъ поверхностью моря въ видѣ острововъ или скрываются въ глубинѣ его въ видѣ подводныхъ утесовъ и скаль.

Только въ немногихъ мѣстахъ Желтое море, омывающее западный берегъ корейскаго полуострова, достигаетъ глубины въ 100 метровъ, тогда какъ дно Японскаго моря, лежащаго на востокъ отъ него, въ среднемъ опущено на глубину 1100 метровъ и мѣстами понижается до 3000 метровъ. Корейскій берегъ Японскаго моря, соотвѣтственно преобладающему продолжному направленію горныхъ цѣпей, представляетъ мало изрѣзанную береговую линію (за исключеніемъ залива Ёньхынъ (Броутона), въ берега котораго упираются съ сѣвера и юга отдѣльныя горныя цѣпи); напротивъ берега Желтаго моря и Корейскаго залива, къ которымъ перпендикулярно или подъ острымъ угломъ направлены выходящія въ эту сторону горныя цѣпи, представляютъ законченный *Transversalküste*, почти еще мелче изрѣзанный, чѣмъ берегъ южнаго Китая.

Такимъ образомъ *восточное* побережье Кореи, выходящее къ Японскому морю, какъ и западное побережье японскихъ острововъ, обращенное къ тому же морю, отличается значительно меньшимъ развитіемъ береговой линіи, чѣмъ противоположное побережье — западное побережье корейскаго полуострова, и восточное побережье японскихъ острововъ. Для нагляднаго сравненія характера строенія того и другого побережья Кореи могутъ служить слѣдующія цифры: длина береговой линіи въ сѣверномъ участкѣ восточной стороны корейскаго полуострова отъ устья р. Туманганъ до мыса Десфосе, на полуостровѣ Нахимова, замыкающемъ съ востока бухту Лазарева — 679 верстъ, а между тѣми же пунктами по прямой линіи — 399 верстъ, такъ что на 1 версту прямого разстоянія приходится всего 1,7 версты береговой линіи. Въ противоположность этому, на сѣверномъ же участкѣ по западной сторонѣ полу-

острова между устьями р. Амнокканъ и р. Тадонъганъ прямое разстояніе будетъ 174 версты, а длина береговой линіи между тѣми же пунктами измѣряется въ 450 верствъ приблизительно, т. е. на 1 версту прямого разстоянія на этой сторонѣ приходится 2,5 версты берега¹.

Вообще восточный берегъ Кореи бѣденъ заливами и глубокими бухтами, а гдѣ и имѣются хорошія естественныя гавани, то высокія горы отрѣзываютъ ихъ отъ внутреннихъ областей и не даютъ развиваться надлежащимъ образомъ въ коммерческомъ отношеніи; почти не имѣетъ острововъ за исключеніемъ отдѣльныхъ морскихъ утесовъ; море у этого берега обычно настолько глубоко, что большія глубины (отъ 10 сажень) встрѣчаются совсѣмъ близко отъ берега; повышеніе уровня воды во время прилива надъ низкимъ стояніемъ воды при отливѣ не превышаетъ 1 фута (0,4 метра) въ Гензанѣ². Открытыя мѣста моря вдоль берега и бухты, незначительно вдающіяся въ сушу, никогда не замерзаютъ зимою, болѣе же врѣзанные въ сушу бухты и заливы, напримѣръ, бухты Гошкевича, Лазарева и Гензанская³, покрываются въ январѣ на нѣсколько дней тонкимъ льдомъ, пока его не сломаетъ волненіе при вѣтрѣ съ моря.

Западный берегъ Кореи, напротивъ, изобилуетъ заливами и бухтами и, за исключеніемъ немногихъ участковъ меньшаго протяженія, окаймленъ такой густой сѣтью острововъ, нерѣдко въ нѣсколько рядовъ, что ими закрывается вовсе видъ съ моря на материкъ, за рѣдкими промежутками. Вокругъ этихъ острововъ и вдоль берега материка море на этомъ берегу очень мелко, обнажая во время отлива дно на обширныя пространства; сами острова во многихъ случаяхъ являются не болѣе, какъ возвышенными отмелями⁴. Высота приливовъ достигаетъ на этомъ берегу

¹) Описаніе Кореи, I, 75.

²) По свѣдѣніямъ Готтше; Mörsel въ статьѣ Korea Review, I (1901) см. ниже, даетъ для высоты прилива въ гавани Гензана цифру въ 2—3 фута, гавани Сѣнъчжинъ—2 фута и въ устьѣ рѣки Туманганъ—3 фута.

³) Гензанъ является болѣе употребительной японской формою корейскаго названія Унсан, какъ и Фузанъ вмѣсто корейскаго Пусан.

⁴) Обиліе отмелей по западному побережью Кореи, весьма рано обратившее на себя вниманіе европейскихъ моряковъ, подало поводъ къ возникновенію полубасни—полуправды, о которой разсказывалъ Richard Cocks въ своихъ письмахъ изъ Хирано къ сэру Томасу Вильсону: «Въ Корей имѣются большіе города, между которыми и моремъ расположены обширѣйшія топи, такія что никто не можетъ проѣхать по нимъ верхомъ и едва ли даже пройти пѣшкомъ. Но противъ

необычайной цифры, въ среднемъ болѣе 30 футовъ, при чемъ приливная волна заходитъ далеко внутрь устьевъ рѣкъ, повышая въ 15—20 верстъ вверхъ по теченію ихъ уровень воды еще на 4—6 футовъ. Въ силу этого обстоятельства, границы между сушею и моремъ на западномъ берегу Кореи не представляютъ рѣзко выраженной линіи и постоянно пере мѣщаются въ зависимости отъ высоты приливовъ и обратно отливовъ. Съ другой стороны это же объясняетъ, почему на западномъ берегу Кореи, несмотря на значительную изрѣзанность его, встрѣчается мало удобныхъ гаваней, такъ какъ большинство изъ существующихъ здѣсь гаваней, весьма удобныхъ и помѣстительныхъ во время прилива, обращается во время отлива въ узкіе каналы или мелководные бассейны; поэтому большія суда принуждены обыкновенно становиться на якорь на рейдѣ вдали отъ берега.

Въ различныхъ пунктахъ западнаго побережья высота прилива значительно измѣняется, увеличиваясь въ сѣверномъ направленіи отъ юго-западной оконечности полуострова до устьевъ р. Ханганъ и затѣмъ снова уменьшаясь. Будучи выражены въ цифрахъ, эти колебанія высоты приливной волны достигаютъ слѣдующаго уровня: въ гавани Мокпхо—18 футовъ, въ гавани Кунсана—21 фута; въ заливѣ Shoal или Сумидо—28 футовъ; въ гавани Чѣмульпхо—28 футовъ; въ сѣверномъ устьѣ Хангана—25 футовъ; у группы острововъ Гэля—18 футовъ; въ устьѣ р. Тадонъганъ—21 фута; въ устьѣ рѣки Амнокканъ—20 (увеличеніе высоты прилива въ обоихъ данныхъ пунктахъ, какъ и въ сѣверномъ устьѣ рѣки Ханганъ и гавани Чѣмульпхо, объясняется суженіемъ береговъ, вызывающимъ скопленіе водной массы во время прилива)¹. Такимъ образомъ область устьевъ Хангана представляетъ мѣсто наибольшаго

этого имѣется средство въ видѣ специально устроенныхъ для этой цѣли большихъ фургоновъ, или телѣгъ на широкихъ плоскихъ колесахъ, ходящихъ подъ парусами, какъ суда; пользуясь муссонами, населеніе перевозитъ товары взадъ и впередъ въ этихъ парусныхъ фургонахъ». *Japan W. Chronicle*, 22 June 1911, 1071.

¹) Описаніе Кореи, I, 76, со словъ Готтше, указываетъ отличныя отчасти меньшія, отчасти большія цифры для высоты прилива у береговъ Кореи: въ Мокпхо 4,3 метра (14 футовъ), у береговъ Чхюньчхёндо, что соответствуетъ Кунсану и заливу Шоаль,—8,8 метровъ (29,6 футъ) и въ Чѣмульпхо—11,3 метра (37,6 фута).

сосредоточенія у западнаго побережья Кореи приливной волны, которая, выходя съ СВ., ударяетъ прежде всего въ берега Кореи, а затѣмъ уже отходить къ берегамъ Китая¹.

Южное, вѣрнѣе юго-восточное побережье Кореи, выходящее на Корейскій проливъ, отличается весьма значительнымъ развитіемъ береговой линіи, образуя многочисленныя бухты и заливы, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ служить прекрасными гаванями. Вся эта береговая линія ограждается съ моря непрерывной цѣпью многочисленныхъ острововъ, скрывающихъ вырѣзы въ самомъ берегу материка, почему съ моря онъ кажется сплошной линіей суши. Въ отношеніи высоты приливовъ эта часть корейскаго побережья занимаетъ промежуточное мѣсто между восточнымъ и западнымъ побережьемъ, такъ какъ высота прилива въ наиболѣе извѣстной гавани по этому берегу, Фузанѣ, достигаетъ 7 футовъ (2,1 метра), въ Портъ-Гамильтонѣ, т. е. въ группѣ острововъ Кюмундо—11,3 ф. (3,4 метра) и въ Ханам—12,3 фута (3,7 метра)².

Почти всѣ города и селенія на восточномъ корейскомъ берегу расположены въ большемъ или меньшемъ удаленіи отъ моря и большой дороги изъ Фузана въ Гензань, проходящей здѣсь. Этотъ фактъ, наблюдаемый также на морскомъ побережьи въ Китаѣ, объясняется, какъ и тамъ, непрерывными нападеніями на берега полуострова японскихъ пиратовъ въ XIII и XIV стол., побудившими корейское правительство перенести города внутрь страны, гдѣ бы они были защищены отъ японскихъ ударовъ. Впослѣдствіе, инертность жителей такъ и оставила города на новомъ мѣстѣ, хотя японскіе пираты уже отошли въ область далекаго прошлаго³. Къ этому надо прибавить, что въ новое время корейское правительство ради неуклонно проводимой имъ политики замкнутости также воспрецало жителямъ селиться близко къ берегу или

¹) См. Mörsel, The tidal wave in the Yellow Sea: Korea Review, I (1901), стр. 202—206; для сравненія приводятся цифры высоты прилива у береговъ Китая: въ устьѣ р. Яньцзыцзянь—10 ф., въ Цзячжоу—12 ф. (благодаря строенію берега бухты высота прилива здѣсь увеличивается), Вэйхайвэй—8 ф. 6 д., Чжифу—8 ф., на барѣ Таку—9—10 ф., въ Шаньхайгуань и на барѣ Нючжуань (Инькоу)—по 12 ф., въ Даляньвань—12 фут. (въ Портъ-Артурѣ—10 ф.).

²) Эти цифры даются Готтше. Mörsel въ цитир. статьѣ приводитъ только цифру высоты прилива въ Фузанѣ, тоже 7 футовъ.

³) Korea Review, 1903, III, 1901.

отодвигало внутрь страны уже существовавшія приморскія селенія, чтобы оставить берега совершенно пустынными и лишить их привлекательности въ глазахъ иностранныхъ мореплавателей. На западномъ и южномъ побережьѣ той же участи подвергались населенные острова, выдвинувшіеся въ море, тогда какъ города и селенія на самомъ материкѣ оказывались скрытыми этими островами отъ посторонняго наблюдателя со стороны моря и потому могли оставаться на прежнихъ мѣстахъ; за то существованіе у этого берега широкой полосы отмелей приводитъ къ тому, что населенные пункты и на этомъ побережьѣ во время отлива оказываются въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ моря.

Расположеніе удобныхъ естественныхъ гаваней по корейскимъ берегамъ, какъ можно усмотрѣть изъ приводимаго ниже обзора строенія ихъ на восточной, южной и западной сторонахъ полуострова, тѣсно связывается съ мѣстонахожденіемъ болѣе или менѣе глубоко врѣзанныхъ въ береговую линію бухтъ и заливовъ, такъ какъ искусственныхъ гаваней въ Корей не существуетъ и вообще искусственныхъ портовыхъ сооружений пока встрѣчается немного; на этотъ пробѣлъ обратили особое вниманіе новые хозяева страны — японцы, ассигновавшіе довольно значительныя средства на переустройство гаваней въ Чѣмульпхо, Фузанѣ, Чынънампхо и другихъ болѣе важныхъ приморскихъ пунктахъ.

IV.

Обзоръ береговой линіи корейскаго полуострова съ указаніемъ открытыхъ для иностранной торговли портовъ и ихъ торговаго значенія на соответствующемъ участкѣ берега.

Обзоръ восточнаго побережья Кореи наглядно обнаруживаетъ съ одной стороны сравнительно небольшое число глубокихъ выемокъ въ этой береговой полосѣ, каковой недостатокъ, однако, искупается довольно многочисленными удобными гаванями благодаря значительной глубинѣ моря у самаго берега, малой высоты приливовъ и скалистымъ берегамъ, доставляющимъ хорошую защиту отъ вѣтровъ.

Перечень существующихъ болѣе значительныхъ заливовъ

на восточномъ побережьѣ начинается съ наиболѣе сѣвернаго и одного изъ наибольшихъ на этомъ берегу — залива Гашкевича Чосанман 造山灣, по японски Дзѳдзанван, имѣющаго 14 версть въ ширину и 9 версть въ глубину — на западъ и юго-западъ отъ мыса Сѳсурѳ 西水來 (яп. Сейсуйрай), образующаго западную сторону устья Тумангана — и распадающагося на четыре отдѣльных бухты, изъ которыхъ одна, наиболѣе важная, т. н. Западная, обращена открытой стороною на юго-востокъ, будучи защищена отъ большинства господствующихъ на этомъ побережьѣ вѣтровъ. Глубина этой бухты достигаетъ 27 футовъ въ 100 саженьяхъ отъ берега (отъ 5 до 12—13 морскихъ сажень, по свѣдѣнїямъ Канкоку синцири¹); бухта достаточно помѣстительна, чтобы служить мѣстомъ стоянки большихъ судовъ. Эта бухта извѣстна подъ именемъ бухты Унъгый (яп. Юки) 雄基, отъ селенїя того же имени на ея сѣверномъ берегу, въ 7 ри (25 версть) отъ города Кѳнъхынъ.

Бухта Унъгый (подъ 42°7' с. ш. и 131° в. д.), наряду съ заливомъ Начжинман, далѣе на югъ отъ нея, является лучшей гаванью въ сѣверо-восточной Корѳе и конечнымъ пунктомъ японской пароходной линїи въ этой части побережья; бухта можетъ также служить съ удобствомъ и въ качествѣ базы для военныхъ судовъ². Въ селенїи Унъгый имѣется таможня, полицейскїй постъ и почта; кромѣ служащихъ въ этихъ трехъ учрежденїяхъ, въ мѣстечкѣ проживало въ 1909 г. только 30 японцевъ; китайское и корейское населенїе здѣсь также невелико³. Во время рыболовнаго сезона, однако, число жителей значительно увеличивается. Близость этой гавани къ Посъету и въ особенности къ Владивостоку (отъ котораго ее отдѣляютъ только 8 часовъ ѳзды на пароходѣ)⁴, равно какъ къ Цзяньдао⁵, обѣщаютъ ей цвѣтущую будущность; открытїе

1) Стр. 318.

2) Канкоку Синцири, 318.

3) По свѣдѣнїямъ Канкоку Синцири, въ селенїи имѣлось 140—150 дворовъ.

4) Благодаря этому удобству сообщенїя съ Владивостокомъ гавань Унъгый посѣщалась многими иностранными судами. Канкоку Синцири, 318.

5) Какъ отмѣчаетъ отчетъ китайской морской таможни относительно Гирина, почти всѣ грузы Янъцифу, т. е. и Цзяньдао, направлявшїеся, до закрытїя порто-франко въ Приморской области, черезъ Посъетъ, теперь идутъ на портъ Унъгый, что и объясняетъ его интересъ въ глазахъ японцевъ.

ея для иностранной торговли должно было бы способствовать развитію торговли съ городомъ Хуньчунь на китайской сторонѣ и съ городами Кёнъхынъ и Кёнъуён на корейской сторонѣ въ нижней р. Туманганъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, японцы перенесли свою дѣятельность на восточную сторону залива Гашкевича къ находящемуся здѣсь селенію Сёсуря благодаря большой близости послѣдняго къ устью р. Туманганъ, при чемъ, по сообщенію газеты «Пріамурье»¹, японцами приступлено къ оборудованію порта Сёсуря путемъ устройства здѣсь пристани въ цѣляхъ его открытія для торговли; предполагается также провести желѣзную дорогу отсюда на разстояніе 10—12 верстъ до устья р. Туманганъ съ конечнымъ пунктомъ ея противъ русской деревни Чокосами. Впрочемъ, еще раньше, по словамъ «Харбинскаго Вѣстника» (іюнь 1910), японцу Исии была разрѣшена постройка дековильки длиною около 10 верстъ между Сёсуря и Тхори на р. Туманганъ въ 3 верстахъ отъ ея устья, гдѣ уже имѣется пристань; эта дековилька, согласно сообщенію газеты «Дальній Востокъ»² уже закончена (длина ея не болѣе 8 в.). Путемъ черезъ Сёсуря японцами предположено организовать ввозъ товаровъ черезъ нижній Туманганъ въ Цзяньдао и Хуньчуньскій округъ взамѣнъ существующаго болѣе окольнаго пути черезъ Уньгый, при чемъ товары должны будутъ итти отъ пристани Сёсуря по дековилькѣ до пристани Тхори, гдѣ будутъ перегружаться на рѣчныя суда для доставки къ устью р. Хуньчуньхэ или далѣе въ Цзяньдао.

Слѣдующимъ, послѣ залива Гашкевича, болѣе глубоко врѣзаннымъ заливомъ на томъ же берегу подъ 42°4' с. ш. и 130°11' в. д. является заливъ Корнилова или Начжинман 羅津灣, открытый съ юго-западной стороны и измѣряющійся по направленію съ ЮЗ. на СВ. въ 12 верстъ и съ сѣвера на югъ въ 7—8 верстъ; въ немъ также четыре бухты, съ глубиною въ сѣверной и западной изъ нихъ до 24 футовъ (12—13 морскихъ сажень, по свѣдѣніямъ Канкоку Синцири³). Заливъ

¹) № 1199 (сент. 1910).

²) «Дальній Востокъ», 30 дек. 1910 г. Въ этомъ номерѣ газеты сообщаются весьма любопытныя данныя вообще о дѣятельности японцевъ въ низовьяхъ Тумангана.

³) Стр. 318.

является лучшей гаванью въ сѣверовосточной Корей и иностранныя военныя суда нерѣдко заходили сюда; такъ, въ 1899 г. заливъ посетила англійская тихоокеанская эскадра изъ 10 слишкомъ судовъ¹. Въ восточномъ углу залива находится небольшое селеніе Начжинни 羅津里 съ 30—40 дворами, отъ котораго заливъ и получилъ свое названіе Начжинман (въ яп. чтеніи Расинван), употребляемое на японскихъ картахъ.

На югъ отъ залива Корнилова, немного сѣвернѣе мыса Колокольцева, расположена небольшая и не совсѣмъ удобная бухта Чхёнъчжин 清津, по яп. Кейсин, въ 48 морскихъ миляхъ разстоянія отъ бухты Гашкевича, открытая 31 марта 1908 г. для иностранной торговли. Открытіе этой гавани было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что до 1908 г. иностранные товары, предназначенные для центральной и сѣверной частей провинціи сѣверной Хамгёндо, отдѣленныхъ отъ ранѣе открытаго порта Сёнъчжин скалистымъ и высокимъ хребтомъ Матчхёллёнъ (по яп. Матенрей 摩天岑), проходящимъ на границѣ сѣверной и южной провинціи Хамгёндо, и примыкающими къ нему хребтами Малаго Чаньбошанъ на СВ. и окончанія цѣпи Мюхянъсан на востокъ, должны были доставляться въ Гензанъ, отстоящій отъ Чхёнъчжин въ 223 морскихъ миляхъ, или въ Сёнъчжин (въ 90 съ небольшимъ миляхъ отъ Чхёнъчжина къ югу) и отсюда уже посылаться по назначенію на туземныхъ джонкахъ. Равнымъ образомъ предметы вывоза изъ провинціи Сѣверной Хамгёндо—зерно, скоть, кожи и лѣсъ, не имѣя доступа въ Сёнъчжин изъ-за упомянутыхъ горныхъ хребтовъ, направлялись въ Японіи или Китай черезъ Владивостокъ. Для устраненія подобнаго неудобства и была открыта между гаванью Сёнъчжин и устьемъ р. Туманганъ для иностранной торговли гавань Чхёнъчжин въ нѣкоторомъ разстояніи (8,8 морск. мили) къ сѣверу отъ города Кёнъсёнъ, по яп. Кіодзіо 鏡城 (въ глубинѣ отдѣльной бухты, на югъ отъ мыса Колокольцева), съ которой Чхёнъчжин соединенъ также дековилькой черезъ Нанам (яп. Ранан) 羅南.

Чхёнъчжин, при условіи установленія удобнаго и дешеваго сообщенія между обоими пунктами, является естественнымъ

¹) Канкоку синцири, стр. 318.

выходомъ для богатой области Цзяньдао, отдѣленной отъ него сравнительно узкимъ сѣвернымъ выступомъ провинціи сѣверной Хамгёндо. Въ настоящее время цѣнность ежегоднаго сбора земледѣльческихъ продуктовъ указанной области Цзяньдао, при томъ лишь въ ея восточной части, исчисляется въ суммѣ 3 милліоновъ ень; кромѣ того въ этой части ея остается еще необработанной въ пять или шесть разъ большая земледѣльская площадь, которая можетъ произвести тѣхъ же продуктовъ на сумму въ 20 милліоновъ ень. Къ этому можно прибавить, что означенная область богата минералами и лѣсомъ. Понынѣ большая часть торговли Цзяньдао направляется въ Гиринь и Владивостоку и, пока не будутъ улучшены средства сообщенія между Цзяньдао и Чхёнъчжин, въ каковомъ отношеніи транспортъ по существующей дековилькѣ представляется слишкомъ дорогимъ для торговыхъ грузовъ (стоимость перевозки изъ Цзяньдао въ Чхёнъчжин вдвое превышаетъ ту же стоимость между Цзяньдао и Владивостокомъ), Чхёнъчжин не въ состояніи конкурировать со своими соперниками въ смыслѣ отвлеченія отъ нихъ торговли Цзяньдао. За то съ постройкою желѣзной дороги, которая должна связать въ будущемъ Чхёнъчжин съ Гиринемъ, и съ установленіемъ прямого пароходнаго сообщенія съ японскимъ портомъ Цуруга, всѣ произведенія не только Цзяньдао, но и вообще восточной и сѣверной Маньчжуріи могутъ вывозиться съ бѣльшими выгодами черезъ Чхёнъчжин, чѣмъ черезъ Нючжуань, Дальній или Владивостоку¹.

Чхёнъчжин лежитъ въ 100 верстахъ отъ русской границы, обслуживая Нанамскій военный районъ и весь сѣверо-восточный уголь Кореи. Близость его къ Владивостоку позволяетъ развить русской ввозъ въ эту часть Кореи. На второй годъ своего существованія въ качествѣ открытой гавани, въ 1909 г. портъ имѣлъ цѣнность оборотовъ торговли въ 1,039,961 ень противъ 603,349 ень въ Сёнъчжинѣ. Неблагопріятными условіями его дѣятельности является отсутствіе хорошей гавани для стоянки большихъ судовъ и бѣдность окружающей страны (что вообще справедливо по отношенію къ части сѣверной провинціи Хамгёндо на сѣверъ

¹) Korea. Reports of the foreign trade and shipping for the year 1908, стр. 155.

отъ города Мёнъчхен). Русскихъ судовъ въ Чхёнъчжин не заходитъ и сообщеніе съ Владивостокомъ поддерживается регулярно однимъ пароходомъ Ниппон-юсен-кайся и Осака-сібсен-кайся; случаются нерегулярно другіе пароходные рейсы. Часть грузовъ изрѣдка везется на корейскихъ шаландахъ.

Черезъ Чхёнъчжин проходитъ въ небольшихъ размѣрахъ ввозная и вывозная торговля города Хунъчунъ при посредствѣ упомянутаго Уньгый, въ будущемъ же она должна пойти черезъ Сёсуря, если оправдаются японскія надежды на этотъ транзитный путь. Пароходныя сообщенія порта Чхёнъчжин¹ включаютъ слѣдующія линіи: линію пароходной компаніи Ниппон-юсен-кайся между Кобе и Осакою и Владивостокомъ; линію Осака-сібсен-кайся между портомъ Чхёнъчжин и Осакою; корейскую линію между Гензаномъ и Владивостокомъ, для перевозки живого скота; линію между Уньгый и Симоносеки; линіи каботажныхъ судовъ между Гензаномъ и Уньгый.

Главные предметы вывоза изъ Чхёнъчжина: бобы сои, соленая и сушеная рыба, скоть;—ввоза: бумажныя издѣлія, саке, лѣсъ, сахаръ, выдѣланное желѣзо, фарфоровая и глиняная посуда, спички, соя, мука и т. д. Значительная часть ввозныхъ товаровъ служитъ для удовлетворенія потребностей японцевъ, проживающихъ въ Чхёнъчжинѣ или въ сосѣднемъ Нанамѣ и прочихъ близлежащихъ мѣстахъ; однако, нѣкоторая часть ввозныхъ товаровъ находитъ растущій сбытъ и въ направленіи къ Цзяньдао².

Обычно бухта Чхёнъчжин зимою не покрывается льдомъ, но благодаря суровой погодѣ она совершенно замерзла 24 и 25 янв. 1910 н. ст.³

Японцами устроенъ въ гавани волнорѣзъ для защиты ея отъ морского волненія.

На юго-западъ отъ Чхёнъчжина, между мысомъ Колокольцева на сѣверѣ и мысомъ Казакова на югѣ, лежитъ обширный, но неглубоко вдающійся въ материкъ заливъ Кочжинман (по японски Кусинван) 狗津灣. Въ этотъ заливъ

¹) По даннымъ Korea. Reports of the foreign trade and shipping for the year 1908, 157.

²) Korea. Reports of the foreign trade and shipping for the year 1908, 157.

³) Seoul Press, 30 Jan. 1910.

открывается бухточка, гдѣ стоитъ упомянутый городъ Кёнъсёнъ, главный городъ провинці Сѣверной Хамгёнъдо. Несмотря на присутствіе этого залива, впрочемъ, очень мало вдающагося въ материкъ, берегъ имѣетъ на югъ отъ мыса Колокольцева, за немногими исключеніями, совершенно прямолинейное южное направленіе вплоть до мыса Болтина, отъ какового пункта онъ поворачиваетъ на юго-западъ и образуетъ заливъ Плаксина, Иммёнъман 臨溟灣 по яп. Риммейван, имѣющій въ ширину 8 верстъ и въ глубину до 5 верстъ; съ сѣвера къ заливу подходитъ густонаселенная долина рѣки Иммёнъчхён 臨溟川, по яп. Риммейсен. Въ западномъ углу залива, вообще глубокаго¹, но не защищеннаго отъ вѣтровъ, кромѣ югозападныхъ, лежитъ на сѣверной сторонѣ небольшого полуострова ранѣе окружной, нынѣ уѣздный городъ Сёнъчжин (по японски Дзібсин) 城津, окруженный полуразрушенными стѣнами съ уцѣлѣвшими сторожевыми башнями,² открытый 1 мая н. ст. 1894 г. для иностранной торговли. Онъ отстоитъ моремъ отъ Гензана въ 75 японскихъ ри.

Число туземныхъ жителей города къ началу XX вѣка достигало 500 человекъ³, а иностранцевъ было 40 японцевъ, большей частью мелкихъ торговцевъ и рабочихъ. Въ концѣ 1903 г. число японцевъ доходило уже до 168 человекъ; изъ другихъ иностранцевъ жилъ только одинъ американскій миссіонеръ. Во время русско-японской войны всѣ японцы покинули городъ при приближеніи русскаго отряда, но послѣ ухода его

1) Впрочемъ, Канкоку синцири, 316, отмѣчаетъ и мелководность гавани Сёнъчжин.

2) Крѣпость Сёнъчжин нѣкогда имѣла важное стратегическое значеніе, такъ какъ прикрывала устье долины, по которой пролегаетъ единственный путь на югъ черезъ переваль Матчхёллёнъ. Канкоку синцири, 316, указываетъ также на стратегическую важность Сёнъчжина въ качествѣ морской крѣпости въ прошедшія времена по отношенію къ сѣверо-восточному выступу провинці Сѣверной Хамгёнъдо, т. е. между колѣномъ Тумангана и городомъ Кёнъсёнъ и со времени дин. Корѣ извѣстному подъ именемъ Юкчин 六鎮 или округа шести крѣпостей, каковыми являлись первоначально города: Кёнъхынъ, Кёнъуён, Онсёнъ, Чіонъсёнъ, Хойрёнъ и Шурёнъ; впоследствии къ ихъ числу былъ присоединенъ Мусан. (Kotô, Oogographic sketch of Korea, 36, прим. 1).

3) Какъ сообщалъ Лубенцовъ (Хамкенская и Шіенанская пров., 74), въ концѣ 1895 г. въ городкѣ Сёнъчжин считалось до 200 домовъ; тогда же уже имѣлась здѣсь небольшая морская пристань, у которой останавливались корейскіе пароходы, занимавшіеся каботажемъ по восточному побережью Кореи.

снова вернулись. Въ 1907 г. число японцевъ, проживавшихъ въ Сёнъчжинѣ, было 423 человекъ; главнымъ занятіемъ ихъ является торговля.

Главная дорога, ведущая отъ города Хамхынъ къ городу Кёнъхынъ на русской границѣ по нижней р. Туманганъ, проходитъ въ разстояніи 10 корейскихъ «и»¹ отъ города; ближайшій торговый пунктъ находится въ разстояніи 30 «и»; если присоединить къ этому хребты Матчхёлёнъ² и Малаго Чанъбошанъ, а также цѣпи Міохянъсан, затрудняющіе сообщеніе съ внутренними областями, напримѣръ съ городомъ Кильчжю 吉州 (по японски Гисю), въ 40 верстахъ отъ Сёнъчжина, узловымъ пунктомъ дорогъ въ сѣверо-восточной Корее, и другими ближайшими городами и производительными округами сѣверной провинціи Хамгёнъдо, въ чьихъ предѣлахъ, на самомъ краю ея южной границы, лежитъ Сёнъчжинъ, то этимъ будутъ объяснены всѣ невыгоды естественнаго положенія этого города, хотя вся страна вокругъ него хорошо обработана и производитъ въ особенности много бобовъ, которые и вывозятся черезъ Сёнъчжинъ; при открытіи гавани также принималось въ расчетъ, что въ этой мѣстности имѣется въ изобиліи³ и по дешевымъ цѣнамъ весьма хорошій рогатый скотъ. Наконецъ, въ сосѣднемъ районѣ предполагали присутствіе золота⁴, мѣди и угля, а также рассчитывали использовать богатые мѣсторожденія очень красиваго бѣлаго мрамора. На присутствіе горныхъ богатствъ указываютъ и горячіе источники, по слухамъ, весьма дѣйствительные для нѣкоторыхъ болѣзней, въ 30 «и» разстоянія. Вдоль побережья японскія рыбацкія лодки занимаются дѣятельной ловлею трепанговъ.

Гавань Сёнъчжинъ не считается удовлетворительной, представляя собою въ сущности якорную стоянку немногимъ лучшую открытаго рейда, доступнаго всѣмъ вѣтрамъ отъ сѣверо-восточныхъ до юго-восточныхъ; даже при умѣренныхъ вѣтрахъ

1) Корейская «и» равна, какъ и китайская «ли», приблизительно $\frac{1}{2}$ верстѣ.

2) Описаніе Кореи, I, 297, даетъ описаніе подъема на этотъ переваль.

3) Изъ ближайшаго района вывозится свыше 20,000 головъ скота (Канкокуцуранъ, 814, говорится о времени, предшествовавшемъ открытію Чхёнъчжина для иностранной торговли).

4) По свѣдѣніямъ Канкокуцуранъ, 814, сосѣдній къ Сёнъчжину районъ даетъ въ годъ золота на сумму 1 милл. енъ.

съ этого направленія сообщеніе между рейдомъ и берегомъ иногда можетъ приостановиться. Самая якорная стоянка не помѣстительна, но очень легко доступна, при чемъ суда съ посадкой до 10 футовъ бросаютъ якоря въ $\frac{1}{4}$ мили разстоянія отъ берега. Большую половину года здѣсь преобладаютъ туманы, почему температура на берегу является умѣренной во всѣ времена года.

Внѣшняя торговля Сѣньчжина ведется преимущественно съ Гензаномъ, при помощи небольшихъ каботажныхъ пароходовъ; кромѣ того, пароходныя сообщенія Сѣнь-чжина¹ включаютъ слѣдующія линіи: между Кобе и Владивостокомъ (компаніи Ниппон-юсен-кайся); между Осака и Чхѣньчжин; Симоносеки и бухта Унъгый, всѣ три линіи съ заходомъ въ портъ Сѣньчжин; между Сѣньчжин и Владивостокомъ; между Осакою и Владивостокомъ черезъ тотъ же портъ Сѣньчжин; между Осакою и Сѣньчжин; наконецъ, каботажныя пароходныя линіи.

Черезъ Сѣньчжин вывозятся главнымъ образомъ бобы сои, мѣдь, бычачьи кожи, живой скотъ, рыба и прочіе морскіе продукты, въ частности и трепанги; ввозятся бумажныя издѣлія, лѣсъ. Въ 1909 г. общая цѣнность внѣшней торговли порта Сѣньчжина достигала 603,349 ень, или 1,1⁰/₀ цѣнности всей внѣшней торговли Кореи, въ томъ числѣ на долю ввоза приходилось 334,700 ень. По сравненію съ цифрами 1906 г., когда цѣнность ввоза была 122,226 ень и 1907 г. — 298,649 ень², цѣнность ввоза въ Сѣньчжин увеличивается; подобное увеличеніе ввоза товаровъ объясняется ростомъ каботажной торговли, съ помощью которой эти товары распредѣляются по сосѣднему побережью.

Къ югу отъ Сѣньчжина берегъ сохраняетъ общее юго-западное направленіе вплоть до обширнаго залива Броутона, наибольшаго на восточномъ побережьи (называемаго на японской картѣ «Восточный Корейскій заливъ» Тонъчюсѣнман, въ яп. чтеніи Хигаси-Ціосенван 東朝鮮灣), который между 40⁰ и 38⁰40' с. ш., между мысомъ Вэйриха на сѣверѣ и мысомъ Дуроха на югѣ, у самаго основанія собственнаго корейскаго полуострова, образуетъ пра-

¹) По даннымъ Korea. Reports of the foreign trade and shipping for the year 1908, 153.

²) Въ 1908 г. цѣнность ввоза была даже 371,315 ень, но это былъ исключительный годъ.

вильную дугу по линіи, идущей сперва въ юго-западномъ, затѣмъ въ прямомъ южномъ и, наконецъ, въ юго-восточномъ направле-
ніи. Этотъ заливъ распадается на цѣлый рядъ меньшихъ заливовъ
и бухтъ, изъ коихъ, кромѣ меньшихъ бухточекъ, какъ портъ
Шестакова (Чянчжинман), о немъ ниже, и Нахоман 內湖灣
(бухта города Хамхынъ), наиболѣе важной и извѣстной
является бухта Лазарева (на японскихъ картахъ Ёньхынъман
永興灣, по имени города этого имени на сѣверномъ ея бе-
регу)¹, состоящая въ свою очередь изъ трехъ частей: сѣверной,
или порта Лазарева (на японскихъ картахъ Сѣнтчѣнман
松田灣, въ японскомъ чтеніи Мацудаван), отдѣленной на
востокъ отъ моря полуостровомъ Нахимова (Тѣганъбандо 大江
半島), средней — бухты города Ток'уѳн и южной — бухты Гензанъ
(по японскому чтенію іероглифовъ 元山, по корейскому же чтенію
Уѳнсан). Последняя бухта, незамерзающая зимою, кромѣ тонка-
го слоя льду, образующагося у берега и взламываемаго морскимъ
волненіемъ, какъ и въ бухтѣ Лазарева, открыта для иностран-
ной торговли и имѣетъ для этой цѣли портъ того же имени.

Входъ съ моря въ заливъ Ёньхынъ, въ частности и въ
Гензанскую бухту, прикрывается цѣлымъ рядомъ острововъ;
изъ нихъ наибольшимъ и далѣе другихъ выдвинутымъ въ море
является островъ Никольскаго (Ёдо, яп. Рейтѳ 麗島), около
5¹/₂ верстъ по периметру, съ маякомъ, и вторымъ по величинѣ
островъ Анненкова (Синдо 薪島), въ 4¹/₂ версты къ западу
отъ перваго, сильно укрѣпленный японцами въ качествѣ центра
оборонительнаго фронта Гензана².

1) Одновременно съ объявленіемъ Чинхѣ въ уѣздѣ Чхянъуѳн военнымъ пор-
томъ, Ёньхынъ въ 10 миляхъ къ сѣверу отъ Гензана въ провинціи Южной
Хамгёндо былъ сдѣланъ съ 1 янв. 1911 г. военно-морской станціей. Для по-
стройки казармъ и прочихъ сооружений для морской обороны парламентомъ было
отпущено 200,000 енѣ. Бухта Ёньхынъ обнимаетъ пространство въ 20 миль съ
В. на З. и 30 миль съ С. на Ю., тогда какъ бухта Чинхѣ, являющаяся главной
морской базой Японіи въ Корей, имѣетъ 25 миль съ В. на З. и 20 миль съ
С. на Ю. Japan Weekly Chronicle, 5 Jan. 1911, 15.

2) Подробности объ этихъ и другихъ островахъ, лежащихъ въ морѣ передъ
Гензаномъ, см. Д. В-инъ, Путевыя замѣтки: «Дальній Востокъ», 10 авг. 1911,
стр. 3. Расположеніе острововъ въ заливѣ Ёньхынъ вмѣстѣ съ другими подроб-
ностями строенія его береговъ показано на схематическомъ планѣ Гензанскаго
залива, помѣщенномъ на картѣ Кореи, приложенной къ «Описанію Кореи», изд.
министерствомъ финансовъ; ср. небольшую, но очень отчетливую карту залива
Ёньхынъ при картѣ провинціи Южной Хамгёндо въ атласѣ: Тѣхан-тчѣгук-чидо,
изданномъ въ Сеулѣ въ 1908 г.

Упомянутая бухта Сёнътчён, открытая прямо на югъ, помѣстительна и глубока, будучи доступна для большихъ военныхъ и прочихъ судовъ и защищена отъ вѣтровъ и волненія. Недаромъ, какъ говоритъ Канкоку синцири¹, русское правительство раньше сильно желало овладѣть этой бухтою. Въ сѣверо-западномъ ея углу въ бухту изливаются двѣ рѣки; долины ихъ доставляютъ въ большомъ количествѣ золотой песокъ. Въ бухтѣ въ изобиліи водятся устрицы; японцы занимаются высушиваніемъ ихъ, такъ какъ для нихъ имѣется много обѣщающій сбытъ. На противоположной сторонѣ залива Ёнъхынъ, отдѣляясь отъ бухты Сёнътчён воднымъ пространствомъ средней части залива, лежитъ портъ Гензанъ.

Портъ Гензанъ 元山津 (Уёнсанчжин), принадлежащій съ 9 другими къ числу 10 корейскихъ историческихъ портовъ² (въ то же время онъ является однимъ изъ трехъ наиболѣе крупныхъ открытыхъ гаваней Кореи³ и единственной дѣйствительно важной на восточномъ побережьѣ) и расположенный въ южномъ углу провинці Южной Хамгёндо приблизительно на полдорогѣ между Фузаномъ и Владивостокомъ (отъ Фузана онъ отстоитъ на 306 морскихъ ри, отъ Владивостока на 330 морскихъ ри⁴), былъ открытъ для торговли съ Японіей 1 мая 1880 года и для торговли съ другими иностранными государ-

1) Стр. 313.

2) Десять историческихъ портовъ Кореи:

1. Ионъампхо (въ устьѣ Ялуцзянъ) фигурируетъ въ эпоху древней династіи Когурё, когда отсюда была изгнана 300 тыс. китайская армія; при династіи Корё—здѣсь собрались монгольскіе отряды для операций въ Корей; во время маньчжурскаго вторженія здѣсь находился сильный корейскій гарнизонъ, почему маньчжуры прошли западнѣе.

2. Чынънампхо.

3. Канъхоа.

4. Намъянъ (близъ Асан).

5. Очхён (на сѣверъ отъ Кунсана).

6. Мокпхо.

7. Масанпхо.

8. Фузанъ.

9. Гензанъ.

10. Кёнъхынъ (устье р. Туманганъ). См. Korea Review, 1903, 407.

3) Впрочемъ, въ настоящее время Чыннампхо превзошелъ Гензанъ по общей суммѣ оборотовъ внѣшней торговли.

4) Канкокудири, стр. 176, даетъ нѣсколько отличныя цифры разстоянія отъ Гензана до Владивостока—340 морскихъ ри и до Фузана—310 ри, добавляя, что отъ Симоносеки его отдѣляетъ 380 морскихъ ри и отъ Нагасаки—460 ри.

ствами въ ноябрѣ 1883 г. Еще до открытія иностранной торговли портъ Гензанъ, куда свозилось съ давнихъ временъ податное зерно со всей сѣверной Кореи, причислялся къ тремъ большимъ гаванямъ (чжин 津) Кореи, а самъ городъ славился въ этой части страны своимъ богатством¹. Со времени указаннаго событія туземный городъ, построенный вдоль южнаго берега бухты, значительно выросъ и къ XX стол. заключалъ населеніе въ 20 тысячъ². Черезъ этотъ городъ проходитъ главная дорога, ведущая изъ Сеула въ Хамхынъ и далѣе къ р. Туманганъ; по линіи ея строится теперь изъ столицы желѣзная дорога, тогда какъ другая ж. д. должна соединить Гензанъ съ г. Пхёнъянъ, на мѣсто существующей уже теперь сухопутной дороги, ранѣе исправленной и теперь шоссированной японцами. Уже въ іюлѣ 1891 г. Гензанъ была соединена сухопутнымъ телеграфомъ съ Сеуломъ, а во время японо-русской войны и кабелемъ съ Мацуе въ Японіи.

Пять разъ въ мѣсяцъ въ туземномъ городѣ устраиваются ярмарки для продажи земледѣльческихъ продуктовъ и иностранныхъ ввозныхъ товаровъ.

На разстояніи около 1 мили отъ туземнаго города, на сѣверъ отъ него, расположенъ иностранный (въ сущности японскій) селлементъ съ таможеню въ центрѣ, составляющій т. н. новый Гензанъ. Число иностранцевъ (европейцевъ и американцевъ), проживающихъ въ Гензанѣ³, очень невелико, уменьшившись за послѣдніе годы (въ серединѣ 90 г.г. ихъ было 40, къ 1901 г. оставалось только 20; въ 1908 г. — 32 души, въ томъ числѣ 15 канадцевъ; отъ русской колоніи остался почти только одинъ коммерческій агентъ)⁴; за то у японцевъ здѣсь уже къ 1901 г.

¹) Канкоку синцири, 311.

²) Приводимая ниже, на стр. 46, новѣйшая цифра корейскаго населенія Гензана обнаруживаетъ какъ бы сокращеніе численности этого послѣдняго, хотя врядъ ли это справедливо. Скорѣе должно думать, что новѣйшая цифра, взятая изъ японскаго источника, касается лишь корейскаго населенія въ новомъ Гензанѣ, или японскомъ городѣ.

³) Немногіе иностранцы, проживающіе въ Гензанѣ, построили себѣ дома въ разныхъ частяхъ Гензана въ наиболѣе удобныхъ и красивыхъ мѣстахъ, поэтому нельзя говорить о существованіи здѣсь иностраннаго селлемента въ тѣсномъ смыслѣ слова, а только объ японскомъ, какъ онъ юридически и долженъ былъ всегда называться.

⁴) Какъ указывается въ Путевыхъ замѣткахъ Д. В—ина въ «Дальнемъ Востоцѣ», № 178, 20 авг. 1911 г., стр. 4, особый русскій участокъ, существующій въ Гензанѣ, поросъ бурьяномъ и доживаетъ послѣдніе дни, такъ какъ его стремятся приобрести японцы,

было 200 домовъ и 1,500 жителей, къ 1909 г. даже 1500 домовъ и свыше 5,000 душъ. Кромѣ иностраннаго (японскаго) селенія, имѣется еще китайскій, временно покинутый во время японо-китайской войны: въ 1901 г. въ немъ проживало до 119 китайцевъ, въ 1908 г. — 247¹.

Крупный ростъ Гензана, куда население привлекается какъ выгодами сношеній съ иностранцами, такъ и все растущей доходностью рыболовства, сдѣлалъ то, что въ сосѣднихъ ему городахъ, напримѣръ Мунчхён 文川, население съ 1886 г. по 1895 г. въ своихъ размѣрахъ не измѣнилось, а въ Коуён 高原 и Ток'уён 德原 даже значительно убыло². Корейскихъ жителей въ Гензанѣ считалось въ 1908 г. — 11,724 душъ.

Гавань Гензана хороша, будучи помѣстительна, легко доступна, хорошо защищена, съ превосходнымъ якорнымъ грунтомъ и достаточной глубиной воды. Во время наиболѣе холоднаго мѣсяца года — января, одинъ уголь гавани, расположенный передъ туземнымъ городомъ, иногда замерзаетъ, но часть гавани, служащая для судоходства, никогда не покрывается льдомъ такой толщины, чтобы онъ могъ помѣшать движенію судовъ. Корейскій старый портъ Гензана находится въ южномъ углу бухты; онъ достаточно глубокъ для мелкихъ судовъ и можетъ вмѣстить до 50 большихъ шаландъ. Японскій новый коммерческій портъ расположенъ сѣвернѣе — имѣетъ набережную, пристань и бассейнъ для шлюпокъ и катеровъ; нынѣ здѣсь устраивается молъ для прикрытія большихъ судовъ отъ волненія со стороны бухты.

Страна вокругъ Гензана вся воздѣлана и почва здѣсь очень плодородна. Въ близкомъ разстояніи находятся рудники, дающіе мѣдь и другіе металлы; золото встрѣчается въ сосѣднихъ горахъ. Въ 1900 г. было вывезено золота изъ Гензана на 1,425,576 долл., каковая сумма не включалась въ общую цѣнность вывозимыхъ товаровъ. Послѣ 1904 г. вывозъ золота изъ

¹) Д. В.—инъ, Путевыя замѣтки, II («Дальній Востокъ», № 178, 20 авг. 1901, стр. 3—4), сообщаетъ нѣкоторыя подробности относительно отдѣльныхъ частей новаго Гензана, какъ и о старомъ Гензанѣ (туземномъ городѣ); въ этихъ же «Замѣткахъ» говорится и о дѣятельности японцевъ и китайцевъ въ Гензанѣ. Часть этихъ свѣдѣній въ сущности взята изъ «Описанія Кореи», I, стр. 238—240.

²) Корфъ и Звегинцевъ, Военн. обзоръ Сѣв. Кореи, 60 и табл. № 5.

Гензана обнаружилъ значительное сокращеніе (въ 1908 г. золота было вывезено всего на сумму 441,751 ена) благодаря уменьшенію числа рабочихъ на золотыхъ приискахъ, съ одной стороны подь вліяніемъ частаго появленія въ сѣверной Корей шаяекъ повстанцевъ и съ другой стороны вслѣдствіе усиленнаго спроса на рабочія руки, съ болѣе высокой заработной платою, нежели размѣръ заработка рабочихъ на золотыхъ приискахъ, для сооруженій военнаго вѣдомства въ Нанамъ и портовыхъ сооружений въ Чхёнъчжинъ и самомъ Гензанѣ¹.

Въ городѣ и его окрестностяхъ можно имѣть въ изобиліи и по дешевой цѣнѣ очень хорошій рогатый и другой скотъ.

Торговля производится съ помощью регулярныхъ пароходныхъ рейсовъ, ведущихъ отсюда въ другіе корейскіе открытые порты (въ частности въ Чхёнъчжин), также въ Унъгый, Японію (Нагасаки, Кобе, Осака), Владивостокъ; до русско-японской войны существовала русская круговая пароходная линія (сперва Шевелева, потомъ общества китайско-восточной ж. д.) между Владивостокомъ съ одной стороны и Чжифу и Тяньцзинемъ съ другой черезъ корейскіе порты; теперь почти цѣликомъ все пароходство Гензана находится въ японскихъ рукахъ, за исключеніемъ пароходовъ, перевозящихъ скотъ во Владивостокъ.

Сухопутными сообщеніями, играющими роль въ торговой дѣятельности Гензана, являются: дорога въ Сеулъ, около 50 ри длиною, дорога въ Хамхынъ 27 ри длиною и побережная дорога въ Фузанъ (150 ри) черезъ Канънынъ и Кёнъчжю, отсюда прямо въ Фузанъ по берегу или кругомъ черезъ Тагу.

Вывозъ изъ Гензана состоитъ преимущественно изъ кожъ и шкуръ, мѣдной руды, бобовъ, золотого песка, сушеной рыбы; ввозъ—изъ бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій, металлическихъ издѣлій, сахара, спичекъ и красокъ.

До 1899 г. колебанія внѣшней торговли Гензана зависѣли главнымъ образомъ отъ урожая бобовъ сои, но съ тѣхъ поръ торговля этого порта вступила на новый путь благодаря тому, что живой скотъ сталъ вывозиться во Владивостокъ, мѣдная руда, китовое мясо и жиръ—въ Японію, трепанги, сушенныя устрицы и прочіе морскіе продукты—въ Китай. Неизмѣнный

¹) Korea, Reports of the foreign trade and shipping for the year 1908, 87.

ростъ этихъ статей вывоза иногда превышалъ цѣнность вывоза бобовъ и сои.

Въ 1900 г. ввозъ въ Гензанъ изъ иностранныхъ государствъ оцѣнивался въ 1,542,022 долл. и вывозъ—въ 815,678 долл.; ввозъ изъ другихъ корейскихъ портовъ—533,797 долл. и вывозъ—661,750 долл. Чистая цѣнность торговли порта въ этомъ году была 3,385,533 долл. противъ 1,411,898 въ 1896 г. Въ 1908 г. ввозъ достигалъ суммы въ 2,884,613 ень, вывозъ—1,002,548 ень, такъ что общая цѣнность внѣшней торговли была 3,887,161 ень. Каботажная торговля Гензана въ 1908 г. исчислялась въ 2,466,727 ень въ вывозѣ и 1,863,636 ень въ ввозѣ, всего же въ 4,330,363 ень. Въ 1909 г. общіе обороты внѣшней торговли Гензана исчислялись въ 3,741,360 ень, въ томъ числѣ въ вывозѣ 1,054,669 ень и въ привозѣ 2,686,691 ень.

Въ самой южной части залива Броутона, въ близкомъ разстояніи отъ мыса Дуроха, замыкающаго заливъ съ этой стороны, находится довольно обширная бухта Чянъчжёнман 長箭灣 (Ціосенван по японски), закрытая на востокѣ мысомъ Пещурова.

Дальнѣйшее протяженіе восточнаго побережья Кореи образуетъ довольно равномерно выступающую выпуклую дугу, которая заканчивается на юго-западѣ гаванью Фузана. На этомъ обширномъ участкѣ побережья, включаемомъ въ составъ провинцій Канъуёндо и обѣихъ Кёнъсянъдо, почти не встрѣчается глубокихъ выемокъ въ береговой линіи, за исключеніемъ бухты Унковскаго (Ёнъилман); за то здѣсь имѣется цѣлый рядъ мелкихъ бухтъ—напримѣръ Чюкпёнман (Улчжинман) 竹邊灣 или бухта Ёнъхя 永海 (или Чхюксанпхо 丑山浦, Цюдзампо по японски),—достаточно удобныхъ и защищенныхъ и съ глубокой водой, служащихъ особенно по берегу обѣихъ провинцій Кёнъсянъдо для оживленнаго судоходства не только паруснаго, но и парового, которое нынѣ организовано на этомъ побережьѣ японцами; кромѣ того эти бухты играютъ значительную роль и въ рыболовныхъ промыслахъ на томъ же побережьѣ въ качествѣ складочныхъ и продовольственныхъ пунктовъ.

Упомянутая бухта Унковскаго, или Ёнъилман 迎日灣 (въ японск. чтеніи Гейнициван), почти касающаяся на югѣ 36° с. ш.

является одной изъ наибольшихъ бухтъ на восточномъ побережьѣ; на востокѣ она защищена полуостровомъ, заканчивающимся мысомъ Клонаръ. При входѣ въ бухтъ имѣется глубина въ 12—17 сажень, по срединѣ—до 7 сажень съ хорошимъ якорнымъ грунтомъ. Имя Ёнбилман бухта получила отъ уѣзднаго города этого имени, лежащаго въ глубинѣ ея.

Далѣе къ югу находится довольно глубоко врѣзанная бухта Дыдымова (Ульсанман) съ городомъ Ульсан 蔚山 при ея вершинѣ, въ 55,8 м. миляхъ отъ города Ёнбил и 35,8 м. миляхъ отъ Фузана.

Въ гавани Фузанъ, гдѣ береговая линія Японскаго моря дѣлаетъ окончательный поворотъ съ южнаго и юго-восточнаго направленія на юго-западное и западное вдоль сѣверной стороны Корейскаго пролива, начинается новый участокъ корейскаго побережья, весьма разнящійся отъ только что разсмотрѣннаго восточнаго побережья широкимъ развитіемъ береговой линіи и множествомъ прилежащихъ острововъ, которыхъ восточное побережье почти лишено. Единственными болѣе крупными исключеніями въ этомъ отношеніи, не считая мелкихъ утесистыхъ островковъ или совершенно лишенныхъ растительности или рѣже покрытыхъ мхомъ и низкой травой¹, являются на восточномъ берегу Кореи, изъ числа острововъ, лежащихъ вплотную съ берегомъ, гористый островъ Аввакума, (Мадо 馬島), отчасти закрывающій входъ въ бухту Корнилова, длиною съ сѣвера на югъ въ $3\frac{1}{2}$ версты и въ ширину 2 версты, и о. Гончарова (въ сѣверномъ углу залива Броутона), по корейски Маянъдо (произносится Марянъдо 馬養島, по японски Баіотō), лежащій передъ Синхо 新浦 (Симпо по японски), длиною съ сѣверо-востока на юго-западъ въ 6 верстъ при наибольшей ширинѣ въ $2\frac{1}{2}$ версты². Онъ лежитъ какъ разъ на 40° с. ш. и отдѣляется отъ материка проливомъ до 1 мили въ ширину, извѣстнымъ подъ именемъ порта Шестакова (японцы называютъ этотъ участокъ моря Дзенсинван 前津灣, по корейски Чянчжинман)³,

¹) Перечень ихъ см. въ Описаніи Кореи, I, 143—4.

²) Канкокусинцири, 315. опредѣляетъ длину острова въ 1 ри (3,6 версты) и ширину въ 10 цō (около 1 версты); населеніе острова, согласно тому же сочиненію, достигаетъ свыше 200 семей.

³) Канкокусинцири, 5.

имѣющимъ большую глубину и превосходный якорный грунтъ и представляющимъ отличную якорную стоянку, несмотря на сильные восточные вѣтры. Зимой портъ никогда не замерзаетъ. Въ самый островъ со стороны пролива глубоко врѣзаются четыре бухты, хорошо защищенныя отъ вѣтровъ и могущія вмѣстить большое число крупныхъ судовъ. Островъ скалистъ, поднимаясь на высоту въ 570 ф.; большая часть его воздѣлывается; кромѣ того на немъ производится морской соляной промысел¹.

Къ тому же восточному побережью Кореи принадлежит и большой о-въ Уллындо 鬱陵島 (по японски Мацусима 松島 «островъ сосень»), въ европейской литературѣ островъ Дажелеть, единственный большой корейскій островъ въ Японскомъ морѣ, лежащій особнякомъ³ въ 100 (70)⁴ морскихъ миляхъ отъ корейскаго берега, въ 40 съ чѣмъ то японскихъ ри на югъ отъ Уольсѣнъпхо 越松浦 въ уѣздѣ Пхѣнхя 平海, въ 177 м. миляхъ отъ Фузана по линіи пароходныхъ рейсовъ и въ 186 м. миляхъ отъ японской гавани Сакаи въ Хѣки, въ 307 м. миляхъ отъ Владивостока, подъ 37°31-34' с. ш. и 130°45-53' в. д. Островъ былъ открытъ въ 1787 г. Лаперузомъ во время его плаванія по Японскому морю и съ того времени неоднократно посѣщался иностранными, въ частности русскими судами (одно изъ нихъ, военное судно «Витязь» въ концѣ 80 гг. даже разбилося у береговъ о-ва). На многихъ прежнихъ европейскихъ

¹) Описаніе Кореи, I, 143—4.

²) Корейское названіе, буквально означающее «островъ холмовъ, покрытыхъ лѣсной чащею», островъ Дажелеть получилъ отъ гигантскаго строеваго лѣса, покрывающаго его горы.

³) Ближайшій къ острову Уллындо островокъ Liancourt (Янко въ японской передачѣ) лежитъ въ 30 японск. ри (около 70 морскихъ миль) на Ю.-В. отъ него, почти на подорогѣ между Уллындо и островами Оки. Островъ Янко длиною въ 10 цѣ, необитаемъ, причиною чего является трудность достать здѣсь питьевую воду и топливо. Весьма изрѣзанные берега острова имѣютъ много мѣстъ, удобныхъ для пристанища рыбачьихъ судовъ; по сосѣдству съ островомъ водится много моржей (кайба 海馬); говорятъ, что островъ богатъ также и другими морскими произведеніями (Канкокусинцири, 308). У самыхъ береговъ о. Уллындо съ восточной стороны лежитъ островокъ Бусоль (въ память одного изъ судовъ экспедиціи Лаперуза), называемый въ Канкокусири Чюксѣ 竹嶼 (по яп. Цикусію).

⁴) Первая цифра дается «Описаніемъ Кореи», вторая—у Лебедева, Островъ Дажелеть: Извѣст. Вост. Инст., т. XI, стр. 165; 80 морск. ри, согласно Канкокусири, стр. 7. Въ ясный солнечный день со склона вершины Турибонъ (съ высоты 2500—2800 ф.) видны берега Кореи и снѣговья вершины ея горъ (Лебедевъ, цит. статья, стр. 165).

картахъ островъ ошибочно обозначался, какъ принадлежащій Японіи, что сдѣлалось справедливымъ только со времени аннексії.

Островъ Уллындо лежитъ на линіи прямого морского сообщенія между восточнымъ побережьемъ корейскаго полуострова и средней частью западнаго побережья главнаго японскаго острова, поэтому въ болѣе раннюю эпоху, когда происходили сношенія между корейскимъ королевствомъ Силла и японской областью Идзумо, настоящій островъ вмѣстѣ съ островами Оки, лежащими на юго-востокъ отъ него въ 80 морскихъ р и на той же прямой линіи, служилъ остановочнымъ пунктомъ въ морскомъ путешествіи между Кореей и Японіей. Въ средніе вѣка японскіе пираты имѣли одно время на островѣ опорную базу для нападенія на корейскіе берега. Это обстоятельство дало право японскимъ авторамъ, напримеръ, Кайбара Еккенъ, считать островъ принадлежащимъ Японіи. Только въ 1882—3 г.г. (15—16 годы правленія Мейдзи), когда корейское правительство заявило протестъ по поводу того, что японцы занимаются рубкою лѣсовъ на островѣ, японское правительство уступило островъ Корее, тѣмъ самымъ впервые разрѣшивъ вопросъ о его принадлежности. Однако, японцы по прежнему продолжали жить въ большомъ числѣ на островѣ и заниматься рубкою лѣсовъ. Только въ 1888 г., по приобрѣтеніи русскими концессіи на рубку лѣсовъ на островѣ, русскій концессіонеръ потребовалъ отъ корейскаго правительства запрещенія японцамъ жить на островѣ и заниматься незаконнымъ образомъ лѣснымъ промысломъ. Въ отвѣтъ на сообщеніе по этому поводу отъ корейскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, японскій посланникъ предписалъ было японцамъ покинуть островъ, но затѣмъ оказалось, что по мѣстнымъ условіямъ быстрое удаленіе оттуда японцевъ представляется невозможнымъ, и въ этомъ смыслѣ былъ данъ отвѣтъ корейскому правительству¹.

Окружность острова Уллындо 25 м. миль или 14 японскихъ ри (100 корейскихъ «и») ²; берегъ его скалистъ и крайне непривѣтливъ. Море вдоль береговъ острова глубоко и въ тихую погоду суда могутъ становиться здѣсь на якорь съ большимъ удобствомъ и въ совершенной безопасности; но въ вѣтряную погоду, когда на морѣ происходитъ волненіе, стоянка на якорѣ затруднительна и суда подвергаются риску потерпѣть крушеніе. Между тѣмъ внутри береговъ острова нѣтъ ни одной бухты, гдѣ бы могло найти пристанище судно, даже имѣющее не болѣе 1000 тоннъ водоизмѣщенія; самыя небольшія суда

¹) Канкокусинцири, стр. 308.

²) Канкокуцири, стр. 175, исчисляеть окружность острова въ 18 яп. ри.

и тѣ могутъ пристать къ острову лишь въ немногихъ мѣстахъ. Лучшей и защищенной гаванью для нихъ является бухта Тодонъ (по японски Тōдō) 道洞 на восточномъ берегу острова; другая удобная гавань для самыхъ небольшихъ (рыбачьихъ) судовъ находится на его сѣверо-западномъ берегу¹.

Островъ Уллындо почти сплошь покрытъ горами, при чемъ наибольшая вершина Суимбонъ имѣетъ 3,208 ф. вышины²; вторая по величинѣ вершина Турибонъ немногимъ уступаетъ первой. Всѣ горы и долины отъ вершины до низа ранѣе были покрыты громаднымъ лѣсомъ. Однако, лучшіе экземпляры наиболѣе цѣнныхъ породъ краснаго дерева и кедра были большей частью вырублены японцами уже къ 1903 г.³. Все-же истребленіе лѣсовъ коснулось почти только склоновъ горъ, обращенныхъ къ морю, такъ какъ внутри острова, какъ удосто- вѣрилъ лично въ 1911 г. фюзанскій полицейскій инспекторъ Хасимото⁴, сохранились еще пышные лѣса. Впрочемъ и онъ подтвердилъ, что лѣса planera japonica, которыми ранѣе славился островъ и которые казались раньше совершенно неистощи- мыми, нынѣ совершенно вырублены. Въ тѣхъ частяхъ острова, которыхъ коснулась губительная рука человѣка, склоны горъ, оголенные отъ лѣса, засѣяны уже хлѣбами (кукурузою, рисомъ, бобами и овощами), служащими для прокормленія мѣстнаго корейскаго населенія, тогда какъ по дну долинъ, загромож- денныхъ скалами и обычно непригодныхъ подъ пашни, текутъ рѣчки.

Климатъ острова очень здоровый; нѣтъ такихъ холодныхъ тумановъ, какъ во Владивостокѣ, такъ какъ облака остаются на вершинахъ горъ.

Домашнихъ животныхъ, привезенныхъ изъ Кореи, немного и они дороги; дикія животныя и представители пернатого царства малочисленны и разнообразны⁵. Въ водахъ, омывающихъ берега

¹) См. небольшую карту острова въ упомянутомъ атласѣ Тѣхан-тѣгук-чидо (на картѣ провинціи Кангюндо).

²) Канкокусинцири, стр. 306, опредѣляетъ высоту центрального поднятія на островѣ въ 4,000 ф.

³) Цит. статья Лебедева, 168.

⁴) Seoul Press, 12 July 1911.

⁵) Исключеніе составляетъ одинъ видъ водяной птицы (изъ породы куликовъ ямаси- ги 山鵝), который осенью въ необычайномъ множествѣ собирается на островѣ; мѣст-

острова, въ изобиліи встрѣчаются раковины *haliotis* (аваби по японски)¹, также морскіе водоросли, изъ которыхъ добывается агаръ-агаръ (кантен по японски)², и каракатицы, которыхъ ловится на сумму до 160,000 ень въ годъ³, но рыбы мало, вслѣдствіе скалистости и приглубости береговъ.

Вообще по изобилію естественныхъ произведеній на островѣ, въ Корей можно найти лишь немного другихъ мѣстъ, которыя могли бы сравниться съ нимъ⁴. Помимо указанныхъ даровъ природы, островъ обладаетъ и минеральнымъ источникомъ съ кисловатой водой, оказывающей благотворное дѣйствіе при болѣзни⁵.

Въ административномъ отношеніи островъ Уллындо входитъ въ составъ пров. Каньюндо и управляется кунсю — уѣзднымъ начальникомъ. Въ 1903 г. во время посѣщенія острова г. Лебедевымъ населеніе его составляли 2,500 корейцевъ, проживавшихъ въ 20 деревняхъ, и 180 или болѣе японцевъ. Въ первой половинѣ 1909 г. общее число домовъ на островѣ было 1,112 (японскихъ 213) съ населеніемъ 5,374 (японцевъ 713)⁶.

Населеніе сосредоточено главнымъ образомъ въ южной части острова, гдѣ долины шире и плодороднѣе, при чемъ корейцы занимаютъ преимущественно земледѣліемъ (уже Оппертъ отмѣтилъ въ 60 гг. XIX стол., что островъ славится плодородіемъ⁷). Изъ земледѣльческихъ произведеній рисъ растетъ не очень успѣшно, и

ные жители убиваютъ этихъ птицъ и употребляютъ высушеное мясо ихъ круглый годъ въ качествѣ вспомогательнаго пищевого продукта, а жиръ въ качествѣ освѣтительнаго матеріала. Канкоку Синцири, 307.

1) Плоскія морскія одностворчатая раковины.

2) Рыбій клей. Означенныя водоросли называются по японски токоротенгуса 心太草 (или 石花菜).

3) Seoul Press, 12 July 1911, 3. Другія свѣдѣнія указываютъ въ нѣсколько разъ меньшую цифру.

4) Канкоку Синцири, 397.

5) Тамъ же.

6) Seoul Press, 12 May 1909, 2. Японскій почтмейстеръ на о-вѣ Дажелеть, Катаока, даетъ въ томъ же 1909 г. нѣсколько отличныя цифры населенія острова: 670 японцевъ и 7,000 корейцевъ. Въ юнѣ 1911 на островѣ было, по словамъ Хасимото, полицейскаго инспектора, посѣтившаго этотъ островъ, уже 1197 японцевъ (268 семей): Seoul Press, 12 July 1911, 3. Эти японцы являются обычно родомъ изъ префектуры Тоттори на главномъ японскомъ островѣ (Канкоку Синцири, 307).

7) Канкоку Синцири, стр. 306, объясняетъ это тѣмъ, что почва острова состоитъ изъ рода чернозема, образовавшагося отъ гніенія вѣками накопившихся опавшихъ листьевъ и сухой травы, при чемъ можетъ обрабатываться даже безъ удобренія.

главное питаніе населенія составляютъ ячмень, картофель, маисъ и бобы (бобы сои собираются на островѣ въ годъ въ количествѣ 7000 коку)¹. Помимо земледѣлія корейцы занимаются также лѣснымъ промысломъ и рыбными ловлями, работая въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ на японцевъ.

Въ отношеніи рыбныхъ ловель, наиболѣе процвѣтаетъ ловля головоногихъ, въ частности каракатиць; во время сезона все населеніе острова, со многими пріѣзжими по этому случаю рыбаками изъ Японіи, занимается по ночамъ ловлею этого моллюска; въ годъ его ловится на 20—30 тыс. ень², а остальныхъ морскихъ продуктовъ на сумму около 20,000 ень.

Дѣятельность японцевъ на островѣ сводится главнымъ образомъ къ ловлѣ каракатиць³ и временно весною къ ловлѣ аваби (*haliotis*); немногіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, большее число ихъ является торговцами. Главнымъ мѣстопробываніемъ ихъ являлся въ 1903 г. Тодѣ, какъ и въ 1911 г., когда въ этомъ пунктѣ проживало 600 японцевъ.

Сообщеніе острова съ внѣшнимъ міромъ производится почти исключительно на парусныхъ судахъ и раньше нерѣдко прерывалось почти на $1/2$ года. Нынѣ островъ только зимою, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, когда стоятъ сильные холода, бываетъ иногда совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ благодаря тому, что сообщеніе съ собственной Японіей поддерживается при посредствѣ парохода, совершающаго разъ въ мѣсяць рейсы между Сакаи (въ префектурѣ Симане на главномъ японскомъ островѣ) и самимъ островомъ⁴.

Почта съ острова Уллындѣо обычно собирается въ Фузанѣ, отъ котораго его отдѣляетъ нѣсколько болѣе 170 миль, очень легко проходимыхъ судномъ въ спокойную погоду, и отсюда разсылается по мѣсту назначенія.

Благодаря уединенности острова и рѣдкому сообщенію съ остальнымъ міромъ, обитатели ведутъ здѣсь очень тихій образъ

¹) Канкокусинцири. 306, исчисляетъ ежегодный сборъ бобовъ на островѣ лишь въ 400—500 коку, добавляя, что не малое количество ихъ вывозится въ Японію.

²) Выше указана много бѣльшая сумма, 160,000 ень, представляющая цѣнность улова этого моллюска на островѣ, по даннымъ газеты Seoul Press.

³) Seoul Press, 12 July 1911, 3. Благодаря хищническимъ порубкамъ въ прежніе годы, лѣсной промыселъ, какъ сказано, нынѣ упалъ.

⁴) Seoul Press, 12 July 1911, 3.

жизни; отношенія между корейцами и японцами наилучшія¹, что подчеркивается съ особымъ удареніемъ полицейскимъ инспекторомъ Фузана Хасимото².

Другія подробности относительно острова, въ частности и дѣятельности здѣсь японцевъ, можно найти въ интересной статьѣ Лебедева, цитированной выше и относящейся ко времени до русско-японской войны.

Первой глубоко вѣзанной выемкою въ юго-восточной части южнаго побережья Кореи, выходящей на Корейскій проливъ, или вѣрнѣе Броутоновъ проливъ, какъ называютъ европейскія карты западную половину этого пролива, образованную черезъ раздѣленіе всего пролива островами Цусима на двѣ части—на японскихъ картахъ за этой половиной пролива оставляется имя Корейскаго пролива въ корейскомъ чтеніи Чіосѣнхэхѣн (Ціосен кайкіо 朝鮮海峽), тогда какъ восточной половинѣ пролива, между островами Цусима и Ики, дается имя Цусима кайкіо (на европейскихъ картахъ—проливъ Крузенштерна), а остающейся части пролива, между островами Ики и Кюсю—имя Ики кайкіо—является гавань Фузанъ, Пусан по корейски 釜山, подъ 35°6'6" с. ш. и 129°3'2" в. д., столь извѣстная въ болѣе ранней исторіи сношеній между Кореей и Японіей черезъ острова Цусима (въ разстояніи 18 ри³ отъ Фузана), а нынѣ играющая роль второй по размѣрамъ торговыхъ оборотовъ открытой—для Японіи съ 1876 г. и для западныхъ государствъ съ 1883 г.—гавани Кореи, лежащей на пути прямого сообщенія между собственной Японіей и ея новой областью Ціосень.

Благодаря въ высшей степени удобному для сообщенія съ японскими островами положенію Фузана, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нихъ, эта гавань раньше всѣхъ другихъ существующихъ корейскихъ открытых гаваней завязала сношенія съ Японіей. Первоначально сношенія между обѣими странами шли черезъ Цусимскаго князя изъ фамиліи Сѵ宗, при чемъ для этой цѣли служили три пункта на побережьѣ южной Кореи: Чѣпхо 齊浦 (въ уѣздѣ Унчхѣн 熊川), Пусанпхо 釜山浦 (Коган 古館 на сѣверь отъ нынѣшняго иностраннаго селтлемента Фузана) и Ёмпхо 鹽浦 (въ уѣздѣ Ульсан), гдѣ разрѣшалось проживать

¹) Japan W. Chronicle, 2 Sept. 1909, 436.

²) См. Seoul Press, 12 July 1911, 3.

³) 30 морск. ри.

японцамъ и куда направлялись японскія посольскія и торговыя суда. Въ 1510 г. (въ 7-й годъ правленія Ейсiō 永正 по японскому счету) между корейскими властями и проживающими въ Корей японцами произошло столкновение, на время прервавшее сосѣдскія сношенія; только въ годы правленія Тайей 大永 (1521—1527 г. по Р. X.) нарушенное согласіе было возстановлено. Въ 1544 г. (13-й годъ правленія Теммон 天文) всѣ японцы, проживавшіе въ трехъ указанныхъ пунктахъ, переселились на жительство въ одинъ изъ нихъ, именно въ Пусанхо (Когоан). Въ годы правленія Бунроку 文錄 (1592—5 г.г.), когда японскимъ правителемъ Тоіотоми Хидеіоси былъ предпринятъ походъ на Корею, сношенія между обоими сосѣдями снова прервались и только при новыхъ правителяхъ Японіи въ лицѣ сіогуновъ изъ рода Токугава произошло опять сближеніе между Кореей и Японіей вмѣстѣ съ заключеніемъ торговаго договора въ 1609 г. Въ 1658 г. (въ 1-й годъ правленія Мандзи 萬治) японцы выразили желаніе, чтобы японская торговая факторія была перенесена на другое мѣсто въ виду того, что Пусанхо оказывался неудобнымъ для стоянки судовъ. Однако, это дѣло разрѣшилось не такъ-то легко и только, послѣ самоубійства японскаго посланника Цукіе изъ вассаловъ дома Сō, корейское правительство, тронутое этимъ поступкомъ, подписало соглашеніе о переносѣ факторіи въ Цхорянъ въ 1672 г. (въ 12-й годъ правленія Камбун 寬文). Тотчасъ было приступлено къ работамъ и къ 1678 г. (6-й годъ правленія Емпō 延寶) новая факторія была готова и въ этомъ году вся японская колонія перешла въ нее. Она находилась на мѣстѣ нынѣшняго японскаго сеттлементъа въ Фузанѣ и извѣстна была подъ названіемъ Оайгоан 倭館—японское подворье. Въ февралѣ 1876 г. послѣ заключенія новаго мирнаго договора между Японіей и Кореей въ указанномъ мѣстѣ былъ учрежденъ японскій сеттлементъ¹.

Въ серединѣ бухты Фузана, весьма хорошей и помѣстительной, съ достаточной для самыхъ крупныхъ судовъ глубиной, лежитъ островъ Чёрёндо, въ японскомъ чтеніи Дзецуейтō 絶影島 (Deer Island европейскихъ картъ; японцы называютъ этотъ островъ Макиносина 牧の島), вытянутый съ запада на востокъ при меньшей длинѣ съ сѣвера на югъ (окружность его измѣряется въ 8 ри), защищая якорную стоянку на сѣверо-западъ отъ него отъ всѣхъ вѣтровъ и раздѣляя бухту Фузанъ на двѣ отдѣльныя части—восточную и западную, обѣ удобныя для стоянки судовъ, хотя вторая, непосредственно прилегающая къ японскому сеттлементу, какъ болѣе мелководная, доступна лишь для неглубокосидящихъ судовъ. Вдоль западнаго и сѣвернаго береговъ бухты расположился городъ Фузанъ, давшій бухтѣ свое имя.

¹) Канкоку синцири, 230—231.

Исторически городъ составился изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, весьма различныхъ между собою. Нынѣшній, или новый Фузанъ—иностранный и японскій селлементы и корейскій городъ, примыкающій къ нимъ, лежитъ на западной сторонѣ бухты, тогда какъ въ сѣверномъ углу ея находится старый Фузанъ съ крѣпостью—Пусанчжин 釜山鎮, имѣющій всего 300 домовъ и 1500 жителей, однако, настолько состоятельныхъ благодаря близости новаго Фузана, откуда они получаютъ свой заработокъ, что равныхъ имъ нелегко найти въ другихъ корейскихъ уѣздныхъ городахъ¹. Сама крѣпость обнесена стѣною длиною съ 10 слишкомъ цѣ (свыше 1 версты) и вышиною въ 2 кенъ (12 футовъ). Въ старину японская торговля производилась въ этомъ мѣстѣ, затѣмъ перешла въ Когоан (въ японскомъ чтеніи Кокан) 古館, а въ 1678 г.—въ нынѣшній селлементъ². Недалеко отъ стараго Фузана, на отрогѣ горы Понъдасан (въ японскомъ чтеніи Хѣдайсан) 峰臺山, во время японскаго похода въ концѣ XVI стол. Кониси построилъ крѣпость, отъ которой еще сохранились слѣды. Упомянутый Когоан 古館 находится на югѣ отъ Пусанчжин; нынѣ въ немъ сотни двѣ домовъ и 1000 жителей. Это мѣсто служило торговымъ рынкомъ для японцевъ съ 13 года Теммон (1544 г.) до 12 года Канъей (1635 г.)³; понынѣ не мало мѣстныхъ жителей понимаютъ по японски.

На юго-западъ отъ стараго города Пусанчжин (яп. Фудзанцин) и бывшей японской колоніи Когоан и расположеннаго вслѣдъ затѣмъ китайскаго квартала, на берегу бухты лежитъ бывшая рыбацья деревушка Цхорянь 草梁 (по японски Сѣриѳ), нынѣ весьма оживленная часть новаго Фузана; рядомъ съ ней послѣдовательно располагаются остальные части новаго Фузана, иностранный селлементъ и по другую сторону двухъ холмовъ (Ріѳтѳдзан и Ріѳбидзан въ японскомъ чтеніи іероглифовъ 龍頭山 и 龍尾山) собственный японскій селлементъ, лежащій южнѣе всѣхъ другихъ частей новаго Фузана.

Въ отношеніи внѣшняго благоустройства между отдѣльными частями Фузана понынѣ наблюдается рѣзкая разница, хотя послѣдніе

¹) Канкокусинцири, 235.

²) Въ то время онъ назывался корейцами Оайгоан (Ваган по японскому чтенію) 倭館.

³) Канкосинцири, 235. Послѣдняя дата не вполне согласуется съ предыдущими данными.

годы внесли значительныя перемѣны и въ состояніе туземныхъ частей Фузана. Если туземный городъ Фузана представлялъ собою раньше, отчасти и теперь, скопище невзрачныхъ корейскихъ строеній, вѣрнѣе даже лачугъ, крытыхъ соломою¹, то иностранный и собственный японскій селтлементы, составляющіе т. н. новый Фузанъ, всегда являли собою по своему образцовому порядку и чистотѣ полную противоположность туземному городу. Послѣдніе годы способствовали еще большому расцвѣту японскаго или новаго Фузана, хотя, какъ сказано, улучшенія коснулись и туземнаго города. Нынѣ Фузанъ обладаетъ уже водопроводомъ, имѣетъ хорошія набережныя, пристани, бассейнъ для мелкихъ судовъ, пакгаузы и съ каждымъ годомъ улучшается во внѣшности и въ отношеніи оборудованія гавани. За три послѣднихъ года въ портѣ Фузана произведены такія значительныя улучшенія, что его теперь прямо узнать нельзя, какъ заявилъ Volljahn въ апрѣлѣ 1911 г. Обширная площадь береговой полосы моря нынѣ засыпана и на ней быстро растетъ новый дѣловой Фузанъ съ новыми красивыми зданіями вокзала, почты, таможни, съ новой набережной и т. д. Мѣсто прежней таможни обращено въ обширный рыбный рынокъ, откуда свѣжая рыба ежедневно съ ночнымъ скорымъ поѣздомъ отправляется въ Сеуль². Не довольствуясь уже достигнутыми результатами, японскія власти приступили къ новымъ улучшеніямъ оборудованія порта; между прочимъ съ этой цѣлью будетъ построена моль длиною въ 2,160 фут., къ которому могли бы приставать суда отъ 3,000 до 20,000 тоннъ.

Ростъ населенія новаго Фузана усматривается изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1895 г. въ немъ проживало 4,953 японцевъ³, кромѣ 25 европейцевъ и 7 китайцевъ; въ 1898 г. —

1) Въ 1909 г. во всемъ Фузанѣ проживало корейцевъ 14,340 человекъ, не считая 197 китайцевъ, 22 европейцевъ и, конечно, японцевъ.

2) Japan Weekly Times, 29 Apr. 1911.

3) Для сравненія можно указать что въ 1875 г., когда Окура, нынѣшній Токіоскій миллионеръ, посѣтилъ вмѣстѣ съ Ханабуса, нынѣ виконтомъ, облеченнымъ дипломатическимъ порученіемъ, Фузанъ, въ этомъ портѣ проживало всего 90 японцевъ; на одной изъ улицъ Окура увидѣлъ любопытный помостъ, который, какъ ему сообщили, служилъ для обмѣна новогоднихъ привѣтствій между губернаторомъ Тоннѣя, садившимся на немъ, и японцами, располагавшимися на колѣняхъ передъ помостомъ на землѣ (Japan W. Chronicle, 12 May 1910, 824). Черезъ пять лѣтъ, въ 1880 г. численность населенія въ японскомъ селтлементѣ Фузана достигала уже 2066 человекъ.

6,249 японцевъ, 85 китайцевъ и 22 европейца; нынѣ однихъ японцевъ числится 24,307 человекъ въ предѣлахъ юрисдикціи мѣстнаго японскаго городского управленія и 25,574 японцевъ¹ въ предѣлахъ юрисдикціи Фузанскаго полицейскаго управленія².

Климатъ Фузана очень здоровый; близъ города Тонънѣ имѣется хорошій горячій источникъ, съ которымъ Фузанъ нынѣ связанъ легковѣсной желѣзной дорогою.

Регулярныя пароходныя линіи связываютъ портъ Фузана съ Японіей, между прочимъ съ Симоносеки (122 м. мили), гдѣ онѣ согласованы съ прибытіемъ и отходомъ поѣздовъ прямого японо-корейско-маньчжурскаго сообщенія, съ Осакою и Нагасаки (167 м. миль), Шанхаемъ, Чжифу, Владивостокомъ и съ остальными корейскими открытыми портами на западномъ³ и восточномъ побережьяхъ, не говоря о каботажныхъ рейсахъ въ сѣверо-восточномъ и юго-западномъ направленіяхъ. Изъ Фузана разъ въ мѣсяцъ отправляется пароходъ фирмы Іосида по каботажной линіи вдоль восточнаго побережья черезъ Гензанъ въ Унъгый. Существуетъ также съ декабря 1908 г. пароходное сообщеніе между Фузаномъ и заливомъ Ёнъил.

Съ ноября 1883 г. Фузанъ соединенъ съ Японіей подводнымъ телеграфнымъ кабелемъ, идущимъ сперва къ о-ву Цусима, отстоящему отъ Фузана въ 18 японскихъ ри, затѣмъ къ о-ву Ики и касающимся берега о-ва Кюсю на сѣверъ отъ Карацу.

Иностранный привозъ Фузана въ 1899 г. достигалъ цѣнности въ 2,389,000 енъ противъ 2,735,000 долл. въ 1897 г., а вывозъ—1,822,000 енъ противъ 4,700,000 долл. въ 1897 г. Въ 1908 г. первый исчислялся въ 9,258,084 енъ, второй— въ 4,471,349 енъ; въ 1909 г. соотвѣтствующія цифры были 8,307,944 енъ и 5,155,983 енъ, или всего 13,463,927 енъ.

До 1899 г. въ отношеніи характера своей внѣшней торговли Фузанъ могъ скорѣе считаться вывознымъ портомъ, но съ 1904 г., по окончаніи Сеуло-Фузанской ж. д., развила въ

1) Какъ указываетъ Канкокусинцири, 233, японцы, проживающіе въ Фузанѣ, являются главнымъ образомъ родомъ изъ префектуры Ямагути, затѣмъ Нагасаки; далѣе идутъ по численности уроженцы префектуръ Фукуока, Хиросима, Осака, Кумамото и Симане.

2) Japan W. Times, 8 Apr. 1911.

3) Отъ Чѣмудьпо Фузанъ отдѣляетъ разстояніе въ 331 морск. ри, что составляетъ приблизительно 60 часовъ пути на пароходѣ. Канкокусинцири, 169.

чрезвычайной степени и его ввозная торговля; эта тенденция усилилась послѣ окончанія Сеуло-Ыйчжюской ж. д. Въ 1907 г., когда было установлено прямое грузовое сообщеніе между Кореей и Японіей черезъ Фузань, обороты Фузанской торговли испытали новое повышеніе, въ особенности въ отношеніи вывоза (на 1,450,000 ень), но также и въ привозѣ (на 780,000 ень). Въ частности это прямое сообщеніе вызвало чрезвычайное увеличеніе вывоза золота черезъ Фузань, котораго было вывезено этимъ путемъ въ 1908 г. на сумму въ 2,631,835 ень, въ 1909 г. даже на сумму 5,452,319 ень противъ прежней наибольшей цифры въ 434,185 ень въ 1904 г. (въ 1907 г. всего на 56,194 ень).

Главные обороты внѣшней торговли Фузана производятся съ Японіей, въ 1909 г. на общую сумму 10,273,011 ень, изъ нихъ 4,497,784 ень представляли цѣнность вывоза, а 5,675,227 ень — цѣнность ввоза. Главные предметы вывоза черезъ Фузань въ Японію: рисъ, бобы, живой скоть, свѣжая рыба, воловьи кожи, графитъ (изъ уѣзда Чхѣнсан въ провинці сѣверной Чхюньчхѣндо изъ копей Комія и К^о); въ привозѣ изъ Японіи болѣе цѣнныя статьи доставляются бумажной пряжей и разными бумажными издѣліями, углемъ, сахаромъ, лѣсными матеріалами, спичками, машинами, папиросами, солью и т. д.

Торговля Фузана съ Китаемъ въ 1909 г. выражалась въ суммѣ 671,050 ень, изъ нихъ 225,746 ень въ вывозѣ въ Китай и 445,304 ень въ привозѣ. Вывозъ состоялъ изъ риса и морскихъ продуктовъ, вродѣ акульихъ плавниковъ, трепанговъ, свѣжей и соленой рыбы и т. д.; привозъ изъ Китая включалъ слѣдующія крупныя статьи: очищенный хлопокъ, льняныя и неньковыя издѣлія, шелковыя ткани и папиросы.

Торговля Фузана съ Азіатской Россіей, давшая въ 1909 г. въ общемъ итогѣ 467,593 ень, въ сущности состояла почти изъ одного вывоза на сумму 432,238 ень и почти всю эту сумму далъ вывозъ одной статьи — риса; въ привозѣ (общей цѣнностью въ 35,355 ень) можно отмѣтить только соленую рыбу и керосинъ. Къ этому надо прибавить привозъ въ Фузань изъ Европейской Россіи въ указанномъ году на сумму 2877 ень.

Изъ другихъ странъ, только Великобританія и Сѣверо-

Американскіе Соединенные Штаты ведутъ значительную торговлю черезъ Фузань, цѣликомъ привозную: первая на общую сумму въ 1,186,685 ень въ 1909 г. (бумажныя издѣлія, въ частности бѣлый и суровый шэртингъ), вторые — на 605,679 ень (керосинъ, мука, сгущенное молоко).

Каботажная торговля Фузана въ 1909 г. исчислялась въ суммѣ 8,572,250 ень, въ томъ числѣ 4,728,058 ень въ вывозѣ и 3,844,192 ень въ привозѣ. Эта каботажная торговля главнымъ образомъ направляется на сѣверо-востокъ, т. е. къ восточному побережью Кёнсьяндо, затѣмъ къ провинціямъ Каньюндо и Хамгёндо; въ отношеніи первыхъ двухъ провинцій это объясняется отсутствіемъ открытыхъ портовъ; въ отношеніе же послѣдней играетъ роль большая дешевизна и удобство транспорта¹.

Въ административномъ отношеніи Фузань (вмѣстѣ съ Пусанчжин или старымъ Фузаномъ) ранѣе подчинялся уѣздному, впоследствии окружному городу Тоньнѣ 東萊 (Тōрай по японски), въ 8 миляхъ на сѣверо-востокъ отъ него, съ которымъ, какъ сказано, онъ теперь соединяется легковѣсной желѣзной дорогою; нынѣ же Фузань является уже самостоятельной административной единицею въ рангѣ окружного города — по корейски Пусанпу 釜山府.

На западъ отъ Фузана береговая линія образуетъ глубоко врѣзанную выемку, состоящую изъ двухъ заливовъ съ многими бухтами; изъ нихъ первый заливъ, болѣе открытый со стороны моря, представляетъ расширение устья или вѣрнѣе устье вѣлки Нактонгань, по японски Ракутōкō 洛東江, съ глубокой, но тѣсной якорной стоянкою; второй обширный заливъ носить на европейскихъ картахъ обозначеніе залива Дугласа (на картѣ, приложенной къ Канкоку синцири; онъ обозначенъ общимъ именемъ залива Чинхя), замыкаясь на востокѣ о-вомъ Кадōкто 加德島 (по японски Катокутō) и нѣсколькими мелкими островами и на югѣ большимъ островомъ Каргодо² 巨濟島 (Кōчжѣдо, по японски Кіōсайтō), длиною съ Ю. на С.

1) Korea, Reports of the foreign trade for the year 1908, 69.

2) Въ этой формѣ названіе острова употребляется «Описаніемъ Кореи» и русскими официальными документами. По своей величинѣ островъ относится къ числу трехъ большихъ острововъ Кореи (кромѣ него, еще островъ Чѣчжудо и Канъхоадо).

въ 20 миль (12 ри) и шириною въ 13 миль (8 ри) (на Ю.З. отъ него находится островъ Хансандо 閑山島 по японски Канзанто).

Островъ Кочжѣдо гористый (наибольшая вершина 1,927 ф.) на сторонѣ, обращенной къ морю, и низменный въ остальныхъ частяхъ¹, съ довольно многочисленными селеніями.

Берега острова весьма изрѣзаны, при чемъ на западной сторонѣ образуется глубокая выемка въ лицѣ бухты Чюннинхо 竹林浦, которая является лучшей гаванью на островѣ, весьма пригодной служить военнымъ портомъ, гдѣ могутъ помѣститься свыше десятка военныхъ судовъ. Въ сѣверномъ углу бухты лежитъ главный городъ острова Кочжѣын 巨濟邑, довольно многолюдный, съ весьма оживленнымъ судоходствомъ².

На сѣверовостокъ отъ острова Кочжѣдо лежитъ упомянутый островъ Кадокто (окружностью въ 8 ри), мимо котораго, равно какъ и сѣверной оконечности большого острова, проходитъ путь пароходовъ съ моря внутрь бухты Масанхо. Юго-восточная сторона большого острова обращена къ островамъ Цусима, сѣверная—къ материку, отъ котораго его отдѣляетъ едва нѣсколько цѣо разстоянія черезъ заливъ Чинхя³.

Изъ бухтъ, выходящихъ къ заливу Дугласа и острову Каргодо, на сѣверъ отъ послѣдняго, двѣ бухты Масанхо 馬山浦 (по японски Бадзампо) и отдѣленная отъ нея полуостровомъ бухта Чинхя 鎮海 (по японски Цинкай) заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ весь районъ ихъ объявленъ недавно японскимъ правительствомъ стратегической базой, при чемъ для устройства въ Чинхя военно-морскаго порта, отвѣчающаго всѣмъ требованіямъ возложенной на него задачи быть сильной базой, было отпущено въ началѣ 1910 г. японскимъ парламентомъ 8,135,159 енъ, разсроченныхъ на 10 лѣтъ, а портъ Масанхо, бывший открытый портъ (съ 1 мая 1899 г.), былъ закрытъ для этой цѣли съ 1 янв. 1910 г., при чемъ только съ разрѣшенія таможенныхъ властей судамъ, плавающимъ между собственной Японіей и Формозою, Карафуто и Кореей, дозволяется заходить въ бухту Масанхо и сосѣднія мѣста, напр. Понъямчкин 鳳岩津, на С.В. отъ Масанхо⁴.

1) «Описаніе Кореи», I, стр. 139. Напротивъ Канкокусинцири, 258, указываетъ, что отъ центрального поднятія на островѣ расходятся отроги, заполняющіе всю поверхность его.

2) Канкоку синцири, 258; тамъ же, 258—9, указываются другія гавани на островѣ.

3) Канкокусинцири, 258.

4) Japan Weekly Chronicle, 5 Jan. 1911.

Масанпхо представляет собою удлиненную бухту (съ сѣвера на югъ 5 морскихъ ри, съ востока на западъ 2 ри; входъ въ нее имѣеть 1 версту въ ширину) съ очень удобной гаванью, хорошо защищенной отъ всѣхъ вѣтровъ и могущей вмѣстить значительное число большихъ морскихъ судовъ, благодаря глубинѣ бухты въ среднемъ около 7 саж. (на разстояніи 1 мили отъ окружного города Масанпхону, расположеннаго близъ вершины бухты, съ населеніемъ въ 34,000 въ началѣ XX стол., она уменьшается до 4 сажень¹). Входъ съ моря въ бухту совершенно безопасенъ, при чемъ по срединѣ его лежитъ островъ Уольёнъдо 月影島 или Чіодо 猪島, имѣющій 5—6 ціо въ окружности и отстоящій съ обѣихъ сторонъ отъ материка въ 6 ціо (слишкомъ 300 сажень²).

Гавань Масанпхо, 35° 9' с. ш. и 128° 40' в. д. (въ 40 морскихъ миляхъ на СЗ. отъ Фузана моремъ³ и въ 50 м. миляхъ отъ острововъ Цусима), считалась уже въ концѣ 90 гг. одной изъ лучшихъ гаваней не только на Дальнемъ Востока, но и во всемъ мірѣ, которая, будучи укрѣплена, что дѣлаютъ теперь японцы, должна господствовать надъ входомъ съ юга въ Японское море. Поэтому въ концѣ 90 гг. прошлаго столѣтія между Россіей и Японіей шло усиленное соревнованіе въ цѣляхъ обезпеченія обладанія этой гаванью за одной изъ нихъ, для устройства въ этомъ пунктѣ военнаго порта и угольной станціи. Въ концѣ концовъ, чтобы предупредить захватъ этой бухты одной изъ соперничавшихъ державъ, корейское правительство, несомнѣнно, по настоянію Японіи, рѣшило поставить бухту подъ международную охрану, открывъ ее для иностранной торговли, а Россія обѣщала Японіи не пользоваться названной гаванью для военныхъ цѣлей⁴.

Послѣ открытія Масанпхо для иностранной торговли, на основаніи соглашенія между Кореей и Россіей, подписаннаго въ Сеулѣ 17/30 марта 1900 г., корейское правительство обязалось отчудить въ портъ Масанпхо

1) Сѣверо-восточная часть бухты вообще мелководна, юго-западная, напротивъ, глубока. Канкокусинцири, 253.

2) Канкокусинцири, 253. Отъ сѣверной оконечности острова Кочжѣдо, закрывающаго входъ въ бухту съ моря, городъ отдѣляютъ 15 морскихъ ри.

3) Сухимъ путемъ отъ Масанпхо до Фузана считается 12 японскихъ ри (43½ версты).

4) Japan Times, 25 Nov. 1900.

участокъ земли на морскомъ берегу и предоставить таковой въ полное распоряженіе русскаго правительства на правахъ концессіи для устройства угольнаго склада, лазарета и прочихъ приспособленій, необходимыхъ для мирныхъ надобностей русской эскадры въ Тихомъ океанѣ (см. текстъ соглашенія въ «Сборникѣ договоровъ и дипломатическихъ документовъ по дѣламъ Дальняго Востока. 1895—1905», изд. Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, СПб. 1906, стр. 388—391). Въ тотъ же день представители обоихъ правительствъ, въ видахъ предотвращенія всякой возможности возникновенія въ будущемъ какихъ-либо недоразумѣній, условились, что русское правительство обѣщаетъ никогда не требовать ни для собственныхъ надобностей, ни для надобностей своихъ подданныхъ или торговыхъ и промышленныхъ компаній никакихъ концессій или уступки въ собственность или въ аренду какихъ-либо земельныхъ участковъ на островѣ Каргодо, на противоположащемъ берегу на материкѣ вплоть до границы порта Масанхо, а равно на всѣхъ окружающихъ островахъ; равнымъ образомъ корейское правительство обязалось никогда ни подъ какимъ видомъ не предоставлять никакимъ иностраннымъ правительствамъ или ихъ подданнымъ и торговымъ или промышленнымъ компаніямъ аналогичныхъ уступокъ или преимуществъ по отношенію къ тому же району (текстъ соглашенія см. тамъ же, стр. 391—2).

Протоколъ, подписанный въ Масанхо 30 марта стараго ст. 1900 г., опредѣляетъ положеніе и размѣры русскаго участка на западномъ берегу бухты Масанхо въ предѣлахъ 10-лінійнаго пространства открытаго порта, на полмили южнѣе входнаго островка Содоу (Уоль'ёндо или Чюдо), при чемъ изъ состава отчужденнаго участка были исключены рисовыя поля и пашни, принадлежація японскимъ подданнымъ¹. Наконецъ, соглашеніе², заключенное въ Масанхо 22 мая 1900 г., указываетъ точныя границы участка съ перечнемъ поставленныхъ столбовъ и общую площадь его въ 988,320 кв. метр. и опредѣляетъ общую выкупную цѣну за весь участокъ, считая казенныя земли, земли частныхъ корейскихъ владѣльцевъ и за переносъ могилъ³ 39,023 ень, каковая сумма должна была быть уплачена корейскому правительству 1 іюня ст. ст. 1900 г.

Ежегодная поземельная рента за тотъ же участокъ, на основаніи того же соглашенія, была установлена въ 1959 ень 64 сень.

Море у берега этого участка настолько глубоко, что военное судно «Гремяцій» въ 1,500 тоннъ могло свободно подойти на близкое разстояніе къ сушѣ⁴.

Къ концу 1900 г. численность русской колоніи въ Масанхо превышала уже число остальныхъ иностранцевъ, проживавшихъ въ этомъ портѣ, при чемъ русскими было выстроено уже 5 зданій, гостинница

¹) Текстъ протокола см. тамъ же, стр. 392—396.

²) Текстъ его см. тамъ же, 396—402.

³) На всемъ участкѣ никакихъ жилыхъ или хозяйственныхъ построекъ не было. Самый участокъ находился въ 3 верстахъ разстоянія на ЮЗ. отъ японскаго селлемента.

⁴) Japan Times, 28 Apr. 1900.

и кирпичный заводъ; въ одномъ изъ указанныхъ зданій поселился послѣ русско-японской войны русскій консулъ изъ Фузана, не имѣвшій собственнаго зданія въ послѣднемъ городѣ. Русскія военныя суда по одиночкѣ и цѣлою эскадрою неоднократно посѣщали портъ Масанпхо и подолгу оставались тамъ въ эту эпоху русскаго политическаго преобладанія на Дальнемъ Востокѣ; тогда же русскому правительству приписывалось японскими и иностранными журналистами также намѣреніе построить въ Масанпхо казармы и укрѣпленія, но этому противорѣчили какъ помянутое обязательство передъ Японіей, принятое на себя Россіей по отношенію къ этой гавани, такъ и условія, на которыхъ состоялась уступка корейскимъ правительствомъ Россіи земельного участка въ томъ же пунктѣ. Съ ослабленіемъ указаннаго политическаго преобладанія Россіи, русское правительство въ 1903 г. въ переговорахъ съ Японіей пыталось обязать Японію не укрѣплять эту или какую другую гавань на восточномъ побережьи Кореи, но, что удалось раньше сдѣлать Японіи, не было достигнуто на этотъ разъ ея менѣе счастливой соперницею.

Въ 1909 г. русское правительство отказалось отъ всякихъ правъ на указанный земельный участокъ въ Масанпхо, получивъ отъ Японіи въ возмѣщеніе расходовъ по приобрѣтенію этого и прилегающихъ участковъ, купленныхъ на имя русскихъ частныхъ лицъ, 50,000 енъ, а самъ участокъ былъ переданъ корейскимъ правительствомъ японскому военному вѣдомству для военныхъ цѣлей¹.

Послѣ открытія порта Масанпхо для иностранной торговли японцы проявили въ немъ довольно оживленную дѣятельность по вывозу мѣстныхъ произведеній (риса и прочихъ зерновыхъ продуктовъ²) и по ввозу иностранныхъ товаровъ, и за 8 мѣсяцевъ 1899 г. цѣнность его оборотовъ была уже 61,287 енъ въ привозѣ и 21,446 енъ въ вывозѣ, а за 1900 г. соотвѣтствующія цифры были 154,586 енъ и 84,210 енъ. Въ 1908 г. общіе обороты торговли Масанпхо достигли суммы 635,877 енъ, что представляло значительное уменьшеніе по сравненію съ 1,173,170 енъ 1907 г., благодаря тому обстоятельству, что въ 1907 г. было вывезено риса на болѣе значительную сумму, а съ другой стороны ввезено однихъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ на 400,000 енъ.

Въ 1909 г. общая цѣнность внѣшней торговли порта сократилась до 498,471 енъ, въ томъ числѣ 142,636 енъ

¹) Third annual report on reforms and progress in Korea, 13.

²) Торговля зерномъ привлекаетъ въ Масанпхо значительное число японцевъ; кромѣ того городъ служитъ центромъ рыбной торговли, при чемъ рыба также доставляется японскими рыбацкими судами. Регулярныя ярмарки въ городѣ отличаются поэтому большимъ оживленіемъ, Канкоку-синцири, 255.

въ вывозѣ и 355,835 ень въ привозѣ; къ этимъ цифрамъ надо прибавить 392,995 ень, цѣнность каботажной торговли порта въ томъ же году (въ вывозѣ 228,491 ень и въ привозѣ 164,504 ень). Внѣшняя торговля порта почти цѣликомъ велась съ Японіей, куда направлялся весь вывозъ и откуда получалась значительно большая часть всѣхъ привозныхъ товаровъ.

Регулярные рейсы небольшихъ каботажныхъ пароходовъ соединяютъ Масанпхо съ Фузаномъ, Мокпхо, Тхоньёнъ (統營) и Самчхёнпхо 三千浦 (Самчхённи 三川里).

Во время русско-японской войны портъ былъ соединенъ японскими военными властями желѣзнодорожной вѣткою съ Сеуло-Фузанской ж. д. у станціи Самнанъчжин 三浪津 (по японски Санрѳсин). Это доказывало, какую важность въ стратегическомъ смыслѣ японское правительство приписывало Масанпхо, лучше защищенному отъ ударовъ русскаго военнаго флота со стороны Японскаго моря, нежели болѣе открытый Фузанъ. Названная желѣзная дорога, открытая для движенія 1 апрѣля 1908 г., насколько благопріятно отразилась на ростѣ города Масанпхо, настолько сократила морскія перевозки изъ его порта въ Фузанъ¹.

На западъ отъ бухты Масанпхо, отдѣляясь отъ нея лишь полуостровомъ Чхил'уён 漆原, лежитъ болѣе обширная бухта Чинхя 鎭海, которая даетъ всей прилегающей части моря вплоть до острова Кочжѣдо, включая и бухту Масанпхо, имя залива Чинхя (Цинкайван на японскихъ картахъ).

По величинѣ заливъ Чинхя почти равенъ Токиоскому заливу и, по утверженію Канкоку-синцири, стр. 6, въ немъ могутъ помѣститься военные флоты всего міра.

Будущая военно-морская база находится въ небольшомъ заливѣ Кендо (по корейски Хѣндонъ 縣洞), въ 11 морскихъ миляхъ черезъ бухту отъ Сіонъчжинпхо 松眞浦 (на сѣверной сторонѣ острова Кочжѣдо), гдѣ пока расположенъ японскій морской сторожевой отрядъ, и въ 7 миляхъ на юго-востокъ отъ Масанпхо. Историческія событія неоднократно указывали на пригодность

¹) Korea. Reports of foreign trade, for the year 1908, 147. Если городъ Масанпхо, благодаря своей близости къ главному городу провинціи южной Кёнъ-сянъдо—Чинкю, занимаетъ весьма выгодное положеніе съ торговой точки зрѣнія, то съ другой стороны онъ слишкомъ далеко отстоитъ отъ открытаго моря, находясь на сѣверной сторонѣ глубоко врѣзанной въ материкъ бухты, и потому оказывается доступнымъ для судоходства лишь по окольному пути, что составляетъ большое неудобство и недостатокъ этой гавани. Канкоку-синцири, 253.

этой части побережья (бухты Чинхя и Масанпхо) служить потребностям современной военной базы. Предание гласит, что в бухте Чинхя в III стол. по Р. Х. императрица Дзингю высадила свои войска для нападения на корейское королевство Силла. В эпоху династии Корё соседняя бухта Масанпхо служила исходным пунктом для сообщения с Японией. В XIII стол. монгольской флот вторжения в Японию избрал бухту в качестве базы операций против Японии. В конце XVI стол. в бухте были высажены японские войска, предназначенные для похода внутрь Кореи и Китая¹. Японские пираты в эпоху своей наибольшей деятельности вдоль корейских берегов также имели опорный пункт в бухте Масанпхо.

Естественные условия климата и глубина залива Чинхя и безопасность якорной стоянки в нем позволяют сделать из него одну из сильнейших военно-морских баз в мире², значение которой помимо преимуществ, которыми она обладает в качестве одной из лучших гаваней на южном берегу, подчеркивается тем обстоятельством, что она лежит на таком важном морском пути, каким является Корейский пролив, при чем с стратегической точки зрения господствует над сообщениями по этому проливу вместе с Такесики, портом на острове Цусима на противоположной стороне пролива³.

Будущий военный город закончен планировкой и участки в нем уже сдаются в аренду, правда, на стеснительных условиях. Несмотря на это, будущая роль города привлекает много желающих. К октябрю 1911 г. ожидается уже окончание постройки 500 домов. Спешные строительные работы в городе и порту привлекают много японских ремесленников и торговцев; в деревне близ Хендон уже имеется до 300 таких японцев. В порт Хендон будет переведен морской сторожевой отряд, стоящий теперь в Сионъчжинпхо.

Все корейские жители, жившие близ будущей морской базы в Хендон, получили предписание переселиться на специально выбранную для этой цели соседнюю местность, где им были отведены земельные участки⁴.

На запад от залива Дугласа и острова Каргодо береговая линия образует целый ряд вырвов в виде заливов и бухт и в противоположность им ряд выступов в виде болше или менше значительных полуостровов самой причудливой формы, изрезанных морем по всем направлениям, так что по сторонам их образуются новые полуострова и

¹) Остатки японских укреплений этой эпохи понынѣ видны в разстоянии нескольких японских цю (1 цю = 50 саж.) на север от Старого Масанпхо (Кумасанпхо). Канкоку-синцири, 253.

²) Заявление контръ-адмирала Мияока: Japan Weekly Chronicle, 23 June 1910, 1077; ср. Канкоку-синцири, 253; см. еще Харб. Вѣстникъ, № 1907, отъ 27 июня 1910.

³) Канкоку-синцири, стр. 168.

⁴) Seoul Press, 9 July 1911.

мысы второго порядка. Промежутки между полуостровами, равно какъ большая часть воднаго пространства заливовъ и не малая часть протяженія открытаго моря заполнены островами самыхъ разнообразныхъ величинъ и очертаній, замыкаясь въ нѣкоторомъ отдаленіи группою о-вовъ Гамильтонъ и на крайнемъ югѣ наибольшимъ корейскимъ островомъ — о. Квельпартъ. На картѣ, изданной въ 1909 г. редакціею газеты «Осака Майници Симбунъ», этотъ участокъ корейскаго побережья, на основаніи новѣйшихъ японскихъ съемокъ, показанъ совершенно отчетливо и точно, тогда какъ на картѣ, приложенной къ «Описанію Кореи», значительная часть южнаго и юго-западнаго и даже западнаго побережья Кореи нанесена пунктирными линіями и въ весьма неопредѣленныхъ очертаніяхъ, а въ самомъ текстѣ¹ отмѣчается, что «южная береговая линія Кореи отъ рейда адмирала Алексѣева (это имя прилагалось къ части моря между выступомъ материка и островомъ Хансандо, на югъ, вѣрнѣе юго-западъ отъ о-ва Кёчжѣдо) къ западу донынѣ (т. е. къ 1900 г.) изслѣдована только въ небольшой своей части (между о-вами Гершеля и Ауклэнда (Агурандо 阿久蘭島)); на остальномъ же протяженіи совершенно неизвѣстна».

По болѣе значительнымъ городамъ, расположеннымъ на нихъ, самые крупные полуостровы на этомъ участкѣ южнаго побережья Кореи могутъ быть названы такъ: полуостровъ Косёнъ 古城 (Кодзіо по яп.), составляющій западную сторону залива Чинхя; полуостровъ Ёсю (по японски Рейсуй 麗水) или Чоасюёнъ 左水營 (Сасуйей по японски) на западъ отъ о-ва Намхядо 南海島 (по японски Нанкайтō); далѣе на западъ полуостровъ Хынъ-янъ 興陽 (Кōиō по японски); полуостровъ на югъ отъ города Чяньхынъ 長興 (Ціокō по японски) и, наконецъ, полуостровъ Хянамъ 南海 (Кайнан по японски), одинъ изъ наиболѣе изрѣзанныхъ, съ причудливымъ и узкимъ западнымъ отросткомъ, извѣстнымъ подъ именемъ полуострова Усюёнъ 右水營 (яп. Усуйей) между входомъ въ гавань Мокпхо на сѣверѣ и островомъ Чиндо на югѣ 珍島 (Циндō по японски), который, по мнѣнію проф. Котō², отмѣчаетъ границу между западно-корейскимъ и

¹) Описаніе Кореи, I, 81.

²) Kotō, An orographic sketch of Korea, 27.

южно-корейскимъ архипелагомъ и отдѣляетъ воды Желтаго моря отъ водъ Южнаго моря, или Корейскаго пролива.

Изъ заливовъ, расположенныхъ между перечисленными полуостровами, можно отмѣтить: заливъ между выступомъ материка, на З. отъ о-ва Кочжѣдо, или полуостровомъ Косѣнь и о-вомъ Намхэдо; затѣмъ заливъ между материкомъ (съ гаванью Самчхѣнни 三川里) и островами Чхянъсѣндо 昌善島 и Намхэдо (яп. Нанкайтō) 南海島 и восточнымъ выступомъ полуострова Чоасюѣнь. Этотъ заливъ, довольно узкій, но вытянутый въ длину съ востока на западъ, примыкаетъ на сѣверномъ берегу къ уѣзднымъ городамъ Сѣчхѣн (яп. Сейсен) 泗川, Кон'янъ (яп. Конъиō) 昆陽, Хадонъ (яп. Катō) 河東 и Коанъянъ (яп. Кōиō) 光陽. По имени второго города японскія карты обозначаютъ восточную часть залива именемъ Кон'янъман 昆陽灣, напротивъ, западная часть того же бассейна носить имя Сѣмчжинман 蟾津灣.

Указанный островъ Намхэдо является большимъ островомъ, гористымъ на южной сторонѣ, обращенной къ морю, какъ вообще всѣ острова этого побережья, большіе и малые, но низменный въ центрѣ и на сѣверѣ со стороны материка. Помимо прочихъ селеній, на немъ (на восточной сторонѣ) лежитъ уѣздный городъ того же имени.

Островъ Намхэдо измѣряется въ длину съ сѣвера на югъ въ 10 ри и въ ширину съ востока на западъ въ 7 ри и по величинѣ относится къ числу пяти болѣе крупныхъ корейскихъ острововъ (кромѣ него, еще Чѣчжудо, Канъхоадо, Кочжѣдо и Чиндо). На востокѣ онъ обращенъ къ полуострову Косѣнь и острову Кочжѣдо, на сѣверѣ отдѣляется отъ материка узкимъ проливомъ, на западѣ обращенъ къ полуострову Ёсю и острову Тольсандо, на югѣ—къ открытому морю.

Японскія рыбачьи суда постоянно останавливаются у береговъ острова Намхэдо, такъ какъ онъ лежитъ на пути, по которому слѣдуютъ къ востоку и западу рыбачьи суда, промысляющія въ Корейскомъ проливѣ.

Между полуостровомъ Ёсю (Чоасюѣнь), къ которому на югѣ примыкаетъ группа острововъ, обозначенная на европейскихъ картахъ именемъ о-вовъ Синъ (Seep; на одномъ изъ нихъ, наиболѣе

крупномъ, лежитъ уѣздный городъ Тольсан (яп. Тоцудзан 突山), и полуостровомъ Хынъянь, открывается довольно просторный заливъ, на сѣверномъ берегу котораго, въ нѣкоторомъ разстояннн отъ залива, лежатъ города Наг'ан 樂安 (яп. Ракуан) и Сюнтчхён, яп. Дзюнтен, 順天; по имени послѣдняго города заливъ называется Сюнтчхёнман. Къ указанному полуострову Чоасюёнъ примыкають на юго-востокѣ островъ Гершеля, или Сіосандо (яп. Сіодзантō) 召山島, и островъ Аукленда (Арандо), четырехъ-угольной формы, оба подъ 34°30' с. ш., но первый подъ 127°30' в. д., а второй на 20 минутъ долготы западнѣе отъ него, оба замыкающіе вмѣстѣ съ группой о-вовъ Seen бухту города Чоасюёнъ.

Между названными полуостровами Хынъянь и слѣдующимъ на западъ отъ него, къ которому можетъ быть приложено обозначеніе полуострова Чянъхынъ, по имени болѣе значительнаго города у его основанія, или полуострова Хойрёнъ 會寧¹, расположенъ заливъ Посёнъ, направленный на сѣверо-востокъ довольно глубоко внутрь материка; входъ съ моря замыкается о-вомъ Каксёкто (яп. Какусекитō) 角石島, на западъ отъ о-ва Аукленда. Изъ населенныхъ пунктовъ на сѣверномъ берегу этого залива лежитъ уѣздный городъ Посёнъ 寶城, подъ чьимъ именемъ и извѣстенъ этотъ заливъ.

Послѣднимъ заливомъ въ юго-западной части разсматриваемаго побережья является очень узкій, но длинный заливъ Канъчжинман 康津灣, направленный прямо на сѣверъ, между полуостровами Чянъхынъ на востокѣ и Хянам на западѣ; у вершины его лежитъ городъ Канъчжин (яп. Кōсин) 康津, а у входа—острова Когымдо (яп. Кокинтō) 古今島 и Оандо (яп. Кантō) 莞島; въ юго-восточной части послѣдняго острова находится гавань Карицхо (яп. Карицхо) 加里浦, въ 16 м. миляхъ отъ Канъчжин на пути пароходной каботажной линіи изъ Фузана въ Мокпхо (отъ Карицхо до Мокпхо считается 36 м. миль).

О-въ Оандо лежитъ поперегъ входа въ заливъ Канъчжин. Онъ имѣетъ 6 японскихъ ри въ длину, 2¹/₂ ри—въ ширину. Отрогъ одной изъ горныхъ цѣпей Сіобаксанмакъ переходитъ съ материка

¹) Канкоку-синцири, 23.

на этот островъ, заполняя своими развѣтвленіями всю его поверхность и почти не оставляя ровнаго мѣста на немъ. Вышина этихъ горъ 2000 футовъ слишкомъ. Горы сплошь окутаны густымъ лѣсомъ, въ каковомъ отношеніи съ островомъ могутъ сравниться совсѣмъ немного мѣсть по всему корейскому побережью. На восточномъ берегу острова находится уѣздное управленіе, которому подвѣдомственны всѣ окрестные большіе и малые острова¹. Вмѣстѣ съ островами Когымдо 古今島, Синчидо 薪智島 и Чоякто 助藥島, островъ Оандо образуетъ бухту, вытянутую съ востока на западъ и извѣстную подъ именемъ Чяньчжинноман (яп. Ціодзикирован) 長直路灣, подъ $126^{\circ}44'—53'$ в. д. и $34^{\circ}12'—14'$ с. ш.; съ востока на западъ бухта имѣетъ 10 морскихъ ри, съ сѣвера на югъ—2 м. ри, глубина ея—отъ 7—8 до 17—18 м. сажень, такъ что бухта является доступной для большихъ судовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ она имѣетъ большую стратегическую важность, почему во время японской экспедиціи противъ Кореи въ концѣ XVI столѣтія служила сценою сраженія между японцами и корейцами, какъ и въ японо-китайскую войну 1894—5 гг. являлась (съ островомъ Синчидо) опорнымъ пунктомъ японскаго флота².

Въ южномъ направленіи отъ острововъ Гершеля, Ауклэнда, Оандо и полуострова Хянамъ простирается въ море внутри Корейскаго пролива и отчасти Желтаго моря многочисленная цѣпь острововъ, разбросанная на широкомъ и далекомъ пространствѣ и составляющая переходъ къ еще болѣе удаленному острову Квельпартъ, который образуетъ наиболѣе южную точку корейской территоріи въ этомъ направленіи. Въ этой островной цѣпи нѣкоторые острова или цѣлыя группы ихъ пріобрѣли особую извѣстность; въ особенности это можно сказать про группу острововъ Гамильтона, или Кюмундо 巨文島 (Портъ-Гамильтонъ 哈密爾敦港 или группа Нампо-гунто ナンポ群島) подъ $34^{\circ}1'—5'$ с. ш. и $127^{\circ}16'—28'$ в. д., въ 128 миляхъ отъ Фузана по пароходному маршруту, касающемуся по пути острововъ Кочжѣдо и Юкчидо, или въ разстояніи 30

¹) Канкоку-синцири, 277.

²) Канкоку-синцири, 277—8.

обычныхъ японскихъ ри на югъ отъ берега материка въ уѣздѣ Наг'ан 樂安.

Группа острововъ Портъ-Гамильтонъ состоитъ изъ трехъ острововъ¹, изъ нихъ «Западный островъ» Сёдо 西島, наиболѣе крупный, имѣеть 3 японскихъ ри въ окружности; на немъ два селенія въ 160 и 100 дворовъ; «Восточный островъ» Тонъдо 東島 имѣеть 2 ри въ окружности; на немъ также два селенія въ 100 и 90 дворовъ. Общая цифра населенія двухъ указанныхъ острововъ достигаетъ 2,000 человекъ. Жители много занимаются торговлею, не малое число изъ нихъ понимаетъ по японски.

Третій, наименьшій островъ Оайдо 倭島 расположенъ между южными концами обоихъ большихъ острововъ, у южнаго же конца пролива, проходящаго между этими островами съ сѣвера на югъ и образующаго гавань всей группы, или Портъ-Гамильтонъ въ собственномъ смыслѣ. Эта гавань, слѣдовательно, расположена между обоими большими островами, въ видѣ довольно глубокаго и обширнаго (вмѣщаетъ до 10 военныхъ судовъ) бассейна, но недостаточно защищена отъ сѣверныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ, такъ что въ сущности не представляетъ собой безопасной якорной стоянки, какъ убѣдилось по собственному опыту англійское морское вѣдомство, во время англійской оккупациі этой островной группы съ 1885 по 1887 г., вызванной желаніемъ Англій помѣшать предполагавшемуся агрессивному шагу Россіи по отношенію къ корейской территоріи. Во время англійской оккупациі о-въ Оайдо служилъ береговой стоянкою англійскаго гарнизона и понынѣ на немъ сохранились остатки строеній отъ этого времени; кромѣ того англичанами былъ построенъ здѣсь небольшой волнорѣзъ, который нынѣ облегчаетъ стоянку въ гавани японскимъ рыбакамъ. Другимъ памятникомъ англійской оккупациі являются могилы англійскихъ моряковъ на томъ же островѣ. Впослѣдствіе англійскія военныя суда, какъ и

¹) Канкокуцири, стр. 166, даетъ схематическій планъ расположенія всей группы и очертаній отдѣльныхъ острововъ, при чемъ указываетъ каждому изъ трехъ острововъ отличныя отъ приведенныхъ въ Канкоку-синцири и принятыхъ въ настоящемъ «Очеркѣ» имена: наибольшему—имя Кюмундо 巨文島, второму по величинѣ—имя Кучжюкто 溝竹島 и наименьшему—имя Тчхёнчхыкто 天測島, добавляя, что вся группа известна корейцамъ подъ общимъ обозначеніемъ Самдо, или трехъ острововъ.

суда другихъ державъ, по нѣскольку разъ въ годъ заходили въ Портъ-Гамильтонъ¹.

Острова Портъ-Гамильтонъ гористы; берега ихъ падаютъ обрывисто къ открытому морю, а со стороны внутренней гавани болѣе плоски. Гавань эта служитъ для захода париходовъ, плавающихъ между Фузаномъ и Квельпартомъ (общее разстояніе 150 морскихъ миль).

Островъ Квельпартъ, по корейски Чѣчжудо (яп. Сайсютō) 濟州島², расположенный въ серединѣ Корейскаго пролива на разстояніи 100 миль къ югу отъ корейскаго материка, между 33°33' и 33°12' с. ш. и 126°09' и 126°56' в. д.; наибольшая длина острова 40 миль (30 японскихъ ри у Канкоку-синцири, стр. 275, и 23 ри, согласно Канкоку-цүран, стр. 36); ширина—17 миль (8 ри по тому же источнику, 9 ри, согласно Канкоку-синцири). Площадь его исчисляется въ 1850 кв. километровъ; словомъ, это наибольшій корейскій островъ. По формѣ онъ имѣетъ сходство съ яйцомъ. Береговая линия острова ясно очерчена, представляя собою обрывистыя и скалистыя стѣны, но мало изрѣзана и почти не имѣетъ хорошихъ гаваней, поэтому париходные рейсы къ острову являются весьма затруднительными; единственной болѣе безопасной гаванью является Пханпхо въ юго-западной оконечности о-ва противъ о-ва Ильпхо (Barlow), прочія же гавани плохо защищены отъ вѣтровъ; гаванью Сёнъсанпхо 城山浦 у восточной оконечности острова много пользуются рыбаки. Вдоль береговъ главнаго острова встрѣчается рядъ небольшихъ острововъ и скаль; наибольшимъ является островъ Одо 午島 (по яп. Готō) или Beaufort у СВ. угла острова.

Островъ Квельпартъ очень гористъ, причемъ почва постепенно поднимается отъ его береговъ со всѣхъ четырехъ сторонъ къ центру острова, гдѣ и лежитъ наибольшая горная масса его. Островъ отчасти вулканическаго происхожденія, что доказы-

¹) Канкоку-синцири, 274—5.

²) Помимо «Описанія Кореи», I, стр. 132—134, свѣдѣнія относительно острова Квельпартъ въ настоящемъ «Очеркѣ» почерпнуты изъ Канкоку-синцири, Канкоку-цүран и двухъ газетныхъ замѣтокъ: «О-въ Квельпартъ, по японскимъ свѣдѣніямъ»: Харбинскій Вѣстникъ, № 1991 (12 ноября 1910), 3, и замѣтки относительно о-ва Квельпартъ изъ Фудзан Ниппō: Харб. Вѣстн., 6 мая 1910 (№ 1845), стр. 3.

вается присутствіемъ потухшихъ кратеровъ на вершинѣ самой высокой горы на островѣ—горы Ауклэндъ, 6558 футовъ, въ горной цѣпи Халласан (по японски Канрадзан) 漢羅山, или 漢拏山, поросшей густымъ лѣсомъ. Благодаря своему центральному положенію, въ соединеніи съ формою самой вершины, указанная гора придаетъ всему острову видъ усѣченного конуса; ея размѣры и несомнѣнный фактъ прежней вулканической дѣятельности на ней породили среди туземнаго населенія рядъ легендъ, приуроченныхъ къ этой горѣ, якобы населенной разными божествами и сверхъестественными существами. Со склоновъ ея стекаютъ наибольшія рѣки острова, въ сущности лишь горные ручьи.

Островъ Квельпартъ славится своимъ плодородіемъ и сѣверная и восточная часть его представляютъ сплошныя хорошо обработанныя поля, на которыхъ успѣшно произрастаютъ просо, пшеница, ячмень, гречиха и бобы, причемъ просо, ячмень и бобы составляютъ главныя произведенія полевой культуры на островѣ; въ этой же части расположены и наибольшія селенія, въ частности главный городъ острова, плотно застроенный и оживленный торговый центръ, Чъчжю 濟州. Напротивъ, южная сторона острова, какъ болѣе гористая, покрыта густымъ лѣсомъ, какъ это вообще можно сказать про горы и ущелья этого острова; въ лѣсахъ, особенно близъ вершины Халласан, встрѣчаются стада полудикихъ лошадей небольшого роста (число ихъ доходитъ до 3,000¹), которыми славится островъ²; тамъ же водятся олени, кабаны и зайцы; безлѣсные же холмы покрыты красивымъ травянистымъ ковромъ изъ особаго вида травы. Съ моря островъ представляетъ красивое зрѣлище разнообразнымъ видомъ лѣсистыхъ горъ и обработанныхъ долинъ.

Съ древнихъ временъ населеніе острова Квельпарта, помимо земледѣлія, съ успѣхомъ занималось скотоводствомъ; лошадей и рогатаго скота на островѣ имѣется 30,000 штукъ; скоть мелкій и обычная цѣна на быковъ и коровъ отъ 10 до 20

1) Харбинск. Вѣстн., № 1991, 12 ноября 1910, 3 (изъ японскихъ официальныхъ свѣдѣній).

2) Туземцы изрѣдка ловятъ ихъ, чтобы приручить къ сельско-хозяйственнымъ работамъ. Харб. Вѣст., № 1991, стр. 3.

ень; скотъ ранѣе вывозился въ Японію, но установленіе карантинныхъ правилъ положило конецъ этой отрасли торговли; зато въ Японію вывозится очень много кожъ. Лошади также малорослы, но по качествамъ своимъ превосходны; стоятъ онѣ отъ 5 до 30 ень. Скотъ на островѣ Квельпартъ пользуется необыкновенно заботливымъ уходомъ со стороны населенія и поэтому, хотя почти круглый годъ пасется на волѣ, но отличается кроткимъ и ручнымъ нравомъ¹.

Въ февралѣ 1910 г. населеніе острова Квельпартъ состояло изъ 125,423 корейцевъ (ранѣе считалось 200,000 и даже больше²), 264 японцевъ, 3 китайцевъ и 1 француза—католическаго миссіонера. Среди корейскаго населенія перевѣсъ былъ на сторонѣ женщинъ (62,896 женщинъ противъ 61,259 мужчинъ); нѣкоторыя квельпартскія женщины отличаются поразительной красотой. Какъ въ провинціи Сима на главномъ японскомъ островѣ, на о-вѣ Квельпартъ имѣются женщины-водолазы, промышляющія въ морѣ группами въ 25—30 человекъ добычею жемчуга, различныхъ моллюсковъ и другихъ морскихъ произведеній³. Во время рыболовныхъ часовъ мужское населеніе острова должно было раньше оставаться дома, такъ какъ женщины всегда производили ловлю въ морѣ голыми. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ кормильцевъ семьи, квельпартскія женщины заявляли притязанія на исключительныя привилегіи. Появленіе японскихъ рыбаковъ, которыхъ привлекаетъ на островъ обиліе морскихъ богатствъ на островѣ, положило конецъ этому порядку вещей и заставило мужчинъ самимъ заняться дѣломъ⁴.

До 1905 г. сообщеніе острова Квельпартъ съ корейскимъ материкомъ и Японіей производилось на туземныхъ парусныхъ судахъ (островъ имѣетъ до 300 такихъ судовъ, которыя предназначены главнымъ образомъ для рыбнаго промысла, служащаго большимъ подспорьемъ для населенія благодаря богатству окружающаго моря рыбою, водорослями и жемчу-

¹) Изъ Фудзан Ниппô (см. выше).

²) Канкоку-синцири, 276. По послѣднимъ извѣстіямъ, населеніе острова достигаетъ 140,242 человекъ, изъ нихъ 603 японца. Seoul Press, 23 July 1911.

³) Фудзан Ниппô; цитируется въ Харб. Вѣстн., № 1845, стр. 3 (отъ 6 марта 1910 г.).

⁴) Korea Review, II, 1902, стр. 5.

гомь). Послѣ 1905 г. появились пароходы, которые установили регулярное сообщеніе между островомъ и Фузаномъ 3 раза въ мѣсяць и съ Мокпхо 6 разъ въ мѣсяць. На этихъ же пароходахъ доставляется на материкъ избытокъ морскихъ продуктовъ, которые и составляютъ главную статью отпуска съ острова. Другими вывозными статьями торговли острова являются корейскіе шляпы и деревянные гребешки, далѣе скоть, направляемый нынѣ, однако, уже не въ Японію, а на материкъ.

Климатъ на о-вѣ Квельпартъ много теплѣе, чѣмъ на материкѣ, поэтому онъ производитъ много мелкихъ и крупныхъ апельсиновъ; дождей бываетъ сравнительно много.

Вмѣстѣ съ полуостровомъ Ханам, выходящимъ своими отростками на двѣ стороны—къ Корейскому проливу и Желтому морю, заканчивается южное побережье корейскаго полуострова и начинается западное побережье его, весьма сильно изрѣзанное и съ многочисленными островами, но съ менѣе отчетливой береговой линіей, благодаря преобладающему низменному характеру берега и обилію отмелей, идущихъ отъ него въ море. Многіе изъ острововъ на этомъ побережьѣ являются по происхожденію не болѣе, какъ такими отмелями, постепенно поднявшимися съ морскаго дна черезъ накопленіе песку, камней и ила.

Первымъ крупнымъ островомъ на западномъ берегу является одинъ изъ пяти большихъ корейскихъ острововъ—о-въ Чиндо 珍島, очень гористый, подъ $34^{\circ}30'$ и $126^{\circ}15'$ в. д., имѣющій 15 миль (9 ри) съ востока на западъ въ длину и 7 миль (7 ри) въ ширину съ юга на сѣверъ, расположенный непосредственно къ югу отъ длиннаго западнаго отпрыска двойнаго полуострова Ханам¹. Островъ замыкаетъ съ западной стороны воронкообразный заливъ, расположенный между обоими выступами полуострова Ханам и извѣстнаго подъ именемъ того же города Ханам, лежащаго у его вершины. Между этимъ островомъ и берегомъ, по внѣшнему краю указаннаго залива Ханамман, проходитъ путь каботажныхъ

¹) Этотъ западный отростокъ полуострова Ханам называется японцами полуостровомъ Усюёнъ, т. е. праваго морскаго лагеря, по имени бывшей корейской морской крѣпости этого имени, лежащей на южномъ берегу полуострова и названной такъ въ отличіе отъ вышеупомянутаго Чоасюёнъ, или лѣваго морскаго лагеря на берегу Корейскаго пролива.

пароходовъ изъ Канъчжин и Карипхо въ Мокпхо¹, тогда какъ пароходы, идущія изъ Масанпхо въ Мокпхо, огибаютъ юго-западную оконечность острова, проходя между нимъ и роємъ острововъ, отдѣляющихъ его отъ открытаго моря (группы Начжюгундо 羅州群島, Сильвии и многія другія) и въ свою очередь оставляемыхъ въ сторонѣ пароходами, идущими прямо изъ Фузана въ Чѣмульпхо.

Помимо глубокихъ выемокъ въ берегахъ полуострова Хянам, въ частности указаннаго залива того же имени, первымъ глубокимъ вырѣзомъ въ западномъ корейскомъ побережьѣ является заливъ Ёнъсанман или Мокпхоман, расширенное (до 3¹/₂ миль въ поперечникѣ) морское устье р. Ёнъсанганъ (по японски Ейдзанкō) 榮山江, которое, передъ окончательнымъ выходомъ въ море, образуетъ на сѣверномъ берегу бухту Мокпхо (Моппо по японски) 木浦, съ открытымъ портомъ этого имени, въ 7 миляхъ отъ моря.

Обращенное къ западу устье р. Ёнъсанганъ, образующее гавань Мокпхо, выдѣляетъ на востокъ отъ названнаго города три залива, изъ которыхъ первый ведетъ къ городу Хянам, другой къ городу Йонъам, а третій обращенъ къ городу Начжю. Всѣ эти заливы имѣютъ одинъ общій выходъ къ морю въ лицѣ гавани Мокпхо. Эта гавань, расположенная подъ 34°47' с. ш. и 126°23' в. д. въ провинціи южной Чёлладо, была открыта для иностранной торговли 1 окт. н. ст. 1897 г. и обладаетъ превосходнымъ портомъ, способнымъ вмѣстить 30 или 40 судовъ крупнаго водоизмѣщенія.

Гавань Мокпхо узка съ сѣвера къ югу, но широка съ востока на западъ; три острова — двое спереди, одинъ сбоку, замыкаютъ портъ и защищаютъ его отъ сильнаго морского волненія, такъ что она можетъ считаться одной изъ наилучше расположенныхъ корейскихъ гаваней, въ которой самое утлое судно въ состояніи

¹) Узкій проливъ между островомъ Чиндо и полуостровомъ Усюёнъ считается особой достопримѣчательностью въ Корей, будучи извѣстенъ подъ именемъ «пролива навильонъ голубыхъ волнъ» (Канкоку-цири, 165); быстрое теченіе, проходящее черезъ проливъ, производитъ въ немъ сильный гулъ, позволяя сравнивать его съ японскимъ Наруто или итальянской Харибдою. Моряки опасаются этого пролива изъ-за его многочисленныхъ подводныхъ и надводныхъ скалъ и быстрого теченія. Канкоку-синцири, 278, называетъ его именемъ 鳴洋峽 (мейōкіō въ японскомъ чтеніи), буквально означающимъ: «Звонящій проливъ».

выдержать наиболее бурную погоду¹. Она глубока² и удобна въ качествѣ якорной стоянки. Не смотря на то, что послѣдняя лежитъ въ самомъ теченіи рѣки, и на то, что приливы достигаютъ въ ней большей силы и высоты³, непосредственная близость якорной стоянки къ набережной даетъ Мокпхо большое преимущество передъ Чѣмульпхо въ отношеніи удобствъ по разгрузкѣ судовъ, не требуя для этого никакихъ новыхъ работъ по засыпкѣ береговой полосы моря⁴, послѣ того, какъ была уже устроена при первоначальномъ оборудованіи порта длинная морская плотина, или молъ, стоившая большого труда и денег⁵.

Выборъ порта въ качествѣ открытой для иностранной торговли гавани былъ очень удаченъ, такъ какъ онъ представляетъ естественный выходъ къ морю для произведеній плодородной и измѣряемой въ нѣсколькихъ десятковъ ри равнины южной половины богатѣйшей корейской провинціи Чѣлладо, справедливо называемой «Садомъ Кореи» по количеству производимаго риса; для сѣверной ея половины такую же роль играетъ портъ Кунсан. Положеніе Мокпхо въ устьѣ рѣки Ёнъсанганъ, орошающей почти цѣликомъ названную провинцію южную Чѣлладо, подчеркиваетъ его роль въ качествѣ торговаго центра, собирающаго ея произведенія. Впереди себя Мокпхо имѣетъ море, покрытое многочисленными островами и богатое всевозможными морскими произведеніями, для добычи коихъ означенные острова представляютъ собою естественные промысловые пункты. При этихъ обстоятельствахъ вполне естественно, что эта часть побережья служила излюбленнымъ мѣстомъ для нападенія японскихъ пиратовъ въ концѣ правленія династіи Оанъ, при чемъ ихъ привлекали запасы податного риса, свозившіеся въ Мокпхо.

Быстрое и успѣшное развитіе порта Мокпхо послѣ его

1) Korea Review, I, 1901, 16.

2) Глубина гавани достигаетъ 6—7 сажень, при отсутствіи подводныхъ камней даже у берега.

3) Это обстоятельство нерѣдко весьма затрудняетъ судамъ плаваніе по рѣкѣ противъ теченія. Канкоку-синцири, 264. Кроме того и доступъ въ гавань съ моря оказывается нелегкимъ благодаря узкому входу въ нее съ этой стороны при наличности быстрого теченія. Канкоку-цири, 165.

4) Korea. Reports of foreing trade for the year 1908, стр. 140—141.

5) Korea Review, I, 1901, 16—17.

открытія, можетъ быть объяснено исключительно выгодными условіями, въ которомъ онъ находится, и богатствомъ произведеній суши и моря, которыя стекаются къ нему.

При самомъ открытіи порта, все населеніе на его берегу (нѣсколько выше у подножья небольшого холма помѣщалось укрѣпленіе Мокпхочжин) состояло изъ немногихъ корейскихъ убогихъ хижинъ, окруженныхъ рисовыми полями и илистыми отмелями. На мѣстѣ ихъ выросъ, на обширной площади иностраннаго селтлемента въ 225 акровъ, къ которой была присоединена послѣ засыпки прилегающая полоса берега моря, довольно большой городъ, съ набережной и пристанями и хорошими улицами, въ которомъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ было до 1,200 японцевъ (къ 1909 г. даже до 4000 душъ) и не мало китайцевъ (въ концѣ 1908 г. 67 человекъ); корейское населеніе города въ концѣ 1908 г. было 3846 душъ; иностранцевъ же въ томъ же году было только 6 человекъ—4 американца и 2 француза.

Въ 1900 г.¹ шла рѣчь о приобрѣтеніи въ этомъ порту особаго участка (острова Кохадо (яп. Кокатō) 孤下島, лежащаго въ самой гавани) русскимъ правительствомъ.

Климатъ Мокпхо здоровый; окрестная мѣстность крайне живописна, много напоминая ландшафтныя картины южной Японіи; въ близкомъ сосѣдствѣ и далѣе внутри страны много мелкой и крупной дичи—пернатой (гуси, фазаны), за которыми туземцы охотятся съ орлами, и четвероногой (олени, кабаны, леопарды, даже тигры²).

Торговый успѣхъ, выпавшій на долю Мокпхо на первыхъ порахъ, былъ въ дальнѣйшемъ задержанъ открытіемъ для иностранной торговли порта Кунсана, который отвлекъ къ себѣ значительную долю процвѣтанія Мокпхо. Однако, за послѣдніе годы Мокпхо снова сталъ развиваться и обороты его торговли въ 1909 г. выразились въ общей суммѣ 1,927,626 енъ

¹) Канкоку-синцири, 264, относитъ это дѣло къ 1897 г., сообщая краткія подробности о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ. Послѣ неудачи русскихъ островъ былъ приобрѣтенъ однимъ японцемъ за 30,000 енъ (см. тамъ же).

²) Осенью 1902 г. одинъ американецъ изъ Бостона совершилъ двухмѣсячную охотничью экскурсію изъ порта внутрь страны, при чемъ убилъ 3 тигровъ, не считая оленей и дикихъ свиней.

или 1,203,186 ень въ вывозѣ и 724,440 ень въ привозѣ (въ 1907 г. цифры были соотвѣтственно 1,311,333 ень и 668,299 ень). Въ будущемъ Хонамская ж. д., которая должна соединить портъ съ Сеуло-Фузанской ж. д. (у станціи Тятчхён), облегчивъ сообщеніе Мокпхо съ внутренними округами, позволить ему въ надлежащей мѣрѣ использовать всѣ выгоды географическаго положенія.

Вывозъ изъ Мокпхо включаетъ слѣдующія главныя статьи: бобы, рисъ, бычачьи кожи, живой скотъ и хлопокъ; наибольшая часть этого вывоза идетъ въ Японію, тогда какъ рисъ ввозится также въ Маньчжурію (Дайрень). Вывозъ хлопка имѣетъ передъ собою блестящую будущность благодаря успѣшной дѣятельности японской опытной станціи по сосѣдству съ Мокпхо въ дѣлѣ распространенія культуры лучшихъ сортовъ хлопка въ этой мѣстности и росту японскихъ хлопковыхъ плантацій въ томъ же районѣ.

Въ привозѣ въ Мокпхо, уступающему по цѣнности его вывозу, первое мѣсто занимаютъ бумажныя издѣлія, затѣмъ уголь, пшеничная мука и спички для надобностей растущаго числа японскихъ поселенцевъ въ указанномъ портѣ и его окрестностяхъ и очень густого туземнаго населенія этой части страны, предпочтительно и въ широкихъ размѣрахъ потребляющаго перечисленные заграничныя товары. Это обстоятельство обезпечиваетъ порту Мокпхо дальнѣйшіе развитіе его привозной торговли.

Каботажная торговля Мокпхо въ 1909 г. оцѣнивалась въ общей суммѣ въ 1,858,672 ень, въ томъ числѣ 536,845 ень въ вывозѣ и 1,321,827 ень въ привозѣ, превысивъ на значительныя суммы цифры предшествовавшаго года (соотвѣтственно 408,357 ень и 917,035 ень). Этотъ ростъ объясняется развитіемъ каботажныхъ пароходныхъ сообщеній изъ порта за послѣдніе годы, хотя уже къ 1905 г. гавань Мокпхо имѣла регулярное сообщеніе со всѣми остальными корейскими открытыми портами на пароходахъ японскихъ компаній Ниппон-юсен-кайся и Осака-сіосен-кайся, и корейскихъ Тяхан-конъдонъ-усён-хойся 大韓共同郵船會社, равно какъ Курхой-чоджём 堀回漕店. Сообщеніе на небольшихъ лодкахъ поддер-

живается изъ Мокпхо съ Начжю, Нампхёнъ, Чоянъ 潭陽, Сюнчхянъ 淳昌, Пхёньюн (по японски Хейген) 平原 и съ прочими городами въ области р. Ёнъсанганъ 榮山江; сообщеніе этой же гавани со всёмъ западнымъ побережьемъ отъ Кунсана до Ёнъгоанъ 靈光 (по яп. Рейкō) и уѣздами по южному побережью, затѣмъ съ островомъ Квельпартъ, Чиндо и прочими островами поддерживается цѣликомъ на парусныхъ судахъ¹.

По сравненію съ широко развитыми и удобными водными сообщеніями, сухопутныя сообщенія Мокпхо, имѣющія значеніе съ торговой точки зрѣнія, очень немногочисленны, причемъ важнѣйшія сухопутныя линіи сообщенія соединяютъ Мокпхо: съ городами Муан (на СВ. отъ Мокпхо; ранѣе нынѣшній открытый портъ былъ подчиненъ въ административномъ отношеніи этому уѣздному, одно время окружному городу), далѣе Хампхёнъ, Ёнъгоанъ, Мучянъ 茂長, Хынъдок (по яп. Кōтоку) 興德, Кобу (по яп. Кофу) 古阜 вплоть до Кунсана. Въ городѣ Муан отъ этой дороги отдѣляется дорога въ Начжю, Нампхёнъ, Коанъчжю, Чоянъ, Сюнчхянъ (по яп. Дзюнсїō) 淳昌; изъ Начжю особая вѣтвь дороги ведетъ въ Чянъсёнъ, Чёнъ'ын (по яп. Сейю) 井邑, Тхэин (по яп. Тайдзин) 泰仁, Кымгу (по яп. Кинкō) 金溝 и Чёнчжю. Наконецъ, отъ полуострова Ёнъам 靈巖 еще одна дорога идетъ черезъ городъ Ёнъам 靈巖 въ Начжю. Этотъ полуостровъ составляютъ южную, т. е. противоположную сторону гавани Мокпхо².

На пути отъ порта Мокпхо вверхъ по побережью лежитъ двойной полуостровъ весьма своеобразной формы, у восточнаго (материковаго) основанія котораго расположены: на югѣ — городъ Муан и на сѣверѣ — городъ Хампхёнъ (яп. Канхей) 咸平. Съ трехъ сторонъ въ этотъ двойной полуостровъ врѣзывается море, образуя три извилистыхъ залива (у вершины сѣвернаго изъ нихъ и лежатъ соотвѣтственно городъ Хампхёнъ, а южнаго — городъ Муан). Сѣверный выступъ полуострова почти касается

¹) Мокпхо служитъ главной гаванью для стоянки японскихъ рыбаковъ, промысляющихъ по побережью провинціи Чёлладо. Поэтому въ гавани постоянно можно видѣть много японскихъ рыбацкихъ судовъ, особенное же скопленіе ихъ наблюдается во время весенняго сезона, когда японскіе рыбаки идутъ отсюда на ловли въ морѣ близъ Кунсана. Канкоку-синцири, 266.

²) Канкоку-синцири, 265—6.

острова Чидо 智島 (по яп. Цитō), расположеннаго къ сѣверу отъ группы острововъ Начжю; рядомъ съ Чидо, ближе къ открытому морю, идутъ другіе острова (напримѣръ, большой о-въ Имчжадо, яп. Дзинситō 荏子島), заканчиваясь группою острововъ Слупр (на японской картѣ Курампутō).

Къ сѣверу отъ названнаго полуострова, который Канкокусинцири¹ называетъ полуостровомъ Муан, береговая линія принимаетъ болѣе прямое очертаніе и становится менѣе изрѣзанной; число прилегающихъ острововъ также уменьшается и разстояніе между ними увеличивается. На пути къ заливу Кунсан, расширенному устьемъ р. Пәнъаганъ, или Кымганъ, встрѣчаются только два болѣе глубокихъ вырѣза въ береговой линіи: заливъ Прайса или Кобуман 古阜灣, съ городомъ Хын-дѡк 興德 у его вершины, и двойной заливъ, образованный расширеніемъ устья р. Сасюганъ 泗水江; противъ него лежитъ въ морѣ группа острововъ Когунъдо², или Кѣг'ымгундо 隔音郡島, состоящая изъ 10 болѣе крупныхъ и нѣсколькихъ мелкихъ острововъ, обычно высокихъ и гористыхъ, среди бурнаго моря.

Сѣвернѣе этой группы открывается входъ съ моря въ расширенное устье рѣки Пәнъаганъ (Кымганъ,) раздѣляющей въ нижнемъ теченіи богатая провинція Чѣлладо и Чхюнъ-чхѣнъдо; въ этомъ устьѣ (прилегающая къ нему часть моря известна подъ именемъ залива Василія или Пиинман 庇仁灣 (въ японскомъ чтеніи Хининван) на южномъ берегу лежитъ открытый 1 мая 1899 г. для иностранной торговли портъ Кунсан (въ японскомъ чтеніи Гундзан) 群山 на полдорогѣ между Мокпхо и Чѣмульпхо.

Еще до открытія порта для иностранной торговли, гавань Кунсан (съ укрѣпленнымъ городомъ Кунсанчжин 群山鎮 въ уѣздѣ Окку 沃溝) пользовалась известностью въ качествѣ мѣста, черезъ которое доставлялся въ столицу податной рисъ (въ эпоху, когда мѣстные подати собирались натурою въ этомъ зернѣ) изъ названныхъ провинцій, за которыми установилась репутація «житницъ Кореи»; этотъ рисъ собирался для озна-

¹) Стр. 7.

²) Какъ писать это названіе «Описаніе Кореи».

ченной цѣли въ названномъ порту благодаря его центральному положенію (въ южной половинѣ пров. Чёлладо для той же цѣли служилъ, какъ сказано, портъ Мокпхо).

Понынѣ рисъ является значительной статьёй вывоза изъ порта Кунсан въ новой его роли открытаго для иностранной торговли порта, но кромѣ того черезъ него идутъ для вывоза пшеница, бобы¹, бычачьи кожи, grasscloth, различныя лекарства, бумага, бамбуковыя издѣлія, вѣера, экраны, маты и морскіе продукты всѣхъ родовъ (рыба, моллюски, водоросли), составивъ, вмѣстѣ съ рисомъ, общую цѣнность вывоза изъ порта за 1909 г. въ 2,049,530 ень. Привозъ въ портъ въ томъ же 1909 г. исчислялся въ 913,436 ень и включалъ различныя бумажныя издѣлія, спички, керосинъ и т. д., которые еще до открытія порта для иностранной торговли проникали сюда для распредѣленія по внутреннимъ торговымъ центрамъ (напримѣръ, въ городъ Конъчжю 公州 въ бассейнѣ р. Сасюганъ).

Постепенный ростъ Кунсана въ новыхъ условіяхъ обезпечиваетъ ему успѣшное будущее въ качествѣ торговаго центра, хотя бы и за счетъ болѣе южнаго его сосѣда Мокпхо, отъ котораго его раздѣляетъ на пароходѣ 147 миль моремъ. Окончаніе Хонамской ж. д., несомнѣнно, будетъ способствовать еще большому процвѣтанію порта Кунсан.

Изъ европейцевъ никто, за исключеніемъ американскихъ миссіонеровъ (въ серединѣ 1909 г. ихъ было 16 чел.) не живетъ нынѣ въ портѣ, гдѣ былъ устроенъ особый иностранный сеттлементъ, такъ что почти одни только японцы (въ серединѣ 1909 г. 3,310 человекъ) и китайцы (въ серединѣ 1909 г. ихъ проживало въ портѣ 156 человекъ) составляютъ все его не-корейское населеніе. Число туземныхъ обитателей Кунсана уже къ 1900 г. превышало 3500 человекъ, а въ серединѣ 1909 г. даже 5,878 человекъ; все же населеніе

¹) Вообще, въ отношеніи оборотовъ торговли хлѣбными продуктами Кунсан стоитъ во главѣ всѣхъ корейскихъ портовъ, при чемъ неочищенный рисъ вывозится отсюда въ значительномъ количествѣ черезъ Чѣмульпхо въ Дайренъ, затѣмъ въ Ситтль и Такома въ Соединенныхъ Штатахъ и даже въ Марсель (Франція). Въ будущемъ эта торговля должна еще возрасти благодаря предпринятымъ работамъ по улучшенію орошенія въ сосѣднихъ рисопроизводящихъ мѣстностяхъ, что должно увеличить размѣры урожая. Seoul Press, 27 June 1911, 2.

портового города къ этому времени достигло цифры въ 9,360 душ¹.

Помимо самаго порта, немало японскихъ фермеровъ водворилось въ окрестномъ районѣ, привлеченные его славою, какъ рисопроизводящаго центра.

Находясь въ устьѣ р. Кымганъ, Кунсан является слѣдовательно рѣчнымъ портомъ; глубина его якорной стоянки 10—25 футовъ при отливѣ, 32—47 футовъ при приливѣ; вмѣстимость порта на якорной стоянкѣ—2 судна въ 2,000 тоннъ съ посадкою въ 21 ф., или 3 судна въ 1,500 тоннъ съ посадкою въ 18 ф., или 5 судовъ въ 1000 тоннъ съ посадкой въ 14 футовъ, или нѣсколько парусныхъ судовъ въ нѣсколько сотъ тоннъ и кромѣ того сотня и болѣе рыбачьихъ лодокъ и джонокъ². Отъ моря портъ отдѣляетъ разстояніе въ 11 миль по рѣкѣ, при чемъ благодаря отмелямъ большинство пароходовъ могло ранѣе достигать порта только во время прилива; но съ 1906 г. благодаря постановки бакановъ и буйковъ любое судно въ 100 тоннъ водоизмѣщенія можетъ войти въ гавань безъ лоцмана³. Средняя глубина рѣки измѣряется въ 9 футовъ, во время же прилива она достигаетъ 30 футовъ. Поэтому пароходы до 3000 тоннъ водоизмѣщенія могутъ плавать по рѣкѣ во время прилива, но во время отлива они неизбежно должны плотно садиться на мель. Въ видахъ устраненія этого неудобства нынѣ проектируется произвести углубленіе всего 11-мильного участка нижняго теченія рѣки и якорной стоянки въ самой гавани Кунсана; кромѣ того—расширить площадь селенія посредствомъ осушительныхъ работъ и устроить три мола для облегченія передачи грузовъ съ пароходовъ на будущую ж. д. линію и обратно⁴.

Къ сѣверу отъ указаннаго очень мелководнаго залива Василія или Пиинман (подъ 36° с. ш., прямо напротивъ

¹) Seoul Press, 27 June 1911, считаетъ, со словъ Сакагами, мэра японскаго муниципальнаго управленія въ портѣ, общее число населенія города къ срединѣ 1911 г. около 12,000 душъ, изъ нихъ до 4,000 японцевъ.

²) Ежегодно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ апрѣля по іюнь, около 3,000 рыбаковъ прибываетъ въ портъ. Seoul Press, 27 June 1911.

³) Korea. Reports of foreign trade for the year 1908, 134.

⁴) Seoul Press, 27 June 1911, 2.

залива Унковскаго на восточномъ берегу) береговая линия сохраняетъ довольно прямолинейное очертаніе, съ нѣсколькими неглубоко врѣзанными бухтами, напр. бухтою Нампхо (Рампо въ японск. чтеніи) 藍浦, или Очхён 鰲州, вплоть до обширнаго и глубоко врѣзаннаго въ материкъ залива Шоолъ (Shoal, на японскихъ картахъ въ яп. чтеніи Сенсуйкайван 淺水海灣) длиною съ сѣвера на югъ въ 30 миль. Этотъ заливъ образованъ берегомъ материка съ одной стороны и полуостровомъ Нѣпхо 內浦 (яп. Найхо) или Тхѣан (яп. Тайан) 泰安, направленнымъ въ видѣ дуги, съ концомъ обращеннымъ къ югу, съ другой; непосредственное продолженіе полуострова къ югу составляетъ большой островъ Анминдо (яп. Амминтō 安眠島, съ совершенно низменными берегами, нынѣ отдѣленный отъ полуострова каналомъ, но ранѣе, вѣроятно, образывавшій съ нимъ одно цѣлое. Входъ къ заливу Шоолъ, который, вопреки англійскому названію, буквально означающему «отмель», каковой смыслъ удерживается и въ вышеприведенномъ японскомъ названіи «мелководный заливъ», имѣетъ среднюю глубину въ 11 морскихъ сажень, въ сѣверной же части лишь 6 сажень, закрывается островомъ Уѣнсандо (яп. Гендзантō) 元山島. Внутри залива Шоолъ имѣется нѣсколько другихъ острововъ. Съ материка заливъ замыкается длиннымъ рядомъ обнаженныхъ и обрывистыхъ холмовъ.

Сѣверная сторона полуострова Нѣпхо вся изрѣзана заливами, обозначаемыми на европейскихъ картахъ именами заливовъ Йоакима, Каролины (Пхѣджи 波知, яп. Хацц), Обмана и т. д., съ прекрасными якорными стоянками, и ведетъ въ восточномъ направленіи въ глубоко врѣзанный въ материкъ заливъ принца Геронима (заливъ Нам'янъман¹, яп. Наньіѡван) 南陽灣, подраздѣляющійся на цѣлый рядъ меньшихъ бухтъ вродѣ бухты Асанман (яп. Гадзанван) 牙山灣 по имени города этого названія, по сосѣдству съ юговосточнымъ берегомъ бухты. Эта послѣдняя заканчивается на востокѣ и юго-востокѣ двумя расширенными устьями рѣкъ, изъ коихъ одна идетъ съ сѣвера отъ города Сюѡн (Суйген по японски) 水原, а другая съ юга отъ уѣзнаго

¹) По имени города Нам'янъ на С. отъ залива, на полуостровѣ, составляющемъ его сѣверную сторону. Въ берегъ залива принца Геронима упирается граница между провинціями Чхюньчхёндо и Кёнъгьдо.

города Тяхын (Тайкō по японски) 大興. Другія болѣе сѣверныя подраздѣленія вышеназваннаго залива носятъ отличныя наименованія.

Обогнувъ полуостровъ Нам'янъ, ограничивающій заливъ Нам'янъ съ сѣвера, съ цѣлой цѣпью примыкающихъ къ нему острововъ, съ наибольшимъ изъ нихъ въ лицѣ Табудо (Тайбутō по японски) 大部島, путешественникъ вступаетъ въ довольно глубоко вдающійся въ материкъ заливъ Императрицы (на японской картѣ Дзинсенван), во время отлива почти цѣликомъ покрывающійся тинистыми отмелями, какъ и заливъ принца Иеронима; въ сѣверо-западномъ углу вышеназваннаго залива лежитъ городъ Инчхѣн 仁川 (Дзинсен по японски, отсюда и наименованіе залива), который былъ открытъ первоначально для иностранной торговли, чтобы немедленно уступить свое мѣсто деревушкѣ Чѣмульпхо (Сайбуппо въ японскомъ чтеніи) 濟物浦, въ 10 «и» отъ перваго далѣе къ сѣверо-востоку. Нынѣ эта бывшая рыбацья деревушка является наиболѣе крупнымъ по цѣнности торговыхъ оборотовъ открытымъ портомъ Кореи, лежащимъ на берегу залива собственнаго имени. Этотъ заливъ въ сущности представляетъ лишь расширенное устье восточнаго морскаго рукава рѣки Ханганъ, направленнаго прямо къ югу вдоль восточнаго берега острова Канъхоадо (яп. Кōкатō) 江華島, разбивающаго нижнее теченіе названной рѣки на два главныхъ рукава, однимъ изъ которыхъ и является указанный рукавъ.

Заливъ Чѣмульпхо имѣетъ около 1 мили ширины и образуетъ удобную якорную стоянку, съ глубиною отъ $4\frac{1}{2}$ до 9 сажень. Выходъ изъ него въ море ведетъ между многочисленными островами и отмелями, которые преграждаютъ также входъ во второй или сѣверный рукавъ р. Ханганъ, идущій вдоль западнаго и сѣвернаго береговъ острова Канъхоадо. На югѣ вся эта сѣтъ острововъ примыкаетъ къ другой не менѣе многочисленной островной группѣ, обозначаемой на европейскихъ картахъ общимъ названіемъ архипелага Императорскаго принца, на высотѣ залива Нам'янъ, въ качествѣ прямого продолженія вышеупомянутаго острова Табудо и сосѣднихъ съ ними острововъ (напримѣръ, Сіобудо 小部島).

Гавань Чѣмульпхо расположена подъ $37^{\circ}28'30''$ с. ш. и

126°37' прямо напротив о-ва Уольмидо (яп. Гецубитō 月尾島, болѣе извѣстнаго иностранцамъ подъ именемъ острова Roze¹, который господствуетъ надъ гаванью и устьемъ рѣки Хангань; этотъ островъ былъ проданъ въ 1901 г. японцамъ². При самомъ открытіи этой гавани для иностранной торговли въ 1883 г., на берегу ея находилось съ десятокъ жалкихъ хижинъ рыбаковъ, Мансѣдонъ 萬石洞, какъ называлась эта деревушка, существующая понынѣ на сѣверъ отъ Чѣмульпхо, по другую сторону ж. д. линіи³, а рядомъ съ ними, также на сѣверъ отъ нынѣшняго Чѣмульпхо, помѣщалось и селеніе наследственныхъ военныхъ поселянъ, на которыхъ былъ возложенъ надзоръ за укрѣпленіями, охранявшими устье р. Хангань⁴. Но уже въ срединѣ 90 гг. здѣсь возвышался большой и цвѣтущій городъ, съ широкими шоссированными улицами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обсаженными деревьями, съ внушительными зданіями и съ иностраннымъ населеніемъ, исчисленнымъ въ 1895 г. въ 4,675 человекъ; правда, оно состояло въ большинствѣ изъ японцевъ (4,148 чел.) и китайцевъ (482 чел.), имѣвшихъ собственные селлементы (въ японскомъ селлементѣ распродажа участковъ была произведена въ началѣ 1884 г.), рядомъ съ иностраннымъ селлементомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и также сплошь застроеннымъ (продажа участковъ въ немъ была произведена въ ноябрѣ 1884 г.). Число туземныхъ обитателей Чѣмульпхо въ томъ же 1895 г. достигало 5,340 человекъ. Черезъ пять лѣтъ въ 1900 г. иностранное населеніе порта достигло 5,564 чел. (4,215 японцевъ и 1,263 китайцевъ), а число туземцевъ повысилось до 8,370 чел. Въ періодъ послѣ русско-японской войны эти цифры увеличились всѣмъ кругомъ: для иностраннаго населенія до 16,000 чел., изъ нихъ японцевъ отъ 13 до 14 тысячъ⁵, китайцевъ отъ 1000 до 2000 чел.—наиболь-

1) По имени французскаго адмирала Roze, начальствовавшаго надъ французской неудачной экспедиціи противъ Кореи въ 1866 г.

2) Впослѣдствіе японское военное вѣдомство соединило этотъ островъ и лежащій къ югу отъ него Малый Уольмидо съ желѣзнодорожной линіей Чѣмульпхо—Сеуль, при помощи желѣзнодорожной вѣтки, не доступной для коммерческаго движенія, построивъ для этой цѣли мостъ и плотину.

3) См. планъ Чѣмульпхо въ Канкоку-аннай, къ стр. 117.

4) Korea Review, I, 1901, 12.

5) Въ концѣ іюля н. ст. 1911 г. въ Чѣмульпхо считалось 14,241 японцевъ. Seoul Press, 16 Aug. 1911.

шее число ихъ бываетъ лѣтомъ; европейцевъ до 80 человекъ; цифра туземнаго населенія приближается къ 12,000 душъ.

Подобному росту города въ особенности способствовала въ послѣдніе годы предприимчивая дѣятельность японцевъ, которыми были проектированы рядъ работъ по улучшенію порта и по благоустройству города, при чемъ часть ихъ уже выполнена; ими же устроенъ водопроводъ. Ранѣе въ пользу развитія порта много сыграло проведеніе желѣзной дороги изъ Чѣмпульхо мимо города Инчхенъ въ Сеулъ; нынѣ она представляетъ собою лишь вѣтку Сеуло-Фузанской ж. д. магистральной линіи, касаясь послѣдней у станціи Ёндыньпхо (Ейтѣхо въ японскомъ чтеніи) 永登浦.

Гавань Чѣмпульхо состоитъ изъ внѣшняго рейда, доступнаго для судовъ всѣхъ величинъ, и внутренней гавани, гдѣ останавливаются каботажные пароходы, водоизмѣщеніемъ около 1000 тоннъ, обслуживающіе мѣстную торговлю. Чрезвычайная разница между уровнемъ воды въ гавани во время отлива и прилива, достигающая 30 футовъ, затрудняетъ, если не дѣлаетъ невозможнымъ, для болѣе крупныхъ судовъ пользованіе внутренней гаванью¹; эта же причина затрудняетъ и плаваніе по рѣкѣ Ханганъ для судовъ, сидящихъ болѣе 6 футовъ; только суда съ посадкою, не превышающей послѣдней нормы, могутъ всегда въ безопасности доходить до Мапхо (въ японскомъ чтеніи Махо) 麻浦, въ 3 миляхъ на юго-западъ отъ Сеула.

Съ самаго начала Чѣмпульхо по оборотамъ внѣшней торговли занялъ первое мѣсто среди корейскихъ открытыхъ портовъ и сохраняетъ эту первенствующую роль понынѣ. Цѣнность этой торговли въ 1895 г. была 5,017,086 долларовъ въ привозѣ и 1,232,276 долларовъ въ вывозѣ; въ 1900 г.—6,888,421

¹) 11 іюня нов. ст. 1911 г. были торжественно открыты работы по улучшенію гавани въ Чѣмпульхо, которыя продлятся 6 лѣтъ и будутъ стоить 3,483,394 еиѣ. Нынѣ благодаря указанной высотѣ прилива въ гавани болѣе значительныя суда должны бросать якоря въ разстояніи, по крайней мѣрѣ, 3 миль отъ берега; по окончаніи же новыхъ работъ, которыя имѣютъ задачей устройство въ гавани особаго бассейна, съ постояннымъ уровнемъ воды благодаря шлюзамъ, ограждающимъ его отъ моря, три судна вмѣстимостью менѣе 4500 тоннъ будутъ въ состояніи причаливать одновременно къ самому берегу. Seoul Press, 13 June 1911.

долл. и 4,238,150 долл., т. е. повышеніе съ 6,623,325 долл. общей цифры торговли въ 1895 г. до 12,560,218 долл. въ 1900 г.

Въ 1909 г. общіе обороты торговли Чѣмультхо достигли суммы въ 16,667,082 ень (въ 1908 г. 20,446,804 ень, въ 1907 г. даже 25,657,541 ень), изъ нихъ 3,316,498 ень (въ 1908 г. 2,554,220 ень) приходилось на долю вывоза и 13,350,584 ень (въ 1908 г. 17,892,584 ень)—на долю ввоза; кромѣ того въ 1908 г. было вывезено золота и серебра на сумму 1,810,414 ень (золотой и серебряной монеты на 54,000 ень), обратно ввезено золотой и серебряной монеты на 2,072,065 ень и золота и серебра въ слиткахъ 724,801 ень; въ 1907 г. золота и серебра было вывезено на сумму даже 3,814,874 ень. Уменьшеніе 1908 г. въ отношеніи вывоза золота объяснялось тѣмъ, что растущее количество этого драгоцѣннаго металла стало направляться въ Японію по желѣзной дорогѣ черезъ Фузань. Въ 1909 г. вслѣдствіе той же причины изъ Чѣмультхо было вывезено золота всего на сумму въ 20,917 ень, зато цѣнность вывоза серебряной монеты дала сумму въ 459,018 ень, а серебра въ слиткахъ—14,249 ень; обратно было ввезено золотой монеты на 500,000 ень и серебряной монеты на 400,000 ень для нуждъ новаго денежнаго обращенія въ Корей.

Главные предметы вывоза изъ Чѣмультхо составляютъ рисъ, бобы, бычачьи кожи, саке, живой скоть, жэньшэнь и т. д.

Ввозъ обнимаетъ самыя разнообразныя категоріи предметовъ, начиная съ бумажныхъ, шелковыхъ и льняныхъ издѣлій и кончая углемъ, лѣсными матеріалами, керосиномъ, спичками, металлическими издѣліями, пшеничной мукою, сахаромъ, саке, пивомъ и т. д.

Каботажная торговля Чѣмультхо оцѣнивалась въ 1909 г. въ привозѣ въ 774,609 ень и въ вывозѣ въ 2,715,304 ень, или всего въ суммѣ 3,489,913 ень.

Пароходы двухъ японскихъ компаній Ниппон-юсен-кайся и Осака-сіосен-кайся поддерживаютъ регулярное сообщеніе съ Японіей (съ Осакою, Нагасаки, Кобе, Карацу, Иокохама) и съ сѣвернымъ Китаемъ (Дайрень, Чжифу, Ньючжуань (Инькоу),

Аньдуньсянь и Тяньцзинь); на ихъ долю приходится большая часть грузовъ и пассажирскаго движенія. Ранѣе существовало регулярное сообщеніе съ Владивостокомъ и Чжифу при посредствѣ пароходовъ общества Восточно-Китайской ж. д.¹

Телеграфное сообщеніе съ Китаемъ пока производится сухимъ путемъ, но уже много лѣтъ проектируется прокладка кабеля между Чѣмульпхо и Чжифу; телеграфное сообщеніе съ Японіей идетъ сухимъ путемъ до Фузана, затѣмъ черезъ проливъ по кабелямъ.

Съ торговой точки зрѣнія Чѣмульпхо пользуется преимуществомъ снабженія иностранными товарами, въ частности предметами роскоши, нѣсколькихъ важныхъ населенныхъ центровъ, не говоря уже о столицѣ. Можно сказать, что въ сущности все количество предметовъ роскоши, ввозимыхъ въ Корею, проходитъ черезъ Чѣмульпхо для Сеула, гдѣ сосредоточено богатство страны. Кромѣ того, сосѣдніе города Сююѳн, Чхюньчхѳн, Капхѳнъ, Коанъчжю и прочіе получаютъ иностранные товары черезъ Чѣмульпхо; но еще болѣе важными, чѣмъ указанные города, въ этомъ отношеніи для Чѣмульпхо представляются города Хячжю и Сонъдо, отъ которыхъ его отдѣляютъ только нѣсколько часовъ плаванія на небольшихъ японскихъ пароходахъ. Эта каботажная торговля придаетъ особое значеніе Чѣмульпхо².

Отъ залива Чѣмульпхо береговая линія въ видѣ правильной дуги огибаетъ островъ Канъхоадо и прилегающіе къ нему на западѣ острова, въ частности Кіодонъдо 喬桐島, слѣдуя сперва восточной стороною восточнаго рукава р. Ханганъ, затѣмъ, миновавъ русло самой рѣки, сѣверной стороною западнаго рукава той же рѣки, при чемъ измѣняетъ свое направленіе съ сѣвернаго на западное и вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ на территорию провинці Хоанъхядо, въ сущности представляющей собою одинъ обширный полуостровъ. Часть моря, заключенная между полуостровомъ Тхяан на югѣ и полуостровомъ Хоанъхядо на сѣверѣ и имѣющая въ своемъ сѣверо-восточномъ углу островъ Канъхоадо и оба рукава устья р. Ханганъ, извѣстна подь

1) Перечень главнѣйшихъ пароходныхъ линій, выходящихъ изъ Чѣмульпхо, см. въ Korea. Reports of foreign trade and shipping for the year 1908, 32—34.

2) Korea Review, I, 1901, 15.

общимъ обозначеніемъ залива Кёнъгыйман 京畿灣, т. е. залива столичной провинціи, а упомянутые заливы Нам'янь, Инчхён и друг., какъ и нижеуказываемый заливъ Хячжю, составляютъ какъ-бы его части.

Выше упоминалось, что береговая линия провинціи Кёнъгыйдо, обогнувъ островъ Канъхоадо, мѣняетъ свое направленіе съ сѣвернаго на западное и переходитъ на территорію провинціи Хоанъхядо. Этого новаго направленія береговая линия съ значительными указанными ниже отступленіями придерживается почти до 125⁰ меридіана в. д., гдѣ поворачиваетъ къ сѣверу и, нѣсколько разъ мѣняя свое направленіе на сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ, врѣзывается въ материкъ въ видѣ болѣе или менѣе глубокихъ бухтъ и заливовъ, послѣ чего образуетъ длинный выступъ къ западу съ мысомъ Чянъсангот на западномъ концѣ. Отсюда западное корейское побережье, коснувшись меридіана острововъ Галля, окончательно поворачиваетъ къ сѣверу, съ уклономъ къ востоку до устья рѣки Чхёнъчхёнганъ, образуя юго-восточную сторону Корейскаго залива, какъ его называютъ европейцы, или Западнаго Корейскаго залива 西朝鮮灣 Сёчюсёнман въ корейскомъ и (Нисиціосенванъ въ японскомъ чтеніи), каковыми именами обозначается прилегающая часть Желтаго моря, врѣзывающаяся въ материкъ Кореи и сосѣдней Маньчжуріи; Западнымъ Корейскимъ заливомъ этотъ заливъ называется на японскихъ картахъ въ отличіе отъ Восточнаго Корейскаго залива, на противоположномъ побережьѣ Корейскаго полуострова подъ тѣми же градусами широты, болѣе извѣстнаго подъ именемъ залива Броутона европейскихъ картъ.

Отъ устья рѣки Чхёнъчхёнганъ береговая линия снова идетъ прямо къ западу, проходитъ по сѣверной сторонѣ Корейскаго залива вторично 125⁰ меридіанъ в. д. и вскорѣ затѣмъ направляется къ сѣверу, къ устью р. Амнокканъ, гдѣ береговая линия западной стороны Корейскаго полуострова достигаетъ своего окончанія.

На первомъ участкѣ только что вкратцѣ разсмотрѣннаго протяженія западнаго корейскаго побережья, береговая линия, какъ ее рисуютъ новѣйшія японскія карты, образуя сѣверную

сторону залива Кёнъгыйман, представляет въ сущности одну обширную выемку, съ замыкающими ее съ обѣихъ сторонъ полуостровами: это—заливъ Хячжюман (Кайсюван по японски) 海州灣, у вершины котораго лежитъ городъ этого имени; заливъ представляетъ собою обширный дугообразный бассейнъ, почти замкнутый кругъ, прямо на сѣверъ отъ группы острововъ Ёнпхёнъ (острововъ Цзадонъ¹), состоящей изъ Большого и Малаго: Таёнпхёнъдо 大延平島 и Сіоёнпхёнъдо 小延平島). Вся эта часть сосѣдняго моря, въ которой расположена названная группа и которая ведетъ далѣе на востокъ къ западному рукаву р. Ханганъ, заполнена отмелями, среди которыхъ открывается узкій фарватеръ достаточной глубины, ведущій къ устью указаннаго рукава.

Полуострова, замыкающіе съ двухъ сторонъ заливъ Хячжюман, могутъ быть названы по болѣе крупнымъ городамъ полуостровомъ Ён'анъ 延安 (восточный изъ двухъ) и полуостровомъ Канънёнъ 康翎 (западный) по имени города, лежащаго на западъ отъ него въ глубинѣ залива, извѣстнаго на европейскихъ картахъ по имени залива Рупера (при входѣ въ него расположенъ островъ Суридо (Сунидо), по другому обозначенію Сюн'уйдо 巡威島); полуостровъ Канънёнъ заканчивается мысомъ Дынъсанготъ 登山串. Отъ залива Рупера береговая линія продолжается въ сѣверо-западномъ направленіи съ нѣсколькими меньшими вырѣзами мимо города Онъчжинъ 甕津 къ оконечности полуострова Ханъёнъ 行營, которымъ касается и даже нѣсколько переходитъ за 125⁰ в. д. На продолженіи оси названнаго полуострова лежитъ группа острововъ Галля, обнимающая въ порядкѣ ихъ величины острова Пәннёнъдо 白翎島, Тячхёнъдо 大靑島 и Сіочхёнъдо 小靑島; вся группа почти касается 38⁰ с. ш., открывая входъ въ заливъ, лежащій къ сѣверу отъ полуострова Ханъёнъ и извѣстный на европейскихъ картахъ подъ именемъ залива Вачусеть (этотъ заливъ раньше считали устьемъ р. Тядонъганъ), на югъ отъ длиннаго западнаго выступа провинціи Хоанъхядо, которымъ эта провинція достигаетъ своей наиболѣе западной точки въ

¹) Это названіе дается на картѣ, приложенной къ «Описанію Кореи», тогда какъ на японскихъ картахъ подобнаго коллективнаго обозначенія двухъ отдѣльных острововъ не встрѣчается.

мысь Чяньсангот 長山串 или Обещуки 小乳縣角; этот мысь является, по заявленію Канкоку-цүран, въ то же время наиболѣе западной по долготѣ точкою всей корейской территоріи. Отсюда (нѣсколько сѣвернѣе 38° с. ш.) и начинается Корейскій заливъ; основаніе же полуострова Чяньсангот лежитъ у города Чяньён, по японски Цібен 長淵.

Берегъ Корейскаго залива на корейской сторонѣ изобилуетъ небольшими бухточками и заливчиками, обычно расширенными устьями рѣкъ, и тремя болѣе значительными выемками въ береговой линіи, представляющими морскіе лиманы трехъ болѣе крупныхъ рѣкъ этого участка побережья, изъ нихъ наибольшимъ является устье р. Тадонганъ. Болѣе же подробный обзоръ строенія береговъ названнаго залива показываетъ, что, обогнувъ крайнюю западную точку полуострова Хоанъхэдо, береговая линія принимаетъ слегка извилистое направленіе по выпуклой дугѣ къ широкому и очень длинному заливу, мелкому у береговъ (между отмелями глубокой фарватеръ, даже въ низкую воду проходимый для всѣхъ судовъ), образованному устьемъ большой рѣки Тадонганъ 大東江; въ этомъ мѣстѣ береговая линія покидаетъ провинцію Хоанъхэдо и вступаетъ въ южную Пхёнъандо. На сѣверной сторонѣ этого морского лимана р. Тадонганъ находится въ 20 миляхъ отъ моря и въ 44 миляхъ водою отъ лежащаго вверхъ по рѣкѣ большого города Пхёнъянъ (съ населеніемъ въ 40,000 душъ) открытый съ 1 октября 1897 г. для иностранной торговли портъ Чынь-нампхо 甌南浦 (въ японскомъ чтеніи іероглифовъ Циннампо).

Открытіе этого порта было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что городъ Пхёнъянъ, главный центръ торговли въ провинціи Пхёнъандо, не доступенъ для морскихъ судовъ, между тѣмъ какъ эта часть страны богата земледѣльческими и горнозаводческими произведеніями, при чемъ иностранная предприимчивость способствуетъ растущей здѣсь съ каждымъ годомъ разработкѣ горныхъ богатствъ, и потому нуждается въ удобномъ выходѣ къ морю для вывоза излишка указанныхъ произведеній въ другія части страны и за границу. Поэтому предполагалось, что вновь выбранный портъ обнаружитъ значительную торговую дѣятельность. Дальнѣйшія событія вполне оправдали эти расчеты, при

чемъ, гдѣ ранѣе было нѣсколько глинобитныхъ хижинъ, появился на мѣстѣ, отведенномъ для общаго иностраннаго селтлемента, цвѣтущій городъ съ хорошими улицами и достаточно внушительными деревянными и кирпичными зданіями, въ которыхъ, при 12,181 душѣ корейскаго населенія въ концѣ 1908 г., проживало въ томъ же году до 3,000 японцевъ; кромѣ нихъ, почти единственными иностранцами (въ концѣ 1908 г. въ портѣ проживало 2 американца и два француза) были китайцы (421 человекъ въ концѣ 1908 г.).

Гавань Чынънампхо доставляетъ безопасную стоянку для большого числа судовъ самой глубокой посадки и наиболѣе крупнаго водоизмѣщенія¹. Съ городомъ Пхёнъянъ портъ связанъ рѣчнымъ пароходнымъ сообщеніемъ, съ недавняго времени хорошей шоссейной дорогою и даже желѣзнодорожнымъ путемъ; рѣчное пароходное сообщеніе между портомъ и г. Пхёнъянъ, черезъ Кём'ипхо 兼二浦 (яп. Кендзихо) производится два раза въ день, съ Кымсан черезъ Кём'ипхо не регулярно, но въ среднемъ 3 раза въ мѣсяцъ.

Главныя статьи вывоза изъ Чынънампхо являются рисъ, бобы, пшеница, ячмень, бычачьи кожи, мѣдная, желѣзная и золотая руда; ввоза — бумажныя и шелковыя издѣлія, спички, керосинъ, табакъ, фарфоровая посуда, желѣзо, соль, сахаръ. Въ 1909 г. цѣнность вывоза была 2,075,979 ень и ввоза 3,215,383 ень, а всего 5,291,362 ень, уменьшеніе около 200,000 ень сравнительно съ 1907 г., давшимъ наиболѣе высокую цифру оборотовъ иностранной торговли порта за все время его существованія, при чемъ до 1907 г. обороты торговли съ каждымъ годомъ почти неизмѣнно росли благодаря естественнымъ богатствамъ внутреннихъ областей, питающимъ портъ.

До 1906 г. изъ Чынънампхо ежегодно вывозилось золотыхъ слитковъ изъ Унсанскихъ приисковъ ежегодно на сумму 1 или 2 милліоновъ ень, но съ указанного времени это золото стало перевозиться сухимъ путемъ по желѣзной дорогѣ, совершенно минуя названный портъ, и въ вывозѣ изъ него нынѣ фигурируетъ одна золотая руда. Съ другой стороны черезъ Чынъ-

¹) Въ 1909 г. были начаты работы въ этой гавани, которыя должны еще болѣе увеличить ея удобства для стоянки судовъ. Эти работы закончатся въ 1913 г. и обойдутся въ 1,200,000 ень.

нампхо въ настоящее время вывозится въ растущемъ количествѣ желѣзная руда изъ рудниковъ Чарёнъ (яп. Сайней) 載寧, Ан'ак (яп. Ангаку) 安岳 и Ыннюль (яп. Ирицу) 殷栗, расположенныхъ въ провинціи Хоанъхэдо; вся эта руда отправляется въ Японію для надобностей казеннаго сталелитейнаго завода въ Вакамацу на островѣ Кюсю. Кромѣ того черезъ портъ проходятъ въ годъ до 100,000 тоннъ угля изъ пхёнъ-янскихъ копей, идущихъ также въ Японію на брикетную фабрику морского вѣдомства въ Токуяма. Въ будущемъ къ числу этихъ минеральныхъ продуктовъ, вывозимыхъ черезъ Чынънампхо, присоединится еще соль изъ казенныхъ солевыхъ рудъ въ заливѣ Коаньянман 廣梁灣, которыя, по предварительному подсчету, должны будутъ давать до 120 милл. кинъ соли въ годъ (1 кинъ равенъ 1,46 русск. фунта).

Обороты каботажной торговли порта въ 1909 г. выразились въ общей суммѣ 1,655,768 ень, въ томъ числѣ въ привозѣ на 881,572 ень, въ вывозѣ на 774,196 ень.

Регулярные пароходные рейсы связываютъ портъ Чынънампхо съ Чѣмпульхо (217 м. миль) и далѣе по побережью съ другими корейскими портами; кромѣ того въ 1908 г. Чынънампхо былъ связанъ слѣдующими регулярными пароходными линіями: линіей между Осакою и Анъдунъсянь (127 м. миль отъ Чынънампхо) два раза въ недѣлю, линіей между Нагасаки и Дайренъ (169 м. миль отъ Чынънампхо) два или три раза въ мѣсяць и между Нагасаки и Анъдунъсянь 2 раза въ мѣсяць (Осака-сібсен-кайся; между Осакою и Анъдунъсянь (Ниппон-юсен-кайся, 8 разъ въ мѣсяць); между Карацу и Чынънампхо для доставки угля для надобностей сѣвернаго участка Сеуло-Ыйчжюской ж. д., 2 раза въ мѣсяць; нерегулярными линіями: между Кобе и Анъдунъсянь 4 раза въ мѣсяць въ среднемъ и между Вакамацу и Чынънампхо въ среднемъ 3 раза въ мѣсяць. Кромѣ того въ теченіе мѣсяца въ портъ заходитъ еще 2 или 3 другихъ парохода и до 50 китайскихъ джонокъ, не считая японскихъ парусныхъ судовъ.

Отъ устья р. Тадонъганъ береговая линія продолжаетъ идти въ сѣверо-восточномъ направленіи, проходя мимо городовъ Самхоа (яп. Санва) 三和, Хамчжюнь (яп. Кандзіо) 咸從, Чынъсан (яп. Циндзан) 甌山, и упирается въ устье рѣки Чхёнъ-

чхёнганъ (яп. Сейсенкō) 清川江, съ городомъ Анчжю (яп. Ансю) 安州, который играетъ роль морского порта для сѣверной провинціи Пхёнъандо. Черезъ этотъ портъ американская компанія, разрабатывающая золотые прииски Унсан (яп. Ундзан) 雲山, доставляла на прииски машины и взрывчатые вещества и прочіе матеріалы, необходимыя для ея предпріятія. Въ долину притока названной рѣки расположенъ большой городъ Ёньбён (яп. Нейбен) 寧邊, почти не уступающій по значенію Пхёнъану. Это обстоятельство должно усилить значеніе порта Анчжю въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе судоходство на сосѣднемъ участкѣ побережья, нынѣ оставляемаго въ пренебреженіи. На важность города Анчжю указывалъ уже Гриффисъ¹.

Отъ устья р. Чхёнъчхёнганъ береговая линія имѣетъ въ общемъ сѣверо-западное направленіе, образуя одинъ болѣе крупный выступъ — полуостровъ Тчхельсан (по яп. Тецудзан) 鐵山. Съ юго-востока къ этому полуострову примыкаетъ группа острововъ, состоящая изъ довольно значительнаго числа большихъ и малыхъ острововъ подъ разными наименованіями: Синмидо (яп. Симмитō) 身弥島 является названіемъ наиболѣе крупнаго изъ нихъ. Немного не доходя до 40° с. ш., береговая линія входитъ въ расширенное устье р. Амнокканъ (Ялупзянь), которое доставляетъ безопасную якорную стоянку, хотя и трудно доступную съ моря для судовъ, глубже сидящихъ въ водѣ, благодаря бару у входа въ устье. Нѣсколько выше по теченію, лежитъ на лѣвомъ (корейскомъ) берегу напротивъ открытаго порта Дадунъгоу 大東溝 на китайскомъ берегу мѣстечко Ёнъампхо (по яп. Рюгампо) 龍(竜)岩浦, предназначенное ранѣе къ открытію для иностранной торговли, а затѣмъ служившее центромъ усиленной дѣятельности русской Ялуской лѣсопромышленной компаніи передъ русско-японской войною и, наконецъ, послѣ этой войны окончательно объявленное въ качествѣ открытаго порта. Однако, фактически Ёнъампхо самостоятельнымъ открытымъ портомъ почти не былъ (его таможня представляетъ нынѣ лишь отдѣленіе таможни Новый Ёйчжю) и нынѣ отошелъ нѣсколько на задній планъ

¹) Griffis, Korea, the Hermit nation, VII изд., 455.

передъ растущей дѣятельностью желѣзнодорожнаго узлового центра Новый Ыйчжю, который и былъ сдѣланъ въ апрѣлѣ 1906 г. открытымъ портомъ.

Новый Ыйчжю (по яп. Сингисю) 新義州, лежитъ въ 12 миляхъ отъ устья рѣки прямо напротивъ китайскихъ городовъ Аньдуньсянь, съ которымъ и поддерживается главнымъ образомъ торговые сношенія¹, и Шахэчжэнь и какъ желѣзнодорожный узловой пунктъ въ прямомъ маньчжурско-корейскомъ сообщеніи, конечно, разовьется выше тѣхъ предѣловъ, до которыхъ, при нормальномъ ходѣ событій, могъ дойти болѣе старый портъ Юнъямпхо, хотя и ближе расположенный къ морю; нынѣ, однако, вниманіе японскаго правительства снова обращается къ устью р. Амнокканъ въ видахъ созданія здѣсь новой морской гавани и въ этомъ отношеніи извѣстную роль долженъ играть и Юнъямпхо.

Вслѣдъ за открытіемъ его для иностранной торговли, Новый Ыйчжю обнаружилъ замѣчательный ростъ своихъ торговыхъ оборотовъ, которые въ 1906 г. (за 9 мѣсяцевъ) представляли собою общую цѣнность въ 283,623 енъ, а въ 1908 г. уже 1,995,213 енъ; въ 1909 г. нѣсколько менѣе—1,757,152 енъ или 3,3⁰/₀ общей суммы иностранной торговли Кореи въ этомъ году. Общая цифра 1909 г. распредѣляется между вывозомъ и ввозомъ слѣдующимъ образомъ: 923,878 енъ падаютъ на долю вывоза и 833,277 енъ на долю ввоза.

Каботажная торговля Новаго Ыйчжю въ 1909 г. исчислялась въ общей суммѣ въ 230,277 енъ, изъ нихъ 203,666 енъ въ вывозѣ.

Главные предметы вывоза изъ Новаго Ыйчжю суть слѣдующіе (по даннымъ торговли порта въ 1909 г.): рисъ, бобы, прочій зерновой хлѣбъ, рыба и прочіе морскіе продукты, мѣха и кожи, бумага, живой скотъ, лѣсные матеріалы и древесный уголь; среди весьма многочисленныхъ статей ввоза

¹) Въ 1909 г. изъ всей суммы вывоза порта Ыйчжю 918,137 енъ представляли цѣнность вывоза отсюда въ Китай (Аньдуньсянь), тогда какъ цѣнность вывоза въ Японію не превышала 5,711 енъ (остатокъ въ 30 енъ представлялъ цѣнность случайнаго вывоза въ Англію). Въ отношеніи цѣнности привоза въ портъ Китай (Аньдуньсянь) опять таки стоитъ на первомъ мѣстѣ (въ 1909 г.—498,342 енъ), Японія на второмъ (244,583 енъ), затѣмъ на большемъ разстояніи идутъ другія государства, изъ нихъ болѣе крупныя цифры въ привозѣ имѣютъ Соединенные Штаты (47,125 енъ) и Англія (21,129 енъ, не считая англійскихъ колоній).

(перечень ихъ занимаетъ $8\frac{1}{2}$ страницъ въ Korea. Tables of the foreign trade and shipping for the year 1909, стр. 132—142) должно отмѣтить, какъ болѣе цѣнные: лѣсные матеріалы (съ китайской стороны р. Амнокканъ), различныя бумажныя издѣлія (пряжа и ткани), ткани изъ China grass, керосинъ, саке, соль, цементъ.

Гавань Новаго Ыйчжю, находясь въ рѣкѣ Амнокканъ, не доступна для крупныхъ судовъ по причинѣ мелководья; во время высокаго прилива судно въ 1000 тоннъ водоизмѣщенія иногда доходитъ до самой гавани, но обычно морскія суда бросаютъ якорь у острова Бумбегги (яп. Момпаку) 門白, въ устьи рѣки, въ 22 или 23 миляхъ разстоянія отъ названной гавани, и грузы доставляются затѣмъ на катерахъ или лодкахъ, что вызываетъ излишніе накладные расходы. Этотъ недостатокъ не позволяетъ Новому Ыйчжю занять подобающее ему мѣсто среди другихъ портовъ Кореи; замерзаніе рѣки Амнокканъ въ зимнее время также нарушаетъ нормальное развитіе разсматриваемаго порта¹.

Сообщеніе между Новымъ Ыйчжю и Аньдуньсянь поддерживается въ періодъ навигаціи компаніей Yalu River Transfer Company, учрежденной въ мартѣ 1906 г. и владѣющей 4 пароходами съ керосиновыми двигателями и 6 шаландами; эти пароходы ходятъ каждые полчаса. Для расширенія своихъ операцій компанія заняла въ 1908 г. еще одинъ пароходъ въ 25 тоннъ водоизмѣщенія у желѣзно-дорожнаго бюро Корейскаго Генеральнаго резидента. Зимною перевозкою пассажировъ и грузовъ черезъ рѣку заняты свыше 30 саней, принадлежащихъ китайцамъ. Сообщеніе съ Ыйчжю (старымъ городомъ) въ разстояніи свыше 10 миль отъ Новаго Ыйчжю поддерживается дважды въ день однимъ пароходомъ съ керосиновымъ двигателемъ. Въ сторону къ Ыонъампхо ходитъ разъ въ день только одно парусное судно, что причиняетъ большія неудобства².

Двѣ сухопутныя дороги, не считая Сеуло-Ыйчжюской ж. д., соединяютъ Новый Ыйчжю съ Ыйчжю и Ыонъампхо; послѣдняя дорога 7 японскихъ ри длиною.

Передъ устьемъ р. Амнокканъ, помимо меньшихъ острововъ, лежитъ болѣе крупный островъ Синдо 薪島.

Острова. Попутно съ обзоромъ береговой линіи, были отмѣчены болѣе значительные острова и группы ихъ, расположенныя вдоль береговъ корейскаго полуострова. Поджіо считаетъ болѣе крупныхъ острововъ, принадлежавшихъ бывшему корейскому королевству, въ числѣ 150. Корейскіе острова располагаются сплошной стѣйю вдоль западнаго побережья

¹) Korea. Reports of the foreign trade and shipping for the year 1908, стр. 165.

²) Тамъ же, 165—6.

полуострова между 38° и 33° с. ш. по направленію съ сѣвера на югъ, затѣмъ по южному побережью съ запада на востокъ до устья рѣки Нактонганъ. Въ Корейскомъ заливѣ выше 38° с. ш. по западному берегу и вдоль Японскаго моря по восточному берегу Кореи острововъ очень немного, а болѣе крупныхъ, за двумя исключеніями, совсѣмъ нѣтъ.

Наиболѣе извѣстными или крупными по размѣрамъ изъ корейскихъ острововъ, перечисленныхъ выше въ обзорѣ береговъ полуострова, являются слѣдующіе, въ порядкѣ ихъ размѣщенія вдоль полуострова, начиная съ *западнаго побережья* по направленію съ сѣвера на югъ:

1) Группа острововъ въ Корейскомъ заливѣ подь $39^{\circ}25'$ и $124^{\circ}30'$ и подь $38^{\circ}40'$ с. ш. и $124^{\circ}50'$ в. д. съ наиболѣе крупнымъ островомъ Синмидо;

2) Аналогичная группа передъ устьемъ р. Тадонганъ; въ этой группѣ самый южный островъ Чхіодо (яп. Сіѳтѳ) 椒島, на юго-западъ отъ названнаго устья, составилъ себѣ извѣстность въ первую эпоху проникновенія христіанства на корейскій полуостровъ тѣмъ, что на этотъ островъ высаживались съ китайскихъ джонокъ, привозившихъ ихъ, католическіе миссіонеры и отсюда уже переправлялись на материкъ подь покровомъ ночи¹;

3) Группа острововъ Галля (Hall)², подь $37^{\circ}50'$ с. ш. и $124^{\circ}40'$ в. д., открытая въ 1816 г. англійскимъ капитаномъ Галлемъ, который, вмѣстѣ съ капитаномъ Максвеллемъ на корабляхъ «Alceste» и «Lyra», первый прошелъ вдоль западнаго побережья Кореи, начиная съ названной группы острововъ, и открылъ много другихъ острововъ изъ совершенно неизвѣстнаго до того времени европейскимъ мореплавателямъ корейскаго архипелага; эта группа состоитъ главнымъ образомъ изъ острововъ Пәннёндо, Тачхёндо и Сіочхёндо;

4) Группа острововъ Цзадонъ (Ёнпхёндо);

5) Острова Кіодондо и Канъхоадо;

6) Островъ Розе (Уольмидо), противъ бухты Чѣмульхо³;

1) Описаніе Кореи. I, 124.

2) Такъ пишетъ имя этого англійскаго капитана «Описаніе Кореи», правильнѣе было бы читать: Холль.

3) Этотъ островъ, хотя и наименьшій, является какъ-бы начальнымъ въ цѣпи острововъ, протянувшейся прямо на западъ отъ Чѣмульхо и включающей такіе острова, какъ Ёнъцзондо 永宗島, Синдо 信島, Чянъбондо 長峯島.

7) Многочисленный архипелагъ Императорскаго принца на югъ отсюда до 37° с. ш., съ лежащими ближе къ берегу островами Табудо 大部島 и Сіобудо 小部島;

8) Островъ Анминдо 安眠島, съ Уёнсандо 元山島, лежащимъ непосредственно къ югу отъ него;

9) Группа острововъ Когундо (Кёг'ымдо) подь $35^{\circ}50'$ с. ш. и $126^{\circ}20'$, на юго-западъ отъ Кунсана;

10) Группа острововъ Начжю на западъ и сѣверъ отъ залива Мокпхо;

11) Островъ Чидо 智島 и рядомъ съ нимъ Имчжадо;

12) Островъ Чиндо.

Вдоль южнаго побережья корейскаго полуострова съ запада на востокъ:

13) Островъ Квельпартъ;

14) Острова Сіоандо 所安島 и Оандо 莞島;

15) О-ва Когымдо 古今島, Синчидо 薪智島, Чхёнъсандо 青山島;

16) Острова Каксёкто 角石島;

17) Острова Агурандо (Арандо);

18) Островъ Сіоымдо 所音島 на полпути между островомъ Арандо и о-вами Портъ-Гамильтона;

19) Группа острововъ Портъ-Гамильтона (Кёмундо);

20) Островъ Сіосандо 召山島;

21) Островъ Тольсандо 突山島;

22) Островъ Намхăдо;

23) Островъ Чхянъсёндо 昌善島;

24) Островъ Иокчидо 欲知島;

25) Острова Кёчжѣдо и Кадёкто;

26) Олений островъ, или Чёр'ёнъдо 絶景島;

Вдоль восточнаго побережья имѣются два только болѣе крупныхъ острова, одинъ у самаго берега—

27) Островъ Гончарова, или Марянъдо, и другой въ большомъ отдаленіи отъ берега—

28) Островъ Дажелеть (Уллынъдо).

V.

Устройство поверхности. На всемъ пространствѣ корейскаго полуострова наблюдается преобладаніе ясно выра-

женнаго гористаго устройства поверхности почвы, переходящаго и на большинство сосѣднихъ острововъ, и во всѣхъ частяхъ страны взоръ путешественника встрѣчаетъ лишь довольно высокія горы или менѣе возвышенные холмы, между которыми расположились узкія долины, иногда лишь ущелья; болѣе значительныя площади открытой ровной земли имѣются только въ нижнемъ теченіи рѣкъ по сосѣдству съ морскимъ побережьемъ, при чемъ, по общему правилу, равнины на западномъ берегу достигаютъ бѣльшихъ размѣровъ и мѣстами сливаются даже въ сплошную низменную полосу, протягивающуюся вдоль линіи моря, тогда какъ ближе къ восточному берегу всѣ площади ровной земли являются тѣсно ограниченными и разобщенными между собою. Напротивъ, образованіе долинъ пріобрѣтаетъ въ горномъ рельефѣ Кореи крайне развитый и широкоразвѣтвленной характеръ. Огромныя массы дождя, выпадающія нерѣдко лѣтомъ въ Корей, какъ вообще въ муссоновыхъ областяхъ, вызываютъ столь энергичную размывающую дѣятельность текучихъ водъ, что въ большинствѣ случаевъ линіи водораздѣловъ между отдѣльными рѣчными бассейнами представляютъ собою острые края и самыя горы имѣютъ, по общему правилу, видъ почти гребней. Только по исключенію можно встрѣтить нагорныя плато, но и въ этихъ случаяхъ обычно особыя причины (вулканическія силы) вызвали ихъ къ существованію. Въ результатъ вышеописаннаго могучаго размывающаго процесса являются крутые склоны горъ подъ угломъ $40—45^{\circ}$, острыя горныя вершины и зигзагообразныя линіи горныхъ гребней.

Благодаря подобной сложной сѣти долинъ оказывается затруднительнымъ разгадать смѣшеніе многочисленныхъ вершинъ и внести ясность въ связь между отдѣльными группами ихъ, принадлежность коихъ къ цѣлымъ хребтамъ и большимъ цѣпямъ, повидимому, обусловлено разнообразными переменными вліяніями¹.

Такимъ образомъ если преобладаніе горнаго элемента въ рельефѣ корейскаго полуострова устанавливается внѣ всякаго сомнѣнія единогласными свидѣтельствами всѣхъ иностранныхъ

¹) Knochenhauer, Korea, 109.

посѣтителей полуострова, равно какъ показаніями самихъ корейскихъ географическихъ сочиненій, то менѣе легкимъ и безспорнымъ оказывается систематизировать отдѣльные орографическія элементы Кореи въ стройномъ порядкѣ и подыскать основные принципы горнаго построенія полуострова. Благодаря присутствію среди его горныхъ цѣпей различныхъ направленій и системъ, правильная оцѣнка соотношенія между ними и выясненіе доли участія въ общемъ строеніи каждой изъ нихъ довольно затруднительны и вызываютъ разногласія среди немногихъ авторовъ, удѣлявшихъ вниманіе этому сложному вопросу.

Реклю, на основаніи болѣе раннихъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи (геологовъ барона Рихтгофена и въ особенности Готтше, перваго европейца производившаго специальное изслѣдованіе горнаго устройства и геологіи Кореи въ 1883 и 1884 г.г.¹⁾), объяснялъ запутанный горный рельефъ Кореи пересѣченіемъ главной меридіональной цѣпи, тянущейся вдоль восточнаго берега, имѣя свою исходную точку въ маньчжурско-

¹⁾ Въ 1881 г. баронъ Рихтгофенъ въ своемъ трудѣ China (II. стр. 131). на основаніи изученія по картѣ расположенія и направленія рѣчной сѣти Кореи, заключалъ о присутствіи въ этой странѣ двухъ различныхъ горныхъ системъ, одной по направленію съ З.Ю.З. на В.С.В. и представленной горнымъ хребтомъ Чанъбошанъ и второй по направленію съ С.С.З. на Ю.Ю.В. и представленной въ видѣ береговой цѣпи, имѣющей продолженіе на сѣверъ внутрь колѣна Амноккана у селенія Маоэрршанъ, каковой изгибъ теченія рѣки и обусловленъ ею, и далѣе внутрь Маньчжуріи; на эту меридіональную цѣпь внутри колѣна р. Амнокканъ указывалъ и Готтше.

Со своей стороны Готтше установилъ путемъ личныхъ наблюденій, что главная горная цѣпь корейскаго полуострова идетъ вдоль восточнаго побережья, имѣя на сѣверѣ направленіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ (участокъ горной цѣпи Мюхянъсан по классификаціи проф. Котô), въ серединѣ—направленіе съ сѣверо-сѣверо-запада на юго-юго-востокъ (цѣпи Табăксан) и на югѣ направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ (цѣпи Сіобăксан). Кромѣ того на сѣверо-западѣ Готтше проводилъ, какъ сказано, въ меридіональномъ направленіи независимый хребетъ, измѣняющій направленіе теченія Амноккана.

По мнѣнію Готтше, геологическія оси въ Корейскіи обычно совпадаютъ съ горными осями; исключеніе составляетъ только небольшая гряда (цѣпь Мăрăксан, по классификаціи проф. Котô), пересѣкающая Хоанъхадю подъ прямымъ угломъ къ оси полуострова. Корейскія горы, говоритъ далѣе Готтше, обязаны происхожденіемъ двумъ системамъ земныхъ складокъ и никогда не превосходятъ предѣльной высоты въ 1500 метровъ. Въ общемъ Корея, какъ ее рисуетъ Готтше, представляетъ собою обширную, но мало возвышенную горную страну, которая по своему характеру, не приближается ни къ плато, ни къ равнинѣ.

Эти основные элементы топографіи Кореи, какъ они устанавливаются Готтше, признаются совершенно правильными и профессоромъ Котô, который въ сущности лишь развилъ эту картину новыми подробностями (см. ниже).

корейской пограничной системѣ Чанъбошань, въ корейскомъ чтеніи Чянъбаксан, въ японскомъ Ціохакусан, и поперечныхъ къ оси полуострова хребтовъ, представляющихъ составныя части и непосредственное продолженіе китайской системы горъ, т. н. Синійской системы, въ томъ же направленіи. Самое строеніе западнаго побережья Кореи, по мнѣнію этого выдающагося географа, подчеркиваетъ въ данномъ случаѣ связь горнаго строенія корейскаго полуострова съ сосѣдними областями китайскаго материка, отдѣленными отъ него Желтымъ моремъ; наиболѣе наглядно это обнаруживается въ отношеніи болѣе значительныхъ выступовъ въ юго-западномъ направленіи материка корейскаго полуострова въ провинціяхъ Хоанъхэдо и обѣихъ провинцій Чёлладо вмѣстѣ съ сосѣдними островами, соотвѣтственно представляющихъ какъ-бы прямое продолженіе, отторгнутое моремъ, Шаньдунскаго полуострова (выступъ провинціи Хоанъхэдо) и Нинъбо—Шанхайскаго полуострова съ островами Чжусанъ (выступъ провинціи Чёлладо).

Подобное сближеніе, несомнѣнно, имѣетъ за собою фактическое основаніе и было удержано, съ нѣкоторыми измѣненіями и въ особенности съ новыми подробностями и дополненіями, и позднѣйшими авторами и изслѣдователями, изучавшими горное строеніе Кореи. Къ числу этихъ авторовъ принадлежали нѣмецкій инженеръ Кнохенхауеръ, интересовавшійся этимъ вопросомъ въ силу своей специальности, поставившей его затѣмъ во главѣ нѣмецкаго золотопромышленнаго предпріятія въ Танъкогэ, и въ особенности японскій профессоръ геологіи при Токіоскомъ Университетѣ, Б. Котō 小藤, объѣхавшій полуостровъ въ различныхъ направленіяхъ въ зимніе мѣсяцы 1900—1901 и 1901—1902 гг. (въ общей сложности его путешествіе, продолжавшееся свыше 14 мѣсяцевъ, охватило 6,300 километровъ пути¹⁾) и формулировавшій собственную, болѣе сложную теорію относительно основныхъ элементовъ горнаго устройства Кореи²⁾.

¹⁾ Пройденные профессоромъ Котō маршруты, нанесенные на карту приложенную къ его статьѣ (см. ниже), шли приблизительно параллельно одинъ другому, пересѣкая корейскій полуостровъ отъ западнаго побережья къ восточному и обратно почти на равномъ разстояніи между собою, что позволило ему приобрѣсти общее представленіе о рельефѣ страны и ея геологическомъ составѣ на всемъ протяженіи полуострова.

²⁾ Kotō, Orographical Sketch of Korea: Journal of the College of Science

Въ общихъ чертахъ (вслѣдствіе трудности болѣе детальной классификаціи) Кнохенхауеръ¹ рисуетъ наружное горное построение Кореи въ слѣдующемъ видѣ: Главныя поднятія почвы располагаются на сѣверѣ и востокѣ страны, при чемъ въ качествѣ звена маньчжурской горной сѣти вдоль восточнаго побережья корейскаго полуострова протягивается къ югу большая цѣпь; подь 37° с. ш. она сворачиваетъ отъ берега внутрь страны. Она составляетъ спинной хребетъ горной массы корейскаго полуострова, отъ котораго отдѣляются многочисленныя звенья по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ.

Высота вершинъ корейскихъ горъ на сѣверѣ вообще не превышаетъ 1200—1500 метровъ; наибольшая вершина Hienfung, на сѣверѣ отъ Хамхына, имѣетъ 2500 метровъ возвышенія, вторая по высотѣ Таокwang, на сѣверо-западѣ отъ Танчхѣн въ той же провинціи южной Хамгѣндо—1940 метровъ. Горы близъ западнаго побережья не превышаютъ въ наибольшихъ точкахъ 600—700 метровъ².

Соотвѣтственно сказанному, Кнохенхауеръ проводитъ на составленной имъ схематической картѣ Кореи³ въ сѣверной части страны (къ сѣверу отъ 40° с. ш.) четыре линіи горныхъ хребтовъ, параллельныя аналогичнымъ линіямъ маньчжурскихъ и ляодунскихъ горъ и какъ прямое продолженіе шаньдунскихъ горъ, т. е. направленные съ юго-запада на сѣверо-востокъ въ такъ-называемомъ Синійскомъ направленіи; изъ четырехъ указанныхъ линій двѣ линіи изображаютъ болѣе мощные хребты, въ томъ числѣ одна линія, проведенная вдоль самаго берега, совпадаетъ съ начальнымъ участкомъ такъ-называемаго Главнаго Корейскаго хребта. На югъ отъ 40° с. ш. продолженіе одного

of the Imperial University of Tokyo, Japan, vol. XIX, article 2 (1903). Канкоку-цири, стр. 11—22, со схематическимъ чертежемъ на стр. 12, опирается исключительно на данныя проф. Котô при описаніи горнаго устройства Кореи. Общее краткое изложеніе теоріи того же профессора по этому вопросу было помѣщено въ *Echo de Chine*, 7 juillet 1904, стр. 2—3: *Constitution géologique et ressources minérales de la Mandchourie et de la Corée*.

¹) См. Knochenhauer, Bruno, Bergassessor и Hütteninspektor.—Korea: Verhandlungen Abteil. Charlottenburg der Deutschen Kolonial-Gesellschaft, 1900—1901, № 4 (Berlin, 1901).

²) Knochenhauer, Korea, 109—110.

³) Приложена къ цит. статьѣ.

изъ этихъ хребтовъ, именно Главнаго, изгибается по дугѣ съ юго-западнаго на юго-восточное направленіе, въ точности совпадая съ направлениемъ восточнаго берега полуострова, но подъ $36^{\circ}30'$ с. ш. снова переходитъ въ первоначальное юго-западное направленіе, съ нѣскольکو большимъ уклономъ къ югу, т. е. въ общемъ къ юго-юго-западу, благодаря повороту оси полуострова въ томъ же направленіи, и разбивается въ провинціи Чёлладо на двѣ вѣтви, соотвѣтственно выходящія къ заливу Мокпхо и полуострову Ханам. Къ означенному Главному хребту примыкаютъ на западной сторонѣ поперечныя (по отношенію къ направленію Главнаго хребта и слѣдовательно оси полуострова) хребты китайско-маньчжурскаго направленія въ провинціяхъ Хоаньхэдо, Кёнъгыдо и Чхюньчхёндо, а на востокъ, въ сѣверной провинціи Кёнъсяндо, одна короткая линія горъ (на упомянутой картѣ Кнохенхауера) слѣдуетъ съ сѣвера на югъ, съ уклономъ на востокъ параллельно берегу, и вторая—вдоль восточнаго берега южной Кёнъсяндо, съ сѣверо-востока на юго-западъ. Такимъ образомъ Кнохенхауеръ выдѣляетъ въ порядкѣ смыканія отдѣльныхъ возвышенностей полуострова въ болѣе сплошныя хребты двѣ отчетливо различаемыя основныя линіи: а) одну, идущую съ сѣверо-востока на юго-западъ, и б) вторую, идущую по дугѣ съ сѣверо-сѣверо-востока на юго-юго-востокъ, при чемъ заливъ Ёньхынман на восточномъ берегу почти въ точности соотвѣтствуетъ большому колѣну въ горной оси, образующей здѣсь тупой уголъ, открывающійся на сторону берега. Изъ обоихъ направленийъ первое, т. е. съ сѣверо-востока на юго-западъ, является болѣе частымъ въ расположеніи корейскихъ горныхъ хребтовъ.

Оба упомянутыхъ направленія горныхъ осей корейскаго полуострова проявляются и въ простираниіи горныхъ пластовъ, слагающихъ отдѣльныя цѣпи, вполне совпадая съ ними, при чемъ каждому изъ этихъ направленийъ соотвѣтствуютъ и извѣстныя горныя породы¹.

Въ общемъ подобная картина горнаго строенія Кореи, какъ его изображаетъ цитируемый нѣмецкій авторъ, близко совпадаетъ съ данными Готтше, которыми пользовался и Реклю

¹) Knochenhauer, Korea, 110—111.

и позднѣйшіе европейскіе и русскіе авторы. Въ частности извѣстная путешественница Изабелла Бэрдъ Бишопъ¹ заявляетъ, что въ сѣверной Корей имѣется нѣсколько горныхъ группъ съ отчетливыми центрами поднятія, наиболѣе значительной изъ нихъ является священная гора Пактусан 白頭山 (въ яп. чтеніи Хакутодзан). Далѣе къ югу эти отдѣльныя горныя группы сливаются въ одну отчетливую цѣпь, слѣдующую вдоль морского берега на умѣренномъ разстояніи и выдѣляющую къ западу такое множество цѣпей и отроговъ, что превращаетъ сѣверную и центральную Корейю въ смѣшанную массу обрывистыхъ и размытыхъ холмовъ и узкихъ долинъ съ крутыми сторонами, снабженныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ каменистыми ручьями. Большая осевая цѣпь, включающая и т. н. Алмазныя горы, понижается по мѣрѣ приближенія къ южному берегу, разлагаясь мѣстами на небольшія и нерѣдко неплодородныя равнины.

Начало этой цѣпи, или такъ называемаго Главнаго хребта², можетъ указываться различно или у горы Пактусан подь 42° с. ш., какъ это полагаютъ многіе европейскіе авторы, или далѣе отсюда на юго-востокъ у точки скрещенія 41° с. ш. и 129° в. д., на сѣверо-востокъ отъ перевала Намсёллёнъ, яп. Минами-Сецурей 南雪嶺, какъ это дѣлаетъ Кнохенхауеръ. Въ первомъ случаѣ первоначальное направленіе Главнаго хребта будетъ на югъ съ уклономъ къ востоку, слѣдуя направленію прилегающаго къ нему на западѣ участка маньчжуро-корейской границы, на югъ отъ горы Пактусан вдоль верхняго теченія р. Амнокканъ; во второмъ случаѣ оно будетъ ити прямо на юго-западъ черезъ перевалъ Намсёллёнъ параллельно линіи берега. Близъ перевала Намсёллёнъ оба этихъ направленія совпадаютъ въ 50 верстахъ отъ Японскаго моря, и цѣпь становится одной, направленной сперва на западъ и юго-западъ, затѣмъ на югъ и юго-востокъ и снова къ югу, при чемъ на югъ отъ бухты Лазарева разстояніе между цѣпью и восточнымъ

1) Bishop, Mrs. Isabella Bird. Korea and her neighbours, 15.

2) Корейцы обычно не употребляли одного общаго названія для всего протяженія этого хребта, но лишь особыя обозначенія для отдѣльныхъ его вершинъ и переваловъ. Названія Главнаго или Водораздѣльнаго хребта принимаются иностранными авторами.

берегомъ Кореи сокращается до 15—20 верствъ. Въ дальнѣйшемъ протяженіи цѣпь остается параллельной восточному берегу полуострова и только подь 37⁰ с. ш. поворачиваетъ къ юго-западу, углубляясь отъ берега внутрь страны; но уже подь 36⁰30' с. ш. она переходитъ подь прямымъ угломъ обратно на юго-восточное направленіе; передь 36⁰ с. ш. снова мѣняетъ это направленіе на юго-юго-западное и, разбиваясь на многочисленные отроги, доходитъ до самыхъ южныхъ предѣловъ страны.

Уже въ началѣ XIX стол. одинъ корейскій географъ, И Чхюньхоан 李重煥 въ сочиненіи Чіосён-пхал'ёкчхи 朝鮮八域誌, точно такимъ же образомъ и совершенно правильно изображалъ подь общимъ именемъ Корейской цѣпи направленіе Главнаго хребта отъ Пактусан на юго-востокъ къ побережной цѣпи Сіочяньбѣксан, затѣмъ на юго-западъ и далѣе на югъ въ качествѣ водораздѣла между Желтымъ и Японскимъ морями черезъ цѣпи Тчхёллёнъ 鐵嶺 и Кымганъсан къ цѣпи Табѣксан въ сѣверномъ углу Кёнъсянъдо. Отсюда тотъ же географъ, продолжая указанную цѣпь далѣе вдоль восточнаго побережья полуострова, выводилъ на границѣ этой провинціи съ провинціей Чхюньчхёнъдо особую вѣтвь на юго-западъ подь общимъ именемъ Сіобѣксан, при чемъ новый отрогъ отдѣлялся отъ вышеназванной вѣтви въ Тог'юсан 德裕山 и, пересѣкая наискось провинцію Чёлладо, достигалъ Ханам, а отсюда переходилъ черезъ море на островъ Чъчжю (Квельпартъ)¹.

По сравненію съ этимъ простымъ изображеніемъ корейскихъ горныхъ цѣпей у прежнихъ авторовъ, профессоръ Котō рисуетъ картину горнаго рельефа корейскаго полуострова въ болѣе сложныхъ чертахъ, хотя основные элементы и у него въ общемъ остаются тѣ же.

Прежде всего онъ отмѣчаетъ присутствіе глубокой поперечной впадины, раздѣляющей полуостровъ по линіи отъ Восточно-Корейскаго залива у Гензана на востокъ до залива Канъхоаман близь Чѣмульпхо на западъ на двѣ половины—Сѣверную и Южную Корею, по пространству приблизительно равныя между собою, хотя въ административномъ отношеніи

¹) Kotō, Orographic Sketch of Korea, стр. 5—7.

въ сѣверной половинѣ имѣется только 5 провинцій, въ южной же цѣлыхъ восемь (Кёнъгъидо, Канъуондо и по двѣ провинціи Кёнъсяндо, Чхюньчхёндо и Чёлладо; слѣдовательно на долю сѣверной половины остаются лишь Хоанъхэдо и по двѣ провинціи Пхёнъандо и Хамгёндо). При этомъ Южная Корея представляетъ полуостровъ въ собственномъ смыслѣ слова, тогда какъ Сѣверная Корея въ большой части лежитъ на самомъ материкѣ. Благодаря этой впадинѣ (рву, Graben), составляющей, по мнѣнію Котō, одну изъ характерныхъ чертъ тектоники Кореи (сравни fossa magna Науманна въ горномъ строеніи главнаго японскаго острова), открывается удобное сообщеніе изъ Гензана къ Сеулу, при чемъ единственными перевалами на этомъ пути являются Тчхёллёнъ (яп. Тецурей) 鐵嶺 и Чюккарёнъ (яп. Цикугарей) 竹駕嶺, первый на востокъ отъ второго и оба не въ далекомъ разстояніи отъ Гензана. Указанная впадина, представляющая линію наименьшаго возвышенія на порогѣ между Сѣверной и Южной Кореей, залегаетъ между двумя горными грядами, грядою Масиннёнъ на западѣ и грядою Коанъчжю на востокѣ¹.

Между природными условіями и физическими чертами страны въ обѣихъ половинахъ полуострова на сѣверъ и югъ отъ этой важной линіи наблюдается весьма рѣзкое различіе, которое отчетливо проявляется и въ отношеніи строенія горъ, и въ отношеніи направленія рѣчныхъ системъ², но также и въ отношеніи климата.

Климатически Сѣверная Корея, на сѣверъ отъ указанной природной разграничительной линіи, — холодный край, Южная же Корея — умеренный край, въ изобиліи производящій рисъ, обладающій рощами различныхъ породъ бамбука, представляющій, наконецъ, сѣверную границу распространенія на корейскомъ полуостровѣ различныхъ японскихъ растительныхъ породъ. Словомъ, Сѣверная Корея въ климатическомъ отношеніи тѣсно связана съ Маньчжуріей, Южная же Корея обладаетъ климатомъ, приближающимся къ японскому.

Топографически югъ Кореи представляетъ неправильную

¹) Kotō, Orographic Sketch of Korea, 9—10; относительно названныхъ грядъ см. ниже.

²) Канкоку-синцири, 10; Kotō, Orographic Sketch of Korea, 8—10.

холмистую страну, изрѣзанную долинами и наиболѣе характерную для Кореи, къ которой не приложимо названіе ни равнины, ни плато, поднимая сравнительно высокія горы по берегу Японскаго моря и мягко склоняясь къ Желтому морю. Напротивъ, сѣверъ Кореи вмѣщаетъ въ своихъ предѣлахъ два различныхъ горныхъ типа: т. н. плато Кайма (яп. Кайма) 蓋馬, между хребтомъ Чяньбѣксанъ съ одной стороны и линіей, проведенной отъ устья р. Чхёнъчхёнганъ къ городу Хамхынъ съ другой, т. е. въ сѣверныхъ половинахъ провинцій Пхёнъандо и Хамгёндо, и на югъ отъ нихъ въ провинціяхъ южной Пхёнъандо и Хоанъхэдо мѣстность, наполненную небольшими горами. Отдѣльно стоятъ высокіе горные хребты, прорѣзывающіе названныя плато въ двухъ главныхъ направленіяхъ.

Если сравнивать дѣйствіе климата и строенія почвы на различіе ландшафтной картины на сѣверѣ и югѣ Кореи, то болѣе существенной причиною въ данномъ случаѣ является различіе состава почвы въ этихъ противоположныхъ частяхъ страны, въ отношеніи каменныхъ породъ, преобладающихъ на сѣверѣ и югѣ. Этимъ, на примѣръ, объясняется наличность въ гнейсовыхъ и гранитныхъ областяхъ юга многочисленныхъ песчаныхъ цѣпей холмовъ, бесплодныхъ и лишенныхъ растительности склоновъ гнейсовыхъ или гранитныхъ осыпей, исчезновеніе коихъ на сѣверѣ столь благодѣтельнымъ образомъ дѣйствуетъ на зрѣніе путешественника¹.

Физическій обликъ и темпераментъ обитателей на сѣверѣ и югѣ полуострова, разграниченныхъ названной линіей, признаются профессоромъ Котō также весьма различными; одна корейская поговорка говоритъ, что самые красивые мужчины живутъ на сѣверѣ страны, самыя красивыя женщины — на югѣ. Дѣйствительное различіе темперамента у обитателей сѣверной и южной Кореи сказывается въ томъ, что южане хитры и легкомысленны, сѣверяне — молчаливы и упрямы.

Наконецъ, исторически сѣверъ Кореи первымъ выступилъ на историческое поприще и раньше подвергся китайскому вліянію; онъ же являлся колыбелью старой корейской династіи Корё. Югъ Кореи, мало извѣстный въ ранніе періоды корейской

¹) Knochenhauer, Korea, 108—109.

исторіи и обнаруживавшій большія отличія въ отношеніи нравовъ и племенного состава населенія, въ послѣдствіе въ лицѣ королевства Силла пріобрѣтаетъ господство на всемъ полуостровѣ, пока не возвысилась сѣверная династія Корё; въ новое время югъ далѣ странѣ новую династію И, смѣнившую названную династію и прекратившую царствовать лишь съ присоединеніемъ Кореи къ территоріи Японіи.

Независимо отъ указанной раздѣлительной линіи, двѣ главныя системы горныхъ складокъ, аналогичныя тѣмъ, что существуютъ въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ областяхъ той же восточной окраины азіатскаго материка, не считая третьей, специально при-сущей Корё, имѣютъ въ глазахъ профессора Котō преобладающую важность для строенія Кореи. Первой системою является синійская, направленная съ юго-юго-запада на сѣверо-сѣверо-востокъ и сѣверо-востокъ; эти складки теряются въ Желтомъ морѣ, и профессоръ Котō затрудняется опредѣлить мѣсто, гдѣ онѣ достигаютъ береговъ Китая и связываются съ извѣстными уже китайскими цѣпями; съ другой стороны проф. Котō считаетъ горы Сихотаалинь въ Уссурійскомъ краѣ продолженіемъ этихъ корейскихъ горныхъ складокъ далѣ на сѣверо-востокъ. Второй системою почвенныхъ складокъ въ Корё является ляодунская съ направленіемъ съ западо-юго-запада на востокъ-сѣверо-востокъ. Первая система получаетъ преобладаніе въ Южной Корё, вторая—въ Сѣверной; кромѣ нихъ имѣется, какъ сказано, въ горномъ рельефѣ страны еще третій существенный элементъ въ лицѣ такъ-называемой «Корейской» системы, расположенной на краю восточнаго побережья полуострова.

Расположеніе отдѣльныхъ цѣпей, входящихъ въ составъ каждой изъ указанныхъ системъ, на основаніи данныхъ профессора Котō, можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

Ляодунская система. На сѣверной границѣ Кореи возвышается цѣпь Чанъбошанъ (Чянъбаксан по корейски) или Пулхамсан 不咸山, какъ прямое продолженіе горъ Инъшанъ въ сѣверномъ Китаѣ. Въ центрѣ этой цѣпи находится гора Пактусан, дающая начало рѣкамъ Амнокканъ и Туманганъ, отходящимъ отъ нея въ противоположныхъ направленіяхъ. На

югъ отъ этихъ рѣкъ на корейской территоріи простираются почти параллельно другъ другу и параллельно цѣпи Чанъ-бошанъ по направленіи съ западо-юго-запада на востокъ-сѣверо-востокъ три цѣпи, прорѣзывающихъ обширное плоскогорье сѣверной половины Сѣверной Кореи, обозначаемое проф. Котō именемъ плоскогорья Кайма и имѣющее постепенный наклонъ къ сѣверу и крутое паденіе къ югу. Возвышенная центральная часть этого плоскогорья служитъ водораздѣльной линіей, откуда на сѣверъ воды стекаютъ въ бассейны рр. Амнокканъ и Туманганъ, а воды, стекающія на югъ отсюда, въ восточной части впадаютъ въ Японское море вдоль бережной полосы провинціи Хамгёнъдо, въ западной же части направляются въ рѣку Чхёнъчхёнганъ и въ Желтое море. Вмѣстѣ съ обѣими рѣками, обтекающими его сѣверное подножье, названное плоскогорье составляло издавна оплотъ корейскаго государства отъ вторженія сѣверныхъ народовъ и позволяло ему, за отдѣльными исключеніями, сохранить свою независимость отъ нихъ.

Указанныя три цѣпи соотвѣтственно называются проф. Котō Канънамсанмак 江南山脈, самая сѣверная изъ трехъ, Тчөг'юсанмак 狄躰山脈, средняя цѣпь, и Міохянъсанмак 妙香山脈, наиболѣе южная изъ трехъ.

Цѣпь Канънамсанмак идетъ по южной сторонѣ долины рр. Амнокканъ и Туманганъ, при чемъ начальный ея пунктъ находится къ сѣверу отъ Окканъчжин 玉江鎮; отсюда цѣпь проходитъ къ югу отъ Сакчжю 朔州, затѣмъ минуешь перевалы Оанханънёнъ 緩項嶺 въ уѣздѣ Чхянъсёнъ и Самчхәрёнъ 三綵嶺 въ уѣздѣ Чхосан и, пройдя на югъ отъ города Канъгъ, достигаетъ горъ Адыксан 牙德山; вступивъ въ предѣлы провинціи южной Хамгёнъдо, рассматриваемая цѣпь проходитъ черезъ перевалы Каынънёнъ 芑鷹嶺 и Чхюнътхёллёнъ 衝天嶺 и достигаетъ и пересѣкаетъ въ видѣ глубокаго ущелья верхнее теченіе Амноккана близъ устья р. Чянъчжинганъ. Однако, эта цѣпь, повидимому, продолжается и далѣе до верхняго теченія Тумангана и затѣмъ вдоль средняго теченія этой рѣки, пересѣкаетъ сѣверо-восточной выступъ корейской территоріи между городомъ Пурёнъ и Унъгыйнхо и заканчивается близъ устья Туманганъ (впрочемъ это продолженіе можетъ относиться и къ цѣпи Тчөг'юсанмак, указываемой ниже)¹.

¹) См. карту, приложенную къ Котō, *Orographic Sketch of Korea*, и текстъ статьи, стр. 37, и схематическій чертежъ горныхъ цѣпей Кореи, на основаніи изслѣдованія проф. Котō въ Канкоку-цири, стр. 12.

Сравнительно съ классификаціей горныхъ хребтовъ сѣверной Кореи, устанавливаемой Лубенцовымъ, цѣпь Канънамсанмак—на востокъ отъ Кангъ, включаетъ части хребтовъ Граничнаго, Капсанскаго¹ и, наконецъ, восточнаго окончанія Туманскаго.

Вторая цѣпь, или Тчѣг'юсанмак, выходитъ изъ горной группы на югъ отъ Ыйчжю, затѣмъ слѣдуетъ черезъ перевалы Матчхеллѣнь, по яп. Матенрей 馬天嶺, Очхәрѣнь, по яп. Одзирей 於自岑 (на сѣверъ отъ золотыхъ рѣкъ Унсан), Чхярѣнь (по яп. Сярей) 車岑, черезъ горныя группы Мул'исан (по яп. Ундзан) 勿移山 и Сюньчхѣксан (по яп. Сѳсекидзан) 崇積山, наиболѣе значительныя въ провинціи Пхѣнъ-андо. Отсюда цѣпь направляется къ перевалу Тчѣг'юрѣнь (по яп. Текиюрей) 狄踰嶺 съ пикомъ того же имени, главной вершиною въ цѣпи (970 метровъ возвышенія), вступаетъ въ провинцію Хамгѣндо, увеличивается въ высотѣ и проходитъ черезъ горы Ёнхоасан (по яп. Ренкадзан) 蓮花山 въ уѣздѣ Чянъчжин и Сѣрмәрѣнь (по яп. Сецубайрей) 雪梅嶺 (1460 метровъ), послѣ чего поворачиваетъ къ городу Самсю 三水, понижается и заканчивается у верхняго теченія Амноккана. Восточное продолженіе этой цѣпи осталось неизвѣстнымъ профессору Котō, если только выше упомянутая цѣпь между городомъ Пурѣнь и гаванью Унъгыи не связывается съ ней.

Цѣпь Тчѣг'юсанмак идетъ по направленію, параллельному первой цѣпи, т. е. съ западо-юго-запада на востокъ-сѣверо-востокъ, къ югу отъ той. Она совпадаетъ съ Амнокскимъ хребтомъ по классификаціи Лубенцова, служа, какъ и тотъ, водораздѣломъ между бассейнами рѣки Амнокканъ (отсюда и его наименованіе «Амнокскимъ») и сосѣдней рѣки Чхѣнъчхѣнганъ и другихъ меньшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Желтое море на югъ отъ устья Амноккана, тогда какъ первая цѣпь является водораздѣломъ только между отдѣльными лѣвыми притоками Амноккана.

Длина этого хребта, проходящаго въ заливъ на востокъ, какъ говоритъ Лубенцовъ, 220 верстъ. Лубенцовъ называетъ слѣдующіе перевалы черезъ этотъ хребетъ: упомянутый Тчѣг'юрѣнь по дорогѣ изъ Кангъ черезъ Хыйчхѣн (по яп. Кисен) 熙川 въ Анчжю (по яп. Ансѳ) 安州 въ долину р. Чхѣнъчхѣнганъ (по яп. Сейсенкō) 淸川江; Янънѣнь на пути изъ города Пѣктонъ (по яп. Хекидō) 碧潼 на р. Амнокканъ въ Унсан (и отсюда въ Анчжю); Юханнионъ (Оанханънѣнь) по дорогѣ изъ Чхянъсѣнь (по яп. Сидзиō) 昌城 въ Унсан (и далѣе въ Анчжю).

Третья цѣпь Міохянъсанмак идетъ на южной сторонѣ долины р.

¹) Этотъ хребетъ Лубенцовъ помѣщаетъ между правыми притоками р. Амнокканъ—Хōчхѣнганъ 虛川江 и Чянъчжинганъ 長津江, измѣряя его длину въ 100 верстъ, а среднее возвышеніе въ 4—5 тысячъ футовъ; онъ названъ Лубенцовымъ Капсанскимъ, по имени города этого имени на р. Хōчхѣнганъ. Хребетъ весь покрытъ лѣсомъ; изъ переваловъ, ведущихъ черезъ него, одинъ Сѣллѣнь 雪岑, 4500 ф. вышиною, лежитъ на пути изъ города Капсанъ въ Чянъчжинъ, совсѣмъ близко къ этому послѣднему городу.

Чхёнъчхёнганъ, параллельно обѣимъ вышеназваннымъ цѣлямъ, но на югъ отъ нихъ, и въ западной части является водораздѣломъ между рр. Тадонъганъ и Чхёнъчхёнганъ; слѣдовательно, эта часть цѣпи совпадаетъ съ хребтомъ Тадонскимъ, какъ его называетъ Лубенцовъ за его роль сѣвернаго водораздѣла долины этой рѣки, измѣряя его длину въ 220 верстъ. Восточный участокъ цѣпи является водораздѣломъ между притоками верхняго теченія рѣки Амнокканъ и верхняго теченія р. Туманганъ и рѣками Японскаго моря, т. е. совпадая съ соответствующимъ участкомъ Главнаго хребта, какъ его изображаютъ другіе авторы.

Начальнымъ пунктомъ этой цѣпи служитъ горная группа Кѳмсан (по яп. Кендзан) 劍山 въ уѣздѣ Хёнчхён (по яп. Сенсен) 宣川; далѣе цѣпь, проходя мимо городовъ Тачхён (по яп. Тайсен) 泰川 и Ёньбён, достигаетъ у Уёллим (по яп. Гецури) 月林 горы Міохянъсан на берегу р. Чхёнъчхёнганъ, колыбели славныхъ подвиговъ знаменитаго Тангуна 檀君, на границѣ обѣихъ провинцій Пхёнъандо. Отсюда пройдя переваль Коанъсёнъхён (по яп. Кѳдзіѳкен) 廣城峴, наивысшую точку цѣпи въ предѣлахъ Пхёнъандо, и знаменитыя горы Нанънимсан (по яп. Рѳри-дзан) 狼林山, означенная цѣпь вступаетъ въ провинцію Хамгёнъдо, здѣсь проходитъ черезъ высокій переваль Хоанъцзорёнъ (по яп. Осѳрей) 黃草嶺 (1090 метровъ) и горы Чхёнпулсан (по яп. Сембуцудзан) 千佛山 и Уѳлчженнёнъ 越戰嶺, достигаетъ переваловъ Хучжирёнъ (по яп. Кѳдзирей) 厚致嶺 и Матчхёллёнъ (по яп. Матенрей) 馬天嶺 (1400 метровъ) и затѣмъ горы Тәуѳнсан (по яп. Дайгендзан) 大元山 (1400 метровъ); въ этомъ пунктѣ цѣпь пересѣкается хребтомъ Сіочянъ-бәксан, идущимъ отъ Сёнъчжина, и возобновляется по другую сторону послѣдняго, въ видѣ короткаго отрога, который, достигнувъ гавани Ѵтәчжин 漁大津, у мыса Казакова исчезаетъ въ морѣ.

Изъ переваловъ «Тадонскаго хребта» Лубенцовъ отмѣчаетъ: 1) Коанъсёнънёнъ на пути изъ города Канъгъ на югъ въ городъ Ёнбуѳн (по яп. Нейен) 寧遠 и далѣе на юго-западъ съ переходомъ на восточную покатость полуострова къ городу Ёнъхынъ (по яп. Ейкѳ) 永興 и 2) Оан-иллиѳнъ (Ар'иллёнъ, по яп. Кацуницирей) 憂日嶺 по дорогѣ изъ Канъгъ черезъ Хыйчхён, по яп. Кисен 熙川 въ Ёнъхынъ.

Всѣ три указанныя цѣпи могутъ являться продолженіями трехъ линій возвышенностей на полуостровѣ Шаньдунъ въ Китаѣ, какъ онѣ рисуются на картѣ барона Рихтгофена: горъ Лайшанъ 萊山, по линіи сѣвернаго побережья Шаньдуна; горъ Цзюйчишанъ 鋸齒山 по центральной оси этого полуострова и горъ Лаошанъ 勞山 на южномъ берегу послѣдняго.

Указанныя три цѣпи составляютъ остовъ горнаго строенія сѣверной Кореи, имѣя направленіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ или съ юго-юго-запада на сѣверо-сѣверо-востокъ.

Помимо этихъ трехъ цѣпей, образующихъ въ общей

сложности плоскогорье сѣверной Кореи, съ общимъ простираніемъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ той же сѣверной половинѣ страны профессоръ Котō указываетъ на три большія меридіональныя линіи горныхъ поднятій. Одна изъ нихъ является продолженіемъ центральной цѣпи Тѣбѣксан—Одѣсан—Кымганъсан южной Кореи, идущей отъ Фузана до южнаго берега Восточно-Корейскаго залива и возобновляющейся на сѣверномъ берегу того же залива въ прежнемъ сѣверномъ направленіи, при чемъ она проходитъ по границѣ провинцій южной Хамгёнъдо и сѣверной Пхёнъандо внутрь большого колѣна Амноккана, каковое и обусловлено этой самой цѣпью, и достигаетъ указанной рѣки на западъ отъ селенія Маоэрршань. Эта цѣпь совпадаетъ съ Граничнымъ хребтомъ¹ Лубенцова, идущимъ на 170 верстъ между двумя притоками этой рѣки—упомянутымъ Чянъчжинганъ и болѣе западнымъ Унсёнъганъ (по яп. Ундзіокō) 雲城江, на которомъ лежитъ городъ Канъгъ 江界. Дальнѣйшее продолженіе разсматриваемой цѣпи за предѣлами корейской территоріи, возможно, идетъ до города Гирина. Горы Нанънимсан (по яп. Рōриндзан) 狼林山 представляютъ ея высшую точку. Изъ переваловъ Граничнаго хребта, поросшаго прекрасными лѣсами, Лубенцовъ указываетъ на Адыннёнъ (по яп. Гатокурей) 牙得岑, по дорогѣ изъ города Чянъчжинъ въ Капсан, на высотѣ 4200 ф.—4,765 ф.; сѣвернѣе его лежитъ Калбаріонъ Лубенцова (Кал'ыннёнъ?, по яп. Каōрей 芑鷹岑), по дорогѣ изъ того же города Чянъчжинъ въ Хучхянъ (по яп. Кōсіō) 厚昌 и Маоэрршанъ и съ другой стороны въ Часёнъ (по яп. Дзидзіō) 慈城. Наконецъ, самымъ сѣвернымъ переваломъ черезъ этотъ хребетъ, или его сѣверо-восточное отвѣтвленіе является Унтхюлліонъ (Чхюньтхёллёнъ 衝天岑) на пути изъ Хучхянъ въ Самсю, между нижними теченіями рр. Чянъчжинганъ и Хōчхёнъганъ.

Къ этой цѣпи примыкаетъ на сѣверѣ въ Пхёнъандо плоскогорье со среднимъ возвышеніемъ въ 600 метровъ, понижающееся въ западномъ направленіи (западное плоскогорье Кайма, по терминологіи проф. Котō); со стороны провинціи Хамгёнъдо имѣется много настоящихъ плоскогорій (восточное плоскогорье

¹) Это названіе дается ему Лубенцовымъ за выполняемую имъ важную роль климатической границы.

Кайма); среднее ихъ возвышеніе 1000 метровъ, но вулканическое плоскогорье къ востоку отъ г. Капсан поднимается до 1400 метровъ. По линіи его проф. Котō проводитъ вторую меридіональную цѣпь сѣверной Кореи отъ берега, къ югу отъ Кильчжю, прямо къ горѣ Пактусан. По этой цѣпи съ извѣстнымъ переваломъ Намсёллёнъ проходитъ граница между сѣверной и южной провинціями Хамгёндо. На югъ отъ названнаго перевала близъ моря лежитъ другой извѣстный перевалъ Матчхёллёнъ, по яп. Матенрей 摩天嶺, открывающій черезъ труднопроходимый хребетъ доступъ изъ внутреннихъ областей къ гавани Сёнъчжин.

Далѣе на востокъ означенное плоскогорье обрывается ввидѣ крутой горной стѣны, простирающейся на разстояніи 60 японскихъ ри на сѣверъ отъ Кильчжю до Хойрёнь (Туманскій хребетъ Лубенцова); какъ называютъ его корейцы, это цѣпь Чяньбѣксан (Чанъбошанъ), вѣрнѣе Малый Чанъбошанъ (Сіочяньбѣксан), равной которой нѣтъ во всей Корей, кромѣ Кымганъсан¹. Лубенцовъ ведетъ Туманскій хребетъ отъ перевала Намсёллёнъ въ сѣверо-восточномъ направленіи на 200 верстъ, отмѣчая его роль водораздѣла между лѣвыми притоками р. Туманганъ и небольшими рѣчными теченіями вдоль побережья, направляющимися прямо въ Японское море. Въ Туманскомъ хребтѣ наиболѣе извѣстнымъ переваломъ является Мусаллёнъ (по яп. Модзанрей) 茂山峯, 2000 ф., по дорогѣ (нынѣ дековилькѣ) изъ Кёнъсёнъ (по яп. Кіодзіō) 鏡城 и Чхёнъчжин (по яп. Сейсин) 溇津 черезъ Пунёнъ (произносится: Пурёнъ), по яп. Фуней 富寧, въ Хойнёнь (произносится Хойрёнь), по яп. Кайней 會寧.

Въ противоположность этому сравнительно простому горному строенію сѣверной Кореи, въ сущности представляющему одну главную систему, исключая меридіональныхъ складокъ, являющихся скорѣе продолженіемъ южно-корейской горной системы, горный рельефъ южной Кореи оказывается значительно болѣе сложнымъ и здѣсь можно различать цѣлыхъ три болѣе значительныя системы: систему синійскихъ горныхъ складокъ съ направленіемъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ,

¹) Канкоку-цири, 219.

точнѣе съ юго-юго-запада на сѣверо-сѣверо-востокъ, систему продольныхъ (меридіональныхъ) горныхъ складокъ, направленныхъ съ юга на сѣверъ съ уклономъ къ западу и востоку, и систему горъ Хансан, идущихъ съ запада на востокъ.

Къ Синійской системѣ принадлежатъ двѣ цѣпи, представляющія какъ-бы продолженія китайскихъ цѣпей изъ провинціи Чжэцзянь¹.

Изъ нихъ одна, цѣпь Чхярёнъсанмак (по яп. Сярейсаммяку) 車嶺山脈, наискось пересѣкающая провинцію Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо, начинается отъ города Чхюнчхён, затѣмъ проходитъ мимо городовъ Хойнъсёнъ (по японски Ōdzīō) 橫城 (переваль Саммачхи, по яп. Самбаки 三馬崎) и Уёнчжю (по яп. Генсю) 原州 и, продолжаясь черезъ Ютѳкхён (по яп. Ютокукен) 裕德峴, касается территоріи Кёнъгыдо; далѣе она вступаетъ на горную группу съ переваломъ Чхярёнъ 車嶺 въ Чхюнъчхёнъдо, на югъ отъ города Чхёнъчжю; отсюда цѣпь понижается и, достигнувъ сосѣдства Кунсана, переходитъ въ море, образуя острова Кёгымгундо. Передъ тѣмъ, какъ достигнуть залива Кунсан, цѣпь наискось прорѣзывается цѣпью Коанъчжю, о которой рѣчь будетъ итти ниже, направленной почти прямо на сѣверъ.

Вторая цѣпь, Норёнъсанмак (по яп. Рорейсаммяку) 蘆嶺山脈, на югъ отъ первой и параллельная ей, начинается отъ Чхюпхуллёнъ 秋豐嶺 (яп. Сюфурей) у линіи Сеуло-Фузанской ж. д., отсѣкаясь на востокъ отсюда одной изъ цѣпей Сіобаксан, идущей отъ массива Чирисан на югъ до Канънынъ на сѣверѣ; затѣмъ разсматриваемая цѣпь проходитъ черезъ Самболлёнъ (по яп. Санхѳрей) 三峰嶺, окутанный густымъ лѣсомъ, далѣе черезъ Манмагоан (по яп. Мамбакан) 万馬關 между городами Чёнчжю и Нам'уён, образуетъ переваль Норёнъ между городами Чёнчжю и Сюнчхянъ 淳昌 и, наконецъ, пройдя на западъ отъ г. Муан и по сѣверной сторонѣ залива Мокпхо, входитъ въ море, образуя рядъ острововъ.

Обѣ указанныя цѣпи являются древними почвенными складками и по причинѣ своей древности нынѣ обратились въ маловозвышенныя, мѣстами почти сравненныя съ землею

¹) Prof. Kotô, An orographic sketch of Korea, 16—17.

горы. Поэтому они не могут быть отнесены съ топографической точки зрѣнія къ числу хребтовъ (ridges, какъ выражается проф. Котō), хотя понынѣ отмѣчаютъ отчетливыя водораздѣльныя линіи¹.

Ко второй, тѣмъ болѣе важной системѣ горъ южной Кореи, получающей въ этой части страны наибольшее развитіе, хотя продолженіе ея идетъ на далекій сѣверъ Кореи, относится система продольныхъ (меридіональныхъ) складокъ съ общимъ направлениемъ съ сѣвера на югъ, отъ котораго отдѣльные отроги и цѣпи системы отклоняются къ западу и къ востоку; въ нѣкоторой части своего протяженія центральная цѣпь этой системы слѣдуетъ прямо съ сѣвера на югъ. Эта система образуетъ большую часть протяженія центральной цѣпи, идущей отъ горы Пактусан и увѣнчивающей подъ общимъ наименованіемъ «Главнаго хребта» все восточное побережье полуострова; этой системѣ проф. Котō даетъ имя «Корейской», такъ какъ ей принадлежитъ роль спиннаго хребта въ тектоникѣ Кореи. На сѣверъ эта система, какъ уже сказано, простирается до Гириня; во всякомъ случаѣ ею обусловлено крутое колѣно, которое дѣлаетъ, при встрѣчѣ съ ней, р. Амнокканъ.

Горные хребты, принадлежащіе къ этой системѣ, играютъ настолько значительную роль въ устройствѣ поверхности и общемъ строеніи массы суши южной и даже сѣверной Кореи, что ими обусловлена самая фигура корейскаго полуострова. Кромѣ того, концы этихъ цѣпей, упираясь въ берегъ Корейскаго пролива, образуютъ здѣсь полуострова, мысы и острова. Баронъ Рихтгофенъ первый назвалъ эту систему продольныхъ складокъ именемъ «Корейской» (Чаосяньской); проф. Котō, какъ сказано выше, удерживаетъ это обозначеніе, какъ вполне подходящее.

Это система разбивается на двѣ группы, соотвѣтственно занимающія восточную и западную половины южной Кореи: Табәннәнмак 大白聯脈 и Сіобәннәнмак 小白聯脈, при чемъ

¹) Уже Пумпелли въ *Geological Resëarches in China, Mongolia and Japan*, (Smithonian Contribution to Knowledge, 1866), стр. 2, замѣтилъ, что линія, проведенная отъ пункта близъ Кантона черезъ архипелагъ Чжусанъ, представляетъ главное направленіе бережной цѣпи (т. н. Синійской системы), при чемъ, будучи продолжена на сѣверо-востокъ, она пересѣкаетъ корейскій полуостровъ близъ его южной оконечности. Это предположеніе вполне оправдалось въ приводимыхъ данныхъ проф. Котō.

отдѣльныя цѣпи, входящія въ первую группу, числомъ пять, при общемъ простираниі съ сѣвера на югъ, отклоняются къ востоку, заполняя провинцію Канъуѡндо и восточную половину обѣихъ провинцій Кёнъсяндо, а шесть цѣпей, составляющихъ вторую группу, при меньшемъ протяженіи въ длину, но имѣя одинаковое простирание съ сѣвера на югъ, отклоняются къ западу, обуславливая поворотъ въ этомъ направленіи юго-западнаго выступа провинці южной Чёлладо. Эта группа цѣпей располагается на западной границѣ обѣихъ провинцій Кёнъсяндо, примыкающей къ провинціямъ сѣверной Чхюньчхёндо и обѣихъ Чёлладо.

По своей относительной мощности цѣпи Сіобәннёнмак въ совокупности превосходятъ южный участокъ цѣпей Табәннёнмак (на югъ отъ 37° с. ш.), почему создается впечатлѣніе, будто главная горная ось полуострова подъ 37° с. ш. уклоняется со своего прежняго южнаго и юго-восточнаго направленія на юго-западъ, выдѣляя въ юго-восточномъ направленіи только одну, хотя и крупную горную вѣтвь, въ дѣйствительности же представляющую соединеніе южныхъ концовъ цѣпей Табәннёнмак. Въ этомъ смыслѣ «Описаніе Кореи» отмѣчаетъ совершенно справедливо, что «въ томъ мѣстѣ подъ 37° с. ш., гдѣ Главный хребетъ отходитъ отъ восточнаго берега, отъ него отдѣляется одинъ изъ наибольшихъ его отроговъ длиною въ 200 верстъ»¹; этотъ отрогъ, направляясь на юго-востокъ, сперва образуетъ сѣверную границу Кёнъсяндо со стороны Канъуѡндо, затѣмъ, не доходя до моря, поворачиваетъ на югъ и раздѣляетъ обѣ провинціи Кёнъсяндо на бережную полосу, съ рѣками, впадающими въ Японское море, и внутреннюю полосу, составляющую бассейнъ верхняго и средняго теченія р. Нактонъганъ, залегающей между этимъ хребтомъ и цѣпями Сіобаксан. Указанный хребетъ, къ которому приложимо названіе «Нактонскаго» за тѣсную связь его съ этой рѣкою, заканчивается подъ $35^{\circ}30'$ с. ш., упираясь въ колѣно нижняго теченія той же рѣки, тѣмъ самымъ позволяя ей сдѣлать крутой поворотъ на востокъ и затѣмъ на югъ, подъ напоромъ другого горнаго хребта, отпрыска горной системы Хансан (по

¹) Описаніе Кореи, I, 96.

номенклатурѣ проф. Котō), выходящаго изъ Чёлладо и простирающагося вдоль южнаго побережья полуострова.

Расчленяя обѣ группы цѣпей этихъ южныхъ отрѣзковъ т. н. Главнаго хребта, профессоръ Котō послѣдовательно изображаетъ отдѣльныя цѣпи, слагающія какъ группу цѣпей Тăбăннѣнмăк, такъ и Сіобăннѣнмăк.

Первая цѣпь группы Тăбăннѣнмăк начинается горнымъ массивомъ Нактонъсан на лѣвомъ берегу р. Нактонъганъ, затѣмъ, перейдя черезъ эту рѣку, проходитъ на востокъ отъ Сѣньчжю (яп. Сейсѳ) 星州 и Цхогѣ (яп. Сѳкей) 草溪 и достигаетъ моря между городомъ Чинчжю и бухтою Чинхă, образуя затѣмъ островъ Іокчидо.

Вторая цѣпь той же группы идетъ по лѣвому берегу р. Нактонъганъ отъ горъ Тăгоксан (яп. Дайкокудзан) 大谷山 въ уѣздѣ Іонъгунъ (яп. Рѳгѳ) 龍宮 и, пройдя на востокъ отъ города Пиан (яп. Хиан) 比安, прерывается на западъ отъ города Тăгу; возобновившись снова въ видѣ горъ Пишхасан (яп. Бивадзан) 琵琶山 въ уѣздѣ Хѣнпхунъ (яп. Гемпѳ) 玄風, цѣпь пересѣкается рѣкою Нактонъганъ, но снова появляется въ Чхил'уѳн (яп. Сицуген) 漆原, образуетъ переваль Тонъджѣнъчхи (яп. Тѳдендзи) 東田峙 между Масанихо и Чинхă, затѣмъ въ видѣ полуострова Куйсан (яп. Кидзан) 龜山 отдѣляетъ бухту Масанихо отъ Чинхăской (въ тѣсномъ смыслѣ) и заканчивается на западной сторонѣ острова Кѳчжѣдо.

Третья цѣпь, начинаясь отъ города Андонъ (яп. Антѳ) 安東, идетъ на востокъ отъ Ыйсѣнъ (яп. Гидзиѳ) 義城 къ г. Хаянъ (яп. Каіѳ) 河陽, затѣмъ, на востокъ отъ г. Чхѣнъдо (яп. Сейдѳ) 靑道 и Мир'янъ, переходитъ у Самнанъчжин (яп. Санрѳсин) 三良津 черезъ р. Нактонъганъ, затѣмъ между Кымхă (яп. Кинкай) 金海 и Чхянъуѳн (яп. Сіѳген) 昌原 достигаетъ пика Тчхѣнчжабонъ (яп. Тенсихѳ) 天子峯 и мимо восточной стороны Масанихо переходитъ на островъ Кѳчжѣдо, составляя центральную ось этого послѣдняго.

Въ отличіе отъ первыхъ двухъ цѣпей, цѣпкомъ умѣщающихся въ предѣлахъ провинціи Кѣнъсянъдо, настоящая цѣпь продолжается далеко къ сѣверу отъ г. Андонъ, при чемъ, пройдя на востокъ отъ г. Бан (яп. Рейан) 禮安 и Пунъхоа (яп. Хѳка) 奉化, достигаетъ границы провинціи Канъуѳндо въ Кочжюннѣнъ (яп. Коцикурей) 古竹嶺, касается западной стороны Одăсан (яп. Годайдзан) 五臺山, затѣмъ встрѣчается, на югъ отъ Инджѣ (яп. Ринтей) 鱗蹄, съ синійской цѣпью Чхярѣнъ и образуетъ на востокъ отъ Янъгу (яп. Іѳкѳ) 陽口 западный хребетъ горъ Кымганъсан; затѣмъ на востокъ отъ г. Тхонъчхѣн (яп. Цѳсен) 通川 спускается къ острову Сіонъсандо (яп. Сіѳдзантѳ) 松山島 и исчезаетъ въ морѣ, достигнувъ общаго протяженія въ 120 японскихъ ри.

Четвертая цѣпь группы Тăбăксан является въ то же время главной и наиболѣе высокой изъ всѣхъ, проходя на востокъ отъ указанной третьей цѣпи. Настоящая цѣпь возникаетъ на западной сторонѣ залива Чюк-сѣнъ, яп. Цикудзиѳ 竹城 (на сѣверъ отъ г. Косѣнъ, яп. Кѳдзиѳ) 高城

въ Каньюѳндо); это—сѣверный конецъ знаменитыхъ горъ Кымганъсан (1200 метровъ возвышенія), или горъ 12,000 пиковъ 一萬二千峰 или еще Пхунъак (яп. Фѳгаку) 楓岳 кленовыхъ пиковъ¹, съ великолѣпными горными и лѣсными ландшафтами и съ многочисленными буддѳйскими монастырями (15 большихъ и малыхъ пагодъ существуютъ здѣсь со временъ періода династїи Силла); названныя горы пользуются славою во всей восточной Азіи, не только въ одной Корей, и являются любимой цѣлью экскурсіи для иностранныхъ посѣтителей въ этой странѣ. Въ той же цѣпи къ югу отъ горъ Кымганъсан лежатъ горы Одасан (яп. Годайдзан) 五臺山, также извѣстныя своими буддѳйскими храмами; еще южнѣе на границѣ провинцій Каньюѳндо и Кѣнъсяндо лежитъ переваль Сагиллѣнъ (яп. Сякицурей) 沙吉嶺 и недалеко отсюда покрытая лѣсомъ гора Тѣбаксан (яп. Тайхакудзан) 太白山, 1500 метровъ возвышенія, извѣстная каждому корейцу и внушающая ему до нѣкоторой степени религіозное почтеніе къ себѣ. По имени этой горы проф. Котѳ называетъ и всю настоящую группу цѣпей именемъ Тѣбаксанмак или Тѣбѣннѣнмак. Дальнѣйшее протяженіе указанной главной цѣпи идетъ мимо городовъ Понъхоа, Ёнъянъ (яп. Ейіѳ) 英陽, Ёнъчхѣн (яп. Ейсей) 永川 и Кѣнъчжю (Западные горы 西山), Тонъян и, наконецъ, Фузана (Кудѳксан 九德山 въ иностранномъ селѣментѣ Фузана), исчезающая въ Корейскомъ проливѣ.

Общая длина этой цѣпи измѣряется проф. Котѳ въ 480 километровъ.

Пятая цѣпь идетъ вплотную къ восточному берегу корейскаго полуострова отъ упомянутаго города Косѣнъ и бухты Чянъчжѣн (яп. Ціѳсен) 長箭 мимо городовъ Кансѣнъ (яп. Кандзіѳ) 杆城, Янъянъ (яп. Дзіѳіѳ) 襄陽 (знаменитыя Сяѣжныя горы 雪山), Канънынъ (Тѣгоаллѣнъ, яп. Дайканрей 大關嶺), Самчхѣк, Улчжин, Пхѣнъхѣ, Чхѣнъхѣ, Кѣнъчжю (Карочхи 加羅峙 съ большимъ монастыремъ) и исчезаетъ въ морѣ, пройдя по берегу бухты Ульсан у Ёмхоккок (яп. Енхокаку) 鹽浦角 (мысъ Тихменева), но возобновляется, повидимому, на островѣ Цусима. Конечный участокъ цѣпи близъ Ёмхоккок извѣстенъ подъ именемъ Тонъдасан (яп. Тѳтайдзан) 東太山.

Между разсмотрѣнной бережной цѣпью и морскимъ берегомъ остается, на всемъ протяженіи 400 километровъ, каковой цифрою измѣряется длина этой цѣпи, полоса низкой холмистой страны шириною отъ 4 до 8 километровъ. Участокъ этой береговой полосы въ предѣлахъ провинцій Каньюѳндо, на сѣверѣ отъ города Канънынъ, въ старину назывался странюю Ё (яп. Е) 穢 или странюю варваровъ (оранхѣ по кор. 羌), впоследствии Мѣнъчжю (яп. Мейсѳ) 溟州 или Приморской провинціей. Прѳшлая исторія никакой другой части полуострова не является столь же мало извѣстной, какъ этой бѣдной забытой мѣстности, и единственною причиною этого оказывается ея своеобразное географическое положеніе. Единственный удобный путь, ведущій изъ внутреннихъ областей полу-

¹) Сосна *Pinus pinea* и клень составляютъ преобладающія породы въ лѣсахъ, покрывающихъ крутые склоны горъ и дно долинъ въ Кымганъсан.

острова въ этотъ приморскій край, идетъ по долинѣ Кумиганъ (яп. Кюбикō) 九梶江, притока верхняго теченія р. Ханганъ, отъ города Чхюнчхёнъ черезъ городъ Инджѣ (яп. Ринтей) 麟蹄¹.

Всѣ шесть цѣпей группы Сіобаннёнмакъ расходятся на подобіе вѣера, обращеннаго на юго-западъ, отъ одного общаго центра и горнаго узла Чхюпхуллёнъ (яп. Сюфурей) 秋風嶺, 200 метровъ возвышенія, на границѣ сѣверной провинціи Чхюньчхёндо и сѣверной Кёнъсяндо, на сѣверо-западъ отъ города Кымсанъ въ послѣдне-названной провинціи. Указанный переваль, лежащій приблизительно на полпути ж. д. линіи между Сеуломъ и Фузаномъ, представляетъ удобное сообщеніе между мѣстностями, лежащими на сѣверъ и югъ отъ него.

Первая, наиболѣе западная, цѣпь разсматриваемой группы идетъ отъ указаннаго горнаго центра внутрь провинціи Чёлладо между Сунчхянъ (яп. Дзюнсіō) 淳昌 и Нам'уёнъ (яп. Нанген) 南原, затѣмъ къ городамъ Коанъчжю и Канъчжин, заканчиваясь на островѣ Оандо.

Вторая цѣпь отвѣтвляется отъ первой въ Сунчхянъ и заканчивается на западной сторонѣ полуострова Хойрёнъ 會寧 (Чянъхынъ 長興).

Третья цѣпь, имѣя тотъ же начальный пунктъ, какъ и первая цѣпь, проходитъ мимо городовъ Нам'уёнъ, Курѣ 求禮 и Наг'анъ 樂安, образуетъ центральную ось полуострова Хынъянъ и заканчивается на островахъ Кёмундо. Въ этой цѣпи лежитъ вершина Тог'юсанъ, яп. Токуюдзан 德裕山, часто упоминаемая корейскими географами.

Четвертая цѣпь идетъ отъ Чхюпхуллёнъ къ Ан'ый (яп. Анги) 安義 и Хам'янъ, оставаясь въ предѣлахъ провинціи Кёнъсяндо, затѣмъ переходитъ границу провинціи Чёлладо, на время прерывается рѣкою Сёмчжинганъ, достигаетъ города Сунтххёнъ (яп. Дзюнтен) 順天 и образуетъ центральную ось полуострова Чоасюёнъ.

Пятая цѣпь, наибольшая по возвышенію и образующая границу между провинціями Кёнъсяндо и Чёлладо, идетъ на востокъ отъ предыдущей изъ общаго съ ней горнаго узла Чхюпхуллёнъ вплоть до восточной стороны полуострова Чоасюёнъ, дважды прерываясь сперва рѣкою Сёмчжинганъ и затѣмъ заливомъ Коанъянъ. Въ этой цѣпи лежитъ, на сѣверъ отъ долины рѣки Сёмчжинганъ, одна изъ четырехъ извѣстнѣйшихъ горъ Кореи²—Чирисанъ (яп. Цидзан) 智異山, внушительная горная масса, покрытая лѣсомъ.

Шестая цѣпь является самой восточной и въ то же время наиболѣе отчетливой изъ всѣхъ; къ тому же она единственная изъ всѣхъ цѣпей Сіобаннёнмакъ продолжается на сѣверо-востокъ отъ Чхюпхуллёнъ внутрь

¹) Kotō, An orographic sketch of Korea, 20.

²) Кромѣ Чирисанъ, этими прославленными горами Кореи являются: 1) Кымганъсанъ; 2) Кууольсанъ 九月山 въ Хоанъхэдо и 3) Хянъсанъ или Мюхянъсанъ 妙香山 въ Пхёнъандо.

провинціи Каньюндо черезъ горную группу Тэчжюниёнъ (яп. Дайци-курэй) 大竹嶺, въ уѣздѣ Пхунгыи (яп. Хѳеи) 豐基, и гору Сіобаксан (яп. Сіѳакудзан) 小白山, касаясь сѣверныхъ концовъ двухъ первыхъ цѣпей группы Табәннёнмак и достигая средняго участка третьей цѣпи этой послѣдней группы; словомъ, эта шестая цѣпь съ горою Сіобаксан является связующимъ звеномъ между обѣими группами Табәннёнмак и Сіобәннёнмак. Къ югу она идетъ мимо городовъ Кымсан, Чирѣ 知禮 и Санчхёнъ 山淸 и образуетъ ось острова Намхăдо.

Если такимъ образомъ устанавливается непосредственная тѣсная связь между обѣими группами цѣпей «Корейской» системы въ южной Корее, то съ другой стороны въ горномъ узлѣ Чхюпхуллёнъ цѣпи группы Сіобәннёнмак касаются сѣверной оконечности упомянутой цѣпи Норёнъ, идущей приблизительно въ томъ же направленіи, какъ и цѣпи названной группы, только далѣе на западъ, по другую сторону долины рѣки Ёнъсанганъ.

Группа горныхъ цѣпей Сіобәннёнмак представляетъ весьма отчетливую географическую, въ частности и климатическую (на востокъ отъ этихъ горъ климатъ мягче) границу между провинціями Кёнъсяндо на востокѣ и провинціями Чёлладо на западѣ; съ исторической точки зрѣнія эти цѣпи, затрудняя сообщеніе между западной и восточной половинами южной Кореи, позволяли имъ обособляться въ независимые политическіе организмы, между которыми эти горы служили природнымъ разграничительнымъ валомъ, усиленнымъ постройкою крѣпостей по обѣимъ его сторонамъ. Это въ особенности можно сказать про королевства Пакчѣ и Силла, лежавшія на противоположныхъ покатостяхъ указанной горной группы, въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ корейской исторіи; изъ нихъ второе, Силла, устроило по цѣпямъ названной группы оборонительную линію противъ западнаго сосѣда, т. е. противъ Пакчѣ, для отпора его наступленію. Рядъ существующихъ понынѣ городовъ по обѣ стороны этой горной страны является бывшими крѣпостями того или другого королевства.

Въ сѣверо-западной части южной Кореи, главнымъ образомъ въ провинціи Кёнъгыдо, съ продолженіями на югъ до Кунсана въ сѣверной Чхюньчхёндо и на сѣверъ внутрь западной Каньюндо до берега Японскаго моря, протягивается цѣпь Коанъчжюсанмак (яп. Кѳсюдзаммяку) 廣州山脈. Сѣверный участокъ ея начинается на югъ отъ города Коанъчжю (яп. Кѳсю) 廣州, на юго-востокъ отъ Сеула; отсюда названная

цѣпь проходить сперва черезъ Кымгок (яп. Кинкоку) 金谷, затѣмъ между городами Пхочхён (яп. Хосен) 抱川 и Капхёнъ (яп. Кахей) 加平 и, достигнувъ Пиуннёнъ (яп. Хиунрей) 飛雲嶺 между городами Анбён (яп. Анхен) 安邊 и Хыпкок (яп. Кюкоку) 歙谷, вступаетъ въ Японское море. Южный участокъ той же цѣпи идетъ черезъ уѣзды Сююён и Асан и пересѣкаетъ въ Чхёнъянъ (яп. Сейю) 青陽 цѣпь Чхярёнъ. Возникнувъ снова на берегу бухты Кунсан, эта цѣпь идетъ на югъ отсюда по морскому побережью.

Направленіе всей этой цѣпи одинаково съ направлениемъ цѣпей Сіобаннёнмак, т. е. съ сѣверо-сѣверо-востока на юго-юго-западъ, такъ что ее можно считать отдѣльной вѣтвью этой послѣдней группы¹.

Вдоль южнаго корейскаго побережья тянутся съ запада на востокъ цѣпи своеобразной горной системы, называемой проф. Котō Хансан 韓山, слѣдующая отчасти по многочисленнымъ полуостровамъ и островамъ, которые окаймляютъ сѣверную сторону Корейскаго пролива, и спускаясь уступами къ морю. Въ пунктахъ скрещенія цѣпей этой системы съ концами цѣпей «Корейской» системы (Табаннёнмак и Сіобаннёнмак) образуются возвышенные мысы и острова, причѣмъ всѣ морскіе рукава, проникающіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ на этомъ побережьи далеко внутрь суши, представляютъ остатки тектоническихъ долинъ, нынѣ затопленныхъ, тогда какъ сосѣдняя съ ними суша—замыкавшіе ранѣе эти долины гребни.

Существуетъ мнѣніе, что цѣпи этой системы съ ихъ широтнымъ простираниемъ составляютъ продолженіе горъ Циньлинъ и Фунюшанъ, т. н. Куэньлуньской системы, въ Китаѣ². Профессоръ Котō, усматривая связь корейской горной системы Хансан съ цѣпями невысокихъ горъ въ нижнемъ теченіи р. Янъ-цзыцзянъ, предполагаетъ, однако, что эти послѣднія не принадлежатъ ни къ Куэньлуньской, ни къ Синійской системѣ.

Важнѣйшія цѣпи системы Хансан суть слѣдующія: Первая цѣпь начинается между гг. Коанъчжю (яп. Косю) 光州 и Чоянъ (яп. Танъю) 潭陽 въ Чёлладо и идетъ на востокъ съ уклономъ къ сѣверу между Чхянъ-ихёнъ и Оккоа (яп. Гюкка) 玉果, Нам'уонъ и Куръ до города Хам'янъ

¹) Канкоку-синцири, 24—25.

²) Канкоку-синцири, 25.

въ Кёнъсяндо; отсюда вѣтвь ея направляется на юго-востокъ къ Ыйнёнъ (яп. Гиней) 宜寧, гдѣ сближается съ шестой цѣпью группы Сіобаксан.

Вторая цѣпь идетъ отъ Нынъчжю черезъ Тонъбок (яп. Дѳуку) 同福, рѣку Сѣмчжинганъ, затѣмъ Чинчжю (въ Кёнъсяндо), а отсюда, пройдя между Чинхя и Хам'ан, пересѣкаетъ бухту Масанхо и заканчивается у Пусанчжин (яп. Фудзанцин) 釜山鎮, или стараго Фузана.

Третья цѣпь идетъ южнѣе второй; четвертая—по самому берегу отъ города Ханам до входа въ заливъ Чинхя.

Нѣсколько вѣтвей, параллельныхъ этимъ четыремъ цѣпямъ, проходятъ то прекращаясь, то снова возобновляясь, по полуостровамъ и островамъ южнаго побережья, образуя здѣсь столь многочисленныя вырѣзы въ береговой линіи, какіе рѣдко можно встрѣтить по морскимъ берегамъ восточной Азіи.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сѣверная Корея примыкаетъ къ южной, равно какъ въ прилегающей южной части сѣверной Кореи, а именно, въ провинціи Хоанъхядо, которую нижеуказываемыя цѣпи заполняютъ цѣликомъ, кромѣ того въ небольшой части сѣверо-западной Канъуондо и въ южныхъ частяхъ провинцій южной Пхёнъ-андо и Хамгёнъдо, разбросана цѣлая сѣтка болѣе мелкихъ горныхъ цѣпей, перекрещивающихся между собою по двумъ направлениямъ, идущимъ перпендикулярно одно къ другому на подобіе шахматной доски; благодаря этому обстоятельству, несмотря на небольшое протяженіе и возвышеніе этихъ цѣпей, строеніе почвы этой части полуострова получаетъ весьма запутанный характеръ.

Изъ числа широтныхъ цѣпей, т. е. направленныхъ поперегъ оси корейскаго полуострова, выдается Мѣр'аксанмак (яп. Мецуакусамьяку) 滅惡山脈, образующая центральную ось провинціи Хоанъхядо, идущую съ западо-юго-запада на востокъ-сѣверо-востокъ (это направленіе соотвѣтствуетъ оси Шаньдунскаго полуострова) отъ мыса Чянъсангот, въ качествѣ продолженія Шаньдунскихъ горъ; въ западной части эта цѣпь служитъ водораздѣломъ между бассейнами рр. Тадонъганъ и Ёсёнъганъ. Къ сѣверу отъ нея идутъ въ общемъ параллельно ей еще четыре цѣпи: 1) Чхапирёнмак (яп. Дзихиремьяку) 慈悲嶺脈, простирающаяся до Кууольсан (яп. Кюгецудзан) 九月山; 2) Сіосанмак (яп. Сіодзамьяку) 小山脈 отъ города Ончжин (яп. Генсин) 彦真 на границѣ провинціи; 3) Малмокмак по имени перевала Малмоккогя (яп. Бакѳрей) 馬項嶺 въ уѣздѣ Сёнъчхён (яп. Дзіѳсен) 城川 и 4) Тугъмак отъ имени перевала Тугъкогя (яп. Токайрей) 斗介嶺 на сѣверъ отъ Токчхён. Напротивъ, на югъ и востокъ отъ Мѣр'аксанмак идетъ лишь одна цѣпь, направленная подъ острымъ угломъ къ ней и простирающаяся до перевала Масиннёнъ (яп. Басокурей) 馬息嶺, отъ имени котораго она

называется профессоромъ Котō Масиннёнъмак (яп. Басокуреймяку) 馬息嶺脈. Вдоль ея восточнаго подножья проходитъ большая дорога изъ Сеула въ Гензань (на западъ отъ упомянутой цѣпи Коанъчжю).

Изъ меридіональныхъ цѣпей, идущихъ продольно къ оси полуострова, въ этой части Кореи можно отмѣтить короткую цѣпь Манъчжурёнъсанмак (яп. Мōсѳрейдзаммяку) 孟州嶺山脈, идущую по границѣ южной Хамгёнъдо и южной Пхёнъандо, параллельно западному берегу залива Ёньхынъ; черезъ переваль въ этой цѣпи того же имени проходитъ дорога изъ Коуёнъ въ Токчхёнъ. Второй меридіональной цѣпью, при томъ наиболѣе значительной, является Сіонъхаксанмак (яп. Сіōкакудзаммяку) 松鶴山脈. Начавшись отъ города Касёнъ, эта цѣпь идетъ черезъ горы Сіонъхаксан (яп. Сіōкакудзан) 松鶴山 въ уѣздѣ Сёнъчхёнъ, образуя водораздѣлъ между рр. Ёсёнъганъ и Имчжинганъ и примыкаетъ къ первостепенной группѣ сѣверной Кореи Мульсан (яп. Моциндзан) 勿移山 (1600 метровъ). На западъ отъ нея идутъ двѣ болѣе низкія цѣпи, прорѣзывающія всю сѣверо-западную Корею и проходящія къ востоку отъ города Пхёнъанъ: это—Юкчхянъхёнмак (яп. Рокусіōкеммяку) 六將峴脈 и Чхамосанмак (яп. Дзибодзаммяку) 慈母山脈. Самой западной изъ всѣхъ меридіональныхъ цѣпей является прославленная горная группа провинціи Хоанъхэдо—Кууольсан (яп. Кіōгецудзан) 九月山; продолжаясь на сѣверъ, эта цѣпь переходитъ черезъ Западный Корейскій заливъ и снова появляется около города Ёичжю.

Широтныя складки въ этой своеобразной горной странѣ, можетъ быть, имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолженія въ предѣлахъ Шаньдуна, тогда какъ меридіональныя, хотя и совпадаютъ съ направлениемъ складокъ «корейской» системы, но плохо согласуются съ этими послѣдними по положенію или по амплитудѣ¹.

Такова въ общихъ чертахъ сложная, можетъ быть, даже излишне усложненная и запутанная теорія проф. Котō относительно составныхъ элементовъ горнаго построения Кореи. Во всякомъ случаѣ и онъ признаетъ рѣшающую роль въ рельефѣ полуострова за двумя горными направлениемъ широтнымъ (въ системахъ синійской и ляодунской) и меридіональнымъ (въ «корейской» системѣ), при чемъ первое направленіе тѣсно связывается съ синійской системою въ Манъчжуріи (Ляодунѣ) и Китаѣ, а послѣднее находитъ себѣ наиболѣе отчетливое выраженіе въ южныхъ участкахъ т. н. Главнаго корейскаго хребта, проводящаго рѣзкую границу между восточнымъ и западнымъ побережьемъ полуострова, не менѣе, если не болѣе ясно выраженную въ отношеніи внѣш-

¹) Echo de Chine, 7 Juillet 1904.

нихъ природныхъ особенностей, чѣмъ различіе между сѣвромъ и югомъ Кореи, проводимое японскими авторами¹ со словъ проф. Котō.

Для сѣверной Кореи, лежащей къ западу отъ корейскаго Главнаго хребта, этотъ послѣдній благодаря труднопроходимости представляетъ неблагопріятный факторъ въ томъ отношеніи, что лишаетъ ее связи съ моремъ, располагаясь вблизи восточнаго побережья, наиболѣе доступнаго и обладающаго значительнымъ числомъ удобныхъ бухтъ; бѣольшая доступность со стороны суши западнаго побережья не искупааетъ для этой части Кореи указаннаго неблагопріятнаго обстоятельства, такъ какъ это побережье не имѣетъ удобныхъ якорныхъ стоянокъ вслѣдствіе высокихъ приливовъ. Такимъ образомъ эта часть сѣверной Кореи, хотя наиболѣе удаленные пункты ея находятся отъ моря не далѣе 200 верстъ², представляетъ страну отчасти континентальную въ отношеніи удобствъ пользованія морскими путями сообщенія³.

Непосредственное примыканіе обѣихъ корейскихъ господствующихъ горныхъ системъ къ горной системѣ сосѣдней Маньчжуріи создается въ качествѣ связующаго звена массивомъ горы Пактусан, наибольшей вершины въ пограничной корейско-маньчжурской горной системѣ Чанъбошанъ.

Гора Пактусан, какъ ее изображаетъ «Описаніе Кореи»⁴, имѣетъ 8,100 футовъ абсолютнаго возвышенія надъ у. м., но лишь 1,790 ф., возвышенія надъ подошвой, представляющей высокое плато, полого понижающееся по мѣрѣ удаленія отъ вершины. Гора является потухшимъ (въ теченіе уже многихъ тысячелѣтій) вулканомъ, что подтверждается всѣмъ геологическимъ строеніемъ Кореи и тѣмъ фактомъ, что Корея лежитъ въ сторонѣ отъ прямой линіи вулканическаго дѣйствія, идущей отъ Алеутскихъ острововъ вдоль восточно-азиатскаго побережья черезъ Японію. Вулканическое происхожденіе горы оставалось, повидимому, неизвѣстнымъ китайцамъ и корейцамъ до японскаго изслѣдованія 1884 г. (Джемсъ и Фульффордъ, посѣтившіе гору

1) См. напримѣръ Канкоку-синцири, стр. 10—11.

2) Лубенцовъ. Хамьенская и Пхенанская провинціи Кореи, стр. 4.

3) Тамъ же, 20.

4) I, стр. 86 и далѣе.

въ 1884 г., первые изъ европейцевъ, установили тотъ же фактъ), хотя одинъ корейскій монахъ утверждалъ¹, въ результатѣ спеціальнаго изслѣдованія корейскихъ горныхъ системъ, произведеннаго имъ въ эпоху японскаго вторженія 1592 г., что въ Корей имѣются двѣ огненныхъ горы: Пактусан и Коан'аксан 冠岳山, въ немногихъ миляхъ на югъ отъ Сеула (последняя гора не представляетъ, впрочемъ, никакихъ спеціальныхъ вулканическихъ чертъ, такъ что эта была скорѣе лишь догадка)², а въ періодъ царствованія Сѣчжо Таоанъ 世祖大王 (1455—1468 г.г. по Р. Х.) на тотъ же фактъ уже намекалъ Кым-Юк 金堉 по поводу открытія Нам-И 南怡 бѣлаго камня на вершинѣ горы, куда онъ поднялся незадолго передъ тѣмъ. Залежи этого бѣлаго камня (пемзы) придаютъ вершинѣ Пактусан бѣловатый цвѣтъ, давшій поводъ къ ошибочному предположенію, будто гора покрыта вѣчнымъ снѣгомъ (на дѣлѣ снѣгъ лежитъ на горѣ лишь съ сентября по май мѣсяць); отсюда и названіе «гора съ бѣлой головою», или «бѣлоголовая гора», по корейски Пактусан 白頭山, по китайски Байтоушань (въ японскомъ чтеніи Хакутодзан) или просто Бѣлая гора Паксан 白山.

Въ котловинѣ (представляющей потухшій кратеръ) на склонахъ горы или въ самой высокой части Пактусанскаго плато, на которомъ стоитъ вершина и которое имѣетъ ширину у

¹) См. Korea Review, II (1902), стр. 361.

²) Гору Коан'аксан называютъ горою, имѣющей форму языковъ пламени, что обусловлено своеобразными очертаніями скалистыхъ пиковъ на ея вершинѣ, если смотрѣть со стороны Сеула, тогда какъ сама гора не обнаруживаетъ никакого признака вулканическаго характера.

Вообще въ Корей сравнительно рѣдко встрѣчаются слѣды бывшей вулканической дѣятельности. Однако, присутствіе лавы и базальта, какъ свидѣтельство вулканической дѣятельности, можетъ быть установлено на сѣверѣ корейскаго полуострова, также въ Пхёнъандо и на островѣ Чѣчжудо (о-въ Квельпартъ), чье вулканическое происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію.

Обычно землетрясенія также составляютъ въ настоящее время рѣдкое явленіе въ Корей. Однако, со времени учрежденія Чѣмульхоской метеорологической обсерваторіи въ 1904 г., каждый годъ отмѣчаются одинъ или два слабыхъ удара трясенія почвы, вопреки утвержденію иностранныхъ старожиловъ въ Корей, что они никогда не испытывали землетрясенія въ этой странѣ. Въ старину, какъ показываютъ хронологическія записи въ Чынъбо-Мунхѳнбиги и Корёса, страна неоднократно испытывала сильныя землетрясенія; 36 землетрясеній были болѣе значительными, а 13 даже въ высшей степени опустошительными; см. хронологическій перечень этихъ послѣднихъ съ 27 г. до Р. Х. по 1675 г. по Р. Х. въ Seoul Press, 25 August 1909.

основанія въ 5—6 верстѣ и сравнительно пологіе наружные скаты (тѣмъ круче внутреннія стѣны жерла кратера), лежитъ на высотѣ 6,700 ф. надъ у. м. озеро Лунъванътанъ 龍王灘 по китайскому обозначенію или Тятхакчи 大澤池 по корейскому, двѣ версты въ длину и одна верста въ ширину. Озеро имѣетъ скалистые берега и, вѣроятно, очень глубоко; никакихъ слѣдовъ органической жизни ни въ водѣ озера, совершенно прѣсной и прозрачной, ни по берегамъ не было найдено Стрѣльбицкимъ, посѣтившимъ гору Пактусан въ 1895 г.: ни рыбъ, ни раковинъ, ни водорослей, тины или плѣсени на камняхъ и пескѣ, точно въ образцово содержимомъ аквариумѣ. Ранѣе существовало предположеніе, на основаніи туземныхъ сообщеній, что озеро даетъ непосредственный истокъ тремъ большимъ рѣкамъ пограничной корейской и маньчжурской страны—верхней Сунгари, Тумангану и Амноккану. Легенда эта нынѣ окончательно разрушена: относительно Амноккана—англичанами, относительно Тумангана—Стрѣльбицкимъ и относительно Сунгари—Михайловскимъ (въ 1898 г.)¹. Всѣ эти рѣки берутъ начало со склоновъ возвышенной террасы (плато), образующей основаніе горы Пактусан и представляющей богатѣйшій водоносный слой, изъ многочисленныхъ сливающихся ручьевъ, при чемъ весьма возможно, что часть воды и профильтровывается изъ озера подземнымъ путемъ въ эти источники. Одинъ изъ значительныхъ истоковъ Тумангана сверхъ того вытекаетъ изъ небольшого болотистаго озера, расположеннаго на плато въ 25 в. къ востоку отъ вершины Пактусан². Во всякомъ случаѣ гора Пактусан является не только важнымъ соединительнымъ звеномъ между горными системами Маньчжуріи и Кореи, но и приобретаетъ значеніе гидрографическаго центра.

Склоны горы Пактусан представляютъ крутой скатъ въ сторону къ Тумангану и болѣе отлогій къ Амноккану, скоро переходящій въ хребетъ, съ котораго берутъ начало истоки этой рѣки. Вершина Пактусан лишена растительности, но немного ниже вершины начинаются сплошные лѣса, въ ко-

¹) Баронъ Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ Сѣв. Кореи, 183.

²) См. тамъ же.

торыхъ единственными путями являются охотничьи тропинки, вѣроятно доступныя и для вьючнаго движенія благодаря малой пересѣченности окружающаго плоскогорія¹.

На громадной площади, простирающейся вокругъ Пяктусан вдоль сѣверной пограничной полосы Кореи между деревнями Тянпай на верхнемъ Туманганѣ и Хотесанъ на верхнемъ Амнокканѣ, нѣтъ вовсе осѣдлаго населенія; эта мѣстность оживляется лишь лѣтомъ приходящими сюда охотниками обѣихъ національностей и китайцами — искателями пантовъ и жэньшэня. Послѣдніе доходятъ до р. Шодушю, корейскаго притока верхняго Тумангана, а корейскіе охотники живутъ и у самаго подножья горы Пяктусан и поселенія ихъ, отходя на 60 и болѣе верстъ отъ Амноккана, являются ближайшими къ горѣ осѣдлостями².

Отъ горы Пяктусан и вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всей системы Чаньбошань (Чяньбаксан по корейски, Ціохакудзан по японски) отдѣляется хребетъ, съ вершиною Сяобошань, т. е. Малая бѣлая гора, въ самомъ началѣ, называемый въ дальнѣйшемъ его протяженіи европейцами какъ «Главный хребетъ», у японцевъ — Дайканрейсаммяку 大關嶺山脈 или Ціосенсаммяку 朝鮮山脈; корейцы, какъ говорилось выше, не имѣли раньше общаго наименованія для всего хребта, но лишь отдѣльныя названія для различныхъ участковъ его или вѣрнѣе отдѣльныхъ горныхъ группъ короткаго протяженія: напримѣръ, подъ 38°30' часть этого хребта, проходящая у самаго восточнаго берега полуострова (въ верховьяхъ сѣвернаго истока Хангана, къ востоку отъ дороги между Сеуломъ и Гензаномъ), была извѣстна имъ подъ именемъ Кымганъсан 金剛山, у европейцевъ — Алмазныя горы; болѣе сѣверный участокъ того же хребта или отдѣльная горная группа подъ 40°20' и 128 в. д. носила у корейцевъ имя Табаксан 大白山.

Въ сущности Главный хребетъ на всемъ протяженіи не представляетъ собою одного сплошнаго хребта одного неизмѣннаго направленія и одной системы, а скорѣе составляется изъ отдѣльныхъ цѣпей различныхъ системъ, какъ онѣ уста-

1) Корфъ и Звегинцевъ, Военн. обзоръ Сѣв. Кореи, 122.

2) Корфъ и Звегинцевъ, Военн. обзоръ Сѣв. Кореи, 40.

навливаются профессоромъ Котō, лежащихъ на центральной оси поднятія корейскаго полуострова. Этимъ объясняется довольно измѣнчивое направленіе даннаго хребта въ различныхъ участкахъ его протяженія, въ тѣсной зависимости отъ частыхъ поворотовъ въ направленіи линіи восточнаго побережья полуострова, которой близко слѣдуетъ Главный хребетъ, держась отъ него въ разстояніи 40—60 верстъ, иногда и много меньше, кромѣ какъ на далекомъ югѣ полуострова. Высота Главнаго хребта на сѣверѣ около 5000 ф., въ южномъ направленіи постепенно уменьшается, опускаясь до 3000 ф. около 38° с. ш. и еще ниже въ болѣе южныхъ отрогахъ. Изъ вершинъ его второй по величинѣ послѣ Пактусан является Сѣдловая гора подѣ 38°10' с. ш., 6000 ф.¹

Въ крайнемъ сѣверномъ участкѣ Главный хребетъ мало возвышается надъ сосѣдней нагорной мѣстностью на востокъ отъ него, такъ что подъемъ на перевалы, вродѣ Хоханнѣнъ, съ восточной стороны почти незамѣтенъ; напротивъ, спускъ на западную сторону въ область р. Амнокканъ много круче. Вся эта часть Главнаго хребта окутана прекрасными лѣсами, которые мѣстами встрѣчаются и южнѣе на западныхъ склонахъ его².

Въ дальнѣйшемъ протяженіи Главный хребетъ, однако, становится труднодоступнымъ, несмотря на сравнительно небольшую высоту; въ особенности онъ круто падаетъ на восточной сторонѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подходитъ близко къ берегу — на 50 и менѣе верстъ. Долины съ этой стороны хребта очень глубоки и узки, съ боковыми склонами, поднимающимися подѣ угломъ отъ 30 до 60°. Столь же круты и короткіе восточные отроги Главнаго хребта, отдѣляющіеся отъ него въ этомъ участкѣ. Природа восточнаго ската Главнаго хребта довольно дикая, но весьма живописная, на примѣръ въ провинціи Канъуѣндо. Скатъ Главнаго хребта къ западу

1) Описаніе Кореи, I, стр. 92 и на картѣ, приложенной къ этому «Описанію» [на югъ отъ города Кансѣнъ близъ морскаго берега провинціи Канъуѣндо].

2) Можно было бы подумать, что часть полуострова [говорится о средней и южной Корей] на востокъ отъ Главнаго хребта много лучше поросла лѣсомъ, чѣмъ противоположная часть на западъ отъ него, но на дѣлѣ здѣсь встрѣчается еще меньше деревьевъ, чѣмъ на гуще заселенномъ западномъ берегу. Korea Review, 1903, III, 22, въ статьѣ «From Fusan to Wonsan by packpony».

и югу (на тѣхъ участкахъ, гдѣ этотъ хребетъ, отходя отъ Японскаго моря, получаетъ направленіе на юго-западъ) отличается болѣе отлогимъ характеромъ, причемъ, помимо его хребтовъ, появляются здѣсь и изолированныя горныя гряды и отдѣльные холмы, заполняющіе все пространство до Желтаго моря, съ вершинами, обычно не превышающими 1500 ф.¹

Благодаря положенію Главнаго хребта въ качествѣ естественной разграничительной линіи и преграды для сообщенія между восточной и западной покатостью корейскаго полуострова, съ точки зрѣнія экономическихъ условій, преобладающихъ на восточной и западной сторонахъ его, получаютъ особое значеніе перевалы, ведущіе черезъ этотъ хребетъ и связывающіе противоположные склоны его, столь рѣзко разобщенные отъ природы. Восточная Корея, на востокъ отъ Главнаго хребта, представляетъ весьма отличный видъ отъ западной половины полуострова, отъ которой она отдѣляется тѣмъ же хребтомъ.

Наилучше извѣстные изъ этихъ переваловъ, особенно въ сѣверной части страны, гдѣ ихъ меньше, а потому и значеніе ихъ увеличивается², располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Хөханнёнъ (яп. Кіокореі) 虛項嶺, вышиною въ 4500 ф., самый сѣверный перевалъ во всемъ хребтѣ, въ 60—70 верстахъ отъ Пактусан; 2) Намселлёнъ «южный снѣжный перевалъ» (яп. Нансецурей) 南雲嶺, 5000 ф., на пути изъ Кильчжю въ Капсан (яп. Көдзан) 甲山; 3) Хучхирёнъ (яп. Көдзирей) 厚峙嶺, 4300 ф., на пути изъ Пукчхёнъ (яп. Хокусей) 北青 въ тотъ же городъ; 4) Хоанъчхорёнъ (яп. Көсөрей) 黃草嶺, на пути изъ Хамхынъ прямо на сѣверъ по долинь Сёнъчхёнъганъ въ городъ Чянъчжин (яп. Ціосин) 長津, въ долинь южнаго притока того же имени верхняго Амнокканъ; 5) Хоанъхәрёнъ (яп. Көкайрей) 黃海嶺, по дорогѣ изъ Тчёнъпхёнъ (яп. Тейхей) 定平 на сѣверъ и затѣмъ на западъ черезъ Төкчхён (яп. Токусен) 徳川 въ Анчжю (яп. Ансё) 安州; 6) Мәнъчжурёнъ (яп. Мөсөрей) 孟州嶺, по дорогѣ изъ Ёнъхынъ (яп. Ейкө) 永興 въ Анчжю, опять-таки черезъ Төкчхён; 7) Көринрионъ

1) Описаніе Кореи, I, стр. 94.

2) Кромѣ того, русскіе изслѣдователи этой части страны, начиная съ Лубенцова, могли доставить подробныя свѣдѣнія о пройденныхъ ими здѣсь перевалахъ, представлявшихъ большой интересъ со стратегической точки зрѣнія.

(?Кочхарёнъ 巨次嶺), 3000 ф., по дорогѣ изъ Коуён (яп. Кōген) 高原 въ юго-западномъ направленіи въ городъ Пхёнъянь; 8) Масиннёнъ (яп. Басокурей) 馬息嶺, 2700 ф., по пути изъ Гензана въ Пхёнъянь; 9) Кячжяннёнъ (яп. Кайдзанрей) 開殘嶺, въ горахъ Кымганъсан по дорогѣ изъ Косёнъ (яп. Кōдзіō) 高城 въ Хойянь (яп. Вайіō) 淮陽 на Сеуло-Гензанской дорогѣ; 10) Тагарёнъ (яп. Дайкайрей) 大開岑, по дорогѣ изъ Канънынъ (яп. Кōріō) 江陵 въ Инджъ (яп. Ринтей) 麟蹄 и Чхюнчхён (яп. Сюнсен) 春川; 11) Пякпоннёнъ (яп. Хакуфукурей) 白福岑 по дорогѣ изъ Самчхёк (яп. Сансіō) 三陟 въ Уёнчжю (яп. Генсјю) 原州; 12) Кочжиннёнъ (яп. Коціокуррей) 古直岑, по дорогѣ изъ того же города Самчхёк на юго-западъ въ городъ Понъхоа (яп. Хōка) 奉化, около 37°, гдѣ Главный хребетъ покидаетъ восточный берегъ и вскорѣ затѣмъ разбивается на множество цѣпей обѣихъ группъ Табъаксан и Сіобаксан.

Если взять Главный хребетъ во всей совокупности его частей, то главная линія его можетъ быть указана линіей водораздѣла между рѣками Японскаго и Желтаго моря, которая идетъ отъ горы Пяктусан на юго-востокъ до 129° в. д. (до перевала Намсёллёнъ), отсюда поворачиваетъ на юго-западъ (по хребту Мюхянъсан) и у города Мянъсан снова принимаетъ прежнее юго-восточное, затѣмъ южное направленіе по главной цѣпи Табъаксан вплоть до Фузана, раздѣляя, на югъ отъ 37° с. ш., уже рѣчные бассейны Японскаго моря и Корейскаго залива, тогда какъ водораздѣлъ между бассейномъ Корейскаго пролива и Желтаго моря идетъ по хребтамъ Норёнъ и Сіобаксан. Часть Главнаго хребта между перевалами Хоанъчхорёнъ и Хучхирёнъ (это восточный участокъ цѣпи Мюхянсан) называется бар. Корфомъ и Звегинцевымъ¹ «Хребтомъ климатической границы» по рѣзкой разницѣ въ климатѣ по обѣ его стороны, при чемъ флора на сѣверномъ его склонѣ приближается къ типу маньчжурской, на южномъ — къ типу японской. Этотъ участокъ хребта имѣетъ отлогій подъемъ съ сѣвера и крайне круто спадаетъ къ морю; далѣе хребетъ поворачиваетъ къ сѣверу и, послѣ новаго поворота у Капсана, своими отрогами входитъ въ связь съ плоскогорьемъ Сѣверной Кореи.

¹) Военн. обзоръ Сѣверн. Кореи, 162.

Главный хребетъ, если смотрѣть на него, какъ на основную линію орографической картины корейскаго полуострова, имѣетъ какъ-бы много развѣтвленій, въ частности нѣсколько большихъ горныхъ цѣпей, примыкающихъ къ нему, хотя въ дѣйствительности онѣ могутъ относиться къ отличнымъ горнымъ системамъ: въ сѣверной Корее — къ Ляодунской, въ южной Корее обычно къ Синійской; другія болѣе крупныя цѣпи не стоятъ ни въ какой, даже видимой связи съ Главнымъ хребтомъ, будучи расположены въ отдаленіи отъ него.

VI.

Рѣчныя системы. Въ тѣсной связи съ устройствомъ поверхности корейскаго полуострова находится расположеніе рѣчныхъ системъ на немъ, тогда какъ численность самихъ рѣкъ и ихъ притоковъ и количество водной массы въ нихъ зависитъ отъ климатическихъ условій страны — обилія атмосферныхъ осадковъ, и отъ распредѣленія по полуострову растительнаго (лѣснаго) покрова, регулирующаго питаніе рѣкъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что въ отношеніи морскихъ бассейновъ, куда онѣ находятъ себѣ выходъ, рѣчныя системы Кореи принадлежатъ либо къ бассейну Японскаго моря, либо въ немногихъ случаяхъ къ бассейну Корейскаго пролива (т. н. Южнаго моря корейскихъ и японскихъ географовъ), либо, наконецъ, къ бассейну Желтаго моря и Корейскаго (Западно-Корейскаго) залива. Такимъ образомъ можно различать на корейскомъ полуостровѣ для стока рѣчныхъ водъ три главныя покатости, обращенныя соотвѣтственно къ востоку, югу и западу. Восточная и западная покатости обусловлены тѣмъ обстоятельствомъ, что Главный корейскій хребетъ, проходящій по оси полуострова съ крайняго сѣвера до юго-западной оконечности его, разбиваетъ полуостровъ на двѣ неравныя части — западную и восточную, которыя и образуютъ собою обѣ названныя рѣчныя покатости; въ зависимости отъ того, берутъ ли рѣки свое начало на восточномъ или западномъ склонахъ Главнаго хребта, онѣ и принадлежатъ къ той или другой покатости. Что же касается южной, и наименьшей изъ трехъ, покатости къ Корейскому проливу, то существованіе ея объясняется пово-

ротомъ отдѣльной мощной вѣтви центральнаго хребта подъ 37° с. ш. съ прежняго направленія, параллельнаго восточному и западному берегамъ полуострова, на новое юго-западное направленіе, въ видѣ группы цѣпей Сіобаннёнмак, которое открываетъ водамъ южнаго склона этого участка центральнаго хребта доступъ къ Корейскому проливу; съ другой стороны выходъ для нихъ на востокъ къ Японскому морю преграждается рядомъ отроговъ Главнаго хребта, образующихъ окончаніе цѣпей Табаннёнмак и продолжающихъ его прежнее направленіе вдоль восточнаго берега. При этихъ условіяхъ и явилась возможность развиться въ этой части полуострова, замыкаемой цѣпями обѣихъ указанныхъ горныхъ группъ, наибольшей изъ рѣчныхъ системъ Корейскаго пролива — рѣкѣ Нактонъгань.

Развитіе въ длину корейскихъ рѣкъ обусловливается также расположеніемъ горныхъ хребтовъ, съ которыхъ онѣ берутъ начало, по отношенію къ морскимъ берегамъ полуострова, гдѣ онѣ заканчиваются. Если принять во вниманіе, что водораздѣльный хребетъ между западной и восточной покатостями полуострова проходитъ вдоль Японскаго моря, совсѣмъ близко къ восточному побережью, то отсюда слѣдуетъ вполнѣ естественный выводъ, что существующія съ этой стороны рѣчныя системы должны, необходимо, отличаться незначительными размѣрами (обычно не болѣе 50 верстъ въ длину). Дѣйствительно, единственнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила для рѣкъ бассейна Японскаго моря является р. Тумангань благодаря тому обстоятельству, что она беретъ начало не на восточномъ склонѣ Главнаго водораздѣльнаго хребта, а по другую сторону его, со склоновъ горы Пактусан, какъ конечнаго пункта корейскихъ горныхъ системъ, и огибаетъ восточныя развѣтвленія т. н. Ляодунской системы въ сѣверо-восточной Корее по всей ихъ длинѣ, проходя въ промежуткѣ между корейскими и маньчжурскими горными складками.

Тоже можно сказать и про рѣку Нактонъгань, которая беретъ начало между расходящимися цѣпями двухъ горныхъ группъ Табаннёнмак и Сіобаннёнмак и течетъ къ морю въ направленіи, параллельномъ имъ, что, со многими извилинами теченія рѣки, и позволяетъ ей достигнуть общей длины, близко

подходящей къ длинѣ наибольшихъ корейскихъ рѣкъ.

Что же касается рѣчныхъ системъ Желтаго моря, то онѣ отличаются значительно большей длиною, нежели рѣки Японскаго моря, такъ какъ Главный водораздѣльный хребетъ, обычно дающій и имъ начало, отстоитъ отъ западнаго берега много дальше, чѣмъ отъ восточнаго. Однако, незначительная въ общемъ ширина корейскаго полуострова не позволяетъ и этимъ рѣкамъ достигать большой длины, кромѣ какъ въ сѣверной Корей внутри широкаго материковаго основанія полуострова, какъ, напримѣръ, р. Ялуцзянь (Амнокканъ), которая, подобно рѣкѣ Туманганъ, только въ обратномъ направленіи, огибаетъ на пути къ морю западныя развѣтвленія Ляодунской системы, или р. Чхёнъчхёнганъ, примыкающая къ ея бассейну, или въ тѣхъ случаяхъ, когда направленіе рѣчныхъ теченій идетъ не перпендикулярно къ главному водораздѣльному хребту и оси полуострова, а въ продольномъ и параллельномъ имъ направленіи (рр. Тадонъганъ, Ханганъ, Кымганъ).

Благодаря сложному характеру горнаго рельефа Кореи, состоящаго изъ сѣти большихъ и малыхъ хребтовъ, со многими развѣтвленіями, болѣе крупныя корейскія рѣки не протекаютъ по долинѣ, расположенной въ предѣлахъ одной и той же горной области на всемъ протяженіи отъ истока до устья, но, возникая на одномъ изъ склоновъ Главнаго водораздѣльнаго хребта, идущаго въ меридіональномъ направленіи, переходятъ въ среднемъ теченіи въ долины, образуемая широтными хребтами, примыкающими къ нему, принимая съ нихъ притоки, а въ нижнемъ теченіи вступаютъ въ долины между развѣтвленіями этихъ широтныхъ хребтовъ или горныхъ цѣпей отличнаго направленія и, принимая новые притоки, которые въ свою очередь послѣдовательно проходятъ двѣ или три аналогичныя стадіи, образуютъ собою цѣлыя сложныя рѣчныя системы, собирающія стокъ водъ изъ весьма значительнаго числа долинъ всѣхъ трехъ вышеописанныхъ категорій.

Въ соотвѣтствіи съ гористымъ характеромъ всей страны, корейскія рѣки въ большинствѣ случаевъ оказываются типичными горными потоками, стремящимися внизъ по неровному каменистому руслу, нерѣдко въ видѣ водопадовъ. Въ половодье

корейскія рѣки благодаря быстротѣ теченія обычно не осаждаютъ въ побережныхъ равнинахъ ила, сносимаго ими съ горъ, а выносятъ его безъ пользы въ море на большое разстояніе отъ берега, гдѣ и образуютъ черезъ это отмели. Выпаденіе обильныхъ атмосферныхъ осадковъ лѣтомъ обуславливаетъ особое многоводіе и даже разливы корейскихъ рѣкъ въ этотъ сезонъ въ ущербъ количеству водной массы ихъ въ остальное время года. Въ результатъ этого рѣки средней и южной Кореи, къ тому же лишенныя въ этой части страны благотвительнаго регулирующаго дѣйствія лѣсной растительности¹, отсутствующей здѣсь вовсе или очень скудно представленной, страдаютъ мелководіемъ въ теченіе бóльшей половины года, что въ связи съ горнымъ характеромъ большой части корейскихъ рѣкъ препятствуетъ судоходству по нимъ; только незначительное число рѣкъ въ этой половинѣ полуострова оказывается судоходными и то лишь въ низовьяхъ. Напротивъ, въ сѣверной Корей, изобилующей лѣсами и накапливающей значительные запасы влаги зимою въ видѣ большихъ массъ снѣга, рѣки, въ особенности болѣе крупныя, обнаруживаютъ меньшія колебанія уровня воды по временамъ года (въ рѣкахъ другихъ частей Кореи колебанія уровня сильно замѣтны даже по отдѣльнымъ днямъ) и, сохраняя, въ отношеніи количества водной массы, бóльшее постоянство, оказываются пригодными для судоходства въ бóльшей мѣрѣ и на бóльшемъ протяженіи, чѣмъ рѣки остальной Кореи. Впрочемъ, и рѣки сѣверной Кореи не свободны отъ разливовъ во время проливныхъ лѣтнихъ дождей, превращающихъ мелкія рѣки, въ остальное время почти совершенно высыхающія, въ грозные мутные потоки, затопляющіе поля и селенія. Насколько эти дожди вліяютъ даже на подъемъ уровня большихъ рѣкъ сѣверной Кореи, доказывается примѣромъ р. Амнокканъ, гдѣ Готтше видѣлъ слѣды высокаго подъема воды на верхушкахъ деревьевъ въ разстояніи 7—10 сажень отъ берега.

Корейскія рѣки въ сѣверныхъ и центральныхъ частяхъ

¹) Во время корейскихъ лѣтнихъ проливныхъ дождей лѣса задерживаютъ быстрое испареніе выпавшей дождевой воды, а весной замедляютъ быстрое таяніе снѣга и предупреждаютъ весенніе сильныя разливы рѣки, вызываемыя слишкомъ быстрымъ притокомъ талой воды съ безлѣсныхъ высотъ.

полуострова зимою совершенно замерзаютъ, рѣки восточнаго бассейна (Японскаго моря) ранѣе, нежели рѣки западнаго бассейна (Желтаго моря); замерзаніе наступаетъ съ низовьевъ, гдѣ теченіе болѣе медленно, на западѣ — лишь въ концѣ декабря. Толщина льда бываетъ вполнѣ достаточной для переправы колеснаго обоза, какъ наблюдалъ Лубенцовъ 8 декабря 1895 г. на р. Сёнъчхёнганъ (яп. Дзіѳсенкѳ) 城川江 у города Хамхынъ. Въ южной Корей (въ провинціяхъ Южной Чёлладо и Южной Кёнъсянъдо) рѣки покрываются тонкимъ льдомъ только на самое короткое время, да и то не всегда.

Между отдѣльными корейскими рѣками, имѣющими болѣе важное значеніе, Канкоку-цири¹ устанавливаетъ нижеслѣдующую сравнительную классификацію въ зависимости отъ величины: двѣ изъ нихъ — Туманганъ и Амнокканъ, являются двумя наибольшими рѣками Кореи (兩大江); вмѣстѣ съ Нактонъганъ онѣ составляютъ три большихъ рѣки (三大江) этой страны; если присоединить къ нимъ Тадонъганъ и Ханганъ, то получаютъ пять большихъ рѣкъ, а съ прибавленіемъ Кымганъ и Ёнъсанганъ — даже семь большихъ рѣкъ Кореи. Всѣхъ же корейскихъ рѣкъ, заслуживающихъ упоминанія, Канкоку-цири считаетъ одиннадцать, дополняя приведенный списокъ еще рѣками: Сёмчжинганъ, Ёсёнъганъ, Имчжинганъ и Чхёнъчхёнганъ.

Въ отношеніи бассейна Японскаго моря первой, если начать обзоръ съ сѣвера, и въ то же время важнѣйшей для этого бассейна, какъ его единственная большая рѣка, является рѣка Туманганъ (яп. Тѳманкѳ) 豆滿江, на японскихъ картахъ также въ китайскомъ написаніи названія 圖們江, по китайски еще Гаолицзянъ (корейская рѣка) 高麗江. По описанію инженера Михайловскаго, она беретъ начало изъ озера, находящагося у подножья горы Пактусан, въ 20 верстахъ отъ послѣдней², при чемъ по выходѣ изъ озера не имѣетъ опредѣленнаго ложа, то скрываясь въ почвѣ, то снова показываясь наружу; только въ пяти верстахъ отъ озера рѣка образуетъ оврагъ не болѣе 2 сажень ширины. Въ 25 верстахъ отъ истока рѣка имѣетъ уже 8 сажень ширины въ межень при

¹) Стр. 31.

²) Канкоку-цуран, стр. 1113, помѣщаетъ истокъ рѣки Туманганъ на восточномъ подножьѣ горы Пактусан, подъ 42° с. ш. и 128° в. д.

глубинѣ не болѣе 2 футовъ, питаясь, вѣроятно, главнымъ образомъ изъ родниковъ, и въ 30 верстахъ отъ истока входитъ въ узкую долину, заключенную горами, растущими въ вышинѣ и крутизнѣ по мѣрѣ приближенія къ городу Мусан, въ 81 верстахъ отъ истока, тогда какъ раньше она течетъ по плоскогорью, имѣя долину, покрытую хорошимъ строевымъ лѣсомъ; ниже по теченію горы покрыты мелкимъ, частью годнымъ для построекъ лѣсомъ. Правый берегъ рѣки на этомъ участкѣ до города Мусан довольно населенный (корейцами), лѣвый же почти пустыненъ, такъ что инженеръ Михайловскій осенью 1898 г. встрѣтилъ здѣсь только двѣ китайскихъ деревни.

Принявъ выше по теченію отъ города Мусан цѣлый рядъ притоковъ съ обѣихъ сторонъ, т. е. какъ съ маньчжурской территоріи, такъ и въ особенности съ корейской территоріи¹, въ частности съ этой стороны Тяхондансю (яп. Дайкѳтансуи) 大紅湍水 и Пакхячхен (Эгменьшу), на японской картѣ Емудансу, Туманганъ становится у упомянутаго уѣзднаго города Мусан (яп. Мосан) 茂山 вполнѣ сложившейся рѣкою, шириною въ низкую воду до 120 шаговъ при средней глубинѣ въ 5—7 футовъ.

До г. Мусан рѣка течетъ первыя 30 верстъ на востокъ, слѣдующія 12 в.—на юго-востокъ и остальные 39 верстъ—въ сѣверо-восточномъ направленіи, не дѣлая большихъ изгибовъ; между гг. Мусан и Хойрѣнъ рѣка образуетъ поочередно двѣ дуги, открытыя въ противоположныя стороны въ формѣ французской буквы S и затѣмъ течетъ по прежнему прямо на сѣверо-востокъ мимо уѣзднаго города Чіонъсѣнъ (яп. Сіѳдзіѳ) 鐘城. У этого города рѣка широко разливается по долинѣ, дробясь на нѣсколько мелководныхъ съ корейской стороны рукавовъ, тогда какъ главная масса воды идетъ у китайскаго берега; ниже города рѣка проходитъ на разстояніи 10 верстъ черезъ столь узкое ущелье, мѣстами скалистую трещину, что подчасъ между почти отвѣсными скалами и самой рѣкою не остается даже полоски земли для пѣшехода. Вслѣдъ затѣмъ безлѣсная долина рѣки

¹) Напротивъ того, на всемъ протяженіи Тумангана ниже г. Мусан до г. Кѣнъхынъ съ правой, или корейской стороны, не впадаетъ въ рѣку ни одного притока, заслуживающаго упоминанія, что объясняется близкимъ сосѣдствомъ водораздѣльнаго хребта.

снова расширяется до 2—3 верстъ, замыкаясь съ обѣихъ сторонъ довольно высокими горами; сама рѣка течетъ въ низменныхъ берегахъ, образуя протоки, островки и отмели. Миновавъ устье большого притока съ китайской стороны Гаяхэ, текущаго въ южномъ направленіи и принимающаго въ самомъ нижнемъ теченіи притокъ Болохэтунхэ (Бурхату), съ Хайланхэ, рѣка сперва по изогнутой къ сѣверу дугѣ, затѣмъ нѣсколькими колѣнчатыми изломами переходитъ съ сѣверо-сѣверо-восточнаго на юго-восточное направленіе, огибая оконечность Туманскаго хребта Лубенцова, при чемъ достигаетъ на западъ отъ города Онсѣнь (яп. Ондзіо) 穩城, лежащаго на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки и въ 70 японскихъ ри отъ истока, наиболѣе сѣверной точки корейской территоріи.

Въ этомъ мѣстѣ схождение Туманскаго хребта (Лубенцова) со стороны Бореи и Паньлинскаго хребта со стороны Маньчжуріи, чѣмъ и объясняется столь рѣзкое измѣненіе направленія ея русла, рѣка ниже города Онсѣнь стѣсняется въ горное ущелье, наиболѣе дикое на всемъ участкѣ рѣки отъ города Мусан до г. Кёнхынъ. Здѣсь на разстояніи 20 верстъ по берегу рѣки нѣтъ никакихъ признаковъ человѣческаго жилья и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ китайскіе хищники, тайно промыслюющіе золото, нѣсколько оживляютъ скалистыя пустынные окрестности. Плаваніе по этому участку рѣки сопряжено съ большими трудностями вслѣдствіе обилія подводныхъ камней и пороговъ.

Сдѣлавъ окончательный поворотъ на новое направленіе, рѣка выходитъ на открытую Хуньчуньскую равнину¹, по которой течетъ крупными извилинами, образуя нѣсколько рукавовъ и острововъ, а затѣмъ снова вступаетъ въ узкое ущелье, образованное сближеніями пограничныхъ маньчжурскихъ и корейскихъ возвышенностей. Въ 20 ри отъ города Онсѣнь, миновавъ городъ Кёньюн (яп. Кейген) 慶源 (недалеко отсюда впадаетъ въ главную рѣку Хуньчуньхэ) и затѣмъ городъ Кёнхынъ (яп. Кейкō) 慶興 и принявъ съ правой стороны р. Оріоньчхен, рѣка касается подъ 42°19' с. ш. и 135°35' в. д.

¹) По имени города Хуньчунь, лежащаго на небольшомъ лѣвомъ притоку р. Туманганъ—Хуньчуньхэ или Хуньчункѣ въ 20 верстахъ отъ главной рѣки.

русской территоріи и черезъ 20 верстѣ выходитъ въ Японское море (между заливами Посыетскимъ и Гашкевича, или Чосанман), на востокъ отъ мыса Сёсурэ 西水羅, въ 90 ри отъ истока, въ каковой цифрѣ и измѣряется общая длина рѣки, значительно уступающей въ этомъ отношеніи р. Амнокканъ, или въ 375 верстѣ согласно «Описанію Кореи», при томъ же считая лишь болѣе крупныя извилины¹. Площадь стока всей рѣчной системы измѣряется въ 35 тыс. кв. верстѣ, при чемъ бассейнъ Тумангана имѣетъ въ длину 200 верстѣ, простираясь въ верхнемъ участкѣ въ предѣлахъ плоскогорья въ ширину на 100 верстѣ².

Между городомъ Мусан и впаденіемъ р. Хуньчунхэ размеры р. Туманганъ весьма значительны, хотя и довольно измѣнчивы: ширина русла колеблется отъ 120 до 250 шаговъ, скорость теченія 4—5 футовъ (у города Мусан 4—5¹/₂ фута) въ секунду. Глубина рѣки въ среднемъ, тѣмъ болѣе въ нижнемъ теченіи ея дѣлаетъ переправу въ бродъ при нормальныхъ условіяхъ невозможной, кромѣ извѣстныхъ пунктовъ (выше города Чюньсёнъ Стрѣльбицкій нашелъ высоту воды, доходящей до сѣдла, при низкомъ ея уровнѣ). У города Онсёнъ глубина указывается японскими авторами³ въ 20 футовъ въ срединѣ русла при ширинѣ его въ 150 японскихъ кенъ (900 футовъ); у города Кёньюн, благодаря впаденію Хуньчунхэ, увеличивающему массу воды въ главной рѣкѣ, глубина послѣдней при ширинѣ въ 4—5 ціо (до 250 сажень) колеблется между 20 и 30 футами; теченіе замедляется до 3 футовъ въ секунду. Въ устьѣ ширина рѣки достигаетъ 10 ціо слишкомъ (500 сажень), глубина 5 хиро⁴. Здѣсь оба берега песчаны, низменны и болотисты, тогда какъ выше корейскій берегъ сплошь остается возвышеннымъ и только русскій берегъ обычно низменный.

Входъ въ устье р. Туманганъ съ моря затрудняется баромъ съ наименьшей глубиною въ 5 футовъ, по которому при

¹) I, 107; по подсчету же инженера Сафонова длина рѣки въ натурѣ между городами Мусан и Кёнхынъ достигаетъ 352 верстѣ; если соединить прямыми линіями начало и конецъ каждой излучины, то только 216¹/₂ верстѣ.

²) Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣв. Кореи, 43.

³) Канкоку-цуран, стр. 38.

⁴) Канкоку-синцири, 29. Хиро—морская 6-футовая сажень.

вѣтрѣ съ моря ходять опасныя буруны, губящія нерѣдко суда, хотя послѣднія иногда дожидаются по нѣсколько дней удобнаго момента для входа въ рѣку¹.

Впрочемъ, и судоходство по самой рѣкѣ должно считаться съ большими неудобствами благодаря крайней измѣнчивости фарватера, обусловленной постояннымъ передвиженіемъ отмелей и колебаніемъ глубины. Послѣ окончанія осенняго половодья, или сезона дождей Туманганъ становится изъ большой и многоводной рѣки, доступной для большихъ китайскихъ шаландъ, мелководной, представляющей затрудненіе выше г. Кёнъхынъ даже для простыхъ корейскихъ долбленыхъ лодокъ². Поэтому въ обычное время въ нижнемъ теченіи рѣки версть на 100 (до города Хунъчунъ) могутъ ходить лишь плоскодонныя туземныя (китайскія и корейскія) суда, съ посадкою не болѣе 1¹/₂ ф., и только до г. Кёнъхынъ — мореходныя туземныя суда и пароходы въ 100 тоннъ водоизмѣщенія³. Однако, въ общемъ торговое движеніе по рѣкѣ совсѣмъ незначительно, хотя географически рѣка Туманганъ должна являться естественнымъ выходомъ торговли изъ города Хунъчунъ и окрестнаго района къ морю.

Только малою пригодностью рѣки Туманганъ для судоходства можно объяснить тотъ фактъ, что деревня Ханъси, въ русскихъ предѣлахъ на берегу бухты Экспедиціи, въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ устья Тумангана, служила въ 90 гг. китайцамъ въ качествѣ выхода для товаровъ сѣверовосточной Маньчжуріи къ морю и обратно для привоза иностранныхъ издѣлій, причемъ между д. Ханъси и г. Хунъчунъ товары везлись китайцами на большихъ двуколкахъ, а въ бухтѣ Экспедиціи

¹) Для того, чтобы обойти морской баръ рѣки Туманганъ, японцами и намѣченъ описанный выше на стр. 36 обходный путь для доставки товаровъ въ область этой рѣки съ моря: черезъ Сёсуря къ деревнѣ Тхори по дековилькѣ, затѣмъ на легкихъ рѣчныхъ судахъ вверхъ по рѣкѣ до г. Хойрэнъ (японцы предполагаютъ, что до этого пункта, хотя и съ трудомъ, но могутъ доходить суда съ посадкой въ 2—3 фута, на основаніи произведеннаго имъ промѣра рѣки и изслѣдованія фарватера). Газета «Дальній Востокъ», 30 дек. 1910 г.

²) Во время спада воды осенью Туманганъ переходимъ въ бродъ во многихъ мѣстахъ и деревни, расположенныя на его противоположныхъ берегахъ, сообщаются между собою при помощи бродовъ (во время подъема воды весною или лѣтомъ послѣ дождей сообщеніе черезъ рѣку поддерживается при помощи небольшихъ долбленыхъ лодокъ, зимою же по льду).

³) Канкоку-синцири, 29.

грузились на китайскія джонки; послѣднихъ въ годъ приходило сюда до 500 штукъ общей вмѣстимостью въ 17,000 тоннъ¹.

Что же касается верхнихъ участковъ рѣки, то они только во время короткаго весенняго половодья приобрѣтаютъ значеніе воднаго пути, по которому сплавляется лѣсъ, растущій въ верховьяхъ рѣки.

Во время проливныхъ дождей, когда Хуньчуньская низменность затопляется до ближайшихъ нагорныхъ береговъ, мутная вода рѣки, выносимая въ море, остается здѣсь замѣтной въ видѣ длинной желтой линіи на разстояніе нѣсколькихъ ри отъ берега². Эта высокая вода приноситъ массы песку, которыя, отлагаясь въ руслѣ нижняго теченія рѣки, образуютъ отмели; отъ этихъ же наносныхъ песковъ образовался островъ Ноктон 鹿屯 (яп. Рокутон или Сикатон) или Нокто 鹿島 (яп. Рокуто) Оленій о-въ, лежащій въ устьѣ Тумангана³.

Не смотря на непригодность рѣки Туманганъ въ качествѣ воднаго пути, гористый характеръ ея береговъ во многихъ мѣстахъ, наконецъ, бѣдность рыбою⁴, въ долинѣ этой рѣки, между гг. Мусан и Кёнъхынъ, какъ наблюдалъ инженеръ Сафоновъ въ концѣ 1898 г., приютилось множество корейскихъ деревушекъ, разбросанныхъ во всѣхъ даже незначительныхъ уширеніяхъ главной рѣки и ея притоковъ; эти деревушки слѣдуютъ одна за другой на разстояніи отъ одной до пяти верстѣ. Сухопутное сообщеніе между ними происходитъ при помощи горныхъ тропинокъ, проложенныхъ зачастую по выступамъ утесовъ⁵. Всѣ эти корейскіе поселки, исключая городовъ, весьма незначительны, въ рѣдкихъ случаяхъ состоя изъ 50—70 дворовъ.

1) Объ этомъ говоритъ Лубенцовъ, Хамкенская и Пхенанская провинціи, 5.

2) Канкоку-синцири, 29.

3) Тамъ-же. По словамъ Канкоку-цуран, стр. 1111, этотъ островъ уже соединился съ материкомъ.

4) Рѣка Туманганъ крайне бѣдна рыбою и рыболовство не можетъ служить источникомъ пропитанія для прибрежныхъ жителей; только въ низовьяхъ рѣки водится въ изобиліи рыба кѣта, которая, однако, благодаря порогамъ не можетъ подняться выше 60—70 верстѣ отъ устья.

5) Вдоль дороги, проходящей по берегу рѣки Туманганъ или близко къ нему, между гг. Кёнъхынъ и Хойрёнъ, совершалось, по наблюденіямъ инж. Сафонова въ 1898 г., большое колесное движеніе, хотя дорогу нельзя было назвать удовлетворительной; отъ Хойрёна до города Мусанъ береговой колесной дороги нѣтъ, есть только вьючная. Верстахъ въ 2 выше г. Хойрёна она вовсе прерывается на время на корейскомъ берегу и этотъ участокъ рѣки надо проходить по китайскому берегу.

Рѣка Туманганъ является единственной большою рѣкою на восточномъ побережьи корейскаго полуострова, но кромѣ нея на этомъ побережьи имѣется весьма большое число рѣчныхъ теченій меньшаго протяженія; изъ нихъ можно назвать лишь по имени Пуманчхѣн, протекающую мимо города Кильчжю (Киссю по яп.) 吉州, длиною въ 90 верстъ и всюду проходиму въ бродъ (главное употребленіе, которое корейцы извлекаютъ изъ этой рѣки, это пользованіе ея водою для орошенія рисовыхъ полей, почему рѣка, какъ и многія другія корейскія рѣки, искусственно разбита на множество рукавовъ, питающихъ рисовыя поля). Болѣе значительной рѣкою является Сѣньчхѣнганъ (Дзібсенкѣ по японски) 城川江, протекающая мимо города Хамхынъ, гдѣ черезъ рѣку устроены постоянный мостъ на сваяхъ (знаменитый «мостъ 10,000 лѣтъ»). Хотя длина этой рѣки только 80 верстъ, но отъ указаннаго города до устья, на разстояніи 12 верстъ, она проходима для плоскодонныхъ лодокъ.

Въ сѣверную часть бухты Сѣньджѣнман(анъ), (яп. Мацудаван(кѣ) 松田灣(港) впадаетъ рѣка Ёньхынъганъ (яп. Ейкѣкѣ) 永興江, берущая начало, какъ и вышеуказанная рѣка, на границѣ провинціи Пхѣнъандо въ Главномъ хребтѣ. По свѣдѣніямъ «Описанія Кореи»¹, эта рѣка судоходна для большихъ корейскихъ шлюпокъ отъ города Ёньхынъ. Длина ея 80 верстъ. Въ ту же бухту впадаетъ нѣсколько западнѣе рѣка, называемая на картѣ, составленной японскимъ обществомъ географическихъ изысканій (цири-кенкѣкай) въ 1907 г., Восточной рѣкою или Тонъганъ (яп. Тѣкѣ) 東江² и проходящая мимо города Коуѣн (яп. Кѣген) 高源; эта рѣка достигаетъ длины 80 верстъ (и даже 150 верстъ по другимъ свѣдѣніямъ) и судоходна для большихъ корейскихъ джонокъ на разстояніи 10 верстъ до устья³.

Къ бассейну Корейскаго пролива относятся двѣ рѣки — Нактонъганъ и Хадонъганъ (Сѣмчжинганъ), не считая болѣе мелкихъ. Изъ нихъ Нактонъганъ 洛東江⁴, одна изъ трехъ

¹) I, стр. 110.

²) Въ «Описаніи Кореи», I, 110, она называется Тѣкхѣнганъ.

³) Тамъ же.

⁴) Какъ указываетъ Канкоку-синцири, стр. 30, имя Нактонъганъ рѣка получаетъ лишь на высотѣ городовъ Ёньгунъ 龍宮 и Хамчханъ 咸昌.

наибольшихъ рѣкъ Кореи, со многочисленными притоками, включаетъ въ область своего стока почти цѣликомъ обѣ провинціи Кёнъсянъдо, за исключеніемъ узкой береговой полосы. Рѣка беретъ начало на южномъ склонѣ горъ Табѣаксан, отъ переваловъ Кочжиннёнъ 古直嶺 (яп. Коціокурей), Ульчхирёнъ 蔚峙嶺 (яп. Идзирей) и другихъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ системы указанныхъ горъ отдѣляется сѣверная вѣтвь горной системы Сіобѣннѣмак. Рѣка течетъ сперва въ южномъ направленіи мимо города Бан (яп. Рейан) 禮安, затѣмъ, обогнувъ городъ Андонъ (яп. Антō) 安東, поворачиваетъ на западъ, но ниже по теченію, у города Ионъгунъ (яп. Рюгү) 龍宮, не доходя до города Сянъчжю (яп. Сіосю) 尙州, принимаетъ прежнее южное направленіе, образуя до Нактонъчжин 洛東津 (яп. Ракутōсин), къ востоку отъ упомянутаго города Сянъчжю, рядъ колѣчатыхъ извилинъ, и течетъ далѣе въ общемъ на югъ по серединѣ провинціи Кёнъсянъдо (впрочемъ, ближе къ ея западному краю), параллельно цѣлямъ Табѣннѣмак, между городами Сёнъчжю (яп. Сейсю) 星州 на западѣ и Тагу (яп. Тайку) 大邱 на востокѣ¹, послѣдовательно принимая притоки: налѣво Кымхоганъ (яп. Кимкокō) 琴湖江, направо Качжочхён 加祚川 (яп. Касасен) и Намган (яп. Нанкō) 南江 или Киганъ 岐江 (идуцій отъ главнаго города южной провинціи Кёнъсянъдо Чинчжю 晋州). Вмѣстѣ съ впадениемъ послѣдненазваннаго притока, на югъ отъ города Чхянънёнъ (яп. Сіоней) 昌寧, рѣка Нактонъганъ, натолкнувшись на поперечную горную цѣпь изъ системы Хансан, подходящую къ рѣкѣ съ запада и юга, круто поворачиваетъ къ востоку и, прорѣзывая встрѣчные хребты системы Табѣннѣмак, или если принять классификаціи корейскихъ горъ въ «Описаніи Кореи», вдоль южной подошвы Нактонскаго хребта, почти достигаетъ 129⁰ в. д., послѣ чего принявъ важный притокъ Таганъчхён (яп. Дайкōсен) 大江川, идущій отъ города Мир'янъ (яп. Мицүиō) 密陽 и обогнувъ восточную оконечность горы Янъсан (яп. Ріōдзан) 梁山 изъ системы Хансан, снова сворачиваетъ у селенія Самнанъчжин (яп. Санрōсин) 三浪津 на южное

¹ Въ этомъ мѣстѣ, немного сѣвернѣе параллели обоихъ указанныхъ городовъ, рѣку пересѣкаетъ Сеуло-Фузанская ж. д. линія у станціи Оайгоан (яп. Вакан) 倭館 въ 93 миляхъ отъ конечнаго ея пункта въ Фузанѣ (Сōриō).

направленіе мимо города Кымхя (яп. Кинкай) 金海, остающагося на западъ отъ рѣки, разбивается на нѣсколько рукавовъ, раздѣленныхъ песчаными островами, поросшими камышемъ или ивнякомъ, и изливается широкимъ лиманомъ въ море (Корейскій проливъ) въ 7 миляхъ къ западу отъ Фузана. Передъ устьемъ лежатъ островъ Кадокто 加徳島 и другіе острова.

Рѣка Нактонганъ орошаетъ самую плодородную и населенную часть обѣихъ провинцій Кёнъсяндо; въ ея долинѣ лежатъ всѣ самые крупные и богатые города этихъ провинцій, равнымъ образомъ долина рѣки въ среднемъ и нижнемъ теченіи представляетъ почти единственную равнину въ указанныхъ провинціяхъ, притомъ весьма значительныхъ для корейскаго полуострова размѣровъ и наилучшимъ образомъ орошаемую. Богатство земледѣльческихъ продуктовъ, которыми славятся обѣ провинціи Кёнъсяндо, цѣликомъ исходитъ изъ области этой рѣки, тѣсно связываясь съ ней и ея многочисленными притоками.

Общую длину рѣки «Описаніе Кореи» исчисляло не менѣе, какъ въ 450 верстѣ, но японскія географическія описанія Кореи (Канкоку-цуран и Канкоку-синцири) даютъ ей длину только въ 70 ри (около 270 верстѣ), словомъ, много менѣе, чѣмъ рѣкамъ Туманганъ и Амнокканъ, изъ нихъ судоходныхъ свыше 40 ри¹.

Въ Самнанъчжин, гдѣ рѣка принимаетъ большой притокъ отъ города Мир'янь, ширина Нактонгана колеблется отъ 1 до 3 циб (50—150 сажень); морской приливъ поднимаетъ въ этомъ пунктѣ уровень воды въ рѣкѣ еще на 1 футъ. До этого пункта могутъ свободно ходить суда вмѣстимостью отъ 100 до 200 пикулей (вообще же вмѣстимость судовъ, плавающихъ по Нактонгану, колеблется между 20 и 300—400 коку)², съ экипажемъ отъ 7 до 10 человѣкъ³. Пароходы могутъ доходить отъ устья до города Мир'янь, въ 20 японскихъ ри (около 50 миль или 70 съ чѣмъ-то верстѣ)

¹) Канкоку-цуран, стр. 1112.

²) 1 пикуль равенъ 4 пуд. 7 ф., 1 коку—около 10 пуд.

³) Канкоку-цуран, стр. 1112.

разстоянія отъ устья рѣки¹. Выше указаннаго пункта морской приливъ еще ощущается по рѣкѣ на разстояніи нѣсколькихъ ри, что объясняется чрезвычайно медленнымъ паденіемъ русла рѣки, не превышающимъ въ верхнихъ участкахъ 25 метровъ на 100 километровъ, а въ нижнихъ участкахъ теченія еще того меньше. Такъ какъ рѣка предоставлена почти совершенно самой себѣ, то хотя ложе ея очень широко, доходя до 2 километровъ, но само теченіе заполняетъ мѣстами только $\frac{1}{10}$ всего ложа, образуя большей частью песчаные острова.

Нижнее теченіе рѣки, почти не замерзающее зимою, оказывается вполне пригоднымъ для судоходства. Суда, плавающія по рѣкѣ, главнымъ образомъ занимаются перевозкою риса и прочаго зерна, производимыхъ на равнинѣ Тăгу, сквозь которую рѣка протекаетъ.

Благодаря присутствію на этомъ нижнемъ участкѣ песчаныхъ острововъ ширина воднаго пространства рѣки не превышаетъ здѣсь 50—60 кенъ (300—360 футовъ). Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ здѣсь имѣется 5—6 сажень воды, а въ мелкихъ лишь 5—6 дюймовъ, такъ что хотя на первый взглядъ рѣка кажется большой, но въ дѣйствительности она мелководна; особенно мелководной рѣка становится выше ж. д. станціи Оайгоан. Поэтому только небольшія плоскодонныя суда съ водоизмѣщеніемъ въ 10 пикулей обычно доходятъ по р. Нактонъганъ до Нактонъчжин, на востокъ отъ Сянъчжю, въ 43 ри отъ устья, въ высокую же воду—до бывшей почтовой станціи Андонъ, при чемъ во время спада воды, когда днище судовъ начинаетъ задѣвать за песокъ на днѣ рѣки, движеніе судовъ затрудняется и неизбѣжно замедляется на нѣсколько лишнихъ дней. Все же по относительной пригодности для судоходства р. Нактонъганъ можетъ считаться первой рѣкою не только въ южной Корей, но и во всей странѣ. Важность ея съ этой

¹) China. Imperial Maritime Customs. Decennial Reports, Append. II. стр. LIV. въ отчетѣ комиссара Фузанской таможни (отъ 31 Дес. 1891), сообщаетъ, что по низовьямъ рѣки до Мир'яна ходитъ пароходъ съ осадкою въ 5 ф., до Самун 沙門 въ 10 миляхъ ниже Тăгу и 130 верстъ выше отъ Мир'янъ доходятъ большія джонки съ осадкою въ 4 фута и до Сянъчжю, 170 миль отъ Фузана, на бечевѣ очень узкія мелкосидящія лодки. Несмотря на такія благопріятныя условія, судоходство очень слабо развито на этой рѣкѣ, заслуживающей между тѣмъ особеннаго вниманія, какъ вполне удобный водный путь («Описаніе Кореи», I, 111).

точки зрѣнія подчеркивается находженіемъ у ея береговъ такихъ выдающихся торговыхъ центровъ, какъ Тагу, Андонъ, Сяньчжю и другихъ. Хотя съ постройкою Сеуло-Фузанской ж. д. болѣе половины прежняго пассажирскаго и грузового движенія должно было перейти съ рѣки на болѣе удобную желѣзнодорожную линію, однако, въ дѣйствительности, вмѣстѣ съ ростомъ торговли и промышленности въ ея долинѣ, судоходство по рѣкѣ ничуть не должно уменьшаться; напротивъ, растущее съ каждымъ днемъ послѣ окончанія упомянутой желѣзной дороги процвѣтаніе городовъ Фузанъ, Куйпхо, Мир'янь, Самнанъчжин, Тагу и другихъ заставляеть тѣмъ болѣе понимать необходимость использовать важныя услуги, оказываемыя рѣкою водному транспорту. Улучшеніе существующаго судоходства по рѣкѣ, способствуя развитію производительныхъ силъ ея долины, принесло бъ еще болѣе плодотворные и значительные результаты¹.

Наиболѣе извѣстными пристанями на рѣкѣ являются Нактонъчжин (яп. Ракутōсин) на востокъ отъ города Сяньчжю; Самунчжин (яп. Самонсин) 沙門津 близъ Тагу (яп. Тайку) 大邱; Сѣнчжин (яп. Дзіōсин) 城津 въ уѣздѣ 玄風 Хѣнпхунъ (яп. Генфū); Касанчжин 開山津 (яп. Кайсансин), въ уѣздѣ Корѣнь (яп. Кōрей) 高靈 и Самнанъчжин (яп. Санрōсин) 三浪津 и Куйпхо (яп. Кихо) 龜浦 въ уѣздѣ Яньсан (яп. Ріōдзан) 梁山. Число судовъ, стоящихъ у этихъ пристаней, достигаетъ иногда сотни, но никогда не бываетъ меньше нѣсколькихъ десятковъ.

Долина р. Нактонъганъ, открывая удобный доступъ внутрь страны, должна была играть выдающуюся роль во всѣхъ внѣшнихъ вторженіяхъ, которымъ подвергался корейскій полуостровъ съ этой стороны; дѣйствительно, въ концѣ XVI стол. этими естественными выгодами положенія рѣчной долины воспользовались японцы, когда ихъ завоевательная армія двигалась этимъ путемъ внутрь страны отъ Корейскаго пролива, направляясь къ Сеулу.

Второй рѣкою бассейна Корейскаго пролива является Сѣмчжинганъ (яп. Сенсинкō) 蟾津江, еще называемая Хадонъганъ (яп. Катōкō) 河東江. Эта рѣка беретъ начало у Манмагоан (яп. Мамбакан) 萬馬關 въ хребтѣ Норѣнь и до города Куръ

¹ Каякоку-цуран, 1112—1113.

(яп. Кюрей) 求禮 течетъ въ южномъ или юго-западномъ направленіи; въ указанномъ мѣстѣ рѣка отклоняется горной грядою системы Хансан на востокъ и, только миновавъ эту преграду, снова поворачиваетъ на юго-востокъ между горами Пак'унсан (яп. Хакуундзан) 白雲山 и Чирисан (яп. Циидзан) 智異山 и, пройдя мимо г. Хадонъ, яп. Катō, 河東 (на западъ отъ него), впадаетъ въ глубоко врѣзанный въ материкъ заливъ Сѣмчжинман между полуостровомъ Чоасюёнъ и островомъ Намхăдо. Указанный южный участокъ нижняго теченія р. Сѣмчжинганъ служитъ границею между провинціей Кёнъсянъдо и уѣздомъ Коянъянъ (яп. Кōиō) 光陽 провинціи Чѣлладо. Такъ какъ устье рѣки мелководно, то во время отлива болѣе крупныя суда лишь съ нѣкоторымъ трудомъ входятъ въ рѣку; тѣмъ не менѣе движеніе судовъ по рѣкѣ очень оживленно, такъ какъ здѣсь идетъ торговый путь къ обширной плодородной области, лежащей выше по ея теченію, и обратно¹. Въ особенности зимою въ области устья рѣки вдоль моря на протяженіи нѣсколькихъ ри корейцы въ большомъ числѣ занимаются разстановкою связокъ прутьевъ для ловли *Ulva linza* (*Entromorpha intestinalis*, по корейски хатхă—морской иль (нори 海苔 или аонори 青海苔 по японски). Въ этомъ отношеніи указанный участокъ побережья считается первымъ во всей странѣ².

Въ верхнемъ теченіи, т. е. внутри провинціи сѣверной Чѣлладо, р. Сѣмчжиганъ проходитъ по обширной равнинѣ, въ нижнемъ по обѣимъ берегамъ рѣки мѣстность становится гористой и ровной почвы совсѣмъ мало³.

Въ бассейнѣ *Желтаго моря* изливается съ западной покатоности корейскаго полуострова цѣлый рядъ крупныхъ рѣкъ; если подниматься по морскому побережью съ юга на сѣверъ, то первой рѣкою, принадлежащей къ категоріи значительныхъ рѣкъ, при томъ одной изъ главныхъ судоходныхъ рѣкъ Кореи⁴, является Ёнъсанганъ (яп. Ейдзанкō) 榮山江, длиною въ 135 верстъ (60 ри, т. е. до 215 верстъ⁵), стекающая въ видѣ отдѣльныхъ верховьевъ,

1) Канкоку-синцири, 31.

2) Канкоку-синцири, 32.

3) Канкоку-цуран, стр. 1111.

4) Канкоку-цуран, 1110.

5) Тамъ же; первая цифра приводится въ «Описаніи Кореи», I, 123.

идушихъ съ сѣвера отъ южнаго подножья горъ Норёнъ, откуда беретъ начало и рѣка Сѣмчжинганъ, изъ уѣздовъ Чяньсѣнь и Тан'янъ и съ юга съ западнаго склона цѣпей Сіобаннѣмакъ изъ уѣзда Нынъчжю. Эти верховья, соединившись на востокъ отъ города Начжю (яп. Расю) 羅州, образуютъ одно широкое теченіе, направленное на юго-западъ; передъ Мокпхо широко раздвинувъ берега русла и образовавъ родъ дельты (по японски санкакусю 三角洲), рѣка входитъ въ море. Эта рѣка орошаетъ плодородную равнину южной Чѣлладо, занятую городами Коанъчжю (яп. Кōсё) 光州 и Начжю (яп. Расю) 羅州, и оказываетъ большую помощь процвѣтанію земледѣлія въ этой области.

Теченіе р. Ёнъсанганъ спокойно и медленно; приливъ также входитъ и поднимается по рѣкѣ не слишкомъ быстро; наконецъ, зимою рѣка замерзаетъ очень рѣдко; все это дѣлаетъ ее въ высшей степени пригодной для судоходства. Со времени открытія Мокпхо для иностранной торговли судоходство по рѣкѣ съ каждымъ годомъ стало развиваться, при чемъ, однако, сообщеніе со всѣми городами по обоимъ берегамъ этой рѣки ведется только на корейскихъ судахъ.

Въ бассейнѣ р. Ёнъсанганъ лежитъ упомянутая обширная равнина Коанъчжю-Начжю, которая не уступаетъ плодородіемъ области р. Нактонъганъ и производитъ большія количества риса и хлопка; благосостояніе ея населенія достигло относительно высокой степени. Въ трехъ ри отъ рѣки и въ 12 ри отъ Мокпхо находится городъ Нампхёнъ (яп. Нампей) 南平, извѣстный въ качествѣ главнаго центра на корейскомъ полуостровѣ по торговлѣ хлопкомъ. Вообще, всѣ города въ бассейнѣ этой рѣки служатъ складочными пунктами для хлопка и занимаютъ центральное торговое положеніе, при чемъ хлопокъ является наиболѣе многообѣщающимъ земледѣльческимъ продуктомъ всего района. Городъ Начжю въ долинѣ ея является однимъ изъ наибольшихъ городовъ Чѣлладо и служитъ средоточіемъ вывозной торговли рисомъ, бамбуковыми и лакированными издѣліями¹.

Слѣдующая рѣка восточнаго побережья Мангёнъганъ (яп. Манкейкō) 萬頃江 или Сасюганъ (яп. Сисуйкō) 泗水江² стекаетъ

¹) Канкоку-цуран, 1110—1111.

²) Сасюганъ въ текстѣ «Описанія Кореи» и на картѣ, приложенной къ этому изданію.

съ горь Пугуйсан (яп. Фукисан) 富貴山, расположенныхъ въ СВ. углу провинціи сѣверной Чёлладо, и направляется отсюда на западь, проходя на сѣверь отъ Чёнчжю (яп. Дзенсю) 全州, главнаго города указанной провинціи, затѣмъ мимо Иксан (яп. Екидзан) 益山, Импи (яп. Римпа) 臨陂 и прочихъ уѣздныхъ городовъ и выходитъ въ море въ пунктъ, отстоящемъ лишь на 4 ри къ югу отъ устья слѣдующей къ сѣверу рѣки Кымгань.

Рѣку Маньгёнгань можно назвать артеріей, питающей орошаемую ею равнину Чёнчжю. Въ отношеніи судоходности рѣки достаточно указать, что во время прилива корейскія джонки вмѣстимостью въ 100 пикулей могутъ подняться отъ устья на разстояніе около 13 миль до пункта, называемаго Таджёнчхон (яп. Дайтейсон) 大庭村.

Кымгань (яп. Кинкō) 錦江, называемая также Паньмагань (яп. Хакубакō) 白馬江, является одной изъ шести большихъ рѣкъ Кореи. Она беретъ начало въ СВ. углу провинціи сѣверной Чёлладо съ сѣвернаго склона отрога Симнюннёнъ (въ японскомъ чтеніи Дзюрокуррей) 十六嶺, продолженія горнаго хребта Норёнъ, образующаго въ этомъ мѣстѣ границу провинціи Чёлладо и Кёнсьянъдо, и сперва течетъ на сѣверь, вступая послѣ города Кымсан (яп. Киндзан) 金山 въ южный уголъ провинціи сѣверной Чхюньчхёнъдо. Отсюда рѣка постепенно описываетъ дугу, направленную сперва на СЗ. и З., затѣмъ на ЮЗ. и вступаетъ въ провинцію южную Чхюньчхёнъдо, принимая на СВ. отъ города Коньчжю (яп. Кōсю) 公州 притокъ Тоньчжингань (яп. Тōсинкō) 東津江, стекающій съ хребта Тоннёнъ (яп. Тōрей) 東嶺. Благодаря этому масса воды въ рѣкѣ увеличивается и самое имя ея измѣняется въ Уньчжин (яп. Юсин) 熊津 и Паньмагань (яп. Хакубакō) 白馬江, а послѣ города Каньгёнъпхо (яп. Кōкейхо) 江景浦—въ Каньгёнъха (яп. Кōкейка) 江景河. Отъ города Коньчжю рѣка мѣняетъ свое направленіе на юго-западное и южное, прорѣзывая средину провинціи южной Чхюньчхёнъдо, отъ города Каньгёнъ поворачиваетъ на западь и подъ названіемъ Чингань (яп. Цинкō) 鎮江, отдѣляя названную провинцію отъ провинціи сѣверной Чёлладо и протекая на сѣверь отъ порта Кунсан, расположеннаго

при самомъ устьѣ рѣки, впадаетъ въ заливъ Пиинман у Юнъ-донъ (яп. Рюдō) 龍洞.

Хотя область, орошаемая рѣкою Кымганъ, не очень велика, тѣмъ не менѣе рѣка является первой по величинѣ въ Чхюньчхёндо; кромѣ того орошаемая ею область является сплошь плодородной страной и производитъ большія количества хлопка, бобовъ и риса¹.

Для судоходства пригоденъ участокъ между Кунсаномъ и Пуганъ (яп. Фукō) 芙江, длиною около 70 морскихъ миль², при чемъ часть его около 25 морскихъ ри (45 верстъ въ «Описаніи Кореи») между Кунсаномъ и упомянутымъ Канъгёнъпхо, лежащимъ у поворота рѣки съ южнаго на западное направленіе и служащимъ главнымъ центромъ торговли въ долину рѣки, какъ сухопутной, такъ и рѣчной, составляетъ нижній участокъ судоходнаго теченія рѣки, а между Канъгёнъпхо и Пуганъ — верхній участокъ. По сосѣдству съ Кунсаномъ морской приливъ, слѣдуя по рѣкѣ, дѣлаетъ 4 узла въ часъ, поднимаясь вверхъ по ней въ теченіе 6 часовъ; отливъ же при той же скорости спускается въ теченіе 5 часовъ. Суда пользуются для плаванія по рѣкѣ этимъ приливомъ и отливомъ при движеніи вверхъ и внизъ по ней, что представляетъ большое удобство. Парусные суда (грузоподъемность ихъ не должна превышать 400—500 пикюлей) при вѣтрѣ проходятъ разстояніе между Кунсаномъ и Канъгёнъпхо въ теченіе одного періода прилива, безъ вѣтра — въ теченіе двухъ.

Нынѣ на указанномъ участкѣ плаваетъ по рѣкѣ одинъ мелко-сидящій пароходъ, проходящій все разстояніе вверхъ или внизъ по теченію въ 5 часовъ. Однако, на названномъ участкѣ благодаря дѣйствию приливнаго теченія постоянно образуются отмели и измѣняется фарватеръ, поэтому судоходство въ высшей степени затруднительно.

¹) Канкоку-синцири рассказываетъ, что въ прибрежныхъ селеніяхъ въ районѣ Канъгёнъ не существуетъ колодезѣв и жители хранятъ воду для питья, взятую изъ рѣки, въ большихъ горшкахъ, закопанныхъ въ землѣ; чѣмъ дольше вода постоитъ, тѣмъ становится чище и холоднѣе. Больной перемежающейся лихорадкою выздоравливаетъ отъ питья этой воды.

²) Въ «Описаніи Кореи» общее протяженіе судоходнаго участка рѣки указывается въ 90 верстъ до города Конъчжю, главнаго города провинціи южной Чхюньчхёндо.

Выше Кангёнпхо морской приливъ оказываетъ свое вліяніе, которымъ и пользуются при плаваніи по рѣкѣ, еще на 10 миль до Кюам 窺岩, послѣ чего его дѣйствіе прекращается; однако, при благопріятномъ состояніи рѣки и попутномъ вѣтрѣ парусныя суда проходятъ весь путь вверхъ отъ Кангёнпхо до Пугань¹, конечнаго пункта судоходства по рѣкѣ, въ 7 или 8 часовъ². На этомъ участкѣ рѣка настолько мелководна, что самыя глубокія мѣста ея не превышаютъ 5 футовъ. Поэтому плаваніе по ней весьма неудобно. Послѣ дождей вода разомъ прибываетъ и рѣка становится настолько быстрой, что можетъ оказаться на время непригодной для плаванія судовъ. Зимой рѣка замерзаетъ и движеніе по ней совершенно прекращается³.

Ханганъ (яп. Канкō) 漢江, на которой стоитъ столица Сеуль—Хансёнъ, то есть столица Хангана или Хан'янъ (яп. Канъіō) 漢陽, т. е. солнце Хангана, является одной изъ пяти большихъ рѣкъ Кореи. Она составляется изъ двухъ верховьевъ—сѣвернаго и южнаго, одинаково берущихъ начало въ хребтѣ Табаксан (яп. Тайхаку) 太白山 въ провинціи Каньюндо.

Южное верховье рѣки беретъ начало съ юго-западнаго подножья Алмазныхъ горъ (Кымганъсан, принадлежащихъ къ указанному хребту) и, прихотливо извиваясь въ южномъ направленіи по нѣсколькимъ долинамъ Каньюндо, достигаетъ у города Ёньюоль (яп. Нейецу) 寧越 границы провинціи Чхюнь-

1) Пуганъ, близъ впаденія р. Тонъчжинганъ, является весьма извѣстнымъ центромъ соляной торговли; шесть разъ въ мѣсяцъ здѣсь производится оживленная ярмарочная торговля; въ 10 цō разстоянія отъ селенія (50 дворовъ) находится станція Сеуло-Фузанской ж. д. (Канкоку-цуран, 1102).

2) Выше селенія Пуганъ до истоковъ рѣка слишкомъ узка и мелководна, при томъ имѣетъ черезчуръ быстрое теченіе, чтобы быть пригодной для судоходства. Канкоку-цуран, 1101—2. Если Пуганъ и является начальнымъ пунктомъ судоходства по рѣкѣ, все же на первомъ участкѣ (на разстояніи 20 японскихъ ри) до Кангёнпхо рѣка остается еще мелководной (3—4 фута глубины) и переѣздъ по ней требуетъ обычно больше времени (1—2 дня внизъ по теченію, 3—4 дня вверхъ по теченію), нежели сухимъ путемъ; поэтому по рѣкѣ везутся одни товары, а путешественники изъ селенія Пуганъ или города Конъчжю ѣдутъ въ Кангёнпхо по сухому пути. Канкоку-цуран, 1102.

3) Дальнѣйшія подробности относительно судоходства торговаго движенія (съ указаніемъ категорій грузовъ и фрахтовыхъ цѣнъ) по р. Кымганъ и прочимъ торговымъ путямъ въ этой рѣчной области, въ связи съ оцѣнкою пригодности и значенія самой рѣки для этой цѣли, даются на основаніи отчета г. Якусидзи въ Канкоку-цуран, 1100—1109. Въ частности здѣсь указываются размѣры судоходства по рѣкѣ, исчисленные для всей рѣки въ 15,000 судовъ въ годъ и для одного Кангёнпхо, какъ центра этого судоходства, въ 10,000 судовъ въ годъ (считая всѣ отдѣльные рейсы). Канкоку-цуран, 1104.

чхёнъдо, гдѣ поворачиваетъ на западъ; затѣмъ, пройдя на сѣверъ отъ города Чхёнъпхунъ (яп. Сейфү) 清風 и Чхюньчжю (яп. Цюсю) 忠州, измѣняетъ направленіе теченія на сѣверо-западъ, вступаетъ въ провинцію Кёнъгыдо и, пройдя городъ Ёчжю (яп. Рейсю) 驤州, соединяется съ сѣвернымъ верховьемъ около Кыйдууён (яп. Китѳин) 起頭院. «Описаніе Кореи» называетъ южное верховье Юганъ (Ёганъ, яп. Рейкѳ 驤江, отъ имени города Ёчжю), а въ верхнемъ его теченіи—Тонъганъ (яп. Тѳкѳ) 東江; на японской картѣ, изд. редакціей газеты «Майници Симбунъ», оно обозначается просто Намханганъ (яп. Минами-канкѳ) 南漢江¹. По описанію г-жи Бишопъ въ Korea and her neighbours, все верхнее теченіе рѣки до уѣзднаго города Тан'янъ (яп. Танъѳѳ) 丹陽, на востокъ отъ Чхюньчжю, изобилуетъ опасными порогами и обломки плотовъ и лодокъ, встрѣченные ею, доказывали ихъ разрушительную силу; ниже указанного города рѣка становится болѣе спокойной и глубокой, протекая по широкой плодородной долинѣ съ обильной древесной и земледѣльческой растительностью и густо заселенной; отъ города Тан'янъ до пункта сліянія южнаго верховья съ сѣвернымъ на разстояніи 100 англ. миль расположено 139 селеній².

Сѣверное верховье Хангана, называемое на упомянутой японской картѣ Пукханганъ (яп. Кита-канкѳ) 北漢江 или просто Пукканъ 北江 сѣверная рѣка, а въ «Описаніи Кореи» Синъюньганъ (Син'ёнганъ 新延江) и въ верхнемъ теченіи Хамъготъганъ (Хоанъганътхан 惶江灘), беретъ начало отъ Тчхёллёнъ (яп. Тецурей) 鐵嶺 на границѣ провинцій южной Хамгёнъдо и Канъуёндо въ 40 верстахъ отъ Японскаго моря и течетъ въ южномъ направленіи, принимая передъ городомъ Чхюньчхён (яп. Сюнсен) 春川 большой притокъ, идущій съ горъ Одасан (яп. Годайдзан) 五臺山 въ Канъуёндо; отсюда рѣка изгибается на юго-западъ, вступаетъ въ провинцію Кёнъгыдо и соединяется съ южнымъ верховьемъ. Теченіе этой сѣверной вѣтви, достигающей 150 верстъ въ длину, столь же бурно, какъ и южной въ верхнемъ участкѣ, и образуетъ множество пороговъ, вслѣдствіе загроможденія дна обломками скаль. Въ

¹) Канкоку-цуран, стр. 1097, зоветъ верхнее теченіе южнаго верховья—Кым'енганъ (яп. Кинъенкѳ) 金湍江 и отъ города Ёнъуоль—Кымчхяганъ 錦彩江.

²) Описаніе Кореи, I, 119—120.

нижнемъ теченіи, проходящемъ по плотно населенной и хорошо обработанной мѣстности, рѣка расширяется, но глубина ея остается незначительной, что, вмѣстѣ съ порогами, дѣлаетъ ее въ низкую воду мало пригодной для судоходства. На этихъ порогахъ нерѣдко разбиваются плоты, въ видѣ которыхъ доставляется въ Сеулъ для топлива и строительныхъ цѣлей лѣсъ съ верховьевъ этой вѣтви Хангана.

Соединенное русло обѣихъ указанныхъ вѣтвей отличается большимъ обиліемъ воды, чѣмъ каждая изъ вѣтвей въ отдѣльности, сохраняя на всемъ разстояніи до Сеула, котораго рѣка касается съ Ю.В. стороны, почти одинаковую ширину около 110 сажень. Весь этотъ участокъ главной рѣки, направленный прямо на западъ, переполненъ небольшими островами и песчаными отмелями, обнажающимися въ низкую воду; приливъ поднимаетъ здѣсь уровень воды на 20 футовъ и образуетъ сильныя теченія. Правый (сѣверный) берегъ рѣки плотно населенъ, лѣвый (южный) берегъ занятъ преимущественно полями. Ниже Сеула рѣка, пройдя мимо селеній Мапхо и Яньхоачжин, поворачиваетъ на С.В. и увеличивается въ своихъ размѣрахъ; принявъ же съ С.В. притокъ Имчжинганъ (яп. Ринсинкō) 臨津江, главная рѣка еще болѣе расширяется и поворачиваетъ на западъ. Отсюда начинается морское устье, скорѣе лиманъ рѣки, который разбивается островомъ Канъхоадо на два рукава—сѣверный и южный, причемъ первый, пройдя сѣверную сторону указанного острова, дѣлится островомъ Кіодонъдо вторично на двѣ вѣтви, которыя соответственно составляютъ западное и среднее устья, тогда какъ рукавъ, проходящій вдоль восточной стороны острова Канъхоадо и затѣмъ впадающій въ заливъ Императрицы (т. н. Salée River) у гавани Чѣмульпхо на югѣ, составляетъ третье или восточное устье Хангана. Какъ въ сѣверномъ, такъ и въ южномъ рукавѣ, фарватеръ представляетъ узкій каналъ между скаль и отмелей, въ южномъ, однако, менѣе трудно проходимъ и опасенъ, хотя и здѣсь, въ узкой части рукава, развивается очень быстрое и сильное приливное теченіе, достигающее скорости 8 узловъ при высокомъ приливѣ; кромѣ того глубина воды очень измѣнчива, что также затрудняетъ плаваніе

по этому рукаву и требует присутствія на суднѣ опытнаго лоцмана¹. Во всякомъ случаѣ пароходы большей частью входятъ въ рѣку этимъ путемъ.

Плаваніе по самой рѣкѣ мѣстами затрудняется также многочисленными скалами и отмелями, которыя обнажаются во время отлива², и измѣнчивостью фарватера, въ особенности послѣ дождей и вызываемой ими прибыли воды³; поэтому пароходы и болѣе крупныя парусныя туземныя суда испытываютъ не малыя трудности при плаваніи по Хангану. Хотя глубина воды обычно значительна и въ высокую воду или во время прилива еще болѣе увеличивается, но, по сравненію съ другими рѣками, повышение или спадъ воды не происходятъ внезапно, благодаря чему для корейскихъ небольшихъ судовъ (джонки вмѣстимостью въ 25 тоннъ доходятъ съ попутнымъ вѣтромъ до сліянія сѣверной и южной вѣтвей Хангана) оказывается возможнымъ движеніе по рѣкѣ на разстояніе нѣсколькихъ десятковъ ри, въ томъ числѣ и по Намгану до Ёньчхюн (яп. Ёйсюн) 永春 въ провинціи Чхюнъчхёндо. Госпожа Бишопъ на легкой плоскодонной лодкѣ поднялась, правда, лишь въ 9 дней и при затратѣ чрезвычайныхъ усилій со стороны спутниковъ путешественницы, на 115 верстъ (76 миль) по Пукгану до селенія Уткири, отстоящаго всего на 60 верстъ отъ Японскаго моря; во время обильныхъ дождей лѣтомъ малыя лодки могутъ подняться на 10 верстъ выше. Что касается южной вѣтви или Намгана, то та же путешественница достигла водою до упомянутаго города Ёньчхюн (яп. Ёйсюн), но въ высокую воду мелкосидящія суда могутъ подниматься и далѣе до г. Ёньуоль.

Пароходы и большія джонки, съ осадкою въ 4—6 футовъ, при высокой водѣ доходятъ по Хангану до Ёньсан (яп. Рюдзан) 龍山 у самой столицы въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Мапхо и Яньхоачжин, немного выше по рѣкѣ обоихъ этихъ пунктовъ.

1) Канкоку-цуран, 1098.

2) Хотя берега Хангана состоятъ главнымъ образомъ изъ скалъ, но дно рѣки покрыто иломъ, который и образуетъ отмели и острова.

3) Весною не малыя опасности и затрудненія для судоходства возникаютъ отъ плавающего льда вслѣдъ за наступленіемъ теплой погоды и вскрытіемъ рѣки, что составляетъ также недостатокъ Хангана съ точки зрѣнія судоходства. Канкоку-цуран, 1098.

Не смотря на всё препятствія для судоходства, р. Ханганъ является наиболѣе оживленнымъ торговымъ путемъ на полуостровѣ благодаря нахожденію въ ея долинѣ столичнаго города; по рѣкѣ доставляется въ столицу избытокъ произведеній средней Кореи и обратно везутся иностранные товары, которые съ рѣчныхъ пристаней распредѣляются далѣе въ окрестной странѣ. Однако, значеніе Хангана въ качествѣ воднаго пути, по крайней мѣрѣ, въ нижнемъ участкѣ его теченія, понесло чувствительный ударъ послѣ постройки желѣзной дороги между Сеуломъ и Чѣмульхо, сократившей болѣе, чѣмъ наполовину, количество грузовъ и пассажировъ, слѣдующихъ по рѣкѣ.

По берегамъ Хангана и его обоихъ верховьевъ лежить цѣлый рядъ важныхъ городовъ, изъ которыхъ наиболѣе значительными являются Наньчхён, Чхюнчхён, Капхёнъ по сѣверному верховью; Ёньчхюн, Тан'янъ, Чхёнпхунъ, Чхёнъчжю, Ёчжю по южному верховью; Сеуль, Ионъсан, Манхо и Яньхоачжин на берегу соединеннаго русла нижняго Хангана; Канъхоа и Чѣмульхо въ области устья рѣки; наконецъ, Коанъчжю въ нѣкоторомъ разстояніи на югъ отъ главной рѣки въ долинѣ небольшого притока. Можно указать на немалое число другихъ менѣе крупныхъ населенныхъ пунктовъ, которые взятые вмѣстѣ подчеркиваютъ исключительную роль рѣчной области Хангана съ политической и экономической точекъ зрѣнія. По сравненію съ другими большими рѣчными бассейнами Кореи, область, орошаемая Ханганомъ, вмѣщаетъ меньшее количество плодородной земли или минеральныхъ богатствъ; но охватывая почти цѣликомъ, за исключеніемъ юго-западнаго угла съ городомъ Сююён, провинцію Кёнъгыдо, не считая частей сосѣднихъ провинцій, въ особенности Канъуёндо, и заключая въ своихъ предѣлахъ столицу Сеуль, эта область являлась издавна средоточіемъ всего потребленія страны. Въ особенности Сеуль представляетъ собою не только руководящій правительственный, но и наиболѣе развитый потребительскій центръ; сюда свозятся какъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и по другимъ сухопутнымъ и воднымъ (по Хангану или моремъ) путямъ лѣсные матеріалы, хлѣбъ, рыба, горные продукты и прочіе товары со всѣхъ

концовъ страны и самъ городъ служить въ качествѣ складочнаго и распредѣлительнаго пункта для всѣхъ этихъ грузовъ по отношенію ко всѣмъ городамъ, лежащимъ по Хангану¹.

Рѣка Ханганъ очень богата рыбою и достаточно забросить въ нее нѣсколько разъ сѣть, чтобы получить обильный уловъ. Поэтому по берегамъ этой рѣки значительныя селенія живутъ исключительно рыбной ловлею, при чемъ зимою ловля производится черезъ продѣланныя во льду отверстія².

Двумя важнѣйшими притоками Хангана являются Имчжинганъ и Ёсёнганъ.

Имчжинганъ (яп. Ринсинкō) 臨津江 беретъ начало въ Главномъ хребтѣ отъ перевала Масиннёнъ 馬息嶺 въ провинціи Хамгёндо, захватываетъ сѣверо-западный уголь Канъуёндо и, имѣя общее направленіе съ сѣвера на югъ, вступаетъ въ провинцію Кёнъгыдо; принявъ воды цѣлаго ряда лѣвыхъ притоковъ, идущихъ съ различныхъ горныхъ группъ хребта Масиннёнъ, рѣка поворачиваетъ на западъ и, на сѣверъ отъ Пхачжю 坡州, пересѣкаетъ линію Сеуло-Ыйчжюской ж. д. и на югъ отъ г. Пхунъдокъ (яп. Хōтоку) 豐德 впадаетъ въ расширенное нижнее русло Хангана.

Ширина рѣки Имчжинганъ не очень значительна, почему теченіе очень быстрое и удобства для плаванія судовъ невелики; тѣмъ не менѣе рѣка приноситъ не малую пользу всѣмъ орошаемымъ ею уѣздамъ въ сѣверной половинѣ провинціи Кёнъгыдо³. Рѣка Имчжинганъ⁴ судоходна для джонокъ вмѣстимостью до 10 тоннъ на 30 верстъ отъ устья и для меньшихъ джонокъ—до Ичхён 伊川. Вообще же рѣка является главнымъ путемъ, по которому въ Сеуль и Чѣмульпо доставляются земледѣльческіе продукты изъ прилегающихъ къ ней мѣстностей, равно какъ съ участка самой рѣчной долины между Ёнчхён 筵川 и Чяньдан (яп. Ціотан) 長湍, который производитъ большія количества бобовъ и прочихъ земледѣльческихъ продуктовъ. По р. Имчжинганъ сплавляются также многочисленныя плоты лѣсныхъ матеріаловъ; однимъ изъ

1) Канкоку-цуранъ, 1098.

2) Bourdaret, En Corée, 1904, 242—243.

3) Канкоку-синцири, 35.

4) Описаніе Кореи, I, 122.

центровъ лѣсной торговли является деревня Имчжин на большой дорогѣ изъ Сеула въ Сонъдо (Касёнъ) и далѣе на сѣверъ¹.

Рѣка Ёсёнганъ (яп. Рейдзіокō) 禮城江 беретъ начало въ горной группѣ Кодальсан 高達山, принадлежащей къ хребту Мёр'аксан 滅惡山, водораздѣлу между системами рр. Тадонганъ и Ханганъ, и въ провинціи Хоанхъдо течетъ на югъ, пересѣкая на западъ отъ Кымчхен 金川 Сеуло-Ыйчжюскую ж. д. Отсюда нижнее теченіе рѣки служитъ границею между провинціями Хоанхъдо и Кёнъгыдо. Въ Пённандо (яп. Хекирандо) 碧瀾渡 ширина рѣки увеличивается, послѣ чего рѣка, вступивъ въ сѣверный рукавъ общаго русла рр. Ханганъ и Имчжинганъ, достигаетъ по нему вокругъ острововъ Канъхоадо и Кіодонъдо моря. Такимъ образомъ эта рѣка орошаетъ южную часть провинціи Хоанхъдо.

Рѣка Ёсёнганъ, подобно предыдущей рѣкѣ, не представляетъ большихъ удобствъ для судоходства.

Рѣка Тадонганъ (яп. Дайдōкō) 大同江 является подобно Хангану, также одной изъ пяти большихъ рѣкъ Кореи и, по заявленію Канкоку-цүран², первой судоходной артеріей бассейна Желтаго моря. Область этой рѣки цѣликомъ умѣщается въ предѣлахъ южной Пхёнъандо³. Рѣка Тадонганъ беретъ начало съ горъ Кōмсан (яп. Кендзан) 劍山 въ хребтѣ Наннимсан 狼林山 (сѣверномъ продолженіи главнаго хребта Табаксан) въ сѣверо-восточномъ углу названной провинціи и затѣмъ течетъ въ общемъ юго-юго-западномъ направленіи отъ южной подошвы хребта Міохянъсан, называясь въ этомъ участкѣ своего теченія, проходящемъ мимо города Мәнъсан (яп. Мōсан) 孟山, Сам'уольганъ (яп. Сангецукō) 三月江⁴. Вступивъ въ уѣздъ Канъдонъ (яп. Кōтō) 江東, каковое имя буквально значитъ «на востокъ отъ рѣки», и принявъ притокъ идущій отъ

1) Bourdaret, En Corée, 280.

2) Стр. 1093. Всѣмъ рано сдѣлался извѣстнымъ фактъ, въ какой степени р. Тадонганъ благодаря пригодности ея для судоходства была съ давнихъ поръ тѣсно связана съ исторіей корейскаго полуострова. Тамъ же, 1095.

3) За небольшимъ исключеніемъ области лѣвыхъ притоковъ нижняго теченія главной рѣки, лежащей внутри провинціи Хоанхъдо. Канкоку-синцири, 36.

4) На картѣ, изд. редакціей газеты «Майници Симбун», притокъ, на которомъ стоитъ городъ Мәнъсан, впадаетъ въ главную рѣку много сѣвернѣе города Ёньюн 寧原, выше даже Токчхен 德川 на верхнемъ теченіи рѣки.

уѣзднаго города Янъдѣокъ, яп. Іѳоку 陽德 (этотъ притокъ, берущій начало отъ перевала Матчжѣннѣнь 馬頂嶺, называется Пуллюганъ (Пурьюганъ «Описанія Кореи») 沸流江, яп. Фуцуріокѳ), рѣка постепенно увеличиваетъ объемъ своей водной массы и на нѣкоторомъ разстояніи течетъ въ южномъ направленіи. Выйдя затѣмъ на равнину города Пхѣнъянъ (яп. Хейдзіѳ) 平壤 и принявъ новый притокъ Нынъсѣнъганъ 能城江, идущій отъ перевала Масиннѣнь, рѣка нѣсколько замедляетъ свое теченіе и становится извѣстной подъ именемъ Пхасу (яп. Хайсуі) 湏水 и только передъ самымъ Пхѣнъяномъ впервые получаетъ имя Тадонъганъ.

Въ нижнемъ теченіи рѣка Тадонъганъ дѣлаетъ нѣсколько изгибовъ то на югъ, то на западъ и вскорѣ затѣмъ становится сѣверной границею провинці Хоанъхадѳ, при чемъ принимаетъ слѣва притокъ Намчхѣн 南川 (яп. Нансен); вмѣстѣ съ тѣмъ, ниже города Пхѣнъянъ, русло рѣки разбивается на нѣсколько рукавовъ большими низменными островами. Ниже по теченію, при впаденіи выходящаго изъ указанной провинці большого лѣваго притока Чарѣнъганъ (яп. Сайнейкѳ) 載寧江¹, съ широкимъ, но мелководнымъ теченіемъ, въ руслѣ главной рѣки находится довольно большой островъ Тчхѣлдо (яп. Теттѳ) 鐵島. Непосредственно ниже этого острова р. Тадонъганъ чрезвычайно расширяется (до 4 килом.), далѣе течетъ на западъ мимо порта Чынънампхо 鎮南浦, разливается снова на большую ширину, на подобіе морского залива (имѣя въ болѣе широкомъ мѣстѣ нѣсколько верстъ въ ширину и въ глубину до 12 морскихъ сажень) и въ Ёындопъ 漁隱洞 изливается въ Желтое море. Въ устьѣ лежитъ болѣе десятка острововъ и скалъ, а въ примыкающемъ къ нему морскомъ заливѣ обширныя отмели оставляютъ только два узкихъ фарватера для прохода судовъ.

Общая длина р. Тадонъганъ равна 70 ри².

Въ верхнемъ и среднемъ теченіи рѣка течетъ большей частью по гористымъ мѣстамъ, отъ города Пхѣнъянъ на нѣ-

¹) Рѣка Чарѣнъганъ представляетъ важную рѣчную артерію, доставляющую водныя удобства плодороднымъ и славящимся производствомъ риса уѣздамъ провинці Хоанъхадѳ: Чарѣнъ, Хоанъчжю, Понъсан и др. Канкоку-цуран, 1093—4.

²) Согласно Канкоку-синцири 36 (въ «Описаніи Кореи», I, 117, дается цифра въ 450 верстъ).

которое разстояніе по обширной низменной долинь, изобилуя здѣсь мелями и низкими островами, затѣмъ, послѣ перерыва въ видѣ живописной гористой мѣстности, начинаются отъ острова Тчхёлдо низменные и болотистые берега.

Область, орошаемая р. Тадонъганъ, включаетъ такой издревле извѣстный въ исторіи полуострова городъ и прежнюю столицу, какъ Пхёнъянъ, такіе торговые пункты, какъ Тчхёлдо, Чынънампхо, Ёндонъ 漁隱洞, наконецъ, не мало другихъ мѣстъ, бывшихъ свидѣтелями военныхъ операцій во время японо-китайской и русско-японской войны. При этомъ главная рѣка и ея притоки, простираясь на двѣ провинціи Пхёнъандо и Хоанъхэдо, доставляютъ немаловажныя удобства для передвиженія и пользы для орошенія (два притока главной рѣки Намчхён и Чарёнъганъ въ частности протекаютъ черезъ мѣстности, богатая рисовыми полями), издавна играя весьма важную роль въ дѣлѣ развитія западной части сѣверной Кореи.

Въ отношеніи судоходства по рѣкѣ необходимо замѣтить, что въ нижнемъ теченіи, версть на 45, р. Тадонъганъ является глубокой рѣкою, доступной для большихъ морскихъ военныхъ судовъ и коммерческихъ пароходовъ¹, при чемъ у острова Тчхёлдо при впаденіи притока Чарёнъганъ глубина воды въ рѣкѣ превышаетъ 60 футовъ и въ этомъ мѣстѣ (Кыйчжинпхо 旗津浦, яп. Кисимпо) могутъ свободно размѣститься нѣсколько сотъ пароходовъ, вмѣстимостью въ нѣсколько тысячъ тоннъ. Къ этому пункту во всякое время могутъ подойти съ моря суда съ посадкою въ 20 футовъ. Выше этого пункта до Мангёнъдэ 萬景岱 (яп. Манкейдай), въ разстояніи 2¹/₂ ри ниже города Пхёнъянъ, глубина рѣки еще достигаетъ отъ 4 до 6 морскихъ сажень и доступна для пароходовъ водоизмѣщеніемъ въ нѣсколько сотъ тоннъ². Отъ этого мѣста пассажиры и грузы должны доставляться въ городъ Пхёнъянъ на небольшихъ судахъ ввиду того, что между обоими пунктами

¹) Въ Сасебо весною 1911 г. приступили къ постройкѣ канонерокъ для плаванія по Тадонъгану, водоизмѣщеніемъ въ 250 тоннъ при скорости въ 15 узловъ.

²) Описаніе Кореи, I, 118, указываетъ, что до Посан 保山 (въ 10 морскихъ миль ниже Мангёнъдэ, въ 20 верстахъ отъ г. Пхёнъянъ) могутъ при всякомъ уровнѣ воды свободно подниматься пароходы, сидящіе на 14—15 футовъ въ водѣ (Канкоку-цуран, 1094, уменьшаетъ эту цифру до 12 футовъ).

имѣется въ рѣкѣ одинъ или два мелкихъ переката и фарватеръ отличается крайнимъ непостоянствомъ, почему даже туземныя суда иногда должны выжидать благопріятныхъ условій для прохода черезъ этотъ опасный участокъ¹; иногда плоскодонныя суда, съ посадкою въ 8—10 футовъ, доходятъ до самаго города Пхёнъянъ (около Пхёнъяна во время низкой воды открываются броды) и даже поднимаются въ дождливое время выше по рѣкѣ до Часёнъ 慈城 и во время очень высокой воды даже выше до Сунхён и по лѣвому притоку главной рѣки Пуллюганъ до Сёнъчхён 城川, несмотря на то, что на этой рѣкѣ имѣется много бродовъ.

Въ морскомъ лиманѣ р. Тадонъганъ у порта Чынънампхо (въ 27 верстахъ отъ устья) рѣка имѣетъ, какъ сказано, въ ширину нѣсколько верстъ (свыше 1 яп. ри) и противоположные берега ея еле видны, такъ что сама рѣка походить болѣе на море; глубина воды здѣсь 12 сажень и пароходы въ 1000 тоннъ слишкомъ бросаютъ якорь въ разстояніи 30 метровъ отъ набережной.

Приливы² въ нижнемъ теченіи главной рѣки достигаютъ высоты 28 футовъ, а у г. Пхёнъянъ уменьшаются до 10 футовъ. Скорость приливнаго теченія измѣряется постоянно въ $4\frac{1}{2}$ узла, вплоть до самаго г. Пхёнъянъ, поэтому парусныя суда пользуются приливомъ и отливомъ, чтобы подниматься или спускаться по рѣкѣ, независимо отъ состоянія вѣтра. Это очень выгодное обстоятельство съ точки зрѣнія судоходства по рѣкѣ, оказывающее весьма значительное вліяніе на ростъ торговли въ Чынънампхо³.

Зимою въ теченіе 60 дней (отъ 52 до 84 дней)⁴ верхнее

¹) Канкоку-цуран, 1094, разбирая пригодность отдѣльныхъ участковъ нижняго теченія рѣки для судоходства, указываетъ, что отъ Чынънампхо вверхъ по теченію на 17 морскихъ ри до пункта Чёкпёктонъ 赤壁洞 могутъ подниматься большія суда съ осадкою въ 20 футовъ, выше отсюда на 12 м. ри до Посан 保山—суда съ осадкою въ 12 футовъ, и еще выше до Мангёнъдä (10 м. ри)—суда съ осадкою въ 8 футовъ. Выше послѣдняго пункта движеніе судовъ во время отлива задерживается тремя перекатами, но и во время прилива суда съ осадкою въ 5 футовъ не могутъ подойти къ городу Пхёнъянъ ближе Ханкантонъ, въ 6 ціо (300 сажень) ниже этого города.

²) Время наступленія прилива въ различныхъ пунктахъ нижняго теченія р. Тадонъганъ указывается на табличкѣ въ Канкоку-цуран, 1095.

³) Канкоку-цуран, 1095.

⁴) См. таблицу времени замерзанія и вскрытія рѣки Тадонъганъ въ періодъ шести лѣтъ съ 1897 по 1903 гг. въ Канкоку-цуран, 1096.

и среднее теченіе р. Тадонъганъ замерзаетъ; нижнее теченіе, хотя и не замерзаетъ, но бываетъ покрыто плавающимъ льдомъ и судоходство временами прекращается.

На сѣверъ отъ р. Тадонъганъ въ сѣверо-восточный уголъ Корейскаго залива впадаетъ р. Чхёнъчхёнганъ (яп. Сейсенкō) 清川江, берущая начало у южнаго подножья извѣстной горной группы Наннимсан (яп. Рōриндзан) 狼林山, принадлежащей къ цѣпи Міогосан (яп. Міōкōдзан) 妙高山, прорѣзывающей по направленію съ сѣвера на югъ средину провинціи Пхёнъандо. Отсюда рѣка проходитъ по извилистому руслу черезъ долины хребтовъ Міохянъсан (яп. Міōкōдзан) 妙香山 и Тчөг'юсан (яп. Текиюдзан) 狄踰山 въ юго-западномъ направленіи, затѣмъ мѣняетъ это направленіе на западное и, пересѣкнувъ ущелье въ первомъ хребтѣ (Міохянъсан), течетъ вдоль южнаго подножья этого хребта, принимая справа большой притокъ Куріонъчжин (Куріонъ-тхан), яп. Куріюсин(тан) 九龍津(潭), идущій отъ городовъ Унсан и Ёнъбён (отъ сліянія съ этимъ притокомъ, въ 35 верстахъ выше города Анчжю, главная рѣка становится судоходной для мелкосидящихъ судовъ), и достигаетъ упомянутаго г. Анчжю, лежащаго въ 35 в. отъ морскаго устья рѣки. Выше этого города р. Чхёнъчхёнганъ разбивается на рукава и долина ея, ранѣе имѣвшая $\frac{1}{2}$ —2 версты въ ширину, раздвигается около этого города до 9 верствъ. Нѣсколько ниже города Анчжю, рѣка, протекая по гладкой равнинѣ, пересѣкаетъ желѣзную дорогу изъ Сеула въ Ыйчжю и идущую параллельно ей большую проѣзжую дорогу между тѣми же городами. Вдоль ж. д. станціи Новый Анчжю 新安州 рѣка и проходитъ.

Въ морской лиманъ главной рѣки впадаетъ съ сѣверо-востока рѣка Нёнъганъ 甯江 (въ «Описаніи Кореи»¹ и на картѣ, приложенной къ этому «Описанію», она обозначена именемъ Тächжёнъганъ (Тхächхёнганъ 泰川江), въ качествѣ рѣки независимой отъ р. Чхёнъчхёнганъ, съ собственнымъ морскимъ устьемъ). Рѣка Нёнъганъ стекаетъ съ Амнокскаго хребта Лубенцова въ провинціи сѣверной Пхёнъандо и проходитъ мимо города Тхächхён (яп. Тайсен) 泰川, имѣя общую длину въ 150 верствъ, изъ нихъ судоходныхъ 35 верствъ до

¹) I, 116.

г. Пакчхён (яп. Хакусен) 博川 (по имени этого города карта Кореи, изданная японскимъ Обществомъ географическихъ изысканій, называетъ рѣку Пакчхёнганъ).

Входъ съ моря въ устье р. Чхёнъчхёнганъ представляетъ для судовъ нѣкоторыя трудности.

Область стока р. Чхёнъчхёнганъ¹ изобилуетъ горными хребтами и имѣетъ мало ровной почвы; поэтому предѣлы ея ограничены и польза, приносимая рѣкою орошенію и судоходству, не такъ велика.

Выше г. Хыйчхён (яп. Кисен) 熙川 р. Чхёнъчхёнганъ не имѣетъ никакого значенія для судоходства по малости своихъ размѣровъ; ниже она вырастаетъ въ ширину до 30, далѣе до 100 сажень, при ограниченномъ числѣ бродовъ. Во время высокой воды, начинающейся въ мартѣ и увеличивающейся въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ, всѣ броды пропадаютъ и рѣка становится судоходной до самаго г. Хыйчхён; въ низкую же воду суда доходятъ лишь до г. Анчжю, гдѣ порой открывается бродъ².

Болѣе правильное туземное судоходство идетъ поэтому до г. Анчжю, куда достигаетъ высота прилива въ $2\frac{1}{2}$ фута.

Р. Амнокканъ 鴨綠江 (по китайскому чтенію іероглифовъ Ялуцзянъ, по японскому ̄Оріоккō) является первой по величинѣ и наиболѣе важной изъ пяти большихъ рѣкъ Кореи.

Названіе рѣки буквально значить: Утино-зеленая рѣка за предполагаемое сходство цвѣта воды въ этой рѣкѣ съ окраскою утиной шеи (Kotō, Orographic Sketch of Korea, стр. 1, прим. 1). Дѣйствительно, китайская энциклопедія Тунъдянь, составленная въ первоначальномъ видѣ во второй половинѣ VIII столѣтія, указываетъ, что Ялуцзянъ является вторымъ именемъ для рѣки Мацзышуй 馬訾水, при чемъ это имя было дано ей за то, что цвѣтъ рѣчной воды походитъ на голову утки (水色似鴨頭故名). Въ той же энциклопедіи отмѣчается, что эта рѣка находится на территоріи Кореи (Корё), являясь наибольшей изъ ея рѣкъ (高麗之中此水最大³).

Рѣка беретъ начало на юго-западномъ склонѣ⁴ горы Пактусан на разстояніи 12 верстъ отъ истока Тумангана въ видѣ ключа, который, по мнѣнію Стрѣльбицкаго, имѣетъ подземную

1) Описание Кореи, I, 116, исчисляетъ длину этой рѣки въ 250 верстъ.

2) Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣверной Кореи, 168.

3) Цитируется по Шэнъцзинъ-тунъчжи, 27 цзюань, листъ 26, лицевая страница.

4) У западнаго подножья Пактусан, какъ говоритъ Канкоку-цуран, 43.

связь съ водами Пяктусанскаго озера, или въ видѣ нѣсколькихъ ручейковъ, какъ указываютъ баронъ Корфъ и Звегинцевъ. Этотъ истокъ рѣки вырываетъ себѣ въ массивѣ нагорья очень глубокой и скалистой оврагъ, по дну котораго, въ 5—6 верстахъ отъ начала рѣки, появляется сплошной листовенничный лѣсъ¹. Направленіе теченія этого участка рѣки идетъ почти прямо на югъ, дѣлая колѣнчатый изгибъ на востокъ. Въ 5 верстахъ ниже Хѣсанчжин (яп. Кейдзанцин) 惠山鎮, въ 90 верстахъ отъ истока, главная рѣка, повернувъ на западъ, принимаетъ съ юга большой притокъ Хөчхэнганъ (яп. Кіосенкō) 虛川江, идущій отъ г. Капсан и имѣющій 150 в. въ длину, и отнынѣ можетъ считаться окончательно сформировавшейся. Вскорѣ затѣмъ въ главную рѣку впадаютъ самый значительный изъ всѣхъ притоковъ Амноккана—Чянъчжинъганъ (яп. Ціōсинкō) 長津江, 180 в. длиною, идущій отъ г. Чянъчжинъ съ ЮЗ², и нѣсколько другихъ небольшихъ рѣкъ, спускающихся изъ долинъ сѣверокорейскаго плоскогорья и пересѣкающихъ его цѣпей Ляодунской системы. Между устьемъ рр. Хөчхэнганъ и Чянъчжинганъ Амнокканъ течетъ по крайне извилистой, но узкой долинонѣ, часто превращающейся въ скалистую щель.

Миновавъ устье р. Чянъчжинганъ, главная рѣка, которая до того времени разграничивала на сѣверѣ провинцію южную Хамгёндо отъ сосѣдней Маньчжуріи, нынѣ принявъ СЗ. направленіе, вступаетъ на границу между Маньчжуріей и провинціей сѣверной Пхёнъандо, каковую и составляетъ на всемъ остальномъ теченіи до моря. Въ новомъ направленіи рѣка течетъ, образуя многочисленныя петли, до китайскаго селенія Маоэрршанъ 帽兒山, лежащаго въ 315 верстахъ отъ истока на границѣ между маньчжурскими провинціями—Гириньской и Шэньцзиньской, и являющагося весьма важнымъ узломъ путей, отходящихъ отсюда 1) на западъ черезъ Пяктусанъ къ верхнему Тумангану (къ селенію Тяньпай), отсюда на г. Гиринь; 2) прямо на г. Гиринь (вьючная тропа,

1) Этотъ сплошной лѣсъ тянется до устья праваго притока Тонноганъ; съ этого пункта онъ смѣняется довольно частыми рощами, которыя по мѣрѣ приближенія къ устью главной рѣки встрѣчаются рѣже и становятся меньше, а ниже г. Бйчжю вовсе исчезаютъ.

2) Послѣ впаденія этого притока р. Амнокканъ дѣлается большой рѣкою. Канкоку-дуран, 1083.

какъ и по первому маршруту) и 3) на г. Мукдень черезъ Туньхуасянь (колесная дорога). Долина рѣки на этомъ участкѣ является наиболѣе дикою, представляя почти сплошь отвѣсныя скалы; только изрѣдка показывается узкая полоска ровной земли берега, вообще здѣсь мало населеннаго въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ участковъ теченія рѣки.

Отъ селенія Маоэрршань рѣка Амноккань переходитъ на юго-западное направленіе, сохраняя послѣднее до впаденія въ море. На первомъ участкѣ до д. Туньгоу на китайскомъ берегу (132 в.) рѣка описываетъ довольно крупныя извилины, которыя уменьшаются въ числѣ ниже впаденія р. Часѣньгань; на слѣдующемъ участкѣ до г. Пѣктонь (136 верста) рѣка становится снова весьма извилистой. На этомъ протяженіи рѣка принимаетъ справа, т. е. съ корейской стороны, подъ-рядъ три притока: Часѣньгань (яп. Дзидзіокō) 慈城江, отъ города того же имени, Унсѣньгань (яп. Ундзіокō) 雲城江¹, длиною въ 140 в., идущій отъ города Каньгъ, и Уйуонгань (яп. Игенкō) 渭原江, отъ устья которой начинается болѣе правильное судоходство по р. Амноккань. Нѣсколько ниже отсюда, у города Чхосан (яп. Содзань) 楚山, рѣка принимаетъ изъ Маньчжуріи большой притокъ Хуньхэ 渾河 (на китайской сторонѣ здѣсь стоитъ мѣстечко Хуньхэкоу). Благодаря впаденію этого притока масса воды въ главной рѣкѣ весьма увеличивается (русло рѣки достигаетъ здѣсь въ ширину 200, ниже до 300 шаговъ) и рѣка становится окончательно судоходной; по ней уже ходитъ значительное число судовъ, а весною по ней производится въ широкихъ размѣрахъ сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ на плотахъ, заготовляемыхъ осенью и зимою по Хуньхэ и верхнему теченію самой р. Амноккань. Однако, и ниже этого пункта судоходство не свободно отъ препятствій, и Лубенцовъ самъ наблюдалъ, какъ на одномъ плесѣ между городами Пѣктонь (яп. Хекитō) 碧潼 и Чхяньсѣнь (яп. Сіодзіō) 昌城 лодочники на рукахъ перетаскивали съ большимъ трудомъ суда черезъ мелководный перекалъ; на слѣдующемъ участкѣ между городами Чхяньсѣнь и Ыйчжю въ рѣкѣ также имѣются перекалы,

¹) На картѣ, приложенной къ Описанію Кореи и въ текстѣ «Описанія», I, 116, и вообще на русскихъ картахъ этотъ притокъ обозначается именемъ Тонногань.

черезъ которые осенью открываются броды.

На участкѣ между гг. Пёктонъ и Ыйчжю (на разстояніи 117 верстъ) Амнокканъ дѣлаетъ мелкіе изгибы лишь въ самомъ началѣ, потомъ они становятся плавными. У Окканъчжин (яп. Гюккѳцин) 玉江鎮 ширина рѣки увеличивается до 1 версты и выше города Ыйчжю, стоящаго на горномъ отрогѣ, сопровождающемъ рѣку на протяженіи 4 верстъ, рѣка, принявъ снова съ маньчжурской стороны р. Айхэ 髮河 (противъ города Старый Ыйчжю на китайской сторонѣ стоитъ городъ Цзюлянчэнь, въ корейскомъ чтеніи Курёнсёнъ, въ японскомъ Кюрендзіо 九連城, столь извѣстный по событіямъ русско-японской войны), начинаетъ образованіе своей дельты, раздѣляясь на три рукава, протекающіе между песчаными островами. Ширина рукава, прилегающаго къ маньчжурской сторонѣ, 100 метровъ, средняго—400 метровъ и корейскаго, называемаго Тхонътхёнха (яп. Цүтенга) 通天河, въ обыкновенное время 100 метровъ.

Ниже города Старый Ыйчжю до устья (55 верстъ) Амнокканъ течетъ въ широкой долинѣ, имѣющей до оконечности острова Гаолигуанъ (въ китайскомъ чтеніи, въ корейскомъ же Корёгоан) отъ 5 до 8 верстъ, а затѣмъ самая рѣка переходитъ въ морской лиманъ (шириною въ 8 верстъ); бродовъ не существуетъ нигдѣ, и до г. Шахэчжэнь (рядомъ съ Аньдунъсянь, оба на китайской сторонѣ) замѣтно вліяніе морскихъ приливовъ. Долина открыта, мѣстами болотиста и частью заливается въ высокую воду. У Шахэчжэнь (называемаго Шахэцза) 沙河鎮 упомянутые три главныхъ рукава снова соединяются въ одно русло; на корейской сторонѣ въ этомъ мѣстѣ возникъ нынѣ городъ Новый Ыйчжю въ качествѣ начальнѣй станціи корейской ж. д. сѣти, которая съ 3-го ноября нов. ст. сего 1911 г. должна быть соединена желѣзнодорожнымъ мостомъ съ китайскимъ уѣзднымъ городомъ Аньдунъсянь, лежащимъ на противоположной сторонѣ вплотную къ Шахэчжэнь и представляющимъ отправный пунктъ маньчжурской ж. д. сѣти въ этомъ районѣ. Пройдя Новый Ыйчжю, рѣка снова образуетъ островъ Уйхоадо (яп. Икато) 威化島 и въ видѣ широкаго морского лимана изливается въ Корейскій заливъ.

Этот лиманъ, длиною въ 30 верстѣ, разбивается на нѣсколько рукавовъ, текущихъ каждый по глубокому руслу и измѣряющихся въ ширину отъ 80 сажень до $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ версты. Главный изъ рукавовъ течетъ вдоль корейскаго берега; во время высокой воды вся дельта сплошь заливается водою. На корейской сторонѣ морскаго лимана Амноккана стоитъ Ионъ-ампхо; на китайской сторонѣ его, выше по теченію, городъ Дадунъгоу 大東溝 (между нимъ и Аньдунъсянь довольно значительный торговый центръ Саньдаоляньтоу 三道良頭). Во время отлива входъ большимъ морскимъ судамъ въ рѣку преграждается баромъ въ ея устьѣ, имѣющемъ не болѣе 10 футовъ воды, и потому въ это время только небольшія суда съ осадкою менѣе 10 футовъ могутъ подниматься до г. Шахэчжэнь; во время же прилива даже самыя большіе пароходы могутъ проходить верстѣ 20 вверхъ по рѣкѣ, гдѣ у селенія Ионъампхо на корейскомъ берегу имѣется глубокая, но узкая бухта для стоянки судовъ.

Общая длина р. Амнокканъ достигаетъ 140 японскихъ ри, т. е. 504 верстѣ¹. По величинѣ области стока эта рѣка является, несомнѣнно, наибольшей въ Корей, такъ какъ ея бассейнъ имѣетъ въ длину около 400 верстѣ, расширяясь противъ д. Маоэрршанъ до 180 верстѣ; въ предѣлахъ Кореи онъ затѣмъ постепенно суживается и между г.г. Сакчжю и Ыйчжю имѣетъ всего около 25 в. ширины; передъ устьемъ, гдѣ рѣка принимаетъ притокъ Торанганъ (Шекенганъ), онъ расширяется снова до 50 верстѣ². Однако, русло рѣки извилисто; водная масса относительно не очень велика; кромѣ того много скалъ и не мало стремнинъ и поэтому значеніе рѣки въ качествѣ судоходнаго пути не слишкомъ велико. Отъ устья на разстояніе нѣсколькихъ ри трудно плавать, кромѣ какъ на небольшихъ мелкосидящихъ пароходахъ. Около Ыйчжю и расположеннаго въ 6-7 миляхъ ниже острова Оайхоадо 威化島, какъ и въ сторону къ Аньдунъсянь и Шахэчжэнь на противоположномъ берегу, плаваніе на паро-

¹) Канкоку-цуран, 1083, при чемъ японскій авторъ называетъ рѣку самой длинной и важной изъ всѣхъ рѣкъ въ Корей. Описаніе Кореи, I, 114, указываетъ цифру въ 480 верстѣ. Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣверной Кореи, 123, исчисляють общую длину рѣки въ 750 верстѣ приблизительно, изъ нихъ 430 верстѣ отъ деревни Маоэрршанъ до устья.

²) Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣверной Кореи, 43.

ходахъ, сидящихъ 4 и болѣе футовъ, очень затруднительно. Между Ыйчжю и Шахэчжэнь могутъ иногда не пройти суда, сидяція 1¹/₂ фута и глубже. Выше Аньдуньсянь пароходство, кромѣ исключительныхъ случаевъ, чрезвычайно затруднительно¹.

Если паровое судоходство по рѣкѣ затрудняется быстротою теченія и многочисленными отмелями, то для китайскихъ джонокъ² судоходство возможно, по японскимъ даннымъ, отъ устья на 40 ри (144 версты) и даже выше, какъ уже говорилось, до города Чхосан.

Сплавной рѣка Амнокканъ становится отъ Маоэрршаня, но сплавъ крайне затруднителенъ и вся рѣка обыкновенно усѣяна застрявшимъ лѣсомъ. Судоходство на джонкахъ начинается отъ с. Сакторкуба, противъ китайскаго селенія Людаогоу выше Маоэрршаня, какъ говорятъ баронъ Корфъ и Звегинцевъ³.

Сплавъ лѣса по р. Амнокканъ отъ Маоэрршаня начинается въ концѣ іюня и продолжается до конца сентября; въ это время вода поднимается настолько, что суда, съ осадкой въ 6 футовъ, могутъ свободно проходить на перекатахъ⁴.

Судоходство по рѣкѣ отъ Сактоуркуба, въ качествѣ конечнаго возможнаго пункта при благопріятномъ состояніи рѣки, продолжается съ конца марта до конца ноября, такъ какъ

1) Въ будущемъ, если произвести надлежащее улучшеніе рѣчного фарватера, то возможно, что крѣпко построеннымъ и мелкосидящимъ пароходамъ съ сильной машиною удастся проникнуть и въ верхніе участки рѣки, но быстрота теченія и многочисленныя стремнины никогда не позволяютъ пароходамъ легко подниматься вверхъ по теченію (Канкоку-цуран, 1083—4).

2) Число китайскихъ джонокъ, плавающихъ по Амноккану, по утвержденію Канкоку-цуран, 1083, достигаетъ 2000. Большія морскія китайскія джонки, поднимающія грузы въ 5000 пудовъ, приходятъ въ большомъ количествѣ по рѣкѣ изъ Дадуньгоу въ Шахэчжэнь. Въ зиму 1899 г. на рѣкѣ было насчитано 250 такихъ джонокъ.

Всѣ суда (джонки), плавающія по Амноккану, принадлежатъ китайцамъ. Они построены изъ дерева, плоскодонныя, съ приподнятыми кормомъ и носомъ. Грузоподъемность ихъ отъ 600 до 2000 пудовъ, при чемъ они даютъ осадку до 4 футовъ. Внутренняя часть джонокъ приспособлена исключительно для перевозки зерновыхъ продуктовъ. Джонки строятся въ прибрежныхъ селеніяхъ по рѣкѣ Амнокканъ.

Въ Дадуньгоу производится перегрузка съ этихъ рѣчныхъ на морскія суда.

3) Военный обзоръ сѣверной Кореи, стр. 124.

4) Списокъ перекатовъ, извѣстныхъ на судоходной части Амноккана ниже д. Сокторкуба (выше Маоэрршаня) до Дихуандонъ (выше Ыйчжю), приводится на стр. 84 въ книгѣ: Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ сѣверной Кореи.

Подъемъ воды въ р. Амнокканъ причиняетъ нерѣдко большія опустошенія по берегамъ рѣки. Наибольшими наводненіями, повидимому, были наводненія 1736 и 1750 гг., при чемъ первое, 7 сентября, унесло свыше 1.800 домовъ и потопило

зимою въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ (съ середины декабря по конецъ февраля или начало марта по русскому стилю) р. Амнокканъ покрывается столь крѣпкимъ льдомъ, что выдерживаетъ колесное движеніе по нему. Впрочемъ, на перекатахъ, съ особенно сильнымъ теченіемъ, рѣка не замерзаетъ всю зиму.

Наиболѣе оживленнымъ временемъ въ году для судоходства по нижнему Амнокканъ являются первыя недѣли послѣ вскрытія рѣки, обычно между 20 и 30 марта нов. ст. и въ концѣ осени передъ замерзаніемъ рѣки—въ концѣ ноября, когда на якорной стоянкѣ въ Аньдуньсянь бываетъ одновременно до 8 небольшихъ пароходовъ. Во время высокой воды въ іюлѣ и августѣ по рѣкѣ двигается почти одинъ только лѣсъ¹.

Въ качествѣ торговой дороги выдающееся значеніе, по словамъ Канкоку-синцири, придаютъ рѣкѣ Амнокканъ обширныя лѣса по верхнему теченію рѣки, которые изъ сѣверной части сѣверной Пхёнъандо простираются на СЗ. части южной Хамгёндо и южный край Гириньской провинціи. Здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ ри сплошной массою растутъ строевой лѣсъ, могущій служить неисчерпаемымъ источникомъ богатства². Другія важныя произведенія долины р. Амнокканъ

330 человекъ въ корейскомъ городѣ Намбукканъ (яп. Намбооккô) 南北江 въ уѣздѣ Ыйчжю, а второе, въ іюлѣ, погубило въ долинѣ 2000 домовъ и 1000 жизней. Въ недавніе годы болѣе сильнымъ наводненіемъ явилось наводненіе 1888 г., затопившее на 10 слишкомъ футовъ набережную г. Аньдуньсянь; наводненія 1896, 1897 и 1898 гг. достигали высоты 5—8 футовъ надъ уровнемъ той же набережной, наводненіе 1902 г.—нѣсколько меньшей цифры и потому было менѣе опустошительно. Въ 1909 г. ³/₄ китайскаго города оказались подъ водою, послѣ того, какъ рѣка 26 іюля разомъ поднялась на высоту 20 футовъ, и жителямъ пришлось спасаться на сосѣдніе холмы. Японскій селлементъ въ Аньдуньсянь благодаря окружающей его плотинѣ былъ избавленъ отъ подобнаго разгрома и только въ самыя низменныя мѣста его проникло нѣкоторое количество воды. China. Imperial Maritime Customs. Returns of the trade and trade reports, part II, vol. I. 1907, стр. 4 и 1909, стр. 29.

По мѣрѣ истребленія лѣсовъ въ верховьяхъ рр. Хуньхэ и Амнокканъ подобныя опустошительныя наводненія способны лишь участиться.

1) China. Imperial Maritime Customs. Returns of the trade and Trade reports, part II, vol. I, 1907, 2.

2) Однако, этотъ взглядъ не подтверждается статистическими данными касательно числа плотовъ, сплавляемыхъ по рѣкѣ Амнокканъ по отдѣльнымъ годамъ, съ 1895 по 1907 г., см. China. Imperial Maritime Customs. Returns of the trade and trade reports, Part II, vol. I, 1907, стр. 8. Число это сильно колеблется, въ зависимости отъ разныхъ неблагопріятныхъ причинъ. Наибольшими цифрами являются 5,000 плотовъ въ 1898 г. и 6,650 плотовъ въ 1900 г.; въ 1907 г. было

суть: дикій шелкъ, бобы сои, конопля, золотой песокъ, опиумъ, разные зерновые хлѣба и прочіе. Однихъ только лѣсныхъ матеріаловъ ежегодно вывозится на 10 милліоновъ енъ и даже болѣе; вывозъ дикаго шелка также достигаетъ цѣнности 6—7 милл. енъ; бобовъ сои въ одной только долинь китайской р. Хуньхэ производится до милліона пикблей. Цѣнность всего годичнаго вывоза произведеній области стока рѣки Амнокканъ въ годъ можетъ исчисляться приблизительно въ 25 милліоновъ енъ¹.

Цѣнность ввозимыхъ въ область той же рѣки товаровъ—бумажныхъ тканей и пряжи, табака, поваренной соли, спичекъ, разныхъ издѣлій, не уступаетъ цѣнности вывоза, такъ что общая цѣнность вывоза и ввоза въ рассматриваемой рѣчной области достигаетъ 50 милліоновъ или болѣе, чѣмъ двойная сумма общаго оборота внѣшней торговли всей Кореи (это было справедливо только до 1902 г. включительно, пока общіе обороты внѣшней торговли Кореи не превышали 23,319,947 енъ, цифры 1901 г.).

Однако, торговля въ области бассейна р. Амнокканъ издавна процвѣтала только на китайской сторонѣ, а на корейской сторонѣ она незначительна и вообще все торговое вліяніе въ этой области цѣликомъ находится въ рукахъ китайцевъ. На этотъ источникъ богатства въ области р. Амнокканъ китайцы обратили болѣе серьезное вниманіе только 30 лѣтъ тому назадъ (въ серединѣ 70 г.г. XIX стол.), хотя начало лѣсного промысла китайцевъ на этой рѣкѣ восходитъ къ болѣе раннему времени (къ концу 40 гг. того же столѣтія), при чемъ для эксплуатаціи и развитія этого богатства послужили города Аньдуньсянь и Дадуньгоу, оба на китайской сторонѣ.

сплавлено 4.060 плотовъ, въ 1909 г.—4,535 плотовъ. Въ среднемъ сплавляется 1,500,000 8-футовыхъ бревенъ (лянь по китайски 聯), откуда можно видѣть, что важность лѣсовъ въ долинь Амнокканъ преувеличивается и что опасность конкуренціи со стороны ихъ на мировомъ лѣсномъ рынкѣ не такъ велика (тамъ же, стр. 9). Въ 1910 г. было сплавлено даже всего 800,000 бревенъ (тамож. отчетъ за 1910, стр. 60). Организациа самого лѣсного промысла и торговли лѣсомъ въ долинь Амнокканъ, въ частности, условія расчета между китайскими рубщиками и торговцами лѣсомъ, описываются въ таможенн. отчетѣ за 1907 г., на стр. 8—9.

¹) Канкоку-синцири, 40. Эти свѣдѣнія относятся ко времени до русско-японской войны.

Аньдуньсянь, открытый для иностранной торговли согласно торговому договору между Китаемъ и Соединенными Штатами отъ 1903 г. (однако, иностранная таможня, въ вѣдѣніи управленія китайскихъ морскихъ таможенъ, была открыта здѣсь только 14 марта н. ст. 1907 г.), находится въ 15 морскихъ миляхъ выше по рѣкѣ отъ Ионънампо 龍岩浦 и на разстояніи между 15 и 20 милями отъ устья р. Амнокканъ. Прежняя китайская таможня (нынѣ отдѣленіе морской таможни) находилась въ мѣстѣ, называемомъ Саньдаоланьтоу 三道浪頭, до котораго съ моря достигаютъ суда съ болѣе глубокой посадкою; отсюда глубина воды на участкѣ рѣки, ведущемъ къ Аньдуньсянь, не превышаетъ 4 футовъ. Хотя Аньдуньсянь и превосходитъ Дадунъгоу въ качествѣ торговаго центра, но благодаря каменистости дна вдоль берега невозможно здѣсь тянуть суда на бечевѣ; что же касается пароходовъ, то можно употреблять лишь мелкосидящіе. Зато вдоль берега стоитъ множество китайскихъ джонокъ и расположены сплошной массой плоты лѣса, сплавленные съ верхняго теченія р. Амнокканъ. Однако, цѣнность Аньдуньсяня въ качествѣ открытаго порта уступаетъ болѣе удобно расположенному и обладающему лучшей гаванью Ионънампо¹.

Благодаря своему положенію на берегу р. Амнокканъ напротивъ корейскаго города Ыйчжю, при чемъ разстояніе между ними значительно сократилось благодаря возникновенію новаго желѣзнодорожнаго центра Син-Ыйчжю (Новый Ыйчжю) и еще болѣе сократится съ устройствомъ непрерывнаго желѣзнодорожнаго сообщенія между обоими указанными пунктами по мосту черезъ р. Амнокканъ, Аньдуньсянь, хотя и лежитъ на китайской территоріи, пріобрѣтаетъ совершенно особое значеніе для внѣшней торговли и прочихъ экономическихъ интересовъ Кореи, почему надлежитъ остановиться нѣсколько подробнѣе на выясненіи его дѣйствительной торговой роли.

Коммерчески Аньдуньсянь находится въ тѣснѣйшей связи съ китайскимъ портомъ Чжифу, отъ котораго небольшіе пароходы въ 300—500 тоннъ совершаютъ морской переходъ въ 230 съ чѣмъ то миль, включая и разстояніе по рѣкѣ, въ теченіе отъ 22 до 28 часовъ. Въ

¹) Канкоку-синцири, 41. Въ отчетѣ г. Ямагуци, служащаго общества Осака-сидоен-кайся, напечатанномъ въ Канкоку-цуран, 1084—1093, и относившемся ко времени до русско-японской войны, прямо заявляется (см. стр. 1090), что на корейской сторонѣ рѣки Амнокканъ авторъ не видитъ никакого другаго пункта, который могъ бы служить въ качествѣ порта, открытаго для иностранной торговли, кромѣ Ионънампо.

періодъ болѣе оживленнаго весенняго и осенняго торговыхъ сезоновъ, между означенными пунктами совершаются почти ежедневные пароходные рейсы, тогда какъ лѣтомъ въ теченіе мѣсяца прибываетъ въ Андуньсянь съ этого направленія приблизительно 20 пароходовъ. Второе мѣсто въ отношеніи торговыхъ связей порта занимаетъ японскій портъ Дайренъ, отстоящій въ 135 миляхъ, также по рѣкѣ и моремъ; между нимъ и портомъ поддерживаются, по крайней мѣрѣ, регулярные еженедѣльные рейсы. Еще дальше на одну степень въ отношеніи торговыхъ связей съ Андуньсянь стоятъ корейскіе порты, съ которыми не ведется въ большомъ объемѣ прямыхъ дѣловыхъ сношеній, зато съ Японіей оживленная торговля поддерживается на пароходахъ, заходящихъ въ корейскіе порты, по пути къ якорнымъ стоянкамъ у острововъ Бумбеги и Тасаруги близъ морского устья р. Амнокканъ. Въ теченіе сезона 1907 г. около 15 пароходовъ, со среднимъ водоизмѣщеніемъ нѣсколько болѣе 1000 тоннъ, нагружалось и выгружалось въ теченіе одного мѣсяца на этихъ стоянкахъ. Въ 1908 г. общей тоннажъ японскихъ пароходовъ, совершавшихъ прямые рейсы изъ Японіи къ этимъ стоянкамъ, сократился почти на половину, такъ какъ оказался внѣ соотвѣтствія съ дѣйствительными потребностями торговаго движенія по этому направленію.

Во время прилива¹ суда съ посадкой между 9 и 10 футами въ сезонъ 1907 г. доходили до якорной стоянки² въ Андуньсянь; максимальной же цифрою въ этомъ году явилось судно съ посадкою въ 12¹/₂ футовъ.

Въ сезонъ 1908 г. воды въ р. Амнокканъ на участкѣ между устьемъ и Андуньсянь было много больше, чѣмъ въ 1907 г., хотя многія суда все-же садились на мель и большинство пароходовъ, прибывшихъ за лѣсомъ, должны были принять весь или часть своего груза въ Гуаванъгоу, на полпути между Дадунъгоу и Андуньсянь³. Въ сезонъ 1909 г. фарватеръ въ рѣкѣ на этомъ участкѣ временами оказывался ненормально мелководнымъ и многіе пароходы садились на мель и терпѣли большій или меньшій ущербъ отъ этого; кромѣ того, въ этомъ году отмели въ такой степени мѣняли свое положеніе зимою и въ періодъ лѣтнихъ разливовъ, что судоходство испытывало крайнія затрудненія въ теченіе весеннихъ и осеннихъ мѣся-

1) Обыкновенный приливъ достигаетъ въ Андуньсянѣ высоты въ 6 футовъ, spring tide—9 футовъ, максимальный—15 ф. 5 дюйм. (въ сезонъ 1907 г.). Скорость прилива достигаетъ иногда 5—8 узловъ въ часъ.

2) Обычная якорная стоянка пароходовъ лежитъ въ рѣкѣ Амнокканъ близъ нижней границы гавани Андуньсянь на разстояніи 1 доброй мили отъ набережной китайскаго города, рядомъ съ иностранной морской таможнею. Перевозка грузовъ на этомъ разстояніи обходится свыше половины стоимости фрахта отъ Чжифу до порта. Близъ указанной границы гавани находится строящійся нынѣ желѣзнодорожной мостъ между Новымъ Ыйчжю и Андуньсянь.

3) China. Imperial Maritime Customs. Returns of trade and trade reports. Part. II, vol. I, 1908, стр. 4.

цевъ; къ ноябрю рѣка настолько обмелѣла, какъ разъ ниже границы гавани Аньдуньсянь, что большая часть пароходовъ, прибывшихъ въ концѣ сезона, должны были остановиться въ Саньдаоланьтоу. Въ общемъ, однако, 15 пароходовъ съ посадкою въ 13 и 14 футовъ могли выйти въ море въ этомъ году со стоянки въ Саньдаоланьтоу и 6 пароходовъ съ посадкою въ 13—13¹/₂ футовъ ушли изъ гавани Аньдуньсянь¹.

Главные предметы вывоза изъ Аньдуньсянь составляютъ, помимо лѣса, который ранѣе вывозился отсюда, какъ и изъ Дадуньгоу, на китайскихъ джонкахъ, но нынѣ въ растущемъ количествѣ стали отправляться на пароходахъ: бобы и бобовые жмыхи, другіе зерновые продукты, шелкъ (дикій) и въ особенности коконы. Изъ болѣе крупныхъ статей привоза можно отмѣтить: разныя хлопчатобумажныя издѣлія, желѣзныя издѣлія, папирсы, спички, керосинъ, сахаръ и прочіе товары. Аньдуньсянь въ отношеніи привозныхъ товаровъ обслуживаетъ, помимо прилегающей полосы Маньчжуріи, отчасти и нужды сѣверныхъ уѣздовъ Кореи черезъ Старый Ыйчжоу; нынѣ эта отрасль торговли порта на корейской сторонѣ отвлекается Новымъ Ыйчжоу въ свою пользу.

Ниже города Аньдуньсянь японскимъ военнымъ вѣдомствомъ былъ приобрѣтенъ въ 1905 г. обширный земельный участокъ, площадью въ 9,000 му, включающій свыше 2 миль берега рѣки². Меньшая часть этого участка (2800 му) отведена подъ японскій сеттлементъ, а прилегающая полоса земли передана японскимъ правительствомъ южно-маньчжурской ж. д. компаніи.

Въ Аньдуньсянь въ помѣщеніе китайской таможи переносится нынѣ отдѣленіе японской таможи въ Новомъ Ыйчжоу въ видахъ удобства пассажировъ открывающейся съ 3 ноября н. ст. желѣзной дороги Аньдуньсянь—Мукденъ³.

Дадуньгоу 大東溝, открытый въ силу того же китайско-американскаго договора, причемъ иностранная таможня была учреждена здѣсь лишь 1 октября н. ст. 1907 г., расположенъ близъ устья р. Амнокканъ, ниже Аньдуньсянь (въ 90 ли отъ него по сухопутной дорогѣ) и ниже Ионъампхо, лежащаго наискось черезъ рѣку въ 8 морскихъ миляхъ разстоянія. Вдоль берега тянется въ рѣкѣ полоса отмелей, которая при отливѣ обнажается, такъ что пароходы бросаютъ якорь вдали отъ самаго берега (въ 5 миляхъ отъ самаго

1) Тоже, 1909, стр. 29.

2) Граница этого участка показана на картѣ города Аньдуньсянь и его ближайшихъ окрестностей, приложенной къ стр. 8. China. Imper. Maritime Customs: Returns of trade and trade reports. 1907, Part. II, vol. I.

3) Телеграмма изъ Сеула въ газетѣ «Дальній Востокъ» отъ 4 октября 1911, № 212, стр. 3.

города, расположеннаго вверхъ по извиистой протокъ, судоходной лишь во время прилива)¹. Дадунъгоу являлся ранѣе, по описанію Канкоку-синцири, цвѣтущимъ складочнымъ мѣстомъ для лѣсной торговли, поэтому на берегу здѣсь возвышались цѣлыя горы лѣсныхъ матеріаловъ, а вдоль берега стояло безчисленное множество судовъ, нагруженныхъ также лѣсомъ; словомъ, куда ни посмотрѣть, были видны одни только лѣсные матеріалы. Однако, за послѣдніе годы, какъ доказываютъ отчеты китайской морской таможни, лѣсная торговля Дадунъгоу, составляющая почти единственный источникъ его благосостоянія, все болѣе уходитъ изъ этого порта въ Аньдунъсянь и, примѣръ, въ 1907 г. въ портъ прибыла всего одна пятая часть прежняго числа плотовъ. Упадку торговли Дадунъгоу способствуетъ удаленность его якорной стоянки отъ города и затрудненія при нагрузкѣ благодаря сильнымъ приливнымъ и отливнымъ теченіямъ.

О городѣ Ыйчжю и Ёнъямпхо на корейской сторонѣ, помимо свѣдѣній, приведенныхъ на стр. 96—98, будетъ еще рѣчь ниже при описаніи примѣчательныхъ населенныхъ мѣстъ въ предѣлахъ корейскаго полуострова. Болѣе крупные японскіе пароходы съ грузами, предназначенными для Аньдунъсянь, останавливаются на якорныхъ стоянкахъ у острововъ Бумбеги 門白 и Тасаруги 多獅島, соотвѣтственно расположенныхъ у корейскаго берега въ 6 и 9 миляхъ на югъ отъ мыса, который отмѣчаетъ линію, сквозь которую Амнокканъ изливается въ море. Къ этимъ стоянкамъ суда съ осадкою въ 15—20 футовъ могутъ безъ труда подойти во всякое время года (къ Дадунъгоу на противоположной сторонѣ устья съ осадкой въ 15 футовъ); остающіяся 25 миль до Аньдунъсянь грузы везутся на грузовыхъ лодкахъ, идущихъ на буксирѣ или при помощи собственныхъ парусовъ².

Со стороны японскаго генераль-губернатора Кореи высказано намѣреніе соединить нынѣ необитаемый островъ Тасаруги съ материкомъ, отстоящимъ отъ него всего въ 3 миляхъ, и построить къ этому острову

¹) Въ этой протокъ вдоль обоихъ береговъ ранѣе располагалось безчисленное множество судовъ, нагруженныхъ лѣсомъ. Во время отлива по ней, однако, не могутъ плавать даже небольшія лодки. Канкоку-цуран, 1089.

²) China. Imper. Mar. Customs. Returns of trade and trade reports, 1907, II, т. 1, стр. 1.

ж. д. вѣтку отъ главной линіи Сеулъ—Ыйчжю. Вмѣстѣ съ тѣмъ у острова предположено устроить гавань, которую зимою ледоколы будутъ очищать отъ льда. Преимущество для японской торговли въ Аньдуньсянь отъ наличности подобнаго свободнаго отъ льда порта будетъ заключаться въ томъ, что японскіе торговцы въ этомъ пунктѣ будутъ избавлены отъ необходимости, какъ нынѣ, заготовлять на зиму большіе запасы товаровъ, тогда какъ китайскіе и прочіе купцы въ Аньдуньсянь, не получающіе своихъ товаровъ черезъ Японію, должны будутъ по прежнему производить означенные запасы на 5 зимнихъ мѣсяцев¹.

Съ исторической точки зрѣнія р. Амнокканъ представляетъ большой интересъ. Въ древности въ эпоху могущественной династіи Когурё лѣсная область по верхнему теченію рѣки составляла столичныя земли и весьма процвѣтала. Впослѣдствіе долина рѣки играла значительную роль въ сношеніяхъ между Маньчжуріей и болѣе удаленнымъ собственнымъ Китаемъ и Кореей, при чемъ съ начала XVIII столѣтія пріобрѣтаетъ значеніе пограничной рѣки, а городъ Ыйчжю въ ея долинѣ выдвигается на роль пограничнаго центра корейско-китайской торговли. Съ 70 г.г. XIX стол., съ уничтоженіемъ «нейтральной полосы», китайцы получаютъ возможность развить широкую торговую дѣятельность въ долинѣ рѣки и создать оживленное судоходство по самой рѣкѣ. Съ этого времени начинается растущее экономическое значеніе рѣки Амнокканъ. Наконецъ, въ нижнемъ теченіи въ Сюгукчин 水口鎮 на корейской сторонѣ, выше Стараго Ыйчжю, во время китайско-японской войны отрядъ подъ начальствомъ генерала Сатō переправился черезъ рѣку, а въ 1904 г. (37 годъ Мейдзи) въ мѣстѣ, гдѣ рѣка образуетъ три рукава (см. выше), города Фынъхуанъчэнъ 鳳凰城, первая японская армія построила военный мостъ и, переправившись, заставила отступить русскія войска въ Тюренченъ.

Рѣка Амнокканъ, прорѣзывая самый сѣверный край корейскаго полуострова, издревле служила предѣломъ территориальнаго распространенія Китая въ этомъ направленіи; если бъ не существовало этой природной границы, то нынѣшняя территорія Кореи, возможно, была бы еще болѣе тѣсной и ограниченной, такъ что, если Кореѣ и удалось сохранить отъ Китая самостоятельность и территорію, то этому, безспорно, наполовину способствовала р. Амнокканъ².

VII.

Климатъ. Въ настоящее время для правильнаго сужденія о климатѣ корейскаго полуострова, если не на всемъ его протяженіи, такъ, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ болѣе важныхъ мѣстностяхъ по его берегамъ и внутри страны,

¹) Japan W. Chronicle, 22 June 1911, 1066.

²) Канкоку-синцири, 41—42.

иностранный изслѣдователь располагаетъ болѣе полными и точными, нежели раньше, напримѣръ, во время составленія «Описанія Кореи» (изданнаго въ 1900 г.), систематическими данными въ видѣ метеорологическихъ бюллетеней, регулярно публикуемыхъ существующими на полуостровѣ въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ и надлежащимъ образомъ оборудованными метеорологическими станціями.

Начало правильнымъ метеорологическимъ наблюденіямъ въ Корей было положено въ 1884 г., когда на японскую почтовую и телеграфную контору въ Фузанѣ было возложено японскимъ правительствомъ производство необходимыхъ наблюденій въ цѣляхъ предсказанія бурь, идущихъ со стороны Кореи въ область Японскаго моря и къ острову Хоккайдо. Въ 1898 г. въ трехъ корейскихъ портахъ открытых для иностранной торговли—Чѣмульпхо, Гензанѣ и Фузанѣ, была организована таможеннымъ управленіемъ метеорологическая служба по англійской системѣ, по примѣру устроенной въ китайскихъ открытых портахъ. Впослѣдствіе метеорологическія наблюденія стали регулярно вестись при японскихъ консульствахъ въ Сеулѣ, Чынънампхо, Пхёнъянѣ, Кунсанѣ, Мокпхо и Масанпхо и при русскомъ посольствѣ въ Сеулѣ. Однако, всѣ эти обсерваторіи отличались небольшими размѣрами и не обладали въ достаточной полнотѣ необходимыми инструментами, такъ что нерѣдко нельзя было получить точныхъ свѣдѣній о климатическихъ условіяхъ въ странѣ¹. На основаніи всѣхъ данныхъ, полученныхъ этимъ путемъ, японская центральная обсерваторія (цѣюкисіодай 中央氣象臺) издала на японскомъ языкѣ въ 1905 г. отдѣльную брошюру подъ заглавіемъ Канкоку-кисіо-иппан 韓國氣象一斑, со сводными таблицами различныхъ категорій метеорологическихъ наблюденій главнымъ образомъ для трехъ корейскихъ портовъ Чѣмульпхо, Гензанѣ и Фузанѣ, охватывавшихъ промежутки времени отъ 10 до 16 лѣтъ (съ 1887 и 1888 для Фузана, съ 1891 для Гензана и съ 1891 и 1894 гг. для Чѣмульпхо по 1903 г.), съ предисловіемъ на пяти страницахъ, въ которомъ давалась общая характеристика климата Кореи и оцѣнивались отдѣльные элементы его.

Во время русско-японской войны была устроена японскимъ военнымъ вѣдомствомъ обсерваторія въ широкомъ масштабѣ въ Чѣмульпхо съ отдѣленіями въ Фузанѣ, Гензанѣ, Мокпхо, Сёнъчжинѣ и Ёнъампхо; изъ этихъ пяти обсерваторій четыре начали дѣйствовать въ 1904 г., а пятая, въ Сёнъчжинѣ, съ 1905 г. Въ 1907 г. были устроены аналогичныя отдѣленія главной обсерваторіи въ Пхёнъянѣ, Сеулѣ и Тѣгу, при чемъ вся организація перешла въ вѣдѣніе сперва управленія японскаго генеральнаго резидента, затѣмъ корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности съ центральнымъ органомъ въ

¹) Second annual report on reforms and progress in Korea, 1908—9, 134.

лицѣ бюро обсерваторіи—Коанчхыксо 觀測所 въ Чѣмульхо (въ полной формѣ названія Нонъсянъгонъбу-Коанчхыксо 農商工部觀測所). Съ присоединеніемъ Кореи къ Японіи, организованная такимъ образомъ метеорологическая служба была подчинена управленію корейскаго генераль-губернатора, при чемъ бюро обсерваторіи въ Чѣмульхо сохранило прежнее обозначеніе (въ официальномъ англійскомъ переводѣ названія Meteorological Observatory) Коанчхыксо (яп. Кансокусіо) или полнѣе 朝鮮總督府觀測所 (яп. Ціосен-сѣтокуфу-Кансокусіо). Чѣмульхоская метеорологическая обсерваторія нынѣ издаетъ, какъ издавала и раньше со времени своего учрежденія, сводные мѣсячные и годовые бюллетени метеорологическихъ наблюдений, подъ обозначеніемъ Ціосен-кисіо-нен(ген)піо 朝鮮氣象年(月)表 (англійское заглавіе: Results of the meteorological observations in Korea), на англійскомъ и японскомъ языкахъ, для всѣхъ 9 пунктовъ, гдѣ они ведутся, кромѣ того аналогичные бюллетени для отдѣльныхъ мѣстъ наблюденія¹. Наконецъ, ежемѣсячно выпускаются отдѣльные листки, подъ заглавіемъ Summary of the general meteorological conditions of Korea, состоящіе изъ 4 таблицъ съ данными за истекшій мѣсяць относительно: 1) температуры воздуха; 2) количества осадковъ; 3) числа дней съ дождемъ, снѣгомъ, ясныхъ, облачныхъ и т. д., и 4) направленія вѣтра.

Если такимъ образомъ иностранцы, въ частности японцы, организовали въ Корей регулярную систему метеорологическихъ наблюдений, то нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ не интересовалъ серьезно самихъ корейцевъ много раньше. Между прочимъ, д-ръ Вада, директоръ метеорологической обсерваторіи въ Чѣмульхо, считаетъ, что корейцы употребляли дождемѣры на 200 лѣтъ раньше итальянца Кастелли, современника Галилея, которому обычно приписывается изобрѣтеніе этого прибора. По сообщенію корейскихъ лѣтописей, въ 1442 году по Р. Х. король Сѣдзонъ приказалъ поставить въ разныхъ мѣстахъ страны бронзовые дождемѣры; наблюденія надъ количествомъ выпавшаго дождя немедленно сообщались двору. Д-ру Вада удалось найти три дождемѣра позднѣйшаго происхожденія, представлявшихъ точныя копіи съ болѣе старыхъ, но поставленныхъ лишь въ 1770 г. Д-ръ Вада полагаетъ, что корейцы самостоятельно изобрѣли дождемѣры, а не

¹) Помимо этихъ цѣнныхъ матеріаловъ, для общаго представленія о климатическихъ условіяхъ въ цѣломъ рядѣ пунктовъ во всѣхъ провинціяхъ Кореи, внѣ мѣсть, гдѣ нынѣ устроены метеорологическія станціи, можетъ служить таблица, помѣщенная на стр. 408—411 Канкоку-цуранъ съ обозначеніемъ для этихъ пунктовъ сроковъ начала и окончанія заморозковъ, перваго выпаденія снѣга и наступленія его таянія и времени выпаденія дождя, въ связи съ разборомъ климатическихъ условій Кореи и ихъ пригодности съ точки зрѣнія земледѣлія.

Къ вышеизложенному можно еще добавить, что д-ръ Ральфъ Миллсъ, живущій въ Кангѣ (въ сѣверной Пхёнъандо), по соглашенію съ администраціей Чѣмульхоской обсерваторіи, недавно приступилъ къ веденію регулярныхъ метеорологическихъ записей въ своемъ городѣ. Seoul Press, 23 Aug. 1911, 3.

заимствовали его у китайцевъ, какъ большинство остальныхъ своихъ астрономическихъ приборовъ.

Съ давнихъ поръ въ Корей была признана необходимость метеорологическихъ наблюдений для тщательной регистраціи дождевыхъ осадковъ, столь необходимыхъ для земледѣлія, въ частности культуры риса. Дождя выпадаетъ въ Корей какъ-разъ въ обрѣзъ для этой цѣли: немного меньше и урожай становится на карту. См. журналъ «Природа и Люди», № 32 (1911 г.), стр. 520, съ двумя рисунками, изображающими старинные корейскіе дождемѣры (одинъ изъ нихъ представляетъ собою цѣлую башню, сложенную изъ камня и превосходящую въ пять разъ человѣческой ростъ).

Климатъ корейскаго полуострова находится подъ вліяніемъ нѣсколькихъ факторовъ, обуславливающихъ его особенности. Изъ этихъ факторовъ главнѣйшими являются: географическое положеніе полуострова, съ трехъ сторонъ окруженнаго моремъ и только съ четвертой (сѣверо-западной) примыкающаго непосредственно къ материку Азіи; устройство поверхности, въ которомъ преобладаютъ въ столь значительной степени горные элементы, и направленіе Главнаго хребта вдоль оси полуострова, при чемъ послѣдній разбивается имъ на двѣ неравныя половины, весьма неодинаковыя и въ климатическомъ отношеніи; господствующіе вѣтры, оказывающіе наибольшее вліяніе на климатъ любой страны, а въ восточной Азіи въ особено сильной степени благодаря существующимъ въ этой области періодическимъ вѣтрамъ—муссонамъ, которые создаютъ въ Корей климатическія условія, въ значительной мѣрѣ сходныя съ таковыми же въ другихъ частяхъ всей обширной области, подверженной вліянію указанныхъ вѣтровъ. Наконецъ, извѣстное вліяніе на климатъ Кореи оказываютъ и морскія теченія, проходящія у береговъ полуострова.

Что касается *географическаго положенія* Кореи, то необходимо прежде всего замѣтить, что хотя Корея и представляетъ собою полуостровъ, окруженный съ трехъ сторонъ моремъ, однако, климатъ ея въ большей части занимаемой ею страны долженъ быть названъ скорѣе континентальнымъ съ сильнымъ холодомъ зимою и знойной жарой лѣтомъ и съ весьма рѣзкими колебаніями температуры и только въ меньшей южной части испытываетъ въ болѣе значительной степени морское вліяніе, почему и отличается здѣсь болѣе

мягкимъ характеромъ и меньшими колебаніями температуры. Въ отношеніи географическаго положенія, обусловленнаго широтою, Корея, лежащая между 43° и 34' 20' с. ш. (съ островомъ Квельпартъ простирающаяся почти до 33° с. ш.), т. е. подъ тѣми же широтами, какъ и главный островъ и островъ Хоккайдō въ Японіи, оказывается въ среднемъ холоднѣе соотвѣтствующихъ мѣстностей европейскаго материка, такъ что одинаковыя изотермы проходятъ въ Корей на нѣсколько градусовъ широты южнѣе, чѣмъ въ Европы. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что, въ зависимости отъ основныхъ особенностей механизма муссоновъ, зимою въ Корей господствуютъ сѣверо-западные и сѣверные вѣтры, понижающіе температуру¹, а лѣтомъ теплые юго-западные, юго-восточные и южные, повышающіе ее. Поэтому лѣто въ Корей жарче, чѣмъ въ мѣстностяхъ Европы подъ той же широтою, а зима холоднѣе (на югѣ корейскаго полуострова, подъ широтою Туниса, на горахъ зимою лежитъ глубокой снѣгъ, правда, быстро тающій въ долинахъ). Съ другой стороны благодаря непосредственному сосѣдству съ материкомъ Азіи, оказывающему столь рѣзко выраженное неблагопріят-

¹) Въ какой мѣрѣ эти вѣтры могутъ понижать нормальную температуру, доказываютъ исключительно низкія температуры 30 и 31 янв. нов. стilia 1910 г., наступившія подъ вліяніемъ холоднаго вѣтра послѣ предшествующей мягкой погоды. (Всѣ данныя ниже 0°).

	Янв. 30.	Янв. 31.	Минимумъ въ прежніе годы.	Абсолютныя нисшія темпе- ратуры въ январѣ 1911 г. (всѣ ниже 0°).
Чѣмупхо	17,6 ⁰	18,7 ⁰	15,4 ⁰	17,1 ⁰ 13 января
Фузанъ	9,1	11,9	10,3	10,0 >
Гензанъ	18,6	18,6	19,2	15,5 >
Сеуль	18,3	19,9	15,8	21,5 >
Ихѣнъянъ	21,1	23,1	25,5	26,7 >
Тагу	12,7	16,1	11,3	14,4 24 января
Мокпхо	7,9	12,4	8,4	9,3 >
Сѣнъчжин	17,6	18,9	21,9	23,8 22 января
Ионъампхо	22,3	25,3	26,3	22,2 11 января

(Послѣдній столбецъ цифръ заимствованъ изъ Summary of the general meteorological conditions of Korea, January, 1911, а первые три столбца—изъ Seoul Press, 3 Febr. 1910).

Насколько колебанія температуры въ Корей зависятъ отъ вѣтра, доказываетъ и корейская пословица: самкан-саунъ 三寒四温, т. е. три холода, четыре тепла. Это значитъ, что въ теченіе трехъ дней, пока дуетъ непрерывно сѣверный вѣтеръ, стоитъ жестокой холодъ; затѣмъ, какъ только вѣтеръ успокоится, въ теченіе четырехъ дней дѣлается совсѣмъ тепло. Эта пословица обычно вполне оправдывается на дѣлѣ (Канкоку-цуран, 397).

ное вліяніе на климатъ корейскаго полуострова, почти лишая его въ этомъ отношеніи преимуществъ приморскаго положенія, Корея оказывается зимой болѣе холодной по сравненію съ соотвѣтствующими широтами на японскихъ островахъ.

Вся Корея, за исключеніемъ сѣверо-восточной ея части къ сѣверу отъ параллели Сѣнъчжин, лежитъ въ предѣлахъ іюльской изотермы отъ $+20^{\circ}$ до $+25^{\circ}$ Ц. (эта послѣдняя изотерма, проходящая на сѣверъ отъ Пекина и черезъ Квантунскую область, захватываетъ въ Корей лишь островъ Квельпартъ, переходя затѣмъ въ Японію черезъ Нагасаки)¹. Съ другой стороны этому однообразію лѣтней температуры Кнохенхауеръ противопоставляетъ вполнѣ справедливо рѣзкія колебанія зимней температуры на полуостровѣ, причемъ январскія изотермы²

¹) Среднія іюльскія температуры за три послѣднихъ года для всѣхъ 9 метеорологическихъ станцій корейскаго полуострова являлись слѣдующими:

	1908 г.	1909 г.	1910 г.	Нормальная.
Чѣмупхо	22,4 ⁰	23,3 ⁰	22,4 ⁰	23,2
Фузанъ	22,2	24,3	22,6	23,4
Гензанъ	21,2	23,3	21,3	21,9
Сеуль	23,6	24,6	23,5	24,1
Пхѣнъянъ	23,2	23,6	23,5	23,5
Тягу	23,7	26,1	23,7	24,9
Мокпхо	23,3	24,8	23,7	24,2
Сѣнъчжин	18,9	20,7	18,9	19,4
Ионъампхо	22,3	21,9	22,7	22,6

Такимъ образомъ только одинъ Сѣнъчжин изъ всѣхъ 9 метеорологическихъ станцій корейскаго полуострова имѣетъ среднюю іюльскую температуру ниже 20° Ц., такъ какъ нормальная іюльская температура въ этомъ городѣ измѣряется въ $19,4^{\circ}$. Какъ говорится ниже, среднія температуры въ Корей для августа оказываются безъ исключенія выше іюльскихъ, измѣряясь даже для Сѣнъчжин нормальной цифрою въ $22,0^{\circ}$.

²) Среднія январскія температуры для различныхъ пунктовъ корейскаго полуострова, гдѣ существуютъ нынѣ метеорологическія станціи, могутъ быть представлены въ слѣдующей сводной таблицѣ за послѣдніе четыре года:

	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	Нормальная январская.	Нормальная февральская.
					(къ 1910 г.).	
Чѣмупхо	—3,3 ⁰	—2,2 ⁰	—2,4 ⁰	—4,3	—1,9	—3,4
Фузанъ	+3,4	+3,0	+3,7	+2,0	+3,8	+2,0
Гензанъ	—3,8	—3,1	—3,6	—3,4	—2,7	—3,7
Сеуль	—3,6	—2,7	—2,3	—5,0	—3,2	—3,8
Пхѣнъянъ	—8,7	—6,1	—6,4	—8,5	—6,2	—6,6
Тягу	+0,0	+0,1	+0,6	—1,3	+0,2	—0,4
Мокпхо	+1,8	+1,3	+2,1	+0,3	+2,6	+0,8
Сѣнъчжин	—6,0	—5,8	—5,6	—8,1	—5,3	—5,1
Ионъампхо	—11,1	—7,1	—9,6	—8,5	—7,0	—7,5

обнаруживаютъ въ разныхъ частяхъ его разницу въ 20 градусовъ Цельсія (между существующими нынѣ пунктами регулярныхъ наблюдений до 11 градусовъ), такъ какъ черезъ южныя части полуострова (провинці южную Чёлладо и южную Кёнъсяндо) проходитъ январская изотерма $+0$ и выше (въ Фузанѣ $+3,8^{\circ}$), а сѣверо-восточнаго колѣна р. Туманганъ предположительно касается январская изотерма -20° Ц.; между этими крайними точками Кнохенхауеръ располагаетъ январскую изотерму -15° , пересѣкающую сѣверную Хамгёндо и внутреннія области сѣверной Пхёнъандо, за исключеніемъ нижней долины рѣки Амнокканъ, и изотерму -10° , идущую черезъ городъ Чхюнчхён¹ и немного сѣвернѣе Сеула².

При этихъ обстоятельствахъ рѣзкія различія зимнихъ температуръ³ могутъ наблюдаться въ Корей на сравнительно ко-

Изъ этой таблицы видно, что самымъ холоднымъ мѣсяцемъ въ году въ указанныхъ пунктахъ корейскаго полуострова нормально является февраль, за исключеніемъ Сёнъчжин, гдѣ нормальная февральская средняя температура на $\frac{2}{10}$ градуса выше январской.

1) Подобнымъ образомъ январская изотерма -10° нанесена на карту, приложенную къ статьѣ Knochenhauer, Korea, гдѣ показано направленіе остальныхъ вышеперечисленныхъ изотермъ въ предѣлахъ полуострова. Этому, однако, противорѣчитъ то обстоятельство, что средняя январская температура города Пхёнъянъ, лежащаго значительно сѣвернѣе указанной линіи, правда, ближе къ морскому берегу, далеко не достигаетъ этой цифры, измѣряясь нормально въ $-6,2^{\circ}$. Слѣдовательно, надлежитъ въ дѣйствительности проводить линію означенной изотермы -10° много сѣвернѣе. Эти же соображенія могутъ одинаковымъ образомъ относиться и къ линіямъ изотермъ -15° и -20° , если только онѣ существуютъ гдѣ-либо въ Корей, что вполнѣ возможно во внутреннихъ областяхъ полуострова, прилегающихъ къ горѣ Пактусан и къ сосѣднимъ хребтамъ. Во всякомъ случаѣ, береговой полосы корейскаго полуострова эти изотермы, какъ, возможно и изотерма -10° , нигдѣ не касаются ни на западѣ, ни на востокѣ.

2) Что въ городѣ Чхюнчхёнъ климатъ является болѣе суровымъ, чѣмъ въ Сеулѣ, подтверждается указаніемъ Канкоку-цуранъ (стр. 411), что въ Пёддунчжинъ въ уѣздѣ Чхюнчхёнъ заморозки начинаются въ первой декадѣ октября (въ Сеулѣ только въ самомъ концѣ этого мѣсяца), заканчиваются въ первой декадѣ апрѣля; снѣгъ выпадаетъ здѣсь съ первой декады декабря, таяніе его начинается въ средней декадѣ марта. Въ Уёндо (Уённи?) въ той же провинціи Канъуёндо, но въ уѣздѣ Пхёнъганъ, почти на одинъ градусъ широты сѣвернѣе Чхюнчхёнъ, заморозки начинаются въ послѣдней декадѣ сентября (въ сѣвернѣе лежащемъ Пхёнъянѣ только въ концѣ октября), кончаются въ апрѣлѣ, снѣгъ здѣсь выпадаетъ со второй и третьей декады ноября, оттепель наступаетъ въ первой декадѣ апрѣля.

3) Въ городѣ Пхачжю (въ близкомъ разстояніи къ сѣверу отъ Сеула въ той же провинціи Кёнъгыдо) заморозки начинаются въ послѣдней декадѣ сентября и первой декадѣ октября, т. е. почти на мѣсяць раньше, чѣмъ въ самомъ Сеулѣ, заканчиваются въ первой декадѣ марта, т. е. приблизительно въ то же время, какъ въ Сеулѣ; снѣгъ выпадаетъ съ декабря, таяніе его наступаетъ въ послѣдней декадѣ февраля (Канкоку-цуранъ, 409).

роткихъ разстояніяхъ. На сѣверѣ Кореи весна наступаетъ 4 недѣлями позже, чѣмъ въ Сеулѣ, и когда она въ этомъ городѣ уже въ полномъ разгарѣ, въ 150 километрахъ къ сѣверу отъ него ртуть можетъ еще опускаться до -9° Ц. Октябрь является въ Сеулѣ лучшимъ мѣсяцемъ въ году, а на р. Ялу-цзянь (Амнокканъ) въ это время снѣгъ не представляетъ необычнаго явленія. Лѣтомъ эти различія скрадываются и уже въ маѣ и іюнѣ на всемъ протяженіи полуострова вполне тепло¹.

Корейскій климатъ является болѣе *неравномѣрнымъ*, чѣмъ климатъ соотвѣтствующихъ странъ Европы, одинаковымъ образомъ и сосѣднихъ японскихъ острововъ², несмотря на полуостровное положеніе страны, благодаря тому, что море, примыкающее на западѣ къ полуострову—Желтое море съ его частями Чжилійскимъ и Корейскимъ заливами, отличается мелководіемъ, почему и быстро нагревается лѣтомъ и охлаждается зимою и способно оказывать лишь слабое регулирующее вліяніе на корейскій климатъ въ смыслѣ приданія ему большей равномѣрности. Напротивъ, глубокое Японское море, лежащее на востокъ отъ полуострова, въ состояніи лучше исполнять эту роль и дѣйствительно, *восточное по-*

1) Knoschenhauer, Korea, 79—80.

2) Въ какой степени климатъ отдѣльныхъ мѣстностей Кореи оказывается менѣе равномѣрнымъ, чѣмъ климатъ тѣхъ мѣстъ въ собственной Японіи, которыя соотвѣтствуютъ имъ по средней годовой температурѣ, доказываютъ слѣдующіе примѣры, приводимые Канкоку-цири на стр. 34 и 35: Гензанъ ($39^{\circ}19'$ с. ш.) по средней годовой температурѣ сходенъ съ городомъ Ямагата ($38^{\circ}15'$ с. ш.), но по средней январской, которая равняется въ этомъ городѣ $-1,7^{\circ}$, приближается къ Сутцу (на островѣ Хоккайдô подъ $42^{\circ}50'$ с. ш.), а по средней августовской ($+24,1^{\circ}$ въ Ямагата) къ Куре подъ $34^{\circ}20'$ с. ш. приблизительно. Сеулъ ($37^{\circ}34'$ с. ш.) по средней годовой температурѣ соотвѣтствуетъ Мито ($36^{\circ}20'$ с. ш.), но имѣетъ ту же среднюю январскую температуру, какъ выше упомянутый Сутцу, а среднюю августовскую, какъ Кумамото подъ $33^{\circ}45'$ с. ш. Чѣмульхо ($37^{\circ}29'$ с. ш.) имѣетъ такую же среднюю годовую температуру, какъ Фукусима въ Японіи подъ $37^{\circ}45'$ с. ш., но среднюю январскую, какъ Аомори подъ 41° с. ш., а августовскую, какъ Цібси (подъ $35^{\circ}45'$). Фузанъ подъ $35^{\circ}07'$ имѣетъ среднюю годовую температуру, сходную съ таковой же въ Хиросима подъ $34^{\circ}1/2^{\circ}$ с. ш. и Кōдзи подъ $33^{\circ}1/2^{\circ}$ с. ш., тогда какъ средняя январская температура Фузана приближается къ таковой же въ Гифу ($35^{\circ}1/2^{\circ}$ с. ш.), а средняя августовская къ таковой же въ Ниигата подъ 38° с. ш. Вообще же въ отношеніи средней годовой температуры Корея соотвѣтствуетъ областямъ Оу (сѣверная оконечность главнаго японскаго острова) и Цюгоку или западной оконечности на главномъ островѣ, тогда какъ по зимней температурѣ приближается къ острову Хоккайдô и сѣвернымъ частямъ Тōкайдô, а по лѣтней температурѣ сходна съ областью Цюгоку и островами Рюкю.

бережье Кореи оказывается въ общемъ теплѣе западнаго подѣ тѣми же градусами широты. Это можно объяснить также тѣмъ, что восточное побережье лучше защищено горами—Главнымъ хребтомъ (цѣпью Табаксан) и его сѣверо-восточными развѣтвленіями Мюхьянсан и Малый Чанъбошанъ, отъ холодныхъ западныхъ вѣтровъ, дующихъ съ материка зимою, да и сами вѣтры, спускаясь съ достаточно для этого высокихъ горъ, постепенно нагрѣваются¹. Поэтому зима въ городѣ Пхёнъянъ, со средней январской температурою въ теченіе трехъ минувшихъ лѣтъ въ $-8,7^{\circ}$ (1908 г.), $-6,1^{\circ}$ (1909 г.) и $-6,4^{\circ}$ Ц. (1910 г.), холоднѣе, чѣмъ въ Гензанѣ, лежащемъ на противоположномъ восточномъ берегу полуострова на 18 минутъ по широтѣ сѣвернѣе его и имѣвшемъ въ тѣ же годы среднія январскія температуры въ $-3,8^{\circ}$ (1908 г.), $-3,1^{\circ}$ (1909 г.) и $-3,6^{\circ}$ Ц. (1910 г.). Точно такой выводъ можно сдѣлать и при сравненіи среднихъ январскихъ температуръ за тѣ же годы для Ионъампхо на западномъ берегу полуострова (подѣ $39^{\circ}56'$ с. ш.) и въ Сёнъчжин на восточномъ берегу (подѣ $40^{\circ}40'$ с. ш., т. е. на 44° минуты по широтѣ сѣвернѣе перваго): для Ионъампхо среднія январскія температуры были $-11,1^{\circ}$ (1908 г.), $-7,1^{\circ}$ (1909 г.) и $-9,6^{\circ}$ Ц. (1910 г.), тогда какъ для Сёнъчжин соответствующими средними являлись: $-6,0^{\circ}$ (1908 г.), $-5,8^{\circ}$ (1909 г.) и $-5,6^{\circ}$ Ц. (1910 г.).

Въ зависимости отъ расположенія горныхъ цѣпей необходимо различать въ климатическомъ отношеніи на корейскомъ полуостровѣ двѣ области—сѣверную и южную. Границею между ними является параллель 37° с. ш.², при чемъ на югъ отъ

¹) Канкоку-цуран, 45. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что нѣкоторые корейскіе горные хребты играютъ роль климатическихъ границъ, какъ, на примѣръ, хребетъ Граничный между городами Чянъчжин и Канъгъ. Лубенцовъ, пройдя черезъ него 6 октября, замѣтилъ, что на В. отъ хребта листопадъ уже закончился, а на западѣ листья на деревьяхъ, хотя и покраснѣли, но еще не опали и суточная температура поднялась съ $+5^{\circ}$ до $+6,8^{\circ}$ Ц.

Другимъ примѣромъ можетъ служить центральная водораздѣльная цѣпь—Туманскій хребетъ Лубенцова (Малый Чанъбошанъ), которая дѣлитъ провинцію Хамгёндо на двѣ климатическія области—побережную, съ климатомъ, близкимъ къ климату средней Кореи, и внутреннюю полосу, по другую сторону водораздѣла, съ очень продолжительной и суровой зимой; въ нѣкоторыхъ защищенныхъ мѣстахъ близъ жилья можно встрѣтить здѣсь ледъ еще въ іюнѣ. Снѣгъ выпадаетъ здѣсь въ началѣ ноября (Статья Grierson въ Korea Review, 1904, IX, 400).

²) Канкоку-синдири, 43; тоже въ Канкоку-цири, 32.

этой линіи, въ провинціяхъ Кёнъсянъдо, Чёлладо и Чхюньчхёнъдо горныя цѣпи большей частью идутъ съ юга на сѣверъ и хорошо пропускаютъ въ долины между ними морскіе вѣтры, которые, достигая глубоко внутрь страны, нѣсколько смягчаютъ климатъ. Эта область принадлежитъ къ поясу климатическихъ вѣтровъ (муссоновъ). Напротивъ, въ сѣверной части полуострова, или въ остальныхъ пяти провинціяхъ горныя цѣпи вообще направлены съ запада на востокъ, преграждая доступъ южнымъ вѣтрамъ, поэтому подъ вліяніемъ материковаго климата въ этой части страны происходятъ весьма рѣзкія колебанія температуры и въ отношеніи жары, и въ отношеніи холода. Такимъ образомъ, имѣя характеръ материковаго климата, эта часть страны приближается къ т. н. сибирскому климатическому поясу съ жестокими морозами и сильными жарамі¹.

Изъ *морскихъ теченій*, проходящихъ у береговъ корейскаго полуострова, необходимо указать на два—теплое и холодное. Первое представляетъ западную вѣтвь теплаго теченія Куросиво, отдѣляющуюся отъ главнаго теченія у южной оконечности острова Кюсю и проходящую затѣмъ мимо острововъ Готō и Хирадо въ южно-корейское море и черезъ Корейскій заливъ выходящую въ восточную часть Японскаго моря. Навстрѣчу ему спускается изъ Охотскаго моря холодное теченіе, т. н. теченіе Лаймана (Luman), которое, проходя черезъ сѣверную и западную части Японскаго моря, слѣдуетъ рядомъ съ восточномъ побережьемъ корейскаго полуострова и, достигнувъ части моря у береговъ Кёнъсянъдо, постепенно исчезаетъ, возникая снова уже на западномъ берегу провинціи Чёлладо, откуда это теченіе проходитъ вдоль западной стороны Кореи и по сѣверному краю Желтаго моря достигаетъ китайскаго материка. По отдѣльнымъ временамъ года оба теченія—теплое и холодное—усиливаются или уменьшаются. Весною, къ апрѣлю мѣсяцу, теплое теченіе постепенно расширяетъ районъ своего распространенія въ Японскомъ морѣ

¹) Проф. Котō принимаетъ за климатическую границу между сѣверной и южной Кореей линію, идущую отъ залива Ёньхынъ къ острову Канъхоадо на противоположномъ берегу, т. е. отъ Гензана къ Чѣмульхо. Несомнѣнно, что явленія континентальнаго климата принимаютъ наиболѣе рѣзкій характеръ именно на сѣверъ отъ этой линіи, совпадающей съ 39°20' с. ш. на восточномъ берегу и съ 37°45' с. ш. на западномъ берегу.

и къ серединѣ лѣта, когда достигаетъ въ этомъ отношеніи высшаго предѣла, доходить до береговъ Каньюндо и Хамгёндо, гдѣ и происходитъ его встрѣча съ холоднымъ теченіемъ. Вмѣстѣ съ теплымъ теченіемъ возвращаются во множествѣ къ этимъ корейскимъ берегамъ и южныя породы рыбъ. Съ октября мѣсяца теплое теченіе ослабѣваетъ, напротивъ холодное теченіе растетъ въ длину и въ періодъ декабря и января встрѣчаетъ теплое теченіе уже у южныхъ береговъ провинціи Кёнъсяндо. Въ это время года породы рыбъ, идущія съ теплымъ теченіемъ, уходятъ на югъ и совершенно исчезаютъ изъ Японскаго моря и ихъ мѣсто занимаютъ сельди (鰯 нисин по японски), треска (鱈 тара по японски) и другія породы рыбъ, идущія съ холоднымъ теченіемъ.

Несомнѣнно, что указанное холодное теченіе оказываетъ извѣстное вліяніе на зимній климатъ восточнаго побережья корейскаго полуострова, который безъ него являлся бы еще въ большей степени умѣреннымъ, чѣмъ въ настоящее время. Напротивъ, въ южно-корейскомъ морѣ и Корейскомъ проливѣ проявляется въ тотъ же зимній періодъ года благотворное вліяніе теплаго теченія, настолько, что неблагоприятнаго вліянія на южную окраину Кореи—провинцій Чёлладо и Кёнъсяндо, со стороны холоднаго теченія почти не ощущается даже зимою; и южныя породы рыбъ остаются въ этихъ корейскихъ водахъ въ ожиданіи весны, когда, вмѣстѣ съ усиленіемъ теплаго теченія, они начинаютъ свое движеніе на сѣверъ. Зимою холодное теченіе является вполне замѣтнымъ въ сѣверной части Желтаго моря, но съ весны, подъ вліяніемъ усиленія теплаго теченія, оно постепенно пропадаетъ¹.

Вѣтры. Какъ говорилось выше, Корея находится въ области дѣйствія восточно-азіатскихъ *муссоновъ* и подвергается весьма замѣтному ихъ вліянію, нѣсколько умѣряемому или видоизмѣняемому прочими климатическими факторами, существующими на полуостровѣ.

Общій механизмъ дѣйствія восточно-азіатскихъ муссоновъ, наглядно выясненный проф. Воейковымъ въ «Климатѣ муссоновъ восточной Азіи²», состоитъ въ томъ, что зимою (съ октября

¹) Канкоку-синцири, 49—51.

²) Извѣстія Импер. Русскаго Географическаго Общества, 1879 г..

по февраль) максимумъ барометрическаго давленія въ Азіи находится, подъ вліяніемъ стойкихъ сильныхъ холодовъ въ этихъ мѣстностяхъ, во внутреннихъ областяхъ восточной половины этого материка—въ восточной Сибири, Монголіи и сѣверной Маньчжуріи, и холодный тяжелый воздухъ непрерывно стекаетъ отсюда въ сторону наименьшаго барометрическаго давленія въ указанный зимній періодъ года, т. е. къ Тихому океану и его частямъ, примыкающимъ къ восточному азіатскому побережью. Этотъ постоянный стокъ воздуха изъ внутреннихъ областей Азіи къ морю и называется зимнимъ муссономъ Восточной Азіи и выражается въ бережныхъ областяхъ холодными и сухими вѣтрами, направленіе которыхъ измѣняется, въ зависимости отъ положенія данной приморской области по отношенію къ вышеуказанному центру наибольшаго барометрическаго давленія, отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ (въ южномъ Китаѣ и Индо-Китаѣ) до сѣверныхъ (въ центральномъ Китаѣ) и сѣверо-западныхъ (въ сѣверномъ Китаѣ) и западныхъ (въ Корей и Уссурійскомъ краю). Лѣтомъ (съ мая до конца августа) происходитъ обратное явленіе, такъ какъ, подъ вліяніемъ рѣзкаго нагрѣванія, воздухъ во внутреннихъ областяхъ Азіи сильно разрѣжается и центръ наибольшаго барометрическаго давленія перемѣщается на Индійскій и Тихій океанъ и южныя приморскія области Азіи. вмѣстѣ съ тѣмъ начинается столь же постоянный притокъ воздуха съ моря внутрь материка, какъ зимою онъ шелъ въ обратномъ направленіи, почему господствующими вѣтрами являются въ этотъ лѣтній періодъ года южные—отъ юго-западныхъ до юго-восточныхъ и даже восточныхъ, опять таки въ зависимости отъ положенія данной области восточной Азіи. Вѣтры эти столь же сильно насыщены влагою, какъ зимніе вѣтры сухи, и приносятъ всѣмъ частямъ восточной Азіи и глубоко внутрь материка обильные атмосферные осадки. Слѣдовательно, и въ отношеніи атмосферныхъ осадковъ происходитъ болѣе или менѣе рѣзкое дѣленіе года на зимнюю сухую и лѣтнюю влажную половину, съ наиболѣе ясно выраженными признаками соотвѣтствующей половины—зимою и лѣтомъ, тогда какъ оба остальныхъ времени года—весна и

осень, являются по своимъ характернымъ свойствамъ переходными періодами, когда явленія зимняго муссона смѣняются не менѣе ясно выраженными явленіями лѣтняго и обратно.

Подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, отчасти уже указанныхъ, въ Корей наблюдаются нѣкоторыя уклоненія отъ общихъ условій направленія и періодичности вѣтровъ, вызываемыхъ дѣйствіемъ механизма муссоновъ, но все же вліяніе этихъ послѣднихъ проявляется вполне отчетливо на всемъ протяженіи полуострова отъ сѣвера до юга, на крайнемъ югѣ, однако, болѣе рѣзко, чѣмъ далѣе на сѣверъ, особенно вглубь страны, и выражается прежде всего въ томъ, что зимою въ Корей преобладаютъ западные, сѣверо-западные и сѣверные холодные и сухіе вѣтры, идущіе изъ глубины материка, причемъ на восточномъ побережьи въ это время года и весною наиболѣе часты сѣверные и западные вѣтры¹, на южномъ и западномъ побережьи западные, сѣверо-западные и сѣверные², тогда какъ сѣверовосточные и восточные вѣтры дуютъ большей частью во время дождя или передъ дождемъ; когда вѣтеръ постепенно поворачиваетъ съ юга на западъ, погода обычно проясняется³; лѣтомъ на восточномъ побережьи дуютъ восточные и юго-восточные вѣтры⁴, на западномъ и южномъ побережьи—южные, западные и сѣверо-западные вѣтры⁵. Въ остальные времена года—весною и осенью направленіе вѣтровъ менѣе постоянно и не получаетъ преобладающаго характера⁶, такъ какъ эти времена являются

1) Канкоку-синцири, 44. Канкоку-кисіо-иппан, 3, отмѣчаетъ преобладаніе въ Гензанѣ съ ноября по февраль сѣверо-западныхъ вѣтровъ.

2) Канкоку-синцири, 44. Канкоку-кисіо-иппан, 3, отмѣчаетъ преобладаніе въ Чѣмульпхо съ октября по февраль сѣверо-западныхъ до сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, въ Фузанѣ съ ноября по февраль—сѣверо-западныхъ вѣтровъ.

3) Канкоку-синцири, 44.

4) Описаніе Кореи, I, 172. Канкоку-синцири, 44, говоритъ въ данномъ случаѣ только объ южныхъ вѣтрахъ, добавляя, что восточный вѣтеръ на этомъ побережьи очень рѣдокъ; если же онъ дуетъ, то большей частью передъ дождемъ; во время самаго дождя вѣтеръ часто дуетъ съ сѣверо-востока. Напротивъ, Канкоку-кисіо-иппан, 3, подтверждаетъ, что въ Гензанѣ съ мая по августъ дуетъ большей частью восточный вѣтеръ.

5) Канкоку-синцири, 44. Описаніе Кореи, I, 172, говоритъ только о западныхъ и юго-западныхъ вѣтрахъ. Канкоку-кисіо-иппан, 3—4, указываетъ, что въ Чѣмульпхо съ мая по августъ преобладаютъ юго-западные вѣтры, въ Фузанѣ съ апрѣля по августъ—отъ юго-западныхъ до сѣверо-восточныхъ.

6) Канкоку-кисіо-иппан, 4.

переходными періодами отъ зимняго къ лѣтнему муссону и обратно; однако, можно указать¹, что на восточномъ побережьи весною часты тѣ же вѣтры, что преобладаютъ въ зимніе мѣсяца, а осенью—сѣверные и сѣверо-восточные; на южномъ и западномъ побережьи—весною южные и сѣверо-западные, осенью—сѣверо-западные, сѣверные и западные.

Часто наблюдаемый лѣтомъ въ Корей сѣверный вѣтеръ является чисто мѣстнымъ, не связаннымъ съ механизмомъ муссоновъ².

Вѣтры въ Корей рѣдко достигаютъ такой силы, чтобы производить опустошенія, поэтому Канкоку-цүран³ справедливо замѣчаетъ, что вредъ, причиняемый странѣ вѣтрами, не великъ и что въ особенности осенью сильные вѣтры⁴ бываютъ рѣдко. Лѣтомъ, хотя и случаются сильные вѣтры, но такіе, какъ тайфуны (циклоны гуфу 颶風), очень рѣдки. Зимой сѣверо-западные вѣтры дуютъ часто и по нѣсколько дней подрядъ; зато, какъ только они стихнутъ, сейчасъ же становится совсѣмъ тепло⁵.

На восточномъ побережьи восточные и сѣверо-восточные вѣтры поднимаютъ сильное волненіе⁶.

Облачность и осадки. Въ зависимости отъ чередованія муссоновъ—влажныхъ лѣтомъ и сухихъ зимою, *облачность* въ Корей въ лѣтніе мѣсяца замѣтно значительнѣе, чѣмъ въ зимніе мѣсяца; подобная разница между лѣтней и зимней облачностью не такъ велика на западномъ побережьи (напримѣръ, въ Чѣмульхо) благодаря тому обстоятельству, что зимніе сѣверо-западные вѣтры, проходя черезъ Корейскій заливъ, достигаютъ этого побережья довольно влажными. Внутри

1) Канкоку-синцири, 44.

2) Описаніе Кореи, I, 172.

3) Стр. 396.

4) 暴風 бôфү, gale, какъ передаютъ этотъ терминъ Results of the meteorological observations. Въ этихъ бюллетеняхъ отмѣчается очень значительное число дней съ сильнымъ вѣтромъ въ бережныхъ пунктахъ Кореи—въ Чѣмульхо (въ 1908 г. 212 дней и въ 1909 г. 213 дней) и въ Мокпхо (178 и 149), вообще на западномъ побережьи и совсѣмъ незначительные число такихъ дней внутри страны—въ Сеулѣ въ 1908 г.—28 и въ 1909 г.—41 день; въ Тагу даже только 6 дней въ 1908 г. и 9 дней въ 1904 г. На южномъ побережьи они довольно часты (въ Фузанѣ въ 1908 г. 154 дня и въ 1909 г.—140 дней), на восточномъ рѣдки въ Гензанѣ (39 дней въ 1908 г. и 38 въ 1909 г.) и болѣе часты въ Сѣнчжинѣ (141 такихъ дней въ 1908 г. и 87 въ 1909 г.).

5) Канкоку-цүран, 397.

6) Канкоку-синцири, 44.

страны облачность еще болѣе значительна и соотвѣтственно этому число ясныхъ дней въ году здѣсь менѣе велико, чѣмъ на побережѣ, что наглядно видно изъ сопоставленія результатовъ метеорологическихъ наблюдений въ этомъ отношеніи въ трехъ приморскихъ пунктахъ—Чѣмульпо, Гензанѣ и Фузанѣ съ таковыми же въ трехъ пунктахъ внутри страны—Сеулѣ, Пхѣнъянѣ и Тѣгу. Ниже помѣщается таблица числа ясныхъ дней, наблюдавшихся въ 1908 и 1909 гг. въ Чѣмульпо, Гензанѣ и Фузанѣ и для сравненія соотвѣтствующія данныя для Сеула.

	Чѣмульпо.		Гензанѣ.		Фузанѣ.		Сеулѣ.	
	1908г.	1909г.	1908г.	1909г.	1908г.	1909г.	1908г.	1909г.
Январь	10	8	12	15	11	12	8	3
Февраль	12	9	15	15	12	13	9	6
Мартъ	10	7	13	9	9	9	8	6
Апрѣль	6	5	6	5	6	9	6	4
Май	6	5	5	2	11	7	4	1
Іюнь	3	2	1	4	4	3	0	2
Іюль	1	0	1	1	1	7	1	0
Августъ	5	3	5	2	13	11	2	2
Сентябрь	7	7	7	6	9	3	2	5
Октябрь	8	9	6	15	11	11	6	7
Ноябрь	9	13	16	16	18	17	9	10
Декабрь	11	11	17	17	21	16	12	10
Всего	88	79	104	103	128	118	67	58

Подъ тѣмъ же вліяніемъ преобладанія по отдѣльнымъ временамъ года сухихъ и влажныхъ муссоновъ атмосферныя осадки лѣтомъ по всей Корее превосходятъ количество тѣхъ же осадковъ зимою настолько, что можно съ полнымъ основаніемъ говорить о существованіи въ этой странѣ ясно выраженнаго дождливаго сезона. Подтвержденіемъ этого могутъ служить слѣдующія данныя:

Въ Гензанѣ въ 1908 г. изъ общаго годоваго количества осадковъ въ 1817 миллим. на три мѣсяца іюль, іюль и августъ пришлось 1056,6 милл. (въ іюнь 247,4, въ іюль—243,5, въ августъ—565,7); въ 1909 г. изъ общаго количества 1340,7 миллим. въ тѣ же лѣтніе мѣсяца выпало 828,2 милл. (въ іюнь 174,9, въ іюль 338,4, въ августъ—314,9); въ 1910 г. соотвѣтствующія цифры были: 1378,4

милл. (общее годовое количество); 915,1 милл. (количество осадковъ, выпавшее въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ: въ іюнѣ 121,5; въ іюль—260,5; въ августѣ 533,1); если же присоединить сюда количество дождя, выпавшаго въ маѣ и сентябрѣ, или 120,4 милл., то общее количество дождя, выпавшаго въ теченіе пяти мѣсяцевъ лѣтней половины 1910 года, увеличивается до 1035,5 милл., оставляя на долю остальныхъ 7 мѣсяцевъ всего 342,9 милл.

Въ Фузанѣ въ теченіе 1908 г. выпало всего осадковъ 1416,1 милл., при чемъ изъ этого количества на долю трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ: іюня (294,1 милл.), іюля (281,4) и августа (285,3) пришлось 860,8 милл.; кромѣ того въ апрѣлѣ выпало 233,6 милл., въ маѣ—81,6 и въ сентябрѣ 50,0 милл. Въ 1909 г. общее годовое количество осадковъ было 1211,0 милл., въ томъ числѣ въ іюнѣ—220,0, іюль—177,6 и августѣ—210,9, или въ общей сложности 608,5 милл.; къ этому можно прибавить 153,0 милл. осадковъ въ апрѣлѣ того же года, 55,5—въ маѣ и 78,4 въ сентябрѣ. Въ 1910 г. общее количество осадковъ было 1542,8 милл., а по отдѣльнымъ мѣсяцамъ лѣтней половины года это количество распредѣлялось такимъ образомъ: въ апрѣлѣ 104,9 милл., въ маѣ—75,8, въ іюнѣ—199,2, въ іюль 431,9 и въ августѣ 113,6 (т. е. въ трехъ мѣсяцахъ іюня, іюля и августа выпало всего 744,7 милл.), наконецъ, въ сентябрѣ 342,8; слѣдовательно, въ 1910 г. изъ всего годового количества осадковъ въ 1542,8 милл. въ Фузанѣ на долю шести мѣсяцевъ лѣтней половины года пришлось 1268,2 милл.

Въ Сеулѣ въ 1908 г. всего выпало осадковъ 1066,3 милл., изъ нихъ на долю іюня пришлось 107,1, іюля—530,3 и августа—160,5 милл., т. е. въ общей сложности въ эти три мѣсяца выпало 797,9 милл. Въ 1909 г. общее годовое количество осадковъ было меньше 827,0 милл., все же большая половина ихъ (или 467,0 милл.) выпало въ теченіе трехъ мѣсяцевъ: іюня—90,9, іюля—160,0 и августа—216,1. Въ 1910 г. соотвѣтствующія цифры были: 920,9 милл. (общее годовое количество осадковъ) и 745,4 милл. (количество осадковъ въ теченіе іюня (183,3), іюля (377,8) и августа (184,3)). Къ цифрѣ 745,4 милл. можно прибавить еще количество осадковъ въ остальные мѣсяца лѣтней половины того же года: въ апрѣлѣ—36,8, въ маѣ—1,7 и въ сентябрѣ—79,6 милл.

Въ близкомъ къ Сеулу Чѣмульпо количество осадковъ всегда бываетъ нѣсколько меньше, чѣмъ въ самомъ Сеулѣ, а именно въ 1908 г.—897,0 милл.; въ 1909 г.—634,4 и въ 1910 г.—871,4; все же несравнимо большая часть ихъ выпадаетъ опять таки въ лѣтнюю половину года; такъ, въ 1910 г. въ теченіе іюня, іюля и августа выпало въ общей сложности 656,3 милл. (соотвѣтствующія цифры для этихъ мѣсяцевъ были 149,6 (іюнь), 237,1 (іюль) и 269,6 (августъ)).

Этотъ дождливый періодъ начинается въ Корей въ послѣдней декадѣ іюня и заканчивается въ послѣдней же декадѣ

іюля (считая по новому стилю), но обычно продолжается до середины августа, послѣ чего въ періодъ августа и сентября, въ особенности въ сѣверной Корей¹, вторично выпадаютъ продолжительные и обильные дожди, какъ и въ Уссурийскомъ краю². Сами корейцы называютъ іюль, когда количество осадковъ бываетъ наиболѣе значительно, чянъма 長霖³; въ это время теплая влажность воздуха бываетъ особенно велика. Напротивъ, сухое время года въ Корей обыкновенно продолжается съ марта по май и съ сентября по среднюю декаду декабря⁴.

Благодаря теплomu и влажному лѣту, съ количествомъ осадковъ, какое встрѣчается лишь въ тропическихъ странахъ⁵, растительная мощь въ Корей является по истинѣ изумительной, покрывая въ одно лѣто густой кустарниковой порослью вырубленный скатъ горы. Кто путешествовалъ по Корей въ ранніе весенніе мѣсяца, когда многочисленныя рисовыя поля представляютъ лишь однообразную картину пустынныхъ топей, и снова посѣтилъ тѣ же мѣстности послѣ начала дождливаго сезона, тотъ почти не узнаетъ болѣе страны, которая производитъ теперь совершенно другое, болѣе свѣжее и пышное впечатлѣніе. Все, вплоть до рисовыхъ полей, окутано самой яркой зеленью. Даже обнаженная и малопривлекательная мѣстность между Чѣмульхо и Сеуломъ совершенно теряетъ пустынный степной характеръ, который придаютъ ей лишеныя лѣса возвышенности съ оголенными скалами и каменистыми склонами. Этимъ рѣзкимъ контрастомъ, который представляетъ ландшафтная картина страны въ разное время года, объясняется различіе отзывовъ путешественниковъ по Корей объ этой странѣ, которая

1) Нормальное количество осадковъ въ сентябрѣ считается въ Чѣмульхо 158,4 миллим., въ Гензанѣ—199,7, въ Іонъамхо—115,8; въ Фузанѣ же только 91,2. См. Results of the meteorological observations in Korea for September 1910.

2) Канкоку-синцири, 43; Канкоку-цуран, 396. Канкоку-кисіо-иппан, 4, указываетъ, что въ Корей дождливый періодъ приходится на весну и лѣто, какъ и на тихо-океанскомъ побережьи Японіи, причемъ на южномъ побережьи продолжается съ апрѣля по іюль, на западномъ побережьи съ іюля по августъ, на сѣверо-восточномъ побережьи съ іюля по сентябрь.

3) Чянъма можно поэтому переводить словами «дождливый сезонъ».

4) Канкоку-цуран, 396.

5) Это, утверженіе, впрочемъ, необходимо принимать съ значительной оговоркою.

рисуетъ одними въ видѣ почти что земного рая, а другими чуть ли не какъ пустыня, гдѣ жители влачатъ жалкое существованіе въ убогихъ лачугахъ¹.

Если дождевыхъ осадковъ въ Корейѣ оказывается обычно вполне достаточно для обильнаго произрастанія растительности, все же по сравненію съ Японіей количество осадковъ въ Корейѣ невелико и вообще климатъ является скорѣе сухимъ, почему засухи нерѣдко причиняютъ странѣ весьма значительный вредъ².

Въ отношеніи распредѣленія количества осадковъ по отдѣльнымъ частямъ страны можно сказать, что по восточному (Каньюѣндо) и южному (Кёнъсянъдо) берегу полуострова оно значительно, по западному сравнительно меньше³, въ сѣверной Корейѣ въ побережной полосѣ еще того меньше, а внутри страны совсѣмъ не велико⁴. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которой указывается нормальное годовое количество осадковъ по девяти корейскимъ метеорологическимъ станціямъ⁵:

<i>Средняя и южная Корея:</i>	{	Гензанъ	1622.5	миллим. ⁶
Восточное и южное побережье	{	Фузанъ	1461.4	»
	{	Сеуль	1066.3	»
	{	Мохпхо	965.5	»
Западное побережье	{	Чъмульпхо	956.3	»
	{	Тягу	841.0	»
	{	Ионъампхо	862.2	»
<i>Сѣверная Корея:</i>	{	Пхёнъянъ	762.1	»
	{	Сёнъчжин	585.5	»

Число дней въ году съ осадками въ тѣхъ же пунктахъ наблюдалось въ 1909 г. (для сравненія приведены цифры 1908 г.):

1) Knochenhauer. Korea, 80 и 77—78.

2) Канкоку-цуран, 396.

3) Хотя между восточнымъ и западнымъ побережьемъ Кореи и наблюдается замѣтная разница въ количествѣ осадковъ, однако, не въ такой мѣрѣ, какъ между обѣими сторонами главной водораздѣльной цѣпи на главномъ японскомъ островѣ. (Канкоку-кисіо-инпан, 4).

4) Канкоку-синцири, 43, и Канкоку-цири, 33.

5) Results of the meteorological observations in Korea for the year 1909.

6) Эта средняя цифра, впрочемъ, нѣсколько высока благодаря чрезвычайно большому выпаденію осадковъ въ 1908 г.

	1908 г.			1909 г.		
	Общее количество осадковъ.	Дней съ дождемъ.	Дней со снѣгомъ.	Общее количество осадковъ.	Дней съ дождемъ.	Дней со снѣгомъ.
Въ Гензанѣ	1340.7 милл.	131	33	1817.2 милл.	121	28
« Фузанѣ	1211.0 »	102	4	1416.1 »	106	2
« Сеулѣ	827.0 »	121	31	1066.3 »	101	25
« Мокпхо	887.1 »	123	30	1038.6 »	116	25
« Чѣмудьнхо	634.4 »	96	29	897.0 »	94	31
« Тагу	880.3 »	93	19	841.0 »	105	13
« Ионъампхо	1074.7 »	114	23	668.3 »	110	27
« Пхёнъянъ	1145.0 »	119	26	810.8 »	96	38
« Сёнъчжинъ	794.8 »	118	42	658.5 »	109	39

По сравненію съ общимъ количествомъ осадковъ число дождливыхъ дней въ Корей не велико, даже въ лѣтніе мѣсяцы, такъ какъ каждый разъ въ среднемъ выпадаетъ много дождя¹. Примѣромъ того, какіе сильные дожди бываютъ въ Корей, можетъ служить 30-часовой непрерывный ливень въ іюлѣ 1892 г., когда за время съ 10 часовъ 7 числа до утра 9 числа выпало 266 милл. осадковъ².

Въ Фузанѣ обильные дожди начинаются ранѣе, чѣмъ въ остальной Корей, какъ это можно наблюдать и въ южной Японіи и южномъ Китаѣ по сравненію съ болѣе сѣверными частями этихъ странъ; наконецъ, совершенно аналогичное явленіе происходитъ и въ Маньчжуріи, гдѣ сѣверо-западный уголъ страны захватывается муссонными дождями на двѣ недѣли позже болѣе южной полосы этой области.

¹) Такъ, напримѣръ, въ 1909 г. въ Фузанѣ было дождливыхъ дней: въ іюнѣ 13, іюлѣ—11, августѣ—10, сентябрѣ—13, при чемъ въ этомъ году максимальное количество осадковъ, выпавшее въ теченіе 24 часовъ, было 144,1 милл. (4 іюня), изъ коихъ 100,4 милл. выпало въ теченіе 4 часовъ.

²) Описаніе Кореи, I, 175 (по сообщенію Вебера). Въ теченіе сильнаго ливня, продолжавшагося 32 часа съ 9 ч. 30 м. веч. 10 іюля по 5 ч. 30 м. у. 12 іюля н. ст. 1909 г. выпало осадковъ: въ Фузанѣ 52 милл., Тагу 102 милл., Мокпхо 54 милл., Чѣмудьнхо 27 мм., Сеулѣ 36 мм., Пхёнъянъ 64 мм., Ионъампхо 48 мм., Гензанѣ 82 мм., Сёнъчжинѣ 96 мм. Seoul Press, 14 July 1909, 3.

Выпаденіе *снѣга* въ Кореѣ въ общемъ невелико (чаще всего снѣгъ выпадаетъ въ послѣдней декадѣ декабря, въ январѣ и февралѣ); больше всего снѣга выпадаетъ въ пров. Каньюндо, гдѣ нерѣдко видѣть слой снѣга глубиною въ 6-7 футовъ. Затѣмъ слѣдуютъ провинціи Хамгёндо и Пхёнъандо, гдѣ временами глубина снѣга доходитъ до 4-5 футовъ; въ трехъ южныхъ провинціяхъ Кёнъсяндо, Чёлладо и Чхюньчхёндо почти не приходится наблюдать скопленія снѣга. Однако, вслѣдствіе холодовъ срокъ таянія снѣга вообще бываетъ позднимъ, въ особенности въ сѣверной Кореѣ¹. На морскомъ побережьи снѣга вообще бываетъ меньше, чѣмъ внутри страны, особенно на высокихъ плоскогорьяхъ (въ сѣверной Кореѣ)².

Въ апрѣлѣ и маѣ въ Кореѣ часты *туманы*, особенно на западномъ побережьи, гдѣ образованію ихъ способствуютъ огромныя пространства илистыхъ отмелей, ежедневно заливаемыхъ водою во время приливовъ.

На восточномъ морскомъ побережьи тумановъ немного менѣе и почти не бываетъ такихъ, которые продолжались бы нѣсколько дней; на южномъ побережьи, по крайней мѣрѣ, въ Фузанѣ они очень рѣдки. Въ подтвержденіе сказаннаго приводятся слѣдующія данныя наблюденій корейскихъ метеорологическихъ станцій: въ 1908 г. въ Чѣмульпо наблюдалось 51 туманныхъ дней, въ 1909 г.—33 дня; въ Ёнъампо—12 и 7; въ Сеулѣ—8 и 12; въ Мокпо—6 и 5; въ Фузанѣ только по одному дню въ каждомъ году; въ Гензанѣ—9 и 16; въ Сёнъчжин—13 и 17.

Температура. Въ отношеніи *колебаній* холода и тепла въ различныхъ частяхъ полуострова необходимо повторить, что только въ южной Кореѣ, особенно вдоль побережья Корейскаго пролива³, благодаря вліянію моря, въ частности и теплаго морского

¹) Канкоку-синцири, 44.

²) Канкоку-кисіо-иппан, 5.

³) Однако, внутри страны даже въ южной Кореѣ годовыя колебанія температуры весьма значительны, какъ показываетъ примѣръ Тагу, который даетъ разницу между среднимъ максимумомъ и среднимъ минимумомъ годовой температуры въ 11,3 градусовъ Цельсія (по наблюденіямъ 1908 г.) и 11 градусовъ (1909 г.), наибольшую разницу, наблюдаемую на всѣхъ 9 существующихъ метеорологическихъ станціяхъ Кореи. Правда, этотъ городъ имѣетъ среднюю годовую температуру въ 12,8⁰, но зато и разницу между абсолютными максимумомъ и минимумомъ температуры въ 48,4⁰ (по наблюденіямъ 1908 г., съ абсолютнымъ макси-

теченія, колебанія температуры не имѣютъ рѣзкаго характера и удерживаются въ болѣе тѣсныхъ границахъ.

Въ Фузанѣ, обладающемъ морскимъ климатомъ и средней годовой температурою въ $13,4^{\circ}$ (1908 г.), $13,5^{\circ}$ (1909 г.) и $12,9^{\circ}$ (1910 г.), средняя годовая разница между мѣсячными колебаніями средних максимумовъ и минимумовъ температуръ выражается лишь въ $7,5^{\circ}$ (1908 г.), $8,1^{\circ}$ (1909 г.) и $7,1^{\circ}$ (1910 г.), а между годовымъ абсолютнымъ максимумомъ и минимумомъ лишь въ $40,3^{\circ}$ въ 1908 г. (абсолютный максимумъ въ $32,1^{\circ}$ 6 августа и абсолютный минимумъ — $8,2^{\circ}$ 7 февраля), въ 42° въ 1909 г. ($+32,5^{\circ}$ 30 авг. и $-9,5^{\circ}$ 7 февр.) и по исключенію въ $44,1^{\circ}$ въ 1910 г. ($+32,2^{\circ}$ 2 авг. и $-11,9^{\circ}$ 31 янв.), при чемъ нѣтъ ни одного мѣсяца со средней температурою ниже 0° и даже средняя январская температура доходитъ до $+3,4^{\circ}$ (1908 г.), $+3,0^{\circ}$ (1909 г.) и $+3,7^{\circ}$ (1910 г.)¹. Съ другой стороны Мокпхо, лежащей также въ южной Корее, имѣетъ среднюю годовую температуру въ $12,8^{\circ}$ (1908 г.) и $12,9^{\circ}$ (1909 г.) и среднюю годовую разницу между средними мѣсячными максимумами и минимумами температуръ въ $7,5^{\circ}$ (1908 г.) и $7,8^{\circ}$ (1909 г.) и разницу между годовыми абсолютными максимумомъ и минимумомъ въ $39,8^{\circ}$ въ 1908 г. ($+34,1^{\circ}$ 6 авг. и $-5,7^{\circ}$ 23 янв.) и $42,4^{\circ}$ въ 1909 г. ($+33,7^{\circ}$ 6 авг. и $-8,7^{\circ}$ 7 февр.).

Въ Чѣмульпхо и Гензанѣ климатъ уже обладаетъ свойствами континентальнаго климата и разница между годовымъ абсолютнымъ максимумомъ и минимумомъ температуры достигаетъ въ Чѣмульпхо $44,7^{\circ}$ въ 1908 г. ($+31,5^{\circ}$ 18 авг. и $-13,2^{\circ}$ 22 янв.), $47,3^{\circ}$ въ 1909 г. ($+34^{\circ}$ 10 авг. и $-13,3^{\circ}$ 14 дек.) и $48,9^{\circ}$ въ 1910 г. ($+31,2^{\circ}$ 30 іюля и 5 авг. и $-18,7^{\circ}$ 31 янв.) и въ Гензанѣ 52° въ 1908 г. ($+36,0^{\circ}$ 24 авг. и -16° 22 янв.), $51,6^{\circ}$ въ 1909 г. ($+36,1^{\circ}$ 27 іюля и $-15,5^{\circ}$ 22 янв.) и $54,8^{\circ}$ въ 1910 г. ($+36,1^{\circ}$ 30 іюля и $-18,7^{\circ}$ 30 и 31 янв.).

Годовая средняя колебаній между мѣсячными средними максимальной и минимальной температуръ выражается въ Гензанѣ въ $9,2^{\circ}$ (1908 и 1909 гг.) и $9,7^{\circ}$ (1910 г.) и въ Чѣмульпхо въ 8° (1908 и 1909 гг.) и $7,9^{\circ}$ (1910 г.). Въ обоихъ городахъ зима болѣе холодная и сухая, чѣмъ на югѣ полуострова, вмѣстѣ съ тѣмъ суточные колебанія температуры, особенно зимою и лѣтомъ, весьма рѣзки, достигая обычно $10-20^{\circ}$ Ц.

Въ Сеулѣ средняя годовая разница между мѣсячными средними мумомъ въ $37,8^{\circ}$ 5 августа и минимумомъ въ $-10,6^{\circ}$ дважды 5 янв. и 7 февр.) и въ $47,6^{\circ}$ въ 1909 г. ($+36,7^{\circ}$ 21 іюля и $-10,9^{\circ}$ 7 февраля). 31 янв. 1910 г. термометръ показывалъ въ этомъ городѣ даже $-14,5^{\circ}$, что, вмѣстѣ съ абсолютнымъ максимумомъ, наблюдавшимся въ томъ же году 1 августа въ $36,6^{\circ}$, составляетъ разницу между годовыми абсолютными минимумомъ и максимумомъ температуры даже въ $51,1^{\circ}$.

¹) Впрочемъ, самымъ холоднымъ мѣсяцемъ въ Фузанѣ, какъ и вообще въ Корее, является не январь, а февраль, со средней температурою въ $+1,8^{\circ}$ (1908 г.), $+2,3^{\circ}$ (1909 г.) и $+1,5^{\circ}$ (1910 г.).

максимумами и минимумами температуръ достигаетъ $10,0^{\circ}$ (1908 г.), $10,2^{\circ}$ (1909 г.) и $10,2^{\circ}$ (1910 г.), а разница между годовыми абсолютными максимумомъ и минимумомъ температуры выражалась въ 1908 г. въ $49,4^{\circ}$ ($+33,6^{\circ}$ 6 августа и $-15,8^{\circ}$ 7 февраля), въ 1909 г. въ $50,2^{\circ}$ ($+35,6^{\circ}$ 8 августа и $14,6^{\circ}$ 26 декабря) и въ 1910 г. въ $53,2^{\circ}$ ($+33,3^{\circ}$ 30 июля и $-19,9^{\circ}$ 31 января). Если въ отношеніи колебанія абсолютныхъ температуръ климатъ Гензана обнаруживаетъ бѣольшую крайность, чѣмъ климатъ Сеула, то съ другой стороны разница въ колебаніяхъ его среднихъ мѣсячныхъ температуръ меньше, чѣмъ въ Сеулѣ.

Въ городѣ Пхѣнъянъ средняя годовая разница между колебаніями мѣсячныхъ среднихъ температуръ равняется Сеульской, выражаясь въ $10,2^{\circ}$ по даннымъ 1908 и 1909 гг.; колебанія между абсолютнымъ максимумомъ и минимумомъ годовой температуры приблизительно тѣ же, что въ Сеулѣ, хотя зимою наблюдаются здѣсь болѣе низкія температуры; за то лѣтомъ крайности жары выражены менѣе рѣзко. Въ 1908 г. разница между наблюдавшимся въ Пхѣнъянѣ максимумомъ жары и холода выражалась въ 53° , именно между $+32,0^{\circ}$ (5 августа) и $-23,0$ (22 января); въ 1909 г.—соотвѣтствующія цифры были $+33,3^{\circ}$ (9 августа) и $-20,2^{\circ}$ (14 декабря), разница въ $53,5^{\circ}$ и въ 1910 г. $+31,6^{\circ}$ (30 июля) и $-23,9^{\circ}$ (31 января), разница въ $55,5^{\circ}$.

Въ обѣихъ наиболѣе сѣверныхъ метеорологическихъ станціяхъ Кореи, въ Сѣнъчжин и Ионъампхо, наблюдается меньшая годовая разница между средними мѣсячными температурами, чѣмъ во всѣхъ трехъ внутреннихъ городахъ—Пхѣнъянъ, Сеулѣ и Тѣгу, хотя тѣ лежатъ много южнѣе ихъ. Въ частности для Ионъампхо эта разница между колебаніями среднихъ мѣсячныхъ температуръ не превышаетъ $8,8^{\circ}$ (въ 1908 г.) и $8,7^{\circ}$ (въ 1909 г.), а для Сѣнъчжин $8,3$ (1908 г.) и $9,9^{\circ}$ (1909 г.); колебанія же между абсолютными температурами—максимальной и минимальной, въ Ионъампхо выражались въ 1908 г. въ $56,1^{\circ}$ ($+33,6^{\circ}$ 23 іюня и $-22,5^{\circ}$ 10 февраля), въ 1909 г. въ $54,1^{\circ}$ ($+31,4^{\circ}$ 7 авг. и $-22,7^{\circ}$ 14 декабря) и въ 1910 г. въ $57,6^{\circ}$ ($+31,9^{\circ}$ 15 авг. и $-25,7^{\circ}$ 31 янв.). Для Сѣнъчжин соотвѣтствующими данными были: $50,6^{\circ}$ (въ 1908 г. $+30,7^{\circ}$ 2 августа и $-19,9^{\circ}$ 17 янв.), $56,9^{\circ}$ въ 1909 г. ($+35,5^{\circ}$ 25 іюля и $-21,4^{\circ}$ 21 февр.) и въ 1910 г. $51,4^{\circ}$ ($+32,5^{\circ}$ 22 іюля и $-18,9^{\circ}$ 31 янв.). Словомъ, колебанія между абсолютными максимумомъ и минимумомъ годовой температуры въ обѣихъ названныхъ побережныхъ пунктахъ сѣверной Кореи могутъ доходить до весьма значительной цифры, а далѣе отъ берега внутрь страны въ той же области полуострова, конечно, еще болѣе увеличиваются¹. При этомъ изъ обѣихъ указанныхъ побережныхъ пунктовъ ко-

¹) Въ городѣ Ыйчжю, напримѣръ, первые заморозки бываютъ въ первой и второй декадѣ сентября, послѣдніе—въ первой декадѣ марта. Первый снѣгъ выпадаетъ въ первой декадѣ ноября, оттепель наступаетъ въ первой декадѣ марта. Дожди проходятъ въ іюнѣ и августа (Канкоку-цуран, 408).

	1908.					1909.					1910.					Мѣсяца съ средней температурою ниже 0° въ 1910 г.	Нормальная средн. темп. пература тѣхъ же мѣсяцевъ.
	Средняя годовая температура.	Средняя годовая максимум. температ.	Средняя годовая минимум. температ.	Наибольшая мѣсячная средняя максимум. температура.	Наименьшая мѣсячная средняя минимум. температура.	Средняя годовая температура.	Средняя годовая максимум. температ.	Средняя годовая минимум. температ.	Наибольшая мѣсячная средняя максимум. температура.	Наименьшая мѣсячная средняя минимум. температура.	Средняя годовая температура.	Средняя годовая максимум. температ.	Средняя годовая минимум. температ.	Наибольшая мѣсячная средняя максимум. температура.	Наименьшая мѣсячная средняя минимум. температура.		
Чѣмупхо	10,4	14,6	6,6	авг. 27,7 февр. -7,1		10,4	14,7	6,7	авг. 28,8 февр. -7,2		10,2	14,4	6,7	авг. 28,0 дек. -7,0		я. -2,4 ф. -3,0 д. -3,5	-1,9 -3,4 -1,0
Фузань	13,4	17,2	9,7	авг. 28,6 февр. -2,1		13,5	17,8	9,7	авг. 29,3 февр. -2,3		12,9	16,7	9,5	авг. 28,1 февр. -2,6	нѣтъ	—	—
Гензань	10,2	15,0	5,8	авг. 28,1 яв., фв. -8,8		10,0	15,0	5,7	іюль 26,9 январь -8,1		9,7	14,4	5,3	авг. 25,1 дек. -7,8	я. -3,6 ф. -2,7 д. -3,1	-2,7 -3,7 -0,5	
Сеуль	10,5	15,7	5,8	авг. 29,2 февр. -8,8		10,6	15,9	5,7	авг. 29,5 февр. -8,6		10,4	15,9	5,8	авг. 29,2 дек. -9,4	я. -2,3 ф. -3,4 д. -4,6	-3,2 -3,8 -2,3	
Пхёнъянь	8,8	14,2	4,0	іюль 28,3 январь -13,9		8,8	14,1	4,0	іюль 27,8 авг. дек. -12,0		8,9	14,3	3,9	авг. 28,3 дек. -13,0	я. -6,4 ф. -5,6 д. -7,8	-6,2 -6,9 -5,7	
Тягу	12,5	18,8	7,5	авг. 31,7 февр. -4,9		12,8	18,8	7,8	іюль 31,2 февр. -5,4		12,3	18,1	7,2	авг. 30,8 дек. -6,1	ф. -0,9 д. -1,3	-0,4 -0,7	
Мокпхо	12,8	17,0	9,5	авг. 30,4 февр. -2,5		12,9	17,3	9,5	авг. 30,6 февр. -2,7		12,7	16,9	9,3	авг. 30,4 февр. -2,8	нѣтъ	—	—
Сёнъджин	8,0	12,2	3,9	авг. 24,9 январь -11,1		7,6	12,9	3,0	іюль 25,5 февр. -11,2		6,9	12,0	2,8	авг. 23,0 дек. -13,9	я. -5,6 ф. -5,9 д. -7,2	-5,3 -5,1 -3,3	
Юнъампхо	8,0	12,6	3,8	авг. 26,9 январь -15,5		7,7	12,3	3,6	авг. 27,2 дек. -13,4		7,7	12,4	3,6	авг. 27,3 январь -14,1	я. -9,6 ф. -7,0 мт. -0,2 д. -9,2	-7,0 -7,5 -0,2 -5,8	

Примѣчаніе. Всѣ данныя въ градусахъ Цельсія и читаются выше 0, если не обозначены знакомъ —.

лебаниа болѣе значительны въ Ионъампхо, какъ лежащемъ на западномъ побережьи, въ чемъ снова сказывается относительно большая мягкость и равномерность климата на восточномъ побережьи корейскаго полуострова, нежели на западномъ.

Къ тому, что уже говорилось выше по поводу климатическихъ различій на западномъ и восточномъ побережьи Кореи, можно еще добавить, что зимою температура на восточномъ побережьи полуострова вообще рѣдко опускается ниже -12° Ц., тогда какъ на западномъ побережьи подолгу стоятъ морозы въ -20° Ц. и пласты снѣга достигаютъ глубины нѣсколькихъ футовъ. Въ этомъ также должно видѣть, что восточное побережье зимою оказывается нѣсколько теплѣе западнаго¹; напротивъ, лѣто на восточномъ побережьи значительно прохладнѣе, чѣмъ на западномъ, благодаря умѣряющему дѣйствию на лѣтнія жары обширнаго и глубокаго Японскаго моря².

Вообще въ первой половинѣ лѣта морскіе вѣтры умѣряютъ жару въ Корей, пока солнце окончательно не прогрѣетъ окружающія моря на большую глубину; это случается не ранѣе начала августа, за то августъ и является на полуостровѣ безъ исключенія самымъ жаркимъ мѣсяцемъ³.

По сравненію съ соотвѣтствующими широтами Японіи

1) На востокѣ Кореи море сравнительно рѣдко покрывается льдомъ даже въ портахъ, у западнаго же берега Кореи замерзаютъ заливы и бухты, также рѣки Амнокканъ, Чхёнъчхёнганъ и Тадонъганъ (называя лишь самыя значительныя), какъ, впрочемъ, и Туманганъ на восточномъ берегу полуострова, и даже р. Ханганъ бываетъ покрыта въ теченіе 3 зимнихъ мѣсяцевъ крѣпкимъ льдомъ, позволяющимъ провозить по нему тяжести. При этихъ условіяхъ судоходство по западному побережью Кореи выше 37° зимою совершенно прекращается. Канкоку-цуран, 45—46.

2) Канкоку-цуран, 45.

3) Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія среднихъ іюльскихъ и августовскихъ температуръ въ 1910 г. (іюль въ Корей въ свою очередь является жарче всѣхъ остальныхъ мѣсяцевъ въ году):

	іюль.	августъ.
Чѣмульхо	22,4	24,0
Фузанъ	22,6	25,0
Гензанъ	21,3	21,4
Сеулъ	23,5	24,5
Пхёнъянъ	23,5	23,6
Тагу	23,7	25,3
Мокпхо	23,7	25,9
Сёнъчжин	18,9	19,6
Ионъампхо	22,7	23,4

Данныя за 1908 и 1909 г. совершенно подтверждаютъ тотъ же выводъ.

климатъ корейскаго полуострова въ отношеніи колебаній холода и жары имѣеть, какъ уже отмѣчалось выше, нѣсколько болѣе рѣзкій характеръ. Однако, даже въ самой сѣверной части Кореи благодаря высокої лѣтней температурѣ климатъ страны съ точки зрѣнія земледѣлія оказывается скорѣе лучшимъ, чѣмъ климатъ крайнихъ сѣверныхъ областей Японіи¹.

Съ *гигіенической* точки зрѣнія корейскій климатъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ лицъ, долго прожившихъ въ Корей, является вообще прекраснымъ и здоровымъ²; на это указываетъ и большое число глубокихъ стариковъ, которые встрѣчаются всюду въ этой странѣ³. Этотъ взглядъ на хорошія гигиеническія свойства корейскаго климата основывается на общемъ хорошемъ самочувствіи указанныхъ лицъ во время ихъ пребыванія въ Корей и на продолжительной ясной и тихой погодѣ; въ этомъ смыслѣ можно понимать старинное названіе Кореи—Чіосѣн (яп. Ціосен) 朝鮮, переводимое буквально «Страна утренняго спокойствія», хотя это справедливо не только по отношенію къ одному утру⁴.

¹) Канкоку-цуран, 396.

²) Въ медицинской части своего отчета врачъ Акифьевъ приходитъ къ заключенію, что сѣверную Корею «можно считать страной очень здоровой по климату, воздуху и водѣ и если бы были приняты необходимыя санитарныя мѣры по отношенію къ жизни населенія, то оставалось бы желать очень немногаго». (Цитир. по книгѣ барона Корфа и Звегинцева, «Военн. обзоръ Сѣв. Кореи», 47-48).

Японскій докторъ Сига (имъ былъ прочитанъ особый докладъ относительно гигиеническихъ условій въ Корей) также вынесъ убѣжденіе изъ произведеннаго имъ личнаго осмотра мѣсть расположенія японскихъ войскъ въ Корей, что санитарныя условія въ г.г. Пхёнъянь, Чѣмульхо, Фузанъ, Тѣгу и т. д. много благоприятѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, и что санитарное состояніе японскаго гарнизона въ Корей оказывается даже лучшимъ, чѣмъ въ самой Японіи. Въ частности казармы въ городахъ Юнъсан и Пхёнъянь ничего не оставляютъ желать съ санитарной точки зрѣнія. Заболѣванія плевритомъ, однако, очень часты и родъ дизентеріи, подобной той, что раньше господствовала въ Манилѣ, очень распространены среди корейцевъ (ср. ниже стр. 217, прим. 2). Seoul Press, 1 August 1911, 3.

³) Среди престарѣлыхъ лицъ дворянскаго сословія янъбаней въ Корей, получившихъ въ ноябрѣ 1910 г. по случаю дня рожденія японскаго императора денежные подарки, отъ 15 енъ для лицъ отъ 60 до 65 лѣтъ до 200 енъ для лицъ начиная съ 100-лѣтняго возраста, общимъ числомъ въ 87,047 лицъ, оказалось 257 человекъ старше 80 лѣтъ, 84 человекъ старше 85 лѣтъ, 20 старше 95 лѣтъ и 8 старше 100 лѣтъ, при чемъ двоимъ было по 107 лѣтъ. Japan W. Times, 5 Nov. 1910, 190.

⁴) Описаніе Кореи, I, 185. Независимо отъ приложимости подобнаго толкованія къ настоящему случаю, названіемъ Чіосѣн, буквально значущимъ: «Утренняя ясность» и вышедшимъ изъ Китая, китайцы да и сами корейцы желали лишь указать въ поэтической формѣ на то, что Корея лежитъ на востокъ отъ Китая; словомъ это названіе было подсказано той же мыслью, какъ и болѣе прозаическое Тонъгукъ, т. е. Восточная страна.

Наиболѣе пріятными временами года въ Корей являются весна и въ особенности осень—сентябрь и октябрь; августъ является самымъ жаркимъ мѣсяцемъ, январь и февраль—самыми холодными. Однако, весна и осень въ Корей сравнительно коротки, лѣто и зима—продолжительны, при этомъ весна въ Корей оказывается далеко болѣе холодной, чѣмъ осень. Это объясняется тѣмъ, что зимою въ окружающихъ Корей моряхъ скопляется много льду; весною, во время таянія его, воздухъ надъ моремъ сильно охлаждается¹, что вліяетъ и на температуру воздуха на самомъ корейскомъ материкѣ.

VIII.

Растительный міръ². Различія въ климатѣ сѣверной и южной Корей находятъ себѣ выраженіе и въ различіяхъ растительности въ тѣхъ же частяхъ страны, при чемъ, обладая значительными сходствами въ климатическомъ отношеніи съ Японіей въ южной части страны и съ сѣвернымъ Китаемъ и Маньчжуріей въ центральной и сѣверной частяхъ ея съ одной стороны; съ другою же составляя нераздѣльную часть восточной окраины азіатскаго материка, занятой двумя вышеуказанными географическими областями, и ранѣе имѣвъ непосредственную связь съ прилегающими частями японскаго архипелага, отъ котораго понынѣ корейскій полуостровъ отдѣляетъ только неширокій морской рукавъ, прерываемый цѣпью большихъ и малыхъ острововъ въ качествѣ остатковъ бывшей сухопутной связи, Корея, естественно, въ отношеніи своей растительности должна представлять черты, общія съ растительными мірами и Китая (Маньчжуріи) и Японіи. Дѣйствительно, корейская растительность на югѣ и въ особенности на юго-восточныхъ островахъ т. н. Корейскаго архипелага приближается къ растительности японскихъ острововъ, на сѣверѣ же весьма сходна съ южно-маньчжурскою флорою, а въ западныхъ провинціяхъ имѣетъ много общаго съ растительнымъ покровомъ

¹) Канкоку-цуран, 46.

²) Настоящій отдѣлъ «Очерка» составленъ на основаніи соответствующихъ замѣчаній «Описанія Корей» I, стр. 186—200, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ изъ Канкоку-цири, стр. 35—36, и въ особенности Канкоку-іюран, стр. 174—5.

сѣверо-восточнаго Китая, образуя какъ-бы продолженіе растительнаго пояса Шаньдунскаго полуострова. При этихъ условіяхъ Корея, не составляя сама по себѣ особой растительной подь-области, должна быть причислена въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ къ различнымъ другимъ подь-областямъ, какъ онѣ устанавливаются европейскими учеными для флоры всей обширной китайско-японской растительной области.

Благодаря этому же обстоятельству, подчеркиваемому еще тѣмъ, что корейскій полуостровъ, при сравнительно незначительной ширинѣ, растянута въ длину по линіи меридіана съ СЗ. на ЮЗ. на 10 градусовъ широты, окруженъ съ трехъ сторонъ моремъ и морскими теченіями и сильно изрѣзанъ горными хребтами, проходящими по самымъ различнымъ направленіямъ и образующими въ глубокихъ долинахъ особые климатическія и растительныя гнѣзда, растительность Кореи въ общемъ отличается крайнимъ разнообразіемъ, представляя, по мнѣнію кн. Дадешкаліани хотя бы и преувеличенному¹, «естественную оранжерею², гдѣ рядомъ съ хвойными деревьями растутъ самые разнообразные виды тропической флоры. Ель, вязъ, верба, береза, сосна, пихта и др. деревья густою массою наполняютъ сѣверныя провинціи; въ южныхъ же растутъ лавръ, пальма, виноградная лоза, оливковыя, гранатовыя, апельсинныя, лимонныя и чайныя деревья, кипарисы, вишневое и тутовое деревья, сливы, каштаны, орѣшники и бамбуки».

Въ четырехъ *сѣверныхъ* провинціяхъ Кореи (Пхёнъандо и Хамгёнъдо въ ихъ сѣверныхъ и южныхъ подраздѣленіяхъ) всѣ горные хребты и болѣе крупныя отроги ихъ поросли сплошнымъ лѣсомъ, во многихъ мѣстахъ напоминающимъ густую чащу сибирской тайги³. Этотъ *лѣсной поясъ* пред-

1) Краткій очеркъ современнаго состоянія Кореи: Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи, вып. XXII, стр. 70.

2) Канкоку-ідран. 174, также уподобляетъ въ этомъ смыслѣ Корею одному обширному ботаническому саду.

3) Лѣса по верхнему теченію рр. Туманганъ и Амнокканъ состоятъ главнымъ образомъ: среди хвойныхъ породъ изъ ели тѣхъ **唐檜** (см. ниже стр. 207) лиственницы, ели *abies firma* (по словамъ Комарова, это парный видъ къ *abies halaphylla*, распространенной въ Южно-уссурійскомъ краю «пихтѣ»), по японски **momiji**, виргинской сосны *Pinus pentaphylla* (пятихвойная сосна—гойдмацу **五葉(銀)松**); среди лиственныхъ породъ—изъ березы **каба** **樺**, серебристаго

ставляетъ собою непосредственное продолженіе густыхъ зарослей прекраснаго смѣшаннаго лѣса маньчжурскаго горнаго хребта Чаньбошань, распространившагося отсюда по западнымъ и восточнымъ отрогамъ указаннаго хребта на сосѣднія части восточной Маньчжуріи и названныхъ областей Кореи. Поэтому лѣсная и прочая флора Главнаго корейскаго хребта вплоть до широты порта Гензана удерживаетъ всѣ характерныя черты маньчжурской флоры. При этомъ, высокія отдѣльно стоящія вершины горной страны сѣверной Кореи обычно бываютъ лишены крупной древесной растительности, какъ это наблюдалъ Стрѣльбицкій на сѣверной оконечности Туманскаго хребта, объясняя это явленіе господствомъ здѣсь сильныхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, сносящихъ съ болѣе открытыхъ мѣстъ всѣ попадающіеся сѣмена и молодые всходы. Зато менѣе высокія возвышенности и гребни сѣверныхъ корейскихъ хребтовъ покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, среди котораго преобладающей породой является лиственница (ракуіосіо по японски 落葉松), но также могучій корейскій кедръ (*pinus coreensis*—ціосенсио 朝鮮松 японцевъ) и японская ель; внизу въ долинахъ они замѣняются еле проходимыми отъ массы кустарниковъ зарослями дуба, березы, ясеня (яп. сиодзи), орѣха, вербы (каваянаги по японски 楊) и другихъ лиственныхъ породъ, къ которымъ изрѣдко примѣшиваются изъ хвойныхъ породъ сосны и ели. Подлѣсокъ въ лѣсахъ сѣверо-восточной Кореи состоитъ изъ густыхъ порослей многочисленныхъ древесныхъ и кустарниковыхъ породъ, перевитыхъ стеблями японскаго хмѣля или лимоннаго дерева (*Maximowiczia chinensis*, которое справедливо называютъ ліаною сѣверо-восточной Азии, съ крѣпкими вьющимися стеблями, достигающими толщины руки), и многихъ другихъ растений или въ болѣе глубокихъ долинахъ обильно растущимъ виноградомъ, становясь отъ этого еще болѣе непроходимымъ.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, какъ по составу входящихъ въ нее породъ, такъ и по общему характеру, лѣсная растительность сѣверной Кореи обнаруживаетъ тѣсную связь съ

тополя (хакуіо 白楊, буквально бѣлой вербы) *Populus alba*. По обширности эти лѣса имѣютъ совершенно безграничный видъ, походя въ этомъ отношеніи на сибирскіе лѣса. Канкоку-іоран, 174.

южно- и восточно-маньчжурской и въ то же время придаетъ ландшафту совершенно отличный видъ, чѣмъ въ южной Корей¹.

Въ той же мѣрѣ оказывается сходнымъ и характеръ *травянистой* растительности обѣихъ указанныхъ соприкасающихся странъ, при чемъ на сырыхъ мѣстахъ попадаются огромныя пространства, заросшія различными видами папоротниковъ, а на болѣе сухихъ мѣстахъ изобилуютъ лютики, колокольчики, лиліи, горицвѣты и т. д., которые составляютъ украшеніе травянистой флоры и въ южной части сосѣдняго Уссурийскаго края.

Въ старину лѣса сѣверной Кореи, несомнѣнно, простирались сплошь до самыхъ береговъ Японскаго и Желтаго моря; но нынѣ вдоль всего побережья лѣса истреблены корейскимъ населеніемъ, издавно водворившимся въ этой болѣе доступной береговой полосѣ. Истребленіе велось самымъ хищническимъ и безпорядочнымъ образомъ какъ ради снабженія населенія топливомъ, такъ и для изысканія строительнаго матеріала; подобную хищническую рубку лѣсовъ, главнымъ образомъ въ отношеніи молодого лѣса и кустарника, можно наблюдать и въ настоящее время². Результатомъ этого хищническаго истребленія лѣсовъ явилось то, что нынѣ только рѣдко населенныя внутреннія части сѣверной половины полуострова³ и недоступныя почему-либо для корейца мѣста средней и южной части полуострова сохранили въ цѣлости свои лѣсныя богатства, а вдоль самаго восточнаго побережья путешественнику приходится наблюдать непрерывный рядъ однообразныхъ картинъ оголенныхъ отъ лѣса береговъ, при чемъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высокіе отроги Главнаго корейскаго хребта подходятъ ближе къ морю, иногда появляется на берегу и лѣсная растительность, да еще среди побережныхъ дюнь, образованныхъ наносомъ морского песку, тянутся иной разъ на десятки верстъ сплошныя заросли сосенъ или тополей,

1) Описаніе Кореи, I, 189—192. Последнее замѣчаніе принадлежит Канкоку-цири, 36.

2) Описаніе Кореи, I, 193.

3) Чѣмъ ближе подходитъ къ сѣвернымъ областямъ полуострова съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе густыми и рослыми становятся лѣса дуба, лиственницы и другихъ древесныхъ породъ, специально присущихъ лѣсамъ умѣреннаго пояса на сѣверъ отъ изотермы $+ 10^{\circ}$ на корейскомъ полуостровѣ. Канкоку-цири, 36.

служащихъ лучшей защитой рисовыхъ и другихъ полей отъ заноса береговымъ пескомъ; поэтому эти роци сажаются очень часто самимъ населеніемъ, тщательно имъ оберегаются и содержатся.

Среди древесныхъ породъ, попадающихся на восточномъ побережьѣ, кромѣ сосенъ и тополей, можно указать еще на мелкій ясень, дубнякъ, бархатное дерево, осину, иву, клень и другія породы.

Этотъ характеръ растительности восточнаго побережья сохраняется почти до самаго Фузана, съ тѣмъ различіемъ, что съ увеличеніемъ плотности населенія лѣсъ становится все рѣже, сохраняясь почти только около буддійскихъ храмовъ и королевскихъ могилъ; зато теплый и влажный климатъ вызываетъ въ болѣе южныхъ широтахъ быстрое заростаніе вырубленныхъ изъ-подъ лѣса мѣсть низкой порослью и покрываетъ скаты горъ богатымъ травянистымъ покровомъ. Подобная картина наблюдается и въ окрестностяхъ Фузана, гдѣ бывший ранѣе сплошной лѣсъ изъ дубовъ, каштановъ и сосенъ нынѣ цѣликомъ вырубленъ¹.

Изъ представителей японской древесной флоры на югѣ полуострова встрѣчаются какъ культивированныя породы — бумажное дерево, гранатовое дерево, древовидная камелія, дерево гинко, такъ и растущія свободно японская магнолія, распространенная по западному побережью до Сеула, каштаны, японская софора² и т. д. Далѣе на южномъ побережьѣ корейскаго полуострова и на островахъ разводятся лаковое дерево, лавръ, вѣчно зеленые представители рода *Citrus*, наконецъ, такое нѣжное японское растеніе, какъ «каки» (*Diospyrus*); все это доказываетъ близкое родство растительности этой части Кореи съ флорою сосѣдней Японіи³. Канкоку-іѳран⁴ также подтверждаетъ, что въ южной Корей встрѣчаются

¹) Описаніе Кореи, I, 194—5.

²) Дерево нитчкый корейцевъ *sophora japonica* (по японски эндзю 槐) считается наиболѣе твердымъ изъ всѣхъ древесныхъ породъ, встрѣчаемыхъ въ Корей, и употребляется на изготовленіе колесъ для повозокъ. Ободъ колеса въ семь дюймовъ толщиною, сдѣланный изъ этого дерева, выдерживаетъ два года, даже при постоянномъ употребленіи по каменистымъ дорогамъ. *Korea Review*, IV, 1904, стр 211.

³) Описаніе Кореи, I, 195—6.

⁴) Стр. 174.

тѣ же породы деревьевъ, какъ и въ Японіи, съ той лишь оговоркою, что эти породы имѣютъ въ Корей меньшій районъ распространенія (см. ниже). По списку отдѣльныхъ древесныхъ породъ, приведенномъ въ этомъ сочиненіи, въ южной Корей всюду встрѣчаются акамацу (преимущественно), нара, кунуги¹, кеяки (*Zelkova acuminata* 欒²), мукуноки (*Arphanante aspera*), акаянаги 赤楊 *Alnus maritima*, грецкій орѣхъ (куруми 胡桃), ива, еноки 朴 (похожая на кеяки), касива *Quercus denticata* Thunb. 榲³ и т. д. На крайнемъ югѣ успѣшно растутъ цуге 黃楊 буксъ *Buxus japonica* F. *Muelleri*⁴, хасибами (榛) *Coryllus heterophylla* лещина (лѣсной орѣхъ) и другія породы вѣчно зеленыхъ деревьевъ, равно какъ роши бамбука.

Западное побережье корейскаго полуострова богаче восточнаго побережья плодородными долинами по берегамъ значительныхъ рѣкъ и представляетъ значительное разнообразіе растительныхъ формъ, однако, лишь далеко вглубь страны, такъ какъ ближайшая къ морю полоса побережья занята либо бесплодными и оголенными холмами, либо сплошной цѣпью лагунъ, во время отлива обращающихся въ обширныя пространства морского пла.

Въ сѣверномъ районѣ западнаго побережья густые лѣса покрываютъ западные отроги Главнаго хребта по верхнему теченію р. Амнокканъ и ея притоковъ.

Какъ указываетъ Канкоку-іѳран⁵, извилистая линія стариннаго вала Юсіочянъсѣнъ 柳韶長城; яп. Рјосіѳціѳдзіѳ, идущаго отъ сосѣдства Ыйчжю черезъ Куйсѣнъ, Унсан, Хыйчхѣн, Ёнъуѳн и Мѳлъсан къ Импхо у города Хамхынъ, слѣдуя направленію цѣпи Тчѳгъюсан (издревле извѣстной подъ именемъ Намнѣнъ 南嶺), отмѣчаетъ обширную область въ провинціи Пхѣнъандо и сосѣдней Хамгѣнъдо вплоть до рѣки Амнокканъ, которая еще 50 лѣтъ тому назадъ, по разсказамъ стариковъ и наблюденіямъ на мѣстѣ путешественниковъ, была покрыта сплошь густымъ лѣсомъ. Дѣло въ томъ, что эта глухая, изсѣченная и трудно-

1) Объ этихъ трехъ породахъ см. ниже.

2) Иначе *Zelkova Keaki* Siebold.—целькова.

3) Касива, вмѣстѣ съ кунуги, принадлежитъ къ породѣ дубовъ съ опадающими листьями; напротивъ, нара и сииноки принадлежатъ къ породамъ вѣчнозеленаго дуба. Листья отъ *Quercus denticata* на югѣ Мукденъской провинціи идутъ на выкормку шелковичныхъ червей.

4) Самцитъ японскій («пальмовое дерево»).

5) Стр. 179—180. Относительно лѣснаго промысла въ этой части страны, согласно тому же Канкоку-іѳран, стр. 181—185, см. во второй части настоящаго «Очерка» въ соответствующемъ отдѣлѣ.

проходимая мѣстность оставалась почти безлюдной съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ царствованія династіи И, подъ вліяніемъ непрестанныхъ набѣговъ на эту пограничную полосу со стороны обитателей сосѣдней Маньчжуріи, населеніе было выведено отсюда самимъ корейскимъ правительствомъ и устроенныя здѣсь четыре уѣздныя управленія были упразднены. Съ этого времени бѣгле преступники, искавшіе здѣсь убѣжища, и охотники, находившіе здѣсь широкій просторъ для своего промысла, являлись единственными обитателями въ этой странѣ. Въ недавніе годы, однако, эта мѣстность стала снова заселяться и нынѣ лѣса въ ней пришли въ упадокъ, хотя и не исчезли вовсе. Истребленію ихъ способствуютъ и свойства почвы, состоящей изъ гранита или большей частью изъ гнейса и легко высыхающей, такъ что чрезмѣрныя порубки лѣса могутъ вызвать нежелательные обвалы почвы; къ этому присоединяется и то, что правильного лѣсного хозяйства и надзора за лѣсомъ здѣсь не существовало, почему съ одной стороны китайцы хищнически истребляли лѣса, съ другой и сами корейцы безразсудно выжигали ихъ подъ пашни.

Обращаясь далѣе къ составу удѣлѣнныхъ лѣсовъ въ этомъ районѣ, Канкоку-іѳран отмѣчаетъ, что по ту сторону цѣпи Намнѣнъ (Тчѳг'юсан) встрѣчаются различныя породы дуба: ѳнара (или нара), конара (*Quercus glandulifera*), мидзунара (*Quercus grosseserrata*) и кунуги (*Quercus serrata*); затѣмъ спѳде (*Smilax herbacea*) сарсяпарелль, эндзю (родъ *Sophora japonica*), кацура (*Cerdiphyllum japonicum*), каеде (кленъ *Acer palmatum* 楓), савагуруми (*Pterocarya rhoipholia*) птерокарія, нире вязъ равнолистный, яманараси (осина *Populus tremula*), сиракамба 白樺 (*Bethula alba* обыкновен. береза) и онооре 斧折 (*Bethula corulipholia*) береза орѳхолстная¹. Мѣстами къ нимъ примѣшиваются породы пихтъ и елей (тѳхи и сирабе), виргинскихъ сосенъ (гоіѳмацу), лиственницы и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣса какъ-бы снова принимаютъ видъ, который имѣли въ старину.

Изъ указанныхъ древесныхъ породъ вывозятся въ Китай изъ 10 уѣздовъ на югъ отъ р. Амнокканъ главнымъ образомъ дерево онооре, равно какъ кленовый листъ (по корейски пхунънип 楓葉), доставляющій матеріалъ для окраски въ темноснѣій цвѣтъ одѣяній, которыя обычно носятъ китайскими чернорабочими. Вывозъ этого листа великъ только по количеству, но цѣнность его на деньги, повидимому, не составляетъ такой большой суммы (1 кит. фунтъ его=1,47 русск. фунта, стоитъ только 13—14 яп. сенъ), все же въ годъ доходитъ, по крайней мѣрѣ, до 300—400 тысячъ енъ.

На сѣверъ отсюда отъ границы уѣзда Кангъфъ внутрь уѣздовъ Чхосан и Хучхянъ идутъ смѣшанныя хвойныя и лиственные лѣса (пихта

¹) По корейски это дерево называется пактар. Gale, Korean-English dictionary опредѣляетъ его черезъ «разновидность сандаловаго дерева» *Dalbergia hureana* (кит. 檀木). Въ дѣйствительности это, повидимому, видъ березы («черная береза»), на что указываетъ и японское имя ея, приводимое Канкоку-іѳран—онооре.

спрабе 白檜 *Abies Veitchii* Lindl.), черная сосна, тōхи (*Abies alcocksiana* пихта или *Picea hondoensis* ель), которые переходятъ въ уѣздахъ Самсю и Капсан по мѣрѣ приближенія къ Пяктусан въ лѣса, состоящие изъ одной лиственницы¹.

Въ южномъ направленіи лѣса области р. Амнокканъ и прилегающей къ ней на югъ горной страны продолжаютъ вдоль горныхъ хребтовъ, но, уже входя въ область р. Тядонганъ, начинаютъ рѣдѣть, такъ что на пути изъ Гензана въ Пхёнъянъ лѣсъ былъ встрѣченъ Вебелемъ², на западъ отъ Главнаго хребта, только по крутымъ скатамъ узкихъ долинъ, а съ выходомъ на большую дорогу изъ Ыйчжю въ Сеуль онъ попадаетъ только въ видѣ небольшихъ рощъ; на югъ отъ города Пхёнъянъ мѣстность представляетъ еще большій просторъ для земледѣлія³.

Характеръ лѣсной растительности по западному побережью на сѣверѣ тотъ же, что и подъ той же широтою на востокъ отъ Главнаго хребта, т. е. совершенно сходный съ маньчжурской флорою. Однако, уже въ провинціи Пхёнъандо, кромѣ маньчжурскихъ породъ, попадаютъ представители сѣверо-китайской и японской растительности, увеличивающіеся въ числѣ по мѣрѣ удаленія на югъ: порода каштана, повсемѣстно произрастающая въ сѣверномъ Китаѣ и Японіи; бумажное дерево; тутовая шелковица, въ огромномъ количествѣ растущая въ южной Пхёнъандо, Хоанъхъдо и далѣе на югъ, но встрѣчающаяся и около Ыйчжю.

Въ средней части западной Кореи въ лѣсныхъ рощахъ встрѣчаются китайская зонтикообразная сосна, китайскій дубъ, китайскій бѣлый ясень, японская софора и другія японскія и китайскія древесныя породы. По мѣрѣ углубленія внутрь страны къ Главному хребту, составъ флоры становится еще болѣе разнообразнымъ, включая новые японо-китайскіе виды; но настоящіе лѣса попадаютъ лишь спорадическими группами.

Острова западнаго побережья нѣкогда были покрыты лѣсами, но теперь совершенно оголены; близъ южнаго побережья полуострова на нѣкоторыхъ островахъ еще сохра-

1) Канкоку-ібран. стр. 180—181. Далѣе со стр. 181 говорится о лѣсномъ промыслѣ по р. Амнокканъ въ связи съ лѣсными богатствами въ сосѣднемъ районѣ Маньчжуріи.

2) Поѣздка въ Корею въ 1889 г.: Сборн. матер. по Азіи, вып. XII, стр. 172.

3) Описаніе Кореи, I, 196—7.

нились болѣе крупныя лѣса, какъ и на островѣ Квельпартъ; однако, и на этомъ островѣ процессъ истребленія лѣсовъ быстро идетъ впередъ, между тѣмъ нѣкоторыя лѣсныя породы этого острова, среди которыхъ упоминается красное дерево (? сюдзю, указываемо ниже)¹, представляютъ извѣстную коммерческую цѣнность.

Относительно предѣловъ распространенія по корейскому полуострову японо-китайскихъ растительныхъ породъ можно замѣтить, что по западному побережью, имѣющему болѣе жаркое лѣто, онѣ встрѣчаются далѣе къ сѣверу, чѣмъ на восточномъ берегу²; въ частности многія чисто японскія растенія находятъ на полуостровѣ свою сѣверную границу распространенія на материкѣ, нерѣдко идущую въ Кореѣ, подъ вліяніемъ отличныхъ климатическихъ условій и особенностей строенія поверхности страны, значительно южнѣе, чѣмъ въ самой Японіи: букъ, растущій въ Японіи, не говоря уже о префектурахъ Аомори и Акита, даже въ южной части Хоккайдѣ, въ Кореѣ не встрѣчается сѣвернѣе 35°40' с. ш., или широты японскаго округа Бѣсѣ (провинцій Ава, Кадзуса и Симѣса)³.

Вертикальное распространеніе сплошной лѣсной растительности въ сѣверной Кореѣ достигаетъ близъ вершины Пактусан 2¹/₂ тысячъ ф. надъ у. м.; для болѣе южныхъ частей страны Готтше указываетъ болѣе высокую цифру въ 900 метровъ, т. е. около 2950 футовъ. Обѣ указанныя цифры

1) Описаніе Кореи, I, 198, примѣчаніе.

2) Описаніе Кореи, I, 199. Однако, Канкоку-цири, 35—36, говоритъ по поводу предѣловъ распространенія въ Кореѣ лѣсной растительности теплаго пояса буквально слѣдующее: Сѣверная граница этой растительности идетъ къ югу отъ линіи изотермы въ + 10° Ц., которая отъ устья р. Кымгана на западномъ побережьи изгибается къ югу, охватывая внутреннія области полуострова въ видѣ буквы U и вдоль восточнаго побережья достигаетъ пункта къ югу отъ Гензана. На югъ отъ этой линіи могутъ произростать куромацу (*Pinus Thunbergii*) и бумажная туловица (*Broussonetia papyrifera*) и кромѣ того вѣчнозеленыя лиственные деревья, хотя благодаря хищническому истребленію лѣсовъ въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ крупныя экземпляры ихъ почти цѣликомъ уничтожены, настолько что нынѣ чувствуется крайній недостатокъ въ матеріалѣ для топлива и для построекъ; въ качествѣ топлива приходится даже употреблять почти одну траву.

Изъ этихъ словъ японскаго автора слѣдуетъ заключить, что представители растительнаго царства теплаго пояса въ Кореѣ встрѣчаются на восточномъ берегу сѣвернѣе, чѣмъ на западномъ, что можетъ быть объяснено болѣе мягкимъ зимнимъ климатомъ, наблюдаемымъ на восточномъ берегу.

3) Канкоку-іѣран, 175.

оказываются слишком низкими, если судить по тѣмъ даннымъ относительно вертикальнаго распространенія различныхъ породъ лѣсной растительности въ Корей, которыя приводятся Канкоку-іоран¹ для крайняго юга страны, именно для лѣсовъ на горахъ Халласан на островѣ Чѣчжю (о-въ Квельпартъ), по широтѣ соотвѣтствующемъ японскимъ городамъ Нагасаки и Сасебо. Горы Халласан достигаютъ высоты въ 6558 футовъ надъ ур. моря. У подножья ихъ встрѣчаются разбросанно бумажная тутовница (*Broussonetia papyrifera*), акамацу (*Pinus densiflora*), куромацу (*Pinus Thunbergii*)², кунуги 櫟 (*Quercus serrata*) родъ дуба (съ опадающимъ листомъ), нара 檜 вѣчно зеленый дубъ³ и прочія древесныя породы; это — поясъ тутовницы (сіо 楮 или сіо 楮). На высотѣ 2640 футовъ появляются рослые деревья бука (буна 山毛櫸)⁴, сиде (сидеянаги *Amelanchier canadensis*, var. *japonica*); на высотѣ 3435 футовъ преобладаетъ буна (букъ), къ которому примѣшивается дубъ нара; это поясъ бука. На высотѣ 4790 ф. появляются уже породы сирабе пихтъ, тѣхи елей, комецуга⁵, сюдзю 朱樹⁶. На высотѣ 5247 футовъ сплошь идетъ поясъ сирабе; если подняться еще выше до 5445 ф., то деревья совершенно исчезаютъ и остаются одни только альпійскія травы, подобно ганкѳран 岩高蘭 (*Empetrum nigrum*).

Если подобное утвержденіе японскаго автора справедливо, то вертикальное распространеніе лѣсовъ въ Корей относительно не является многимъ ниже такового же въ Японіи подѣ той же широтою.

¹) Канкоку-іоран, 175-6.

²) Акамацу красная сосна (называемая также японской сосной); куромацу — черная сосна или сосна Тунберга (довольно близкій къ первому видъ).

³) Нара, какъ и ранѣе указанный сиивоки 椎, также встрѣчающійся въ Корей, принадлежатъ къ числу вѣчнозеленыхъ дубовъ, при чемъ нара имѣетъ болѣе мелкій листъ; напротивъ, кунуги, подобно касива, зимою теряетъ свой листъ (см. выше).

⁴) Буна *Fagus Sieboldi* Engl. (или *Fagus japonica*) ближе всего подходитъ къ буковому дереву (ср. кеяки и еноки); это японскій букъ или букъ Зибольда.

⁵) *Tsuga diversifolia* или *Abies tsuga* принадлежитъ къ группѣ кипарисовыхъ (хиноки).

⁶) По справкѣ, любезно сообщенной Е. Г. Спальвинымъ, сюдзю, вѣроятно, относится къ породѣ кедр. Дерево это имѣетъ красную сердцевину и, возможно, является «краснымъ деревомъ», которымъ ранѣе изобиловалъ островъ Квельпартъ.

Деревья корейскаго лѣса, въ особенности изъ лиственныхъ породъ, весьма недолговѣчны, благодаря тому обстоятельству, что слой почвы, лежащій надъ каменистой подпочвою, въ большинствѣ случаевъ на крутыхъ скатахъ горъ, гдѣ только еще сохраняются понынѣ лѣса, не даетъ надлежащей опоры корнямъ деревьевъ и послѣднія не могутъ выдержать порывовъ лѣтнаго юго-восточнаго муссона или зимняго сѣверо-западнаго вѣтра. Проливные дожди смываютъ часть этого и безъ того уже недостаточнаго почвеннаго слоя; обиліе влаги лѣтомъ разрушаетъ также древесину дерева, и послѣднее быстро дѣлается дуплистымъ.

Сырой климатъ лѣтомъ неблагопріятно отражается и на качествѣ корейскихъ плодовъ и ягодъ, поэтому эти послѣдніе, хотя и изобилуютъ въ Корей, но при нынѣшнемъ состояніи корейскаго плодоводства не способны удовлетворить вкусу иностранца; корейскіе цвѣты также весьма многочисленны, но, кромѣ шиповника и ландышей, они или вовсе безъ запаха или пахнутъ непріятно. Это справедливо и по отношенію къ цвѣточной флорѣ Южно-Уссурійскаго края.

Животный міръ¹. Тѣсное родство корейскаго полуострова въ фаунистическомъ отношеніи съ Маньчжуріей и остальнымъ сѣвернымъ Китаемъ съ одной стороны и съ Японіей съ другой находитъ себѣ признаніе въ томъ фактѣ, что Корея, вмѣстѣ съ тремя другими указанными странами, выдѣлена учеными въ особую «маньчжурскую» подъ-область, входящую въ составъ обширной палеарктической зоо-географической области. Это, однако, не надо понимать въ томъ смыслѣ, что всѣ виды населяющихъ Корею животныхъ присущи лишь «маньчжурской подъ-области»; напротивъ, многіе корейскіе виды, т. е. виды указанной подъ-области, встрѣчаются за предѣлами не только Кореи, но и всей подъ-области; съ другой стороны въ Корей встрѣчаются представители и другихъ зоо-географическихъ областей и подъ-областей, наряду съ коренными обитателями маньчжурской фаунистической подъ-области.

Этими обстоятельствами объясняется значительное разнообразіе корейской фауны и рядъ противоположностей, кото-

¹) Приводимыя данныя заимствованы главнымъ образомъ изъ «Описанія Кореи», I, 200—215.

рыя проявляются въ ней, благодаря тому, что на корейскомъ полуостровѣ можно встрѣтить рядомъ и представителей холодныхъ странъ—бураго медвѣдя и соболя, и жаркаго юга—тигра и барса, и обитателя далекаго запада—европейскаго ежа, рядомъ съ характернымъ представителемъ японскаго Дальняго Востока—особымъ видомъ мартышки.

Связь корейской фауны съ фауною сосѣднихъ странъ, входящихъ въ составъ той же зоо-географической подь-области, и съ фауною болѣе обширной части азіатскаго материка, составляющей названную палеарктическую фаунистическую область, какъ и другихъ областей и подь-областей, наглядно изображается на особыхъ таблицахъ¹, приложенныхъ къ «Описанію Кореи» и указывающихъ общіе виды животныхъ и насѣкомыхъ, живущихъ въ Корей и другихъ странахъ. Изъ этихъ таблицъ отчетливо уясняется ближайшее родство корейской фауны съ японской, затѣмъ съ фауною русскихъ Приморской и Амурской областей, далѣе Маньчжуріи, собственнаго Китая и Монголіи и т. д.

Въ отношеніи фауны млекопитающихъ корейскій полуостровъ настолько ближе стоитъ къ Японіи, чѣмъ къ сосѣднимъ областямъ материка, что почти всѣ виды его млекопитающихъ встрѣчаются также въ этой странѣ. Однако, можно указать въ Корей нѣсколькихъ животныхъ, весьма характерныхъ для фауны сосѣдней Маньчжуріи и всей сѣверо-восточной Азіи, которыхъ въ Японіи не водится и благодаря которымъ, равно какъ и черезъ другихъ представителей фауны, встрѣчающихся и на материкѣ и въ Японіи, корейскій полуостровъ поддерживаетъ связь съ материкомъ; это ежъ изъ насѣкомоядныхъ, дикіе виды семейства кошачьихъ и, наконецъ, соболь, впрочемъ, рѣдко попадающійся и въ самой Корей. Во всякомъ случаѣ благодаря присутствію этихъ представителей корейской фауны, отличныхъ отъ японской, можно утверждать, что и въ отношеніи фауны, какъ и въ отношеніи растительнаго царства, корейскій полуостровъ занимаетъ промежуточное мѣсто между материкомъ и японскимъ архипелагомъ и что, вѣроятно, путемъ черезъ корейскій полу-

¹) Таблицы А, Б, В, Г, Д.

островъ проникли въ Японію различные представители материковой фауны, тогда какъ обратно шли тѣ виды японской фауны, которые большей частью могли явиться на японскій архипелагъ черезъ переселеніе изъ болѣе южныхъ широтъ (при посредствѣ длинной цѣпи острововъ, протянувшихся въ южномъ направленіи вплоть до Малайскаго архипелага и, по нѣкоторымъ предположеніямъ, представляющихъ остатки прежняго сплошнаго кольца суши).

Корейскій полуостровъ довольно богатъ, отобенно въ сѣверныхъ своихъ частяхъ, дикими млекопитающими, при чемъ наиболѣе многочисленными по количеству видовъ и особей являются представители двухъ отрядовъ: жвачныхъ и хищниковъ.

Изъ числа представителей перваго отряда — *жвачныхъ* можно указать на семейство *Cervidae* (оленей), имѣющее въ Корей нѣсколько видовъ; приманкою для охотниковъ за оленями являются ихъ рога, при чемъ корейцы стараются съ помощію ямъ поймать оленей живыми и держать въ неволѣ въ изгородяхъ, затѣмъ во время выростанія лѣтомъ у нихъ молодыхъ роговъ, т. н. пантовъ, отпиливать ихъ у самага корня (впрочемъ, нѣкоторыхъ оленей въ такомъ случаѣ убиваютъ, чтобы получить панты съ черепомъ). Другое семейство жвачныхъ — *Moschidae*, представлено въ Корей главнымъ образомъ довольно рѣдкой мускусной кабаргою, за которой охотятся ради полученія мѣшечка съ мускусомъ, находящагося у самца въ паховой области живота. Еще одно семейство *Cavicornia* имѣетъ своимъ представителемъ въ Корей горную антилопу (ея шкуры въ большомъ употребленіи у корейцевъ) и еще другой видъ.

Млекопитающіе хищники въ Корей въ особенности многочисленны, насчитывая нѣсколько видовъ медвѣдей: обыкновеннаго бураго, затѣмъ японскаго, меньшаго ростомъ и, наконецъ, тибетскаго вида — небольшого роста, чернаго цвѣта, встрѣчающагося и въ сосѣдней Маньчжуріи; въ качествѣ представителей семействъ *Mustelidae* въ Корей водятся обыкновенный барсукъ, за которымъ охотятся ради его сала; соболь, не очень многочисленный; при томъ же мѣхъ корейскаго соболя не очень цѣнится. Соболю истребляетъ главнымъ

образокъ бѣлокъ, почему большее или меньшее число бѣлокъ въ данной мѣстности обуславливаетъ и соответствующее обиліе или рѣдкость соболя. Главнымъ его врагомъ является благородная или древесная куница, также живущая въ Корей и одѣтая теплымъ и мягкимъ мѣхомъ, привлекающимъ охотниковъ. Хорошій мѣхъ имѣетъ и обыкновенная рѣчная выдра, достигающая въ Корей $3\frac{1}{2}$ ф. въ длину.

Представителями семейства *Canidae* являются въ Корей почти исключительно лисицы двухъ разновидностей—обыкновенная красно-бурая и черно-бурая. «Описаніе Корей¹», отмѣчаетъ, что въ Корей донинѣ не встрѣчали волковъ, столь многочисленныхъ въ Монголіи и южной Маньчжуріи; послѣднія извѣстія, однако, говорятъ, что на полуостровѣ теперь много волковъ (см. во II-й части настоящаго «Очерка»: «Охотничій промыселъ»).

Семейство *Felidae* даетъ Корей наибольшаго хищника тигра, не уступающаго ростомъ или силою бенгальскому, но покрытаго болѣе густой шерстью, подъ вліяніемъ холоднаго климата. Тигръ является кореннымъ обитателемъ корейскаго полуострова, какъ и сосѣдней Маньчжуріи и въ особенности Уссурійскаго края, и живетъ здѣсь круглый годъ. Консулъ Хиллиеръ въ отчетѣ о корейской торговлѣ за 1891 г. указываетъ, что тигры, какъ и барсы и медвѣди, особенно многочисленны въ южныхъ частяхъ полуострова. Тигры въ Хамгёндо еще 15—20 лѣтъ тому назадъ были очень обычны, но теперь ихъ сравнительно немного. Населеніе объясняетъ это тѣмъ, что тигровъ прогнали отсюда свистки каботажныхъ пароходовъ. Окна у болѣе старыхъ домовъ здѣсь снабжены засовами, чтобы на ночь можно было ставить тяжелыя ставни для защиты отъ тигровъ². Главную пищу тигровъ составляютъ олени, козы, кабаны и домашнія животныя, за которыми ночью дерзкій хищникъ самъ является въ селенія. Корейцы обыкновенно охотятся на тигра съ помощью западни изъ кольевъ. Къ тому же семейству принадлежатъ барсъ (леопардъ) *Felis Irbis*, дикая кошка (мѣхъ ея цѣнится очень дешево), рысь³.

1) I, 203.

2) Korea Review, IV, 1904, 400.

3) Многочисленность пушных звѣрей въ Корей доказывается тѣмъ, что въ корейскихъ городахъ много лавокъ биткомъ набито всякаго рода шкурами и

Въ Корей встрѣчается дикій кабанъ въ качествѣ представителя второго подъ-отряда отряда парнопалыхъ (къ первому относятся уже упомянутыя жвачныя млекопитающія).

Менѣе многочисленны въ Корей представители отряда грызуновъ, кромѣ зайца, домашней мыши и крысы, бѣлки (обыкновенный и летучей) и бурундука (*Tamias striatus*), который является весьма частымъ обитателемъ корейскихъ лѣсовъ, какъ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ; изъ семейства на сѣкомоядныхъ въ Корей распространень обыкновенный европейскій ежъ, встрѣчающійся почти по всей Азіи, кромѣ Японіи. Изъ обезьянъ кн. Дадешкаліани упоминаетъ представителя семейства мартышекъ — *Inuus speciosus*, водящагося въ большомъ числѣ вблизи человѣческихъ жилищъ въ южной Корей; несомнѣнно, что этотъ видъ обезьянъ перешелъ на полуостровъ изъ Японіи.

Изъ водныхъ млекопитающихъ въ корейскихъ моряхъ водятся киты, дельфины и тюлени, при чемъ киты появляются въ большомъ числѣ преимущественно у восточныхъ береговъ Кореи ранней весною и еще до наступленія лѣта уходятъ снова въ море.

Вообще число дикихъ животныхъ въ Корей благодаря меньшей плотности населенія является болѣе значительнымъ, чѣмъ въ Японіи¹.

Изъ домашнихъ млекопитающихъ здѣсь достаточно упомянуть лошадь, осла², корову, собаку и свинью, какъ наиболѣе обыкновенныхъ. Сравнительно съ Японіей, число собакъ и свиней въ Корей оказывается необычно большимъ³.

Пернатая фауна Кореи должна быть названа очень богатой; въ «Описаніи Кореи⁴» зарегистрировано 301 видъ ко-

мѣхами пушного звѣря.

По словамъ Канкоку-синцири, 54, тигры, леопарды и медвѣди многочисленны въ горахъ Хамгёндо и Кангюёndo, при чемъ корейскій медвѣдь, въ отличіе отъ японскаго вида, имѣетъ бѣлое пятно на шеѣ.

¹) Канкоку-синцири, 54.

²) Въ Корей много ословъ и муловъ, которыхъ въ Японіи совсѣмъ нѣтъ или имѣется въ очень небольшомъ числѣ. Какъ говоритъ Канкоку-синцири, 55, корейскій оселъ не является чистокровнымъ осломъ, а помѣсью между осломъ и обыкновенной лошадейю.

³) Канкоку-синцири, 55.

⁴) Приложенія къ цитир. сочиненію, таблица 5 (стр. 121—132).

рейскихъ птицъ, изъ нихъ 38 видовъ хищныхъ, съ оговоркою¹, что поименованные виды, вѣроятно, далеко еще не исчерпываютъ всей корейской пернатой фауны. Численность представителей отдѣльных видовъ птицъ въ Корей очень велика въ лѣсахъ, болотахъ (въ Корей встрѣчается до 58 видовъ голенастыхъ) и на морскомъ берегу, гдѣ нерѣдко прибрежныя скалы чернѣютъ отъ насѣвшаго на нихъ множества водяной птицы (въ Корей считается 48 видовъ семейства плавающихъ птицъ). Изъ хищныхъ птицъ, весьма многочисленныхъ благодаря обилію другихъ птицъ, наиболѣе часты коршуны, ястребы, сокола, бѣлохвостые орланы; изъ воробьиныхъ — вороны, ласточки, трясогузки и воробьи; изъ куриныхъ — перепела, рябчики (тѣ и другіе крайне многочисленны), фазаны, также многочисленные; изъ голенастыхъ — бекасы, кулики, журавли, цапли, японскіе ибисы; изъ плавающихъ, поражающихъ изслѣдователя не столько обиліемъ видовъ, какъ множествомъ особей, отчего издали мѣста, занятые ими на побережныхъ скалахъ у корейскихъ морскихъ и вообще водныхъ бассейновъ, кажутся большими сѣроватыми пятнами. Наиболѣе же многочисленны изъ этого отряда плавающихъ птицъ: дикія утки, гуси и лебеди; однимъ представителемъ этого отряда — бакланомъ, корейцы, какъ и китайцы съ давнихъ временъ, пользуются для рыбной ловли.

На корейской орнитологической фаунѣ въ особенности сказалась близость и тѣсная связь ея съ японской фауною, такъ какъ изъ 301 вида птицъ, найденныхъ въ Корей до 1900 г., 279 видовъ встрѣчаются и въ Японіи.

Пресмыкающіяся и земноводныя имѣютъ въ Корей очень немногихъ представителей, которые принадлежатъ изъ числа первыхъ къ семействамъ ужей, гадюкъ (въ особенности на островѣ Квельпартъ) и черепахъ; а изъ числа послѣднихъ, еще болѣе малочисленныхъ, встрѣчаются почти только однѣ лягушки.

Богатство корейскихъ морскихъ водъ рыбою весьма значительно, чему способствуютъ и указанная морскія теченія, приводящія къ берегамъ Кореи новыя виды рыбъ изъ болѣе

¹) Тамъ же I, стр. 205.

сѣверныхъ и южныхъ морей. Послѣ морскихъ отливовъ на песчаныхъ отмеляхъ задерживается огромное количество рыбы, которую корейцамъ остается только собрать въ корзины, расхаживая по-суху. Наиболѣе богаты корейскія моря сельдями, которыя и привлекали сюда ранѣе китайскихъ и японскихъ рыбаковъ, нынѣ же, благодаря усиленной охраны корейскихъ территоріальныхъ водъ отъ китайскихъ рыбаковъ, почти только однихъ японскихъ. Внутреннія рѣчныя воды богаты прѣсноводными видами рыбъ, изъ коихъ выдается форель.

Наряду съ рыбами весьма многочисленны различныя виды морскихъ моллюсковъ (мягкотѣлыхъ) и иглокожихъ (голотуріи или трепанги); встрѣчаются еще кишечнополостные (губки и кораллы). Упомянутые моллюски и голотуріи служатъ предметомъ широкаго морского промысла; въ этомъ отношеніи играютъ важную роль и представители ракообразныхъ¹, напримѣръ, краббы.

Насѣкомыя въ Корей достаточно многочисленны; въ «Описаніи Корей²» дается перечисленіе семействъ и отдѣльныхъ видовъ корейскихъ жуковъ (253 вида, распредѣляемыхъ по 23 семействамъ) и бабочекъ (189 извѣстныхъ въ концѣ 90 гг. XIX стол. видовъ изъ 23 семействъ³). Большинство этихъ жуковъ и бабочекъ встрѣчаются также въ Китаѣ и Японіи.

Въ отношеніи распредѣленія на полуостровѣ бабочекъ должно замѣтить, что въ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу восточнаго побережья Корей, вообще богатаго бабочками, до города Кёнъсёнъ, который является отчетливою географическою и фаунистическою границею въ этой части страны, встрѣчающіеся виды бабочекъ въ общемъ сходны съ бабочками Посьетскаго района Южно-Уссурійскаго края. Далѣе къ югу, вдоль того же восточнаго побережья, въ частности въ Гензанѣ, бабочки въ главномъ контингентѣ тождественны бабочкамъ на островѣ Цусима, вообще отличнымъ отъ бабочекъ собственной

1) Перечень ихъ см. таблицу Ж въ приложеніяхъ къ «Описанію Корей», стр. 150—151.

2) I, 212—214 и таблицы Б. и Д. въ приложеніяхъ, стр. 120 и 132—149.

3) По аналогіи съ Южно-Уссурійскимъ краемъ, надо думать, что въ сѣверо-восточной и восточной Корей, наиболѣе богатыхъ въ этомъ отношеніи, число различныхъ видовъ бабочекъ должно быть въ дѣйствительности никакъ не менѣе 2000.

Японіи, и отчасти въ Модзи на островѣ Кюсю и столь же многочисленны. На западномъ побережьѣ, вообще болѣе бѣдномъ бабочками, въ южномъ направленіи вплоть до Сеула, въ сѣверномъ до р. Амнокканъ и вообще въ сѣверной Корей, на сѣверъ отъ Главнаго хребта, бабочки сходны съ маньчжурскими. Въ Сеулѣ и далѣе на югъ бабочекъ совсѣмъ мало благодаря рѣдкой лѣсной растительности, при чемъ въ южной, какъ и въ восточной Корей, виды бабочекъ близки или совершенно сходны съ Цусимскими¹.

Въ указанномъ фактѣ распредѣленія по Корей различныхъ видовъ бабочекъ, принадлежащихъ отличнымъ географическимъ областямъ, сказывается во 1) различіе климата между восточной и западной Кореей въ силу того, что материковые вѣтры свободно проникаютъ въ сѣверо-западную Корею, и 2) существовавшее въ прежнее время сообщеніе сушию между юго-западной Кореей и Японіей.

Изъ прочихъ корейскихъ насѣкомыхъ можно указать на пчелъ, успѣшно разводимыхъ корейцами, и отмѣтить почти полное отсутствіе въ Корей такихъ вредныхъ насѣкомыхъ, какъ мошекъ, комаровъ, оводовъ и др., составляющихъ подъ общимъ наименованіемъ «гноса» такой бичъ въ болѣе сѣверныхъ частяхъ Уссурійскаго края и вообще въ Приамурьѣ, какъ и въ сѣверной Маньчжуріи. Зато домашнихъ мухъ, которыя въ сущности оказываются гораздо болѣе опасными для чело-вѣка, въ Корей множество, такъ что въ настоящее время японцами принимаются мѣры къ ихъ истребленію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ участились среди японскаго населенія случаи дезинтеріи (сами корейцы менѣе подвержены этой болѣзни)². Съ этой цѣлью объявлены преміи за извѣстное количество истребленныхъ мухъ, напр. въ Чинчжю по 5 сенъ за 1 японскій «гō» ($\frac{1}{20}$ гарнца)³, въ Чѣмульхо даже по 10 сенъ.

¹) Настоящія указанія относительно распредѣленія бабочекъ на корейскомъ полуостровѣ были любезно сообщены автору предлагаемаго «Очерка» докторомъ А. К. Мольтрехтомъ.

²) Seoul Press, 7 Sept. 1911 г., приводитъ мнѣніе медицинскаго полковника Такахаси, что корейцы приобрѣли иммунитетъ отъ этой болѣзни, или, по крайней мѣрѣ, эта болѣзнь имѣетъ у нихъ хроническій характеръ, затягиваясь на очень долгое время (до 10 лѣтъ), но не причиняя пациенту особыхъ страданій (мнѣніе д-ра Мориясу въ Seoul Press, 7 Oct. 1911 г.).

³) Эти преміи имѣли полный успѣхъ, такъ что въ скоромъ времени было достав-

IX.

Населеніе. По національности населеніе Кореи нынѣ состоитъ изъ корейцевъ въ качествѣ господствующей по численности и коренной массѣ населенія; японцевъ въ быстро растущемъ числѣ (въ серединѣ 1910 года ихъ число было 157,510 человекъ, нынѣ же оно доходитъ до 180,000¹⁾), однако, понынѣ уступающихъ по численности въ 60—70 разъ цифрѣ коренныхъ обитателей, или самихъ корейцевъ; китайцевъ въ значительно меньшемъ числѣ, проживающихъ почти исключительно, если не считать китайцевъ, посѣщающихъ на короткое время внутреннія области сѣверной Кореи, въ столицѣ и портовыхъ городахъ, открытыхъ для иностранной торговли (въ данномъ случаѣ говорится лишь о чистокровныхъ китайцахъ, независимо отъ китайскихъ метисовъ, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ союзовъ между китайцами и корейскими женщинами) и, наконецъ, иностранцевъ бѣлой расы, европейцевъ и американцевъ, въ совершенно ничтожномъ числѣ, уступающемъ даже числу китайцевъ (въ серединѣ 1910 г., всѣхъ иностранцевъ въ Корей, за исключеніемъ японцевъ, было 12,283 человекъ).

1) Корейцы.

По своему физическому типу корейцы, несомнѣнно, принадлежатъ къ монгольской расѣ, хотя въ отношеніи чертъ лица и всего тѣлосложенія между корейскимъ населеніемъ различныхъ частей страны наблюдается довольно рѣзкое различіе; въ особенности это справедливо по отношенію къ обитателямъ сѣверной и южной Кореи, которые по внѣшнему виду значительно разнятся между собою. На сѣверѣ (въ провинціяхъ Цхёнъандо, Хамгёнъдо и Канъуёндо) корейцы выше ростомъ, красивѣе и обходительнѣе въ обращеніи; скулы

лено японскимъ полицейскимъ властямъ въ Чинчжю 1300 «гѣ» мухъ, и этотъ городъ, гдѣ мухъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ въ Корей, въ значительной мѣрѣ былъ очищенъ отъ этого источника заразы. Seoul Press, 7 Sept. 1911 г.

¹⁾ По словамъ самого корейскаго генераль-губернатора графа Терауци, даже приближается къ 200,000 (Japan W. Chronicle, 19 Oct. 1911, стр. 697). Seoul Press, 14 Oct. 1911 г., указываетъ цифру въ 193,542 человекъ для численности японскаго населенія въ Корей въ концѣ іюня 1911.

у нихъ менѣе выдаются и глаза имѣютъ болѣе овальную форму, чѣмъ у большинства представителей дальневосточныхъ народовъ, такъ что въ чертахъ ихъ лица можно видѣть нѣкоторое сходство съ кавказскою расою. Жители названныхъ провинцій по физической силѣ значительно превосходятъ обитателей южныхъ провинцій Чхюньчхёндо, Кёнсьяндо и Чёлладо, поднимая на плечахъ до 16 пудовъ¹.

Подобное различіе между сѣверными и южными корейцами исторически объясняется, помимо неодинаковаго хода культурнаго развитія различныхъ частей полуострова и неодинаковаго вліянія на нихъ со стороны сосѣднихъ государствъ, еще тѣмъ обстоятельствомъ, что сѣверная и центральная Корея, т. е. большая часть страны, несомнѣнно, была заселена народомъ, пришлымъ съ запада и сѣвера изъ сосѣднихъ материковыхъ областей Маньчжуріи и Восточной Сибири, будучи при томъ по вѣроятности тунгусскаго происхожденія, и въ дальнѣйшемъ могла подвергаться не только культурному, но и кровному вліянію со стороны тѣхъ же тунгусскихъ обитателей Маньчжуріи и отчасти даже и представителей населенія собственнаго Китая (нерѣдкія переселенія въ болѣе раннюю эпоху въ Корею² цѣлыхъ китайскихъ колоній засвидѣтельствованы исторіей).

Напротивъ, раннее населеніе южной Кореи, т. н. трехъ Хан, хотя и болѣе малочисленное, по сравненію съ населеніемъ сѣверной Кореи³, имѣло съ самаго начала, повидимому, отличный племенной составъ и поэтому рѣзко разнилось еще во II стол. до Р. Х. отъ населенія сѣверной Кореи⁴ и, какъ утверждаетъ Хюльбертъ⁵, долгое время не завязывало никакихъ сношеній съ этимъ послѣднимъ⁶, пока поступатель-

¹) Описаніе Кореи, I, 339, заимствующее это свѣдѣніе изъ Korean Repository, 1892, стр. 269.

²) Даже въ южную Корею (въ Синхан—Чэньхань китайцевъ); см. Hulbert, Korean history: Korea Review, I, 1901, стр. 90—91.

³) Самъ Hulbert (Korea Review, II, 1902, 453) допускаетъ, что населеніе трехъ Хан южной Кореи, которымъ онъ приписываетъ южное происхожденіе, не превышало въ общей сложности немногихъ сотенъ тысячъ душъ и что далеко большая часть корейскаго народа имѣетъ сѣверное происхожденіе.

⁴) Hulbert, Homer B. Korean history: Korea Review, 1901, I, 88—90.

⁵) Hulbert, Korean history: Korea Review, I, 1901, стр. 92, и его же отвѣтъ на возраженія доктора Бельца (Baetz): Korea Review, II, 1902, стр. 454.

⁶) Это утвержденіе Хюльберта (какъ и другое его заявленіе, будто населеніе

ное движеніе племенъ южной области полуострова на сѣверъ или обратное движеніе населенія сѣверной Кореи на югъ не привело обѣ стороны къ соприкосновенію и впослѣдствіе къ кровному смѣшенію и культурному сліянію. При этомъ языкъ населенія южной Кореи, благодаря болѣе энергичному и подвижному темпераменту его, обезпечившему ему въ лицѣ королевства Силла, вышедшаго изъ его среды, въ дальнѣйшемъ политическій перевѣсъ въ странѣ, сдѣлался, послѣ свыше двухвѣковой объединительной дѣятельности указаннаго королевства на полуостровѣ, даже господствующимъ во всей массѣ корейскаго народа¹, съ теченіемъ времени достигшаго извѣстной однородности, вопреки сохранившимся различіямъ въ физическомъ типѣ и нравственномъ обликѣ. Въ извѣстной своей части указанные племена южной Кореи почти столь же несомнѣнно, какъ то, что обитатели сѣверной и центральной Кореи являлись материковой расою, вышли съ юга, достигнувъ корейскаго полуострова моремъ, слѣдуя вдоль линіи островнаго кольца, охватывающаго на востокѣ азіатскій материкъ отъ далекой южной до крайней сѣверной его оконечности. Теплое теченіе Куросиво съ его западной вѣтвью, ведущей къ южнымъ берегамъ Кореи и далѣе внутрь Японскаго моря, указывало путь въ Корею этимъ южнымъ пришельцамъ и могло явиться той двигательной силою, которая доставила ихъ къ берегамъ новой родины съ далекаго юга. Несомнѣнно родство этихъ южныхъ пришельцевъ въ Корею съ той южной островной расою, которая участвовала еще въ болѣе рѣзко выраженной степени², чѣмъ въ Корей, въ дѣлѣ сформированія племеннаго ядра нынѣшняго японскаго народа, имѣя перво-

южной Кореи выработало наиболѣе раннюю цивилизацію на полуостровѣ, сохранявшуюся впослѣдствіи въ теченіе долгаго времени, тогда какъ на дѣлѣ, по мнѣнію Бельца, населеніе южной Кореи раньше было сплошь варварскимъ) категорически отвергается Бельцомъ, не допускавшимъ, чтобы варварское населеніе Махан, одного изъ трехъ Хан южной Кореи, расположеннаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ древнимъ культурнымъ государствомъ сѣверной Кореи—Чіосѣн, не имѣло сношеній съ этимъ государствомъ, какъ это всегда имѣетъ мѣсто между варварскимъ и культурнымъ народомъ, и не подвергалось, цивилизующему вліянію этого послѣдняго.

¹) Какъ это утверждаетъ г. Хюльбертъ.

²) По этому поводу можно замѣтить, что въ Японіи малайскій типъ преобладаетъ, тогда какъ въ Корей является господствующимъ манчжуро-корейскій типъ, какъ его устанавливаетъ Бельцъ.

начальный центр тяжести на югъ-востокъ острова Кюсю, т. е. на пути того же Куросиво, наряду съ кореннымъ населениемъ страны (айнами), разсѣяннымъ по всѣмъ японскимъ островамъ, и съ пришлой материковой расою¹, достигнувшей Японіи въ западной части главнаго острова (въ Идзумо), возможно также на островъ Кюсю (см. ниже), путемъ черезъ Корею, и оставившей понынѣ столь осязательный слѣдъ среди японскаго народа въ видѣ одного изъ двухъ главныхъ физическихъ типовъ его съ продолговатыми и косопрорѣзанными глазами, обычными въ Корей и во всей сѣверо-восточной Азіи.

Для объясненія этого обстоятельства необходимо отмѣтить сравнительную близость этой части главнаго японскаго острова, образующаго въ лицѣ провинціи Идзумо выступъ по направленію къ корейскому полуострову въ части его, занятой провинціей Канъюндо, при чемъ острова Мацусима (Уллындодо) и Оки должны были сокращать и облегчать до извѣстной степени морское путешествіе между материкомъ и японскимъ главнымъ островомъ; кромѣ того надо принять во вниманіе холодное морское теченіе, которое зимою, когда дуютъ также сильные западные вѣтры отъ материка по направленію къ Японіи, доходить до юго-восточной оконечности корейскаго полуострова, встрѣчая здѣсь теплое теченіе, идущее отсюда въ восточную часть Японскаго моря, близко къ островамъ Оки. Это обстоятельство также могло направлять движеніе названной материковой расы отъ материка на главный островъ Японіи, почему докторъ Бельцъ прямо утверждаетъ, что первоначальное королевство Идзумо было корейскимъ и что его обитатели должны были прибыть туда изъ Кореи съ холоднымъ теченіемъ.

Съ самыхъ раннихъ временъ понынѣ, какъ заявляетъ докторъ Бельцъ², корейскія суда постоянно прибывали или приставали къ японскому берегу въ провинціяхъ Енциден или Идзумо въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ даже теперь корейскій

1) Baelz признаетъ, что предки японцевъ были монголы, явившіеся въ Японію въ результатѣ двухъ главныхъ потоковъ переселенія, вышедшихъ одинаково изъ Кореи и постепенно распространившихся на сѣверъ и югъ по главнымъ японскимъ островамъ. Japan Chronicle, 8 July, 1909, стр. 56.

2) Korea Review, II (1902), 444.

типъ оказывается наиболѣе обычнымъ въ Японіи. Во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы эта позднѣйшая материковая раса могла пройти съ материка на японскій архипелагъ тѣмъ же путемъ, какъ это сдѣлали коренные обитатели (т. е. болѣе ранніе переселенцы съ материка) японскихъ острововъ— айны, т. е. черезъ Сахалинъ и сѣверные японскіе острова, такъ какъ въ этомъ случаѣ слѣды пребыванія этихъ позднѣйшихъ материковыхъ пришельцевъ сохранились бы и въ другихъ частяхъ Японіи, не только въ провинціи Идзумо, какъ это наблюдается теперь.

Существованіе въ старину значительнаго иммиграціоннаго движенія изъ Кореи въ западную Японію подтверждается, по словамъ Бельца¹, прямыми историческими свидѣтельствами или даже оно происходитъ въ историческую эпоху. Когда въ IX стол. послѣ Р. Х., т. е. въ историческую въ строгомъ смыслѣ слова эпоху, былъ составленъ списокъ знатныхъ японскихъ родовъ, то изъ 1100 ихъ не менѣе 170 вело свое происхожденіе изъ Кореи и почти столько же изъ Китая. Если дѣло такъ обстояло по отношенію къ аристократическому сословію японскаго народа, столь гордаго своей самобытностью и чистотою крови, то сколь многочисленнѣе корейцы должны были быть въ ту эпоху среди нисшихъ классовъ населенія Японіи, въ результатѣ постоянныхъ войнъ и набѣговъ, шедшихъ изъ Японіи на полуостровъ, когда безчисленное множество народа должно было уводиться въ плѣнъ съ корейскаго полуострова въ Японію, или добровольныхъ переселеній съ полуострова въ эпоху культурнаго воздѣйствія корейскаго народа на Японію. Такимъ образомъ только для историческихъ временъ, на основаніи однихъ лишь официальныхъ данныхъ, можетъ быть составленъ безконечный списокъ переселеній въ Японію болѣе или менѣе многочисленныхъ группъ корейцевъ.

Профессоръ Т. Иноуэ въ лекціи, прочитанной въ японскомъ историческомъ обществѣ², высказалъ также убѣжденіе, что большая часть японскаго народа иммигрировала съ материка черезъ Корею въ Идзумо и уже отсюда постепенно распространилась на другія области Хондо; это была сильная и мужественная раса, которая, однако, была поко-

¹) Korea Review, II (1902), 443—444.

²) См. Japan Times, Weekly edition, 28 May 1910, 306—307.

рена затѣмъ августѣйшей (тенсон 天孫, т. е. потомковъ неба) расою съ острова Кюсё; этой послѣдней профессоръ Иноуе приписываетъ южное полинезійское (нанъё 南洋) происхожденіе, устанавливая вмѣстѣ съ тѣмъ южныя вліянія въ японской мифологіи, обычаяхъ, языкѣ. Материковая (корейская) раса превосходила числомъ этихъ южныхъ выходцевъ и ея утонченныя черты лица распознаются понынѣ среди представителей японской аристократіи.

Съ этимъ взглядомъ профессора Иноуе соглашается и другой японскій авторъ, пишущій подъ псевдонимомъ „Aidzan“—хорошо извѣстный историческій писатель Ямадзи, который посвятилъ этому вопросу рядъ статей въ газетѣ «Кокумин»¹, на основаніи исключительно литературныхъ данныхъ (японскихъ, корейскихъ и китайскихъ), въ частности путемъ сопоставленія общихъ легендъ²,—обычныя френологическія или археологическія разсужденія намѣренно избѣгаются имъ. Выводы г. Ямадзи могутъ быть сведены къ двумъ положеніямъ: 1) Ранѣе населеніе Японіи и Кореи было родственно между собою и въ преобладающей массѣ являлось расою сѣвернаго происхожденія³, въ двѣ различныя эпохи и по двумъ различнымъ маршрутамъ переселившейся на японскіе острова черезъ корейскій полуостровъ⁴, и 2) наряду съ этой преобладающей по численности и политическому господству материковой расою (въ этомъ пунктѣ и заключается главное несходство между взглядами обонхъ разбираемыхъ японскихъ авторовъ), въ Японіи и на западномъ и южномъ побережьѣ южной Кореи, ближайшемъ къ Японіи,

¹) The Japan Times, Weekly edition, 1910: June 18, стр. 411—412; June 25, стр. 454—6; July 2, стр. 491—2; July 9, стр. 526—7; July 16, 561; July 30, 633—635.

²) Напримѣръ, легенда о сошествіи съ неба правителей одинаково присуща японской, корейской (у Когурё, яп. Кома), рюкюской и маньчжурской мифологіямъ. См. Japan W. Times, 30 July 1910, 634 (цит. ст. Ямадзи).

³) По мнѣнію Ямадзи, населеніе трехъ древнихъ «Хан» Кореи было въ массѣ то же, что и населеніе трехъ позднѣйшихъ «Хан», или королевствъ Когурё, Пакчѣ и Силла, которое было родственно между собою и одинаково вышло съ сѣвера изъ области Фууй за хребтомъ Чанъбошань. Рядъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія см. Japan W. Times, 18 June 1910, 411 (отсутствіе, напримѣръ, обычая татуировки у населенія трехъ позднѣйшихъ «Хан», какъ и у большинства населенія трехъ раннихъ «Хан»).

⁴) То, что родину этой господствующей расы въ Японіи преданіе указываетъ не въ Идзумо, гдѣ присутствіе материковой расы твердо устанавливается историческими свидѣтельствами, а въ Хюга, гдѣ г. Ямадзи помѣщаетъ второе древнее средоточіе материковой расы на японской территоріи, объясняется именно тѣмъ, что съ незапамятныхъ временъ изъ Кореи вели въ Японію два различныхъ морскихъ маршрута: а) болѣе ранній съ восточнаго берега корейскаго полуострова въ Идзумо и Хёки на японскомъ берегу, на сѣверъ отъ Генкайнада, и б) болѣе поздній съ южнаго побережья Кореи черезъ острова Цусима къ японскому берегу въ Хидзен и Хиго и далѣе въ Хюга, на югъ отъ Генкайнада (оба маршрута, слѣдовательно, избѣгали бурнаго участка Японскаго моря, на востокъ отъ острова Ики вдоль берега провинціи Цикудзен до пролива Симоносеки, извѣстнаго подъ указаннымъ именемъ Генкайнада 玄界灘). Цит. статья, Japan W. Times, 30 July 1910, стр. 634.

существовали болѣе малочисленные южные (малайскіе) этническіе элементы¹, оказавшіе зато болѣе широкое, сравнительно со своей численностью и политической ролью, вліяніе на обычаи и языкъ всего народа. Эти южные этническіе элементы достигли, по мнѣнію Ямадзи, японской территоріи не обычно предполагаемымъ путемъ по Куроисиво прямо съ юга², но окольнымъ и долгимъ путемъ вдоль китайскаго побережья черезъ южныя и центральныя приморскія области Китая, въ старину составлявшія владѣнія У и Юэ³, съ Шаньдуномъ въ качествѣ опорнаго пункта⁴ на остающейся части пути въ Японіи.

1) Въ пользу присутствія малайскаго элемента говоритъ главнымъ образомъ распространеніе обычая татуировки—повсемѣстное въ самой Японіи и ограниченное нѣкоторыми мѣстностями, ближайшими къ Японіи, въ южной Корей въ болѣе раннюю эпоху; среди населенія позднѣйшихъ 3 «Хан» этотъ обычай не существовалъ (на основаніи свидѣтельствъ китайскихъ авторовъ, приводимыхъ въ Japan W. Times, 18 June 1910, 411). Последнее обстоятельство указываетъ на то, что малайскій элементъ въ населеніи южной Кореи игралъ не слишкомъ значительную роль; напротивъ, ему принадлежало преобладающее значеніе на островѣ Квельпартъ, служившемъ, по мнѣнію Ямадзи, промежуточнымъ пунктомъ для движенія малайской расы изъ южнаго и центрального Китая въ Японію; почему этотъ островъ имѣлъ давнишнюю связь съ Японіей (три божества, основавшія государство Танра на островѣ, имѣли каждое по японской женѣ). Апельсины, которыми славится островъ, должны были быть доставлены изъ южнаго Китая; этимъ же путемъ апельсины достигли и Японіи. Нынѣ существуетъ сходство между обычаями населенія этого острова и японскими.

Малайскій элементъ въ Японіи (вѣроятно и въ Корей), среди котораго былъ распространенъ обычай татуировки, представлялъ собою низшую расу, покоренную высшей материковой расою, поэтому и обычай татуировки былъ распространенъ въ Японіи не среди правящаго класса, а въ низшихъ слояхъ населенія, происшедшихъ отъ покоренной малайской расы.

Японскій языкъ и южно-китайскій (малайскій) имѣютъ значительное сходство между собою. Рядъ японскихъ обычаевъ имѣетъ малайское происхожденіе, см. цит. статья въ Japan W. Times, 9 July 1910 526—7: обычай носить яркое одѣяніе и красить зубы; привычка къ чистоплотности, присущая также въ болѣе мѣрѣ населенію южнаго Китая, гдѣ больше рѣкъ и меньше пыли, чѣмъ въ сѣверномъ Китаѣ, и гдѣ море ближе; другія сходства между японскими и малайскими обычаями см. Japan W. Times, 16 July 1910, 561, также сходство въ отношеніи произведеній, житейскаго обихода и языка между японцами и населеніемъ въ южномъ Китаѣ (въ частности воинскій духъ, присущій одинаково японцамъ и племенамъ этой части Китая).

2) Въ противномъ случаѣ аналогичныя путешествія повторялись бы и въ историческую эпоху, что, однако, неизвѣстно Ямадзи (Japan W. Times, 25 June 1910, 455).

3) Не даромъ Вэйши въ исторіи Саньгочжи (написанной въ IV столѣтіи послѣ Р. X.) предполагаетъ близкую связь между японцами и населеніемъ У и Юэ (на крайнемъ югѣ Китая также существовалъ обычай татуировки, какъ и въ провинціи Чжаэцзянь (Japan W. Times, 18 June 1910, 411, и July 1910, 526).

4) Japan W. Times, 25 June 1910, 455—6, и 2 July, 491—492. Болѣе подробный маршрутъ этого малайскаго движенія изъ Китая въ Японію приводится тамъ же, 2 July, 492: области У и Юэ, Шаньдунъ, корейскій архипелагъ, островъ Квельпартъ, островъ Кюсю (первой точкою, гдѣ малайцы вступали на японскую территорію, являлся островъ Цикасима въ Мацурагунъ въ провинцію Хидзен, на юго-востокъ отъ острова Квельпартъ).

Тѣсное родство между японцами и корейцами сохраняется, по мнѣнію Ямадзи, и въ эпоху трехъ позднѣйшихъ «Хан», т. е. уже въ историческое время, при чемъ онъ приводитъ въ пользу этого утверждения рядъ доказательствъ изъ области мифологіи и религіозныхъ воззрѣній, — одинаковыхъ у того и другого народа¹, отмѣчая также сходство въ обычаяхъ (напримѣръ, крайнее отвращеніе къ мертвецамъ) и соціальной организациі, наконецъ, родство языковъ². Отсюда онъ дѣлаетъ аналогичный съ вышенприведенными мнѣніями выводъ, что разъ это родство и близость между обоими народами несомнѣнны еще въ эпоху трехъ позднѣйшихъ «Хан», а населеніе этихъ послѣднихъ, столь же несомнѣнно, вышло съ сѣвера, то слѣдовательно и сами японцы въ большинствѣ принадлежатъ къ той же сѣверной материковой расѣ.

Несомнѣнность племенного родства между предками южныхъ корейцевъ и одной изъ народныхъ группъ, участвовавшей, если даже и въ менѣе значительной степени (по мнѣнію г. Ямадзи), по сравненію съ другими аналогичными элементами (кромѣ вліянія на языкъ и обычаи), въ дѣлѣ сформированія позднѣйшей единой японской націи, доказывается сторонниками этого взгляда, какъ уже вскользь упоминалось выше, и съ помощью лингвистическаго родства между ними, которое выражается полнымъ совпаденіемъ грамматическаго строенія въ нынѣшнихъ японскомъ и корейскомъ языкахъ, сохраняющаго архаическія черты, при совершенномъ или, по крайней мѣрѣ, весьма значительномъ различіи лексическаго состава, видоизмѣнявшагося въ позднѣйшія эпохи.

Уже Астонъ³, на основаніи удивительнаго сродства грамматической конструкціи ихъ языковъ⁴, заключалъ о родственной связи между обоими народами — японскимъ и корейскимъ, но его доказательства были признаны Чемберленомъ недостаточно убѣдительными. Однако, самъ Чемберленъ, несмотря на при-

¹) Japan W. Times, 18 June 1910, 412.

²) Japan W. Times, 25 June 1910, 454; ср. J. W. Times, 30 July 1910, 634.

³) Aston, W. A Comparative study of the Japanese and Korean languages: Journ. Roy. Asiatic Society of Great Britain and Ireland, vol. XI, стр. 332—362. London 1879.

⁴) Новѣйшій авторъ Lay, Arthur Hyde.—The Study of corean from the point of view of a student of the Japanese language, стр. 48: Transactions of the Asiatic Society of Japan, vol. XXXIV, part I (1906), формулируетъ это сходство между обоими языками въ слѣдующихъ словахъ: «Въ грамматическомъ строеніи японскій и корейскій языки походятъ одинъ на другой въ необычайной степени и являются болѣе или менѣе тождественными въ синтаксисѣ, почему оказывается практически возможнымъ переводить съ одного языка на другой буквально слово за слово».

сущую ему осторожность въ окончательныхъ выводахъ, подтверждалъ, что почти всѣ японскія установленія и элементы культуры достигли Японіи изъ Китая черезъ Корею и что по японскимъ историческимъ памятникамъ можно прослѣдить вглубь первыхъ проблесковъ японской исторіи указаніе на Корею, какъ на страну, съ которой время отъ времени поддерживались сношенія.

Въ самое недавнее время японскій профессоръ С. Канадзава 金澤¹, на основаніи изученія прошлой исторіи Японіи и Кореи и существующаго сходства въ отношеніи особенностей японскаго и корейскаго языковъ, пришелъ также къ выводу², что сношенія между населеніемъ обѣихъ странъ восходятъ къ древнѣйшимъ временамъ, при чемъ различіе между обоими языками никогда не было велико, такъ что не являлось даже нужды въ особыхъ переводчикахъ, кромѣ какъ впослѣдствіе, когда сношенія между Японіей и Кореей сдѣлались менѣе тѣсными и постоянными³. Профессоръ Канадзава тщательно анализируетъ въ своей небольшой брошюрѣ грамматику обоихъ языковъ, послѣ предварительнаго разбора фонетики того и другого языка, и приводитъ рядъ параллельныхъ примѣровъ, иллюстрирующихъ сходство между ними и подтверждающихъ его основное положеніе о первоначальномъ родствѣ ихъ. Японскіе рецензенты, правда, нѣсколько предрасположенные въ пользу его теоріи прежними заявле-

1) Проф. Канадзава первоначально напечаталъ въ 1909 г. свою статью въ брошюрѣ, изданной «Восточнымъ Обществомъ» въ Токио, среди нѣсколькихъ другихъ статей, посвященныхъ новѣйшимъ научнымъ изысканіямъ въ Маньчжуріи и Корей. Тогда же отзывъ объ этой статьѣ былъ данъ Japan W. Chronicle, 6 July 1909, и перепечатанъ Seoul Press, 10 July 1909. Въ 1910 г. указанная статья была напечатана въ англійскомъ переводѣ, съ приложеніемъ самаго японскаго текста, подъ заглавіемъ S. Kanazawa, The common origin of the Japanese and Korean Language. Tokyo, Sanseido. 41 стр. (японское заглавіе статьи («Разсужденія») 日韓兩國語同系論 Никкан-ригокуго-дѳкейрон). Рецензія по поводу изданія англійскаго перевода была помѣщена между прочимъ въ Young Pao, 1910, стр. 311.

2) Kanazawa, The common origin of the Japanese and Korean Language, стр. 1—2, введеніе. Это введеніе начинается авторомъ словами: «Корейскій языкъ принадлежитъ къ той же семьѣ языковъ, какъ японскій языкъ, являясь на дѣлѣ вѣтвью японскаго языка, подобно туземному языку на островахъ Рюкю. Отношеніе между корейскимъ и японскимъ языками то же, что между нѣмецкимъ и голландскимъ языками, одинаково составляющими вѣтви одного и того же тевтонскаго древа, или между французскимъ и другимъ романскимъ языкомъ—испанскимъ».

3) Тамъ же, 2—3.

ніями въ томъ же смыслѣ другихъ японскихъ авторовъ (ученыхъ и политическихъ дѣятелей, усматривавшихъ въ этомъ оправданіе японской дѣятельности въ Корей) признаютъ выводы проф. Канадзава вполне убѣдительными и окончательно разрѣшающими весь вопросъ въ смыслѣ общаго происхожденія указанныхъ языковъ¹.

Это общее происхожденіе японскаго и корейскаго языковъ², столь отличныхъ отъ другихъ языковъ восточной и внутренней Азіи, въ пользу котораго высказывается нынѣ столько мнѣній среди авторовъ, извѣстныхъ своими научными работами по другимъ вопросамъ, можно объяснить себѣ (конечно, если признавать, вмѣстѣ съ Хюльбертомъ, что нынѣшній корейскій языкъ представляетъ собою языкъ бывшаго населенія Южной Кореи, см. ниже) скорѣе всего тѣмъ, что южные обитатели Кореи и указанные южные иммигранты въ Японіи принадлежали первоначально къ одному и тому же племенному корню и притомъ вышли съ юга³. Установить этотъ первоначальный корень въ настоящее время является дѣломъ большой трудности и вынуж-

1) Japan W. Chronicle, 6 July 1909. Къ тому же выводу относительно общаго происхожденія корейскаго и японскаго языковъ пришли и два другихъ японскихъ профессора—Сиратори 白鳥 и Миязаки 宮崎, первый съ исторической точки зрѣнія, второй съ юридической. Библиографическая справка относительно соответствующихъ статей названныхъ профессоровъ помѣщена въ цит. брошюрѣ Канадзава въ англійскомъ переводѣ на стр. 4, прим. 1 и въ японскомъ текстѣ на 4—5 стр.

2) Съ точки зрѣнія вопросовъ современной политики, по мнѣнію японскихъ рецензентовъ статьи проф. Канадзава, это обстоятельство наводитъ на мысль, что не трудно будетъ японизировать корейцевъ; поэтому можно сказать, что профессоръ Канадзава доставилъ японскимъ государственнымъ людямъ прочную основу для установленія принциповъ постоянной политики въ Корей. Japan W. Chronicle, 6 July 1909.

3) Совершенно независимо отъ историческихъ и филологическихъ изысканій, опираясь лишь на особенности физическаго типа, самъ д-ръ Бельцъ, который представилъ вѣския возраженія на теорію Хюльберта во всемъ ея объемѣ, пришелъ къ заключенію, что въ южной Корей должно было имѣть мѣсто переселеніе съ юга. Однако, Бельцъ не отваживается выводить это переселеніе изъ Индіи, по довольствуется установленіемъ факта, что переселенцы или завоеватели должны были прибыть съ нѣкоторыхъ изъ большихъ острововъ на востокъ и югъ отъ Кореи или, возможно, изъ южнаго Китая. Въ частности островъ Квельпартъ, несомнѣнно, былъ заселенъ малайцами, какъ и островъ Формоза, будучи расположенъ по линіи Куросиво. Однако, соглашаясь, что по южному краю корейскаго полуострова, омываемому Куросиво, наблюдается среди населенія небольшая примѣсь малайской (или, что тоже, южной монгольской) крови, Бельцъ всеже категорически утверждаетъ, что неизмѣримое большинство корейцевъ является безошибочно сѣвернаго происхожденія (Baelz, The Origin of the Korean People (письмо въ редакцію): Korea Review, II, 1902, стр. 440, 442, 443).

даетъ ограничиться болѣе или менѣе правдоподобными догадками. Наболѣе категорически высказывается по этому поводу тотъ же Хюльбертъ¹, который относитъ предковъ южныхъ корейцевъ къ дравидскимъ племенамъ южной Индіи (которымъ родственны и малайцы), въ свою очередь составляющимъ вѣтвь монгольской расы². Такимъ образомъ, по его мнѣнію, дравидскія племена или ихъ позднѣйшіе представители—малайцы, дали населеніе южной части корейскаго полуострова, сохранявшее въ теченіе долгаго времени, какъ видно изъ китайскихъ историческихъ сообщеній, нѣкоторыя привычки и особенности, свойственныя племенамъ южной (малайской) Азіи. Къ малайскому же племени другіе авторы, какъ указывалось выше, относятъ и южныхъ иммигрантовъ Японіи, подтверждая такимъ образомъ ихъ первоначальную племенную близость къ предкамъ южныхъ корейцевъ. Чтобы, однако, объяснить столь значительное различіе въ настоящее время японскаго и корейскаго языка (нынѣшній корейскій языкъ, независимо отъ китайскихъ элементовъ, представляетъ, какъ увѣряетъ Хюльбертъ, по своему происхожденію языкъ бывшихъ южныхъ обитателей полуострова), г. Хюльбертъ предполагаетъ, что, выйдя изъ одной и той же первоначальной родины, предки южныхъ корейцевъ и южныхъ переселенцевъ Японіи двигались къ сѣверу различными путями—первые прямо по ближайшей къ материку линіи острововъ, вторые окольнымъ путемъ далѣе къ востоку черезъ полинезійскіе острова.

Какъ ни относиться къ столь категорическимъ и далеко идущимъ выводамъ г. Хюльберта, однако, необходимо при-

1) Korean Repository, 1895, стр. 219, 255; Bulletin of Amer. Geogr. Soc., XXXII, № 4. 1900: «Korea's Geographical Significance» и въ другихъ статьяхъ и трудахъ того же автора.

2) Статья его же: The Korean Pronoun въ Korea Review, 1901, I, 53—56, устанавливаетъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ тождество между мѣстоименіями первого и второго лица въ корейскомъ языкѣ и въ языкахъ южно-туранской семьи въ Индіи и на малайскихъ островахъ, тогда какъ между корейскимъ языкомъ и языками сѣверныхъ туранскихъ народовъ въ этомъ отношеніи не имѣется никакого сходства. Фактъ, что мѣстоименіе второго лица у японцевъ имѣетъ корень, сходный съ корейскимъ и въ особенности съ языками южно-туранскими, подтверждаетъ убѣжденіе, что корейскій и японскій языки являются далекими отзвуками южнаго языка. Болѣе подробно вопросъ о многихъ сходствахъ между корейскимъ языкомъ и языками южной группы туранской семьи народовъ трактуется Хюльбертомъ въ Comparative Grammar of the Korean Language and the Dravidian Dialects of Southern India.

знать несомнѣннымъ отчетливо устанавливаемый его теоріей и взглядами другихъ авторовъ фактъ примѣси южныхъ племенныхъ элементовъ среди населенія южной Кореи, если даже не признавать цѣликомъ южнаго происхожденія обитателей южной Кореи, и проникновенія черезъ нихъ въ Корею, нѣкоторыхъ существующихъ или существовавшихъ раньше въ Корей обычаяхъ и предметовъ матеріальнаго быта, также обнаруживающихъ южное происхожденіе¹.

Этимъ же обстоятельствомъ можетъ объясняться наблюдаемое понынѣ различіе между населеніемъ сѣверной и южной Кореи, въ чемъ сохранились до извѣстной степени прежнія еще болѣе рѣзкія различія между ихъ предками, принадлежавшими либо къ весьма удаленнымъ одна отъ другой вѣтвямъ монгольской расы, либо къ различнымъ группамъ одной и той же вѣтви этой расы, выселившимся съ материка на большомъ разстояніи времени одна отъ другой и потому утратившимъ связь между собою. Во всякомъ случаѣ принадлежность всѣхъ составныхъ единицъ корейскаго народа къ одной и той же монгольской расѣ устанавливала общность всѣмъ имъ, иногда лишь въ смягченной формѣ, характерныхъ физическихъ чертъ, кладущихъ отпечатокъ на всѣхъ многочисленныхъ представителяхъ этой азіатской по преимуществу расы.

Предки какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ корейцевъ являлись на самомъ полуостровѣ народомъ пришлымъ тунгузскаго или малайскаго происхожденія; застали-ли они на корейскомъ полуостровѣ коренное населеніе и каково было племенное происхожденіе этого послѣдняго, остается понынѣ открытымъ вопросомъ и, можетъ быть, никогда не получитъ окончательнаго разрѣшенія.

¹) Ко многимъ доказательствамъ этой категоріи, приводимымъ Хюльбертомъ—обычай татуировки, малый ростъ корейскихъ лошадей, мореходныя наклонности ранняго населенія трехъ «Хан», незнакомство съ цѣнностью золота и серебра, длиннохвостыя куры—Бельцъ (цит. письмо въ Korea Review, II, 1902, стр. 441—443) относится совершенно отрицательно и его критическія замѣчанія на этотъ счетъ должны быть признаны вполне справедливыми. Однако, не всѣ доказательства Хюльберта въ указанномъ отношеніи могутъ быть опровергнуты столь же легко, и нѣкоторые его примѣры доказываютъ съ очевидностью извѣстную бытовую связь между южнымъ островнымъ міромъ и южной Кореей, не говоря объ островѣ Квельпартъ, который въ отношеніи малайской иммиграціи составляетъ одно цѣлое съ сосѣдними островами собственной Японіи.

Различія, сохранившіяся понынѣ въ физическомъ типѣ между отдѣльными группами корейскаго народа, населяющими тѣ или другія части полуострова, простираются и на нравственныя ихъ качества. Въ этомъ отношеніи населеніе каждой изъ прежнихъ восьми корейскихъ провинцій, представлявшихъ вполнѣ отчетливыя естественныя дѣленія полуострова, обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ особыми присущими ему нравственными чертами, отличающими его отъ населенія другихъ провинцій. Это обстоятельство было подмѣчено уже въ XVI столѣтіи корейскимъ философомъ И Тхойгѣ 李退溪 (1501—1571 г. по Р. Х.), сдѣлавшимъ оригинальную попытку изобразить каждую изъ корейскихъ провинцій подъ видомъ того или другого животного или птицы, съ чѣмъ нравомъ имѣеть сходство характеръ населенія той или другой провинціи¹. Вслѣдствіе значительнаго интереса, представляемаго этими характеристиками, равно какъ того обстоятельства, что онѣ позволяютъ дѣлать извѣстные выводы, ниже приводятся наиболѣе существенныя извлеченія изъ нихъ съ нѣкоторыми поясненіями.

Первая въ списокѣ столичная провинція Кёнъгъгъдо была представлена указаннымъ авторомъ подъ видомъ фазана за франтовство и склонность ея обитателей ко всякаго рода украшеніямъ и измѣнчивой модѣ, а вторая за ней провинція Чхюньчхёнъдо въ описаніи того же И Тхойгѣ имѣла своей эмблемою сороку, какъ птицу, отличающуюся почти ручнымъ нравомъ, который побуждаетъ ее держаться близости человѣка и человѣческаго жилья, и обладающую звонкимъ и чистымъ голосомъ. Такъ и языкъ обитателей этой провинціи очень благозвученъ и мягокъ; нравы ихъ чище и просвѣщеннѣе, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, почему они пользуются всеобщимъ уваженіемъ по всей странѣ, какъ бы ни были бѣдны².

Жители провинціи Чёлладо, какъ и острова Квельпартъ, населеніе котораго мало отличается отъ обитателей этой про-

¹) V. du Rouelle, Les coréens jugés par un de leurs sages: Mélanges Japonais, № 13, Janvier 1907, стр. 43—55; русскій переводъ съ нѣкоторыми сокращеніями см. въ фельетонѣ: Корейцы по описанію корейцевъ: газета «Россія», 2 авг. 1907, стр. 2—3 (здѣсь имя философа пишется Нитойки согласно транскрипціи французской статьи Ni Toi-kyei).

²) Въ провинціи Чхюньчхёнъдо встрѣчаются представителя самыхъ знатныхъ родовъ корейскаго дворянства; изъ среды ихъ обычно выбирали супругъ для корейскаго короля и принцевъ крови.

винціи, за исключеніемъ въ настоящее время нѣкоторыхъ японскихъ обычаевъ, трусливы, лукавы и коварны, какъ лисица, которая и служить эмблемою этой провинціи, по мнѣнію И Тхойгъ; они никогда не скажутъ правды и умѣютъ вывертываться изъ самаго затруднительнаго положенія; недаромъ про нихъ сложилась поговорка: «Одинъ мертвецъ изъ провинціи Чёлладо стоитъ трехъ живыхъ людей изъ провинціи Чхюньчхёнъ-до». Непостоянство составляетъ также отличительную черту обитателей провинціи Чёлладо и въ этой провинціи главнымъ образомъ вербовались толпы мятежниковъ во время столь частыхъ на полуостровѣ волненій, всегда отличавшихъ внутреннюю политическую жизнь его (въ новѣйшее время эта провинція служила главнымъ центромъ дѣятельности тонъхаковъ, при чемъ эта секта и возникла первоначально въ самой провинціи; въ этой же провинціи японцы нашли себѣ самыхъ сговорчивыхъ пособниковъ для подготовки установленію японскаго протектората надъ Кореей¹). Корейское правительство правильно оцѣнивало эту сторону характера населенія Чёлладо и никогда не довѣряло его преданности и вѣрности.

Провинцію Кёнъсяньдо И Тхойгъ изображаетъ подъ видомъ тигра, указывая этимъ на драчливый и мстительный, съ отбѣнкомъ жестокости, характеръ обитателей этой провинціи, которые изъ-за всякихъ пустяковъ ссорятся и дерутся, кончая драку только послѣ того, какъ одинъ изъ соперниковъ свалится замертво на землю. Даже женщины отличаются въ этой провинціи крайне мстительнымъ нравомъ, не останавливаясь передъ самоубійствомъ послѣ пустой домашней ссоры, чтобы послѣ смерти въ качествѣ злыхъ духовъ мстить мужьямъ. Преступленія въ родѣ челоубійства въ этой провинціи обычны. Кромѣ того, жители Кёнъсяньдо отличаются крайнею необдуманностью и готовы пойти, не разсуждая, за всякимъ, кто громче всѣхъ кричитъ².

1) Rouelle, Les coréens jugés par un de leurs sages, 47.

2) Въ связи съ этимъ Rouelle рассказываетъ, какъ въ 1906 г. толпа въ Тагу, подъ вліяніемъ одного крикуна, который приглашалъ ее отправиться къ губернатору требовать освобожденія отъ налоговъ, которыхъ все равно императоръ не получаетъ, произвела передъ домомъ губернатора шумную манифестацию. Однако, губернаторъ, привыкшій къ подобнымъ выступленіямъ населенія, безъ труда успокоилъ толпу разными обѣщаніями.

Населеніе провинці Каньюндо, гористой и самой бѣдной изъ всѣхъ, отличается простотою, доходящей до дикости, неразвитостію, вслѣдствіе малаго распространенія грамотности, и прямодушіемъ. Многочисленность буддійскихъ монастырей, которыхъ въ этой провинціи сохранилось больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ страны, способствуетъ поддержанію на низкомъ уровнѣ культурнаго развитія ея обитателей. Зато въ этой провинціи преступность—убійство и воровство, менѣе развита, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ и чиновникамъ здѣсь всегда было очень мало дѣла. Въ силу всѣхъ названныхъ качествъ ея обитателей И Тхойгъ дѣлаетъ эмблемою этой провинціи медвѣдя, тогда какъ слѣдующей провинціи—Хамгёндо—быка, за глупость населенія, которое къ тому же въ западной части, прилегающей къ Маньчжуріи, по своимъ обычаямъ является болѣе китайскимъ, чѣмъ чисто корейскимъ. Въ виду этого обстоятельства, а также удаленности и малонаселенности этой провинціи, мѣстами представляющей какъ-бы пустыню, сюда ссылали раньше чиновниковъ за какой-нибудь проступокъ. Глупость населенія Хамгёндо выражается тѣмъ, что въ этой провинціи населеніе чаще гибнетъ отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ; дѣти безъ числа тонуть или заживо сгораютъ, путешественники падаютъ въ воду при проходѣ черезъ сгнившій мостъ, старики замерзаютъ въ дорогѣ или заносятся снѣгомъ. Жители строятъ свои хижины нерѣдко въ опасныхъ мѣстахъ у подножья оголенныхъ горъ; несмотря на то, что ихъ дома регулярно сносятся лавинами, всѣ уцѣлѣвшіе въ живыхъ упрямо продолжаютъ оставаться на старомъ мѣстѣ¹.

¹) Однако, Grierson въ Korea Review, IV, 1904, 398, протестуетъ противъ обычнаго взгляда, будто обитатели сѣверовостока Кореи (Хамгёндо) являются невѣжественными мужиками, утверждая, что въ отношеніи книжной образованности они въ среднемъ не уступаютъ обитателямъ другихъ провинцій, какъ и въ отношеніи манеръ не идутъ далеко за обитателями мѣстностей близъ столицы. Бѣдными ихъ тоже нельзя назвать, такъ какъ въ среднемъ они зажиточнѣе обитателей южной Кореи и, напримѣръ, въ городѣ Танчхён, какъ впрочемъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ, черепичныя крыши многочисленнѣе соломенныхъ; въ гористыхъ мѣстностяхъ сѣвера провинціи дома просторнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ большей части остальной Кореи, такъ какъ дѣсь дешевле и имѣется на мѣстѣ въ изобиліи (см. подробности тамъ же, 398-9). Характеръ населенія въ Хамгёндо болѣе твердый и мужественный, чѣмъ у южныхъ корейцевъ, отличающійся болѣе независимостію и готовностію отвѣтить на обиду (тамъ же, 399—400).

Жители провинціи Хоанъхăдо драчливы и задорны, какъ собака, подѣ видомъ которой И Тхойгъ пзображаютъ эту провинцію, склонны къ тяжбамъ, но они также привязаны къ родинѣ и своему мѣсту, какъ собака; здѣсь можно встрѣтить семью, живущую въ одномъ и томъ же домѣ въ теченіе 14—15 поколѣній, что большая рѣдкость въ Корей, гдѣ родовое помѣстье обычно за долги попадаетъ къ кредиторамъ. Эта неподвижность населенія Хоанъхăдо послужила поводомъ къ тому, что о человѣкѣ, любящемъ путешествовать, въ Корей говорятъ: «онъ не уроженецъ провинціи Хоанъхăдо».

Наконецъ, браки въ той же Хоанъхăдо отличаются большой плодовитостью, напоминая необыкновенную плодовитость корейской собаки (15—20 щенятъ въ годъ), почему семьи въ этой провинціи болѣе многолюдны, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, а плотность населенія самой провинціи, наименьшей изъ всѣхъ корейскихъ провинцій, является наиболѣе значительной во всей Сѣверной Корей.

Эмблемой восьмой и послѣдней (при жизни И Тхойгъ, т. е. до раздѣленія страны на 13 провинцій вмѣсто прежнихъ восьми) провинціи Корей—Пхёнъандо является, по его мнѣнію, лошадь; подобно корейской лошади, небольшого роста, но очень горячей и неустрашимой, жители этой провинціи меньше ростомъ жителей другихъ провинцій, но храбрѣе и смѣлѣе остальныхъ корейцевъ. Они упрямы и упорны, не знаютъ лести и низкихъ интригъ, малообщительны, но преданы до конца. Ихъ суровость и дикость доходитъ нерѣдко до жестокости и случаи преднамѣреннаго убійства, вообще рѣдкаго въ Корей, здѣсь бывають чаще, чѣмъ въ другихъ частяхъ страны.

Въ вышеприведенныхъ характеристикахъ нрава обитателей различныхъ провинцій Корей представляется наиболѣе важнымъ то обстоятельство, что въ преобладающихъ нравственныхъ качествахъ населенія различныхъ частей полуострова были, несомнѣнно, унаслѣдованы особенности нрава ихъ далекихъ предковъ—сѣверныхъ и южныхъ выходцевъ монгольской расы, какъ объ этомъ говорилось выше, при чемъ въ вѣроломствѣ, лживости и непостоянствѣ обитателей провинціи Чѣлладо наилучше сохранились типичныя качества малайской расы, тогда

какъ простодушіе, безстрашіе и нѣкоторая умственная неразвитость являются въ той же мѣрѣ отличительными качествами народовъ внутренней Азіи монгольской расы. Слѣдовательно, въ этомъ не всегда лестномъ, но, пожалуй, справедливомъ отзывѣ И Тхойгъ о соотечественникахъ можно видѣть опять таки подтвержденіе факта двойкаго происхожденія нынѣшняго корейскаго народа.

Численность населенія. Только въ 1909—1910 г. японцами была предпринята окончательная попытка установить точную цифру всего корейскаго населенія на полуостровѣ, тогда какъ всѣ прежніе оффиціальныя подсчеты этого рода отличались большой неопредѣленностью и недостоверностью и подавали поводъ къ значительнымъ разногласіямъ среди европейскихъ авторовъ, при чемъ колебанія общаго итога населенія простирались отъ $8\frac{1}{2}$ милліоновъ душъ¹ до 10 милліоновъ душъ², 12 милліоновъ³ и, наконецъ, 16 милліоновъ⁴. Составители «Описанія Кореи»⁵, на основаніи тщательнаго разбора всего доступнаго матеріала, пришли въ 1900 г. къ тому заключенію, что если численность народонаселенія современной Кореи, можетъ быть, и не достигаетъ 15—16 милліоновъ, то во всякомъ случаѣ она составляетъ болѣе 10 милліоновъ.

Корейскіе оффиціальныя подсчеты населенія, какъ они производились въ прежнюю дореформенную эпоху, составлялись на основаніи особыхъ списковъ населенія каждой провинціи Кореи, т. н. синиён 式年, которые велись мѣстными властями, при чемъ каждые три года губернаторъ провинціи, руководствуясь ими, доставлялъ въ Сеулъ министерству финансовъ свѣдѣнія о численности населенія подвѣдомственной провинціи. Составленіе такихъ списковъ преслѣдовало въ Корей, какъ и въ Китаѣ, откуда была заимствована вся система, фискальныя цѣли—выясненіе числа платежныхъ единицъ, въ зависимости отъ чего и опредѣлялась сумма податей, подлежащая сбору съ населенія мѣстными властями и отсылкѣ съ мѣсть въ распоряженіе центральныхъ органовъ правительства. Въ виду этого населеніе всячески уклонялось отъ занесенія его именъ въ эти списки, подававшіе поводъ къ лишнимъ поборамъ съ него со стороны мѣстныхъ чиновниковъ, несмотря на суровыя кара-

¹) Böhm, Die Bevölkerung der Erde, 1875, VII, стр. 33.

²) Dallet, Histoire de l'église de Corée, 1874.

³) Гриффисъ въ Corea, The Hermit Nation, 1882.

⁴) Oppert, A Forbidden Land, въ серединѣ 60 гг., японскій подсчетъ 1881 г. и Allen въ Korean Repository, 1892, стр. 278.

⁵) I, 335.

тельные мѣры со стороны правительства по отношенію къ лицамъ, не показаннымъ въ спискахъ, а провинціальная администрація точь-въ-точь, какъ поступали въ такихъ случаяхъ соотвѣтствующіе органы власти въ Китаѣ, умышленно уменьшала цифру населенія въ этихъ спискахъ, въ видахъ сокращенія суммы податей, подлежащей передачѣ центральному правительству и соотвѣтственно этому увеличенію собственныхъ доходовъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, по общему признанію всѣхъ европейскихъ авторовъ, показанія официальныхъ списковъ населенія Кореи являлись крайне ненадежными, какъ стоявшія значительно ниже дѣйствительности. Однако, подсчетъ населенія, произведенный японцами въ 1909—10 г., доказалъ достаточную точность и болѣе раннихъ корейскихъ официальныхъ подсчетовъ.

Въ историческомъ порядкѣ эти подсчеты для отдѣльных лѣтъ, главнымъ образомъ XIX столѣтія, давали слѣдующія общія цифры населенія (первый подсчетъ населенія, на основаніи названныхъ податныхъ списковъ населенія, или синён, былъ произведенъ въ правленіе девятаго короля династіи И около 1482 г.): въ 1763 г. общая численность населенія Кореи выражалась въ 7,342,361 душъ, въ 1804 г. въ круглыхъ цифрахъ въ 7,150,000 душъ (1,680,000 семействъ); въ 1844 г.—въ 7,500,000 душъ (1,720,000 семействъ), въ 1852 г.—въ 6,860,000 душъ (1,604,000 семействъ), въ 1861 г.—въ 6,750,000 душъ (1,477,000 семействъ), въ 1883 г.—въ точныхъ цифрахъ въ 10,518,937 душъ (2,355,499 семействъ)¹. Если цифры для нѣкоторыхъ болѣе раннихъ лѣтъ могли быть умышленно уменьшены провинціальной администраціей, то цифра 1883 г. въ 10¹/₂ милліоновъ душъ оказывается въ свѣтъ новѣйшихъ японскихъ данныхъ совершенно убѣдительною.

1 сентября н. ст. 1896 г., подъ японскимъ вліяніемъ были опубликованы новыя правила относительно собиранія свѣдѣній о численности народонаселенія—хого-тчиюса-кючхык 戶口調査規則, которыми это дѣло поручалось старшинѣ cadastra селенія мѣнчхянъ (яп. менчю) 面長, подъ наблюденіемъ уѣзднаго или окружнаго начальника или городского префекта, при чемъ подсчетъ населенія долженъ былъ пересматриваться каждый годъ. Въ 1897 г. на основаніи новыхъ правилъ была произведена первая перепись, давшая, однако, въ общей сложности для численности населенія всей страны лишь цифру въ 5,198,248 душъ (1,332,501 дворовъ), т. е. цифру меньшую въ два раза, чѣмъ цифра 1883 г., и уступающую даже цифрѣ 1763 г., т. е. за 134 года передъ тѣмъ. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ сыграла роль завѣдомая недобросовѣтность провинціальныхъ правительственныхъ агентовъ, можетъ быть и самихъ сельскихъ старшинъ, тѣмъ болѣе что перепись производилась опять таки въ цѣляхъ пересмотра податного обложенія. Уже средняя цифра по три человѣка на

¹) Описаніе Кореи, I, 330.

одну семью, которая получается изъ цифръ настоящей переписи, является совершенно невѣроятной, такъ какъ, по общему убѣжденію вполне компетентныхъ наблюдателей, на каждую семью (дворъ) въ Корей должно считать не менѣе 5—6 и даже болѣе человекъ. Въ 1900 г. этимъ же путемъ была получена цифра въ 5,608,151 душъ, которая являлась врядъ ли менѣе подозрительной, чѣмъ первая цифра¹.

Послѣ этихъ неудачныхъ опытовъ (они повторялись и позже съ тѣми же неудовлетворительными результатами) японское совѣщательное полицейское бюро предприняло въ 1906 г. перепись населенія полуострова, получивъ къ 28 марта 1907 г. общую цифру населенія (исключительно корейскаго) для всей страны въ 9,781,671 душъ въ 2,333,087 дворахъ. По отдѣльнымъ провинціямъ численность населенія по этой переписи представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

	Дворовъ.	Душъ.
Провинція Кёнъгыдо, включая Сеуль	256,550	1,068,345
Сѣверная Чхюньчхёндо	115,929	491,717
Южная »	164,965	649,756
Сѣверная Кёнъсяндо	274,338	1,062,991
Южная »	283,817	1,270,258
Сѣверная Чёлладо	157,412	597,393
Южная »	235,530	850,635
Хоанъхъдо	208,456	901,099
Сѣверная Пхёнъандо	158,144	689,017
Южная »	138,971	600,119
Сѣверная Хамгёндо	72,925	390,045
Южная »	127,076	582,463
Канъуёндо	138,974	627,833
Всего.	2,333,087	9,781,671

Эти цифры не могли считаться абсолютно достовѣрными, по признанію самихъ японцевъ², такъ какъ въ перепись не было включена численность населенія различныхъ меньшихъ острововъ и внутреннихъ мѣстностей сѣверныхъ провинцій страны.

¹) По поводу этой цифры въ 5,608.151 редакція Korea Review (I. 1901, 26) заявляетъ, что, очевиднымъ образомъ, она не представляетъ всего населенія Кореи. Можетъ быть, несовершеннолѣтніе не включались въ этотъ подсчетъ или онъ представлялъ лишь ту часть населенія, которая уплачиваетъ налоги центральному правительству. Редакція названнаго журнала лично склонялась къ послѣднему предположенію.

²) Second Annual Report on reforms and progress in Korea (1908—09), 16.

Послѣ преобразованія корейскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, въ началѣ 1908 г. былъ учрежденъ отдѣлъ переписи минчжѣккоа (яп. минсекика) 民籍課 въ департаментѣ полиціи кѣнъмугук (яп. кеймукиоку) 警務局 министерства внутреннихъ дѣлъ и въ февралѣ того же года всѣ обязанности въ отношеніи производства переписи были переданы въ провинціяхъ въ руки начальниковъ провинціальныхъ полицейскихъ управленій (правила производства переписи были опубликованы въ мартѣ 1909 г.). Полицейскимъ чинамъ было предписано собирать свѣдѣнія о дѣйствительномъ числѣ отдѣльныхъ дворовъ и населенія въ нихъ, равно какъ старшины селеній были обязаны представить собственныя опросныя данныя по тому же предмету. Къ производству переписи на этихъ основаніяхъ было приступлено разновременно въ отдѣльныхъ провинціяхъ, въ однихъ въ іюлѣ или августѣ, въ другихъ лишь въ сентябрѣ 1909 г.; первоначально было предположено закончить перепись въ декабрѣ 1909 г., но лишь къ срединѣ (къ маю мѣсяцу) 1910 г. это дѣло было закончено въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ полиція была надолго отвлечена отъ переписи борьбою противъ повстанцевъ и холеры.

По новымъ даннымъ, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ, точнымъ, населеніе Кореи къ 10 мая н. ст. 1910 г., было исчислено въ слѣдующихъ цифрахъ:

Провинція.	Число дворовъ		Туземное населеніе.		Всего согласно Third Annual Report.
	согласно Third Annual Report.		Мужчинъ.	Женщинъ.	
Сеуль	55,463		121,279	112,311	233,590
Кѣнъгыдо	236,861		581,414	522,389	1,103,803
Сѣв. Чхюньчхѣндо	121,074		285,033	247,329	532,362
Южн. Чхюньчхѣндо	196,594		465,214	409,417	874,631
Сѣв. Чѣлладо	205,891		505,461	442,821	948,282
Южн. Чѣлладо	323,737		794,056	706,553	1,500,609
Сѣв. Кѣнъсяндо	328,947		815,565	714,999	1,530,564
Южн. Кѣнъсяндо	291,592		720,907	644,172	1,365,079
Канъуѣндо	158,581		417,428	357,019	774,447
Южн. Хамгѣндо	159,447		446,111	379,704	825,815
Сѣв. Хамгѣндо	79,504		233,944	201,199	435,143
Южн. Пхѣнъандо	188,236		458,867	425,496	884,363
Сѣв. Пхѣнъандо	181,931		512,119	454,623	966,742
Хоанъхъдо	216,405		505,252	453,600	958,852
Всего	2,742,263		6,862,650	6,071,632	12,934,282¹

¹) См. Third report on the reforms and progress of Korea, стр. 15, или

Цифры переписи 1909—1910 г. дали превышеніе на 3,178,309 въ числѣ душъ и 408,351 въ числѣ дворовъ, сравнительно съ данными, полученными за 2 года передъ тѣмъ, что объясняется болѣе тщательнымъ способомъ подготовительныхъ работъ, равно какъ тѣмъ, что въ настоящемъ случаѣ перепись охватила фактически всю территорію тогдашней корейской имперіи, отчасти благодаря достигнутому умиротворенію страны. Любопытно то, что цифру въ 13 милліоновъ душъ, какъ среднюю между 10 и 15—16 милліоновъ, почти совпадающую съ окончательными результатами приведенной японской переписи, приняли составители «Описанія Кореи»¹ для численности населенія Кореи при опредѣленіи его плотности.

По окончаніи новой переписи, каждый полицейскій пунктъ (station)² былъ снабженъ регистраціонными книгами для учета населенія и дворовъ въ подвѣдомственномъ каждому изъ нихъ участкѣ, а само населеніе было обязано заявлять деревенскому старшинѣ (въ Сеулѣ непосредственно полицейскимъ властямъ) относительно своихъ занятій, званія, перемѣны мѣстожителства, а старшина долженъ передавать эти свѣдѣнія не позже 15 дней въ полицейскій пунктъ. На основаніи этихъ данныхъ, полицейскія власти имѣютъ каждые пять лѣтъ проводить списки населенія³.

Въ концѣ 1910 г.⁴ населеніе отдѣльныхъ провинцій корейскаго генераль-губернаторства какъ туземнаго, такъ и японскаго и его плотность по отношенію къ единицѣ площади тѣхъ же провинцій (кв. ри⁵) были:

	Площадь въ кв. ри.	Корейцевъ.	Японцевъ.	Плотность населенія.
Сѣв. Чёлладо	514	954.507	6.030	1.857
Южн. Чёлладо	753	1.507.879	7.134	2.002
Кёнъгыдо	765	1.392.710	35.314	1.682

табл. № 1 на 177 стр. Seoul Press отъ 26 May 1911 г. даетъ нѣсколько иные итоги: 2.741.438 дворовъ и 12.959.981 душъ, увеличивая населеніе южной Хамгёнъдо до 850.896 душъ и внося ничтожныя поправки въ цифры населенія Кёнъгыдо, сѣв. Чёлладо и южн. Пхёнъандо.

¹) I. 335.

²) Въ настоящее время во всѣхъ провинціяхъ Кореи имѣется 493 жандармскихъ отдѣленія и 274 полицейскихъ участка («Майници-симбун», 14 сен. н. ст. 1911 г.).

³) Third annual report on the reforms and progress of Korea 1909—10, 16.

⁴) Согласно подсчету, помѣщенному въ Seoul Press отъ 24 May 1911.

⁵) 1 кв. ри = 15,42 квадр. километра.

Сѣв. Кёнъсяндо	1,133	1,539,339	8,607	1,359
Южн. Кёнъсяндо	833	1,400,740	35,314	1,682
Сѣв. Чхюньчхёндо	495	534,545	2,112	1,080
Южн. Чхюньчхёндо	576	880,897	5,528	1,529
Хоанъхэдо	1,102	963,040	3,919	874
Сѣв. Пхёнъандо	1,636	974,565	5,459	596
Южн. Пхёнъандо	1,164	897,381	11,904	771
Сѣв. Хамгёндо	1,760	442,864	7,001	252
Южн. Хамгёндо	1,671	858,202	6,775	514
Канъуондо	1,721	775,821	1,318	451
Всего		13,122,496	150,512 въ среднемъ	929 (или 60,3 душъ на 1 кв. кил.) ¹ .

Плотность населенія. Составители «Описанія Кореи», принявъ общую цифру населенія прежней корейской имперіи въ 13 милліоновъ душъ на общей ея площади въ 223,523 кв. килом., согласно вычисленію Стрѣльбицкаго, опредѣляли среднюю плотность населенія корейскаго полуострова въ 58 чел. на 1 кв. килом., т. е. лишь немногимъ ниже только что указанной на таблицѣ цифры въ 60,3 чел. Конечно, отдѣльныя части корейскаго полуострова въ отношеніи плотности населенія представляютъ значительныя отклоненія отъ этой средней цифры. О большей населенности средней и южной Кореи, по сравненію съ сѣверной, свидѣтельствовало большинство европейскихъ путешественниковъ; однако, населеніе наиболѣе плодovито именно на сѣверѣ, гдѣ на семью приходится болѣе высокая средняя цифра душевого состава. Наиболѣе густонаселенной оказывается столичная провинція, затѣмъ обѣ провинціи Кёнъсяндо и Чёлладо. По официальной переписи 1883 г., провинція Хоанъхэдо, имѣющая площадь весьма близкую по величинѣ къ площади соединенныхъ провинцій Чхюньчхёндо (17,090 кв. кил. къ 17,924 кв. кил.) заключала только 815,000 душъ населенія (по японской переписи 1909—10 г. 958,852 душъ) противъ 1,248,000 (1,406,993 душъ по яп. переписи 1909—10 г.) обѣихъ послѣдненазванныхъ провинцій, а Чёлладо при общей площади въ 23,765 кв. кил. имѣла 1,673,000 душъ населенія (въ 1909—10 г. 2,448,891). Провинція Канъуондо (площадь ея 22,664 кв.

¹) По даннымъ центральнаго полицейскаго управленія, признаваемымъ болѣе достовѣрными, нежели всѣ прежніе подсчеты, общая цифра населенія Кореи достигаетъ 12,420,398 (цифра милліоновъ, безусловно ошибочна; вѣроятно нужно читать не 12, а 13 милліоновъ) корейцевъ (число дворовъ 2,811,517) и 153,802 японцевъ. Seoul Press, 2 June 1911, 2.

кил.) имѣла въ 1883 г. 470,000 душъ населенія, въ 1909—10 г. — 774,447 душъ. Благодаря своей большой площади въ 43,005 кв. кил. соединенныя провинціи Пхёнъандо имѣли въ 1883 г. высокую общую цифру населенія въ 1,860,000 душъ при меньшей плотности (въ 1907 г. только 1,289,000 душъ вслѣдствіе невключенія въ подсчетъ нѣкоторыхъ внутреннихъ округовъ этихъ провинцій; въ 1909—10 г. 1,851,105). Зато провинція Хамгёнъдо имѣла въ 1883 году населеніе лишь въ 952,000 душъ (1907 г. 972,500 душъ, но эта цифра не выражала численности населенія всей провинціи; въ 1909—10 г. 1,260,958) при наибольшей площади среди всѣхъ провинцій Кореи въ 58,707 кв. кил. Въ этой провинціи, какъ свидѣтельствовалъ Альфтанъ¹, гуще всего населена полоса у морского побережья, гдѣ лишь какъ исключеніе можно пройти 2—3 версты, не встрѣтивъ ни одной хижины; не такъ густо заселены мѣстности по боковымъ дорогамъ; внутри же страны, по словамъ Стрѣльбицкаго, населеніе живетъ крайне разбросанно: 1—2, много 3 семьи въ одномъ мѣстѣ, болѣе крупныя селенія и города рѣдки. Съ тѣхъ поръ, однако, значительное число жителей продвинулось отъ берега къ р. Туманганъ, осѣдая также по пути и отчасти переходя на лѣвый берегъ названной рѣки въ китайскую область Цзяньдао; благодаря этому условія распределенія населенія по провинціи Хамгёнъдо могли сильно измѣниться. За послѣдніе годы, подъ вліяніемъ политическихъ событій въ Корей, какъ результата утвержденія японцевъ въ качествѣ полновластныхъ хозяевъ въ этой странѣ, изъ сѣверной Кореи началось усиленное движеніе черезъ границу корейцевъ-эмигрантовъ, главнымъ образомъ въ сосѣднюю Маньчжурію въ упомянутую область Цзяньдао, но также на русскую территорію (въ Приморскую область и на Амуръ), почему нынѣ не рѣдкость встрѣтить въ указанномъ районѣ сѣверной Кореи цѣлыя деревни, лишенныя жителей². Такимъ образомъ наступившій было ростъ населенія въ провинціи Хамгёнъдо долженъ былъ, неминуемо, снова задержаться.

¹) Поѣздка въ Корею въ дек. 1895 г. и въ янв. 1896 г.: Сборн. матер. по Азіи, вып. LXIX.

²) «Харб. Вѣстн.» № 1980, 30 окт. 1910, стр. 3.

По цифрамъ плотности населенія отдѣльныхъ провинцій Кореи, показаннымъ выше на стр. 288—9 на таблицѣ, заимствованной изъ газеты «Seoul Press», наиболѣе плотнонаселенной оказывается провинція Южная Чёлладо съ ея 2,002 душъ на 1 кв. ри, а послѣ нея Сѣверная Чёлладо (1,857 душъ); затѣмъ идутъ въ нисходящемъ порядкѣ Кёнъгыйдо и Южная Кёнъсянъдо съ одинаковой плотностью въ 1682 душъ на 1 кв. ри, Южная Чхюньчхёнъдо съ плотностью въ 1,529 душъ на 1 кв. ри и еще двѣ провинціи—Сѣверная Кёнъсянъдо и Сѣверная Чхюньчхёнъдо, которыя обладаютъ плотностью, превышающей 1000 душъ на 1 кв. ри (1,359 и 1,080); четыре другихъ провинціи—Хоанъхэдо, обѣ Пхёнъандо и Южная Хамгёнъдо имѣютъ плотность между 500 и 1000 душъ (соотвѣтственно 874 и 596, 771 и 514), одна провинція Канъуёндо—плотность въ 451 душъ и одна—Сѣверная Хамгёнъдо—всего въ 252 душъ, наименьшую цифру плотности во всей Корей. По этимъ цифрамъ можно судить вполне точно и о степени благосостоянія каждой отдѣльной провинціи.

Въ отношеніи распредѣленія японскаго населенія наибольшая цифра его приходится на долю столичной провинціи Кёнъгыйдо благодаря Сеулу и Чѣмульпхо; затѣмъ на долю Южной Кёнъсянъдо благодаря Фузану, Масанпхо и Тэгу и Южной Пхёнъандо благодаря Пхёнъянъ и Чынънампхо. Наименьшее число японцевъ живетъ въ Канъуёндо, лежащей въ сторонѣ отъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ и удаленной отъ пограничныхъ районовъ полуострова; при томъ въ этой провинціи нѣтъ ни одного порта, открытаго для иностранной торговли и обычно привлекающаго наибольшее число японскихъ жителей.

Ростъ населенія. Въ Корей, гдѣ число рожденій такъ велико, населеніе, казалось бы, должно быстро увеличиваться; на дѣлѣ этого вовсе нѣтъ по причинѣ высокой смертности дѣтей въ раннемъ возрастѣ.

На вопросъ, увеличиваются-ли корейцы въ числѣ, J. Rob. Moose, послѣ семилѣтняго пребыванія въ Корей, даетъ категорически отрицательный отвѣтъ¹, при чемъ въ качествѣ причины указываетъ на

¹) Are the Koreans increasing in numbers: Korea Review, February 1906, стр. 41—47 и тамъ же, April 1906, стр. 121—124.

чрезвычайно высокую дѣтскую смертность вслѣдствіе недостатка ухода (купанье ребенка является неслыханнымъ дѣломъ въ корейской семьѣ) и надлежащаго питанія (въ случаѣ отсутствія или недостатка молока у матери пищею ребенка служитъ рисовый отваръ и при первой возможности вареный рисъ), негигіенической обстановки (ребенокъ помѣщается на канѣ, то чрезвычайно горячемъ, то совершенно холодномъ; всегда одѣтъ недостаточно тепло) и распространенія заразныхъ болѣзней (изоляция больного ребенка не признается) при отсутствіи надлежащей врачебной помощи—что, впрочемъ, справедливо и по отношенію къ другимъ дѣтскимъ болѣзнямъ—и предупредительныхъ мѣръ противъ заразы. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Музь приводитъ во второй статьѣ данныя разспросной анкеты, предпринятой имъ, въ четырехъ уѣздахъ Кёнъгыдо и Канъуёндо въ очень здоровой мѣстности между 152 мужчинами въ возрастѣ отъ 33 до 70 лѣтъ, при чемъ оказалось, что изъ 636 дѣтей, родившихся у нихъ, въ живыхъ осталось только 287; 18 мужчинъ совсѣмъ не имѣли дѣтей¹; наибольшее число родившихся у одного отца дѣтей было 15, изъ нихъ 13 умерло; у другого изъ 14 дѣтей умерло 12; только у одного изъ 152 упомянутыхъ мужчинъ оказалось 6 живыхъ дѣтей. Если у опрошенныхъ 152 мужчинъ съ такимъ же числомъ, по меньшей мѣрѣ, женъ оставалось въ живыхъ только 287 дѣтей, которые должны были въ концѣ концовъ занять мѣсто, по меньшей мѣрѣ, 304 родителей, то въ настоящемъ конкретномъ случаѣ должно было явиться уменьшеніе прежняго числа жителей на 15 человекъ.

По поводу столь категорическаго утвержденія г. Moose въ первой статьѣ, редакторъ «Korea Review» заявилъ, что съ этимъ выводомъ трудно согласиться, такъ какъ если въ Корей дѣтская смертность очень велика, то съ другой стороны наблюдается и очень высокій процентъ рождаемости. Личное впечатлѣніе самого редактора то, что, за исключеніемъ административныхъ городовъ, которые значительно пострадали отъ политическихъ переменъ и увольненія со службы излишнихъ чиновниковъ, вообще города, селенія и ярмарочные центры въ Корей увеличиваются въ размѣрахъ, что представляетъ почти вѣрный признакъ роста населенія. Во всякомъ случаѣ крайне неблагоприятная и негигіеническая обстановка, среди которой живетъ молодое поколѣніе въ Корей, не можетъ служить объясненіемъ уменьшенія населенія, такъ какъ аналогичныя неблагоприятныя условія еще въ болѣе усугубленной формѣ существуютъ въ Китаѣ, между тѣмъ населеніе этой страны растетъ².

Вопреки этому болѣе оптимистическому взгляду, д-ръ Кудо, председатель Сеульской женской больницы, утверждаетъ, что численность

¹) Этотъ фактъ можетъ объясняться, по мнѣнію г. Музь, обычаемъ раннихъ браковъ въ Корей. Впрочемъ, нынѣ ранніе браки корейцевъ въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ запрещены новой японской администраціей. Ціосен (Харб. Вѣстн., № 1977, окт. 1910).

²) Korea Review, Febr. 1906, стр. 73—74. Къ этому въ краткой редакціонной замѣткѣ на вторую статью Moose объ уменьшеніи населенія въ Корей

корейскаго народа остается нынѣ на одномъ уровнѣ; не только не видно строящихся новыхъ зданій, но, напротивъ, повсюду въ Корей можно встрѣтить много разрушенныхъ и покинутыхъ домовъ. Отсюда можно заключить, что прежній высокій процентъ рождаемости въ Корей уменьшился. Это явленіе д-ръ Кудо объясняетъ низкимъ состояніемъ родовспомогательнаго искусства въ Корей и совершеннымъ отсутствіемъ акушеровъ, что въ свою очередь обусловлено низкимъ социальнымъ положеніемъ женщины, о чьей жизни мужчины ничуть не заботятся. Кроме того, будучи расположена между 2 могущественными сосѣдями, Корея испытывала постоянную тревогу по поводу ихъ агрессивныхъ замысловъ, что также не могло способствовать нормальному росту народа. Съ другой стороны давнишнее обѣдненіе націи вызвало примѣненіе искусственнаго аборта для сокращенія числа дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ. Вообще докторъ Кудо относится съ серьезнымъ опасеніемъ къ будущности корейскаго народа¹.

Изъ всего сказаннаго единственный возможный выводъ тотъ, что при существующихъ условіяхъ трудно ожидать быстрого роста численности корейскаго народа, вопреки несомнѣнной плодовитости корейскихъ женщинъ, пока не будутъ устранены тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя въ настоящее время замедляютъ или совсѣмъ останавливаютъ естественный приростъ корейскаго населенія Кореи².

Х.

Корейская эмиграція.

Нынѣ корейцы встрѣчаются въ растущемъ числѣ, за предѣлами территоріи бывшаго корейскаго королевства (имперіи), на территоріи другихъ государствъ, въ результатъ усилившагося за послѣдніе годы эмиграціоннаго движенія изъ самой страны. Наибольшее число этихъ корейцевъ—эмигрантовъ находится на территоріи обоихъ сосѣднихъ государствъ—Китая (въ Маньчжуріи) и Россіи (въ Приморской области и вообще въ Приамурьѣ).

Причины, побуждавшія корейцевъ къ выселенію съ родины, приблизительно со второй половины XIX столѣтія, явля-

(Korea Review, Apr. 1906, 157—8) прибавляется, что нѣкоторые изъ опрошенныхъ мужчинъ могутъ еще имѣть дѣтей и что, по собственному опыту, редакция можетъ назвать одну или двѣ деревни, гдѣ рождаемость превышаетъ смертность.

¹) Seoul Press, 25 July 1909, 4.

²) Объ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ—политическихъ, социальныхъ и экономическихъ, существовавшихъ въ странѣ къ 1905 г. и въ извѣстной мѣрѣ существующихъ понынѣ, говоритъ Канкоку-синцири, 90—91.

лись либо экономическими, либо политическими. Къ числу экономическихъ относились періодическіе неурожаи съ сопутствовавшими имъ голодовками въ самой Корее, обусловленные какъ физическими бѣдствіями, такъ и иными обстоятельствами, и недостатокъ удобной для обработки земли по мѣрѣ роста населенія, не сопровождавшася соотвѣтствующимъ увеличеніемъ площади полей. Изъ политическихъ причинъ достаточно назвать постоянныя внутреннія неурядицы и тяжелые поборы мѣстныхъ корейскихъ властей, отъ которыхъ должно было избавить эмигрантовъ выселеніе какъ на территорию Маньчжуріи, такъ и въ русскіе предѣлы. Въ новѣйшее время къ числу политическихъ причинъ присоединились мѣропріятія японскаго правительства къ утвержденію политическаго и хозяйственнаго преобладанія Японіи на полуостровѣ и къ поощренію японской колонизаціи на немъ и вызванныя этимъ движенія повстанцевъ, при чемъ не мало корейцевъ, недовольныхъ новымъ режимомъ или пострадавшихъ отъ него, искало убѣжища въ тѣхъ же сосѣднихъ областяхъ чужихъ государствъ, тѣмъ болѣе представлявшихъ вполне удобныя и выгодныя условія для существованія этихъ переселенцевъ, и благодаря своей многочисленности вызвало тамъ даже постановку на очередь т. н. «корейскаго вопроса».

Въ *Маньчжуріи* движеніе корейцевъ идетъ черезъ рѣку Амнокканъ и въ особенности черезъ р. Туманганъ въ прилегающую часть Гириньской провинціи, извѣстную подъ обозначеніемъ Цзяньдао и включаемую нынѣ въ административную область Яньцифу, и въ сосѣднюю восточную часть той же области—Хуньчуньскій районъ. Выше, на стр. 15—18 настоящаго «Очерка», были выяснены обстоятельства первоначальнаго водворенія въ этомъ районѣ корейцевъ и дальнѣйшій ходъ корейской иммиграціи въ немъ. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій эти корейскіе поселенцы, устроившіеся на новомъ мѣстѣ по лѣвому берегу р. Туманганъ, пользовались полной свободой отъ податей и административныхъ притѣсненій, такъ какъ китайское правительство долгое время не принимало никакихъ мѣръ къ установленію правительственныхъ органовъ въ этой части Маньчжуріи, куда почти не загля-

дывали китайскіе колонисты. Только въ 80 и 90 г.г. споръ изъ-за границы, возникшій вслѣдствіе того, что корейское правительство, подъ японскимъ вліяніемъ, стало претендовать на владѣніе пространствомъ между р. Туманганъ и хребтами Хэшанъ и Чанъбошанъ, заселеннымъ въ то время почти исключительно корейцами, заставилъ китайское правительство принять мѣры къ закрѣпленію этого района въ своемъ владѣніи путемъ распространенія на него дѣйствія маньчжурской администраціи и направленія сюда потока китайскихъ колонистовъ. Въ результатъ въ 1909 г. послѣдовало разрѣшеніе Цзяньдаоскаго вопроса, по соглашенію между Китаемъ и Японіей, въ пользу перваго, но тѣмъ болѣе острый характеръ пріобрѣлъ для китайцевъ вопросъ о корейцахъ, уже проживавшихъ и вновь селившихся въ этомъ районѣ.

Въ концѣ іюня 1909 г. общее число японскихъ, корейскихъ и китайскихъ жителей восточнаго Цзяньдао опредѣлялось, по официальнымъ даннымъ, не включавшимъ, однако, японскихъ (200 жандармовъ и 40 корейскихъ полицейскихъ) и китайскихъ полицейскихъ и военнослужащихъ (3400—3500 китайскихъ солдатъ), въ слѣдующихъ цифрахъ: японцевъ—50 семействъ, или около 200 душъ, корейцевъ—16,110 дворовъ, 82,999 душъ (47,171 мужчинъ и 45,828 женщинъ), китайцевъ—3,900 дворовъ, 27,371 душъ (17,198 мужчинъ и 10,173 женщинъ¹). Уступая по численности, китайцы въ Цзяньдао все-же оказывались состоятельнѣе корейцевъ и владѣли всей землею, тогда какъ корейцы являлись ихъ должниками или арендаторами².

Послѣ японо-китайскаго соглашенія отъ 4 сент. 1909 г. относительно Цзяньдао переселеніе корейцевъ въ эту мѣстность

¹) Seoul Press, 11 и 21 August 1909. Japan W. Chronicle, 19 Aug. 1909, 327, увеличиваетъ число японцевъ въ Цзяньдао въ срединѣ 1909 г. до 1000 человекъ. Во всякомъ случаѣ послѣ отказа японскаго правительства отъ притязаній на указанную область это число временно сократилось до отмѣченной цифры въ 200 душъ.

²) Ostasiatischer Lloyd, 5 June 1908, 1166; ср. China. Imperial Maritime Customs. Returns of trade and Trade reports, 1910, Part II, Vol. I, 47. Съ этимъ не вполне согласуется утвержденіе барона Корфа и Звегинцева въ Военномъ Обзорѣ Сѣверной Кореи, 59, что событія 1900—1901 г. дали корейцамъ, помимо численнаго превосходства, и экономическое преобладаніе надъ китайцами въ этой пограничной полосѣ.

продолжало быстро возрастать и въ концѣ іюля 1910 г. на общее число населенія здѣсь въ 127,524 человекъ приходилось японцевъ 397 человекъ, китайцевъ 30,000 и корейцевъ 97,137 человекъ¹, а въ сосѣднемъ Хуньчуньскомъ уѣздѣ къ веснѣ 1911 г. корейское населеніе достигло 18,000 душъ². Китайскія власти въ Маньчжуріи пытались остановить этотъ наплывъ корейцевъ, еще болѣе усилившійся въ теченіе слѣдующаго года³, но совершенно безуспѣшно, такъ какъ на протяженіи 300 китайскихъ ли (150 верстъ), между уѣздомъ Хэлуньсянь (въ Яньцифу), какъ былъ переименованъ китайцами бывшій Цзяньдао, и корейскими уѣздами Мусан, Хойрѣнь и Чіоньсѣнь, черезъ р. Туманганъ имѣются 18 переправъ и кромѣ того броды во многихъ мѣстахъ и за неимѣніемъ до-

¹) По заявленію представителя правительства въ бюджетной комиссіи японскаго парламента 2 февраля 1911 г. (Китай и Японія, № 22, 11—12.).

²) По свѣдѣніямъ японскаго вице-консульства въ г. Хуньчунь. Изъ этого числа около 4330 душъ корейцевъ располагаются въ 44 селеніяхъ вдоль самой китайско-русской границы отъ г. Хуньчунь до высоты урочища Барабашъ (на русской территоріи), около 1850 душъ далѣе вдоль границы до Полтавки (Саньчакоу на кит. территоріи) и около 1000 душъ въ 10 новыхъ поселеніяхъ отъ г. Хуньчунь въ направленіи тракта на Новокіевское; всего же въ русско-китайскомъ пограничномъ районѣ между Хуньчуномъ и Саньчакоу живетъ 30,000 корейцевъ. (См. Рукоп. отчетъ бывшаго слушателя Восточнаго Института, поручика Песоцкаго: «Корейскій вопросъ»).

³) По подсчету, произведенному въ концѣ іюня 1911 г., общее число корейцевъ, выселившихся изъ провинцій Сѣверной и Южной Хамгёндо въ Цзяньдао подъ вліяніемъ трудности зарабатывать себѣ пропитаніе на родинѣ, достигло (за годъ или за болѣе продолжительный промежутокъ времени, не указывается) 39,000 (Seoul Press, 13 July 1911, 2). Въ позднѣйшихъ №№ той же газеты отмѣчается, что въ прошломъ 1910 году число корейскихъ иммигрантовъ въ Цзяньдао превысило 20,000. Въ этомъ же 1911 году вѣдѣствіе богатаго урожая въ Корей число этихъ иммигрантовъ значительно уменьшилось, равнымъ образомъ уменьшилось и число корейцевъ, отправляющихся на русскую территорію на работы. Seoul Press, 8 Oct. 1911, 2 (изъ Кейдзіѳ-симпѳ). До конца сентября 1911 г. въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ Цзяньдао прибыло всего 10,900 корейцевъ, что указываетъ на сокращеніе иммиграціи. Seoul Press, 3 Nov. 1911, 3.

По свѣдѣніямъ газеты «Ниппонъ», въ день переходить изъ Кореи черезъ китайскую границу до 300 человекъ, причемъ китайскія власти оказываютъ имъ весьма доброжелательный приѣмъ. По словамъ «Майници-демпѳ», въ Мукденъ ежедневно поступаетъ масса просьбъ этихъ корейцевъ относительно ихъ натурализаціи. Deutsche Japan-Post, 2 April, 1910, № 1. Beilage, стр. 1.

Въ China Gazette также сообщалось объ усиленной эмиграціи корейцевъ изъ сѣверной Кореи въ Цзяньдао, вопреки мѣрамъ, принятымъ японскимъ правительствомъ для успокоенія населенія. Въ теченіе февраля мѣсяца 1911 г. число эмигрантовъ достигло 1,378 чел. и предвидѣлось еще большее увеличеніе ихъ. Вообще же можно сказать, что въ мѣсяцъ выселяется изъ Кореи сухимъ путемъ въ приграничную часть Маньчжуріи до 2000 человекъ, иногда же 4—5 тысячъ (последняя цифра дается наблюденіями поручика Песоцкаго, относящимися къ веснѣ 1911 г.).

статочной полиціи¹ слѣдить за переходомъ корейцевъ мѣстной китайской администраціи нѣтъ возможности².

Если не мало корейцевъ въ Цзяньдао и вообще въ пограничной маньчжуро-корейской полосѣ принимаетъ китайское подданство³, то большее число ихъ остается японскими подданными и тѣмъ не менѣе пользуется полной свободой поселенія и обработки земли и всѣми прочими правами, какъ и сами китайцы⁴. Это обстоятельство серьезно тревожитъ китайцевъ, которые полагаютъ, что массовое переселеніе корейцевъ вызвано особой политикою японцевъ, желающихъ такимъ путемъ захватить въ концѣ концовъ всю область въ свои руки⁵. Въ этихъ видахъ, чтобы парализовать движеніе

1) Въ Яньцифу въ 1910 г. считалось городской полиціи 350 пѣшихъ и конныхъ чиновъ, сельской—100 пѣшихъ и 22 конныхъ; въ Хэлуньсянь—74 чело-вѣка сельской полиціи (Шт.-капитанъ Калачевъ, Матеріалы для характеристики преобраз. дѣятельности китайскаго правительства въ Маньчжуріи, рук.).

2) Тамъ же, стр. 122.

3) О причинахъ этого, какъ и вообще о причинахъ наплыва корейцевъ въ Цзяньдао, говоритъ «Дзидзи-симп» отъ 18 янв. н. ст. 1911 г. (см. «Китай и Японія», № 20, 5—6); ср. тамъ же № 5, стр. 13—14. Приманкою для корейцевъ въ Цзяньдао служить обиліе свободной земли хорошаго качества по соседству съ родиною, что заставляеть корейцевъ чувствовать себя здѣсь, какъ дома.

4) *Echo de Chine, hebdomadaire*, 20 juillet 1911, 112. Можно сказать, что корейцы, японскіе подданные, пользуются въ Цзяньдао даже большими правами, чѣмъ китайцы, такъ какъ, хотя и судятся въ китайскихъ судахъ, но въ присутствіи японскаго представителя, при чемъ въ случаѣ, если приговоръ будетъ признанъ японскими властями несправедливымъ, послѣднія могутъ потребовать пересмотра рѣшенія. Вообще, по заявленію въ нижней палатѣ японскаго парламента товарища министра иностр. дѣлъ Иеиц, права корейцевъ со времени аннексіи прочно установлены въ этой области и положеніе ихъ не является столь невыгоднымъ, какъ въ ту эпоху, когда вопросъ о правѣ владѣнія Цзяньдао оставался спорнымъ и когда китайцы жестоко обращались съ мѣстными корейцами. *Japan W. Times*, 11 March 1911, 931.

5) Харб. Вѣстникъ, № 2184, 5 іюля 1911, стр. 3. Въ іюнь 1909 г. китайскій генераль У Лу-чжэнь, занимавшій въ Наньганѣ должность завѣдующаго пограничной обороною восточнаго района Гириньской провинціи (бяньу-дачэнь; эта должность была уничтожена въ 1910 г. и ея обязанности подѣлены между Саньсиньскимъ и Хуньчуньскимъ даотаями) утверждалъ, что такъ какъ жители сѣверной Кореи получаютъ хлѣбъ изъ Наньгана, то для Японіи выгодно переселить туда какъ можно болѣе корейцевъ и, оказывая имъ всяческое покровительство, получать изъ Наньгана хлѣбные продукты для сѣверной Кореи (шт.-капитанъ Калачевъ, цит. рукоп. «Матеріалы», 40).

Эту китайскую точку зрѣнія раздѣляютъ и нѣкоторые европейскіе журналисты: по словамъ корреспондента *Daily Telegraph* (21 IV 1911), японское правительство само побуждаетъ корейцевъ селиться на китайской территоріи, распространяя такимъ образомъ японское вліяніе. Небольшія партіи корейцевъ достигаютъ теперь даже Мукдена и японскія и корейскія дѣвѣи распространяются повсюду (Россія, 17 апр. 1911, 2).

Съ этимъ утвержденіемъ относительно роли японскихъ властей въ дѣлѣ по-

иммиграціи изъ Кореи на китайскую территорію, маньчжурскій генераль-губернаторъ предложилъ Гириньскому губернатору направить въ Цзяньдао возможно большее число китайскихъ переселенцевъ¹. Результаты подобной мѣры пока неизвѣстны, но настоятельность «корейскаго вопроса» въ Маньчжуріи доказывается уже тѣмъ, что изъ Цзяньдао и вообще области Яньцзифу корейцы передвигаются далѣе на западъ въ другія мѣстности той же Гириньской провинціи; такъ, на примѣръ, въ Мэньцзяньчжоу (на сѣверо-востокъ отъ Дуньхуасянь или Одо-чэнь) уже поселились 100 семей корейцевъ, которые либо покупаютъ, либо арендуютъ земли у китайскаго населенія. На теплое время года сюда приходитъ много корейцевъ для охоты и лѣсныхъ промысловъ².

Помимо восточнаго Цзяньдао, не мало корейцевъ проживаетъ въ западномъ Цзяньдао, по другую сторону горы Пактусан, въ области р. Амнокканъ. Численность этихъ корейцевъ неизвѣстна³. Они подвѣдомственны японскому консулу въ Аньдуньсянь въ далекомъ разстояніи отсюда, почему китайскія власти, по японскимъ свѣдѣніямъ, пытаются создать среди нихъ анти-японское настроеніе и подчинить ихъ своимъ законамъ; между прочимъ китайцами нынѣ организована въ этой мѣстности изъ молодыхъ корейцевъ дружина съ видимымъ предлогомъ борьбы противъ хунхузозовъ⁴.

ощренія выселенія корейцевъ, однако, трудно согласиться, если прочесть слѣдующую англійскую замѣтку въ газетѣ «Токіо-ницинци-симбунъ», № 12325 отъ 25 марта 1911, гдѣ указывается, что корейцы, уходящіе въ Цзяньдао, суть тѣ, которые не могли воспользоваться благами аннексіи въ формѣ денежныхъ пособій и которые, безъ сомнѣнія, не очень дружественно настроены по отношенію къ японскимъ властямъ въ Корей. Эта склонность со стороны нѣкоторыхъ корейцевъ уже подала поводъ къ возникновенію слуха, будто недовольные элементы корейскаго народа намѣреваются сдѣлать изъ Цзяньдао главную квартиру для возстанія противъ японской власти въ Корей. Однако, эти корейскіе протестанты и антияпонскіе агитаторы не располагаютъ нынѣ никакими денежными средствами и не пользуются поддержкою никакого иностраннаго правительства. Русскія власти не оказываютъ имъ помощи, а мѣстныя китайскія власти въ Цзяньдао, хотя и могутъ имъ симпатизировать, но никогда не зайдутъ такъ далеко, чтобы облегчить имъ возстаніе противъ японцевъ.

1) «Харб. Вѣстникъ», № 2184, 5 іюля 1911,3.

2) Калачевъ, цит. рукописн. «Матеріалы», 112.

3) «Далекая Окраина», 12 августа 1911,2, говоритъ о цифрѣ въ 150,000 душъ, конечно, преувеличенной. Въ 1907—8 гг. по японскимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Аньдуньсяньскомъ консульскомъ округѣ числилось корейцевъ 30,000 человекъ.

4) «Далекая Окраина», 12 августа 1911,2.

Въ другихъ частяхъ Маньчжуріи корейцы встрѣчаются въ японской Квантунской области¹ и въ полосу отчужденія Южно-Маньчжурской и вдоль Мукденъ-Аньдуньской ж. д.², откуда корейцы переходятъ въ сосѣдную страну, подчиненную исключительно китайской администраціи, что нынѣ вызываетъ по отношенію къ нимъ репрессивныя мѣры китайскихъ властей³; наконецъ, корейцы имѣются и въ Сѣверной Маньчжуріи въ полосу отчужденія Китайской Восточной ж. д.⁴

Согласно недавнему подсчету, произведенному китайскими властями, общее число корейцевъ, проживающихъ въ Маньчжуріи, достигаетъ около 256,000 человекъ. Вообще можно сказать, что со времени аннексіи Кореи, число корейскихъ иммигрантовъ въ Маньчжурію значительно увеличилось⁵, почему настоящій вопросъ долженъ близко интересоватъ и японское правительство, которое поручило полковнику Сайтō, чье имя было тѣсно связано съ японской дѣятельностью въ Цзяньдао до соглашенія 1909 г., заняться его детальнымъ изученіемъ лѣтомъ 1911 г. Съ этой цѣлью названный полковникъ объѣхалъ область Яньцзифу и прилегающую часть юго-восточной Маньчжуріи, вплоть до Гирина, и посѣтилъ южный районъ Приморской области.

Въ остальныхъ областяхъ китайской имперіи корейцы встрѣчаются въ ничтожномъ числѣ, такъ, въ Шанхаѣ, по

¹) Въ районѣ Квантунской области, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, проживаетъ 823 корейца.

²) По официальному заявленію Сираи, директора гражданскаго управленія въ Гуаньдунѣ, число корейцевъ, включая желѣзнодорожныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, въ южной Маньчжуріи достигаетъ 3000—5000. *Japan W. Chronicle*, 16 Febr. 1911, 269.

³) О принудительномъ выселеніи китайскими властями корейцевъ съ закрытыхъ для нихъ частей территоріи Маньчжуріи (изъ г. Пухо на берегу Ляохэ) говорится въ изданіи «Китай и Японія», № 3 (августъ 1910), стр. 49—50. Правда, въ связи съ этимъ вопросомъ, послѣднія извѣстія говорятъ о томъ, что за корейцами въ качествѣ новыхъ японскихъ подданныхъ Китаемъ признано право продолжать владѣть недвижимостью и заниматься земледѣіемъ внѣ иностранныхъ поселеній въ Маньчжуріи, что воспрещается китайскими законами прочимъ иностранцамъ. «Голосъ Москвы», 27 апр. 1911, стр. 2.

⁴) Въ полосу отчужденія Китайск. Вост. ж. д. проживаетъ 864 корейца («Харб. Вѣстн.», 22 мая 1911). Нынѣ въ Харбинѣ проживаетъ около 150 корейцевъ (раньше число ихъ было гораздо болѣе значительнымъ). Нѣкоторыя любопытныя подробности относительно внутренней жизни этой колоніи сообщаетъ мѣстная газета «Новая Жизнь», а съ ея словъ «Ostasiatischer Lloyd», 6 Oktob. 1911, 292.

⁵) *Seoul Press*, 30 July 1911, 3.

даннымъ 1907—8 г.г., ихъ было всего 8 человекъ.

Въ *Приморской области*¹ первые корейскіе поселенцы появились въ 1862 или 1863 г. (въ 1861 г. корейцевъ въ новомъ русскомъ краѣ еще не было вовсе). Постепенно, но медленно возрастаая, число этихъ корейцевъ достигло къ 1869 г. 1400 душъ. Въ этомъ году благодаря стихійнымъ бѣдствіямъ, постигшимъ ихъ родину, притокъ корейскихъ переселенцевъ на русскую территорию въ теченіе одного года далъ цифру въ 7000 душъ и побудилъ русскія власти обратить впервые серьезное вниманіе на эту иммиграцію и, не останавливая ея, отодвинуть, по крайней мѣрѣ, вновь прибывшихъ переселенцевъ отъ границы (названные корейцы обосновались въ окрестностяхъ Посѣтской гавани) вглубь страны. Въ 1876 г. было даже устроено въ этихъ цѣляхъ въ видѣ опыта корейское селеніе «Благословенное» у берега Амура въ $577\frac{1}{4}$ верстъ ниже Благовѣщенска, въ 40 верстахъ ниже станицы Екатерино-Никольской. Этотъ опытъ, стоившій казнѣ 16 тысячъ рублей, болѣе не повторялся².

Несмотря на всѣ старанія русскихъ пограничныхъ властей помѣшать наплыву корейцевъ³, число ихъ въ краѣ продолжало неизмѣнно увеличиваться, причемъ послѣ заключенія въ 1884 г. перваго договора Россіи съ Кореей, по которому за корейскими подданными было признано право пользоваться покровительствомъ со стороны русскихъ властей и полной безопасностью какъ относительно ихъ личности, такъ и собственности во время пребыванія въ русскихъ предѣлахъ⁴, рѣшено было лега-

1) См. Земскій отчетъ «Приамурье», стр. 151—160, помимо другихъ ниже указанныхъ источниковъ фактическихъ свѣдѣній, приводимыхъ въ настоящемъ отдѣлѣ.

2) По отзыву случайнаго иностраннаго наблюдателя, село «Благословенное» (500 душъ, нынѣ всѣ его жители православные) представляетъ рѣзкое отличіе отъ обычнаго типа русскихъ селеній по Амуру, состоя не изъ расположенныхъ сплошнымъ рядомъ домовъ, а изъ линіи отдѣльныхъ домиковъ, устроенныхъ изъ плетеныхъ стѣнокъ, обмазанныхъ снаружи и внутри глиною, и раздѣленныхъ участками обработанной земли, которые, не смотря на меньшій душевой надѣлъ, такъ тщательно воздѣланы, что даютъ достаточное пропитаніе жителямъ (Harrison, Peace or War East of Baikal, 117—118).

3) Массовыя переселенія корейцевъ были невыгодны тѣмъ, что они занимали лучшія земли въ ущербъ русскимъ переселенцамъ; особенно невыгодны (также со стратегической точки зрѣнія) были корейскія поселенія около залива Посѣта по соосѣдству съ Кореей.

4) Ст. I означеннаго договора 1884 г. (подписаннаго въ Сеулѣ 25 іюня ст. стилия). На основаніи правилъ о сухопутной торговлѣ между Россіей и Кореей,

лизовать положеніе корейцевъ, водворившихся на русской территоріи, такимъ образомъ, что тѣ изъ нихъ, которые прибыли до 1884 года, получили разрѣшеніе остаться въ краѣ навсегда, подъ условіемъ принятія русскаго подданства, а корейцы, прибывшіе позже, могли проживать въ краѣ только въ теченіе года при наличіи корейскихъ паспортовъ и при условіи выборки русскихъ билетовъ, уплачивая за нихъ 5 рублей въ годъ; такіе же билеты должны были брать и корейскіе рабочіе, которые являются въ край на заработки весною и остаются до поздней осени.

Къ провѣркѣ правъ корейцевъ приступили только въ 1891 г., при чемъ доказавшіе свое пребываніе въ краѣ до 1884 г. получили въ надѣлъ по 15 десятинъ на семью, а въ 1893 г. были приняты въ русское подданство. Остальнымъ корейцамъ было предписано въ теченіе 2 лѣтъ выселиться обратно, но въ дѣйствительности они тоже остались въ области «по льготнымъ основаніямъ», а въ 1898 и 1899 г. корейцамъ 2-ой и даже 3-ей категорій (рабочимъ) было дозволено селиться по рр. Иману, Хору, Амуру (близъ Хабаровска) и черезъ 5 лѣтъ они были приняты въ русское подданство.

Въ дальнѣйшемъ взгляды русской администраціи края на корейцевъ, какъ полезный или, наоборотъ, вредный колонизаціонный элементъ, могли мѣняться¹, но при всѣхъ обстоятельствахъ число корейцевъ въ краѣ быстро росло: на 1 янв. 1898 г. въ Приморской области ихъ было 23,000 душъ; въ 1899 г. — 27,700; въ 1902 г. — 32,298; въ 1907 г. — 46,430

заключенныхъ въ Сеулѣ 8 августа 1888 г., согласно третьему пункту II-ой статьи, корейскимъ подданнымъ предоставлялось право свободно отправляться въ Россію для торговыхъ цѣлей или для своего удовольствія, но при этомъ они обязались испросить отъ своихъ таможенныхъ властей паспортъ въ удостовѣреніе ихъ личности, который, при вступленіи въ русскіе предѣлы, долженъ быть представленъ русскому начальству для засвидѣтельствованія.

¹) Среди представителей высшей администраціи Приамурскаго края ранѣе существовало по отношенію къ корейцамъ два діаметрально противоположныхъ взгляда: одинъ благопріятный («полезный колонизаціонный элементъ, стремящійся сблизиться съ народомъ, который ихъ пріютилъ»; объ этомъ взглядѣ говоритъ Смирновъ, «Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1894 г.», 40—41), другой отрицательный («Корейцы доказали намъ непригодность ихъ, какъ колонизаціоннаго элемента, въ тѣхъ частяхъ Приморской области, гдѣ намъ важно имѣть коренное русское населеніе для оплота противъ мирнаго нашествія желтой расы, чрезвычайно туго поддаваясь ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ». Унтербергеръ, Приморская область, 1900, 114—115).

(до 7,500 въ Удскомъ и Хабаровскомъ уѣздахъ и 39,789 въ Южно-Уссурійскомъ (нынѣ Никольско-Уссурійскомъ) уѣздѣ; въ послѣднемъ числѣ 13,971 русскихъ подданных¹).

Въ теченіе двухъ еще лѣтъ (до 1908—9 гг.) число корейцевъ растетъ, но затѣмъ болѣе дѣйствительныя ограниченія, которымъ подвергается корейская иммиграція со стороны русской администраціи, уменьшаютъ ея притокъ, какъ можно судить по даннымъ движенія корейскихъ пассажировъ во Владивостокскомъ портѣ. Въ предыдущіе годы (до 1908—9 гг.), когда русское правительство не дѣлало никакихъ препятствій къ въѣзду на русскую территорію корейскимъ иммигрантамъ, ихъ ежегодно отправлялось моремъ² въ Приморскую область черезъ Гензанъ и Сѣньчжинъ въ среднемъ болѣе 10,000, но съ введеніемъ названныхъ ограниченій для нихъ, число этихъ корейцевъ, ѣдущихъ черезъ Гензанъ и Сѣньчжинъ моремъ, сильно сократилось и за первую половину 1910 г. ихъ прибыло всего 1781 человекъ³. Вообще же движеніе корейскихъ пассажировъ черезъ Владивостокскій портъ, по даннымъ

¹) Цитированный земскій отчетъ «Приамурье»; по свѣдѣніямъ Приморскаго областного статистическаго комитета, въ концѣ 1907 г. корейцевъ считалось въ Приморской области 46,394 человекъ, изъ нихъ въ Южно-Уссурійскомъ уѣздѣ 36,321 и въ двухъ городахъ Владивостокѣ и Никольскѣ-Уссурійскомъ 4,661, или всего въ этой части Приморской области 40,992 душъ. Помимо этихъ зарегистрированныхъ корейцевъ, имѣлось еще 30% безбилетныхъ, такъ что къ 1908 г. общее число корейцевъ въ Приамурьѣ, въ особенности въ Приморской области, опредѣлялось земскимъ отчетомъ «Приамурье» въ 61,500 человекъ.

Что русскія официальныя данныя далеко не точны, доказывается тѣмъ фактомъ, что, по японскимъ свѣдѣніямъ, во Владивостокѣ проживало въ 1907—8 гг. 10,400 корейцевъ, тогда какъ русскія данныя указываютъ для 1907 г. цифру въ 2,864 и для 1908 г.—3,229 корейцевъ (русскихъ и иностранныхъ подданныхъ).

²) По свѣдѣніямъ Приморскаго областного статистическаго комитета, число корейцевъ, переходившихъ черезъ сухопутную границу на временные заработки или постоянное мѣстожителство, было: въ 1906 г.—6733 человекъ, въ 1907 г.—13,148, въ 1908 г.—57, въ 1909 г. не было вовсе(?), въ 1910 г.—23.

³) «Харб. Вѣстникъ», № 1921 (вмѣстѣ съ цифрами для отдѣльныхъ мѣсяцевъ этого полугодія, отдѣльно для Гензана и Сѣньчжина).

Согласно подсчету, произведенному таможенными властями въ Сѣньчжинъ, общее число корейскихъ рабочихъ, выѣхавшихъ отсюда въ Россію въ теченіе 9 лѣтъ, кончая сентябремъ 1911 г., было 36,760 человекъ и вернувшихся въ портъ 30,377 человекъ. Принимая, что въ среднемъ каждый изъ нихъ привозитъ сбереженій около 90 ень, можно получить общую сумму, привезенную ими—около 273,400 ень. При этихъ условіяхъ уѣздъ Сѣньчжинъ оказывается сравнительно свободнымъ отъ финансовыхъ затрудненій и обычный достатокъ корейскаго населенія сравнительно высокъ въ этой мѣстности.

управленія Владивостокскаго коммерческаго порта, дается въ слѣдующей таблицѣ (въ дѣйствительности цифры, особенно въ прежніе годы, были значительно выше):

Годы.	Прибыло.	Выбыло.
1908	7,360	6,269
1909	5,656	5,175
1910	2,611	3,098
1911 (по 1-ое сентября)	2,253	1,073

Къ концу 1910 г., по свѣдѣніямъ Приморскаго областного статистическаго комитета, число официально зарегистрированныхъ корейцевъ въ предѣлахъ Приморской области (уже безъ вновь образованной Камчатской области, въ чьихъ предѣлахъ корейцы, впрочемъ, появляются лишь случайно на рыбалкахъ и въ ничтожномъ числѣ) было 51,634 души, распределение коихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ усматривается изъ нижеслѣдующей таблицы, гдѣ указывается также различіе ихъ по полу и подданству:

		Русск. поддани.		Иностранн. поддани.	
		Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
Городъ	Владивостокъ	326	88	4280	1140
»	Хабаровскъ	190	146	292	190
»	Никольскъ-Уссурійскій	—	—	1693	591
»	Николаевскъ	39	22	1376	104
Уѣздъ	Никольскъ-Уссурійскій	7048	6627	7342	4988
»	Иманскій	974	357	1256	385
»	Ольгинскій	451	391	5340	4101
»	Хабаровскій	—	—	563	254
»	Удскій	341	37	—	—
Амгунскій золотonosный районъ		84	9	—	—

По отдѣльныхъ годамъ движеніе корейскихъ рабочихъ черезъ Сѣнъчжинъ было таково:

Годы.	Выѣхало.	Прибыло.
1902	439	1,745
1903	2,938	4,767
1904	80	216
1905	114	551
1906	7,060	8,027
1907	12,001	3,100
1908	4,730	5,437
1909	3,924	3,198
1910	2,324	2,708
1911(до сентября)	1,824	688

На землях Уссурийскаго ка-
зачьяго войска

	—	—	701	336
	9103	7677	22843	12089 ¹

Вся эта масса корейцевъ иностранныхъ подданныхъ, за сравнительно немногими исключеніями болѣе состоятельныхъ лицъ или чернорабочаго класса въ городахъ, преимущественно занимается земледѣліемъ, арендуя земли² у крестьянъ, казаковъ³, корейцевъ—русскихъ подданныхъ, имѣющихъ надѣлы, частныхъ владѣльцевъ, городовъ, церквей, казны, или переарендовывая земли, снятыя у казны другими лицами, или доставляя контингентъ чернорабочихъ при сельскохозяйственныхъ⁴ и другихъ работахъ⁵, въ частности на пріискахъ, въ

1) Въ Никольско-Уссурийскомъ и Ольгинскомъ уѣздахъ главную массу иностранныхъ подданныхъ желтой расы составляютъ корейцы, проживающіе въ корейскихъ селеніяхъ волостей Янчихинской, Адиминской, Раздольнинской, Суйфунской, Кневичанской и Борисовской, заселяя въ качествѣ арендаторовъ земельныхъ участковъ въ крестьянскихъ селеніяхъ почти все побережье залива Петра Великаго вплоть до оз. Ханка.

2) Въ 1910 г. въ арендномъ пользованіи у корейцевъ было земли: по городамъ во Владивостокѣ 317 дес. 800 кв. сажень, въ Хабаровскѣ 30 дес. 882 саж., въ Никольскѣ-Уссурийскомъ 501 дес. 130 кв. саж. и въ Николаевскѣ 4¹/₂ дес.; почти цѣликомъ это количество земли находилось въ арендѣ подъ огороды. По уѣздамъ, въ арендномъ пользованіи подъ посѣвомъ и огородами, находилось у корейцевъ и китайцевъ (данныя Приморскаго областного статистическаго комитета не проводятъ различія между обѣими народностями въ настоящемъ случаѣ) всего 15,415 десятинъ, которыя арендуются ими у крестьянъ-переселенцевъ, казаковъ и частныхъ владѣльцевъ. Изъ этого количества на Никольскѣ-Уссурийскій уѣздъ приходится 7,904 десятинъ, на Ольгинскій 2,982 дес., на Хабаровскій 51 дес., Удскій 234 дес., Иманскій 1,014 дес. (въ этомъ уѣздѣ главную массу иностранныхъ подданныхъ желтой расы составляютъ китайцы) и на территорію Уссурийскаго казачьяго войска 3230 дес.

3) На территоріи Уссурийскаго казачьяго войска земли арендуются ими, какъ и китайцами, подъ пашни у казаковъ и войска въ Полтавскомъ и Донскомъ станичныхъ округахъ, какъ наиболѣе благоприятныхъ для земледѣльческой культуры.

4) Въ южномъ Уссурийскомъ краѣ корейцы-арендаторы являются у русскихъ крестьянъ подъ видомъ работниковъ, обрабатывая землю на половинныхъ началахъ. Имъ отдается земля менѣе удобно расположенная—на сопкахъ или въ затопляемыхъ низинахъ.

Корейцы—земледѣльцы, живущіе въ краѣ, выгодно отличаются отъ русскихъ любовнымъ отношеніемъ къ землѣ: ни одинъ вершокъ не остается у нихъ безъ ухода, несмотря на то, что воздѣлка самая примитивная, тогда какъ у русскихъ крестьянъ имѣются въ большомъ количествѣ сельскохозяйственныя усовершенствованныя орудія («Далекая Окраина», № 1256, 14 авг. 1911,3; здѣсь говорится о хлѣбородныхъ частяхъ Южно-Уссурийскаго края—о южномъ берегу озера Ханка и соседнихъ долинахъ р.р. Мо, Лефу и Суйфунъ, гдѣ расположены наиболѣе старыя поселенія въ краѣ).

5) Въ 1903 г. во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ Приамурскаго края было 2,900 корейскихъ рабочихъ, въ 1906 г. уже 10,400. «Россія», 2 мая 1908,4.

Амурской области въ прежніе годы до ихъ удаленія оттуда¹. До изгнанія корейцевъ съ золотыхъ приисковъ Амурской области они были тамъ серьезными конкурентами китайцевъ, приче́мъ отношенія русскихъ рабочихъ къ корейцамъ здѣсь всегда были мирными, такъ что прежде, когда на какомъ-нибудь приискѣ работало нѣсколько сотъ корейцевъ, никакихъ стражниковъ не требовалось².

Нынѣ борьба съ «желтой опасностью» въ Приамурскомъ краѣ направляется исключительно противъ китайцевъ³, послѣ того, какъ совѣщаніе представителей Амурской области въ Хабаровскѣ 15 дек. 1910 г., высказавшись единогласно за принятіе запретительныхъ мѣръ противъ конкуренціи желтыхъ рабочихъ съ русскими, отдало предпочтеніе корейцамъ передъ китайцами, какъ элементу болѣе лояльному, съ болѣе низкой преступностью и болѣе способствующему развитію мѣстнаго земледѣлія⁴.

Во всякомъ случаѣ для колонизаціи Приамурскаго края корейцы, будучи почти исключительно земледѣльцами и чернорабочими, представляютъ болѣе полезный элементъ, чѣмъ китайцы, вытѣсняющіе русскихъ торговцевъ и ремесленниковъ⁵, хищнически добывающіе золото, ведущіе контрабанду спиртомъ или устраивающіе опиумокурильни, составляющіе шайки хунхузовъ⁶. Китайцы слѣло придерживаются привычный пищи и одежды, почти не потребляютъ русскихъ товаровъ и весь заработокъ увозятъ на родину. Совсѣмъ другое дѣло рабочій—

1) Корейцы были изгнаны съ золотыхъ приисковъ Приамурья потому, что они осѣдаютъ въ краѣ, а китайцы, проработавъ лѣто, возвращаются на родину. Если допустить поэтому корейцевъ на золотые прииски, какъ было раньше, то они заполнятъ весь край. По настоящему поводу интересное заявленіе было сдѣлано японскимъ консуломъ, что какъ только корейцы сдѣлаются японскими подданными, они, на основаніи Портсмутскаго договора, получаютъ право жить всюду въ Россіи (слѣдовательно, и на золотыхъ приискахъ, работая на нихъ. Авт.). Корреспонденція съ Зейской пристани отъ 13 іюня 1910 въ «Россію», 7 іюля 1910, стр. 4.

2) «Россія», 14 ноября 1910, стр. 5.

3) Въ 1907 г. во всемъ Приамурьѣ корейцевъ было только 37,000 (вѣрнѣе 46,394 чел. въ одной Приморской области), тогда какъ китайцевъ въ одной Приморской области было 69,000 (64,932 чел. по даннымъ Приморскаго областного статист. комитета); въ настоящее время китайцевъ въ Приамурьѣ гораздо болѣе 100,000, тогда какъ число корейцевъ увеличилось незначительно.

4) Новое Время, 4 янв. 1911, стр. 6.

5) Количество промысловыхъ свидѣтельствъ, выданныхъ въ Приморской области иностраннымъ подданнымъ желтой расы усматривается изъ слѣдующей таблицы:

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.
Китайцы	3393	3028	2819	5192	5487
Корейцы	80	60	62	98	80
Японцы	328	500	514	835	609

6) «Новое Время», 18 сент. 1910, № 12,399, стр. 13. (Со словъ газеты «Приамурье»).

кореецъ, напримѣръ, на приискахъ; будучи очень похожъ на русскаго приискаго рабочаго и будучи примѣнимъ на всякихъ работахъ, онъ потребляетъ всѣ русскіе продукты и товары, въ количествѣ не меньшемъ, чѣмъ русскій; не-русскаго ему требуются лишь японскій рисъ и китайская буда (послѣдняя можетъ быть замѣнена пшеномъ). Когда у корейца—рабоचाго на приискахъ появляется излишекъ денегъ, онъ одѣвается получше, покупаетъ все русское. Такимъ образомъ, при допущеніи на прииски рабочихъ—корейцевъ, болѣе, чѣмъ $\frac{3}{4}$ добываемаго золота будетъ оставаться въ Россіи. Поэтому, впредь до заполнения приисковыхъ районовъ русскими рабочими, корейскій рабочій является здѣсь самымъ желательнымъ и почти всеми приамурскими золото-промышленниками возбуждался ходатайства о разрѣшеніи корейцамъ работать на приискахъ¹.

Можно привести изъ текущей печати еще нѣсколько другихъ аналогичныхъ отзывовъ о корейцахъ, которые позволяютъ сказать, что вообще корейцы единогласно признаются по сравненію съ китайцами болѣе желательнымъ элементомъ и на приискахъ и на сельско-хозяйственныхъ фермахъ² (въ этихъ двухъ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности въ Приамурьѣ желтый трудъ является неизбѣжнымъ), такъ какъ корейцы высказываютъ упорное желаніе осѣсть въ Приамурьѣ навсегда, почему, насколько заселеніе края корейцами не будетъ въ ущербъ основной государственной задачѣ руссифицировать Приамурье, настолько участіе корейскихъ рабочихъ въ промышленной дѣятельности въ этомъ краѣ допустимо.

Напротивъ, китайское населеніе въ краѣ не остается на постоянное жительство; заработавши деньги, китайцы, какъ сказано, увозятъ домой сбереженія; во время пребыванія въ краѣ китайцы потребляютъ товары исключительно китайскаго происхожденія и являются такимъ образомъ насосомъ, выкачивающимъ деньги изъ края, поэтому на китайцевъ представители всего Приамурья единодушно ополчаются³.

Это, несомнѣнно, создаетъ преимущественное положеніе въ пользу корейцевъ, ввиду недостатка въ краѣ русскихъ рабочихъ, почему нынѣ корейцы либо занимаютъ мѣсто китайскихъ рабочихъ въ различныхъ предпріятіяхъ или на казенныхъ и частныхъ работахъ, либо пріобрѣтаютъ новые источники заработка и появляются въ тѣхъ мѣстностяхъ Приамурья, гдѣ ихъ раньше было мало или не было вовсе. Такъ, по словамъ газеты «Приамурье», низовья Амура почти до Николаевска быстро заселяются корейцами, охотно арендующими свободные участки

¹) «Новое Время», 7 дек. 1910, стр. 6 (Корреспонденція изъ Благовѣщенска) и «Новое Время», № 12498, 28 дек. 1910, стр. 6.

²) М—е. Корейская колонизація въ Приамурьѣ: Новое Время, № 12498, 28 дек. 1910, стр. 5, настаиваетъ на принятіе 50,000 корейцевъ въ русское подданство ввиду того, что корейцы являются болѣе желательными поселенцами, по сравненію съ китайцами и японцами, и поселеніе ихъ не представитъ неудобства для русской колонизаціи, вслѣдствіе обилія свободныхъ земель.

³) «Харбинск. Вѣстн.», № 1971, 17 окт. 1910, стр. 2.

казенной земли подъ пашни и огороды. На мѣсто китайскихъ рабочихъ берутъ рабочихъ корейцевъ, между прочимъ, и на постройку Амурской ж. д. Замѣна эта встрѣчаетъ полное сочувствіе во всѣхъ слояхъ мѣстнаго русскаго общества; даже русскіе рабочіе, какъ конкуренты, гораздо мягче относятся къ корейцамъ¹. Къ помощи 50 корейцевъ—огородниковъ намѣрено прибѣгнуть и Восточное лѣсопромышленное общество для опытной посадки въ Императорской гавани картофеля и другихъ овощей и посѣва овса². Послѣ закрытія въ Приморской обл. иностраннаго каботажа, весь парусный каботажъ одно время состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ шаландъ (парусное судно китайскаго типа), владѣльцами коихъ являлись главнымъ образомъ корейцы, принявшіе русское подданство; пользуясь отсутствіемъ конкурентовъ, они подняли цѣны, напр., за перевозку 1 куба (кубической сажени) камня съ мыса Басаргина во Владивостокъ съ 7 р. до 25 р. или за перевозку куба песку изъ бухты Сидими туда же съ 13—14 р. до 35 р.³

Помимо китайской и русской территоріи, корейцы встрѣчаются за предѣлами своей страны въ болѣе значительномъ числѣ еще въ собственной Японіи⁴, на Гавайскихъ островахъ—3,300 чел. въ 1907—8 г.г.⁵, и въ сѣверной Америкѣ—

1) «Харбинск. Вѣстн.», № 2154, 3 іюня 1911, 2.

2) «Харбинск. Вѣстн.», № 2144, 21 мая 1911, 3.

3) «Харбинск. Вѣстникъ», № 2123, 26 апр. 1911, 3. Всѣхъ шаландъ, принадлежавшихъ русскимъ владѣльцамъ въ Приморской области до 15 марта 1911 г., считалось 131; въ періодъ съ 15 марта по 15 іюня подъ русскій флагъ перешло 425 шаландъ (конечно, въ этомъ случаѣ были и фиктивные сдѣлки), такъ что общее число шаландъ, нынѣ плавающихъ подъ русскимъ флагомъ—556, почти то же, что въ предшествовавшемъ году для русскаго и иностраннаго флага вмѣстѣ. Для укомплектованія всѣхъ этихъ шаландъ русскимъ экипажемъ (въ установленной закономъ 50% нормѣ) требуется 1000 русскихъ матросовъ; за почти полнымъ отсутствіемъ въ краѣ таковыхъ, было возбуждено хозяевами шаландъ ходатайство о томъ, чтобы имъ было разрѣшено принимать въ счетъ 50% нормы русскихъ матросовъ корейцевъ, подавшихъ заявленіе о принятіи ихъ въ русское подданство и имѣющихъ право на это. См. «Далекая Окраина», № 1228 (10 іюня 1911), стр. 2.

4) Напримѣръ, въ 1909 г. компанія гидро-электрической силы Удзикава близъ Кіото наняла для своихъ работъ сперва 50, потомъ еще 58 корейцевъ за плату 50 сенъ въ день и была весьма довольна полученными результатами. Japan W. Chronicle, 24 June 1909, 1009.

5) На Гавайскихъ островахъ въ 1910 г. среди общей цифры населенія въ 191,909 было: японцевъ 79,662, гавайцевъ 27,099, португальцевъ 22,294, китайцевъ 21,698, полугавайцевъ 12,485, порторикцевъ 4,828, испанцевъ 1,962, прочихъ національностей 22,883. Въ это послѣднее число были включены и корейцы, которыхъ теперь живетъ на островахъ значительно большее число, чѣмъ раньше.

Замѣтку о положеніи корейцевъ на этихъ островахъ помѣстил S. F. Moore въ «Korea Review», III, Dec., 1903, 529—532, подъ заглавіемъ: «One night with the Koreans in Hawaii», въ опроверженіе слуховъ о дурномъ обращеніи съ корейцами на сахарныхъ плантаціяхъ и объ ихъ полномъ матеріальномъ закрѣпощеніи на положеніи рабовъ со стороны агентовъ сахарныхъ компаній. На дѣлѣ,

въ г. Санъ-Франциско — 800 человекъ въ тѣ же годы. Въ 1905 г. около 1,300 корейцевъ, ранѣе работавшихъ въ Маньчжуріи у русскихъ подрядчиковъ, были законтрактованы для работъ на каучуковыхъ плантаціяхъ въ мексиканскомъ Юкатанѣ. Нынѣ они желали бы переселиться на Гавайскіе о-ва, но могутъ сдѣлать это лишь въ качествѣ «добровольныхъ переселенцевъ», для каковой цѣли они не имѣютъ достаточно средствъ оплатить стоимость проѣзда. Поэтому корейская колонія въ Гонолулу, вмѣстѣ съ редакціей газеты United Korean News, приступила къ сбору денегъ для указанной цѣли¹.

Всего же по японскимъ консульскимъ свѣдѣніямъ отъ 1907 и 1908 гг. за границей проживало 121,508 корейцевъ, но эта цифра была значительно меньше дѣйствительной.

Корейцы, проживающіе за границею, являются либо чернорабочими въ огромномъ большинствѣ, либо мелкими земледѣльцами, либо политическими эмигрантами или, наконецъ, студентами. Корейскихъ студентовъ, не считая того, что въ Японіи ихъ было 504², имѣлось въ началѣ 1910 г. въ Соединенныхъ Штатахъ—125, въ Китаѣ—21, въ Россіи—4, въ Германіи и Англии по одному³.

XI.

Иностранцы въ Корей.

Въ самой Корей, помимо главной массы корейскаго населенія, проживаютъ нынѣ, какъ сказано, еще китайцы и прочіе иностранцы бѣлой расы и японцы.

2) Китайцы.

Въ серединѣ 1910 г., по японскимъ свѣдѣніямъ, въ Корей числилось китайцевъ всего 11,535 человекъ (въ Сеулѣ 1752 чел.⁴); по профессіямъ они распредѣлялись (включая и членовъ ихъ ихъ положеніе оказалось вполне удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ плантаціяхъ, которыя посѣтилъ г. Моогэ; относительно же ихъ матеріальныхъ условій достаточно указать, что уже по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы они въ состояніи посылать сбереженія на родину.

¹) Jарап W. Times, 27 May 1911, 348—9.

²) Въ Токио въ августѣ 1910 г. корейскихъ студентовъ было 270 чел. (ранѣе свыше 600).

³) По свѣдѣніямъ корейскаго министерства народнаго просвѣщенія: «Харб. Вѣстн.», № 1873, 13 іюня 1910, 3.

⁴) Китайское населеніе въ Сеулѣ исчисляется въ 1936 чел. (эта цифра отно-

семей) на 68 правительственныхъ служащихъ, 3752 торговцевъ, 989 земледѣльцевъ, 335 мастеровыхъ; остальные были чернорабочими¹.

Въ концѣ мая 1911 г., по свѣдѣніямъ управленія Ціосенскаго генераль-губернатора, къ Кореѣ проживало только 7,704 китайцевъ, изъ нихъ 6,128 мужчинъ, 893 женщинъ и 183 дѣтей; по профессіямъ они распредѣлялись такъ: 20 правительственныхъ служащихъ (ихъ семьи насчитывали 18 женщинъ и 40 дѣтей), 2,584 торговцевъ (ихъ семьи составляли 156 женщинъ и 53 ребенка), 308 рудокоповъ, 3,716 прочихъ профессій (съ семьями, состоявшими изъ 719 женщинъ и 80 дѣтей²).

Изъ этихъ цифръ, къ которымъ можно добавить, что въ 1909 г. (къ іюню) китайцевъ въ Кореѣ считалось 12,323 человекъ, видно, что китайская колонія въ Кореѣ, подъ вліяніемъ конкуренціи со стороны японскихъ торговцевъ и ремесленниковъ, рѣдѣетъ съ каждымъ годомъ³.

Другой причиною уменьшенія числа китайцевъ въ Кореѣ является то, что, въ отвѣтъ на вытѣсненіе китайскими властями въ Маньчжуріи корейскихъ земледѣльцевъ изъ страны, лежащей внѣ полосы отчужденія японскихъ желѣзныхъ дорогъ или территоріи иностранныхъ селлементовъ въ указанной области, японское правительство установило особыя правила для иностранныхъ рабочихъ въ Кореѣ (рѣчь шла въ данномъ случаѣ о китайцахъ, такъ какъ только они изъ всѣхъ иностранцевъ занимаютъ въ этой странѣ физическимъ трудомъ). Отнынѣ эти рабочіе только съ разрѣшенія уѣздныхъ властей могли жить и работать внѣ селлементовъ въ Кореѣ. Этотъ вопросъ представлялъ большую важность для иностранныхъ горнопромышленниковъ въ Кореѣ, которые широко пользовались трудомъ китайскихъ рабочихъ⁴.

сится къ нѣсколько болѣе раннему времени (къ началу 1910 г.), чѣмъ выше указанная цифра 1752 чел., отсюда и разница) и въ Чѣмупхо въ 2391 чел. Въ рукахъ китайцевъ лучшіе магазины и болѣе капитальныя зданія. Они же подрядчики, портные, мастера и даже огородники (въ окрестностяхъ Сеула и Чѣмупхо имѣются большіе китайскіе огороды). «Харб. Вѣстн.», 30 апр. 1910, стр. 3.

¹) «Харб. Вѣстн.», № 1945 (14 сент. 1910 г.), стр. 4.

²) Seoul Press, 9 July 1911, 2. Общее число китайскихъ земледѣльцевъ въ Кореѣ, по послѣднимъ даннымъ, достигаетъ 1,405 человекъ (364 семейства), изъ нихъ 874 человекъ находятся въ провинціи Кёнъгидо, 126 въ провинціи Южной Пхёнъандо и 795 въ Сѣверной Пхёнъандо; въ другихъ провинціяхъ китайскіе земледѣльцы имѣются въ большемъ или меньшемъ числѣ и только въ одной провинціи Сѣверной Хамгёндо ихъ нѣтъ вовсе. Seoul Press, 3 Oct. 1911, 2.

³) По заявленію г. Комацу, директора отдѣла иностранныхъ дѣлъ управленія корейскаго генераль-губернатора. «Харб. Вѣстн.», № 2240, 6 сент. 1911 г.

⁴) Ostasiat. Lloyd, 23 Sept. 1910, стр. 293.

Китайцы въ Корей нынѣ встрѣчаются во всѣхъ большихъ торговыхъ центрахъ страны, при чемъ численность ихъ относится къ численности японскаго населенія въ тѣхъ же мѣстахъ въ пропорціи 1 къ 10¹. Раньше, помимо осѣдлыхъ въ открытыхъ портахъ, китайцы являлись въ Корею еще въ видѣ странствующихъ торговцевъ сули (водкой) и мелочнымъ товаромъ, особенно на сѣверѣ страны, а также скупщиковъ мѣховъ; на верхній Амнокканъ они приходили зимою на полгода большими партіями для рубки лѣса, а по плоскогорью Сѣв. Кореи лѣтомъ бродили въ поискахъ за жэнь-шэнемъ и пантами. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ до послѣдняго времени жили иногда по нѣсколько мѣсяцевъ китайскія хунхузскія партіи, собирая съ жителей дань. Послѣ событій 1900—1901 г., ободрившихъ корейцевъ наглядными доказательствами слабости прежнихъ опасныхъ сосѣдей, не только китайцы въ очень значительной степени были вытѣснены изъ страны, но мѣстами и сами корейцы стали переходить границу Маньчжуріи съ цѣлью грабежа, пользуясь сосѣдствомъ русскихъ войск².

Въ торговыхъ правилахъ, заключенныхъ между Китаемъ и Кореей въ 1884 г., было предусмотрено учрежденіе китайскаго селтлемента въ Чѣмульпхо; въ эпоху китайско-японской войны 1894—5 гг. дѣйствіе указанныхъ правилъ было прекращено и въ новомъ китайско-корейскомъ договорѣ 1899 г. объ этихъ селтлементахъ ничего не говорится. Между тѣмъ китайскій селтлементъ въ Чѣмульпхо продолжалъ существовать по обычаю и кромѣ того возникли аналогичные селтлементы въ Фузанѣ и Гензанѣ, для которыхъ былъ составленъ въ свое время, по взаимному обсужденію китайскаго и корейскаго правительствъ, особый проектъ правилъ, окончательно не подписанныхъ. Послѣ предварительнаго обмѣна мнѣній съ 1907 г. по этому вопросу, между китайскимъ правительствомъ и японскимъ генеральнымъ резидентомъ 11 марта н. ст. 1909 г. были подписаны *Regulations concerning Chinese settlements* въ указанныхъ трехъ портахъ, отсутствіе копъ вызывало до того времени большія неудобства.

Китайскія консульства нынѣ имѣются въ Сеулѣ (генеральное), въ Чѣмульпхо, Фузанѣ, Гензанѣ и Чынънампхо; предполагено открыть китайское консульство и въ Новомъ Ыйчжю³.

3) Иностранцы бѣлой расы.

Все бѣлое населеніе европейской и американской національности, проживавшее въ Корей въ серединѣ 1910 г., не

1) Japan W. Chronicle, 24 Aug. 1911, 323.

2) Бар. Корфъ и Звегинцевъ, Военн. обзоръ Сѣв. Кореи, 73—74.

3) Japan W. Chronicle, 5 Jan. 1911. 26 октября н. ст. 1911 въ Новый Ыйчжю уже прибылъ вновь назначенный китайскій консулъ. Seoul Press, 29 Oct. 1911, 30.

превышало 850 чел., въ томъ числѣ по національности 490 американцевъ (изъ нихъ 104 служащихъ въ горнопромышленныхъ предпріятіяхъ), 183 англичанъ, 89 французовъ (большинство иностранцевъ этихъ трехъ національностей являются миссіонерами), 42 нѣмца, 21 русскихъ, 12 грековъ, 7 норвежцевъ, 3 итальянца, 1 бельгіецъ (ранѣе 3) и 2 португальца; русскіе, итальянцы и бельгійцы почти всѣ принадлежатъ къ составу консуловъ и ихъ семей. Въ концѣ мая 1911 г., по свѣдѣніямъ управленія Ціосенскаго генераль-губернатора, число европейцевъ и американцевъ въ Корей достигало 978 человекъ, изъ нихъ 610 американцевъ (миссіонеровъ съ семействами 437 человекъ), 212 англичанъ (миссіонеровъ съ семействами 148), 97 французовъ (54 миссіонера, изъ нихъ 47 мужчинъ), 43 нѣмца (21 миссіонеръ съ семействами), 11 русскихъ, 3 итальянца и 2 бельгійца¹.

Торговые обороты иностранцевъ въ Корей ничтожны, почему численность иностранныхъ коммерсантовъ изъ года въ годъ сокращается и, пожалуй, въ недалекомъ времени они будутъ совершенно вытѣснены изъ страны. Изъ крупныхъ предпріятій иностранцевъ заслуживаютъ вниманіе разработка золота и табачное дѣло, ведущееся въ широкихъ размѣрахъ².

Среди иностранцевъ бѣлой расы, проживающихъ въ Корей, большинство, какъ сказано, составляютъ миссіонеры, которыхъ въ серединѣ 1910 г. было 453 человека, изъ нихъ 306 американцевъ, 90 англичанъ, 50 французовъ, 3 нѣмца, 4 русскихъ. Это обстоятельство, наряду съ тѣмъ, что эти миссіонеры пользуются большимъ вліяніемъ въ странѣ³, при чемъ численность ихъ по сравненію со всѣмъ населеніемъ Корей оказывается много большей, чѣмъ въ самой Японіи⁴, а

¹) Seoul Press, 9 July 1911, 2.

²) Заявленіе директора отдѣла иностранныхъ дѣлъ при корейскомъ генераль-губернаторѣ. «Харб. Вѣстн.», № 2940, 6 сент. 1911, 3.

³) См. Japan W. Times, 9 April 1910, стр. 40,—передовая статья, озаглавленная: „Korea. The land of missionaries“. См. также статью: Христіанство и миссія въ Корей въ „Deutsche Japan-Post“, 21 Mai 1910, 7—9.

⁴) Въ Корей одинъ миссіонеръ (газета пользуется официальными статистическими данными отъ конца 1908 г., которыя насчитывали изъ общаго числа американцевъ и европейцевъ въ 757 человекъ 443 миссіонера, при чемъ 237 человекъ изъ нихъ было занято активной пропагандою) приходится на каждые 22,000 корейцевъ (считая общее число населенія Корей въ 9,781,671 человекъ), тогда какъ въ Японіи одинъ миссіонеръ (всѣхъ ихъ въ концѣ 1908 г. было 791) приходится на 62,000 жителей (считая всю цифру населенія въ 49¹/₂ милліона). Japan W. Times, 9 Apr. 1910, цит. ст., стр. 40.

число корейцевъ христіанъ составляетъ гораздо большій процентъ, опять таки ко всему населенію полуострова, нежели въ Китаѣ и Японіи¹, вызвало опасенія со стороны нѣкоторыхъ японскихъ политическихъ дѣятелей и журналистовъ, что иностранные миссіонеры употребятъ свое вліяніе во вредъ положенію японцевъ на полуостровѣ².

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между японцами и иностранными миссіонерами въ Кореѣ послужилъ даже предметомъ рѣчей г. Ицидзука, генераль-директора управленія генеральнаго резидента, и епископа Харрисъ³, на обѣдѣ, устроенномъ въ маѣ 1910 г. въ честь этого послѣдняго, при чемъ изъ этихъ рѣчей явствовало, что японскія власти на полуостровѣ относятся съ полнымъ довѣріемъ къ миссіонерамъ и готовы оказывать имъ полное содѣйствіе въ ихъ высокой миссіи, а со своей стороны миссіонеры въ лицѣ епископа Харриса выразили полную склонность исполнять законы и повиноваться властямъ, почему-де они и запрещаютъ вѣрующимъ совершать хотъ ма-

1) Въ 1909 г. въ Кореѣ было 236 христіанскихъ церквей и 61,600 туземныхъ христіанъ, что уже составляло большій процентъ ко всему населенію, чѣмъ въ Китаѣ и Японіи. Seoul Press, 13 August 1911, 2. Однако, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Кореѣ имѣется уже 1,700 христіанскихъ церквей съ 205,000 корейскихъ прихожанъ. Наиболѣе многочисленны христіане въ пров. Пхёнъандо, гдѣ ихъ 30,000 чел., затѣмъ въ Хоанъхъдо—23,000. Въ Сеулѣ ихъ также очень много. Епископъ Харрисъ опредѣляетъ число однихъ протестанскихъ христіанъ въ Кореѣ даже въ 200,000 человекъ и католическихъ—въ 70,000 человекъ. Seoul Press, 24 Aug. 1911, 3. Ср. «Статистику христіанскихъ миссій» рядомъ на стр. 263.

Напротивъ число буддистскихъ храмовъ, основанныхъ японцами въ Кореѣ, какъ противовѣсъ растущей христіанской пропагандѣ, только 53 съ 102 молельнями. Japan W. Chronicle, 27 Apr. 1911, 713. (изъ «Осака Майници»). Ранѣ японскіе буддистскіе священнослужители въ Кореѣ работали главнымъ образомъ среди японскихъ поселенцевъ и Japan W. Times (3 Sept. 1910, стр. 782) высказалась противъ предполагаемой усиленной пропаганды буддизма въ Кореѣ со стороны различныхъ японскихъ сектъ этого ученія, въ видахъ ускоренія слиянія корейскаго народа съ японскимъ. По мнѣнію названной газеты, въ современномъ видѣ японскій буддизмъ, какъ онъ проповѣдуется рядовымъ служителемъ этой религіи, представляетъ собою грубыя суевѣрія, которыхъ безъ того достаточно въ Кореѣ, и не способенъ содѣйствовать культурному прогрессу этой страны, но породить въ ней лишь сектанство и религіозную рознь.

2) Какъ сообщила Japan W. Times, 2 April 1910, стр. 16, лица, недовольныя въ Кореѣ японскимъ режимомъ, пользуются вліяніемъ миссіонеровъ для собственныхъ цѣлей; такъ, ими была сдѣлана попытка объявить христіанство государственной религіей Кореи, съ цѣлью обезпечить независимость страны отъ Японіи. Г. Комацу, директоръ отдѣла иностранныхъ дѣлъ въ управленіи генеральнаго резидента, также подчеркивалъ въ Japan W. Times, 9 April 1910, стр. 55, присутствіе среди корейскихъ христіанъ обычнаго чувства недоброжелательства по отношенію къ Японіи и установленному ею режиму въ Кореѣ, но не потому, что эти чувства внушаются имъ самими иностранными миссіонерами, которые держатъ себя совершенно въ сторонѣ отъ политики, а потому, что корейцы, недовольные Японіей, обращаются къ христіанству, какъ къ способу найти убѣжище подъ покровомъ иностранной религіи.

3) Епископъ Харрисъ является главою методистской епископальной церкви въ Японіи и Кореѣ; въ этой послѣдней странѣ она насчитываетъ 53,000 послѣдователей и даетъ 7,000 корейцамъ религіозное воспитаніе въ школахъ.

Статистика христіанскихъ миссій въ Корей.

(къ началу 1910 г., за исключеніемъ статистики православной миссії, взятой за первую половину 1910 г.).

Настоящія свѣдѣнія сообщены автору предлагаемаго „Очерка“ начальникомъ Россійской духовной миссії въ Сеулѣ. Для сравненія приведены аналогичныя данныя газеты Japan W. Times отъ 16 April 1910, стр. 91, составленныя на основаніи официальныхъ свѣдѣній.

Наименованіе миссій.	Число европ. миссіонеровъ	Число крещеныхъ.	Число оглашаемыхъ.	Всего.	По даннымъ газеты „Japan W. Times“.			
					Наименованіе миссій.	Число ин. мис.	Число туз. мис.	Число членовъ церкви.
Католическая ¹ .	57	кругло 85,000	—	85,000	Франц. римско-католическая миссія . . .	57	63	61,290
Пресвитеріанская сѣверная ²	101	25,057	23,892	48,949	Нѣмецкая римско-католическая миссія . . .	2	—	неизв.
Методистская сѣверная	58	16,992	23,243	40,235	Пресвитер. американ. ³	101	1,022	148,780
Баптистовъ	не	и з в	вѣстно		Епископальная ²	78	562	28,017
Англиканская .	25	1,231	2,259	3,490				
Австралійская пресвитеріанск. ²	13	681	4,498	5,179	Австралійск. пресвитер.	13	23	792
Пресвитеріанск. южная ²	33	4,657	2,930	7,587				
Канадская пресвитеріанская ²	14	1,141	1,108	2,249	Канадская пресвитеріанская . . .	14	43	3,830
Православная .	3	148	195	343	Русск. прав.	4	8	неизв.
Субботники . .	13	98	255	353				
Еванг. ассоціація	2	—	—	—	Gospel Society	2	—	неизв.
					Англ. библ. общ.	3	7	неизв.
					Армія спасенія	8	—	3,000
					Христіанск. ассоціація для юношей	6	—	неизв.
					Прочія	27	37	4,435
ВСЕГО . .	319	135,005	58,380	193,385	ВСЕГО . .	316	1,927	250,144

¹) Статистика католической миссії сдѣлана архимандр. Павломъ на основаніи достовѣрныхъ предположеній и газеты «Seoul Press» отъ 2 іюля 1910 г.

²) Общее число послѣдователей пресвитеріанской миссії въ Корей достигаетъ нынѣ 108,470, церквей или группъ—1,055. Прочія статистическія данныя относительно этой миссії см. Seoul Press, 23 Sept. 1911, 2 (на основаніи цифръ, опубликованныхъ на только что закончившемся съѣздѣ этой миссії въ г. Пхёнъянъ).

³) Цифра «148,780» является, несомнѣнно, ошибочной; надо читать «48,780» и общій итогъ внизу (правда, далеко не полный) уменьшить до 150,144.

лѣйшіе проступки противъ нихъ¹. Однако, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, японское правительство предложило представителямъ японскихъ христіанскихъ организацій взять на себя дѣло распространенія Евангелія среди корейцевъ, въ цѣляхъ избавиться отъ вліянія иностранныхъ миссіонеровъ въ этой странѣ. Нынѣ японскіе христіанскіе миссіонеры прибыли въ Сеуль и заняты организаціей проповѣдничества, въ каковыхъ цѣляхъ ими будутъ построены въ болѣе крупныхъ центрахъ храмы, школы, госпитали².

ХІІ.

4) Японцы.

Вмѣстѣ съ развитіемъ японской торговли и предприимчивости на корейскомъ полуостровѣ, число японцевъ, постоянно проживавшихъ въ Корей, стало быстро возрастать. Первоначально это были торговцы, ремесленники, прислуга, чернорабочіе³, лица, состоявшія на службѣ у японскаго и корейскаго правительства, и лица свободныхъ профессій, не считая многочисленнаго женскаго персонала притоновъ разврата; но впослѣдствіе начали прибывать и японскіе земледѣльческіе колонисты, искавшіе въ Корей лучшихъ условій существованія и большаго избытка земли, чѣмъ могли имѣть на родинѣ, и число ихъ быстро увеличилось, такъ что въ сентябрѣ 1901 г. на полуостровѣ находилось уже 20—30 тыс. японскихъ колонистовъ, изъ тѣхъ 6 милліоновъ, которыхъ, по тогдашнему подсчету, Корея могла принять въ свое лоно. Событія русско-японской войны, сдѣлавшія корейскій полуостровъ главной сухопутной базой японскихъ военныхъ силъ въ первый періодъ кампаніи; установленіе японскаго протектората надъ Кореей, съ постепеннымъ переходомъ въ руки

1) Japan W. Times, 28 May 1910, 310. Ср. также заявленіе г. Комацу по этому поводу: Japan W. Times, 9 April 1910, 55.

2) «Харб. Вѣстникъ», № 2181, 2 іюля 1911, 3.

3) Плата японскимъ рабочимъ въ Корей вообще выше, чѣмъ въ Японіи. Въ Сеулѣ поденная плата достигаетъ: для плотниковъ 1.50 енъ, штукатуровъ 1.56 енъ, каменщиковъ 1.86, пильщиковъ 1.61, кровельщиковъ 1.48, мастеровъ для кирпичныхъ работъ 1.80, маляровъ 1.50, мѣдниковъ 1.57, кузнецовъ 1.48 и чернорабочихъ 90 сенъ. Эти платы много выше въ г.г. Сѣнчжинъ, Пхѣнъянъ и Чынънамхо (отъ 1.67 до 2.50 енъ, при чемъ чернорабочіе получаютъ въ этихъ городахъ 1 енъ въ день). Напротивъ, въ Масанхо, Фузанъ и Тагу онѣ ниже (между 80 сенъ и 1.50 енъ, для чернорабочихъ только 35 сенъ). Japan W. Chronicle, 29 Dec. 1910, 1145 (изъ газеты «Асахи»).

японскихъ должностныхъ лицъ важныхъ отраслей корейскаго управленія: иностранныхъ дѣлъ, полиціи, финансовъ; правительственныя поощренія японской колонизаціи — все это должно было заставить японское населеніе въ Корей расти быстрыми скачками. Въ іюнѣ 1906 г. оно выражалось цифрою въ 72,539 человекъ (18,036 семей), въ концѣ 1907 г. — 98,115 чел. (28,189 семей), въ срединѣ 1908 года — 116,437 чел. (33,169 семей) и въ концѣ того же года — 126,168 чел. (70,145 мужчинъ и 56,623 женщинъ); въ концѣ декабря 1909 г. — 146,147 (79,947 мужчинъ и 62,200 женщинъ)¹; въ концѣ 1910 г. 150,512; нынѣ это число повысилось до 170—180 тысячъ и даже почти до 200,000² благодаря усиленному притоку японскихъ переселенцевъ за послѣднее время вмѣстѣ съ развитіемъ сообщеній³ между Японіей и Кореей.

По отдѣльнымъ районамъ полуострова, въ зависимости отъ бывшаго раздѣленія страны на территориальныя округа, подвѣдомственные отдѣльнымъ японскимъ резидентамъ (ридзикан 理事官), японское населеніе распредѣлялось по полуострову въ концѣ 1909 г. слѣдующимъ образомъ:

Въ предѣлахъ резидентскаго округа:	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
— Сеула	21,756	19,065	40,821
— Чѣмпульхо	6,960	5,973	12,879
— Кунсан	4,074	3,364	7,438
— Мокпхо	3,775	2,880	6,655
— Масанпхо	4,629	3,680	8,309
— Фузана	14,347	12,617	26,964
— Тăгу	4,631	3,693	8,324
— Гензана	3,917	3,365	7,282
— Сѣньчжин	329	231	560

1) Эта цифра указана въ Third annual report on reforms and progress in Korea, стр. 16; она отличается отъ нѣсколько меньшей цифры, приводимой ниже изъ Ціосен-ібран.

2) См. выше стр. 218, прим. 1.

3) Число переселенцевъ въ Корею изъ Японіи предположительно опредѣляется нынѣ въ среднемъ въ 2,900 человекъ въ мѣсяць, при чемъ большинство ихъ, кромѣ тѣхъ, что приѣзжаетъ въ Фузанъ черезъ Корейскій проливъ на желѣзнодорожныхъ пароходахъ (ferry steamers), поселяется въ самомъ порту или въ селеніяхъ по сосѣдству. Особенно велико число японскихъ рыбаковъ, переселяющихся въ провинціи Южную Чѣлладо и Южную Кѣнъсяндо, такъ какъ воды этихъ провинцій славятся рыбными богатствами. Seoul Press, 23 July 1911, 2.

— Чхёнъчжин	3,640	2,593	6,233
— Пхёнъянь	6,342	4,198	10,540
— Чынънампхо	2,141	1,676	3,818
— Новаго Ыйчжю	2,764	2,148	4,912
	<u>Итого 79,251</u>	<u>65,484</u>	<u>144,735¹</u>

Распределение японскаго населенія по отдѣльнымъ провинціямъ въ позднѣйшее время было указано на таблицѣ, помѣщенной выше на стр. 238—9.

Ціосен-іоран² въ особой таблицѣ даетъ также распределение всего японскаго населенія въ Корей, проживавшаго на полуостровѣ въ концѣ 1909 г. въ предѣлахъ отдѣльныхъ резидентскихъ округовъ, по мѣсту его происхожденія изъ собственной Японіи. Изъ этой таблицы можно усмотрѣть, что наибольшее число составляютъ уроженцы префектуры Ямагути (въ концѣ 1909 г. 17,987 человекъ, изъ нихъ въ Фузанѣ 4,818 чел., въ Сеулѣ 3,737 и въ Чѣмультхо 2,123 чел.), затѣмъ префектуръ Нагасаки (12,011 чел., изъ нихъ въ Фузанѣ 3,140 чел., въ Сеулѣ—2,305 и въ Чѣмультхо 1,533) и Фукуока (10,111 чел., изъ нихъ въ Фузанѣ 1,936 чел., въ Сеулѣ—2,770 чел. и въ Чѣмультхо 863 чел.). Далѣе идутъ префектуры Хиросима (8,838 чел.), Оита (8,703 чел.), Кумамото (6,903 чел.), Осака (5,665 чел.), Окаяма (5,479 чел.), Сага (4,882 чел.), Ехиме (4,490 чел.) и Тѳкіѳ (4,471 чел.). Менѣе тысячи человекъ японскаго населенія изъ каждой дали для Кореи главнымъ образомъ слѣдующія префектуры Японіи (преимущественно сѣверныя): Миязаки 829 чел., Гумма 812 чел., Хоккайдѳ 387, Саитама 748, Тоциги 703, Акита 697, Ямагата 692, Яманаси 658, Ивате 496 и Аомори 423; наконецъ уроженцевъ изъ префектуры Окинава (Рѳкѳскіе острова) въ Корей въ концѣ 1909 г. считалось только 32 человека.

Что касается общей характеристики дѣятельности японцевъ въ Корей въ настоящее время на различныхъ поприщахъ частной предпріимчивости, то въ этомъ отношеніи можно сослаться на не вполне благопріятныя мнѣнія нѣкоторыхъ непредубѣжденных лицъ изъ числа самихъ японцевъ, въ родѣ, напримеръ, члена японскаго парламента Иноуе (Какугорѳ), который помѣстилъ недавно въ «Дзицугіѳ-секай» статью³, въ которой разбиралъ различныя категоріи 180,000 японцевъ (всѣхъ ихъ пять), работающихъ на поприщѣ экономической

¹) Ціосен-іоран, стр. 374—5.

²) Стр. 376—378.

³) Переводъ ея былъ напечатанъ въ Japan Advertiser, откуда извлеченъ Seoul Press, 3 Sept. 1911.

Распределение японскаго населенія въ Корей по профессіямъ (въ концѣ 1909 г.)¹.

НАЗВАНІЕ ПРОФЕССІЙ.	Число лицъ, имѣющихъ самостоятельный заработокъ.		Число членовъ ихъ семей.		ВСЕГО.
	Мужщ.	Женщ.	Мужщ.	Женщ.	
Служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ	6,291	—	3,130	5,024	14,445
Служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ . . .	387	—	215	537	1,139
Состоящихъ на педагогической службѣ	384	33	161	340	918
Журналистовъ	126	—	94	159	379
Духовныхъ особъ синтоистической религіи	14	—	6	13	33
Духовныхъ особъ буддистской религіи и миссіонер.	106	—	59	80	245
Присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ	35	—	13	60	108
Врачей	283	1	261	475	1,020
Акушеровъ	—	121	19	19	146
Земледѣльцевъ	1,531	230	1,224	1,904	4,889
Торговцевъ	14,150	3,300	11,379	18,569	47,398
Ремесленниковъ и фабрикантовъ	4,302	97	2,794	4,570	11,762
Рыбаковъ и рыбопромышленниковъ	1,135	—	676	1,145	2,965
Разныхъ профессій	6,024	593	3,717	6,481	16,815
Гейшъ, проституткокъ и служанокъ въ увеселительныхъ заведеніяхъ. . .	—	4,238	12	3	4,253
Чернорабочихъ	5,914	473	3,276	5,574	15,237
Безъ опредѣленныхъ профессій	1,098	156	1,329	1,841	4,424
Итого	41,780	9,242	28,365	46,781	126,168

¹) Ціосен-іоран, 382—387; хотя данныя и помѣчены концомъ 1909 г., однако, если судить по общему итогу японскаго населенія въ 126,128 чел., онѣ относятся въ дѣйствительности къ концу 1908 г. Въ Канкоку-іоран, стр. 349—359, приводится распределение японскаго населенія въ Корей къ 1 апр. 1908 г. (исключительно лицъ, живущихъ самостоятельнымъ заработкомъ, въ числѣ 41,226 чел.) по отдѣльнымъ специальностямъ различныхъ профессій (всѣхъ 193 подраздѣленій).

эксплоатации въ Корей, приче́мъ авторъ пришелъ къ выводу, что за ничтожными исключеніями они не достигаютъ успѣха¹.

1) Первую категорію японцевъ среди живущихъ въ Корей, по мнѣнію г. Иноуе, составляютъ тѣ, которые были занесены на полуостровъ случайными обстоятельствомъ безъ опредѣленныхъ широкихъ плановъ. Большинство изъ нихъ уроженцы острововъ Цусима, которыхъ привлекла въ Корею естественная близость ихъ родины. Они явились въ Корею уже давно и нѣкоторымъ изъ нихъ удалось приобрести здѣсь состояніе помѣщеніемъ капиталовъ въ ссудныя, вѣрнѣе ростовщическія операціи среди корейцевъ; они же являлись посредниками въ разнаго рода сдѣлкахъ и содержателями гостинницъ; но при этихъ условіяхъ ими не могло быть создано ни одного дѣйствительно крупнаго предпріятія. Вторая категорія японцевъ въ Корей относится къ эпохѣ существованія японскаго посольства на полуостровѣ. Этотъ классъ японцевъ многочислененъ, весьма дѣятеленъ, но ненавидимъ туземнымъ населеніемъ, такъ какъ эти японцы привыкли злоупотреблять своимъ положеніемъ въ ту эпоху, когда, обращаясь въ японскій консульскій судъ, они могли разсчитывать на рѣшеніе его въ свою пользу въ каждомъ дѣлѣ, на которое, по ихъ мнѣнію, они имѣли права. Эту привычку они сохраняютъ понынѣ, почему немногіе изъ нихъ ведутъ дѣла всерьезъ, но большинство бросается отъ одного предпріятія къ другому, пользуясь прибылью, гдѣ только могутъ. Этого рода дѣятели не способны внушить корейцамъ довѣрія къ японскому народу. Третью категорію японцевъ въ Корей составляютъ «дѣловые люди» новаго пошиба, которые отправляются въ эту страну въ увѣренности разбогатѣть и создаютъ тамъ предпріятія, не считаясь съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, въ родѣ огромныхъ ресторановъ въ Сеулѣ, въ которыхъ надобности нѣтъ. На такихъ дѣловыхъ людей полагаться нельзя, какъ и ожидать отъ нихъ чего-либо серьезнаго. Четвертую категорію японцевъ составляетъ здоровый и мирный элементъ, собравшійся на полуостровъ со всѣхъ концовъ Японіи. Къ этой категоріи относятся рыбаки изъ префектуръ Ямагути, Хиросима, Кумамото, Оита и Фукуока, которые поселились по корейскимъ берегамъ ради прибыльнаго рыбнаго промысла. Многіе изъ лицъ этой категоріи занялись торговлею, приче́мъ одни остались въ портахъ для торговли рисомъ и солью, другіе отправились внутрь страны и здѣсь въ достаточной мѣрѣ преуспѣваютъ. Если они и ведутъ дѣла въ скромныхъ размѣрахъ, зато вполне основательно. Пятую категорію японцевъ въ Корей составляютъ тѣ, чьимъ занятіемъ является земледѣліе; они или владѣютъ здѣсь сами землею, или работаютъ за плату, но тѣ и другіе процвѣтаютъ.

Многіе изъ японцевъ, которыхъ недовольство судьбою на родинѣ заставило покинуть Японію и отправиться въ Корею, испытали здѣсь не лучшую участь, что при естественной склонности ихъ къ жалобамъ побуждаетъ ихъ винить во всемъ политику японскаго правительства на полуостровѣ. Отъ такихъ людей нельзя ожидать ничего значительнаго.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Иноуе, только немногіе изъ 180,000 японцевъ въ Корей дѣйствуютъ въ этой странѣ сравнительно успѣшно и ведутъ крупныя предпріятія. Слѣдовательно, индивидуальныя успѣхи несомнѣнны, но общій выводъ неблагоприятенъ для японской частной предпримчивости въ Корей въ цѣломъ (Seoul Press, 3 Sept. 1911, 3).

Въ другой статьѣ, помѣщенной въ „Юбен“, г. Иноуе столь же отрицательно отзывается о большинствѣ японцевъ, проживающихъ нынѣ на территоріи Кореи и сосѣдней Маньчжуріи, и утверждаетъ, что самимъ корейцамъ было бы гораздо лучше, еслибъ японцевъ не было вовсе въ ихъ странѣ; да и въ Маньчжуріи японцы лишь живутъ одни за счетъ другихъ соплеменниковъ и не могутъ имѣть успѣха въ конкуренціи съ китайцами; поэтому всѣ проекты японскаго правительства относительно созданія японской колонизаціи въ Маньчжуріи являются неосуществимымъ воздушнымъ замкомъ. (См. Japan W. Mail, 21 Oct. 1911, стр. 481—2).

Дѣйствительно, японцы готовы оставаться въ Корей, пока имъ обезпечено постоянное жалованье или ихъ предпріятіе пользуется казенной субсидіей, но число отдѣльныхъ лицъ и компаній, которыя по собственной инициативѣ пріѣзжаютъ въ Корею для организаци здѣсь новаго дѣла, невелико, такъ какъ японцы не любятъ разставаться съ родной обстановкою или жить въ уединеніи отъ соплеменниковъ¹.

По другому весьма важному вопросу, какъ японцы должны относиться въ расовомъ смыслѣ къ корейскому народу, докторъ Умино² энергично проповѣдуетъ брачные союзы между японцами и корейцами въ цѣляхъ улучшенія породы и созданія лучшихъ физическихъ типовъ, въ виду того, что японская раса, сохраняя чистоту крови, обнаруживаетъ нынѣ склонность производить ухудшенные и ослабленные типы.

Въ пользу смѣшанныхъ японо-корейскихъ браковъ говорить и то обстоятельство, что оба эти народа вышли изъ одного корня, почему не предвидится опасности поглощенія одного народа другимъ³. Можетъ быть рѣчь только о сліяніи воедино обоихъ народовъ, причемъ вѣра въ мощь генія японскаго народа заставляетъ японцевъ не беречь денегъ на культурное возрожденіе корейскаго народа, который долженъ безповоротно слиться съ японскимъ народомъ⁴.

ХІІІ.

Политическое дѣленіе. До 1895 г. корейскій полуостровъ съ прилегающими островами дѣлился въ административномъ отношеніи на восемь провинцій 道 то (до)⁵, изъ нихъ три

1) Seoul Press, 13 July 1911, 3 (изъ China Weekly Record).

2) Д-ръ Умино является, несомнѣнно, послѣдователемъ взглядовъ пастора Эндрюса въ Дели, который въ журналѣ East and West предложилъ разрѣшить проблему возобновленія и развитія человѣческаго рода путемъ смѣшенія расъ, на томъ основаніи, что браки между бѣлыми людьми съ одной стороны и черными и желтыми съ другой не только улучшили бѣ породу, но и распространили бѣ христіанство. Public Opinion, 1 July 1910: A remarkable solution of a grave problem.

3) См. Courrier de Tientsin, 3. Févr. 1911, 1—2 (изъ Echo de Chine).

4) «Харб. Вѣстникъ», 8 февр. 1911, № 2059, 1.

5) Административныя границы какъ перечисленныхъ здѣсь 8 прежнихъ провинцій Кореи, такъ и 13 существующихъ нынѣ провинцій совпадаютъ съ естественными границами соответствующихъ частей страны, такъ что это административное дѣленіе является въ то же время географическимъ, въ чемъ и заключается залогъ его устойчивости.

на восточной сторонѣ полуострова въ порядкѣ ихъ расположенія съ сѣвера на югъ—Хамгёндо 咸鏡道, Каньюондо 江原道 и Кёнъсяндо 慶尙道 и пять на западной сторонѣ, считая въ томъ же порядкѣ—Пхёнъандо 平安道, Хоанъхэдо 黃海道, Кёнъгыдо 京畿道 (буквально столичная область), Чхюньчхёндо 忠淸道 и Чёлладо 全羅道. По величинѣ занимаемой площади, эти провинціи располагались въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ (согласно исчисленіямъ площадей ихъ у Стрѣльбицкаго): 1) Хамгёндо съ площадью въ 58,707 кв. километровъ (Трогницъ указывалъ только 55,450 кв. килом.); 2) Пхёнъандо 43,005 кв. кил.; 3) Кёнъсяндо 27,007 кв. кил.; 4) Чёлладо 23,765 кв. кил.; 5) Каньюондо 22,664 кв. кил.; 6) Чхюньчхёндо 17,924 кв. кил.; 7) Хоанъхэдо 17,090 кв. кил. (Трогницъ считалъ объ послѣдненазванныя провинціи равными между собою по площади) и 8) Кёнъгыдо 12,361 кв. кил.¹

Означенныя восемь провинцій раздѣлялись на меньшія территоріальныя единицы, административный центръ которыхъ находился въ соотвѣтствующемъ городѣ; города эти по порядку старшинства административнаго ранга, отъ чего обычно зависѣли и размѣры площади подвѣдомственной имъ территоріи, различались по четыремъ обозначеніямъ: чю (чжю) (область) 州, пу (округъ) 府, кун 郡 (уѣздъ) и хён (волость) 縣; общее собирательное имя ихъ было ып 邑 (или ыпна 邑內). Всѣхъ ихъ считалось 332.

¹) Названія отдѣльных провинцій, кромѣ Кёнъгыдо, или буквально «столичной области», были составлены изъ начальныхъ слоговъ названій двухъ главныхъ городовъ въ соотвѣтствующей провинціи, съ присоединеніемъ слова до—буквально „дорога“, соединявшая названные города, въ переносномъ смыслѣ—„округъ“ или „область“, какъ въ Китаѣ или Японіи.

Названія слѣдующихъ городовъ послужили для составленія обозначеній 8 старыхъ провинцій:

- Для Хамгёндо—Хамхынъ и Кёнъсёнъ;
- » Каньюондо—Канънынъ и Уёнчжю;
- » Кёнъсяндо—Кёнъчжю и Сянъчжю;
- » Чёлладо—Чёнчжю и Начжю;
- » Чхюньчхёндо—Чхюньчжю и Чхёнъчжю;
- » Хоанъхэдо—Хоанъчжю и Хэчжю (впрочемъ названіе этой провинціи скорѣе значитъ: «Округъ Желтаго моря» по ея географическому положенію);
- » Пхёнъандо—Пхёнъянъ и Анчжю.

Это было сдѣлано, конечно, въ подражаніе китайскому образцу, такъ какъ такимъ же способомъ были образованы въ новѣйшее время обозначенія китайскихъ провинцій: Цзяньсу, Аньхой, Ганьсу.

Во главѣ чю (чжю) стоялъ мокса 牧使, во главѣ пу—пуса 府使 (полный титулъ его былъ тохобуса 都護府使)¹; во главѣ уѣзднаго города стоялъ кунсю 郡守 и самой мелкой единицы (волости) хённёнъ 縣領.

Территорія города Сеуль съ сосѣдными четырьмя «холмами» составляла Хансёнъпу, съ градоначальникомъ пан'юн 判尹 во главѣ. Другіе пять городовъ были выдѣлены изъ общаго провинціального управленія въ качествѣ крѣпостей (одо 五都²) и подчинены каждый двумъ комендантамъ юсю 留守, изъ коихъ однимъ былъ губернаторъ соотвѣтствующей провинціи. Это были Касёнъ (Сонъдо), Канъхоа (крѣпость съ 1627 г.), Коанъчжю 廣州—житница Кореи, крѣпость съ 1795 г., Сююён (съ 1793 г.) и Чхюнчхён (въ провинціи Канъюёндо).

Помимо городовъ указанныхъ четырехъ категорій, въ каждой провинціи одинъ городъ (эти города мѣнялись) служилъ въ качествѣ мѣстопробыванія губернатора³, какъ начальника провинціи, и являлся какъ-бы провинціальной столицей. Это были на восточной сторонѣ полуострова въ провинціи Хамгёнъдо—городъ Хамхынъ (нынѣшній главный городъ провинціи Сѣверной Хамгёнъдо, Кёнъсёнъ, какъ и городъ Кёнъхынъ, являлись окружными городами—пу); въ провинціи Канъюёндо—въ разное время города Уёнчжю 原州, Канънынъ и Чхюнчхён; въ провинціи Кёнъсянъдо—Кёнъчжю и Тагу (нынѣшній главный городъ провинціи Южной Кёнъсянъдо Чинчжю стоялъ во главѣ чю). На западной сторонѣ полуострова провинціальными столицами являлись въ разное время въ провинціи Пхёнъандо города Пхёнъянъ и Ыйчжю (тогда какъ городъ Тчёнъчжю 定州, бывший впоследствии въ теченіе короткаго времени главнымъ городомъ провинціи Сѣверной Пхёнъандо, имѣлъ рангъ областного города, а

¹) Въ пяти важныхъ окружныхъ городахъ—Андонъ 安東, Чхянъюён 昌原, (на сѣверо-востокъ отъ Масанпхо), Канънынъ, Ёнъхынъ и Ёнъёнъ окружные начальники имѣли титулъ (太) тхя-тохобуса или старшихъ; губернаторъ провинціи Пхёнъандо являлся въ то же время пуын 府尹 (префектомъ) для города Пхёнъянъ, какъ и губернаторъ провинціи Хамгёнъдо для города Хамхынъ и губернаторъ провинціи Чёлладо для Чёнчжю (全州); точно также въ двухъ городахъ: Ыйчжю, пограничномъ съ Китаемъ, и въ Кёнъчжю 慶州, напротивъ Японіи, находились префекты (пуын), а не простые окружные начальники.

²) Это выраженіе буквально означаетъ: пять столицъ, или столичныхъ городовъ.

³) Губернаторъ корейской провинціи носилъ раньше титулъ камса 監使, впоследствии коанчхальса 觀察使.

городъ Ёньбён, сдѣлавшійся послѣ Тчёнъчжю главнымъ городомъ той же провинціи Сѣверной Пхёнъандо, но нынѣ уступившій это мѣсто городу Ыйчжю, являлся только окружнымъ городомъ—пу); въ провинціи Хоанъхядо—послѣдовательно города Хоанъчжю и Хячжю; въ Кёнъгыдо особое мѣсто занимали Сеуль, какъ столица всего королевства (Хансёнъпу), и Канъхоа, въ качествѣ главной крѣпости, тогда какъ провинціальной столицей являлся собственно городъ Сюуён; въ Чхюньчхёндо провинціальной столицей—послѣдовательно были города Пунчжю 分州, Чхёнъчжю и Чхюньчжю и въ Чёлладо—Чёнчжю (нынѣшній главный городъ провинціи Южной Чёлладо—Коанчжю являлся областнымъ городомъ (чю).

Распредѣленіе административныхъ единицъ (городовъ) всѣхъ наименованій по отдѣльнымъ провинціямъ являлось въ такомъ видѣ:

въ провинціи Кёнъгыдо: помимо столичнаго города Хансёнъпу и крѣпости Канъхоа и подвѣдомственныхъ имъ территорій, считалось 6 чю, въ частности Сюуён (провинціальная столица), Касёнъ и Коанъчжю¹; 8 пу (въ частности городъ Инчхён); 10 кун и 1 хён.

въ провинціи Чхюньчхёндо: 3 главныхъ города (бывшихъ въ разное время провинціальными столицами); 1 чю—Хонъчжю 洪州; 1 пу (Чхёнъпхунъ 淸風); 14 кун и 35 хён.

въ провинціи Кёнъсяндо: 2 главныхъ города; 3 чю (Сянъчжю, Чинчжю и Сёнъчжю); 15 пу (въ частности Андонъ, Чхянъуён, Мир'янь, Ульсан, Тонъна, Кочжѣ); 13 кун и 31 хён.

въ провинціи Чёлладо: 1 главный городъ; 4 чю—Начжю, Чѣчжю (островъ Квельпартъ), Коанъчжю и Нынъчжю; 7 пу (въ частности Нам'уён, Сунтхён, Чянъхынъ и Тан'янь); 12 кун и 32 хён.

въ провинціи Хоанъхядо: 2 главныхъ города; 6 пу; 7 кун; 8 хён.

въ провинціи Канъуёндо: 3 главныхъ города; 6 пу; 6 кун; 8 хён.

въ провинціи Хамгёндо: 1 главный городъ; 1 чю (Кильчжю); 19 пу (изъ нихъ болѣе важны слѣдующіе 13: Ёнь-

¹) Оба этихъ города были изъяты изъ непосредственнаго подчиненія провинціальному управленію въ качествѣ крѣпостей (изъ числа «одо». см. выше).

хынъ, Анбён, Чіонъсёнъ, Кёнъуён, Кёнъсёнъ, Онсёнъ, Кёнъхынъ, Хоёрёнъ, Токъуён, Капсан, Самсю, Танчхён и Мусан); такое большое число окружныхъ городовъ объясняется не только обширными размѣрами провинціи, но и пограничнымъ ея положеніемъ, вдали отъ правительственнаго центра всей страны, что дѣлало необходимымъ предоставленіе мѣстнымъ властямъ болѣе широкихъ полномочій и болѣе высокаго служебнаго ранга. Помимо указанныхъ административныхъ единицъ, въ провинціи Хамгёндо были 2 кун и 2 хён.

въ провинціи Пхёнъандо: два главныхъ города; 2 чю (Анчю и Тчёнъчю); 15 пу (изъ нихъ болѣе важные слѣдующіе шесть: Ёньбён, Канъгъ, Сакчю, Часёнъ, Чхосан и Іонъчхён 龍川); 12 кун и 11 хён¹.

Указомъ отъ 18 іюня 1895 г., взамѣнъ прежняго дѣленія на провинціи и меньшія територіальныя единицы, вся страна была раздѣлена на 23 пу—округа, аналогичные японскимъ префектурамъ фу и кенъ (съ уничтоженіемъ вскорѣ за тѣмъ округа Капсан, включеннаго въ округъ Кёнъсёнъ, число округовъ уменьшилось до 22), съ подраздѣленіемъ каждаго округа на уѣзды—прежніе кун (郡).

Указанные округа были:

1) Хансёнъбу (Сеуль) съ 11 уѣздами, включавшій внутреннюю часть бывшей провинціи Кёнъгыйдо, за исключеніемъ сѣверозападнаго угла и южной полосы ея;

2) Инчхёнбу (Чѣмульпхо) съ 12 уѣздами, включавшій береговую полосу той же провинціи съ островами;

3) Чхюнъчжюбу съ 20 уѣздами (сѣверо-восточная часть провинціи Чхюнъчхёндо, юго-восточный уголъ Кёнъгыйдо и юго-западный уголъ Канъуёндо);

4) Хонъчжюбу съ 22 уѣздами (береговая полоса провинціи Чхюнъчхёндо);

5) Конъчжюбу съ 27 уѣздами (внутренняя часть пров. Чхюнъчхёндо и югозападный уголъ пров. Кёнъгыйдо);

6) Чёнчжюбу, 20 уѣздовъ—сѣверная часть береговой по-

¹) Цідсен-ококу, изд. въ 1896 г., приводитъ на стр. 214—224 полный списокъ всѣхъ административныхъ единицъ бывшихъ 8 провинцій Кореи, откуда и заимствуются приводимыя данныя.

лосы Чёлладо;

7) Нам'уёнбу, 15 уѣздовъ — внутренняя часть пров. Чёлладо съ длиннымъ южнымъ выступомъ до морского побережья;

8) Начжюбу, 16 уѣздовъ — юго-западная часть пров. Чёлладо;

9) Чѣчжюбу (островъ Квельпартъ), 3 уѣзда;

10) Чинчжюбу, 21 уѣздъ — юго-западная часть Кёнъсяндо;

11) Тонънѣбу, 10 уѣздовъ — юго-восточная часть Кёнъсяндо;

12) Тагубу, 23 уѣзда — центральная часть Кёнъсяндо внутри материка;

13) Андонъбу, 17 уѣздовъ — сѣверная часть Кёнъсяндо съ прилегающимъ участкомъ морского побережья;

14) Канънынъбу, 9 уѣздовъ — береговая полоса пров. Канъуёндо, на востокъ отъ Главнаго хребта;

15) Чхюнчхёнбу, 13 уѣздовъ — западная (внутренняя) часть пров. Канъуёндо, за исключеніемъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго угловъ ея;

16) Кёнъсёнбу, 10 уѣздовъ — вся сѣверо-восточная и сѣверная часть пров. Хамгёндо;

17) Капсанбу, 3 уѣзда — сѣверо-западная, внутренняя часть Хамгёндо, вслѣдъ за тѣмъ присоединенная къ территоріи округа Кёнъсёнбу;

18) Касёнбу (Сондо), 13 уѣздовъ — сѣверная часть Кёнъгыйдо, восточная часть Хоанъхѣдо и сѣверо-западный уголь Канъуёндо;

19) Хѣчжюбу, 16 уѣздовъ — остальная часть Хоанъхѣдо, за исключеніемъ сѣвернаго выступа этой провинціи;

20) Пхёнъянбу, 27 уѣздовъ — южная и центральная часть Пхёнъандо и сѣверный выступъ Хоанъхѣдо;

21) Ыйчжюбу, 13 уѣздовъ — сѣверо-западная часть остающейся территоріи Пхёнъандо;

22) Канъгъбу, 6 уѣздовъ — сѣверо-восточная часть той же территоріи Пхёнъандо и западный уголь Хамгёндо;

23) Хамхынъбу, 11 уѣздовъ — юго-восточная побережная полоса Хамгёндо¹.

Во главѣ означенныхъ округовъ были поставлены губер-

¹) На картѣ, помѣщенной въ Wilkinson, *Corean Government*, 1897, впереди текста, нанесены красными линиями границы новыхъ округовъ и для сравненія голубыми линиями границы прежнихъ провинцій.

наторы съ наименованіемъ коанчхальса 觀察使, въ отличіе отъ имени камса, которое носили губернаторы прежнихъ провинцій (впрочемъ, имя коанчхальса употреблялось и раньше для этой цѣли); во главѣ же уѣздовъ, общее число которыхъ было 337, находились кунсю 郡守.

4 августа 1896 г. это дѣленіе страны на 23 (22) округа было уничтожено королевскимъ указомъ и было восстановлено прежнее дѣленіе на провинціи (до), число которыхъ, однако, было увеличено съ 8 до 13, въ видахъ лучшей сосредоточенности административной власти, путемъ раздѣленія пяти изъ ранѣ существовавшихъ провинцій на двѣ части каждая, причемъ за вновь образованными провинціями были сохранены прежнія названія съ прибавленіемъ соотвѣтственно словъ: сѣверный пук (бук) 北 или южный нам 南. Въ результатѣ общее число провинцій увеличилось до 13; вмѣстѣ съ тѣмъ 13 городовъ были назначены для мѣстопробыванія губернаторовъ (съ наименованіемъ коанчхальса) отдѣльныхъ провинцій, въ качествѣ провинціальныхъ столицъ, по одному для каждой изъ тринадцати провинцій. Кромѣ того были образованы новые уѣзды (кун), при чемъ общее число ихъ достигло 341.

По новому дѣленію 1896 г. корейскія провинціи и ихъ главные города могли быть представлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Пять восточныхъ провинцій (съ сѣвера на югъ).

1) Сѣверная Хамгёндо (Хамгёнбукто, яп. Канкіохокудо) съ главнымъ городомъ Кёнъсёнъ;

2) Южная Хамгёндо (Хамгённамдо, яп. Канкіонандо) съ главнымъ городомъ Хам-хынъ;

3) Канъуёндо (яп. Кōгендо) съ главнымъ городомъ Чхюнчхён;

4) Сѣверная Кёнъсяндо (Кёнъсянбукто, яп. Кейсіохокудо) съ главнымъ городомъ Тăгу;

5) Южная Кёнъсяндо (Кёнъсяннамдо, яп. Кейсіонандо) съ главнымъ городомъ Чинчжю;

Восемь западныхъ провинцій (съ сѣвера на югъ):

6) Сѣверная Пхёнъандо (Пхёнъанбукто, яп. Хейанхокудо) съ главнымъ городомъ Тчёнъчжю¹;

¹) Въ 1897 г. главнымъ городомъ провинціи Сѣверной Пхёнъандо былъ сдѣланъ вмѣсто Тчёнъчжю Ёнъёнъ.

7) Южная Пхёнъандо (Пхёнъаннамдо, яп. Хейаннандō) съ главнымъ городомъ Пхёнъянь;

8) Хоанъхăдо (яп. Кōкайдō) съ главнымъ городомъ Хăчжю;

9) Кёнъгыдо (яп. Кейкидō) съ главнымъ городомъ Сююн;

10) Сѣверная Чхюнь-чхенъдо (Чхюньчхёнъбукто, яп. Цю-сейхокудō) съ главнымъ городомъ Чхюньчжю;

11) Южная Чхюньчхёнъдо (Чхюньчхёнънамдо, яп. Цю-сейнандō) съ главнымъ городомъ Конъчжю;

12) Сѣверная Чёлладо (Чёллабукто, яп. Дзенрахокудō) съ главнымъ городомъ Чёнчжю;

13) Южная Чёлладо (Чёлланамдо, яп. Дзенранандō) съ главнымъ городомъ Коанъчжю.

Одновременно съ установленіемъ новаго административнаго дѣленія, городъ Сеуль былъ сдѣланъ, какъ раньше, особой административной единицею Хансёнъбу съ пан'юн (градоначальникомъ) во главѣ; затѣмъ города Коанъчжю 廣州, Касёнъ, Канъхоа, Инчхён (Чѣмульпхо), Топънă (Фузанъ), Ток'юн (Гензанъ), Кёнъхынъ были сдѣланы окружными городами (пу 府) съ пуюн 府尹 во главѣ, а островъ Квельпартъ образовалъ особое комиссарство (мок 牧) съ мокса 牧使 во главѣ. Остальные города сохранили рангъ уѣздныхъ 郡, но были раздѣлены на 5 разрядовъ (тынъ 等¹).

Въ 1897 г. къ числу окружныхъ городовъ (пу) были прибавлены Муан (Мокпхо) въ Чёлладо и Самхоа (Чынънампхо) въ южной Пхёнъандо; въ 1899 г. — Окку 沃溝 (Кунсан), Чянъюн 昌原 (Масанпхо) и Сёнъчжин; затѣмъ въ 1900 г. Сёнъчжинбу былъ присоединенъ къ уѣзду Кильчжю, повышенному затѣмъ въ рангъ окружного города.

Въ 7-й годъ правленія Коанъму (1903 г.) всѣ упомянутые 13 пу, кромѣ Коанъчжю, Касёнъ и Канъхоа, были переименованы въ уѣздные города (кун) и во всѣхъ 13 провинціяхъ стало считаться одно Сеульское градоначальство, одно комиссарство Чѣчжю (островъ Квельпартъ), 3 пу и 341 уѣздъ (кун).

24 сент. 1906 г. императорскимъ указомъ были упразднены должности комиссаровъ иностранной торговли (監理 камни), учрежденные въ 1899 г. для управленія открытыми для

¹) Канкоку-синцири, 108—122, даетъ перечень названій 9 пу, какъ они считались до 1899 г., 1 мок и 331 кун, съ указаніемъ разряда каждаго уѣзднаго города.

иностранной торговли портами, и всѣ уѣзды, въ которыхъ имѣлись эти открытые порты (港市 ханъси), были возведены въ степень округовъ (пу) и функціи бывшихъ портовыхъ комиссаровъ переданы отчасти губернаторамъ, отчасти вновь учрежденнымъ въ указанныхъ городахъ окружнымъ начальникамъ, причемъ мѣстопробываніемъ этихъ начальниковъ являлись сами открытые порты, а обозначеніемъ округовъ служили названія бывшихъ уѣздныхъ городовъ, на территоріи которыхъ были расположены эти порты. Три прежнихъ окружныхъ города Канъ-хоа, Коанчю и Касёнъ были низведены въ разрядъ уѣздныхъ городовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ упразднено и Чѣчюское комиссарство на островѣ Квельпартъ, такъ что этотъ островъ отнынѣ въ административномъ отношеніи сталъ представлять собою только три обыкновенныхъ уѣзда, на которые онъ дѣлился.

Благодаря этимъ измѣненіямъ 13 провинцій Кореи распались въ 1906 г. въ административномъ отношеніи на 11 пу (округовъ) и 333 кун (уѣздовъ), причемъ 11 пу были слѣдующіе:

1) Инчхён	открытый портъ	Чѣмульпо,
2) Тонънă	« «	Фузанъ,
3) Ток'уён 德源	« «	Гензанъ,
4) Кёнъхынъ	« «	Кёнъхынъ,
5) Муан	« «	Мокпо,
6) Самхоа	« «	Чынънампо,
7) Чхянъуён	« «	Масанпо,
8) Сёнъчжин	« «	Сёнъчжин,
9) Окку 沃溝	« «	Кунсан,
10) Ионъчхён 龍川	« «	Ионънампо,
11) Ыйчю	« «	Ыйчюси (市).

Въ императорскомъ указѣ отъ того же числа¹ были перечислены главные города (резиденціи губернаторовъ) каждой изъ 13 провинцій, какъ они были установлены въ 1896 г. (см. выше стр. 275—6), за тѣмъ лишь исключеніемъ, что главнымъ городомъ провинціи Сѣверной Пхёнъандо въ этомъ спискѣ являлся уже городъ Ёньбён, какъ это было оговорено выше

¹) Т. е. отъ 24 сент. 1906 г. Этотъ и прочіе вышеприведенные указы см. въ корейскомъ официальном изданіи Понкю(л)юпхён 法規類編, кн. 4, отдѣлъ 地方門, стр. 1, и далѣе (разсматриваемый указъ помѣщенъ на стр. 6—7).

на стр. 275 въ примѣчаніи. Однако, и этотъ выборъ оказался не окончательнымъ, такъ какъ императорскимъ указомъ отъ марта 1908 г. мѣстопробыванія губернаторовъ соотвѣтствующихъ провинцій были перенесены: изъ города Ёнбёнъ въ городъ Ыйчжю для провинціи Сѣверной Пхёнъандо и изъ города Чхюньчжю въ городъ Чхёнъчжю для провинціи Сѣверной Чхюньчхёндо. Были также произведены сокращенія въ числѣ уѣздныхъ городовъ, послѣ каковыхъ измѣненій къ 1910 г. административный составъ 13 корейскихъ провинцій принялъ слѣдующій видъ:

	Число административныхъ дѣленій:		Площадь кв. ри ¹ .
	Округовъ (префектуръ).	Уѣздовъ.	
Сеуль	—	—	} 765
Кёнъгыйдо съ главнымъ городомъ Сююён	1	36	
Сѣв. Чхюньчхёндо (гл. городъ Чхёнъчжю)	—	18	795
Южн. Чхюньчхёндо (гл. гор. Конъчжю)	—	37	576
Сѣв. Чёлладо (гл. городъ Чёнчжю)	1	27	514
Южн. Чёлладо (гл. городъ Коанъчжю)	1	28	753
Сѣв. Кёнъсяндо (гл. городъ Тăгу)	—	41	1,133
Южн. Кёнъсяндо (гл. городъ Чинчжю)	2	27	833
Хоанъхăдо (гл. городъ Хăчжю)	—	19	1,102
Южн. Пхёнъандо (главн. городъ Пхёнъянъ)	1	18	1,164
Сѣв. Пхёнъандо (главн. городъ Син-Ыйчжю)	2	19	1,636
Канъуёндо (главн. городъ Чхюньчхён)	—	25	1,721
Южн. Хамгёндо (главн. городъ Хамхынъ)	1	13	1,671
Сѣв. Хамгёндо (главн. городъ Кёнъсёнъ)	2	9	1,760
	11	317	14,123 ² .

Въ зависимости отъ размѣровъ площади, указанной въ только что приведенной таблицѣ, всѣ тринадцать корейскихъ провинцій могутъ быть расположены въ нисходящемъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ: 1) Сѣверная Хамгёндо; 2) Канъуёндо; 3) Южная Хамгёндо; 4) Сѣверная Пхёнъандо; 5) Южная Пхёнъандо; 6) Сѣверная Кёнъсяндо; 7) Хоанъхăдо; 8) Южная Кёнъсяндо; 9) Кёнъгыйдо; 10) Южная Чёлладо; 11) Южная Чхюньчхёндо; 12) Сѣверная Чёлладо и 13) Сѣверная Чхюньчхёндо.

Послѣ присоединенія Кореи къ территоріи японской имперіи, указомъ японскаго императора отъ 1 октября н. стилия

¹) По приблизительному подсчету департамента путей сообщенія корейскаго генераль-губернатора.

²) Third annual report on reforms and progress in Korea, табл. 1, стр. 177.

1910 г. по вновь образованному корейскому генераль-губернаторству (Ціосен-сотокуфу) было подтверждено прежнее дѣленіе страны на 13 провинцій и существовавшее въ нихъ распредѣленіе главныхъ городовъ, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что бывшее Сеульское градоначальство было переименовано изъ Хансёнбу въ Кёнъсёнбу (яп. Кейдзіофу) 京城府 и соединено съ столичной провинціей Кёнъгыйдо подъ властью одного губернатора (префекта), мѣстопробываніе котораго было переведено въ Сеуль (Кёнъсёнъ) взамѣнъ города Сююн. Вся остальная страна дѣлится, по примѣру прежняго, на 12 провинцій (до) съ губернаторами (отнынѣ они носятъ имя доціо по японски 道長) во главѣ (большая часть ихъ японцы) и всѣ 13 провинцій (включая столичную провинцію) раздѣляются прежнимъ порядкомъ на меньшія административныя единицы: округа (пу) подъ властью префектовъ (пуюн, яп. фуин) и уѣзды (кун) съ кунсю во главѣ (яп. гундзю 郡守), всего 310 человекъ, ввиду новаго сокращенія числа уѣздовъ; уѣздными начальниками являются корейцы, напротивъ, окружными начальниками — японцы.

Одновременно составъ окружныхъ городовъ былъ видоизмѣненъ въ томъ отношеніи, что три прежнихъ окружныхъ города Сёнъчжин, Кёнъхынъ и Ионъчхён (Ионъампхо) были низведены на положеніе уѣздныхъ городовъ, а взамѣнъ ихъ прибавлены къ списку окружныхъ городовъ Кёнъсёнъ (Сеуль), Тагу, Пхёнъянъ (изъ уѣзднаго города) и Чхёнъчжин (выдѣленный изъ бывшаго уѣзда Пурёнъ); названія всѣхъ окружныхъ городовъ были измѣнены такъ, чтобы обозначать самые открытые порты или другіе торговые пункты, гдѣ находилось раньше и находится теперь мѣстопробываніе окружнаго начальника, какъ видно изъ слѣдующей таблицы всѣхъ существующихъ 12 пу:

Кёнъсёнбу	съ центромъ управленія въ Сеулѣ,		
Инчхёнбу	«	«	Чѣмульпхо (Инчхён),
Кунсанбу	«	«	Кунсан,
Мокпхобу	«	«	Мокпхо,
Тагубу	«	«	Тагу,
Пусанбу	«	«	Фузанъ (кор. Пусан),
Масанпхобу	«	«	Масанпхо,

Пхёнъянбю	«	«	«	Пхёнъянь,
Чынънампхобу	«	«	«	Чынънампхо,
Ыйчжюбу	«	«	«	Син-Ыйчжю (Новый Ыйчжю),
Уёнсанбу	«	«	«	Гензанъ (кор. Уёнсан),
Чхёнъчжинбу	«	«	«	Чхёнъчжин ¹ .

Какъ въ Японіи, гдѣ встрѣчаются обозначенія въ родѣ Кантō, Кансай, Цюгоку, Гокинай, на корейскомъ полуостровѣ употребляются понынѣ особыя коллективныя обозначенія для извѣстныхъ группъ провинцій или отличныя отъ вышеприведенныхъ административныхъ названій обозначенія отдѣльныхъ провинцій².

Изъ коллективныхъ обозначеній наиболѣе употребительными являются: Самнам (яп. Саннан) 三南, т. е. «Три южныя (провинціи)» — Чёлладо, Кёнъсянъдо и Чхюньчхёнъдо (до ихъ раздѣленія на сѣверныя и южныя). Затѣмъ именемъ Коансё (яп. Кансай) 關西, т. е. «На западъ отъ заставы³», иначе Янъсё (яп. Ріосай) 兩西 «Двѣ западныя (провинціи)»⁴, обозначаются двѣ провинціи Хоанъхъдо и Пхёнъандо, взятыя вмѣстѣ, или одна только провинція Пхёнъандо; напротивъ, имя Коанбук (яп. Камбоку) 關北, т. е. «На сѣверъ отъ заставы» (разумѣется Корейскій Главный хребетъ), прилагается къ двумъ остающимся провинціямъ Кореи на восточномъ побережьѣ полуострова — Канъуёндо и Хамгёнъдо, иначе еще Коандонъ 關東, яп. Кантō, «На востокъ отъ заставы»⁵. Эти три группы провинцій, располагаясь кругомъ столичной провинціи Кёнъгыгдо (иначе называемой Кыйннъ 畿内, яп. Кинай) съ трехъ ея сторонъ, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ Саммён 三面 (яп. Саммен), т. е. «Три стороны».

1) Кампō, № 8192 отъ 10 окт. 43-го года Мейдзи (1910), стр. 3.

2) Нижеприводимыя обозначенія этого рода взяты главнымъ образомъ изъ Канкоку-синцири, 228.

3) По словамъ сочиненія «Кан-хантō», изд. въ 1901 г., этой заставою является Чхёнъсёгоан 靑西(?石)關. Чхёнъсёккоан 靑石關 лежитъ въ провинціи Кёнъгыгдо, близъ ея границы съ провинціей Хоанъхъдо, на большой дорогѣ изъ Сеула въ Пхёнъянь и Ыйчжю, на сѣверъ отъ г. Касёнъ.

4) Или еще Хасё (яп. Кайсай) 海西 «На западъ отъ моря» (залива Кёнъгыгман).

5) Канкоку-іѳран, 2, приводитъ иное коллективное обозначеніе тѣхъ же двухъ провинцій — Ёнъбѳ (яп. Рейхай) 嶺背, или «Позади горъ», чѣмъ указывается, что эти провинціи лежатъ по отношенію къ столичной провинціи позади (на востокъ отъ него) меридіональнаго хребта, т. е. Главнаго хребта, съ его перевалами; этотъ же хребетъ подразумѣвается, какъ уже говорилось, подъ словомъ коан — застава въ вышеприведенныхъ названіяхъ. Въ частности подъ этой заставою разумѣлся знаменитый перевалъ въ Главномъ хребтѣ — Тчхёллёнъ на сѣверной границѣ Канъуёндо, на главной дорогѣ изъ Сеула въ Гензанъ, на сѣверъ отъ города Хоеянъ. Имя Коандонъ можетъ также прилагаться къ одной только провинціи Канъуёндо, а имя Коанбук (на сѣверъ отъ заставы, или перевала Тчхёллёнъ) — къ одной провинціи Хамгёнъдо (тамъ же).

Въ основѣ подобной группировки всѣхъ корейскихъ провинцій лежатъ не только географическія или политическія соображенія, но и историческія данныя, этнографическія и культурныя (бытовыя) и социальныя различія, наконецъ, неодинаковыя экономическія условія. Каждая изъ означенныхъ группъ провинцій, объединяемыхъ именованъ Саммен, во всѣхъ перечисленныхъ отношеніяхъ имѣла неодинаковый ходъ развитія и нынѣ достигла отличнаго отъ другихъ состоянія, обладая специальными чертами, присущими каждой отдѣльной группѣ, чѣмъ легко обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя¹. При таковыхъ обстоятельствахъ подобная туземная классификація и группировка отдѣльныхъ провинцій должна быть принята въ надлежащей мѣрѣ въ соображеніе при изученіи страны.

Имѣется еще нѣсколько другихъ аналогичныхъ коллективныхъ обозначеній корейскихъ провинцій, которыя нерѣдко употребляются понынѣ въ обиходѣ; такъ, провинціи Челладо и Чхюньчхёнъдо, раздѣленные между собою р. Кымганъ (Панъмаганъ), обозначаемой въ старину словомъ Хоганъ 湖江 (яп. Кокō) «рѣка—озеро» за размѣры своего русла въ нижнемъ теченіи, извѣстны подъ коллективнымъ именованъ Яньхо 兩湖 (яп. Ріōко), т. е. двѣ озерныхъ (провинціи), а въ отдѣльности провинція Челладо обозначается именованъ Хонам 湖南 (яп. Конан), т. е. «на югъ отъ озера» (рѣки Кымганъ), а Чхюньчхёнъдо—Хосё 湖西 (яп. Косай) «на западъ отъ озера» (той же рѣки Кымганъ). Провинція Кёнъсянъдо имѣетъ еще специальное обозначеніе гнънам 嶺南 (яп. Рейнан), т. е. «на югъ отъ перевала» (подъ этимъ переваломъ можетъ разумѣться переваль Орёнъ 烏嶺 на сѣверозападной границѣ провинціи Сѣверной Кёнъсянъдо на большой дорогѣ изъ Сеула въ означенную провинцію)².

XIV.

Обзоръ корейскихъ провинцій съ указаніемъ главныхъ городовъ и прочихъ примѣчательныхъ населенныхъ пунктовъ. Если обратиться къ восточной сторонѣ корейскаго полуострова и начать намѣченный обзоръ съ сѣвера, то первыми въ этой части полуострова идутъ двѣ провинціи Сѣверная и Южная Хамгёнъдо (по яп. Канкіōдō), 咸鏡道, ранѣе составлявшія одну провинцію Хамгёнъдо, наибольшую изъ всѣхъ прежнихъ 8 провинцій Кореи.

Занимая сѣверо-восточный край корейскаго полуострова, провинція Хамгёнъдо, взятая въ цѣломъ, какъ она существовала до 1896 г., на востокѣ примыкаетъ къ Японскому морю, на западѣ граничитъ съ провинціей Пхёнъандо при

¹) Цит. сочиненіе «Кан-хантō», стр. 250—1.

²) Канкоку-синцири, 228.

посредствѣ горъ Наннимсан (Рѳриндзан по японски) 狼林山 и идущаго отъ нихъ хребта; на югѣ—съ провинціей Хоанъхъдо на короткомъ участкѣ и съ провинціей Канъуѳндо при посредствѣ цѣпи Тчхѣллѣнъ 鐵嶺; на сѣверѣ, простираясь вдоль рр. Туманганъ и Амнокканъ, прилегаетъ къ китайской территоріи Гириньской провинціи; на сѣверо-востокѣ отдѣляется только островомъ Нокто 鹿島 отъ напротивъ лежащей русской территоріи Южно-Уссурійскаго (нынѣ Никольскъ-Уссурійскаго) уѣзда.

По формѣ разсматриваемая провинція вытянута въ длину съ сѣвера на югъ на 150 японскихъ ри по прямой линіи и суживается въ ширину съ востока на западъ, имѣя въ этомъ направленіи въ широкомъ мѣстѣ 45 ри, въ узкомъ 8—9 ри. Цѣпи горъ Пактусан и Мюхянъсан заполняютъ всю провинцію; между ними рѣчныя теченія расходятся вдоль и поперекъ ея, такъ что почти не видно ровнаго мѣста. Почва каменистая, населеніе рѣдко, производительность скудная. По сравненію съ сѣверной частью провинціи или Хамгѣнъбукто, южная часть ея, составляющая нынѣ Хамгѣнънамдо, представляетъ болѣе открытую страну и богаче обрабатываемой землею¹.

Grierson въ статьѣ: «North-east Korea and the War»² протестуетъ, однако, противъ подобнаго весьма обычнаго отрицательнаго взгляда на сѣверо-восточную Корею, какъ на рѣдко заселенную, сплошь поросшую лѣсомъ и большей частью невоздѣланную и пустынную страну съ суровымъ климатомъ, съ земледѣльческой культурою первобытнаго характера и бѣднымъ, невѣжественнымъ населеніемъ³. Въ частности, вопреки общераспространенному убѣжденію, что сѣверо-восточная окраина Кореи изобилуетъ лѣсомъ, Грирсонъ указываетъ вполне справедливо, что можно проѣхать весь путь отъ Гензана до р. Туманганъ, не встрѣтивъ лѣса, который заслуживалъ бы большаго вниманія, чѣмъ нѣкоторыя рощи въ разстояніи 10 миль отъ Сеула, если не считать прославленной великолѣпной рощи на морскомъ побережьѣ, тянущейся на 3 мили у города Иуѳн 利原 (между г.г. Танчхѣн и Пукчхѣнъ) и уцѣлѣвшей лишь благодаря суровымъ охранительнымъ мѣрамъ. Только въ мѣстностяхъ г.г. Кансан, Самсю и Мусан⁴, принадлежащихъ къ разсматриваемой провинціи, лѣсъ имѣется въ изобиліи по

¹) Канкоку-синцири, 309.

²) Korea Review, IV, 1904, 394.

³) Для опроверженія этого взгляда и служатъ дальнѣйшія страницы названной статьи, стр. 394—400.

⁴) Grierson, North-east Korea and the War: Korea Review, IV, 1904, 396-7.

горамъ. Столь же неосновательнымъ кажется г. Грирсону и указаніе на малую производительность почвы въ провинціи Хамгёндо. Онъ отмѣчаетъ, что вдоль побережья провинціи Хамгёндо встрѣчаются тѣ же земледѣльческія культуры, какъ и въ другихъ частяхъ страны: просо, рисъ, бобы, ячмень, сорго, конопля и т. д., а въ горахъ разводятся огромныя количества овса, пшеницы и картофеля. Близъ китайской границы встрѣчаются въ значительномъ количествѣ капуста (обыкновенная) и рѣпа¹. Невѣрно также обычное указаніе и на рѣдкость населенія. Въ самомъ дѣлѣ, бережная полоса Хамгёндо, на всемъ пути отъ Гензана до р. Туманганъ изобилующая рисовыми равнинами, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ широкіе размѣры, можетъ прокормить многолюдное населеніе, и наличность здѣсь частыхъ селеній подтверждаетъ это. Кромѣ того, значительное число обитателей добываетъ себѣ пропитаніе морскимъ промысломъ, заготовляя въ прокъ въ огромномъ количествѣ для перевозки во всѣ части Кореи мѣстную рыбу мёнътхя². Въ этой бережной полосѣ уѣздные центры представляютъ собою большіе обнесенные стѣнами города съ большимъ торговымъ оживленіемъ, а страна усѣяна по всемъ направленіямъ деревнями не въ бѣльшемъ разстояніи одна отъ другой, чѣмъ въ другихъ частяхъ полуострова³.

Правда, во внутреннихъ гористыхъ частяхъ Хамгёндо населеніе болѣе разсѣяно и административные или иные населенные пункты имѣютъ меньшее число домовъ; зато здѣсь поля, въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ частей Корейскаго полуострова, поднимаются на скаты горъ иногда до самой вершины, почему гористое строеніе провинціи доставляетъ много бѣльшую площадь для обработки, чѣмъ показала бы плоская поверхность карты. Это же дѣлаетъ ландшафтную картину окружающей страны совершенно отличной отъ тѣхъ мѣстностей полуострова, гдѣ населеніе цѣлкомъ скучено въ деревняхъ и гдѣ отдѣльно стоящіе дома неизвѣстны⁴.

Если, наконецъ, въ самыхъ гористыхъ частяхъ провинціи Хамгёндо и имѣются совершенно безлюдныя мѣстности, однако, сомнительно, чтобы онѣ занимали бѣльшую долю площади всей провинціи, чѣмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Каньюндо и Хоанхядо⁵.

Присутствіе во многихъ мѣстностяхъ провинціи Хамгёндо достаточно густого населенія объясняется г. Грирсономъ тѣмъ обстоятельствомъ, что эта «дикая страна», какъ ее нерѣдко называютъ иностранные авторы, въ дѣйствительности привлекаетъ къ себѣ множество

1) Цит. статья, 397.

2) Корейцы называютъ эту рыбу относящуюся къ породѣ тресковыхъ (япон. тара) мёнътхя 明太魚 или пук'о 北魚, т. е. сѣверная рыба; въ Японіи она известна подъ именемъ сукетотара 助藤鱈.

3) Korea Review, IV, 1904, цит. статья, 394.

4) Korea Review, IV, 1904, цит. статья, 395.

5) Korea Review, IV, 1904, цит. статья, 395.

предпримчивыхъ людей, затѣмъ неудачниковъ, наконецъ, людей, бѣгущихъ отъ гнета или нищеты, которые, при всей готовности работать, убѣждались, что въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ столицѣ, они не въ состояніи пользоваться безмятежно плодами собственнаго труда. Это центробѣжная сила позволяетъ уравнивать притягательное вліяніе, которой обладаетъ столица въ воображеніи корейскаго сельскаго населенія. Въ частности въ уѣздахъ Капсан и Самсю, по словамъ цитируемаго автора, обработанная площадь быстро возрастаетъ въ отличіе отъ другихъ частей Кореи, чему способствовалъ между прочимъ тотъ фактъ, что въ эпоху японо-китайской войны сюда бѣжали жители изъ другихъ частей полуострова, захваченныхъ военными операціями. Кромѣ того мѣдные рудники и золотые пріиски, существующіе въ провинціи Хамгёндо, привлекаютъ сюда большое число народа¹.

За послѣдніе годы, благодаря японской инициативѣ, повсюду въ сѣверной Корей, въ частности и въ провинціи Хамгёндо, наблюдается, по словамъ путешественниковъ², большое оживленіе и подъемъ въ торгово-экономической жизни края; въ соотвѣтствіи съ ростомъ промышленныхъ предпріятій (рудниковъ, угольныхъ копей, лѣсного дѣла, рыбнаго промысла) растутъ и торговые пункты, какъ Нанам и Чхеньчжин.

Многія лица среди земледѣльческаго населенія сѣверной части провинціи Хамгёндо ежегодно на теплое время года съ весны до осени отправлялись раньше на работы въ русскіе предѣлы; поэтому среди населенія этой части провинціи, естественно, обнаруживалось русское вліяніе, между прочимъ, въ распространеніи обычая ношенія одежды на половину русской, на половину корейской; многіе изъ мѣстныхъ жителей также понимали по русски и, обращаясь къ японцамъ, нерѣдко, бывало, спрашивали, понимаютъ-ли тѣ по корейски или по русски. Напротивъ, среди обитателей рыбачьихъ селеній уже раньше встрѣчались люди, знавшіе японскую азбуку, чему они научались отъ японцевъ съ японскихъ водолазныхъ судовъ, промышлявшихъ въ этой части побережья³. Нынѣ, впрочемъ, русское вліяніе быстро падаетъ, замѣняясь еще въ большей мѣрѣ японскимъ.

Въ провинціи Сѣверной Хамгёндо главнымъ городомъ (коанчхальбу 觀察府) является городъ Кёнъсёнъ (яп.

¹) Korea Review, IV, 1904, цит. статья, 395-6.

²) «Харбинскій Вѣстникъ», № 1926, 20 авг. 1910, стр. 3 (со словъ Seoul Press).

³) Канкоку-синцири, 310.

Кейдзиō) 鏡城, служащій мѣстопребываніемъ губернатора; онъ находится въ 10 слишкомъ ціō¹ на западъ отъ побережья, въ 150 верстахъ отъ русской границы. Городъ, расположенный въ широкой равнины, сплошь занятой пашнями, окруженъ массивными стѣнами и заключаетъ населеніе въ числѣ 1300 слишкомъ семей, являясь первымъ по значенію административнымъ городомъ въ районѣ сѣверной заставы, т. е. въ провинціи Хамгёндо². Изъ этого города доставляется на русскую территорию въ годъ живого рогатаго скота свыше 1000 головъ. Мелочныхъ торговцевъ и рабочихъ отсюда же отправляется ежегодно въ русскіе предѣлы, какъ говорятъ, свыше 1000 человекъ.

Въ окрестностяхъ города имѣются залежи угля; раньше онѣ разрабатывались русскими, но благодаря плохому качеству угля разработка ихъ была прекращена³.

Гаванью города Кёнъсёнъ является Токчжин 獨津 (яп. Докусин⁴) въ заливѣ, обращенномъ на юго-востокъ и доступномъ для паровыхъ судовъ; въ гавани здѣсь ведется оживленное судоходство и временами сюда наѣзжаетъ много японцевъ⁵.

Прямо на сѣверъ отъ города Кёнъсёнъ лежитъ Нанам (Ланам, яп. Ранам) 羅南, оживленный торговый пунктъ и стратегическая база японцевъ въ сѣверо-восточной Корей, соединенный дековильскимъ путемъ съ недавно открытымъ портомъ Чхёнъчжин 淸津, расположеннымъ въ 15 верстахъ на СВ. отсюда. Въ Нанамѣ имѣется уже свыше 5,000 японскихъ жителей, кромѣ войскъ—2 пѣхотныхъ полковъ, 1 кавалерійскаго и 1 артиллерійскаго, тогда какъ въ Чхёнъчжин одно японское населеніе считается нынѣ въ числѣ свыше 4,000. 4 года тому назадъ это была деревушка съ нѣсколькими сотнями жителей⁶.

Вслѣдствіе пограничнаго положенія провинціи Хамгёндо особую роль въ ней приобрѣтаютъ тѣ изъ населенныхъ мѣстъ провинціи, которыя расположены въ близкомъ сосѣдствѣ съ

1) 3 версты по «Описанію Кореи», I, 230.

2) Канкоку-синцири, 317.

3) Тамъ же.

4) Иначе называемая Токкуйми 獨貴味.

5) Канкоку-синцири, 317.

6) Харб. Вѣстн. № 1926. 20 авг. 1910, 3 (изъ Seoul Press). Подробности о Чхёнчжин см. выше стр. 37—39.

самой границею. Изъ такихъ населенныхъ пунктовъ, пограничныхъ съ Россіей, можно указать на бывшій окружный, съ 1910 г. просто уѣздный, городъ Кёнъхынъ 慶興 (яп. Кейкō), у мѣстныхъ жителей извѣстный подъ именемъ Кыгенъпу. Онъ расположенъ въ конечномъ пунктѣ сухопутной дороги изъ Гензана къ русской территоріи, отъ которой городъ отдѣляется только рѣкою Туманганъ, въ 35 верстахъ отъ устья этой рѣки, внутри дуги, образованной рѣкою въ 25 верстахъ выше Красносельской заставы (у русско-китайскаго пограничнаго знака Т). Въ 90 гг. въ городѣ считалось 250 домовъ съ 700 жителей.

Городъ имѣетъ понынѣ довольно убогій и унылый видъ, хотя и открытъ въ 1888 г. для русско-корейской пограничной сухопутной торговли: благодаря этой торговлѣ здѣсь свободно обращались русскія деньги. Почти единственное значеніе города съ точки зрѣнія пограничнаго торговаго рынка заключается въ томъ, что отсюда поступаетъ въ русскіе предѣлы ежегодно нѣсколько сотъ, ранѣе даже нѣсколько тысячъ головъ скота. Однако, положеніе города можетъ быть признано весьма выгоднымъ въ пунктѣ, куда могутъ доходить по рѣкѣ глубже сидяція суда (до 100 тоннъ водоизмѣщенія), и если когда-либо баръ, преграждающій входъ въ р. Туманганъ, будетъ устраненъ, городъ долженъ пріобрѣсти немаловажную роль.

Изъ этого района много жителей отправляются во Владивостокъ на заработки или навсегда поселяются тамъ¹.

Если вопреки выгодному географическому положенію города и открытію его для русской торговли, онъ не обнаружилъ соответствующаго экономическаго роста и процвѣтанія², то виною этому явилось одно обстоятельство, дѣлавшее его неудобнымъ для пограничныхъ сношеній между Кореей и Россіей; оно заключается въ томъ, что Кёнъхынъ отдѣляетъ отъ ближайшаго русскаго города (урочища Новокіевскаго), въ которомъ находятся власти, вѣдающія пограничными сношеніями, клинъ китайской территоріи. Прямая дорога изъ Кёнъхынъ идетъ черезъ китайскую деревню Савеловку на русской Хунчуньской караулъ

¹) Канкоку-синцири, 320.

²) Въ виду того, что торговля Кёнъхынъ не оправдала ожиданій, русское правительство добивалось открытія для русской торговли взамѣнъ этого города залива Унгыйман 雄基灣 въ бухтѣ Гошкевича или Чосанман 造山灣 (Канкоку-синцири, 320).

и далѣе на Новокиевское; для этой цѣли противъ города Кёнъхынъ имѣется переправа черезъ рѣку къ китайскому берегу. Другая дорога ведетъ по корейскому берегу на 25 верстъ внизъ по теченію къ переправѣ черезъ р. Туманганъ противъ Красносельской заставы. Эта послѣдняя связана съ ур. Новокиевскимъ дорогою мимо деревни Ханьси на берегу бухты Экспедиціи. Отъ Красносельской заставы, кромѣ дороги въ г. Кёнъхынъ, отходятъ дороги внизъ по рѣкѣ Туманганъ къ бывшему корейскому военному посту Чосан въ бухтѣ Гошкевича и другая на юго-западъ къ д. Куанкори у СЗ. оконечности той же бухты, куда выходитъ большая дорога изъ Кёнъхынъ въ портъ Гензанъ; по этой дорогѣ раньше совершалось главное торговое движеніе между Новокиевскимъ и портомъ Гензаномъ, минуя Кёнъхынъ¹.

Не только съ Россіей, но и съ Китаемъ торговля сношенія города Кёнъхынъ являлись ничтожными, такъ какъ для торговли съ Китаемъ средоточіе со стороны Кореи находилось ранѣе въ городѣ Кёнъуёнъ въ 15 верстахъ отъ китайскаго города Хуньчунъ, теперь же эта торговля направляется на китайскую территорію сухимъ путемъ изъ порта Чхёнъчжинъ въ Хойрёнъ или по рѣкѣ Туманганъ прямо съ моря.

Названный уѣздный городъ Кёнъуёнъ (яп. Кейген) 慶原 лежитъ выше города Кёнъхынъ по теченію той же рѣки Туманганъ въ 10 слишкомъ ри, но ниже городовъ Чюнсёнъ (яп. Сіодзіо) 鐘城 и Онсёнъ (яп. Ондзіо) 穩城, въ мѣстѣ сліянія р.р. Туманганъ и Хуньчунъхэ. Отъ города Кёнъуёнъ до столицы — Сеула по большой дорогѣ считается 195 японскихъ ри.

Городъ Кёнъуёнъ, будучи расположенъ напротивъ китайскаго города Хуньчунъ, на маньчжурской сторонѣ долины р. Туманганъ (въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главной рѣки), имѣетъ хорошее водное сообщеніе. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ русскій пароходъ въ 100 тоннъ поднялся изъ залива Посъета по р. Туманганъ на 10 слишкомъ ри; еслибъ удалось хотя бы на мелкосидящемъ пароходѣ добраться до города, о которомъ идетъ теперь рѣчь, то этимъ, безъ сомнѣнія, былъ бы данъ толчекъ развитію торговли въ этомъ районѣ, въ частности и въ самомъ городѣ².

Въ верхнемъ теченіи р. Туманганъ находится уѣздный городъ, бывшая корейская крѣпость (чин 鎮) Мусан (яп. Модзан) 茂山, съ

¹) Какъ говоритъ Лубенцовъ, Хамкенская и Пхенанская провинціи, 9.

²) Канкоку-синцири, 320.

2500 жителей¹. Городъ примыкаетъ къ горной цѣпи Пактусан, покрытой великолѣпными густыми лѣсами; это сокровищница всей Кореи. Въ 1897 г. русскіе, получивъ лѣсную концессию въ районѣ Мусан, въ большомъ количествѣ рубили здѣсь лѣсъ и отправляли его во Владивостокъ по р. Туманганъ².

Въ 30 сѣверѣ отъ ниже города Мусан находится торговый городъ Хойрѣнъ съ населеніемъ въ 6,300 душъ (1000 дворовъ)³, нынѣ получившій особую важность въ качествѣ конечнаго пункта дековильнаго пути, идущаго съ морского побережья, у входа въ область Цзяньдао.

Въ южной части провинціи Хамгёнъбукто, на самой границѣ съ сосѣдней провинціей Хамгёнънамдо лежитъ въ бухтѣ Плаксина (Иммёнъман по корейски) открытый портъ Сёнъчжин 城津 (яп. Дзіосин), приблизительно посрединѣ всего протяженія береговой линіи обѣихъ провинцій Хамгёндо, измѣряемой въ 120 японскихъ ри въ длину. Портъ Сёнъчжин, о которомъ подробно говорилось выше на стр. 40—42, является въ частности выходомъ къ морю для большого уѣзднаго (одно время окружного) города Кильчжю (яп. Киссю) 吉州, въ которомъ въ 1895 г. было уже 2,600 домовъ. Его уѣздъ считается наиболѣе богатымъ во всей провинціи сѣверной Хамгёндо, а самъ городъ является узловымъ пунктомъ на большой дорогѣ изъ Гензана въ Кёнъхынъ и къ русской границѣ; помимо этой дороги, отъ Кильчжю отдѣляются еще двѣ дороги черезъ переваль Намсёллёнъ къ городу Капсан и къ Есанчжин (яп. Кейдзанцин) 惠山鎮 въ долину верхней р. Амнокканъ на границѣ съ китайской территоріей.

Черезъ переваль Матчхёллёнъ, на юго-западъ отъ Сёнъчжин, путешественникъ вступаетъ въ провинцію Южную Хамгёндо, отдѣляющуюся отъ Сѣверной Хамгёндо большимъ хребтомъ, идущимъ отъ горы Пактусан къ морю.

Въ этой провинціи главнымъ городомъ является городъ Хамхынъ (яп. Канкō) 咸興, въ 96 верстахъ (25—26 японскихъ ри) отъ порта Гензана. Внутри городъ представляетъ

¹ Въ 1898 г. бар. Корфъ и Звегинцевъ, Воен. обзоръ сѣв. Кореи, стр. 204, опредѣлили на мѣстѣ цифру населенія г. Мусан лишь въ 1500 душъ.

² Канкоку-синцири, 319.

³ Тамъ же.

собою скученную массу домовъ (которыхъ насчитывалось въ 1895 г. 7,500)¹, раздѣленныхъ узкими и грязными переулками. Въ городѣ производится довольно оживленная торговля, въ частности желѣзомъ изъ Танчхѣн 端川 (яп. Тансен) и мѣстными пеньковыми тканями, пользующимися извѣстностью. Торговое значеніе города дѣлаетъ его узловымъ пунктомъ для многочисленныхъ дорогъ, сходящихся сюда со всѣхъ сторонъ. Долина рѣки Сѣньчхѣнганъ, въ которой лежитъ городъ, славится рисовыми полями и густо заселена; передъ городомъ рѣка проходитъ по широкой равнинѣ, простирающейся до моря; по срединѣ этой равнины и расположенъ городъ.

На востокъ отъ города Хамхынъ въ разстояніи четырехъ ри на морскомъ берегу лежитъ Сѣхо (яп. Сейко) 西湖 на югозападной сторонѣ мыса Моисеева, выдавагоса на сѣверной сторонѣ залива Нѣхоман (內湖灣, яп. Найкован). Хотя гавань Сѣхо не глубока, но впереди ея лежитъ островокъ, гдѣ небольшіе пароходы могутъ останавливаться, укрытые отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ. Важность Сѣхо заключается въ томъ, что онъ является гаванью для города Хамхынъ, почему сюда собирается много корейскихъ судовъ; время отъ времени бывають и пароходы. Помимо того, Сѣхо съ населеніемъ въ 200 слишкомъ дворовъ служитъ опорнымъ пунктомъ для японскихъ рыбаковъ на этомъ побережьѣ². Отъ Гензана гавань отстоитъ въ 30 ри³.

Почти прямо на сѣверъ отъ города Хамхынъ, по другую сторону Главнаго хребта, лежитъ упомянутый городъ Капсан (яп. Кѣдзан) 甲山, соединенный съ этимъ городомъ нѣсколько кружной дорогою черезъ переваль Сѣллѣнь, но за то имѣющей, какъ сказано, прямое сообщеніе съ Кильчжю, въ 145 верстѣ отсюда, и съ городомъ Самсю (яп. Сансуй) 三水, въ 70 верстахъ, близъ верхняго теченія р. Амнокканъ, въ довольно плодородной мѣстности. Вопреки выгодному географическому положенію на пересѣченіи нѣсколькихъ дорогъ⁴, го-

¹) Канкоку-цири, 174, указываетъ цифру населенія города лишь въ 10,000 душъ.

²) Канкоку-синцири, 314.

³) Канкоку-цири, 176.

⁴) Кромѣ указанныхъ, изъ города Капсанъ ведетъ еще одна изъ лучшихъ дорогъ, соединяющихъ сѣверный и западный склоны Главнаго хребта съ восточ-

родъ Капсан при посѣщеніи его Лубенцовымъ въ 1895—6 г. имѣлъ совершенно жалкій видъ (въ 1898 г. жителей считалось въ немъ всего 500 душъ), а окрестная страна казалась пустынной. Нынѣ начатая иностранной компаніей въ широкихъ размѣрахъ разработка мѣдныхъ рудниковъ по сосѣдству съ городомъ Капсан должна значительно оживить его и весь окружающій районъ.

На западъ отъ города Капсан лежитъ въ той же провинціи Южной Хамгёндо г. Чяньчжин (яп. Ціосин) 長津, другой узловой центръ путей, ведущихъ отъ побережья Японскаго моря (отъ городовъ Кильчжю, Пукчхёнъ (яп. Хокусей) 北青, Хамхынъ) къ долинѣ рѣки Амнокканъ—селенію Маоэрршанъ и далѣе въ городъ Гиринъ или на западъ въ городъ Кангъ. Подобно городу Капсан, городъ Чяньчжин представлялъ собою въ серединѣ 90 гг. совсѣмъ небольшой городъ, даже необнесенный стѣною.

Въ южной части рассматриваемой провинціи Южной Хамгёндо необходимо отмѣтить уѣздный городъ Анбён (яп. Амбен) 安邊, въ 3 ри на югъ отъ Гензана; на сѣверъ отъ него возвышаются высокіе пики около перевала Тчхёллёнъ. Число домовъ въ городѣ свыше 400; изъ жителей многіе занимаются торговлею, чему способствуетъ то обстоятельство, что мимо города проходитъ большая дорога изъ Сеула въ Гензанъ, по которой идетъ непрерывное движеніе проѣзжихъ въ обоихъ направленіяхъ¹.

Гензанъ, ранѣе подчиненный окружному городу Ток'уён 德源 (по японски Токуген), лежащему въ 3 ри на сѣверъ отъ него и нынѣ насчитывающему только 200 домовъ (однако, среди мѣстныхъ жителей многія лица, совершая поѣздки съ торговой цѣлью въ Гензанъ, приобрѣли довольно значительный достатокъ, тѣмъ болѣе, что самый городъ лежитъ при большой дорогѣ изъ Гензана въ Кёнъхынъ²), являлся до недавняго времени, какъ подробно описывается выше на стр. 44—48, однимъ изъ трехъ наиболѣе значительныхъ портовъ Кореи,

нымъ побережьемъ, черезъ перевалъ Хучхирёнъ къ городу Пукчхёнъ, большому торговому городу съ 3,400 домовъ (въ 1895 г.). Городъ Пукчхёнъ лежитъ также на большой дорогѣ, ведущей въ провинцію Сѣверную Хамгёндо и кромѣ того имѣетъ пароходное сообщеніе (Канкоку-цири, 176).

¹) Канкоку-синцири, 313.

²) Канкоку-синцири, 313.

открытыхъ для иностранной торговли. Названная гавань, давно уже привлекавшая къ себѣ значительную торговлю, лежитъ въ южномъ углу залива Ёнъхынъ, по имени города Ёнъхынъ, расположеннаго въ 46 верстахъ отъ Гензана на сѣверо-западъ отъ сѣверной оконечности означеннаго залива, носящей специальное обозначеніе Сіонъджёнман 松田灣 (на русскихъ картахъ бухта Лазарева).

Городъ Ёнъхынъ (яп. Ейкō) 永興 имѣлъ въ 1895 г., при посѣщеніи его Лубенцовымъ, 1.550 домовъ и выгодно отличался отъ другихъ корейскихъ городовъ чистотою и многочисленными садами и рощами.

Провинція Канъуōндō (яп. Кōгендō) 江原道 на сѣверѣ примыкаетъ къ провинціи Южной Хамгёндо, на сѣверозападѣ имѣетъ сосѣдями уѣздъ Янъдōк 陽德 (яп. Іōтоку) провинціи Южной Пхёнъандо и уѣзды Коксан (яп. Кокудзан) 谷山 и Тхосан (яп. Тодзан) 兎山 провинціи Хоанъхāдо; на западѣ и югозападѣ граничитъ съ провинціями Кёнъгыйдō и Сѣверной Чхюньчхёндо; на югѣ—съ провинціей Сѣверной Кёнъсяндо; на востокѣ омывается Японскимъ моремъ, отдѣляясь имъ отъ лежащихъ на противоположной сторонѣ—на главномъ японскомъ островѣ—округовъ Санъиндō и Хокурикудō. По своимъ очертаніямъ провинція является вытянутой въ длину съ сѣвера на югъ, измѣряясь въ этомъ направленіи по прямой линіи отъ 45 до 70 ри и суженной въ ширину съ востока на западъ, не превышая въ этомъ направленіи 20—30 ри.

На западной сторонѣ провинціи круто поднимаются прославленные горы Кымганъсан 金剛山, Табāксан 太白山 и другія, прорѣзывая разсматриваемую провинцію по всей длинѣ съ сѣвера на югъ, ближе къ восточному краю, и раздѣляя всю площадь ея на двѣ неравныя части.

Въ западной и большей изъ двухъ части территоріи провинціи называемой Ёнъсё 嶺西, т. е. «на западъ отъ горъ (Главнаго корейскаго хребта)»¹, почва бесплодна, нравы населенія простые, сообщенія мало развиты. По преданію, эта мѣстность служила колоніей

¹) Въ предѣлахъ ея берутъ начало верховья сѣверной и южной вѣтвей рѣки Ханганъ, соответственно въ сѣверной половинѣ провинціи съ городомъ Чхюнчхён и южной половинѣ ея съ городомъ Унчжю.

японскихъ выходцевъ изъ Идзумо. Остальная полоса территоріи провинціи «на востокъ отъ горъ», или Ёньдонъ 嶺東 очень узка, при чемъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ ея, у уѣзднаго города Канъ-нынъ (яп. Кōриō) 江陵, не найти ровной мѣстности протяженіемъ въ нѣсколько ри; зато эта часть провинціи славится природными красотами («восемь видовъ Коандонъ» 關東八景) и обладаетъ богатыми морскими промыслами.

Если почва провинціи Канъуѣндо бесплодна и земледѣліе не можетъ процвѣтать, зато здѣсь имѣются богатые рудные мѣстороженія и здѣсь же находится область произрастанія дикаго жэньшэня. Береговая линія провинціи простирается въ длину на 90 ри, представляя собою почти прямую и ровную песчаную полосу, съ небольшимъ лишь числомъ выемокъ въ видѣ гаваней и заливовъ и со столь же немногочисленными островами, почему ощущается недостатокъ въ якорныхъ стоянкахъ¹.

Главный городъ провинціи Чхюньчхён (яп. Сюнсен) 春川 отстоитъ отъ Сеула на 21 ри на СВ. (водою на 18 ри), будучи расположенъ на рѣкѣ Чіюанъганъ (яп. Сііōкō) 照陽江, притокѣ сѣверной вѣтви р. Ханганъ. Хотя число домовъ въ городѣ не превышаетъ 300², но на юго-западъ отъ города въ разстояніи 1 ри находится на рѣкѣ Син'ёнганъ (указанной сѣверной вѣтви р. Ханганъ) пристань для судовъ, благодаря чему городъ является для провинціи крупнымъ складочнымъ пунктомъ для товаровъ. Въ дополненіе къ этому г-жа Бишопъ сообщаетъ³, что городъ является также центромъ прекраснаго земледѣльческаго округа, а Канкоку-цүран⁴ добавляетъ, что городъ занимаетъ важное положеніе на пути изъ района Гензана къ Сеулу. Окрестности его изобилуютъ лѣсомъ и снабженіе Сеула топливомъ ведется исключительно отсюда. По сосѣдству съ городомъ имѣются пастбища и мѣстороженія наноснаго золота⁵. Поэтому городъ процвѣтаетъ.

1) Канкоку-синцири, 304, и Канкоку-цүран, 62.

2) По свѣдѣніямъ Bishop, Korea and her neighbours, I, 123, общая цифра населенія въ серединѣ 90 гг. XIX стол. была 3,000 душъ.

3) Korea and her neighbours, изд. 1898, 109.

4) Стр. 63.

5) Канкоку-цири, 175, указываетъ по сосѣдству съ городомъ только мѣстороженія серебра, помѣщая мѣстороженія золота выше по теченію р. Ханганъ у города Кымсёнъ.

Въ древности здѣсь находилась столица владѣнія Ёмак 穢貊; впоследствии сюда же неоднократно удалялись отъ дѣлъ сеульскіе политическіе дѣятели¹.

Изъ другихъ городовъ провинціи можно указать на городъ Тчхѣл'уён (яп. Тецуген) 鐵原, который вмѣстѣ съ окрестнымъ райономъ является первымъ въ провинціи по сбору риса и производитъ извѣстныя во всей Корей ткани изъ дикаго шелка (紬 цумуги по яп.), уступающія только Ёнхынскимъ (изъ провинціи Южной Хамгёндо); этихъ тканей въ годъ въ среднемъ производится 5,000 кусковъ съ лишнимъ. Городъ лежитъ въ области лѣваго притока р. Имчжинганъ, близъ сѣверо-западной границы провинціи Каньюндо, въ 18 ри къ СВ. отъ Сеула. Въ городѣ считается до 1,000 дворовъ. Въ этой мѣстности существуютъ извѣстныя мѣсторожденія желѣза; нѣсколько лѣтъ тому назадъ на разработку ихъ была взята концессія японцемъ Окура совместно съ однимъ корейцемъ².

Бывшая резиденція губернатора провинціи Каньюндо, городъ Уёнчжю (яп. Генсю) 原州 лежитъ на югъ отъ г. Чхюнчхён въ долинѣ южной вѣтви рѣки Ханганъ и представляетъ собою небольшой городокъ среди горъ³. То же можно сказать и про городъ Хонъчхён (яп. Кōсен) 洪川, расположенный между городами Чхюнчхён и Уёнчжю, однако, ближе къ первому.

Изъ немногочисленныхъ гаваней и городовъ на морскомъ берегу Каньюндо, заслуживающихъ особаго упоминанія, можно указать на уѣздные города Канънынъ (Каллынъ), яп. Кōриō 江陵, одинъ изъ болѣе крупныхъ населенныхъ пунктовъ провинціи, и Самчхѣк (яп. Сансиō) 三陟; въ 1 ри разстоянія отъ второго города имѣется небольшой заливъ, гдѣ прежде находилась корейская военно-морская станція.

Выше по берегу, на сѣверо-западъ отъ города Самчхѣк, лежитъ городъ Канънынъ (этотъ городъ являлся раньше также резиденціей губернатора разсматриваемой провинціи), многочисленный (въ 1892 г. въ немъ считалось 3000 чел. населенія) и съ оживленною торговлею среди богатой земледѣльческой страны.

¹) Канкоку-цири, 175.

²) Канкоку-синцири, 304—5.

³) Канкоку-цуран, 63. Городъ отстоитъ отъ Сеула на западъ въ 25 ри. Вокругъ города мѣстность довольно хорошо обработана. Канкоку-цири, 175.

Въ старину при династїи королей Силла этотъ городъ, подъ именемъ Менъчжю (яп. Мейсю) 溟州, игралъ важную роль, а раньше въ III—IV стол. по Р. Х. служилъ столицею владѣнія Ё, завоеваннаго затѣмъ Силла. Главнымъ занятіемъ окрестныхъ жителей является сборъ морской травы и добыча соли изъ морской воды.

Двѣ другія гавани той же провинціи находятся, одна въ сѣверной части ея въ уѣздѣ Тхонъчхён (яп. Цусен) 通川, это — Чянъчжёнчжин (въ японскомъ чтеніи Ціосенсин) 長箭津 (японскіе рыбаки зовутъ ее «военной гаванью» Гунканкō 軍艦港), единственная хорошая гавань на всемъ побережьѣ провинціи, въ 51 морскихъ миляхъ отъ Гензана, служащая одной изъ китоловныхъ станцій на восточномъ побережьѣ корейскаго полуострова¹. Другая гавань находится въ южной части того же побережья, называясь Чюкпёндонъ (яп. Цикухендō) 竹邊洞, иначе Чюкпин (яп. Цикухин) 竹濱, близъ уѣзднаго города Ульчжин (яп. Утцин) 蔚珍.

Первая бухта (Чянъчжёнчжин) открывается къ морю на востокъ, на западѣ же глубоко врѣзывается по изогнутой линіи въ материкъ, при чемъ горы Кымганъсан, круто поднимаясь позади бухты, окружаютъ ее своими отрогами съ трехъ сторонъ — на сѣверѣ, западѣ и югѣ, доставляя ей хорошую защиту отъ вѣтровъ. Эта бухта не только служитъ опорнымъ пунктомъ для японскихъ рыбаковъ, но также и важной якорной стоянкою для иностранныхъ китоловныхъ судовъ (это говорится о времени до русско-японской войны); такъ, въ прежніе годы русская китобойная компанія арендовала здѣсь побережный участокъ и пользовалась имъ для свѣжеванья китовъ. Многіе японскіе владѣльцы водолазныхъ судовъ для добычи комбу и прочихъ морскихъ продуктовъ построили здѣсь свои склады².

Что касается второй бухты Чюкпёндонъ, то она обращена

1) Черезъ Чянъчжёнчжин (Чянъчжёншхо) удобнѣ всего совершать восхожденіе на горы Кымганъсан для посѣщенія ихъ монастырей (см. Seoul Press, 14 July 1911, 3). Въ 4 миляхъ отъ Чянъчжёнчжинъ внутрь страны, по дорогѣ къ горамъ, находятся горячіе источники у Очхённи, гдѣ нынѣ имѣются уже двѣ гостиницы — корейская и японская. Въ серединѣ 1911 г. среди обитателей селенія Чянъчжёнчжинъ имѣлось 50 японскихъ рыбаковъ.

2) Кангоку-синцири, стр. 306.

на юго-востокъ въ формѣ полумѣсяца и закрыта отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ; внутри бухта расширяется и доступна для стоянки небольшихъ париходовъ около 100 тоннъ водоизмѣщенія. Эта бухта служитъ опорнымъ пунктомъ для японскихъ рыбаковъ и весной здѣсь подчасъ собирается нѣсколько десятковъ водолазныхъ судовъ. На западномъ берегу бухты лежитъ селеніе Чюкпѣндонъ, съ 40—50 домовъ рыбаковъ и земледѣльцевъ¹.

Упомянутый выше городъ Ульчжин представляетъ собою длинный разбросанный городъ въ полуразрушенномъ состояніи, съ совершенно пустынными окрестностями, если подходить къ городу съ юга: ни полей, ни селеній, ни домовъ, ни деревьевъ, за исключеніемъ длиннаго ряда деревьевъ «каки» передъ самымъ городомъ. Ульчжин служитъ отправнымъ пунктомъ для судовъ, идущихъ къ о-ву Уллындо². Этотъ большой островъ также включается въ составъ пров. Канбуѣндо въ административномъ отношеніи.

Провинціи Сѣверная и Южная Кѣнъсянъдо, занимающая юго-восточный уголъ корейскаго полуострова, на западѣ примыкаютъ къ провинціямъ Чхюньчхѣнъдо и Чѣлладо; на сѣверѣ Сѣверная Кѣнъсянъдо граничитъ съ Канбуѣндо, а на востокѣ обѣ провинціи омываются Японскимъ моремъ; на югѣ Южная Кѣнъсянъдо выходитъ на Корейскій проливъ, отдѣляясь его западнымъ рукавомъ отъ насупротивъ лежащихъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ выступа корейскаго берега острововъ Цусима.

На сѣверѣ эта часть корейскаго полуострова замыкается горной группою Сіобаксан, примыкающей къ цѣпямъ группы Табаксан; идущіе отъ первой группы на юго-западъ отроги образуютъ западную границу провинцій Кѣнъсянъдо на сторону сосѣднихъ провинцій Чхюньчхѣнъдо и Чѣлладо.

Напротивъ, восточную полосу обѣихъ провинцій Кѣнъсянъдо заполняютъ цѣпи системы Табаксан, такъ что эта часть провинцій, какъ и ихъ сѣверная и западная пограничная полоса, оказывается весьма гористой, затрудняя сообщеніе

¹) Канкоку-синцири. стр. 305.

²) From Fusan to Wonsan by pack-pony: Korea Review, 1903, III, 62—63.

изъ внутреннихъ областей обѣихъ провинцій Кёнъсянъдо съ морскимъ побережьемъ и съ сосѣдними провинціями на сѣверъ и западъ отсюда. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ выдающееся значеніе существующіе здѣсь въ пограничныхъ цѣпяхъ перевалы, изъ коихъ наиболѣе извѣстными являются Кочжиннёнъ (яп. Коцикурей) 古直嶺 по дорогѣ изъ г. Понъхоа въ городъ Самчхѣк; Чюннёнъ (яп. Цикурей) 竹嶺 по дорогѣ изъ города Пхунъгыи въ г. Тан'янъ и въ особенности Орёнъ (яп. Орей) 烏嶺, важная горная застава на пути изъ провинціи Кёнъсянъдо въ Сеуль¹; наконецъ, Чхюпхуллёнъ (Сюфурей) 秋風嶺 въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ ж. д. линія, идущая изъ Фузана и Тагу на сѣверо-западъ внутрь провинціи Чхюньчхёнъдо и далѣе въ Сеуль, покидаетъ территорію провинціи Сѣверной Кёнъсянъдо. Къ этому перечню переваловъ можно прибавить еще переваль Юксимнёнъ (яп. Рокудзюрей) 六十嶺 на западной границѣ Южной Кёнъсянъдо, на участкѣ ея, примыкающемъ къ территоріи провинціи Сѣверной Чёлладо.

Большая часть площади обѣихъ провинцій Кёнъсянъдо въ промежуткѣ между цѣпами Табаксан на востокѣ и Сіобаксан на западѣ занята бассейномъ р. Нактонъганъ, по отношенію къ которому сами цѣпи служатъ въ качествѣ водораздѣльныхъ линій. Указанная рѣка, проходя по срединѣ обѣихъ провинцій, умножаетъ выгоды для орошенія и сообщенія, а лежащая по ея теченію обширная равнина съ плодородной почвою доставляетъ земледѣльческія произведенія; въ обоихъ отношеніяхъ—какъ по плодородію почвы, такъ и по удобствамъ воднаго сообщенія, провинціи Кёнъсянъдо ничуть не уступаютъ провинціямъ Чхюньчхёнъдо и Чёлладо.

По южному морскому побережью провинціи Южной Кёнъсянъдо имѣется много, удобныхъ для судоходства бухтъ и гаваней; таковыя же имѣются и на многочисленныхъ островахъ, большихъ и малыхъ, окаймляющихъ эту полосу побережья Кореи. Лучшими гаванями являются Фузанъ и Масанпхо.

Благодаря тому обстоятельству, что эта часть Кореи ближе всего подходитъ къ японскимъ островамъ, съ давнихъ поръ завязались весьма тѣсныя сношенія между обѣими странами;

¹) Канкоку-цуран, 58. Ср. выше на стр. 281.

имѣются данныя думать, что нѣкогда въ древности въ этой части полуострова существовали японскія колоніи. Наиболѣе известными изъ нихъ были въ эпоху господства Силла (яп. Сираги) 新羅 т. н. Сиророкусон (въ японскомъ чтеніи), или шесть деревень Сиро (по корейски Саро) 斯廬六村¹.

Протяженіе соединенныхъ провинцій Кёнъсяндо съ востока на западъ измѣряется около 40 ри, но сокращается мѣстами до 30 ри, а съ юга на сѣверъ — отъ 60 до 40 ри. Часть провинціи на востокъ отъ р. Нактонъганъ называется «лѣвой областью» Чоадо (Чадо, яп. Садō) 左道, на западъ отъ той же рѣки — «правой областью» Удо (яп. Удō) 右道. Въ первой области ровной земли не много, почва нѣсколько неплодная, населеніе бѣдно и отличается бережливымъ нравомъ; напротивъ, въ «правой области» земля плодородна, населеніе богато и, какъ рассказываютъ, склонно къ расточительности, увеселеніямъ и праздности, не усердно къ ученію².

Главнымъ городомъ провинціи Сѣверной Кёнъсяндо является городъ Тăгу (яп. Тайку) 大邱, расположенный по срединѣ площади обѣихъ провинцій Кёнъсяндо взятыхъ вмѣстѣ. Это наибольшій городъ въ южной Корей, въ которомъ въ 90 гг. XIX стол. считалось уже 3,700 домовъ. Онъ лежитъ на важномъ пути между Фузаномъ (въ 125 верстѣ или 31 ри на юго-востокъ отъ Тăгу) и Сеуломъ (въ 300 верстѣ или 67 ри на сѣверо-западъ³) и занимаетъ чрезвычайно выгодное положеніе для сообщенія съ 40 слишкомъ уѣздными городами провинцій Кёнъсяндо изъ общаго числа ихъ 70 слишкомъ и со всѣми важнѣйшими городами провинцій Чёлладо, Чхюнъчхёндо и Канъуёндо, причемъ сообщенія города съ прочими указанными пунктами выигрываютъ еще болѣе отъ существованія воднаго транспорта по р. Нактонъганъ.

Къ этимъ благоприятнымъ условіямъ сообщеній города съ

¹) Канкоку-синцири, 229.

²) Канкоку-синцири, 229—230.

³) Разстоянія отъ Тăгу до другихъ важныхъ торговыхъ пунктовъ исчисляются въ слѣдующихъ цифрахъ: до Кёнъчжю 慶州 15 ри; Пхоханъ 浦項 16 ри; Самунчжин 沙門津 3 ри; Сёнъчжю 星州 7 ри; Ульсан 蔚山 25 ри; Чинчжю 晋州 26 ри; Сянъчжю 尙州 18 ри; Чёнчжю 全州 41 ри; Масанпхо 21 ри; Андонъ 安東 21 ри; Конъчжю 公州 39 ри (Канкоку-синцири, 243).

1903—4 гг. присоединился железнодорожный путь, по которому до Сеула считается отъ Тăгу 215 англ. миль и до Фузана 72 мили. Словомъ, это отъ природы предназначенное для торговли мѣсто¹.

Городъ съ трехъ сторонъ—сѣвера, запада и востока, окруженъ равниною, простирающейся съ востока на западъ на 5 ри и съ сѣвера на югъ на 2 ри, за которой начинаются горы; съ западной стороны его проходитъ рѣка Пипхаганъ (яп. Бивакō) 琵琶江, которая беретъ начало на сѣверо-востокѣ въ уѣздѣ Ёньчхён (Ейсен) 永川, принимаетъ притоки отъ городовъ Кёнъчжю (яп. Кейсё) 慶州 и Хаянь (Каіō по яп.) 河陽 и др., огибаетъ сѣверную сторону города Тăгу, прорѣзывая равнину, и, пройдя въ западномъ направленіи около 3 ри, впадаетъ въ р. Нактонъганъ у Куганъчханъ (яп. Кюкōсō) 舊江蒼. Эта рѣка также доставляетъ удобства для перевозки товаровъ.

Крѣпость города Тăгу построена, какъ говорятъ, около 200 лѣтъ тому назадъ губернаторомъ Мин Ёньчжю 閔應珠. Каменные стѣны ея имѣютъ въ вышину 2 слишкомъ японскихъ кен (12 футовъ) и въ окружности 20 слишкомъ ціō (2 версты). Съ четырехъ сторонъ устроены ворота съ башнями. Дорога въ Фузанъ выходитъ черезъ Южныя ворота, въ Сеулъ—черезъ Западныя; между этими воротами въ самомъ городѣ проходитъ большая улица, т. н. Чіонъно 鐘路, отъ которой расходятся во всѣ концы города меньшія улицы. Указанная улица представляетъ собою наиболѣе оживленную часть города; помимо того, что по ней расположены всѣ казенныя учрежденія, лавки тянутся вдоль нея непрерывными рядами; здѣсь же находится центръ торговли во время весенней и осенней специальныхъ ярмарокъ (нёнъси, рейси по яп. 令市). Въ самомъ городѣ постройки имѣютъ на половину черепичныя, на половину соломенные крыши, но въ предмѣстіяхъ много соломенныхъ крышъ.

Какъ въ самомъ городѣ, такъ и внѣ его стѣны постройки очень скучены; общее число ихъ считаютъ въ 5,000, а жителей въ 30.000². Въ концѣ іюня н. ст. 1911 г. во

¹) Канкоку-синцири, 240.

²) Канкоку-синцири, 241. Согласно Resumé statistique de l'empire du Japon, 25-e année, 1911, стр. 33, къ 31 декабря 1908 г. въ Тăгу считалось 5,389 домовъ и 20,115 жителей.

всемъ административномъ округѣ Тăгу (Тăгубу) считалось населенія всего 100,210 душъ, въ томъ числѣ 6,932 японцевъ, 94,977 корейцевъ и 103 иностранца¹. Японское населеніе самаго города Тăгу въ концѣ іюля н. ст. 1911 достигало 7,789 душъ².

Вокругъ города далеко тянутся по равнинѣ рисовыя и другія поля, простираясь на югъ до городовъ Кёнъсан (яп. Кейдзан) 慶山 и Чхёнъдо (яп. Сейдō) 淸道, на западѣ—до г. Хёнпхунъ и на сѣверѣ—до Чхильгок (яп. Кейкоку) 漆谷; между ними идутъ во всѣ стороны казенные тракты. Въ этомъ окрестномъ районѣ не только почва плодородна, но и имѣются всѣ удобства для орошенія; притомъ же ущербъ, причиняемый полямъ разливами рѣки, невеликъ. При этихъ условіяхъ вся земля, поскольку она вовсе не безплодна или не подвержена наводненіямъ, обрабатывается, такъ что почти не видно заброшенныхъ участковъ³.

Въ качествѣ торговаго центра Тăгу по правдѣ долженъ считаться первымъ изъ всѣхъ торговыхъ мѣстъ внутри Кореи. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ въ странѣ нельзя встрѣтить такого кипучаго оживленія торговаго движенія и такихъ удобствъ въ отношеніи сухопутнаго и воднаго транспорта, какъ въ этомъ городѣ. Поэтому количество товаровъ, поглощаемыхъ городомъ и выбрасываемыхъ имъ въ окружающую страну, очень велико⁴. По

1) Seoul Press, 15 July 1911, 2.

2) Seoul Press, 20 Aug. 1911, 2.

3) Канкоку-синцири, 141.

Общая площадь обработанныхъ полей въ предѣлахъ территоріи, подвѣдомственной округу (префектурѣ) Тăгу, достигаетъ 7,026,6 цю рисовыхъ полей, 5,790,8 цю сухихъ полей и 580,3 цю домовыхъ участковъ. Общій сборъ риса достигаетъ 89,475,75 коку, прочаго зерна (ячменя, пшеницы и т. д.) 34,107 коку, бобовъ 9,350 коку; кромѣ этихъ продуктовъ производятся въ окрестностяхъ города Тăгу еще хлопокъ, конопля, растеніе рами и табакъ. Количество скота въ предѣлахъ территоріи префектуры исчисляется въ 3500 головъ рогатаго скота, 225 лошадей, 15 ословъ, 3,150 свиней, 75 козь и 1,850 домашней птицы. Seoul Press, 15 July 1911, 2 (изъ Кейдзіō Ниппō).

Въ предѣлахъ территоріи префектуры Тăгу имѣется 152 заведеній для выкормки шелковичныхъ червей, при чемъ площадь мѣстныхъ тутовыхъ плантацій достигаетъ 30,3 цю.

Почва префектуры Тăгу и сосѣдняго района очень пригодна для разведенія всякихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, и нынѣ здѣсь уже устроено нѣсколько обширныхъ плодовыхъ садовъ, почему въ близкомъ будущемъ Тăгу окажется въ состояніи удовлетворять спросу на фрукты изъ другихъ мѣстностей Кореи. Seoul Press, 15 July 1911, 2 (изъ Кейдзіō-Ниппō).

4) Это заявленіе Канкоку-синцири вполне подтверждается новѣйшими свѣ-

приблизительному подсчету¹ отсюда вывозится рису 200,000 коку, бобовъ сои (大豆 дайдзу по японски)—100,000 коку, бычачьихъ кожъ—40,000,000 кинъ; если прибавить еще вывозъ прочихъ хлѣбовъ, разныхъ товаровъ и лекарствъ и т. д., то общая цѣнность вывоза опредѣляется въ общей сложности въ 3 милліоновъ енъ. Привозится соли 100,000 коку, керосина—35 тысячъ ящиковъ, спичекъ—6,000 ящиковъ, коленкору—50,000 тан 反 (тан—кусокъ ткани въ 28 яп. сяку длиною), бумажныхъ тканей—100,000 тан, пряжи 1000 тюковъ; если прибавить къ этому еще шелковыя ткани, лекарства и т. д., то общая цѣнность привоза также достигнетъ 3 милліоновъ енъ, а цѣнность вывоза и привоза выразится въ общей сложности въ 6 милліоновъ енъ приблизительно.

Изъ всего этого количества товаровъ $\frac{2}{5}$ сбываются въ самомъ городѣ, остальные же три пятыхъ идутъ черезъ городъ транзитомъ вверхъ и внизъ по р. Нанктонъганъ, распредѣляясь по всѣмъ попутнымъ торговымъ рынкамъ, какъ-то вверхъ по рѣкѣ по городамъ Нактонъ, Кымчхѣн (яп. Кинсен) 金泉 и другимъ, внизъ—по направленію къ Фузану.

Въ Тăгу устраиваются двойкія ярмарки, давшія особую извѣстность городу—очередныя и спеціальныя; первыя происходятъ каждый мѣсяцъ за Восточными и Западными воротами въ опредѣленные дни мѣсяца, разные для той и другой ярмарки, всего же 12 разъ въ мѣсяцъ для обѣихъ ярмарокъ; на нихъ стекаются во множествѣ купцы и покупатели съ окрестной страны съ разстоянія 10 и болѣе японскихъ ри; въ особенности оживленной является ярмарка у Западныхъ воротъ, по разсказамъ, вообще вдвое превосходя оборотами ярмарку у Восточныхъ воротъ. Спеціальныя ярмарки первоначально устраивались по приказанію правительства въ 2 и 10 лунѣ по старому календарю, при чемъ продолжались по 30 дней. Эти ярмарки являются на дѣлѣ первыми по размѣрамъ изъ большихъ ярмарокъ во всей странѣ и на нихъ купцы соби-

дѣніями, напримѣръ, слѣдующей газетной замѣткою: «Въ виду того, что большая часть произведеній чрезвычайно богатыхъ сосѣднихъ уѣздовъ направляется въ г. Тăгу, то количество товаровъ, стекающихся въ городъ и рассылаемыхъ отсюда внутрь страны, является замѣчательно большимъ». Seoul Press, 15 July 1911.

¹) Этотъ подсчетъ, вмѣстѣ съ слагающими его торговыми статьями, помѣщенъ въ Канкоку-синцири, 242; эта книга вышла въ свѣтъ въ 1905 г.

раются со всего государства въ числѣ 10,000 человекъ, а вся масса посѣтителей здѣсь исчисляется въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, такъ что въ это время во всемъ переполненномъ народомъ городѣ Тăгу и игolkѣ негдѣ упасть¹.

Нынѣ въ Тăгу, въ добавленіе къ уже существующимъ многочисленнымъ казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ предпріятіямъ, намѣченъ къ основанію рядъ торгово-промышленныхъ учрежденій, въ частности банкъ съ капиталомъ въ 300,000 енъ; электрическая компанія съ капиталомъ въ 100,000 енъ; кромѣ того обращено вниманіе на благоустройство города и съ этой цѣлью предположено улучшить улицы и устроить водопроводъ².

Ж. д. станція Сеуло-Фузанской линіи находится за сѣверо-восточными воротами города Тăгу.

Выше г. Тăгу по долинѣ р. Нактонъганъ расположено на берегу этой рѣки въ уѣздѣ Индонъ (яп. Дзиндō) 仁同 селеніе Оайгоан (яп. Вакан) 倭館, состоящее, какъ говорятъ, изъ 100 домовъ и до 500 жителей. Это селеніе вообще считается конечнымъ пунктомъ судоходства для судовъ, совершающихъ обычные рейсы въ обоихъ направленіяхъ въ Куйпхо, Фузанъ и другіе пункты по р. Нактонъганъ, хотя эта послѣдняя доступна для судоходства еще на 14—15 ри выше этого пункта. Вслѣдствіе того, что товары, перевозимые изъ Фузана и Кымхя (яп. Кинкай) 金海 въ Якмок (произносится Яньмок) 若木 (яп. Дзіōбокү), Кымчхен 金泉 (яп. Кинсен), Сёнъчжю (яп. Сейсү) 星州, Индонъ и т. д., должны непременно, хотя бы разъ, пройти черезъ разсмаваемое селеніе Оайгоан, то, по сравненію съ малочисленнымъ населеніемъ, торговля его, какъ распредѣлительнаго центра,

¹) Канкоку-синшири. 242—3.

Какъ отмѣчаетъ Канкоку-цуран, 61—62, на эти спеціальныя ярмарки свозятся товары буквально со всей страны, а отсюда они вывозятся даже такъ далеко, какъ въ Китай. Изъ обѣихъ годовыхъ ярмарокъ въ особенности значительные обороты, исчисляемые въ 600—700 тысячъ енъ, говорятъ, бываютъ на той, что происходитъ въ 10-ой лунѣ (сумма оборотовъ осенней ярмарки 1908 г. была исчислена въ 635,000 енъ. Second annual report on reforms and progress in Korea, 1935). На этихъ ярмаркахъ большую роль играютъ лекарства, почему онѣ и называются «лекарственными». Цит. «Second annual report» на отдѣльномъ листѣ, приложенномъ къ стр. 136, помѣщаетъ фотографическій снимокъ одной такой ярмарки (внизу на томъ же листѣ воспроизведенъ фотографическій снимокъ ярмарки живого скота въ томъ же Тăгу).

²) Seoul Press, 15 July 1910,2.

процвѣтаетъ. На противоположномъ берегу рѣки находится Сектчхён (яп. Секиден) 石田, станція Сеуло-Фузанской ж. д.¹

Почти на одной параллели широты съ г. Тэгү, только на противоположной (западной) сторонѣ долины р. Нактонъгань, лежитъ городъ Сёнъчжю (яп. Сейсю) 星州, который имѣетъ 600 слишкомъ домовъ, скученныхъ вплотную внутри и снаружи городскихъ стѣнъ (длиною въ 6000 футовъ). Благодаря тому обстоятельству, что онъ стоитъ на западной дорогѣ въ Сеуль (въ разстояніи 53 ри отъ послѣдняго), черезъ городъ проходитъ непрерывный потокъ путешественниковъ; поэтому торговля здѣсь является весьма оживленной².

На правомъ притоцѣ р. Нактонъгань, впадающемъ въ главную рѣку выше г. Индонъ у города Сёнсан и извѣстномъ подъ именемъ Камчхёнха (яп. Кансенка) 甘川河, лежитъ городъ Кымчхён (яп. Кинсен) 金泉 въ уѣздѣ Кымсан (яп. Киндзан) 金山, на югъ отъ этого города и перевала Чхюпхуллёнъ. Благодаря въ высшей степени удобнымъ сообщеніямъ, которыми обладаетъ этотъ городъ, обычная ярмарка его не уступаетъ оживленіемъ Тэгуской; вообще это торговый центръ, какихъ мало можно встрѣтить на сѣверъ отъ г. Тэгү. Ярмарка бываетъ ежемѣсячно въ дни, заканчивающіеся цифрою 5 и 10 по старому календарю, при чемъ среди товаровъ наибольшее количество приходится на рисъ, индиго, матеріи. Такъ какъ это мѣсто издавна служило въ качествѣ торговаго центра, куда обычно собирались люди изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, то о мѣстныхъ жителяхъ составила репутація людей несердечныхъ и лукавыхъ.

Выше города Индонъ, на западной сторонѣ р. Нактонъгань, лежитъ городъ Сёнсан (яп. Дзендзан) 善山, въ 6 ри къ югу отъ города Сянъчжю, въ томъ мѣстѣ, гдѣ упомянутая рѣка Камчхёнха, идущая съ юго-запада, впадаетъ въ р. Нактонъгань. Благодаря изобилію орошенія, эта мѣстность богата земледѣльческими продуктами, въ частности производя въ большихъ количествахъ рисъ и прочіе зерновые хлѣба. Такъ какъ городъ лежитъ на большой Сеульской дорогѣ, то черезъ него

1) Канкоку-синцири, 261.

2) Канкоку-синцири, 249.

движется непрерывная вереница людей и животных и главное занятіе жителей, насчитывающихся въ количествѣ 300 дворовъ, составляютъ пополамъ земледѣліе и торговля. Именно въ городѣ Сѣнсан нѣкто Самун (шрамана) Мыкхочжа 沙門墨湖子 первымъ сталъ проповѣдывать буддѣйское ученіе на территоріи королевства Силла; въ старину отсюда выходило такъ много ученыхъ, что это подало поводъ къ существованію одно время поговорки, что половина талантовъ въ Корей родомъ изъ Ённам 嶺南 (это имя употребляется для обозначенія прежней провинціи Кёнъсяндо въ ея цѣломъ), а изъ Ённамскихъ талантовъ половина идетъ изъ города Сѣнсан; нынѣ съ упадкомъ всей страны дѣло обстоитъ уже не такъ, какъ въ старину¹.

Уѣздный городъ Сянъчжю (Сіосю по яп.) 尙州, называемый также Нак'янь 洛陽 (въ китайскомъ чтеніи Лоянь, имя знаменитаго города китайской древности и раннихъ среднихъ вѣковъ) расположенъ въ западномъ углу провинціи Сѣверной Кёнъсяндо на западъ отъ р. Нактонъганъ, по которой идетъ сообщеніе отъ города вплоть до Фузана, близъ перевала Хоарёнъ (яп. Карей) 火琴 въ цѣпи Норёнъ къ западу отъ него. На сѣверо-западъ отъ города идетъ западная Сеульская дорога, черезъ переваль Орёнъ (яп. Орей) 烏嶺 на городъ Чхюньчжю въ провинціи Сѣверной Чхюньчхёндо и далѣе въ столичную область. Благодаря многочисленнымъ выгодамъ сухопутныхъ и водныхъ сообщеній, въ городъ Сянъчжю стекаются во множествѣ товары и процвѣтаетъ торговля; поэтому издавна въ немъ имѣлось много богатыхъ людей. Этотъ городъ далъ странѣ много выдающихся людей². Число домовъ, говорятъ, превышаетъ 2000.

На юго-востокъ отъ г. Сянъчжю лежитъ на рѣкѣ Нактонъганъ Нактонъчжин (яп. Ракутѳсин) 洛東津 въ 43 ри отъ устья этой рѣки, являясь конечнымъ пунктомъ возможнаго судоходства по ней. Названная рѣка имѣетъ здѣсь ширину въ 3 ціо слишкомъ и глубину около 6 футовъ и доступна для судовъ въ 100 японскихъ коку. Отсюда считается 12 ри по дорогѣ черезъ переваль Орёнъ (см. выше) въ городъ Кахынъ

1) Канкоку-синцири, 251-252.

2) Канкоку-синцири, 250.

(яп. Какō) 可興 въ провинціи Чхюньчхёндо (на сѣверъ отъ г. Чхюньчжю). Отъ этого пункта (города Кахынъ) начинается судоходство по южной вѣтви рѣки Ханганъ внутрь провинціи Кёнъгыдо.

Въ Нактонъчжин доставляются водою изъ Фузана товары, которые отсюда распределяются по всѣмъ населеннымъ пунктамъ на сѣверъ отъ него. Благодаря тому обстоятельству, что Нактонъчжин является на дѣлѣ столь важнымъ пунктомъ для сухопутнаго и воднаго транспорта, на рѣкѣ Нактонганъ у этого селенія обычно стоитъ на якорѣ не менѣе нѣсколькихъ десятковъ судовъ. Населеніе этого мѣстечка, числомъ въ 300 дворовъ, занимается цѣликомъ перевозочнымъ промысломъ, которое даетъ ему средства къ существованію. Въ старину во время экспедиціи Хидеіоси это мѣсто служило въ тылу японской арміи отправнымъ пунктомъ для подвоза ей продовольствія; также точно въ японо-китайскую войну здѣсь же находился опорный пунктъ японской этапной линіи для поддержанія связи съ Кахынъ¹.

Бывшій окружной городъ Андонъ въ верхнемъ теченіи большой вѣтви р. Нактонганъ, по имени Хоанъсю 潢水, текущей съ сѣверо-востока и по соединенію съ притокомъ Ыпчхён 邑川, пройдя мимо города, повараживающей на югъ, лежитъ на большой восточной дорогѣ, идущей съ юга въ Сеуль, въ 22 ри на сѣверо-западъ отъ города Кёнъчжю (яп. Кейсю) 慶州 и въ 48 ри отъ Сеула. Въ городѣ, какъ говорятъ, 1000 слишкомъ домовъ; среди жителей много дворянъ (янъбан 兩班), почему и мало людей, занимающихся земледѣліемъ и торговлею. Въ древности этотъ городъ являлся важной крѣпостью королевства Силла и неоднократно подвергался нападенію со стороны Пакчѣ и Когурѣ².

Большая Сеульская дорога, покинувъ Андонъ и миновавъ городъ Сюнхынъ (яп. Дзюнкō) 順興 и Шхунъгыи (яп. Хōки) 豐基, черезъ переваль Чхюннёнъ (яп. Цикурей) 竹嶺 доходитъ до городовъ Тан'янъ (яп. Танъиō) 丹陽 и Чхёнъпхунъ (яп. Сейфү) 淸風 въ провинціи Чхюньчхёндо. Этимъ пу-

¹) Канкоку-синцири, 250-1.

²) Канкоку-синцири, 249-250.

темъ въ эпоху трехъ королевствъ войска королевства Силла вторгались въ пограничныя земли Пакчѣ и Когурѣ.

Въ побережной полосѣ Сѣверной Кёнъсяндо можно отмѣтить слѣдующіе болѣе выдающіеся населенные и вообще примѣчательные пункты: городъ Кёнъчжю, Пхоханъ 浦項 въ западномъ углу залива Ёнъильман 迎日灣 и Чюксанпхо 丑山浦 въ уѣздѣ Ёнъхя 寧海.

Городъ Кёнъчжю 慶州, будучи въ 40 «и» отъ моря по ближайшей дорогѣ, лежитъ, вмѣстѣ со своимъ уѣздомъ, рядомъ съ уѣздомъ Ульсан 蔚山 (въ провинціи Южной Кёнъсяндо). Онъ былъ древней столицей королевства Силла; эта же мѣстность въ древніе вѣка являлась колоніей японской расы¹. Въ XVI столѣтіи городъ былъ опустошенъ японцами, которые оставили въ то время свой слѣдъ и въ другихъ пунктахъ по восточному побережью Корею, гдѣ нынѣ находятся остатки ихъ бывшихъ укрѣпленныхъ лагерей.

На сѣверѣ и западѣ городъ опоясанъ горами: на югъ и востокъ отъ города, занимающаго площадь около $1/2$ кв. мили, въ узкой долинѣ, и окруженнаго стѣной 12 футовъ вышиною, построенной частью изъ большихъ каменныхъ глыбъ², разстилается равнина съ многочисленными рисовыми и прочими полями благодаря плодородію почвы. Важнѣйшими полевыми произведеніями являются рисъ и бобы сои. Ярмарки бываютъ ежемѣсячно 6 разъ. Жители занимаются наполовину земледѣліемъ, наполовину торговлею. Количество вывозимыхъ въ Фузанъ и другія мѣста риса и другихъ хлѣбовъ достигаетъ необычайно высокой цифры. Поэтому жители вообще живутъ въ довольствѣ³.

Самъ городъ Кёнъчжю былъ нѣкогда столицей корейской науки и искусства, но послѣ японскаго погрома это значеніе его совершенно упало.

Съ археологической точки зрѣнія городъ Кёнъчжю является вѣроятно наиболѣе интереснымъ мѣстомъ въ Кореѣ; если городъ Пхёнъ-

1) Канкоку-синцири, 247.

2) Внѣ города имѣется значительное предмѣстье, тянущееся внизъ по долинѣ болѣе, чѣмъ на $1/2$ мили. Улицы въ городѣ, шириною въ 20 ф., очень извилисты, частные дома крыты почти исключительно соломой.

3) Канкоку-синцири, 247.

ить древнѣе его, восходя ко времени, предшествовавшему началу достовѣрной корейской исторіи, т. е. къ первымъ столѣтіямъ христіанской эры, то о прошлыхъ судьбахъ Кёнъчжю сохранились болѣе подробныя свѣдѣнія; кромѣ того городъ, какъ сказано, являлся столицей Силла, перваго корейскаго королевства, объединившаго подъ своей властью весь полуостровъ, причѣмъ въ эпоху могущества династіи его королей корейскія науки и искусства достигли зенита.

Изъ многочисленныхъ историческихъ памятниковъ Кёнъчжю шесть пользуются наибольшей извѣстностью подъ именемъ «Сокровищъ Кёнъчжю»¹. Внутри города уцѣлѣли остатки королевскихъ дворцовъ; мѣсто, которое они занимали, поросло большими деревьями и никому не дозволяется строиться здѣсь; поэтому хотя и не вся площадь внутри стѣнъ города застроена, зато въ застроенной части его дома очень скучены. Внѣ города, южное предмѣстіе тянется до павильона съ большимъ колоколомъ, размѣрами превышающимъ Сеульскій; онъ существуетъ уже 1,200 лѣтъ; китайская надпись на немъ почти совершенно стерлась. Близъ колокольнаго павильона лежатъ огромныя насыпи, числомъ 36 или 37, вышиною до 75 футовъ съ очень крутыми сторонами, поросшими травою. Насыпи отмѣчаютъ мѣста погребенія бывшихъ королей Силла; впрочемъ, только часть этихъ королей была погребена здѣсь; тѣла остальныхъ были сожжены, а пепель брошенъ въ Японское море².

Недалеко отъ города Кёнъчжю находится гора Намсан 南山, въ которой находятъ много драгоценныхъ камней — бѣлыхъ, темносинихъ и красныхъ; они пользуются высокою репутаціей во всей Корей. Столь любимые корейцами очки, говорятъ, по большей части являются произведеніемъ названной горы Намсан³.

Пхоханъ 浦項, какъ сказано, лежитъ въ западномъ углу бухты Ёнъильман; имѣетъ свыше 900 домовъ и 1500 слишкомъ душъ населенія. На сѣверъ отъ селенія равнина, длиною въ 1 ри, почти цѣликомъ занята соляными бассейнами. Внутри самой бухты крупнымъ судамъ трудно найти стоянку, но такъ какъ она наилучшимъ образомъ защищена отъ вѣтровъ, то рыбацки и другія суда постоянно бываютъ здѣсь. Жители занимаются земледѣліемъ, торговлею, рыбной ловлею и другими промыслами; каждый мѣсяцъ въ дни, заканчивающіеся цифрами 1, 6, 4, 9, бываютъ ярмарки. Производство соли въ

¹) О нихъ, равно какъ о другихъ историческихъ реликвіяхъ города, см. статью: „The Treasures of Kyōng-ju“ въ Korea Review, II (1902), 385—389.

²) Korea Review, 1903, III, 20—22.

³) Канкоку-синдзири, 247.

этомъ солеваренномъ центрѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ Фузана, очень значительно, достигая въ годъ свыше 16,000 коку. Японскіе кушцы иногда бывають здѣсь.

Существуетъ мнѣніе, что въ этой мѣстности нужно искать гавань Ачжинихо (яп. Асимпо) 阿津浦, черезъ которую производились въ древности сношенія между Чинхан (яп. Синкан) 辰韓 и Идзумо (заливомъ Мацуе) въ Японіи черезъ острова Уллындодо и Оки.

Нынѣ Пхоханъ связывается сухопутными дорогами съ городами Кёнъчжю, Чяньги (яп. Ціюги) 長鬐, Ёньиль (яп. Гейници) 迎日, Хамхя (яп. Кōкай) 興海, Андонъ и другими городами. Въ бухтѣ наблюдается оживленное судоходство, а въ самомъ городѣ ведется кипучая торговля, такъ какъ Пхоханъ является выдающимся торговымъ центромъ на морскомъ побережьѣ къ сѣверу отъ Фузана и имя его съ давняго времени упоминается въ качествѣ большого города наряду съ вышеназваннымъ Чяньги и Мокпхо 木浦¹.

Чюксанпхо 丑山浦 отстоитъ отъ бухты Ёньиль 迎日 на сѣверъ въ 20 ри, находясь въ уѣздѣ Ёньхя 寧海 на крайнемъ сѣверѣ побережья провинціи Кёнъсянъдо. Выходъ въ море изъ бухты Чюксанпхо обращенъ къ востоку; внутри площадь бухты, закрытой отъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ, довольно обширна; глубина воды достаточна для стоянки судовъ въ 100 тоннъ. Бухта служитъ опорнымъ пунктомъ для многочисленныхъ японскихъ рыбаковъ, промысляющихъ по сосѣдству².

Въ провинціи Южной Кёнъсянъдо³ необходимо указать прежде всего на главный городъ этой провинціи Чинчжю (яп. Синсю) 晋州, въ 14 ри къ западу отъ Масанпхо, на рѣкѣ Киганъ (иначе называемой Ёньганъ) въ 35 верстахъ отъ ея впаденія въ рѣку Нактонъганъ у селенія Ёньганъ 營江. Прямо на югъ отъ города въ недалекомъ разстояніи нахо-

¹) Канкоку-синцири, 248.

²) Канкоку-синцири, 249.

³) Большая часть этой провинціи составляла съ 41 по 527 г. по Р. Х. королевство Карак (о немъ еще ниже на стр. 312), поглощенное затѣмъ королевствомъ Силла, лежавшимъ сѣвернѣе; къ этому акту послѣднее королевство побуждала важность этой части полуострова съ точки зрѣнія сношеній Японіи съ материкомъ. Ср. Канкоку-цири, 167 и 72, гдѣ Каракъ прямо называется «японской колоніей».

дится вершина морского залива Кон'янъ у города Сачхён (яп. Сисен) 泗川.

Находясь въ узлѣ путей сообщенія окружающей страны, городъ Чинчжю играетъ важную роль въ качествѣ складочнаго и распредѣлительнаго пункта товаровъ. На западъ отъ него города Чхянъгый 昌居, Хам'янъ 咸陽, Сан'ым 山陰, Чии (произносится Чири) 智異 и другіе, всё снабжаются отсюда товарами. Въ ярмарочные дни въ городъ собираются торговцы со всего окрестнаго района и размѣры оборотовъ одной ярмарки достигаютъ 15,000 ень. Вся эта мѣстность славится производствомъ хлопка и изготовленная здѣсь пряжа имѣетъ большой сбытъ.

Населеніе города исчислялось менѣе чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ лишь въ 20,000 душъ (3800 дворовъ)¹, но въ концѣ мая 1911 г. достигло уже 91,041 душъ корейцевъ, 1,365 японцевъ и 9 иностранцевъ².

Въ юго-восточномъ углу той же провинціи Южной Кёнъ-сянъдо на самомъ морскомъ берегу расположенъ открытый для иностранной торговли портъ и городъ Фузанъ (о немъ подробно выше на стр. 55—61) и на сѣверъ отъ него внутрь страны бывший окружной городъ Тонънъ (яп. Тōрай) 東萊; который отстоитъ отъ иностраннаго селлемента Фузана на сѣверъ въ 2 ри. Стѣны его, вышиною свыше 2 яп. кенъ, начинаются на вершинѣ горы и спускаются на югъ до равнины, имѣя окружность въ 1 ри. Самый городъ находится внутри и внѣ стѣнъ и представляетъ собою цвѣтущее торговое мѣсто съ оживленнымъ движеніемъ. Домовъ 1,200 слишкомъ, жителей 4,700 душъ. На сѣверо-востокъ отъ города въ $\frac{1}{2}$ ри разстоянія находятся лечебные горячіе источники, помогающіе при болѣзняхъ пищеварительныхъ органовъ, женскихъ и др.³

Выше по восточному морскому побережью Южной Кёнъ-сянъдо лежитъ уѣздный городъ Ульсан (яп. Уцудзан) 蔚山 у

¹) Канкоку-синцири, 260. Однако, уже къ концу 1908 г. въ городѣ считалось 17,749 семей и 78,532 душъ населенія. (Résumé statistique de l'empire du Japon, 25-e année, 1911, стр. 33), такъ что уже тогда городъ являлся вторымъ по численности населенія городомъ въ Корей; первымъ шелъ Сеулъ, третьимъ былъ Фузанъ съ 50,698 душъ населенія.

²) Seoul Press, 17 June 1911.

³) Канкоку-синцири, 245.

большой бухты (заливъ Дыдымова на русскихъ картахъ), въ которую впадаетъ большая рѣка; къ этой послѣдней и примыкаетъ съ юга Ульсан. Бухта имѣетъ 2 ри въ длину, съ извилистыми берегами; удобна для стоянки судовъ. Это лучшая гавань на морскомъ берегу Кёнъсяндо на сѣверъ отъ Фузана. Въ городѣ 800 домовъ и 3000 жителей, занимающихся главнымъ образомъ земледѣліемъ и немного торговлею. Эта бухта служила раньше опорнымъ пунктомъ для русской Тихоокеанской китобойной компаніи, которая устроила здѣсь на южномъ берегу бухты мѣсто для свѣжеванія китовъ; нынѣ японскія китоловныя суда также въ большомъ числѣ имѣютъ здѣсь стоянку.

Въ городѣ Ульсан стекаются всѣ товары изъ района городовъ Кёнъчжю и Он'янъ (яп. Генъіō) 彦陽, поэтому городъ весьма процвѣтаетъ; однако, лукавство до нѣкоторой степени отличаетъ нравъ его населенія. Въ сезонъ сбора урожая въ городѣ, по рассказамъ, набѣзжаютъ въ большомъ числѣ японскіе торговцы, такъ какъ эта мѣстность производитъ много риса и другого зерна¹. Кромѣ того здѣсь существуетъ гончарное производство.

Съ исторической точки зрѣнія городъ извѣстенъ геройской защитой, прославленной въ пѣсняхъ и литературѣ, въ 1597 г. (второй годъ Кейцїō 慶長) японскаго гарнизона отъ осаждавшихъ его китайскихъ и корейскихъ войскъ. Это былъ заключительный эпизодъ двукратной кровавой японской экспедиціи въ Корею. Остатки укрѣпленій этой эпохи понынѣ сохранились въ этой мѣстности². Во время русско-японской войны въ морѣ близъ Ульсан произошелъ бой между японской эскадрой адмирала Камимура и Владивостокскимъ отрядомъ крейсеровъ, съ неудачнымъ для русскихъ исходомъ, благодаря гибели крейсера «Рюрика».

На западъ отъ Фузана по южному побережью провинціи Южной Кёнъсяндо можно указать, какъ болѣе значительный населенный пунктъ и торговую гавань, на городѣ Масанпхо (яп. Бадзампо) 馬山浦—нынѣ включенный въ районъ военно-

¹) Канкоку-синцири, 245—6.

²) См. Канкоку-цири, стр. 171—173, гдѣ дается подробное описаніе развалинъ японской крѣпости здѣсь, съ изображеніемъ ихъ на отдѣльномъ двойномъ листѣ.

морской базы Японіи въ заливѣ Чинхя—въ 20 ри отъ Фузана сушею и 40 морскихъ ри моремъ. О немъ см. подробнѣ выше, стр. 63—66.

Заливъ Чинхяман получилъ это обозначеніе отъ уѣзднаго города Чинхя на его сѣверномъ берегу. Самъ заливъ Чинхяман является лучшей изъ всѣхъ удобныхъ гаваней по южному побережью Кореи, будучи просторенъ, глубоокъ, укрытъ отъ морского волненія островомъ Кочжѣдо и доставляя надежную якорную стоянку. Этотъ заливъ, вмѣстѣ съ портомъ Такесики (на островѣ Цусима), съ точки зрѣнія сообщеній и стратегическаго значенія, долженъ служить ключемъ къ Корейскому проливу¹.

У самой южной оконечности пров. Кёнъсянъдо на мысу полуострова Косёнъ 固城, напротивъ близъ лежащихъ острововъ Кочжѣдо 巨濟島 и Хансандо 閑山島, въ 14 ри къ югу отъ Масапихо, лежитъ городъ Тхонъёнъ, яп. Тѳей 統營 (на существующихъ картахъ Чиннам, яп. Циннан 鎮南). Прежде онъ являлся главной морской крѣпостью и центромъ управленія морскихъ силъ (水軍統營城) трехъ южныхъ провинцій корейскаго полуострова—Чёлладо, Чхюньчхёнъдо и Кёнъсянъдо, почему и произошло его названіе Тхонъёнъ 統營 (буквально: главный лагерь, главная квартира).

Крѣпость окружена стѣной въ пять корейскихъ «и» и къ 1905 г. содержала гарнизонъ (鎮衛隊) въ 200 человекъ слишкомъ. Внѣ крѣпости тянется вплоть до морского берега сплошная масса домовъ, свыше 3,000, съ населеніемъ свыше 17,000 чел.² Каждый мѣсяць шесть разъ бываетъ ярмарка. Обороты каждой ярмарки достигаютъ 6—7 тысячъ енъ, такъ какъ сюда собираются суда со всѣхъ ближнихъ и дальнихъ острововъ и съ побережья Чёлладо. По числу посѣщающихъ гавань (парусныхъ) судовъ это первая гавань на побережьѣ Кёнъсянъдо.

Прежде, когда на сосѣдніе острова являлись въ большемъ числѣ японскіе рыбаки, проживавшіе въ Тхонъёнъ японскіе мелкіе торговцы и другіе японцы специально занимались

¹) Канкоку-цири, 168.

²) 3,195 семей и 13,573 душъ къ 31 дек. 1908 г., какъ указываетъ Resumé statistique de l'empire du Japon, 25 année, 1911, 33.

обслуживаніемъ потребностей этихъ рыбаковъ, но недавно благодаря размѣщенію на островѣ Кочжѣдо и другихъ ближайшихъ островахъ японскихъ сторожевыхъ отрядовъ, число японскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ жить здѣсь, все болѣе и болѣе стало увеличиваться. Въ концѣ 37 года Мейдзи (1904 г.) ихъ было здѣсь уже 59 человекъ и это число продолжало увеличиваться¹.

Какъ память объ японскомъ нашествіи конца XVI стол., затронувшаго и эту мѣстность, въ кладовыхъ крѣпости Тхоньѣнъ понынѣ сохраняются въ качествѣ трофеевъ того времени предметы японскаго вооруженія².

Внутри страны въ той же провинціи Южной Кёнъсянъдо можно указать на нѣсколько важныхъ торговыхъ пунктовъ по нижнему теченію р. Нактонъганъ, прежде всего на Куїпхо, яп. Кихо 龜浦 въ уѣздѣ (ранѣе округѣ) Тонънѣ, на лѣвомъ берегу морского устья указанной рѣки. Не только онъ является важнымъ средоточіемъ воднаго сообщенія изъ Фузана въ сѣверную, южную и западную части Кёнъсянъдо, но также въ его пользу играетъ и то обстоятельство, что, вслѣдствіе трудности судоходства по морскому устью р. Нактонъганъ, гдѣ существуетъ много опасныхъ быстринь, товары изъ Фузана, предназначенные для внутреннихъ областей, обычно должны доставляться сухимъ путемъ въ Куїпхо, а отсюда уже отправляются водою вверхъ по теченію рѣки въ Самнанъчжин, Сюсанчжин (яп. Сюдзансин) 守山津, Самон (яп. Сямон) 沙門, Оайгоан и т. д. Въ качествѣ передаточнаго пункта Куїпхо занимаетъ съ торговой точки зрѣнія весьма важное положеніе по отношенію къ Фузану. Поэтому въ эпоху открытія послѣдней гавани для иностранной торговли здѣсь была лишь ничтожная деревушка, а въ 1905 г. въ ней уже имѣлось 200 домовъ и свыше 1,500 жителей, среди нихъ вліятельные купцы³.

Ниже Куїпхо находится Хаданпхо 下端浦, командующій надъ устьемъ р. Нактонъганъ, напротивъ острова Мёнъходо 鳴湖島, знаменитаго солеварнями: здѣсь въ 2 ри разстоянія отъ Фузана собирается много торговыхъ и рыбацкихъ судовъ⁴.

1) Канкоку-синцири, 256—7.

2) Канкоку-синцири, 257.

3) Канкоку-синцири, 236.

4) Канкоку-синцири, 236—7.

Противъ Куи́пхо на противоположномъ берегу, въ трехъ ри разстоянiя, лежитъ Кымхя́ (яп. Кинкай) 金海 въ богатой земледѣльческими продуктами равнинѣ съ сплошными рисовыми и прочими полями; эта мѣстность изобилуетъ и водными продуктами, а самый городъ ведетъ весьма оживленную торговлю, имѣя 700 домовъ и 2200 жителей¹. Въ древности городъ Кымхя́ служилъ столицею государства Каракъ (яп. Мимана) 加羅 или 加咯, игравшаго значительную роль въ первоначальныхъ сношенiяхъ Японiи съ Кореей и, повидимому, рано признавшаго надъ собою политическое влiянiе Японiи.

Самнанъчжин (яп. Санрōсин) 三浪津 лежитъ въ бывшемъ округѣ, нынѣ уѣздѣ Мир'янъ, въ мѣстѣ слиянiя р. Нактонъганъ съ притокомъ ея Кōрёнъганъ (яп. Кōрейкō) 巨零江. Этотъ городъ, обладая удобною рѣчной стоянкою, служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ по отношенiю къ городамъ на востокъ и сѣверъ отъ него, какъ-то Мир'янъ, Чхёнъдо 清道, Юльсан (яп. Рицудзан) 栗山, Он'янъ 彦陽, Кёнъсан 慶山, Кёнъчжю 慶州 и т. д.; такимъ образомъ онъ обслуживаетъ торговлю половины бассейна р. Нактонъганъ. Домовъ 170, жителей 680 чел., въ томъ числѣ богатые купцы. Въ $\frac{1}{2}$ ри разстоянiя отсюда находится ж. д. станція Сеуло-Фузанской линiи въ небольшомъ селенiи Юдо (яп. Рюдō) 柳島; въ этомъ пунктѣ отъ главной линiи отдѣляется вѣтка на Масанпхо².

Городъ Мир'янъ (яп. Мицуйō) 密陽, ранѣе окружной, нынѣ уѣздный городъ, лежитъ на западномъ берегу р. Намчхён 南川, притока р. Нактонъганъ, на сѣверъ отъ Самнанъчжин, въ нѣсколькихъ ри разстоянiя отъ этого послѣдняго. Въ этой мѣстности, благодаря примывнымъ отложенiямъ изъ р. Намчхён, почва плодородна и легко орошается, и съ тучныхъ полей риса и прочаго хлѣба, тянувшихся по всей обширной равнинѣ, получается нѣсколько десятковъ тысячъ коку зерна; поэтому настоящая мѣстность принадлежитъ къ числу мѣстностей Кореи, производящихъ рисъ для заграничнаго вывоза.

Самъ городъ Мир'янъ съ трехъ сторонъ окруженъ холмами и только съ четвертой—южной, выходитъ на равнину; на юго-

¹) Канкоку-синцири, 237.

²) Канкоку-синцири, 237.

востокъ же имѣетъ передъ собою рѣку Ынгань. Стѣны города тянутся по верху холмовъ и имѣютъ 4670 футовъ въ окружности. Внутри стѣнь почва вообще ровная и населеніе большей частью живетъ здѣсь (въ городѣ считается около 4,000 душъ), при чемъ казенные и частные дома (общее число ихъ 800) взаимно перемѣшиваются. Каждый мѣсяць бываетъ оживленная очередная ярмарка. Станція Сеуло-Фузанской ж. д. находится въ 15—16 ціо на западъ отъ города¹.

На сѣверъ отъ г. Мир'янь въ мѣстѣ сліянія трехъ рѣкъ, образующихъ затѣмъ р. Ынгань (яп. Гіокō) 凝江, впадающую въ р. Намчхѣн на ЮВ. отъ этого города, лежитъ въ уѣздѣ Чхѣндо 淸道 (на территоріи Сѣверной Кѣнсьяндо) довольно значительный узловый пунктъ Ючхѣн (яп. Юсен) 楡川, который издавна являлся важной почтовой станціей пров. Кѣнсьяндо на дорогѣ изъ Фузана въ Тăгу, а нынѣ служить, какъ и городъ Чхѣндо², ж. д. станціей для Сеуло-Фузанской линіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лежитъ на перекресткѣ дорогъ изъ богатой земледѣльческой страны Тонъчханъ 東倉 и Тăчхѣнни 大川里 въ городъ Кѣнъчжю 慶州. Климатъ этой мѣстности очень теплый и здоровый. Въ рѣкѣ водится много рыбы, а въ горахъ растутъ грибы и каштаны³.

Двѣ провинціи Чѣлладо (яп. Дзенрадō) 全羅道, Сѣверная и Южная, занимаютъ юго-западный уголъ полуострова и, послѣ провинціи Кѣнсьяндо, оказываются самыми близкими къ Японіи. На востокъ обѣ провинціи отдѣляются цѣпами Сіобаксан отъ Кѣнсьяндо, на сѣверъ—отрогомъ цѣпи Норѣнь 蘆嶺 и рѣкою Кымгань отъ Чхюньчхѣндо, на югъ и западъ примыкаютъ къ морю (Восточно-китайскому на югъ и Желтому на западъ). Береговая линія обѣихъ провинцій богато изрѣзана заливами и бухтами и имѣетъ великое множество

¹) Канкоку-синцири, 237—8.

²) Равнымъ образомъ далѣе къ сѣверу лежащій городъ Кѣнсан, яп. Кейдзан 慶山, который производитъ въ большомъ количествѣ т. н. Тăгускіе каки (柿) а также каштаны, не считая риса и прочихъ зерновыхъ хлѣбовъ, собираемыхъ съ обширной равнины на западъ отъ города (земледѣліе составляетъ главное занятіе его обитателей). Канкоку-синцири, 239-240. Онъ лежитъ на ЮВ. отъ Тăгу.

О городѣ (уѣздомъ) Чхѣндо съ 1000 обитателей говоритъ Канкоку-синцири, 239.

³) Канкоку-синцири, 238—9.

большихъ и малыхъ острововъ, числомъ свыше 300. Эти острова, вмѣстѣ съ островами, лежащими по западному берегу провинціи Чхюньчхёндо, объединяются подъ общимъ обозначеніемъ Корейскаго архипелага (Ціосен-татōкай по японски (朝鮮多島海)).

Провинція Чёлладо является одной изъ трехъ южныхъ провинцій Кореи, извѣстныхъ подъ именемъ «Самнам» 三南, т. е. «трехъ южныхъ» (Кёнъсяндо, Чёлладо и Чхюньчхёндо), въ качествѣ «Сокровищницы Кореи», и пользуется великой славою за теплый климатъ, плодородную почву и обиліе земледѣльческихъ произведеній. Въ особенности въ этомъ отношеніи выдаются три рѣчныхъ бассейна, — бассейны рѣкъ Кымганъ, Мангёнъганъ 万頃江 и Пуанганъ 扶安江, которые сливаются въ обширную плодородную равнину. Наиболѣе крупныя части ея составляютъ равнины городовъ Чёнчжю и Канъгёнъ 江景. Прилегающіе участки моря также доставляютъ провинціи большія выгоды рыбнымъ и солянымъ промыслами. При этихъ условіяхъ провинція Чёлладо изъ всѣхъ трехъ южныхъ провинцій является наиболѣе богатой, почему имя «самнан» можетъ быть спеціально приложено къ ней.

Благодаря чрезвычайно благопріятной природной обстановкѣ населеніе Чёлладо обладаетъ большою покупательной способностью и ввозитъ много заграничныхъ товаровъ. Нравомъ многіе обитатели провинціи, какъ рассказываютъ объ нихъ, тщеславны, пристрастны къ удовольствіямъ, черезчуръ расточительны. Въ древности эта провинція служила оплотомъ королевству Пакчѣ и издавна приобрѣла репутацію колыбели множества мятежниковъ (см. выше на стр. 230), не взирая на то, что отсюда вышли предки династіи И, въ частности и самъ основатель династіи — И Сёнъгѣ 李成桂. По этой причинѣ, говорятъ, правительство избѣгало назначать уроженцевъ этой провинціи на болѣе высокія должности¹.

Длина береговой линіи провинціи Чёлладо достигаетъ 20 ри; она образуетъ выступъ посерединѣ, наиболѣе выдающуюся въ юго-западномъ направленіи часть материка южной Кореи. Берега провинціи представляютъ собою множество извилинъ,

¹) Канкоку-синцири, 262—3.

вымокъ и заливовъ, мысовъ и полуострововъ. Изъ числа гаваней лучшими являются Мокпхо и Кунсан, но помимо ихъ имѣются еще другія¹.

Въ отношеніи устройства поверхности провинція Чёлладо походитъ на провинцію Чхюнъчхёндо, о которой будетъ рѣчь ниже, однако, восточная часть ея, примыкающая къ провинціи Кёнъсяндо, менѣе возвышена, чѣмъ вышеназванная провинція. Изъ горныхъ группъ наиболѣе извѣстной является Чирисан (Цидзан по японски) 智異山. Идущая отъ этой горы въ югозападномъ направленіи цѣпь пересѣкаетъ долину р. Сёмчжинганъ и, пройдя черезъ южную половину провинціи, заканчивается на островѣ Чиндо. Указанная р. Сёмчжинганъ орошаетъ восточную половину провинціи, тогда какъ западная половина, за исключеніемъ сѣверной части, принадлежитъ къ бассейну р. Ёнъсанганъ. Окраинная часть сѣверной полосы территоріи провинціи занята верхнимъ теченіемъ р. Кымганъ, а другая часть, обращенная внутрь страны, рѣками Мангёнъганъ и Пуанганъ. Въ верхней долинѣ р. Кымганъ пользованіе рѣчными водами представляетъ большія удобства; мѣстами имѣются равнины съ плодородной почвою, благодаря этому рисъ здѣсь производится въ изобиліи².

Изъ острововъ, причисляемыхъ къ провинціи Чёлладо въ административномъ отношеніи, достаточно отмѣтить островъ Квельпартъ (по корейски Чѣчкю), островъ Чиндо и острова Кёмуньо (острова Портъ-Гамильтонъ).

Главнымъ городомъ въ провинціи Сѣверной Чёлладо, служащимъ мѣстопробываніемъ губернатора этой провинціи, является Чёнчжю (яп. Дзенсю) 全州, отстоящій отъ Сеула на разстояніи 44 ри³ (250 верстъ (?)) по «Описанію Кореи»). Положеніе города въ 50 в. на ЮЗ. отъ Кунсан очень живописно, на прославленной равнинѣ того же имени, съ подходящимъ къ городу съ В. и С.З. горами. Во время возстанія тонъхаковъ (東學) городъ, имѣющій стѣны длиною въ 4 ри (корейскихъ «и»?), былъ захваченъ и совершенно разграбленъ этими мятежниками, вслѣдствіе чего одно время пришелъ въ совершенный упадокъ, но

¹) Канкоку-синцири, 263.

²) Канкоку-сѣран (раньше по недосмотру печаталось «цуран»), 56.

³) 56 ри согласно Канкоку-цири, 167.

постепенно снова оправился и нынѣ имѣеть до 3500 домовъ, расположенныхъ внутри и внѣ городскихъ стѣнъ¹. Городъ отличается значительнымъ торговымъ оживленіемъ, превосходя въ этомъ отношеніи даже городъ Конъчжю 公州 въ Чхюньчхёнъ-до. Въ городѣ живетъ нѣсколько богачей, владѣющихъ состояніемъ, исчисляемымъ въ 500 тысячъ японскихъ енъ. Въ 1904 г. японцевъ жило въ городѣ 25 человекъ, китайцевъ 15 человекъ².

Спеціальнымъ произведеніемъ города являются бамбуковыя занавѣски тонкой работы³.

Въ 4 ри на западъ отъ Чёнчжю на берегу р. Мангёнъ-ганъ находится селеніе Таджёнъчхон 大庭村, которое является транзитнымъ пунктомъ для торговли Чёнчжю, обладая воднымъ сообщеніемъ; отсюда грузы, будучи доставлены сначала изъ города Чёнчжю, отправляются въ другія мѣста водою⁴.

Морскимъ портомъ для города Чёнчжю служитъ въ сосѣдней долинѣ р. Кымганъ—Кунсан въ 11 ри разстоянія по большой дорогѣ, иначе называемый Кунчханъ по корейски 羣倉; слово чханъ 倉, буквально означающее «житница», объясняется тѣмъ, что на сѣверной сторонѣ нынѣшняго города на холмѣ, позади остатковъ строеній нынѣ упраздненной крѣпости Кунсанчжин, ранѣе существовали склады, куда свозился изъ уѣздовъ Кымгу 金溝, Тхачхён 泰仁, Ымсилъ 任賓, Чяньсю 長水, Чин'ан 鎮安 и Окку 沃溝 податной рисъ 貢米, равно какъ и рисъ 炮糧米, поступавшій въ качествѣ особаго налога изъ Чёнчжю⁵. О самомъ портѣ Кунсан, открытомъ для иностранной торговли, подробности приводятся выше на стр. 82—84.

1) 3,644 семей и 14,962 душъ въ концѣ 31 дек. 1908 г. (Resumé statistique de l'empire du Japon, 25 année, 1911,33).

2) Канкоку-синцири, 269—270.

3) Канкоку-цири, 167.

4) Канкоку-синцири, 270.

5) Канкоку-синцири, 267. Во времена Тәуёнгун'а, бывшего фактическимъ правителемъ страны въ первую половину царствованія послѣдняго короля, съ 1863 по 1882 г., въ крѣпости Канъхоа былъ организованъ особый артиллерійскій отрядъ,

состоявшій изъ 3,000 чел., которые носили названіе пер'хіоса 別驍士 別驍士; для продовольствія ихъ былъ учрежденъ особаго рода налогъ съ жителей южныхъ провинцій Чёлладо и Кёнъсянъдо, которые были обязаны доставлять «рисъ для продовольствія артиллеріи»—этотъ рисъ и носить названіе «пхоряньми» 炮糧米 или «пхоряньми» 炮糧(餉)米. (Настоящая справка любезно доставлена автору предлагаемаго «Очерка» Г. В. Подставинымъ).

Въ юго-восточномъ углу той же провинці Сѣверной Чёлладо можно отмѣтить уѣздный городъ Нам'уён (яп. Нанген) 南原, лежащій на дорогѣ, ведущей изъ Сеула въ Сянтчхён 順天 (т. н. Кёнъсюн-гадо 京順街道). Благодаря оживленному движенію по этой дорогѣ, пѣшему и конному, торговля города процвѣтаетъ. Къ югу, по дорогѣ къ городу Куръ (яп. Кюрей) 求禮, между обоими городами разстиается обработанная равнина, богатая рисомъ и прочимъ зерновымъ хлѣбомъ. Окрестности города славятся живописными видами¹.

Въ юго-западномъ углу разсматриваемой провинці близъ морского залива, извѣстнаго подъ тѣмъ же именемъ (Кобу-ман) лежитъ городъ Кобу (яп. Кофу) 古阜. Въ этой мѣстности началось движеніе секты тонъхаковъ, явившееся виновникомъ японо-китайской войны².

Въ провинці Южной Чёлладо, можно назвать прежде всего главный городъ Коанъчжю (яп. Косю) 光州, расположенный близъ р. Ёнъсанганъ на обширной и густо усеянной зажиточными селеніями равнинѣ, охватывающей городъ со всѣхъ сторонъ и доставляющей ему обиліе земледѣльческихъ произведеній. Населеніе города, по слухамъ, достигаетъ 6,000 душъ. Дома въ немъ сбились тѣсно въ кучу, лавки тянутся сплошными рядами. По торговому оживленію и процвѣтанію городъ стоитъ наравнѣ съ городомъ Начжю, на западъ отъ него. Издревле городъ, говорятъ, доставлялъ странѣ именитыхъ доблестныхъ мужей³.

Городъ Начжю (яп. Расю) 羅州 лежитъ на берегу р. Ёнъсанганъ, на сѣверъ и западъ отъ нея, занимая мѣстоположеніе, точь въ точь, какъ Сеуль, отъ котораго городъ отдѣляетъ разстояніе 67 ри. На другой сторонѣ рѣки начинается обширная равнина, т. н. равнина Начжю, которая составляетъ источникъ богатства южной Кореи благодаря густому населенію, образуящему сплошную цѣпь городовъ и селеній, тучной почвѣ и чрезвычайному обилію земледѣльческихъ продуктовъ. Населеніе города превышаетъ 3,000 душъ и отличается состоятельностью, въ каковомъ отношеніи Начжю является

¹) Канкоку-синцири, 270—1.

²) Канкоку-цири, 167.

³) Канкоку-синцири, 271.

третьимъ городомъ обѣихъ провинцій Чёлладо. Въ качествѣ торговаго центра Начжю считается наравнѣ съ Коанъчжю; однако, торговымъ процвѣтаніемъ превосходитъ послѣдній¹. Городъ славится производствомъ бамбуковыхъ издѣлій, вѣеровъ, занавѣсокъ.

На югъ отъ Начжю лежитъ многолюдный и торговый городъ Ионъам (яп. Рейган) 靈巖; населеніе его обладаетъ вообще большимъ достаткомъ и занимается земледѣліемъ. Южнѣе Ионъам находится Куринни (яп. Кюринри) 鳩林里, пользовавшійся въ вѣкъ господства Силла большой славою; нынѣ корейцы, отправляясь въ Китай, всѣ, какъ говорятъ, отплываютъ отсюда².

Въ устьѣ расширяющагося лимана р. Ёнъсанганъ лежитъ открытая для иностранной торговли гавань Мокпхо (яп. Моппо) 木浦 въ уѣздѣ (затѣмъ округѣ) Муан (яп. Муан) 務安, издавна служившая складочнымъ мѣстомъ для податнаго риса, свозившагося сюда съ обширной Хонамской (湖南) равнины и этимъ даже привлекавшая къ себѣ вниманіе японскихъ пиратовъ. Подробное описаніе гавани и оцѣнка ея торговаго значенія даются выше на стр. 77—81.

Изъ другихъ примѣчательныхъ мѣсть провинціи Южной Чёлладо слѣдуетъ назвать Синсёнъпхо (яп. Синдзіохо) 新城浦 въ уѣздѣ Сюнтчхён, обычно извѣстный подъ именемъ Ёттоль (буквально: древній камень?). Онъ находится въ западномъ углу глубокаго залива, лежащаго между выступами уѣздныхъ городовъ Коанъянъ, яп. Коіо 光陽 (въ 2 ри на сѣверъ отъ Синсёнъпхо³) и Ёсю. Хотя населеніе этого мѣстечка исчисляется лишь въ 60 дворовъ, однако, гавань его привлекаетъ много судовъ благодаря важному положенію этого пункта въ узлѣ сообщеній со всѣми городами провинцій Южной Чёлладо, равно какъ близости къ различнымъ населеннымъ мѣстамъ уѣзда Сюнтчхён; кромѣ того онъ служитъ мѣстомъ сбыта улова для японскихъ рыбачьихъ судовъ, которыя также заходятъ къ острову Міодо (яп. Міотō) 猫島, окружностью въ 3 ри, расположенному въ указанномъ заливѣ, рядомъ съ другимъ

¹) Канкоку-синцири. 271.

²) Канкоку-синцири. 271—2.

³) Этотъ многолюдный городъ ведетъ значительную торговлю моремъ.

островомъ Сіонъдо 松島, лежащимъ прямо передъ Синсёнъпхо¹.

Въ трехъ ри разстоянія на сѣверо-западъ отъ Синсёнъпхо лежитъ городъ Сюнтчхён (яп. Дзюнтен) 順天 съ населеніемъ въ 4000 душъ и съ многолюдной ярмаркою, происходящей шесть разъ въ мѣсяцъ².

Городъ Ёсю (яп. Рейсуй) 麗水 съ населеніемъ въ 560 дворовъ находится въ юго-восточной части полуострова, идущаго отъ города Сюнтчхён. Онъ извѣстенъ еще подъ именемъ Чоасюёнъ 左水營, такъ какъ находится на мѣстѣ бывшей морской крѣпости этого имени, которая въ старину вмѣстѣ съ Усюёнъ 右水營 въ Ханамскомъ уѣздѣ являлись важнѣйшими морскими крѣпостями (鎮) провинціи Чёлладо. Понынѣ въ Ёсю сохранились остатки крѣпостной стѣны. Въ Ёсю, гдѣ шесть разъ въ мѣсяцъ происходятъ ярмарки, японскіе рыбаки, въ большомъ числѣ заходящіе сюда, сбываютъ свой уловъ³.

Въ сосѣдствѣ съ упомянутымъ Усюёнъ встрѣчаются красный, бѣлый и черный мраморъ; издѣлія изъ него продаются въ указанномъ мѣстѣ⁴.

Провинція Чхюньчхёнъдо (яп. Цюсейдō) 忠清道 принадлежитъ къ числу «трехъ южныхъ провинцій» Кореи или «самнамъ» 三南; на югѣ она граничитъ съ Чёлладо, на востокѣ примыкаетъ къ Кёнъсянъдо при посредствѣ цѣпи Норёнъ, на сѣверѣ граничитъ съ провинціями Кёнъгыдо и Канъуондо, на западѣ обращена къ морю (Желтому морю). Черезъ середину провинціи протягивается съ юго-запада на сѣверо-востокъ цѣпь Чхярэнъ⁵, отчетливо раздѣляющая всю область на двѣ части—сѣверную и южную. Хотя по богатству произведеній область уступаетъ двумъ болѣе южнымъ провинціямъ (Чёлладо и Кёнъсянъдо), тѣмъ не менѣе плодородная равнина Юсёнъ (яп. Дзюдзіō) 儒城 и Чхёнъчжю по

1) Канкоку-синцири, 272.

2) Канкоку-синцири, 272-3.

3) Канкоку-синцири, 273.

4) Канкоку-синцири, 278.

5) На картѣ, приложенной къ Koto, Orographic Sketch of Korea, эта цѣпь проводится не черезъ середину всей провинціи Чхюньчхёнъдо, а ближе къ ея западной окраинѣ, раздѣляя приблизительно на двѣ равныя половины лишь южную Чхюньчхёнъдо.

обилію земледѣльческихъ продуктовъ является на всемъ полуостровѣ одной изъ наиболѣе богатыхъ мѣстностей. Многіе изъ столичнаго дворянства имѣютъ свои помѣстья въ провинціи Чхюньхёндо, являвшейся въ старину владѣніемъ королевства Пакчѣ¹, а число мѣстныхъ дворянъ, противно тому, какъ это наблюдается въ другихъ провинціяхъ, превосходитъ здѣсь число простолюдиновъ; въ отношеніи нравовъ и языка они вообще не отличаются отъ столичныхъ жителей.

Провинція Чхюньчхёндо вмѣстѣ съ провинціей Чёлладо составляла, какъ сказано, древнее владѣніе королевства Пакчѣ и понынѣ сохраняетъ многочисленныя древніе памятники².

Протяженіе береговой линіи провинціи не превышаетъ 30 слишкомъ ри, но образуетъ много извилинъ, богато островами и имѣетъ не малое число заливовъ и гаваней, пригодныхъ для судоходства (изъ заливовъ наиболѣе значительны Нам'янъскій съ внутренней бухтою Асан). Однако, между берегомъ и островами нерѣдко встрѣчаются отмели, требующія особаго вниманія со стороны моряковъ; кромѣ того, приливныя теченія здѣсь отличается крайней быстротою³.

Хотя провинція Чхюньчхёндо вся покрыта горами, то высокими, то низкими, однако, поверхность страны не имѣетъ въ общемъ обрывистаго характера и крутыхъ уклоновъ⁴. Въ отношеніи водныхъ теченій разсматриваемая провинція почти цѣликомъ образуетъ бассейнъ одной рѣки Кымганъ, которая, помимо выгодъ, представляемыхъ ею для транспорта, обладаетъ многими природными красотами⁵.

По исключенію, при образованіи изъ одной прежней провинціи Чхюньчхёндо въ 1896 г. двухъ самостоятельныхъ въ административномъ отношеніи частей—провинцій Сѣверная и Южная Чхюньхёндо, это дѣленіе было произведено не по широтѣ, а по меридіану, при чемъ восточная (внутренняя)

¹) Канкоку-синцири, 279, говоритъ въ данномъ случаѣ о королевствѣ Силла, по это, конечно, ошибочно.

²) Канкоку-цири, 163.

³) Канкоку-синцири, 279.

⁴) Наибольшія возвышенности, притомъ болѣе сплошнаго характера, имѣются на сѣверѣ провинціи. тогда какъ ближе къ южной границѣ (съ провинціей Чёлладо) мѣстность болѣе ровная и крутыхъ мѣстъ немного. Канкоку-сѣран, 55.

⁵) Канкоку-сѣран, 54.

половина получила наименованіе Сѣверной, а западная (приморская)—наименованіе Южной Чхюньчхёндо, по аналогіи съ таковыми же подраздѣленіями другихъ корейскихъ провинцій, но вопреки дѣйствительному положенію вновь образованныхъ провинцій Чхюньчхёндо одной по отношенію къ другой.

Въ провинціи Сѣверной Чхюньчхёндо до 1908 г. главнымъ городомъ являлся Чхюньчжю (яп. Цюсю) 忠州, въ 28 ри отъ Сеула на юго-востокъ и въ 15 ри на сѣверо-востокъ отъ Чхёнчжю, куда была перенесена резиденція губернатора въ 1908 г. Въ одномъ ри разстоянія къ югу отъ города находится рѣчная его пристань Пукчханъ (яп. Хокусю) 北倉, черезъ которую ввозятся товары изъ Сеула; для этихъ товаровъ Чхюньчжю является распредѣлительнымъ центромъ, почему имѣетъ весьма значительные торговые обороты¹.

Чхёнчжю (яп. Сейсю) 淸州, пишется также 靑州, нынѣшній главный городъ Сѣверной Чхюньчхёндо, является наибольшимъ торговымъ центромъ въ этой провинціи, отстоя отъ столицы на юго-востокъ въ 30 японскихъ ри. На сѣверъ отъ города проходитъ рѣка Чякчхён 鵲川, вѣтвь р. Кымганъ, отъ которой начинается въ юго-восточномъ направленіи весьма плодородная и густо населенная равнина (т. н. равнина Чхёнчжю), простирающаяся на 4 ри, подверженная, однако, неизбѣжно благодаря ея низменному положенію и высокому уровню рѣки, время отъ времени опустошеніямъ отъ наводненій. Вслѣдствіе того, что городъ находится на западной большой дорогѣ, соединяющей Фузанъ съ Сеуломъ (выйдя изъ города Чхёнчжю и пройдя г. Чинчхён 鎭川, эта дорога достигаетъ провинціи Кёнъгыдо у города Чюксан 竹山), съ весьма оживленнымъ движеніемъ, онъ ведетъ значительную торговлю. Численность населенія его считаютъ, однако, лишь въ 700 дворовъ. Съ давняго времени два раза въ годъ, во 2 и 10 мѣсяцахъ по старому календарю, въ городѣ устраивается, какъ и въ Тагу (въ провинціи Сѣверной Кёнъсяндо) и въ Кончжю 公州 (въ Южной Чхюньчхёндо), большая ярмарка; въ этотъ

¹) Канкоку-синцири, 284.

день въ городъ собирается отовсюду великое множество торговаго люда¹.

Въ 2 ри съ чѣмъ-то къ сѣверу отъ города Чхюньчжю находится на берегу южной вѣтви р. Ханганъ значительная рѣчная пристань на этой рѣкѣ—Кахынъ 可興 (см. выше стр. 304), куда раньше свозилось для правительства податное зерно съ ближайшихъ частей провинціи Кёнъсяньдо и Чхюньчхёндо, будучи отсюда доставляемо въ столицу по рѣкѣ. Это послужило къ немалому обогащенію мѣстныхъ купцовъ. Товары, которые везутся изъ Кёнъсяньдо, на сѣверъ отъ г. Хамчханъ, въ Кёнъгыдо, направляются черезъ переваль Орёнъ 烏嶺 къ этой пристани, откуда пользуются воднымъ путемъ. Въ силу своего выгоднаго положенія Кахынъ игралъ немаловажную роль для японцевъ въ эпоху ихъ военныхъ операцій на полуостровѣ въ концѣ XVI стол. въ качествѣ продовольственной базы, связанной удобнымъ сообщеніемъ съ почтовой станціей Нактон въ Кёнъсяньдо, а во время японо-китайской войны—въ качествѣ главнаго управленія военнаго телеграфа; отсюда же отправляли на корейскихъ судахъ по рѣкѣ въ Сеуль войска изъ отряда, дѣйствовавшаго со стороны Кёнъсяньдо.

Таджён (яп. Тайден) 大田, станція Сеуло-Фузанской ж. д. въ 169 миляхъ отъ Фузана и въ 104 миляхъ отъ Сеула, на границѣ Сѣверной и Южной Чхюньчхёндо, является главнымъ переселенческимъ пунктомъ японцевъ, такъ какъ отсюда прибывающіе изъ Японіи переселенцы расходятся по всей Корее, кто на югъ, кто на сѣверъ и т. д. Таджён, это пустынное прежде мѣстечко, превратилось теперь въ пышно процвѣтающій японскій городокъ, гдѣ лихорадочно кишитъ торговля и промышленная жизнь². Въ серединѣ 1911 г. здѣсь насчитывалось уже 2405 японцевъ³.

Въ ближайшемъ будущемъ роль Таджёнъ еще болѣе возрастетъ благодаря тому, что онъ является начальнымъ пунктомъ строящейся Хонамской ж. д. (черезъ Ёнсан и Нонсан 論山 въ Кёнъгёнъпхо и далѣе въ Кунсан и Мокпхо).

1) Канкоку-синцири, 284.

2) Кимъ Манъ-гемъ, Письма изъ Кореи. IV. «Далекая Окраина», № 1317, 19, Окт. 1911, 3.

3) Seoul Press, 11 June 1911.

Въ провинці Южной Чхюньчхёндо главный городъ Конъчжю (яп. Кōсю) 公州 отстоитъ отъ Сеула къ югу въ 30 ри, отъ Кунсан водою въ 10 ри, отъ г. Канъгёнъпхо — въ 8 ри; городъ лежитъ на берегу р. Кымганъ, на югъ отъ горной группы Чхярёнъ 車嶺, въ 6 ри отъ станціи Сеуло-Фузанской ж. д. Пуганъ (яп. Фүкō) 芙江. Населеніе города достигаетъ 1500 дворовъ. Благодаря удобному сообщенію по рѣкѣ Кымганъ городъ служитъ центромъ весьма крупной торговли и имѣетъ многочисленныя торговыя заведенія съ массою товаровъ¹. Дважды въ годъ, весною и осенью, здѣсь происходила по распоряженію правительства большая лекарственная ярмарка, на которой, кромѣ лекарствъ, продавались и всевозможныя другіе товары; ярмарка продолжалась 40 дней и на нее съѣзжались со всей страны купцы; ея процвѣтаніе и оживленіе были прямо поразительны. Однако, послѣ того, какъ въ самомъ концѣ 90 г.г. правительство открыло также большія ярмарки въ городахъ Чхюньчжю (въ Сѣверной Чхюньчхёндо) и Чинчжю (въ Южной Кёнъсяньдо), ярмарка въ Конъчжю стала падать, а въ 1904 г. она вовсе не состоялась и съ того времени какъ-бы сама собою упразднилась. Нѣкоторые крупные купцы въ Конъчжю, говорятъ, имѣютъ оборотный капиталъ въ 10,000 японскихъ енъ и болѣе. Въ 1904 г. въ городѣ проживало японцевъ 14 человекъ (въ серединѣ 1911 г. уже 1,128 человекъ²), а китайцевъ 18 человекъ³.

Торговый районъ Конъчжю очень обширенъ, охватывая 10 уѣздовъ и простираясь на западъ отъ долины Кымганъ до моря. Этотъ районъ, извѣстный подъ именемъ «внутренняго моря» Нахă 內海, является прославленной въ Корей земледѣльческой страной. Однако, торговое положеніе города, пожалуй, немногимъ уступаетъ таковому же города Чёнчжю въ Сѣверной Чёлладо⁴.

1) Окрестная страна вокругъ Конъчжю производитъ въ широкихъ размѣрахъ хлопокъ, въ какомъ отношеніи этотъ районъ является первымъ въ Корей. Канкоку-сбран, 55.

2) Про этихъ китайцевъ Канкоку-синцири, 281, рассказываетъ, что все это были при первоначальномъ приѣздѣ сюда самые бѣдные торговцы, а теперь они уже владѣютъ капиталомъ свыше 10,000 енъ каждый.

3) Seoul Press, 11 June 1911.

4) Канкоку-синцири, 280-1.

Въ той же провинціи Южной Чхюньчхёндо, ближе къ морскому побережью на сѣверо-западъ отъ Конъчжю, лежитъ значительный городъ Хонъчжю (яп. Кōсјо) 洪州, въ 27 ри разстоянія отъ столицы. Окружающая его обширная равнина, будучи весьма пригодной для земледѣлія, производитъ очень большія количества риса и бобовъ. Населеніе города исчисляется въ 700 дворовъ и 3500 душъ слишкомъ. Въ городѣ много лавокъ, такъ какъ онъ является складочнымъ мѣстомъ товаровъ для селеній всего окрестного района и потому ведетъ весьма цвѣтущую торговлю. При отправкѣ отсюда товаровъ въ столицу и Чѣмульхо ихъ везутъ на сѣверо-востокъ въ Ёсан (яп. Рейдзан) 禮山 или Синчхянъ (яп. Синсіо) 新昌, откуда въ столицу и названный портовый городъ ведетъ весьма короткій путь водою на судахъ.

Оба указанныхъ города—Ёсан и Синчхянъ, лежатъ (второй дальше отъ ея берега) на рѣкѣ¹, впадающей съ юга въ заливъ Асан, лежащей на границѣ провинцій Кёнъгыдо и Южной Чхюньчхёндо и выдѣляющей два водныхъ рукава—болѣе сѣверный Коонпхо 古温浦 и болѣе южный (вѣрнѣе восточный) бухту Конъсѣхо 貢稅湖 съ рѣкою Сосаха 素沙河, идущей отъ города Пхёнътхакъ, яп. Хейтаку 平澤. Рѣка, идущая съ юга въ заливъ Асан, однако, мелководна и доступна для судоходства только во время прилива; на сѣверъ отъ Ёсан и на востокъ отъ Каясан 伽耶山 ею много пользуются для перевозки товаровъ.

Въ долинѣ р. Сосаха лежитъ, выше города Пхёнътхакъ, Сёнъхоан (яп. Сейкан) 成歡, станція на Сеуло-Фузанской ж. д. Здѣсь въ японо-китайскую войну 1894-5 г.г. японскія войска открыли первыя военныя дѣйствія. Близъ Сёнъхоан, на юго-востокъ отсюда, находятся извѣстные Чиксанскіе золотые прииски (稷山), разрабатываемые гг. Асано и Сибусава².

На берегу бухты Конъсѣхо лежитъ уѣздный городъ Асан 牙山, съ довольно зажиточнымъ населеніемъ слишкомъ въ 300 семей. Въ старину сюда свозился податной рисъ про-

¹) На картѣ провинція Чхюньчхёндо, помѣщенной въ атласѣ Тяхан-тѣгук-тчидо, Синчхянъ показанъ на берегу болѣе западной рѣки, чѣмъ рѣка, на которой стоитъ городъ Ёсан.

²) Канкоку-цири, 164.

винціи Чхюньчхёндо для отправки въ столицу. Во время японо-китайской войны городъ находился сперва въ рукахъ китайскихъ войскъ, но затѣмъ имъ овладѣла послѣ боя японская армія.

Въ 10 слишкомъ ри къ западу отъ сосѣдней бухты Коонихо находится островъ Пхундо (яп. Хōтō) 豊島, извѣстный, какъ мѣсто, гдѣ начались въ 1894 г. военныя дѣйствія между Японіей и Китаемъ на морѣ¹.

Въ области р. Кымганъ важнымъ судоходнымъ центромъ является Кангёнпхо (яп. Кōкейхо) 江景浦 въ уѣздѣ Ынчжин (яп. Онсин) 恩津, въ разстояніи 37 ри отъ Сеула и въ 3 ри на западъ отъ названнаго уѣзднаго города. Помимо того, что Кангёнпхо является весьма хорошею гаванью на р. Кымганъ, онъ лежитъ въ узловомъ пунктѣ на большой Сеульской дорогѣ, такъ что съ одной стороны по рѣкѣ идетъ въ этомъ мѣстѣ непрерывное движеніе судовъ, а съ другой по дорогѣ проходитъ столь же непрерывный потокъ людей и животныхъ. По правдѣ Кангёнпхо является центромъ всей окружающей равнины этого имени, имѣя населеніе до 1000 дворовъ. Хотя улицы узки, но полны лавокъ, и торговля процвѣтаетъ; за послѣдніе годы (говорится въ 1905 г.) одна внѣшняя торговля города достигала цѣнности въ 1 миллионъ енъ. Въ этой торговлѣ, какъ говорятъ, $\frac{3}{10}$ могутъ быть отнесены на долю японской предприимчивости и $\frac{1}{10}$ китайской, остальные $\frac{6}{10}$ приходится на долю самихъ корейскихъ купцовъ. Въ 1904 г. японцевъ проживало въ этомъ мѣстѣ 77 семей и 233 души (въ серединѣ 1911 г. уже 913 человекъ)². Кромѣ того, въ этомъ районѣ, японцами было уже скуплено, въ цѣляхъ сельскохозяиственной эксплоатаціи, въ концѣ 1904 г. земель на нѣсколько десятковъ тысячъ енъ въ уѣздахъ Южной Чхюньчхёндо: Пуе (яп. Фуію) 扶餘, Сексёнъ (яп. Секидзіō) 石城, Ынчжин (яп. Онсин) 恩津, Имчхён (яп. Ринсен) 林川, Ёнсан (яп. Рендзан) 連山 и въ уѣздахъ Сѣверной Чёлладо: Чёнчжю, Имхи (яп. Римпа) 臨坡, Ёсан (яп. Рейсан) 礪山, Ёнгам (яп. Рюан) 龍安³.

1) Канкоку-синцири, 286—7.

2) Seoul Press, 11 June 1911.

3) Канкоку-синцири, 282.

Каньгёнъпхо является конечнымъ пунктомъ судоходства по р. Кымганъ, поэтому купцы обѣихъ провинцій Чёлладо и Чюньчхёнъдо избрали это мѣсто въ качествѣ главнаго средоточія своихъ операций. Безъ этого опорнаго пункта не могутъ обойтись и тѣ изъ японскихъ и китайскіе купцы, которые занимаются торговлею внутри страны. Въ будущемъ, вмѣстѣ съ ростомъ порта Кунсан, Каньгёнъпхо долженъ занять еще болѣе важное мѣсто въ качествѣ торговаго центра. Недостатокъ данной мѣстности заключается въ томъ, что благодаря низменному положенію она не можетъ избѣжать періодическихъ наводненій¹.

Въ нѣсколькихъ ри отъ Каньгёнъпхо внизъ по теченію р. Кымганъ находится оживленная рѣчная пристань уѣзнаго города Хансан (яп. Кандзан) 韓山, напротивъ Чёлладоскаго Сѣпхо 西浦, на противоположномъ берегу рѣки. Окрестная страна плодородна и изобилуетъ всѣми земледѣльческими продуктами. Находясь по близости отъ порта Кунсан, разсматриваемая пристань обладаетъ большими преимуществами въ отношеніи воднаго транспорта и здѣсь постоянно можно видѣть стоящія суда. Однако, въ этомъ мѣстѣ большія суда не имѣютъ удобной якорной стоянки, благодаря большой разницѣ уровней прилива и отлива, при чемъ во время прилива воды разливаются широко, какъ море, а во время отлива мѣстами показывается песчаное дно.

Хансан пользуется большою репутаціей, какъ мѣсто производства конопли².

Провинція Кёнъгъйдо, что значить: «столичная область», расположенная по срединѣ корейскаго полуострова, примыкаетъ на востокъ къ Канъуёндо, на югъ—къ Чхюньчхёнъдо, на сѣверъ—къ Хоанъхадю, на западѣ же обращена къ морю (Желтому морю). Хотя провинція не богата рисовыми и прочими полями³ и не изобилуетъ естественными произведеніями, но, служа мѣстопробываніемъ столичнаго города, являлась въ эпоху существованія независимой Кореи политическимъ фо-

¹) Канкоку-синцири, 283. Ср. выше стр. 151—2.

²) Канкоку-синцири, 281—2.

³) Канкоку-сѣран, 46. прямо называетъ почву въ этой провинціи «въ высшей степени безплодной».

кусомъ страны, центромъ просвѣщенія и источникомъ власти на всемъ полуостровѣ; нынѣ здѣсь же сосредоточены центральные органы управленія новаго японскаго генераль-губернаторства Ціосен. Въ силу этого обстоятельства произведенія всѣхъ другихъ частей страны во множествѣ стекаютъ сюда и отсюда снова расходятся во всѣ стороны. Не говоря уже о рѣкахъ Ханганъ и Имчжинганъ, пересѣкающихъ важнѣйшія части провинціи и представляющихъ большія преимущества для воднаго транспорта, особенно послѣдняя рѣка¹, сюда же сходятся ж. д. линіи: Сеуль—Фузанъ, Сеуль—Чѣмульпхо и Сеуль—Ыйчжю (въ недалекомъ будущемъ къ нимъ присоединится еще ж. д. линія въ Гензанъ), такъ что и въ отношеніи удобствъ сообщеній провинція превосходитъ всѣ прочія области страны.

Длина береговой линіи столичной провинціи приблизительно равна длинѣ береговой линіи провинціи Чхюньчхёнъдо и также богата извилинами и островами (наиболѣе важными изъ нихъ являются острова Канъхоадо и Кіодонъдо, кромѣ меньшаго Уольмидо); съ другой стороны, хотя очень удобные гавани и заливы и имѣются на этомъ берегу, но по сосѣдству съ ними въ морѣ много отмелей и приливныя теченія быстры².

Будучи понынѣ столичной провинціей, какъ средоточіе управленія новаго японскаго генераль-губернаторства, Кёнъгыйдо, естественно, привлекаетъ къ себѣ, въ частности и въ городъ Сеуль, наибольшее число иностранцевъ, какъ и японцевъ, причемъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ провинціального управленія Кёнъгыйдо, въ этой провинціи проживаетъ, помимо 1,411,356 корейцевъ, всего 58,331 японцевъ и 5,195 иностранцевъ³.

Столица прежняго корейскаго королевства, затѣмъ имперіи, нынѣ мѣстопробываніе японскаго генераль-губернатора Ціосен — Сеуль, подъ каковымъ именемъ городъ исключительно извѣстенъ иностранцамъ (это названіе значитъ по корейски просто «столица», 서울, пишется по китайски 京 кёнъ), иначе называе-

¹) Вдоль ея береговъ имѣется не мало ровной земли, что, въ соединеніи съ судоходностью самой рѣки, дѣлаетъ ея долину особенно пригодной для заселенія. Канкоку-сѳран, 46.

²) Канкоку-синцири, 287.

³) Seoul Press, 28 Nov. 1911, 3; ср. выше стр. 238.

мый еще Хансёнъ (яп. Кандзиō) 漢城 или Хан'янъ 漢陽 (яп. Канъиō), отъ имени рѣки Ханганъ (яп. Канкō) 漢江, на которой онъ стоитъ, приблизительно въ 35 английскихъ миляхъ отъ устья и въ 3 миляхъ отъ берега самой рѣки; въ современной японской официальной терминологии городъ называется Кейдзиō (кор. Кёнъсёнъ) столичный городъ 京城.

Сеуль лежитъ почти въ центрѣ полуострова подь 37°30' с. ш. и 127°4' в. д. Городъ являлся столицею и мѣстопробываніемъ главы корейскаго государства и всего центрального правительства со временъ воцаренія династии И 李, тогда какъ при предшествующей корейской династии столица находилась въ Сонъдо, нынѣшнемъ городѣ Касёнъ; впрочемъ, династия И не первой учреждала въ этомъ мѣстѣ столицу государства, такъ какъ уже въ 1096 г.¹, въ первый годъ правленія корейскаго Сюкчонъ 肅宗², на мѣстѣ Сеула была учреждена вторая столица государства подь именемъ Южной или Намгёнъ 南京³; съ другой стороны самъ Тхячжо Канъхён 太祖康獻, основатель династии И, по сверженіи корейской династии и вступленіи на королевскій престолъ, сперва намѣревался учредить столицу въ Кѣрионъсан 鷄龍山 въ Чхюньчхёнъдо, но, подь

¹) Съ 371 г. по Р. Х. въ теченіе 105 лѣтъ Хансёнъ служилъ столицею королевства Пакчѣ (крѣпость на горѣ Пукхансан, на сѣверѣ отъ нын. Сеула, была построена уже въ 4 г. до Р. Х.), пока въ 475 г. столица не была перенесена въ Конъчжю, послѣ разоренія Хансёнъ арміею Когурѣ; въ 603 г. по Р. Х. городъ обороняется отъ Когурѣ уже королевствомъ Силла, затѣмъ съ паденіемъ Когурѣ и Пакчѣ переходитъ въ руки Силла и, будучи очень удаленъ отъ столицы этого королевства въ Кёнъчжю, почти не упоминается въ исторіи. Gale, Han-yang, стр. 2 (объ этой статьѣ см. ниже).

²) Tch'ang, M. Synchronismes chinois и Bramsen, Japanese chronology. Канкоку-синцири, 288, ошибочно указываетъ 1099 г., тогда какъ по таблицѣ корейскихъ королей въ «Описаніи Кореи», часть III, стр. 8, это будетъ 1095 г.

³) Gale, Rev. J. C. Han-yang (Seoul): Transactions of Korea Branch of R. Asiatic Soc., II, часть 2, стр. 5—6, указываетъ, что мысль объ учрежденіи на мѣстѣ нынѣшняго Сеула южной столицы была подана королю дин. Корѣ въ 1096 г. въ докладной запискѣ нѣкоего Кым Уйджѣ 金謂碑; въ 1101 г. были посланы три чиновника для осмотра пригодности мѣста въ качествѣ столицы, а въ 1104 г. король посѣтилъ новую южную столицу, гдѣ уже строился для него дворецъ.— Въ 1388 г. городъ получилъ названіе Хан'янъ взаменъ прежняго имени Намгёнъ, а въ 1394 г. она становится столицею всей Кореи при новой династии И; см. Gale, цит. статья, стр. 8—9. Въ дальнѣйшемъ эта статья излагаетъ исторію сооруженія стѣнъ, храмовъ, дворцовъ и прочихъ памятниковъ Сеула при новой династии, вмѣстѣ съ подробнымъ перечнемъ ея достопримѣчательностей съ поясненіями; въ частности приводится китайское описаніе столицы 1487 г. (стр. 35—43).

вліяніемъ видѣннаго сна¹, внялъ совѣту чхамнѣль Югоан 參列柳觀 и перенесъ столицу изъ Сонъдо именно въ нынѣшній Сеуль, гдѣ она и оставалась до конца этой династіи².

На сѣверъ отъ Сеула возвышаются горы Пукхансан (яп. Хоккандзан) 北漢山; другія имена этихъ горъ, или ихъ вершинъ суть Хансан 漢山, Пук'ак 北岳 (1300 ф.), Самгаксан 三角山 «трехъ-главая» (2677 ф.; объ этой горѣ упоминается уже въ 18 г. до Р. Х.³); на югъ—гора Мокмѣксан (произн. Моньмѣксан) 木覓山, обычно называемая Намсан (яп. Нандзан) 南山⁴, 1000 ф.; вмѣстѣ съ отрогами указанныхъ горъ—на востокъ отъ столицы вершины Рактхасан 駱駝山 и Тчхѣнчханъсан 天藏山, на западъ отъ нея Ин'оанъсан 仁王山, Пѣннѣнсан 白蓮山 и Ёнхоасан 蓮華山, образуется природная крѣпостная ограда, окружающая городъ со всѣхъ сторонъ (только на юго-западѣ въ этомъ горномъ кольцѣ имѣется брешь, черезъ которую открывается выходъ изъ него къ Желтому морю, лежащему въ нѣкоторомъ отдаленіи отсюда). Съ другой стороны, протекающая на югъ въ разстояніи 5 верстъ рѣка Ханганъ доставляетъ столицѣ всѣ удобства сообщеній, такъ что въ отношеніи расположенія горъ и водъ мѣсто, занимаемое городомъ, само собою представляетъ центральный пунктъ всего корейскаго полуострова⁵, а самый городъ совершенно похо-

1) Korea Review, III, 1903, 10.

2) Канкоку-синцири, 288.

3) Gale, Han-yang, стр. 1—2.

4) Намсан, примыкающая къ японскому кварталу въ Сеулѣ, Чинкогѣ, обращена теперь японцами въ общественный паркъ, съ аллеями, проложенными черезъ сосновый лѣсъ, и съ многочисленными павильонами.

Раньше гора Намсан служила начальнымъ звеномъ въ организованной при основателѣ династіи И цѣпи огненныхъ сигналовъ, разсылавшихся отсюда по пяти различнымъ направленіямъ при посредствѣ близъ стоящихъ вершинъ во всѣ корейскія провинціи. См. Gale, Han-yang, 19. Забѣтку относительно организаціи корейской системы огненныхъ сигналовъ см. Канкоку-сѣран, 247-8, гдѣ указывается и общее число такихъ сигнальныхъ пунктовъ (маяковъ), существовавшихъ въ Корей—365, равно какъ указываются и пять направленій, по которымъ посылались означенные сигналы. Ср. «Описаніе Кореи», II, 41-5 (въ частности здѣсь разбирается условный языкъ этой сигнализациі—отъ одного до пяти огней, что повторяется въ тѣхъ же выраженіяхъ и въ Канкоку-сѣран, 248).

5) Канкоку-синцири, 228. Счастливое положеніе всякаго города съ точки зрѣнія корейскихъ геомантовъ обуславливается тѣмъ, что онъ долженъ лежать на днѣ долины, сквозь которую проходитъ рѣка, предпочтительно текущая въ восточномъ направленіи; надъ долиною должны господствовать одна гора на сѣверѣ, другая—на югѣ и холмы на востокѣ и западѣ. Сеуль соединяетъ всѣ эти условія, обезпечивающія счастье городу. Bourdaret, En Corée, 1904, 36.

доть на крѣпость феодальной эпохи въ Восточной Азіи¹.

Окружность города², имѣющаго форму неправильнаго прямоугольника, расположеннаго вдоль долины съ СВ на ЮЗ, достигаетъ около 5 японскихъ ри (протяженіе стѣнъ города исчисляется Канкоку-сѳран³ въ 4 ри 15 ціѳ); протяженіе его съ сѣвера на югъ измѣряется въ 20 ціѳ, съ запада на востокъ 30 ціѳ; словомъ, онъ занимаетъ пространство почти, какъ японскій городъ Нагоя. Со всѣхъ сторонъ городъ окруженъ крѣпкой зубчатой стѣною⁴, переходящей черезъ водные пути посредствомъ арочныхъ каменныхъ мостовъ. Съ двухъ сторонъ, на востокъ и западѣ, городская стѣна преграждаетъ долину, въ которой лежитъ Сеуль, а на сѣверѣ и югѣ поднимается почти до гребня окружающихъ горъ. Вышина стѣнъ въ среднемъ 20 футовъ⁵, причемъ въ нихъ устроено 8 воротъ: южныя—

¹) Канкоку-сѳран, 47.

²) Изъ существующихъ многочисленныхъ японскихъ плановъ Сеула при составленіи настоящаго «Очерка» служили только три слѣдующихъ: 1) Планъ Сеула въ небольшомъ масштабѣ на картѣ Кореи, изданной редакціей газеты «Майници Симбунъ»; 2) Планъ Сеула, составленный г. Морияма и изданный въ 1907 г. подъ заглавіемъ Сайсин-Кейдзіѳ-дзендзу 最新京城全圖 и 3) Большой планъ Сеула въ краскахъ, озаглавленный Кейдзіѳ-сигаи-мейсай-цидзу 京城市街明細地圖, съ англійскимъ подзаголовкомъ: Map of the town of Seoul, Corea, составленный г. Хирата и изданный въ 1906 г. въ качествѣ коммерческаго путевода (商業案内) съ изображеніями нѣкоторыхъ правительственныхъ и торговыхъ учреждений въ Сеулѣ вокругъ плана и съ объявленіями на всей оборотной сторонѣ его отъ различныхъ Сеульскихъ и Осацкихъ фирмъ; на самомъ планѣ, помимо іероглифическихъ названій, имѣется нѣкоторое число англійскихъ названій для обозначенія положенія на планѣ города иностранныхъ посольствъ и нѣкоторыхъ японскихъ присутственныхъ учреждений, представляющихъ интересъ для иностранцевъ и т. д.

³) Стр. 47.

⁴) Первоначально стѣны Сеула были построены въ 1396 г. въ теченіе 8 мѣсяцевъ длиною въ 9.975 шаговъ при вышинѣ въ 42 фута 2 дюйма, при чемъ надъ ними работало сперва 119,000 рабочихъ, потомъ было прибавлено еще 79,000 человекъ. Въ 1421 г. стѣны были исправлены; въ дальнѣйшемъ требовался лишь періодическій ремонтъ отъ разрушенія временемъ, такъ какъ стѣны города ни разу не служили сценою ожесточеннаго боя и никакихъ измѣненій въ ихъ устройствѣ не дѣлалось; въ началѣ царствованія предпоследняго корейскаго короля регентъ Тауѳвгунъ велѣлъ облицовать квадратными плитами многія обвалившіяся части стѣнъ (Gale, Nan-yang, 12), въ частности при этомъ случаѣ было прибавлено нѣсколько великолѣпныхъ гранитныхъ глыбъ, которыя можно видѣть нынѣ въ стѣнахъ городскихъ воротъ. Bourdaret, En Corée, 1904, 36. Въ послѣдніе годы японцы также занялись исправленіемъ стѣнъ и воротъ Сеула; такъ, ими были заново отремонтированы Большія Южныя ворота (см. Second annual report on reforms and progress in Korea, фотографическій снимокъ къ стр. 112).

⁵) Канкоку-сѳран, 47, указываетъ 10—20 футовъ, напротивъ Bourdaret, En Corée, 1904, 37, 7—8 метровъ. По верху стѣнъ идетъ круговая площадка и

Сюнънъмун 崇禮門 (или Большая Южная ворота Намдэмон 南大門), юго-западные — Сіюймун 昭義門 (или Малые Западные ворота Сёсіомун 西小門), западные Тонъймун 敦義門 (или Большая Западные ворота Сёдамун 大西門¹), сѣверо-западные — Чхянъймун 彰義門 (или Сѣверные ворота — Пукмун 北門), сѣверные — Сюкчёнъмун 肅靖門 (эти ворота находятся почти на половинѣ ската горы Пак'ак 白岳, иначе называемой Пук'ак 北岳, см. выше стр. 329, и обычно оставались запертыми), сѣверо-восточные — Хъхоамун 惠化門 (или Малые Восточные ворота — Тонъсіомун 東小門), восточные Хынъинмун 興仁門 или Тонъдэмон Большая Восточные ворота, и, наконецъ, юго-восточные ворота Коанъхыймун 光熙門 (или Водяные ворота Сюгумун 水口門). Ворота выстроены цѣликомъ изъ тесаного камня и имѣютъ вышину отъ 20 до 50 футовъ и толщину около 20 футовъ². Особенно внушительными и массивными являются Намдэмон и Тонъдэмон, будучи построены одинаково изъ каменныхъ стѣнъ вышиною въ 30 футовъ и толщиной въ 20 футовъ и увѣнчаны сверху двухъэтажными башнями, такъ что представляютъ снаружи въ высшей степени красивое зрѣлище³.

Наиболѣе примѣчательную черту Сеула составляютъ его дворцы; ихъ нѣсколько и они занимаютъ весьма значительную часть всей городской площади внутри стѣнъ, группируясь все вмѣстѣ въ особой половинѣ города и составляя

хорошій ходокъ можетъ въ одинъ день обойти по ней кругомъ города (18—20 километровъ). Тамъ же.

¹) Недалеко отсюда находятся «ворота независимости» въ память уничтоженія вассальной зависимости Кореи отъ Китая — Токнишмун (произносится: Тонъниммун) 獨立門, по большой дорогѣ въ Пхёнъянь: они были начаты постройкою 21 ноября 1896 г., когда былъ положенъ первый камень ихъ членами «клуба независимости». Позади ихъ еще сохранились два столба воротъ, символизировавшихъ вассальную зависимость Кореи отъ Китая и разрушенныхъ въ 1896 г. Эти ворота были менѣе внушительны, чѣмъ новыя, но болѣе изящны. На нихъ была сдѣлана надпись Ёнъинман 迎恩門, т. е. ворота для встрѣчи милости (китайскаго сюзерена), такъ какъ въ эпоху существованія означенной вассальной зависимости у этихъ воротъ, построенныхъ въ 1429 г., корейскій король лично встрѣчалъ китайское посольство, когда оно прибывало въ корейскую столицу и у этихъ воротъ дождалось появленія короля. Рисунокъ старыхъ воротъ см. Канкоку-цири, 156; снимокъ новыхъ воротъ даетъ Канкоку-сѣран, стр. 9 (впередѣ текста).

²) Канкоку-сѣран, 47.

³) Канкоку-синцири, 288-9, и Канкоку-сѣран, 48. Хотя ворота въ Сеулѣ существуютъ до настоящаго момента, но они теперь остаются открытыми день и ночь; черезъ трое изъ нихъ проходятъ уже линіи трамвая.

сами по себѣ какъ-бы отдѣльный городъ.

Въ сѣверозападной части города, подъ горою Пукхансан, находится дворецъ Кёнъбоккунъ (яп. Кейфукугу) 景福宮, служившій до 1896 г. мѣстопробываніемъ предпоследняго корейскаго короля, затѣмъ императора, правившаго подъ именемъ годовъ правленія Коанъму; это т. н. «Лѣтній дворецъ» иностранцевъ, гдѣ въ 1895 г. была убита корейская королева¹. Онъ былъ построенъ раньше всѣхъ другихъ столичныхъ дворцовъ при династїи И. Дворецъ окруженъ 30-футовой каменной стѣною (длиною въ 4 слишкомъ километра), съ 4 воротами; вокругъ этой стѣны проведенъ водяной ровъ шириною въ 4 метра². Къ главнымъ (южнымъ) воротамъ дворца, называемымъ Коанъхоамун 光化門, выходитъ большая улица, по обѣ стороны которой раньше располагались подрядъ сплошной линїей корейскія министерства и прочія присутственныя мѣста, храмы, въ частности храмъ предковъ царствующей династїи, жилища высшей знати, все большія зданія.

Въ нѣкоторомъ разстояніи къ югу отъ дворца Кёнъбоккунъ и названной «министерской» улицы, по другую сторону большой центральной улицы, соединяющей черезъ весь городъ Большія Западныя и Восточныя ворота, въ кварталѣ Чёнъдонъ 貞洞 или т. н. посольскомъ городѣ, былъ заново построенъ въ 1897 г., передъ возвращеніемъ предпоследняго корейскаго императора изъ русскаго посольства³, дворецъ Кёнъунгунъ 慶運宮, т. н. Новый дворецъ иностранцевъ, въ которомъ императоръ и поселился. Въ 1904 г. онъ былъ наполовину уничтоженъ пожаромъ и затѣмъ снова былъ перестроенъ и послѣ отреченія императора отъ престола въ пользу

1) По восточному обычаю, дворецъ Кёнъбоккунъ состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльных строеній (тронныхъ залъ и прочихъ большихъ и малыхъ зданій различнаго назначенія—вродѣ Кёнъхору—павильона отдыха и веселья, красиваго двухъэтажнаго зданія, окруженнаго съ трехъ сторонъ большимъ прудомъ), разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ среди вѣковыхъ сосенъ и фруктовыхъ деревьевъ. Въ этомъ дворцовомъ саду редакция японской газеты «Кейдзїо-нинпō» устроила въ ноябрѣ 1911 г. грандіозный банкетъ по случаю своего юбилея (см. Далекая Окраина, № 1348, 19 ноября 1911, корреспонденція Кимъ-Манъ-гема).

2) Канкоку-сбран, 48.

3) Императоръ не пожелалъ вернуться обратно во дворецъ Кёнъбоккунъ, гдѣ онъ жилъ передъ бѣгствомъ въ русское посольство, такъ какъ съ этимъ дворцомъ связывались слишкомъ тяжелыя для него воспоминанія, вродѣ убійства его супруги—королевы Мии.

сына въ 1907 г. продолжалъ служить въ качествѣ его мѣсто-
пребыванія.

На востокъ отъ дворца Кёнъбоккунъ въ сѣверо-восточной
части города находятся дворцы Чхяньдѳккунъ 昌德宮, или
Тагуоль 大闕 и Чхяньгёнъгунъ 昌慶宮, или Тонъгуоль 東闕,
составляющихъ въ общей сложности т. н. Восточный или
Старый дворець¹, служившій мѣстопробываніемъ послѣдняго
корейскаго императора (1907—1910 г.г.). Какъ сказано,
этотъ дворець состоитъ изъ двухъ частей, первоначально
являвшихся отдѣльными дворцами, построенными въ разное
время—изъ дворца Чхяньдѳккунъ, построеннаго при королѣ
Тчёнъчжонъ 定宗, 1398—1400 по Р. Х., сынѣ и преемникѣ
основателя династіи II², и дворца Чхяньгёнъгунъ, на востокъ отъ
перваго, построеннаго въ 1484 г. при королѣ Сёнъчжонъ 成宗,
1462—1493, 9-омъ королѣ той же династіи, и соединен-
ныхъ въ одно цѣлое при королѣ Сюкчонъ 肅宗 (1673—1718).
При предпослѣднемъ королѣ, затѣмъ императорѣ, отцѣ по-
слѣдняго императора, отрекшемся отъ престола въ 1907 г.
и правившемъ съ 1897 г. подъ именемъ годовъ правленія
Коанъму 光武, «Старый дворець» былъ заброшенъ въ пользу
новаго и сталъ разрушаться, но былъ возстановленъ и отдѣ-
ланъ заново съ затратою свыше 900,000 енъ³ по распоря-
женію японскихъ властей для помѣщенія въ немъ новаго
императора послѣ отреченія отъ престола стараго въ 1907 г.⁴

1) Описаніе Кореи, I, стр. 225—226. Въ 1884 г. (Канкоку-синцири, 289,
указываетъ ошибочно дату 1887 г.) въ этомъ дворцѣ японскій охранный отрядъ
подвергся соединенному нападенію китайскихъ и корейскихъ войскъ.

2) Gale. Han-yang, 14, отмѣчаетъ, что этотъ дворець былъ построенъ еще при
жизни основателя династіи.

3) См. Second annual report on reforms and progress on Korea, 24—25.

4) Описаніе стараго дворца въ его современномъ видѣ, послѣ переустройства
и обновленія, произведеннаго японцами, приводится въ рукописномъ отчетѣ б.
слушателя Восточнаго Института, поручика Песоцкаго, посѣтившаго его лѣтомъ
1910 г., за исключеніемъ личныхъ покоевъ императора, помѣщеній его гарема и
прочихъ частей дворца, недоступныхъ осмотру постороннихъ лицъ. Въ частности
въ этомъ описаніи упоминаются и историческій музей (бывшая императорская
сокровищница) съ произведеніями стариннаго корейскаго искусства (этотъ музей
заслуживаетъ особаго вниманія со стороны европейскаго изслѣдователя, интере-
сующагося болѣе ранними образцами корейской художественной промышленности,
неизмѣримо превосходящими современныя произведенія корейскаго мастера и
художника), зоологическій садъ и ботанический садъ съ оранжереями; какъ музей,
такъ и оба сада были организованы и оборудованы въ существующемъ видѣ (ра-
боты были начаты въ этомъ направленіи въ февралѣ 1908 г.) по иниціативѣ

Почти вплотную къ Большимъ Западнымъ воротамъ Сеула помѣщается еще одинъ дворецъ Кёнхыйгунъ 慶熙宮. Между нимъ и упомянутымъ дворцомъ Кёнбунгунъ располагаются въ кварталѣ Чёнъдонъ, который по этому случаю и былъ прозванъ «Посольскимъ городомъ», на отдѣльныхъ просторныхъ участкахъ зданія бывшихъ посольствъ, нынѣ генеральныхъ консульствъ Англіи, Франціи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Напротивъ, бывшія германское, китайское и японское посольства, равно какъ бельгійское генеральное консульство, помѣщались довольно далеко отсюда, почти въ противоположномъ концѣ города, въ предѣлахъ т. н. японскаго селтлементъ (о немъ см. ниже) подъ Южной горою, гдѣ помѣщалось и японское консульство у воротъ Намдәмун, однихъ изъ наиболѣе оживленныхъ въ городѣ.

Городъ Сеуль дѣлится на пять частей или округовъ сё 署, соответствующихъ японскимъ ку 區,—восточную, западную, южную, сѣверную и центральную; каждая часть дѣлится на улицы или линіи—панъ 坊, соответствующія японскимъ дзю въ Кіото 條 и тори въ Токіо 通; улицы въ свою очередь дѣлятся на нѣсколько переулковъ или кварталовъ—кѣ 契 или тонъ 洞¹, что соответствуетъ японскимъ цю 町. Въ восточной части города считается 7 панъ и 43 кѣ, въ

японцевъ на сумму въ 150,000 енъ и позднѣйшія ассигнованія за счетъ чрезвычайныхъ расходовъ корейскаго императорскаго двора (Second annual report on reforms and progress in Korea, 35—36, съ фотографіями къ стр. 22). Въ особомъ помѣщеніи въ старомъ дворцѣ находится императорское шелководство, при чемъ здѣсь пор. Песокій могъ въ 1910 г. наблюдать все производство отъ коконовъ до готоваго куска шелка (фотографія этого дворцоваго помѣщенія и внутренняго убранства одной изъ комнатъ, отведенной для указанной цѣли, см. Third annual report on reforms and progress in Korea, къ стр. 110).

1) 洞 тонъ (послѣ гласнаго или звонкаго звука донъ) буквально означаетъ долину, или оврагъ. Въ старину населеніе Кореи предпочтительно строило деревни между холмами у подножья горы, на чьей вершинѣ оно устраивало крѣпость, куда и спасалось въ случаѣ опасности. Такимъ образомъ слова тонъ—«долина» или «оврагъ» сдѣлались синонимомъ понятія деревня; когда селеніе разрослось въ большой городъ, какъ, напримѣръ, Сеуль, то каждая небольшая долина въ немъ называлась «тонъ»; съ теченіемъ времени даже это различіе утратилось и «тонъ» сталъ обозначать просто каждое мелкое дѣленіе города. Korea Review, III, 1903.3.

Это замѣчаніе является совершенно справедливымъ, по т. к. не все корейскіе «тонъ» разрослись въ города, то въ Корей сохранилось много отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, разбросанныхъ по странѣ, чьи названія заканчиваются этимъ словомъ.

западной— 9 панъ и 91 кѣ, въ южной— 11 панъ и 71 кѣ, въ сѣверной— 12 панъ и 44 кѣ и въ центральной— 8 панъ и 91 кѣ¹. Всѣхъ же панъ и кѣ въ городѣ имѣется 47 панъ² и 340 кѣ.

Если въ самомъ городѣ, вполне правильно распланированномъ, улицы всегда были достаточно ровны и уже довольно давно содержались въ извѣстномъ порядкѣ, то за городомъ онѣ оставались кривыми и неопрятными и вовсе не ремонтировались до совсѣмъ недавняго времени.

Исправленіе улицъ въ Сеулѣ и дорогъ въ его окрестностяхъ было начато вскорѣ послѣ прибытія иностранцевъ въ этотъ городъ, послѣ открытія страны для иностранной торговли. Ранѣе городъ, подобно большинству восточныхъ городовъ, былъ очень грязенъ и на улицахъ его скоплялись кучи мусора и отбросовъ, а ничѣмъ не прикрытыя сточныя канавы по обѣ стороны улицъ распространяли зловоніе; но уже къ 1896 г. нѣкоторыя изъ большихъ столичныхъ улицъ были избавлены отъ перваго непригляднаго зрѣлища и съ этого времени ежегодно стала отпускаться сумма въ 50,000 долларовъ на поддержаніе и улучшеніе улицъ города, а въ 1897 г. такая же сумма должна была быть отпущена на приведеніе въ порядокъ уличныхъ стоковъ³. Ширина главныхъ улицъ корейской столицы прежде намного сокращалась отъ присутствія неуклюжихъ деревянныхъ навѣсовъ, служившихъ въ качествѣ лавокъ или мастерскихъ и имѣвшихъ передъ фасадомъ почти каждаго дома. Это придавало улицамъ невзрачный и неопрятный видъ. Въ настоящее время всѣ эти уличные постройки убраны.

Къ 1901 г. въ дѣлѣ уличнаго благоустройства Сеула были уже достигнуты значительны результаты, какъ свидѣтельствовалъ въ то время журналъ *Korea Review*⁴. Въ этомъ отношеніи для Сеула оказалась весьма полезной дѣятельность Макливи-Броуна⁵, который много способствовалъ улучшенію всѣхъ сторонъ городского благоустройства, такъ что, какъ предсказывалъ А. Гамильтонъ въ своихъ письмахъ изъ Кореи въ газету «*Pall-Mall*» въ указанномъ году, городъ Сеулъ готовился сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ самымъ опрятнымъ городомъ на Востокѣ. Въ томъ же направленіи много поработали въ недавніе годы

¹) Канкоку-синцири, 289. *Korea Review*, III, 1903. 2—3 (въ рецензій на цит. статью: Gale. Nan-yang), приводитъ отличныя цифры числа панъ въ трехъ частяхъ Сеула: 12 панъ въ восточной, 8 въ западной и 10 въ сѣверной и только въ двухъ остальныхъ давая тѣ же цифры: въ южной—11 панъ и въ центральной—8. Общее число столичныхъ «панъ», по этимъ даннымъ, увеличивается съ 47 до 49.

²) Въ 49 Сеульскихъ панъ, указываемыхъ въ *Korea Review*, въ цит. статьѣ, включаются округъ виѣ Южныхъ и Западныхъ воротъ столицы и предмѣстья вдоль электрической ж. дороги почти до Йонъсан (*Korea Review*, 1903, III 3).

³) «*Chronicle and Directory for 1897 of China, Japan и т. д.*»

⁴) I, 1901, 6—7.

⁵) Бывшій начальникъ корейскихъ морскихъ таможенъ.

японцы, какъ раньше они же произвели значительныя улучшенія одной части Сеула или т. н. японскаго квартала. Въ частности, подъ ихъ вліяніемъ прогрессъ столицы подвинулся нынѣ настолько впередъ, что уже въ 1909 г. на улицахъ Сеула начала производиться посадка деревьевъ при дѣятельномъ участіи корейцевъ, по почину Хансѣньской санитарнаго общества. Нынѣ японскія власти въ Сеулѣ проектируютъ рядъ новыхъ работъ по улучшенію Сеульскихъ улицъ, которыя должны быть выполнены въ кратчайшій срокъ и по окончаніи придадутъ корейской столицѣ совершенно новый видъ. Часть этихъ работъ уже производится; напримѣръ, къ марту или апрѣлю 1912 г. будутъ закончены работы по расширенію до 19 кенъ, въ томъ числѣ два боковыхъ тротуара и 2 кенъ, и макадамизированію улицы, ведущей отъ Южныхъ воротъ до ж. станціи, называемой по имени тѣхъ же воротъ; тротуары будутъ обсажены деревьями. Будетъ еще расширена до 12 кенъ, съ тротуарами по 9 футовъ шириною, улица отъ станціи Южныхъ Воротъ до Малыхъ Восточныхъ воротъ и по ней построены двойной путь трамвая¹.

Старый Сеулъ ночью былъ погруженъ въ полнѣйшій мракъ и, по закону, мужчины, кромѣ чиновниковъ и иностранцевъ, не должны были выходить на улицу съ наступленіемъ темноты; теперь улицы города освѣщаются удовлетворительно и много магазиновъ остается открытыми вечеромъ².

Въ самомъ городѣ имѣются двѣ главныхъ улицы—одна начинается у Большихъ Восточныхъ воротъ (Тоньдәмун) и пройдя черезъ улицу Чіонъно 鐘路 (т. е. «колокольную улицу» отъ находящагося на ней павильона съ большимъ колоколомъ чіонъну 鐘樓) достигаетъ Большихъ Западныхъ воротъ. Эта длинная улица, около 100 футовъ шириною, направленная съ востока на западъ, раздѣляетъ городъ на двѣ почти равныя части, при чемъ въ сѣверной половинѣ расположены выше перечисленные дворцы на огороженныхъ стѣнами участкахъ, прежнія болѣе важныя корейскія присутственныя учрежденія и т. д. Указанная главная улица пересѣкается подъ прямымъ угломъ улицею шириною въ 50 футовъ, раздѣляющей сѣверную половину города на восточную и западную части. Въ пунктѣ пересѣченія обѣихъ улицъ, считающемся центромъ города, стоитъ упомянутый Чіонъну или Чіонъгак 鍾閣—колокольный павильонъ, отъ котораго проходящая мимо улица, какъ сказано, получила названіе Чіонъно 鐘路—Колокольной.

¹) См. Seoul Press, 5 Dec. 1911, 2.

²) Seoul Press, 31 July 1909.

Отъ указаннаго павильона отдѣляется новая широкая улица или вторая главная городская артерія, идущая въ юго-западномъ направленіи къ Большимъ Южнымъ воротамъ (Намдѣмун).

Обѣ стороны этихъ улицъ заняты всякаго рода торговыми заведеніями; постройки всѣ двухъэтажныя, крытыя черепицею, въ отличіе отъ обыкновенныхъ корейскихъ низенькихъ домовъ, крытыхъ соломой¹. Однако, ранѣе магазины даже на этихъ большихъ улицахъ были невзрачны и содержали небольшой выборъ товаровъ, при томъ самыхъ простыхъ. Теперь же имѣются магазины съ зеркальными окнами, гдѣ можно найти всевозможные предметы роскоши. По указаннымъ улицамъ происходитъ непрерывное движеніе людей, такъ что ихъ можно назвать самой оживленной частью города.

Около Большихъ Восточныхъ и Южныхъ воротъ въ самомъ городѣ каждое утро происходитъ базарный торгъ, на которомъ продаются предметы повсѣдневнаго употребленія и различные и привозные изъ провинцій товары. Въ особенности оживленъ и значителенъ базаръ у Намдѣмун. Не мало китайцевъ и японцевъ торгуетъ здѣсь на открытомъ воздухѣ въ уличныхъ ларяхъ² или раскладывая товары прямо на землѣ³.

Численность населенія Сеула, по официальнымъ корейскимъ даннымъ, была въ 1904 г. 42,630 семей и 191,176 душъ, въ томъ числѣ 100,959 мужчинъ и 90,797 женщинъ. Такъ какъ, по тѣмъ же даннымъ, численность населенія столицы въ 1902 г. была 42,936 семей и 196,646 душъ, а въ 1903 г.

¹) Дома крытые соломой даже въ столицѣ еще недавно, вѣроятно и теперь, составляли большинство: по переписи 1903 г. въ Сеулѣ было 8,091 домъ, крытыхъ черепицею, 30,587 домовъ, крытыхъ соломой, и 4,143, крытыхъ черепицею и соломой, всего же было 42,821 домъ. Въ настоящее время въ Сеулѣ можно видѣть очень много большихъ каменныхъ зданій европейской архитектуры, построенныхъ главнымъ образомъ японскими казенными и общественными учрежденіями или частными компаніями, но также для надобностей бывшаго корейскаго правительства. Нынѣ самымъ внушительнымъ зданіемъ въ Сеулѣ является Ціосенскій банкъ.

²) Канкоку-синцири, 290. На трехъ фотографіяхъ, помѣщенныхъ на отдѣльномъ листѣ къ стр. 120 Third annual report on reforms and progress in Korea, изображены: 1) Старый рынокъ въ Сеулѣ; 2) Новый рынокъ тамъ же и 3) Новые рыночныя зданія, выстроенныя тамъ же Хансенскимъ банкомъ при поддержкѣ правительства.

³) См. фотографію этого базара въ Канкоку-сѣран, стр. 47 (впередѣ текста).

42,821 семей и 194,100 душъ, то, слѣдовательно, населеніе Сеула изъ года въ годъ уменьшалось и въ 1907 г. исчислялось даже лишь въ 176,000 душъ¹. Подобное уменьшеніе объяснялось главнымъ образомъ выѣздомъ изъ столицы внутрь страны большого числа янъбаней (дворянъ), въ сопровожденіи столь же большого числа ихъ свиты и прислуги. Къ этому ихъ принудили измѣнившіяся соціальныя и экономическія условія въ столицѣ и вообще во всей странѣ, ухудшившія ихъ матеріальное положеніе².

Впослѣдствіе, однако, населеніе города благодаря развитію въ немъ торговли и промышленности³ и притоку японцевъ, увеличившихъ спросъ на корейскій трудъ, стало снова быстро возрастать и по переписи 1909 г. одно корейское населеніе столицы было исчислено въ 48,799 семей и 211,448 душъ, или увеличеніе на 20⁰/₁₀₀ сравнительно съ 1907 г.⁴, а черезъ два года къ началу нынѣшняго 1911 г. новѣйшія статистическія данныя опредѣляли общую цифру населенія Сеула въ 277,499 душъ, не считая европейской колоніи, при чемъ корейское населеніе состояло изъ 52,697 семей и 238,499 душъ и японское населеніе въ самомъ Сеулѣ и въ Ионъсан, являющемся какъ-бы предмѣстіемъ Сеула, изъ 11,435 семей и 39,000 душъ⁵. Японское населеніе столицы неизмѣнно и быстро увеличивается и по послѣднимъ даннымъ исчисляется: въ самомъ Сеулѣ въ 33,628 душъ и въ Ионъсан—въ 9,588

1) Resumé statistique de l'empire du Japon, 25 année, 1911, исчисляетъ населеніе Сеула къ 31 декабря 1908 г. лишь въ 36,782 семей и 160,842 душъ и въ Ионъсан—3,203 семей и 11,704 душъ. Повидимому, эти свѣдѣнія были нѣсколько преуменьшены, хотя фактъ быстрого сокращенія населенія столицы вплоть до недавняго времени остается несомнѣннымъ.

2) Seoul Press, 14 Aug. 1909.

3) По даннымъ японской торговой палаты въ Сеулѣ, общая цѣнность главныхъ предметовъ производства въ Сеулѣ въ теченіе 1910 г. достигла 1,233,137 енъ, въ частности, на долю отдѣльныхъ статей приходилось (Seoul Press, 2 June 1911):

	Количество.	Цѣнность.
Саке	1,750 коку	51,450 енъ
Мясо	6,512,778 яп. фунтовъ	935,252 »
Бычачьихъ кожъ	22,294 штуки	178,352 »
Мисо (бобоваго тѣста)	104,000 кан	23,920 »
Сои	648 коку	18,144 »
Цыновокъ	12,340 штукъ	14,688 »
Мыла	2,840 ящиковъ	11,360 »

4) Seoul Press, 30 Nov. 1909, 2.

5) Japan W. Times, 18 March 1911, 957.

душъ, или всего 43,253 душъ (12,497 семей), изъ нихъ 20,167 женщинъ и 23,086 мужчинъ¹. По профессіямъ, на первомъ мѣстѣ по численности стоятъ правительственные служащіе (2,134 человекъ); по мѣсту рожденія, наиболѣе многочисленны уроженцы префектуры Ямагуци (4,028 человекъ)².

Въ 1885 г. общее число японцевъ—мужчинъ въ Сеулѣ было 64, не считая тѣхъ японцевъ, которые находились на службѣ у иностранцевъ въ качествѣ прислуги и число коихъ было приблизительно 40. Въ то время въ Сеулѣ не было еще ни одной японской гостиницы. Въ 1889 г. число японцевъ достигало 192 и въ этомъ году площадь японскаго селтлемента, первоначально включавшаго лишь одинъ кварталъ Чинкогѣ (нынѣшній Хоммаци си(4)ціōме; нынѣ обычно японцы считаютъ, что корейское имя Чинкогѣ распространяется на всю длину Хоммаци отъ итціōме до рокуціōме, но первоначально это было не такъ), была расширена. Въ то время положеніе японцевъ въ Сеулѣ было весьма тяжелымъ, почти невыносимымъ, такъ какъ насколько корейцы оказывали китайцамъ почетъ, настолько они относились къ японцамъ съ презрѣніемъ и подвергали ихъ всяческому несправедливому стѣсненіямъ: такъ японскіе торговцы, которымъ удавалось устроить лари съ товарами на болѣе выгодныхъ мѣстахъ на базарѣ у Южныхъ воротъ, силою принуждались китайскими торговцами уступить имъ свое мѣсто; японскіе торговцы, продававшіе корейскія монопольныя издѣлія, облагались сборами въ пользу корейскихъ торговыхъ гильдій, имѣвшихъ монополию на торговлю ими; за продажу земли продавецъ—кореецъ подвергался тюремному заключенію, а отъ покупателя—японца земля конфисковалась въ пользу корейской казны. Послѣ японскихъ побѣдъ надъ Китаемъ въ 1894—5 гг. положеніе японцевъ разомъ измѣнилось; въ теченіе менѣе одного года число японцевъ въ Сеулѣ увеличилось съ 800 до 2,000. Японскіе купцы уже не подвергались упомянутымъ сборамъ и паспортовъ не требовалось отъ нихъ, какъ раньше, для путешествія по странѣ³.

Городское корейское населеніе болѣе, чѣмъ наполовину, занимается торговлею, затѣмъ идутъ правительственные служащіе и чернорабочіе; среди послѣднихъ должно отмѣтить растущее за послѣдніе годы число возчиковъ рикшъ (дзин-рикися по японски 人力車, въ корейскомъ чтеніи иллѣкō).

Иностранное населеніе Сеула въ 1904 г. состояло изъ

¹) Такимъ образомъ въ Сеулѣ японское населеніе составляетъ почти $\frac{1}{5}$ туземнаго, но въ другихъ корейскихъ городахъ (напримѣръ, въ Фузанѣ) эта порція еще выше.

²) Seoul Press, 17 Aug. 1911, 2.

³) Изъ воспоминаній Т. Ямагуци, прожившаго въ Сеулѣ свыше 27 лѣтъ; переводъ изъ «Кейдзіō Ниппō» въ Seoul Press, 7 и 8 Sept. 1911, стр. 2.

японцевъ—всего 4,229 человекъ (1,868 женщинъ), въ 1909 г. уже 27,359 человекъ; нынѣшнія цифры приведены выше; китайцевъ—число ихъ въ 1904 г. было неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, какъ нынѣ, превышало численность лицъ остальныхъ иностранныхъ національностей; въ 1909 г. ихъ было 1,270 человекъ¹; англичанъ—47 человекъ, въ 1909 г.—71 человекъ; американцевъ—79 (въ 1909 г.—57); бельгийцевъ—8 (въ 1909 г.—3); нѣмцевъ—18 (въ 1909 г.—45); французовъ—69. Кромѣ нихъ въ 1909 г. было 15 русскихъ, 5 итальянцевъ и 5 грековъ². Болѣе половины японцевъ въ 1904 г. было родомъ изъ префектуръ Ямагуци и Нагасаки; по профессіямъ большинство ихъ занималось торговлею (какъ по ввозу иностранныхъ товаровъ, такъ и разносной, главнымъ образомъ въ самомъ городѣ, но также и въ окружающей странѣ³), но кромѣ того имѣлись служащіе въ казенныхъ учрежденіяхъ, лица преподавательскаго персонала, служащіе банковъ и компаній, журналисты, врачи, священнослужители.

Большинство китайцевъ занимается также торговлею; среди остальныхъ представителей этой націи можно отмѣтить черно-рабочихъ, ремесленниковъ (каменьщики, кладчики кирпича, столяры, кузнецы), содержателей ресторановъ, сельскихъ рабочихъ (огородниковъ); сельское дѣло является излюбленнымъ занятіемъ мѣстныхъ китайцевъ и ими обычно выращивается цѣнная въ Сеулѣ капуста⁴.

Изъ европейцевъ и американцевъ, кромѣ владѣльцевъ двухъ—трехъ колониальныхъ магазиновъ и гостинницъ и ихъ служащихъ, остальные составляютъ персоналъ прежнихъ посольствъ или нынѣшнихъ консульствъ, или принадлежатъ къ числу миссіонеровъ. Особаго иностраннаго селтлемента въ

¹) Нынѣшнѣ китайская колонія въ Сеулѣ является весьма дѣятельной и процвѣтаетъ, какъ заявляетъ Seoul Press, 13 July 1911, стр. 3. Многочисленные китайскіе рабочіе въ Сеулѣ, родомъ изъ Шандуна, обычно возвращались на родину на холодное время года, когда работы мало, и прѣзжали снова съ наступленіемъ весны. Въ этомъ году въ виду происходящихъ въ Китаѣ событий многіе изъ нихъ не поѣхали на родину, но рѣшили остаться на постоянное жительство въ Корей и выписать сюда своихъ женъ и дѣтей. Seoul Press, 8 Dec. 1911, 2.

²) Seoul Press, 18 Nov. 1909, 2.

³) Канкоку-сѣран, 49.

⁴) Канкоку-синдирри, 292.

Сеулѣ никогда не существовало и иностранцамъ приходилось селиться среди туземнаго населенія, при чемъ, однако, само собою каждая національность какъ-бы образовывала особую колонію въ одномъ мѣстѣ; какъ было указано выше, иностранныя посольства, обращенныя затѣмъ въ консульства, сосредоточились большей частью въ одномъ мѣстѣ близъ Большихъ Западныхъ воротъ въ юго-западной части города. Напротивъ, японскія присутственныя мѣста, торговыя и прочія заведенія и остальная колонія сосредоточились главнымъ образомъ въ южной части города у подножья Южной горы, хотя японцы живутъ въ большомъ числѣ и во всѣхъ остальныхъ частяхъ города.

Канкоку-синцири¹ перечисляетъ 8 кварталовъ и улицъ въ южной части города, гдѣ японцы были въ 1905 г. особенно многочисленны, при чемъ одинъ изъ нихъ Чинкогѣ 泥岨 со всей прилегающей частью города, примыкающей къ Южной горѣ (Намсан), являлся японскимъ кварталомъ по преимуществу и обозначался японскимъ селтлементомъ (日本居留地 нихон-кіорюци по японски). Здѣсь же особенно развито торговое оживленіе. Улицы въ кварталѣ Чинкогѣ являлись раньше самыми плохими во всей столицѣ, поэтому мѣстные японскіе обыватели, собравъ путемъ займа 10,000 енѣ, произвели въ 1901 г. всѣ необходимыя работы по исправленію ихъ, послѣ чего эта часть города приняла совершенно новый видъ и сдѣлалась лучшей по благоустройству во всемъ Сеулѣ. Японцами же было создано здѣсь много общественныхъ учрежденій: школы, храмы, больницы, общественные сады, торговая палата и прежде всего японское муниципальное управленіе селтлементъ, также не мало частныхъ предпріятій, въ родѣ, на примѣръ, водоснабженія изъ источниковъ на горѣ Намсан, дающихъ чистую и пригодную для питья воду²; отсюда японскій селтлементъ получалъ воду, пока не былъ устроенъ существующій нынѣ въ Сеулѣ водопроводъ³.

Въ указанномъ японскомъ кварталѣ, какъ писалъ американскій

¹) Стр. 292.

²) Канкоку-синцири, 292—3.

³) Въ 1903 г. корейскимъ правительствомъ была отдана американскому синдикату Collbran and Bostwick Co. концессія на устройство водопровода въ Сеулѣ; эта концессія была перепродана въ 1905 г. англійской фирмѣ Korean Waterworks Lim. и въ августѣ 1906 г. было приступлено къ постройкѣ водопровода, а 1 августа 1908 г. онъ былъ уже формально открытъ. Вода берется изъ рѣки Ханганъ въ пунктѣ близъ Туксымъ въ 3 миляхъ отъ Сеула и поступаетъ сперва въ осадочные бассейны, а затѣмъ въ песчаные фильтры, послѣ чего профильтрованная вода передается по трубѣ на разстояніе 2 миль въ служебный бассейнъ, откуда распределяется по городу изъ трубы, длиною въ 1½ мили. Въ 1909 г. имѣлось 216 крановъ общаго пользованія и 726 остальныхъ. Большинство потребителей японцы. Second annual report on reforms and progress of Korea, 168—9,

посѣтителю корейской столицы въ 1909 г., опрятныя, широкія и большей частью ровныя улицы, внушительныя зданія присутственныхъ учрежденій, много двухъэтажныхъ домовъ и цѣлыя улицы торговыхъ заведеній, при чемъ нѣкоторыя магазины имѣютъ зеркальныя окна¹. Съ тѣхъ поръ эта часть Сеула еще болѣе развилась и украсилась.

Бюджетъ объединеннаго японскаго муниципалитета Сеула и Ионъсан на 1911—12 финансовый годъ достигаетъ 325,000 ень.

Средства сношеній столицы заключаются въ почтѣ, телеграфѣ и телефонѣ, при чемъ ранѣе всѣ эти службы велись одновременно корейскимъ и японскимъ правительствами; уже къ 1905 г. телефонъ соединялъ столицу съ Ёндыньххо 永登浦, Мапхо, Тодонгъ 桃洞契, Касенъ и Чѣмульххо; теперь онъ идетъ вплоть до Фузана.

Изъ современныхъ способовъ сообщенія на территоріи самой столицы первое мѣсто принадлежитъ Сеульской электрической ж. д., которая уже къ 1905 г. имѣла три линіи, всѣ въ одинъ путь, общей длиною въ 10 миль. Исходнымъ пунктомъ для всѣхъ трехъ линій служила улица Чіонъно, откуда одна линія направлялась черезъ Намдѣмун въ Ионъсан, заканчиваясь на главной улицѣ этого предмѣстія Сеула²; вторая шла къ Тондѣмун (или Новымъ воротамъ) и продолжалась отъ названныхъ воротъ далѣе на три мили къ Чхёнънянъни 清涼里, гдѣ находится мавзолей королевы Мин³. Третья линія, построенная позже, соединяла Чіонъно черезъ Сѣдѣмун (Большія Западныя ворота) съ Сеульскимъ вокзаломъ Сеуло-Фузанской ж. д.; теперь эта линія доходитъ до столичнаго предмѣстья Мапхо. Первоначально Сеульская электрическая ж. дорога была выстроена по порученію корейскаго правительства съ подряда американскою фирмою—синдикатомъ Collbran and Bostwick Co; но затѣмъ въ силу различныхъ обстоятельствъ новое предпріятіе стало называться «Американско-Корейской компаніей электрическихъ ж. д.», съ корейскимъ предсѣдателемъ во главѣ, хотя фактическая власть продолжала, говорятъ, находиться цѣликомъ въ американскихъ рукахъ⁴.

1) Seoul Press, 31 July 1909, стр. 4.

2) Недалеко отъ ж. д. станціи Намдѣмун отъ этой линіи нынѣ отдѣляется вѣтка трамвая къ рѣчной пристани Ионъсан.

3) Эти двѣ линіи были построены первыми.

4) Канкоку-синдири, 294.

Сеуль служитъ исходнымъ пунктомъ для трехъ главныхъ корейскихъ ж. д.: Сеуло-Фузанской, Сеуло-Ыичжюской и Сеуло-Чѣмультхоской; кромѣ того отсюда, какъ изъ центра, расходятся во всѣ четыре стороны проѣзжія дороги (т. н. столичныя большія дороги 京城大路), шириною отъ 6 до 10 футовъ и даже до 20 футовъ. Рѣка Ханганъ доставляетъ удобства для джоночнаго судоходства, а начиная отъ Ионьсан 龍山 (яп. Рюдзан) доступна для пароходовъ; зимою на три мѣсяцевъ замерзаетъ и на это время судоходство по ней прекращается.

Упомянутый Ионьсан, въ 1 ри разстоянія отъ Сеула на западной сторонѣ его, находится въ предѣлахъ радіуса въ 10 корейскихъ «и» отъ т. н. иностраннаго селлемента, какъ онъ устанавливался прежними договорами съ Кореей. Первоначально по японо-корейскому договору въ качествѣ открытаго для иностранной торговли пункта былъ избранъ Янъхоачжин (яп. Ёкацин) 楊花鎮, къ западу отсюда, рядомъ съ Мапхо, но, по англо-корейскому договору, этотъ пунктъ былъ замѣненъ Ионьсан (изобилующимъ лѣсной растительностью и красивыми ландшафтами и особенно пріятнымъ для пребыванія лѣтомъ благодаря большей прохладѣ), куда и была перенесена иностранная торговля. Издавна Ионьсан являлся важной гаванью, куда свозился податной рись со всей страны и здѣсь же существовали большіе казенные склады, гдѣ постоянно хранились запасы продовольствія. Во время первой большой японской экспедиціи въ Корею при Хидеіоси въ годы Бунроку (1592—1595 г.) въ этомъ мѣстѣ японскія войска собрали со всей страны зерновой провіантъ для дальнѣйшей кампаніи, а въ недавнюю японо-китайскую войну устроили здѣсь этапное управленіе (хейтамбу 兵站部)¹.

Черезъ Ионьсан идетъ рѣчное и морское сообщеніе отъ Сеула, почему до этого пункта ходитъ по рѣкѣ очень много пароходовъ, поддерживающихъ движеніе между Сеуломъ и Чѣмультхо. Кромѣ того по рѣкѣ совершается оживленное джоночное судоходство и передъ самымъ Ионьсан на рѣкѣ разстилается лѣсъ мачтъ и груды лѣсныхъ матеріаловъ, такъ

¹) Канкоку-синцири, 295—6.

какъ въ этомъ пунктѣ останавливаются плоты, сплавляемые по рѣкѣ. Вообще торговля лѣсомъ весьма значительна по той причинѣ, что топливомъ въ столицѣ служить исключительно древесный матеріалъ, а также благодаря растущему здѣсь числу новыхъ построекъ¹.

Помимо того, что онъ лежитъ на линіи Сеуло-Чѣмульпхоской и Сеуло-Фузанской ж. д., имѣющихъ общій путь черезъ Ионъсан до Ёндыньпхо (пройдя станцію Ионъсан эта линія пересѣкаетъ р. Ханганъ по ж. д. мосту²), Ионъсан является исходнымъ пунктомъ для Сеуло-Ыйчжюской ж. д., которая, начинаясь у тѣхъ же Большихъ Южныхъ воротъ, которыя являются второй станціей на линіи Сеуло-Фузанской ж. д., идущей отъ Большихъ Западныхъ воротъ, только у Ионъсан, въ разстояніи 2,3 мили отъ начальнаго пункта, отходитъ отъ указанной линіи³. Это обстоятельство придаетъ мѣстечку Ионъсан значеніе ж. д. узлового центра и обезпечиваетъ ему многообѣщающую будущность.

Въ серединѣ 1904 г. здѣсь проживало уже 297 японцевъ; на половину это были лица, состоявшіе на службѣ корейскаго правительства, на половину торговцы и рабочіе; въ августѣ 1909 г. японцевъ было ужь 7,942 человекъ, а нынѣ — 9,588 человекъ (см. выше).

Рядомъ съ Ионъсан, отдѣляясь отъ него скалистой грядою, лежитъ ниже по р. Ханганъ второй рѣчной портъ Сеула Мапхо (яп. Махо) 麻浦. О немъ французскій авторъ 7 лѣтъ тому назадъ сообщалъ нижеслѣдующія свѣдѣнія, которыя съ поправками могутъ быть примѣнены къ настоящему времени:

Селеніе Мапхо, говоритъ онъ, является однимъ изъ наиболѣе важныхъ по своему населенію рыбаковъ, грузчиковъ, а также земледѣльцевъ. Вся равнина вокругъ селенія вплоть до аллеи ивъ, ведущей къ гробницѣ Тăуѳнгуна, заливается въ сентябрѣ во время большого ежегоднаго подъема воды въ р. Ханганъ и само селеніе въ это время похо-

1) Bourdaret, En Corée, 1904, стр. 242, 243, 244.

2) Выше желѣзнодорожнаго моста черезъ Ханганъ находится перевозъ на дорогѣ въ Сюѳн и вообще на югъ. По этой же дорогѣ можно достигнуть монастыря на горѣ Коан'аксан въ 15 километровъ разстоянія отъ Сеула. Bourdaret, En Corée, 1904, 243.

3) Скрещеніе желѣзнодорожныхъ путей трехъ разныхъ линій въ Ионъсан показано на специальномъ планѣ Сеула и Ионъсан на картѣ, изданной редакціей газеты «Майници Симбунъ». Въ Ионъсанѣ же начинается строящаяся ж. д. линія между Сеуломъ и Гензаномъ, первый участокъ коей между Ионъсан—Ыйчхѳнбу былъ открытъ для движенія 15 октября и. ст. 1911.

дуть на нѣсколько изолированныхъ острововъ, окруженныхъ водою, при чемъ жители отправляются къ своимъ занятіямъ на лодкахъ. Къ селенію Мапхо и сосѣднему Йонъсан пристають многочисленныя парусныя лодки, доставляющія грузы изъ Чѣмульпхо, въ частности гранитный камень съ острова Канъхоадо. Здѣсь же находится перевозъ¹ для пѣшеходовъ и животныхъ, отправляющихся на дорогу, которая ранѣе составляла единственный способъ сухопутнаго сообщенія Сеула съ Чѣмульпхо.

Ниже Мапхо лежитъ на скалѣ небольшое селеніе Янъхоачжин, гдѣ было устроено иностранное кладбище (это селеніе первоначально было избрано служить посредникомъ иностранной торговли; см. выше).

Небольшой портъ Мапхо отличается большимъ оживленіемъ благодаря постоянной нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ. Отсюда товары отправляются въ Сеуль на телѣгахъ, запряженныхъ быками².

Окружной городъ Инчхѣн, яп. Дзинсен 仁川, извѣстный иностранцамъ болѣе подъ именемъ сосѣдней бухты Чѣмульпхо, яп. Дзабуппо 雜物浦, гдѣ находится сама гавань, открытая для иностранной торговли, лежитъ въ той же столичной провинціи на СВ. берегу восточнаго морского устья р. Ханганъ и является первой по оборотамъ внѣшней торговли открытой гаванью Кореи. Хотя официальное открытіе ея послѣдовало только въ 1883 г., однако, японцы начали торговлю въ этомъ мѣстѣ ужъ въ 1876 г., когда нынѣшній многолюдный городъ представлялъ собою лишь ничтожную рыбацью деревушку. Находясь въ 10 ри отъ Сеула и занимая въ силу этого весьма выгодное для торговли и важное въ стратегическомъ отношеніи географическое положеніе, съ выгодными условіями сухопутнаго и воднаго сообщенія, вновь открытая гавань обнаружила на первыхъ же порахъ необычайное развитіе, привлекая къ себѣ многочисленное иностранное населеніе и множество вывозныхъ и ввозныхъ товаровъ и по торговому процвѣтанію опередила Фузанъ³.

Къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были приведены относительно Чѣмульпхо и его торговли выше на стр. 86—90, можно

1) Зимой, пока ледъ на рѣкѣ не достигалъ надлежащей крѣпости, для движенія парама устраивался раньше черезъ рѣку каналъ, который расчищался для этой цѣли отъ льда.

Теперь для переправы черезъ рѣку имѣется, кромѣ желѣзнодорожнаго, еще понтонный мостъ.

2) Bourdaret, En Corée, 1904, 240—1.

3) Канкоку-синцири, 297.

прибавить еще, что нынѣшній городъ Чѣмульпо состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, образованныхъ японскимъ, китайскимъ и иностраннымъ въ тѣсномъ смыслѣ селlementsами и сосѣднимъ корейскимъ городомъ. Японскій селlementъ занимаетъ обширную площадь, непосредственно примыкающую къ берегу гавани. Къ сѣверо-восточному углу его подходитъ вплотную китайскій селlementъ, тянущійся вплоть до ж. д. станціи (имѣется еще добавочный участокъ китайскаго селlementa по другую сторону японскаго селlementa, т. е. къ югу отъ него)¹. Иностранный селlementъ примыкаетъ съ востока къ китайскому и японскому селlementsамъ, а корейскій городъ тянется отъ иностраннаго города вдоль большой дороги въ Сеуль. Весь иностранный селlementъ, за немногими исключениями—⁹/₁₀ и даже больше его, по словамъ Канкоку-сѳран², занятъ японскими жилыми домами, такъ какъ для растущаго японскаго населенія³ оказалась тѣсною даже широкая площадь ихъ собственнаго селlementa⁴.

Касѳнь (яп. Кайдзѳ) 開城, бывшая въ теченіе 400 лѣтъ главной столицей при династїи Корѳ⁵ подъ именемъ Сѳньдо (Сонъдо) 松都 или Сѳньгѳнь 松京, имѣетъ въ окружности 1 ри, населеніе—около 10,000 семей⁶ (въ октябрѣ 1909 г. 40,000 корейцевъ и 1500 японцевъ). Городъ отстоитъ отъ столицы на сѣверъ въ 16 ри, отъ города Чянъдан 長湍 на западъ въ 4 ри и лежитъ на большой исторической дорогѣ

¹) Среди китайской колонїи Чѣмульпо очень много огородниковъ (большинство ихъ родомъ изъ Шаньдуна), имѣющихъ небольшіе огороды въ сосѣднихъ поляхъ; они обычно прѣзжаютъ съ родины весной, ведутъ огородныя работы въ теченіе положеннаго времени и зимою возвращаются на родину, этимъ обуславливая постоянныя колебанія численности китайской колонїи въ этомъ мѣстѣ. Korea Review, I, 1901, 13.

²) Среди японцевъ, проживающихъ въ Чѣмульпо, всѣхъ болѣе мелкихъ торговцевъ и людей, занимающихся физическимъ трудомъ. Разборъ главнѣйшихъ другихъ болѣе крупныхъ японскихъ предпрїятій въ томъ же городѣ см. Канкоку-сѳран, 52—54.

³) Стр. 52.

⁴) Канкоку-синцири, 297—298, и планъ Чѣмульпо въ Канкоку-аннай.

⁵) Въ 1909 г. официальные розыски специальной комиссіи обнаружили въ горахъ близъ Сонъдо 42 королевскихъ могилъ династїи Корѳ, при чемъ большая часть этихъ могилъ оказалась въ крайне плачевномъ состоянїи благодаря раззоренію ихъ, произведенному искателями фарфоровыхъ издѣлій эпохи указанной династїи. Одна только могила основателя этой династїи избѣгла подобнаго оскверненія, будучи охраняема сторожемъ. Seoul Press, 19 May 1909, 2.

⁶) Канкоку-сѳран, 54, считаетъ число семей даже въ 19,000.

изъ Сеула въ Китай, которую замѣнила теперь желѣзная дорога въ томъ же направленіи, проходящая также черезъ Касёнъ. Онъ издавна славится производствомъ корня жэньшэня, составлявшимъ ранѣе важный источникъ доходовъ корейскаго правительства. Городъ по богатству обитателей и торговому процвѣтанію равенъ городу Пхёнъянъ. Большинство населенія занимается торговлею и отличается широкимъ развитіемъ коммерческихъ способностей.

Въ отношеніи ввозной и вывозной торговли Касёнъ находится въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Чѣмульхо, получая черезъ эту гавань иностранные товары и этимъ же путемъ вывозя мѣстныхъ произведенія, какъ золото, табакъ, бумагу, бобы сои и т. д. Въ числа мѣсяца, оканчивающіяся цифрами 1 и 6, по старому календарю, въ Касёнъ бываетъ ярмарка; однако, помимо того, въ городѣ, какъ и въ Сеулѣ, каждодневно ведется оживленная торговля въ постоянныхъ лавкахъ, такъ что въ ярмарочные дни къ нимъ лишь присоединяется торгъ въ открытыхъ ларяхъ¹ (или товары раскладываются прямо на землѣ). Вообще городъ Сонъдо благодаря жэньшэню и земледѣльческимъ произведеніямъ, свозимыхъ сюда изъ окрестныхъ мѣстностей², является большимъ торговымъ центромъ. На главной улицѣ, гдѣ сосредоточена торговля города, кипитъ постоянное оживленіе³. За послѣдніе годы число живущихъ въ городѣ японцевъ стало постепенно увеличиваться.

По внѣшнему виду Сонъдо походитъ скорѣе на предмѣстіе Сеула или на плохую уменьшенную копію самой столицы, съ домами крытыми преобладающимъ образомъ соломою; черепичныхъ крышъ немного надъ домами мѣстной аристократіи и богатыхъ владѣльцевъ плантацій жэньшэня въ окрестностяхъ; кромѣ того имѣются различныя присутственныя мѣста, занимающія болѣе солидныя зданія.

Съ сѣвера городъ замыкается гранитной горою Сіонъаксан 松岳山 менѣе высокой, нежели сеульская Сѣверная гора; на сѣверовостокѣ возвышается цѣль зубчатыхъ горъ вышиною въ 800 метровъ; на югѣ и востокѣ городъ выходитъ на равнину. Положеніе его весьма живописное.

1) Канкоку-синцири, 300.

2) Всѣ обитатели въ окрестностяхъ Сонъдо заняты этой хлопотливой культурою лекарственнаго корня, при чемъ остальные сельскохозяйственныя культуры низведены до минимума, хотя все же достаточны для прокормленія обитателей. Bourdaret, En Corée, 284.

3) Фотографія этой улицы см. Bourdaret, En Corée, 1904, къ стр. 298.

Стѣны длиной въ 12 километровъ охватываютъ городъ, при чемъ особая вѣтвь ихъ направляется на сѣверъ къ стѣнамъ выдвинутой впередъ крѣпости Сонъдо. Старинный наружный валъ города Касень, отъ котораго сохранились развалины, имѣетъ 5 ри въ окружности, но самый городъ помѣщается снаружи и внутри внутренняго вала и имѣетъ внутри этого вала 8 ціо съ востока на западъ и 5 ціо съ сѣвера на югъ и внѣ его—съ востока на западъ 4 ціо и съ сѣвера на югъ 6 ціо. Улицы пересѣкаются подъ прямыми углами, точно на шахматной доскѣ¹.

Въ Сонъдо имѣется нѣсколько историческихъ памятниковъ, связанныхъ со временемъ господства старой династїи Корё, между прочимъ остатки развалинъ королевскаго дворца на сѣверъ отъ города; существуютъ и памятники бывшаго процвѣтанія здѣсь буддизма, но большая часть ихъ уничтожена².

Коранъпхо (яп. Кōрōхо) 高浪浦 находится въ уѣздѣ Чяньдан (яп. Ціотан) 長湍, отстоя отъ уѣзднаго города на СВ. въ 4 ри и отъ Касень на В. въ 6 ри. Находясь по близости р. Имчжинганъ и являясь первостепеннымъ торговымъ складочнымъ центромъ, эта мѣстность производитъ огромныя количества извѣстныхъ Чяньданскихъ бобовъ сои. Впрочемъ, этотъ сортъ бобовъ родится не только въ предѣлахъ уѣзда Чяньдан, но и въ уѣздахъ Пхачжю (Хасю по яп.) 坡州, Ёнчхён (яп. Ренсен) 漣川, Чёксёнъ (яп. Секидзіо) 積城 и Маджён (яп. Маден) 麻田, при чемъ все это количество бобовъ сосредоточиваются въ Коранъпхо для вывоза въ Чѣмульпхо³.

Городъ Чяньдан лежитъ у р. Имчжинганъ въ разстояніи 12 ри отъ столицы. Населеніе города занимается наполовину земледѣліемъ, наполовину торговлей. Весь окрестный районъ производитъ бобы, получившіе вслѣдствіе этого имя чяньданскихъ, подъ которымъ они и пользуются большою извѣстностью; ежегодно въ очень большомъ количествѣ они вывозятся за границу черезъ Чѣмульпхо. Во время наступленія японцевъ на городъ Пхёнъянъ въ эпоху японо-китайской войны городъ Чяньдан служилъ японской арміи главнымъ этапнымъ пунктомъ⁴.

Бчжю (яп. Рейсё) 驪州, отстоя отъ Сеула на ЮВ. въ 19 ри, находится на судоходномъ участкѣ теченія р. Ханганъ (южной вѣтви ея), почему является удобнымъ складочнымъ мѣстомъ

1) Канкоку-сѳран, 54.

2) См. Bourdaret, En Corée, 286—290.

3) Канкоку-синцири, 300.

4) Канкоку-синцири, 300.

для товаровъ и имѣть населеніе, какъ говорятъ, около 400 дворовъ, которое большей частью добываютъ средства къ жизни рѣчнымъ судоходствомъ. Благодаря весьма удобному водному и сухопутному сообщенію съ Сеуломъ, внѣшній видъ города и средства къ существованію его обитателей сходны съ Сеульскими. Кромѣ того городъ является родиною извѣстной фамиліи Мин 閩 и покойная королева Мин 閩后, бывшая также отсюда родомъ, при жизни очень заботилась объ украшеніи города.

Торговая сфера города Ёчжю простирается на юго-востокъ отъ Чхюнъчжю и Тчѣчхён 堤川 (яп. Тейсен) до Ёнъуоль (яп. Нейецу) 寧越 и Хойнъсёнъ (яп. Одзіо) 橫城 и на сѣверо-западъ вплоть до Сіонъпха (яп. Сіоха) 松坡 и Оганъ (яп. Гокō) 五江; вообще городъ ведетъ торговлю со всѣми мѣстами, до которыхъ отъ него идетъ водное сообщеніе, и при этихъ условіяхъ имѣть большую торговую будущность¹.

Сюуён (яп. Суйген) 水原, отстоящій отъ Сеула на югъ въ 7 ри, служилъ до послѣдняго времени (до присоединенія Кореи къ Японіи) мѣстопробываніемъ Кёнъгыйдоскаго губернатора. Онъ имѣть до 3,000 дворовъ населенія. Хотя городъ лежитъ, вблизи станціи Сеуло-Фузанской ж. д., на важной дорогѣ изъ провинціи Чхюнъчхёнъдо и Чёлладо въ столицу и черезъ него въ обѣ стороны проходитъ оживленное движеніе, конное и пѣшее, но благодаря близости къ столицѣ и доступности отсюда Чѣмульпхо по желѣзной дорогѣ, торговля самого города сравнительно не велика².

Городъ Ансёнъ 安城 лежитъ въ 17 ри на югъ отъ Сеула, въ 10 ри дальше города Сюуён въ томъ же направленіи, имѣть населеніе въ 900 дворовъ. Въ самомъ городѣ ярмарки нѣтъ, но она имѣется въ сосѣднемъ селеніи Янъгони (яп. Іокіори) 楊巨里, имѣющемъ населеніе въ 300 дворовъ. Эта ярмарка послѣ Сіонъдоской является въ провинціи Кёнъгыйдо наиболѣе значительной по торговымъ оборотамъ³.

Коанъчжю (яп. Кōсјю) 廣州 бывший окружной городъ, т. н. «житница Кореи», въ 17 миляхъ (4¹/₂ яп. ри) на ЮВ. отъ Сеула, близъ р. Ханганъ, по дорогѣ изъ Сеула въ Чхюнъчжю. Въ го-

1) Канкоку-синцири, 300—301.

2) Канкоку-синцири, 301.

3) Канкоку-синцири, 301—302.

родѣ находятся усыпальницы нѣсколькихъ государей династїи И. Городъ служилъ столицею при одномъ королѣ Пакчѣ, какъ свидѣлствуютъ сохранившіеся въ немъ памятники той эпохи. Со всѣхъ сторонъ городъ окруженъ горами, которыя превращаютъ его въ сильную отъ природы крѣпость. Въ самомъ городѣ 9 старинныхъ буддїйскихъ монастырей, гдѣ монахи спеціально занимаются охотою съ лукомъ и стрѣлами, сами называя себя опорой національной обороны¹.

Къ провинціи Кёнъгыдо принадлежитъ въ административномъ отношеніи и большой островъ Канъхоадо (яп. Кокатō) 江華島, каковое имя буквально значить: цвѣтокъ (слава) рѣки (Ханганъ), иначе называемый Канъдо 江都 столица рѣки или еще Симдо (Симчжю) 泌都(州) «рѣчная (буквально: опоясанная водою) столица (область)»². Островъ лежитъ на сѣверо-западѣ отъ гавани Чѣмульхо (Инчхѣн)³, поперегъ выхода въ Желтое море водъ рѣки Ханганъ, почему устье рѣки и разбивается здѣсь на два главныхъ рукава. Съ востока и сѣвера островъ окружается этими рукавами р. Ханганъ, при чемъ на сѣверѣ отдѣляющая островъ отъ материка болѣе широкая водная полоса достигаетъ свыше 1 мили въ ширину, а на востокѣ рѣчной рукавъ на подобіе узкаго пролива измѣряется въ узкихъ мѣстахъ менѣе, чѣмъ въ 100 сажень; съ запада и юга островъ омывается моремъ, хотя на разстояніи многихъ миль поверхность моря въ обоихъ указанныхъ направленіяхъ и линія горизонта столь испещрены многочисленными скалами и островами различной величины, что создаютъ скорѣе впечатлѣніе замкнутаго сушею залива, чѣмъ открытаго моря⁴. Протяженіе острова съ сѣвера на югъ свыше 10 ри, съ востока на западъ много меньше; считаютъ всего 5 ри⁵.

¹) Канкоку-цири, 158 (говорится въ 1905 г.).

²) Канкоку-синцири, 302, и Trollope, Rev. M. N.—Kang-hwa, 6—7 (Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society, т. II, ч. I), гдѣ также указываются историческія названія острова.

³) Путешествіе моремъ на парусной лодкѣ съ приливомъ изъ Чѣмульхо къ острову Канъхоадо описывается Bourdaret въ «En Corée», 1904, 327—330 (Въ его время существовало уже паровое сообщеніе съ островомъ на небольшомъ пароходѣ, совершающемъ понынѣ рейсы въ Хячжю).

⁴) Присутствіе этихъ скалъ и острововъ дѣлаетъ доступъ судамъ съ открытаго моря къ острову дѣйствительно труднымъ.

⁵) Канкоку-синцири, 302. Корейскія сочиненія указываютъ длину острова въ

Въ своихъ главныхъ географическихъ чертахъ островъ Канъхоадо представляетъ какъ бы рѣшетку, пересѣкаясь съ запада на востокъ четырьмя ясно очерченными параллельными цѣпями, при чемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наибольшія вершины лежатъ на западной сторонѣ острова, а по мѣрѣ приближенія къ восточной сторонѣ его цѣпи уменьшаются въ высотѣ и развѣтвляются на меньшія гряды. Наиболѣе значительной изъ четырехъ цѣпей является южная. Каждая цѣпь отдѣляется отъ сосѣдней широкой и плодородной долиною, идущей параллельно направленію цѣпей, т. е. съ запада на востокъ. Значительныя площади земли въ нижнихъ частяхъ этихъ долинъ, нынѣ служащихъ земледѣлію, были осушены и ограждены отъ моря, раньше заливавшаго ихъ во время прилива, въ теченіе двухъ съ половиною послѣднихъ столѣтій при помощи плотинъ и насыпей; такихъ морскихъ плотинъ на островѣ считается до десяти, изъ нихъ нѣкоторыя тянутся на значительное разстояніе¹.

Благодаря своему положенію въ устьѣ рѣки, ведущей къ нынѣшней столицѣ, равно какъ возложенной на него задачѣ служить обороноѣ участка морского побережья, ближайшаго къ старой столицѣ Сонъдо, островъ Канъхоадо, естественно, игралъ выдающуюся роль въ исторіи страны въ теченіе почти тысячелѣтія со времени утвержденія династіи Корё въ Сонъдо въ 936 г. по Р. Х.; соотвѣтственно этому островъ пользовался высокою оцѣнкою въ глазахъ корейцевъ. До указаннаго времени политическій центръ тяжести Кореи лежалъ дальше отъ острова Канъхоадо въ городѣ Пхёнъянъ на сѣверѣ, или въ провинціяхъ Кёнъсянъдо, Чёлладо или Чхюнъчхёнъдо; но въ теченіе слѣдующаго тысячелѣтія географическое положеніе острова и его природныя черты сдѣлали его наиболѣе пригоднымъ мѣстомъ убѣжища для королевской семьи и правительства во времена смутъ, также наиболѣе подходящимъ мѣстомъ изгнанія для низложенныхъ правителей, неудобныхъ членовъ королевской семьи и опальныхъ министровъ, равно какъ передовой позиціей, на которую направлялось нападеніе, шедшее съ моря, почему защита ея представлялась въ высшей степени важной.

За исключеніемъ японской экспедиціи 1592—6 г.г. и китайско-японской войны 1894—5 г.г., едва коснувшихся острова, Канъхоадо испыталъ на себѣ полную силу почти cadaго иноземнаго вторже-

70 «и», ширину въ 40 «и» (Тэханджичжи 大韓地誌 даже 100 и 50 «и»). Trollope, цит. ст., 7, принимаетъ длину острова не превышающей 20 миль и наибольшую ширину—не свыше 10 или 12 миль.

¹) Trollope, Kang-wha, 8—10,

нія въ Корею, въ особенности монгольскаго вторженія въ XIII стол., когда дважды, подъ давленіемъ обстоятельствъ, мѣстопробываніе двора переносилось на этотъ островъ, и маньчжурскаго вторженія въ XVII столѣтіи, кончая французской и американской экспедиціями въ 1866 и 1871 г.г. Болѣе, чѣмъ одинъ государь послѣдней династіи И, имѣлъ пребываніе на островѣ болѣе или менѣе продолжительное время, одинъ даже родился на островѣ (правившій съ 1850 по 1863 гг. Чхельчжонъ 哲宗) въ 1831 г. Канъхоадо явился также сценою столкновенія между японцами и корейцами въ 1876 г., поведшаго къ столь чреватымъ послѣдствіямъ, при чемъ переговоры, предшествовавшіе заключенію договора между Японіей и Кореей, какъ непосредственнаго результата означеннаго столкновенія, велись въ самомъ городѣ Канъхоа¹.

О-въ Канъхоадо, вмѣстѣ съ лежащимъ на противоположномъ берегу материка, на юго-востокъ отъ города Канъхоа, городомъ Тхонъчжинъ 通津邑, составлялъ издревле одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ Кореи, при чемъ первая ворота къ нему съ моря образованы островомъ Ёньчжонъдо 永宗島, лежащимъ противъ гавани Чѣмульпхо, на южной сторонѣ острова Канъхоадо, тогда какъ далѣе на сѣверъ по тому же восточному рукаву р. Ханганъ вторыя ворота открываются между островомъ Ханъсандо 項山島, лежащимъ въ руслѣ рѣки, и Чхочжичжин 草芝鎮 на самомъ о-вѣ Канъхоадо. Еще далѣе на сѣверъ, въ разстояніи около 1 ри рѣка образуетъ внезапный зигзагообразный поворотъ между крутыми, но не очень высокими холмами и въ этомъ мѣстѣ, называемомъ Сондольмокъ 孫乞項, т. е. проливъ Сондоль, создается первая на рѣкѣ природная крѣпость: по обоимъ берегамъ здѣсь много подводныхъ камней; теченіе стремительное, образуя водоворотъ, который и извѣстенъ подъ указаннымъ именемъ; словомъ, это въ высшей степени опасное мѣсто. На берегу стоятъ батареи, которыя подвергли обстрѣлу американскую эскадру въ 1871 г.; рядомъ находится въ Коанъсёнъ 廣城 первый перевозъ черезъ проливъ на пути съ острова Канъхоадо въ столицу. Если подниматься еще выше по теченію, то въ мѣстѣ называемомъ Капкотъ или Капкотчхи (Капкоан) 甲串², въ двухъ или трехъ миляхъ на югъ отъ

¹) Trollope, Kang-wha, 5—6.

²) Капкоан, который является портомъ для острова Канъхоадо, соединенъ нынѣ съ городомъ Канъхоа новой широкой проѣзжей дорогой длиною въ 2¹/₂ мили. Seoul Press, 9 June 1911. Въ Капкотъ находится второй главный перевозъ че-

собственного устья р. Ханганъ, тамъ, гдѣ по обоимъ берегамъ разбросаны дома, путешественникъ достигаетъ оплота третьихъ воротъ названной рѣки. Здѣсь на лѣвомъ (восточномъ берегу) находятся Конъхамун 控海門, т. е. ворота, сдерживающія море (нападеніе съ моря), у горы Мунсусан 文殊山, достигающей 1200 фуговъ высоты и столь близко подходящей къ холмамъ на противоположной сторонѣ рѣки, что какъ бы запираетъ ея русло¹; на правомъ (западномъ) берегу на островѣ Канъхоадо въ этомъ же мѣстѣ лежитъ Чинхамун 鎮海門, т. е. ворота, обороняющія море.

Пройдя эти тѣснины, путешественникъ достигаетъ той части рѣки Ханганъ, гдѣ она на поворотѣ разливается точно большое озеро. Это и есть мѣсто раздѣленія рѣки на два рукава и собственное устье ея у сѣверо-восточнаго угла острова Канъхоадо². Берега рѣка представляютъ сплошь какъ бы каменные стѣны, не оставляя мѣста для причала судна, такъ что здѣсь по правдѣ самой природою устроена крѣпость. Послѣ открытія гавани Чѣмудьхо здѣсь былъ расположенъ корейскій отрядъ морской пѣхоты для обороны устья р. Ханганъ³.

Западный берегъ восточнаго рукава р. Ханганъ, т. е. берегъ острова Канъхоа, на протяженіи 40 или 50 «и» онаясанъ стариннымъ зубчатымъ валомъ, идущимъ отъ юго-восточнаго до сѣверо-восточнаго угла острова и увѣнчаннымъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, круглыми башнями или фортами (всѣхъ ихъ 60 или 70, при чемъ 12 изъ нихъ имѣли раньше постоянный гарнизонъ и назывались чин 鎮, т. е. крѣпостями; остальные снабжались гарнизономъ лишь въ случаѣ необходимости). Эти башни были воздвигнуты въ разное время, однако,

резь проливъ на востокъ отъ Канъхоадо къ большой дорогѣ въ Сеуль (35 миль отсюда).

¹) Гора Мунсусан была укрѣплена въ 1695 г. валомъ въ 15 «и» длиною и должна была служить передовой позиціей укрѣпленій острова Канъхоадо, охранявшей переправу Капкот и служившей сценою многихъ животрепещущихъ событій въ корейской исторіи, начиная съ монгольскаго вторженія въ XIII стол. и кончая 1866 г., когда Капкот являлся главной квартирою французской экспедиціи въ теченіе нѣсколькихъ дней. Trollope, Kang-wha, 4—5. У той же горы Мунсусан французскій десантъ понесъ сильное пораженіе въ указанномъ 1866 г.

²) Если иностранцы и считаютъ, что устье р. Ханганъ или, по крайней мѣрѣ, ея восточнаго рукава находится у Чѣмудьхо, то сами корейцы называютъ оба рукава—сѣверный и восточный этой рѣки, огибающіе островъ Канхоадо, уже моремъ. Trollope, Kang-wha, 2.

³) Канкоку-синцири, 301.

большинство ихъ было построено въ концѣ XVII стол.; постройка же самаго вала, сдѣланнаго изъ большихъ каменныхъ глыбъ съ кирпичнымъ брустверомъ, восходитъ къ XIII стол. (къ 1253 г.), когда король изъ корёской династїи Оанъ перенесъ свое мѣстопробываніе изъ города Сонъдо на островъ Канъхоадо, предъ лицомъ вторгнувшихся монголовъ. Нынѣ (говорится въ 1901 г.) вся артиллерія, кромѣ нѣсколькихъ старинныхъ орудій, снята съ вала и форты, сторожевые дома и казармы всё покинуты¹.

Въ сѣверной части острова, ближе къ восточной, чѣмъ къ западной сторонѣ его, стоитъ бывшій окружной, нынѣ уѣздный² городъ Канъхоа 江華, опоясанный каменною стѣною длиною въ 15 корейскихъ «и»; дома въ немъ большей частью крыты черепицею и внутри городскихъ стѣнъ стоятъ плотными рядами. Въ городѣ ранѣе были королевскій дворецъ, сожженный французами въ 1866 г.; отъ него нынѣ сохранились лишь остатки фундамента и двѣ каменные плиты съ надписями; кромѣ того въ городѣ имѣлись прежде казармы современнаго образца, гдѣ ранѣе помѣщался Канъхоа'скій полкъ (т. н. Симдэ 沁隊) въ 300 человекъ, набранный главнымъ образомъ на самомъ островѣ, и склады оружія. О прочихъ примѣчательныхъ зданіяхъ города говоритъ Троллопъ, авторъ уже упомянутой весьма содержательной статьи «Kang-wha»³.

Въ теченіе 260 лѣтъ до 1894 г. Канъхоа вмѣстѣ съ 4 другими городами⁴ считался одной изъ пяти крѣпостей, отъ которыхъ зависѣла безопасность Сеула, и въ качествѣ таковой управлялся съ 1628 г. юсю 留守, явившимся однимъ изъ высшихъ сановниковъ государства, при которомъ состояли два помощника по гражданской и военной части и до 1,000 различныхъ чиновъ; до 10,000 войска числилось въ мѣстномъ гарнизонѣ (подъ оружіемъ было, конечно, много меньше). Въ теченіе продолжительнаго времени «юсю» Канъхоа по должности являлся также командующимъ военносухпутными и военноморскими силами трехъ провинцій Чхюньчхёнъдо, Кёнъгыйдо и Хоанъхъдо и въ этой роли имѣлъ въ своемъ распоряженіи 13,000 мѣшковъ податнаго риса въ годъ, сложеннаго въ обширныхъ казен-

1) Trollope, Kang-wha, 2—3.

2) Въ сферу управленія уѣзда Канъхоа входятъ, кромѣ главнаго острова, еще 12 небольшихъ острововъ; семь болѣе важныхъ изъ нихъ указываются у Trollope, Kang-wha, 8.

3) О достопримѣчательностяхъ города см. стр. 13—15 названной статьи. Bourdaret, En Corée, 332—339, также описываетъ главный городъ острова Канъхоадо, равно какъ самый островъ и его достопримѣчательные пункты, въ частности и монастырь Чёнъдынса, о которомъ упоминается ниже.

4) См. выше стр. 271.

ныхъ складахъ (впослѣдствіе опустѣлыхъ) въ городѣ.

Перемѣны въ отношеніи приемовъ новѣйшаго военнаго искусства лишили въ значительной мѣрѣ о. Канъхоадо военной важности, такъ какъ непріятель, желавшій нанести ударъ въ сердце страны, могъ избрать болѣе удобный путь къ Сеулу отъ Чѣмудыхо, да и о. Канъхоадо, при всѣхъ выгодахъ естественнаго положенія, въ новыхъ условіяхъ никогда не могъ бы доставить дѣйствительно надежнаго убѣжища своему государю въ случаѣ опасности. Поэтому въ 1894 г. г. Канъхоа былъ низведенъ на степень простого уѣзднаго города съ кунсю во главѣ и только въ 1896 г. былъ возвышенъ въ рангъ окружнаго города подъ властью пуюн, чтобы вторично лишиться этого почетнаго званія въ 1906 г., и нынѣ снова числится въ разрядѣ уѣздныхъ городов¹.

Помимо самаго города Канъхоа, наиболѣе извѣстнымъ мѣстомъ на островѣ является близъ южной оконечности его укрѣпленный буддійскій монастырь Чѣндынъса 傳燈寺 въ 30 «и» разстоянія отъ названнаго города къ югу, по сосѣдству съ прославленной горою Марисан 摩尼山². Нынѣшнія зданія монастыря существуютъ съ XIII столѣтія, хотя первоначальное основаніе монастыря восходитъ къ незапамятнымъ временамъ. Монастырь окруженъ укрѣпленной стѣною въ 5 «и» длиною. Въ 1866 г. монастырь прославился неудачею, которую понесъ подъ его стѣнами французскій отрядъ, высланный отъ г. Канъхоа, послѣ взятія его французами³.

Занятіемъ населенія острова Канъхоадо (8,000 дворовъ, что даетъ не менѣе 30,000 душъ) служатъ поровну земледѣліе и рыболовство, въ частности солевареніе въ побережныхъ селеніяхъ, затѣмъ идутъ торговля и ремесла. Не мало народа

¹) Trollope, Kang-wha, 10—11.

²) Иероглифы эти несомнѣнно употреблены лишь для транскрипціи древняго корейскаго имени. На самой вершинѣ горы Марисан стоитъ грубый каменный столбъ (пирамида) извѣстный съ давнихъ поръ подъ именемъ жертвенника Тангуна (Тангундан 檀君壇; болѣе правдоподобное, но исторически не доказанное сообщеніе относительно этой полулегендарной личности указываетъ, что онъ царствовалъ съ 1193 по 1122 г. до Р. X.). Trollope, Kang-wha, 22, даетъ отличное названіе памятника—Чансѣндан 參星壇, т. е. достигающаго звѣздъ жертвенника.

Настоящій памятникъ относится къ числу долменовъ, которыми достаточно богата Корея; въ частности въ этомъ отношеніи можно указать еще на долину р. Куріонъганъ въ сѣверной Пхѣнъандо близъ Унсан, см. Baelz, E. Dolmen und alte Königsgräber in Korea: Zeitschrift für Ethnologie, 1910, стр. 776—781. Извѣстный французскій синологъ Шаваннъ въ рецензій на эту статью, помѣщенной въ T'oung Pao, XII, № 1, Mars 1911, стр. 88—91, указываетъ существующую литературу относительно корейскихъ долменовъ, въ частности и на о-вѣ Канъхоадо.

³) Trollope, Kangwha, 18—19.

занимается мореходством¹.

Промышленность острова Канъхоадо исчерпывается домашним производством грубого полотна и присутствием одной, или двух гончарных мастерских, выпускающих самые грубые и простые изделия, и одной или двух железных мастерских, также для производства самых простых изделий. Кроме того обычное зимнее занятие сельского населения острова составляет изготовление циновок из травы ситника; специальными производствами острова является изготовление лучших сортов этих циновок с цветным рисунком; лучшие образцы их доставлялись двору и составляли часть убранства дворцовых помещений в Сеулѣ, встречаясь рѣдко в продажѣ.

В прошлом о-въ Канъхоадо славился своей породой лошадей, но эта отрасль дѣятельности населения за послѣднія два столѣтія совершенно угасла, хотя удерживалась еще немного лѣтъ тому назад на сосѣдних островах Чянъбонъдо 長峯島 и Мѣымдо 煤音島. Нынѣ на всем островѣ едва ли найдется хоть одна лошадь, хотя память о прежнем процвѣтаніи коневодства живетъ в названіяхъ нѣкоторыхъ селеній (напримѣръ, в названіи Мачжянъдонъ, т. е. деревня скакового поля 馬場洞) и в сообщеніяхъ старыхъ хроникъ по поводу той славы, которой пользовались в странѣ лошади с острова Канъхоадо².

Помимо указанныхъ произведеній, островъ Канъхоадо доставляетъ еще древесный строительный матеріалъ и въ особенности камень (гранитъ³), употребляемый на общественныя зданія, украшенія могилъ и т. д. в Сеулѣ и окрестностяхъ; камень лучшихъ сортовъ получается съ сосѣдняго островка Мѣымдо на западъ отъ главнаго острова⁴.

1) Канкоку-синцири, 302. Trollope, Kang-wha, считаетъ, что земледѣліе является занятіемъ большинства населенія острова.

2) Trollope, Kang-wha. 17-18.

3) Красивый голубой и сѣрый гранитъ съ острова Канъхоадо одинаково замѣчательны прочностью и тонкостью зернистаго строенія. Bourdaret, En Corée, 339.

4) Можно упомянуть еще островъ Тонъгѣмдо 東檢島 или островъ Трико (Tricault), на югъ отъ острова Канъхоадо, такъ какъ, по словамъ Bourdaret, En Corée, 328, именно на этомъ островѣ добывается главнымъ образомъ названный гранитъ, причѣмъ для добычи его на островѣ живутъ китайцы-каменотесы.

На западъ отъ о-ва Канъхоадо, отдѣляясь отъ него узкимъ проливомъ, лежитъ о-въ Кіодонъдо 喬洞島, образующій особый уѣздъ, длиною въ 2 ри, шириною въ 1 ри и съ общимъ населеніемъ въ 1000 семей; поля хорошо воздѣланы; изъ мѣстныхъ произведеній островъ извѣстенъ цыновочными издѣліями, которыя не уступаютъ красивой отдѣлкою Конхоадо-скимъ и прочностью даже превосходятъ эти послѣднія¹. На островѣ расположено управленіе уѣзда Кіодонъ. Въ концѣ правленія династіи Корё японскіе пираты (оайку по корейски 倭寇) неоднократно пользовалась этимъ островомъ для грабежа судовъ съ податнымъ зерномъ. При династіи И островъ получилъ другое назначеніе—служить мѣстомъ ссылки знатныхъ лицъ².

Провинція Хоанъхъадо въ своей западной половинѣ представляетъ очертанія почти полуострова, далеко выдавашагося въ море, которое такимъ образомъ омываетъ берега провинціи на югѣ, западѣ и сѣверо-западѣ; западная оконечность провинціи въ мысѣ Обецуки является вмѣстѣ съ тѣмъ крайней западной точкою всего корейскаго полуострова. Съ остальныхъ сторонъ провинція граничитъ на юго-востокѣ съ провинціей Кёнъгыдо, на востокѣ съ Канъуондо, а на сѣверѣ примыкаетъ къ Южной Пхёнъандо, отдѣляясь отъ этой провинціи въ западномъ участкѣ границы нижнимъ теченіемъ и морскимъ лиманомъ р. Тадонъганъ³. Горныя цѣпи, заполняя всю провинцію, раздѣляютъ ея города одинъ отъ другого, чѣмъ и затрудняютъ сообщеніе между ними. Поэтому разсматриваемая провинція, хотя и находилась издревле по сере-

1) Цыновки для дворцовъ въ Сеулѣ специально заказывались на этомъ островѣ. Bourdaret, En Corée, 339.

2) Канкоку-синцири, 303.

3) Канкоку-сѣран, 69, указываетъ, что воды этой рѣки несутъ въ большомъ количествѣ желтый иль, почему побережная полоса моря вдоль провинціи Хоанъхъадо получаетъ желтую окраску, что якобы и объясняетъ происхожденіе названія этой провинціи, которое буквально можетъ значить: провинція (округъ) Желтаго моря. Однако, желтый цвѣтъ воды Желтаго моря, отдѣляющаго берега провинціи Шаньдунъ въ Китаѣ отъ противоположныхъ береговъ Кореи и заслужившій ему это имя отъ китайцевъ, отъ которыхъ оно перешло и къ корейцамъ, происходитъ отъ огромныхъ количествъ ила, доставляемыхъ этому морю Желтой рѣкою изъ Китая, а иль изъ р. Тадонъганъ играетъ въ данномъ отношеніи чисто мѣстную роль и никоимъ образомъ не могъ самъ по себѣ обусловить наименованіе всего обширнаго морскаго бассейна, отъ котораго въ свою очередь могло произойти и названіе провинціи Хоанъхъадо.

динѣ корейскаго полуострова и его политической системы, всеже составляла по отношенію къ другимъ частямъ его особый міръ, являясь спорной областью съ политической точки зрѣнія, при чемъ ни разу не случалось, чтобы въ предѣлахъ провинціи учреждалась столица. Вообще можно сказать, что эта провинція исторически имѣла самую слабую связь съ остальной Кореей¹.

Береговая линія провинціи Хоанъхăдо, хотя и имѣетъ острова впереди себя, равно какъ образуетъ на своемъ протяженіи выступы и выемки, но всеже не въ такомъ количествѣ, какъ три южныя провинціи Кореи².

Среди городовъ этой провинціи на первомъ мѣстѣ должно поставить главный городъ провинціи Хăчжю (яп. Кайсѳ) 海州, отстоящій отъ столицы въ 34 ри³. На сѣверѣ городъ прислоняется къ горамъ Сюанъсан (яп. Сюіодзан) 首陽山, на югѣ обращенъ къ заливу Хăчжю, отстоя отъ его берега въ 10 корейскихъ «и»⁴. Окружность стѣнъ города превышаетъ 14,000 футовъ (надпись на памятникѣ снаружи южныхъ воротъ указываетъ длину стѣнъ въ 2600 шаговъ), но снаружи идутъ еще предмѣстія, вмѣстѣ съ которыми городъ имѣетъ свыше 3000 домовъ (въ 1897 г. въ городѣ считалось 15,000 жителей, въ 1904 г. — 20,000, такъ какъ многіе изъ домовъ имѣютъ крупныя размѣры⁵). Улицы идутъ вдоль и поперекъ, дома скучены, торговля процвѣтаетъ. Впрочемъ, городъ не имѣетъ никакихъ специальныхъ произведеній. Къ тому же рись и прочее зерно, собираемое въ окрестномъ районѣ, вывозится большей частью не черезъ самый городъ, а черезъ

¹) Канкоку-синцири, 321.

²) Канкоку-сѳран, 68—9.

³) Городъ связанъ регулярными пароходными рейсами съ Чѳмупхо. Это пароходное сообщеніе до сего времени поддерживалось исключительно на пароходахъ общества Хори и К⁰, но нынѣ предположено новымъ предпринимателемъ Т. Такеда открыть вторую пароходную линію между указанными пунктами съ помощью парохода «Кайсѳ Мару», водоизмѣщеніемъ въ 49 тоннъ. Seoul Press, 25 Nov. 1911, 2.

⁴) То, что городъ былъ построенъ (свыше 500 лѣтъ тому назадъ; въ царствованіе Сѳчжо-тăоанъ, 444 года тому назадъ, онъ былъ перенесенъ на свое теперешнее мѣсто) не на самомъ морскомъ берегу, объясняется присутствіемъ въ старину въ соседнихъ водахъ многочисленныхъ пиратовъ и страхомъ населенія передъ ихъ набѣгами. Korea Review, IV, 1904, стр. 208—9.

⁵) Korea Review, IV, 1904, стр. 208; однако, тогдашній officialный подсчетъ указывалъ въ г. Хăчжю въ фискальныхъ цѣляхъ только 941 семей.

различныя другія гавани. Поэтому въ качествѣ торговаго пункта городъ не можетъ занять важной позиціи¹.

Позади города у подножья горы Мёнчжён 面前山 находится очень живописное озеро. Въ городѣ и окрестностяхъ скалы и камни всѣхъ величинъ встрѣчаются въ изобиліи и въ широкихъ размѣрахъ употребляются на постройку стѣнъ, зданій и памятниковъ².

Въ 12 ри на востокъ отъ г. Хячжю, между рѣками Ёсёнъганъ и Порёнганъ (яп. Хоренкō) 寶輦江, на западъ отъ первой, лежитъ городъ Ён'анъ 延安 (яп. Енбан) въ богатомъ земледѣльческомъ районѣ; населеніе большей частью занимается судоходствомъ по р. Порёнганъ 寶輦江, пригодной для этой цѣли, и среди него имѣется не мало зажиточныхъ людей.

Въ 15 ри на западъ отъ г. Хячжю находится уѣздный городъ Чянъён (яп. Ціоен) 長淵; на югъ отъ него протекаетъ рѣка Тядонъха (яп. Дайтōка) 大東河 (не слѣдуетъ смѣшивать ее съ Тядонъганъ)³. Населеніе въ городѣ достигаетъ свыше 100 семей; со всѣхъ сторонъ городъ окружаютъ большей частью плодородныя поля и эта мѣстность славится производствомъ бобовъ сои. Въ извѣстный сезонъ въ городъ прїѣзжаетъ изъ Хячжю много торговцевъ и торговые обороты достигаютъ большихъ размѣровъ⁴.

На западъ отъ города, отъ мыса Чянъсангот 長山串 море глубоко врѣзывается въ сушу, образуя обширный заливъ, внутри котораго имѣется рядъ гаваней, изъ нихъ можно отмѣтить въ 4 ри на югъ гавань Намчхянъпхо 南昌浦 и въ 6 ри на востокъ Тхятханпхо 苔灘浦; обѣ представляютъ собою удобныя якорныя стоянки и ведутъ оживленную торговлю. Въ сосѣдномъ морѣ водится много трепанговъ (海鼠 хайшу по китайски, намако по японски) и издавна понынѣ, какъ говорятъ, китайскіе рыбаки явля-

1) Канкоку-синцири, 321.

2) Korea Review, IV, 1904, стр. 210.

3) Рѣка Тядонъха впадаетъ въ длинный, но узкій морской заливъ (называемый поэтому Тядонъхагу 大東河口), лежащій въ промежуткѣ двухъ выдавшихся впередъ на подобіе мысовъ параллельныхъ горныхъ цѣпей на полуостровѣ провинціи Хоанъхядо. Выше по теченію эта рѣка глубока, но въ самомъ устьѣ она имѣетъ много отмелей и неудобна для движенія большихъ судовъ. Канкоку-цири, 185.

4) Канкоку-синцири, 322.

лись сюда изъ Шаньдуна изъ года въ годъ для тайной ловли ихъ. Въ морѣ вдали отъ берега лежитъ подъ рядъ три острова, изъ коихъ сѣверный зовется Пённёндо 白翎島, южный—Тячхёндо 大清島 и лежащій на юго-востокъ отъ послѣдняго—Сючхёндо 小清島; вся же группа зовется James Hall Group. Островъ Пённёндо служилъ издавна мѣстомъ ссылки лицъ сословія янъбаней за тяжкія преступленія. На о-вѣ Тячхёндо понынѣ сохранились остатки развалинъ императорскаго дворца, въ которомъ жили изгнанные изъ Китая Юаньскіе государи (т. е. монгольской династіи въ Китаѣ) Вэньди (1329—1332 г.) и Шуньди (1333—1367 г.)¹.

Уѣздый городъ Чарёнъ 載寧, съ населеніемъ около 500 дворовъ, на западѣ выходитъ на р. Чарёнганъ, на В., С. и Ю. примыкаетъ къ обширной равнинѣ, извѣстной подъ именемъ равнины Кыксёнъ (яп. Кіокудзіо) 棘城. Эта равнина, имѣя по срединѣ рѣку Чарёнганъ, простирается на сѣверъ до г. Хоанъчжю 黃州, на востокъ—до г. Пунъсан 鳳山, на западъ—до уѣздовъ Мунхоа 文化 (яп. Бунка), Ан'ак (яп. Ангаку) 安岳 и Синчхён (яп. Синсен) 信川 и измѣряется по прямой линіи въ 10 съ чѣмъ-то ри. Благодаря удобствамъ орошенія, доставляемымъ на всемъ протяженіи равнины рѣкою Чарёнганъ, она производитъ въ большомъ изобиліи рисъ и прочіе хлѣба, при чемъ рисъ, производимый здѣсь, разнится отъ риса, производимаго въ другихъ мѣстахъ, крупнымъ зерномъ и хорошимъ качествомъ, почему онъ доставлялся въ теченіе многихъ поколѣній королевскаго дома къ высочайшему столу².

Рѣка Чарёнганъ отличается глубиною и даже въ верхнемъ теченіи на протяженіи нѣсколькихъ ри по ней могутъ свободно двигаться суда въ 400—500 коку; въ нижнемъ же теченіи рѣка соединяется у острова Тчхельдо съ рѣкою Тадонганъ; здѣсь рѣка имѣетъ глубину до 60 футовъ и доступна для пароходовъ въ нѣсколько тысячъ тоннъ. Благодаря этому обстоятельству городъ Чарёнъ можетъ удобно сообщаться водою со всѣми торговыми пунктами въ долину рр. Чарёнганъ

¹) Канкоку-синцири, 322-3.

²) Канкоку-синцири, 323.

и Тадонгань. Кромѣ того, городъ является передаточнымъ пунктомъ для товаровъ, доставляемыхъ сухимъ путемъ изъ района Хачжю. Такимъ образомъ онъ оказывается въ важномъ мѣстѣ скрещенія водныхъ и сухопутныхъ сообщеній и ведетъ весьма цвѣтущую торговлю; въ особенности во дни ярмарокъ, когда отовсюду стекаются купцы и всякаго рода товары, городъ являетъ собою шумный и оживленный видъ и кипучую торговлю¹.

До столицы отъ г. Чаренъ считается 43 ри, до г. Хоаньчжю—10 ри, до г. Ан'ак—4 ри и до г. Синчхён 信川—3 ри.

По сосѣдству съ городомъ Чаренъ находится большой желѣзный рудникъ; залежи руды здѣсь охватываютъ нѣсколько горъ, которыя составляютъ какъ бы одинъ кусокъ желѣзной руды. Количество добываемаго здѣсь желѣза равняется добычѣ этого металла во всей остальной странѣ; добывается также свинцовая руда.

Городъ Пакчхён (яп. Хакусен) 白川 расположенъ въ 18 ри отъ Сеула, на западномъ берегу р. Ысёнгань, называемой также Кымчхёнган 金川江, напротивъ Хусѣпхо (яп. Госейхо) 後西浦 въ провинціи Кёнъгыйдо, по другую сторону названной рѣки. Благодаря тому, что окружающая мѣстность производитъ рисъ и бобы, а самъ городъ служить складочнымъ пунктомъ для ея товаровъ, то у берега рѣки здѣсь всегда стоитъ не мало судовъ².

Въ нѣсколькихъ ри отъ г. Пакчхён по теченію р. Ысёнгань находится городъ Кымчхён (яп. Кинсен) 金川, станція Сеуло-Ыйчжюской ж. д., центръ производства бобовъ; приблизительно въ одномъ ри отсюда вверхъ по рѣкѣ находится Чоыпхо (яп. Дзіоюхо) 助邑浦, куда могутъ еще свободно доходить по р. Ысёнгань суда съ водоизмѣщеніемъ въ 150 коку; при отливѣ отсюда можно доѣхать въ 3—4 дня до Чѣмульхо. Поэтому въ названный Чоыпхо свозится въ большомъ количествѣ для отправки въ Чѣмульхо и Сеуль рисъ и прочій хлѣбъ изъ лежащихъ на сѣверѣ отсюда Тхосан 兎山, Сингъ 新溪, Пхёнъсан 平山 и изъ болѣе отдален-

¹) Канкоку-синцири, 323.

²) Канкоку-синцири, 324.

ныхъ мѣсть, какъ Коксан (яп. Кокудзан) 谷山, Сюан (яп. Суйан) 遂安 и т. д. Кромѣ того главнымъ образомъ черезъ тотъ же Чоыпхо ввозятся въ эту мѣстность необходимые предметы потребленія, какъ рыба, соль и разный другой товаръ.

Хоаньчжю (яп. Кōсiю) 黃州 является большимъ городомъ въ западной части провинціи Хоаньхэдо. Раньше онъ служилъ мѣстопробываніемъ главнокомандующаго сухопутными военными силами пёнъмачельдоса (兵馬節度使) всей этой провинціи. На югѣ городъ, выходя къ рѣкѣ Чхёмгымганъ (яп. Дзенкинко) 籤錦江, примыкаетъ къ обширной равнинѣ г. Чарёнъ. Городъ имѣетъ протяженіе съ востока на западъ въ 4 цiо, съ юга на сѣверъ—въ 7 цiо и заключаетъ, по слухамъ, болѣе 2000 жилыхъ домовъ¹. Улицы тянутся въ беспорядкѣ вверхъ и внизъ, такъ какъ ровной земли мало.

Торговля города весьма оживленна, привлекая въ необычайномъ числѣ торговыхъ людей изъ городовъ Пхёнъянъ, Касёнъ и разныхъ другихъ мѣсть. Важнѣйшими произведеніями этой мѣстности являются хлопокъ, бобы² и живой скотъ; изъ нихъ хлопокъ много вывозится въ мѣстности Хамгёндо, какъ и въ различныя мѣста Кёнъгыдо и Чхюньчхёндо; бобы идутъ къ берегу рѣки Тадонъганъ и въ Чѣмульхо. Живой скотъ отправляется большей частью въ Хамгёндо; торговля имъ очень значительна, такъ что на каждой ярмаркѣ его продается до 1000 головъ.

Рѣка Чхёмгымган 籤錦江 на разстояніе въ 1 ри отъ Хоаньчжю ниже по теченію доступна морскому приливу; начиная съ этого мѣста рѣка постепенно становится глубже и около трехъ ри выше острова Тчхельдо впадаетъ въ р. Тадонъганъ. Кромѣ какъ зимою, когда рѣка замерзаетъ, судоходство по ней возможно, что оказываетъ не малую помощь торговлѣ города. Помимо того, что городъ стоитъ на большой дорогѣ изъ Сеула въ Ыйчжю, по которой издавна идетъ непрерывное движеніе—пѣшее и конное, тутъ же устроена большая станція

¹ Это говорится въ 1905 г. (Канкоку-синцири, 325). Вокругъ городскихъ стѣнъ устроенъ сухой ровъ, шириною отъ 4 до 6 кен и глубиною отъ 2 до 3 кен; какъ говорятъ, онъ служитъ между прочимъ для предупрежденія наводненій (Канкоку-сбран, 69).

² Эти т. н. Хоаньчжю'скіе бобы пользуются въ особенности широкой извѣстностью за хорошее качество ихъ. Канкоку-цири, 185.

Сеуло-Ыйчжюской ж. д. на половинѣ пути по всей линіи; отсюда же идетъ вѣтка къ недавно открытому¹ порту Кем'ипхо, яп. Кендзихо, 兼二(仁)浦, создавая такимъ образомъ для города Хоаньчжю удобное сообщеніе съ моремъ. Въ будущемъ этотъ городъ долженъ пріобрѣсти еще большую важность съ торговой и военной точки зрѣнія².

Въосѣверо-западной части провинціи, на южномъ берегу морского устья р. Тадонъгань, лежитъ Ёындонъ (яп. Гюиндō) 漁隱洞, который заслужилъ большую извѣстность тѣмъ, что въ японо-китайскую войну японская эскадра военныхъ судовъ пользовалась имъ въ качествѣ базы³.

Провинція Пхёнъандо занимаетъ сѣверо-западный уголъ Кореи, примыкая на востокѣ къ Хамгёнъдо и на югѣ къ Хоаньхъдо; на сѣверо-западѣ провинція граничитъ съ Шэньцзинской и Гириньской провинціями китайской Маньчжуріи черезъ р. Амнокканъ; на юго-западѣ омывается водами Корейскаго залива («Корейскаго моря» 朝鮮海). Рѣкою Чхёнъчхёнганъ, прорѣзывающей рассматриваемую область по срединѣ въ юго-западномъ направленіи, эта послѣдняя дѣлится на двѣ части: Пхёнъанбукто на сѣверъ отъ указанной рѣки, иначе, называемую Чхёнъбук 清北 (т. е. на сѣверъ отъ рѣки Чхёнъчхёнганъ), и Пхёнъаннамдо, иначе называемую Чхёнънам 清南, т. е. на югъ отъ той же рѣки⁴.

Благодаря гористости провинціи Пхёнъандо, взятой въ цѣломъ ея обѣихъ составныхъ частей, рисовыя поля въ ней рѣдки, почему риса и прочаго хлѣба производится немного; зато здѣсь очень хорошо рождаются различные сорта бобовъ и проса (*Panicum miliaceum*) прекраснаго качества. Кромѣ того область повсюду богата рудами, въ частности же по добычѣ наноснаго золота она является первой на всемъ полуостровѣ; извѣстные золотыя прииски Унсан 雲山 и Ынсан 殷山 находятся въ предѣлахъ этой провинціи. Затѣмъ въ сѣверо-восточныхъ гористыхъ округахъ провинціи сѣверной

1) 3000 домовъ, изъ нихъ 1000 домовъ внутри городскихъ стѣнъ. Канкоку-сѣран, 69.

2) Канкоку-синцири, 325.

3) Канкоку-сѣран, 69.

4) Канкоку-синцири, 326.

Пхёнъандо расположены извѣстные обиліемъ доставляемаго ими прекраснаго лѣса т. н. Ялускіе лѣса по верхнему теченію рѣки Ялуцзянь (въ корейскомъ произношеніи Амнокканъ).

Если сѣверо-восточная часть всей провинціи Пхёнъандо занимаетъ изолированное положеніе, наполнена горами и труднопроходима, то юго-западная часть ея изобилуетъ равнинами (въ частности въ бассейнѣ р.р. Чхёнъчхёнганъ и Тадонъганъ—равнина г. Пхёнъянъ и вдоль морского побережья) и благодаря тому обстоятельству, что эта часть лежитъ на важномъ древнемъ пути сообщенія съ Китаемъ и служила единственной дорогою для проѣзда въ обѣ стороны посольствъ и провоза товаровъ, она раньше всѣхъ другихъ частей полуострова стала развиваться въ культурномъ отношеніи: много мѣстъ въ ней сдѣлалось извѣстными въ исторіи. Хотя на территоріи Пхёнъандо не мало было цвѣтущихъ городовъ, но послѣ военныхъ дѣйствій въ годъ подъ циклическими знаками 甲午 (по китайски цзяу, по японски кѳго—1894 г.), сухопутная торговля провинціи постепенно пришла въ упадокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу испытаннаго ею ущерба отъ японо-китайской и японо-русской войны, ея процвѣтаніе нынѣ мало напоминаетъ прежнія времена. Однако, вновь построенная Сеуло-Ыйчжюская ж. д. должна будетъ удвоить процвѣтаніе прежнихъ дней¹.

Береговая линія провинціи Пхёнъандо имѣетъ много заливовъ, изъ нихъ Корейскій заливъ является наиболѣе извѣстнымъ; напротивъ, острововъ немного, при чемъ самыми извѣстными оказывается группа острововъ въ морѣ передъ устьемъ р. Амнокканъ. Побережье провинціи не лишено удобныхъ гаваней, изъ коихъ устья рр. Амнокканъ и Тадонъганъ доставляютъ большимъ судамъ самыя безопасныя якорныя стоянки².

Въ провинціи Южной Пхёнъандо главнымъ городомъ и мѣсто-пребываніемъ губернатора этой провинціи является Пхёнъянъ (яп. Хейдзіо) 平壤, древняя столица Кореи³, нынѣ вто-

1) Канкоку-синцири, 326—7.

2) Канкоку-сѳран, 66.

3) Древняя столица Кыйджа (о ней см. на стр. 365) находилась также въ этой мѣстности, только ниже по теченію и южнѣе нынѣшняго города Пхёнъянъ.

рой по величинѣ городъ на полуостровѣ послѣ Сеула¹. Будучи расположенъ очень живописно², почти на полпути между Сеуломъ и Ыйчжю и сѣверномъ берегу р. Тадонъгань³, имѣя позади себя горы Тасёнъсанъ (яп. Дайдзидзан) 大城山, а передъ собою на югѣ и востокѣ обширную плодородную равнину, Пхёнъянь отъ природы представляетъ собою въ высшей степени важный стратегическій пунктъ. Выгоды положенія, дѣлавшія городъ весьма пригоднымъ къ роли главенствующаго центра страны, заставили потомка⁴ Кыйджа 箕子 (полуисторической личности, которой приписывается основаніе перваго корейскаго государства Чіосен, болѣе чѣмъ за 10 столѣтій до Р. Х.; дата, конечно, вымыслена) во II стол. до Р. Х. — Уйманъ 衛滿, основать здѣсь свою столицу, что дѣлали неоднократно и позднѣйшіе правители королевства Когурё, а въ эпоху королевской династии Корё городъ являлся западною столицею Сёгёнъ 西京⁵.

Событія послѣднихъ лѣтъ причинили значительный ущербъ городу Пхёнъянь и нынѣ (говорится въ 1904 г.) онъ имѣетъ лишь торговое значеніе; однако въ будущемъ, когда установится нормальная эксплоатація горныхъ богатствъ провинціи Пхёнъаньдо, городъ вернетъ себѣ прежнее преобладаніе и сдѣлается промышленнымъ и торговымъ центромъ Кореи, такъ какъ, помимо горныхъ богатствъ, земледѣльческая культура

1) Канкоку-цири, 179. По даннымъ подсчета населенія къ 31 дек. 1908 г. (см. ниже), городъ занималъ въ отношеніи численности своего населенія среди другихъ наибольшихъ городовъ Кореи только шестое мѣсто, послѣ Сеула, Чинчжю, Фузана, Чѣмульхо и Касёнъ, но выше Тагу. Въ настоящее время подобный порядокъ между цифрами населенія этихъ городовъ врядъ ли удержался, тѣмъ болѣе, что сами данныя указаннаго подсчета вызываютъ большія сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ Пхёнъянь является первымъ по величинѣ городомъ въ Сѣверной Корей.

2) Наилучшее впечатлѣніе городъ производитъ съ рѣки или сверху стѣнь, такъ какъ внутри онъ грязенъ и зловоненъ, не составляя въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила корейскихъ городовъ. Фотографія части стѣны города и самой рѣки см. Vougdaget, En Corée, 1904, къ стр. 312.

3) Съ рѣки можно видѣть только холмы, образующіе котловину, въ которой лежитъ городъ, стѣну и большія двухъэтажныя ворота Тадонъмун.

Черезъ рѣку имѣется рядъ перевозовъ, ведущихъ къ различнымъ воротамъ города и обслуживающихъ всѣ его кварталы.

4) Такъ обозначаетъ Уйманъ'а Канкоку-синцири, 330, хотя на дѣлѣ Уйманъ могъ быть лишь позднѣйшимъ выходцемъ изъ того же княжества Сѣвернаго Китая — Янь, откуда, возможно, было родомъ и самъ Кыйджа, если не относить то къ столь отдаленной эпохѣ.

5) При новой династии II городъ утратилъ прежнюю роль, особенно послѣ того, какъ въ 1624 г. онъ былъ взятъ маньчжурами.

является въ этомъ районѣ одной изъ наиболѣе богатыхъ на всемъ корейскомъ полуостровѣ¹. Издревле городъ Пхёнъянь многократно служилъ объектомъ военныхъ операцій и въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ происходитъ рядъ историческихъ сраженій, какъ, напримѣръ, въ концѣ XVI стол., во время японской экспедиціи въ Корею, когда японскій военначальникъ Коиси, овладѣвъ городской крѣпостью, сразился съ корейскимъ военачальникомъ И Ёсонъ 李如松, или въ 1894 г. во время японо-китайской войны, когда японцы вытѣснили изъ города китайскій гарнизонъ послѣ кровопролитнаго боя, при чемъ почти весь городъ былъ разрушенъ; въ русско-японскую войну у Пхёнъянскихъ воротъ Чхильсёнъмун 七星門 произошла первая въ эту войну боевая встрѣча на сушѣ между войсками обоихъ противниковъ².

Открытіе Пхёнъянь для иностранной торговли состоялось одновременно съ открытіемъ Кунсан, Масанпхо и Сёнчжинъ въ 1898 г. Однако, хотя Пхёнъянь и считается открытымъ для иностранной торговли портомъ и здѣсь ранѣе имѣлъ пребываніе камни или комиссаръ иностранной торговли, онъ въ сущности никогда не могъ бы считаться таковымъ портомъ въ общепринятомъ смыслѣ въ виду того, что рѣка вплоть до пункта въ 10 м. ниже города не судоходна даже для самыхъ мелкихъ морскихъ пароходовъ; статистическія данныя внѣшней торговли Пхёнъянь поэтому включаются въ таможенные отчеты Чынънампхо.

Самъ городъ дѣлится на 4 части: Насёнъ 內城, Чюньсёнъ 中城, Ойсёнъ 外城 и Тонъбуксёнъ 東北城. Окружность «внутреняго города» измѣряется въ 2 ри.

Въ городѣ Пхёнъ-янъ проживаетъ много богачей, что сказывается на его постройкахъ; улицы сохраняютъ былую внѣшность древней столицы, отличаясь правильностью плана. Въ городѣ, помимо разныхъ присутственныхъ учреждений, имѣется королевскій дворецъ. Численность населенія 7000 семей и 30,000 душъ³. Жители на половину занимаются торговлею,

1) Bourdaret, En Corée, 1904, 311—312.

2) Канкоку-синцири, 330.

3) Bourdaret, En Corée, 1904, 312; исчисляетъ нынѣшнюю цифру населенія города Пхёнъянь въ 40,000 душъ. Онъ наблюдалъ большое оживленіе по бере-

остальную половину составляют служащие въ присутственных мѣстахъ и рабочіе¹. Торговля г. Пхёнъянъ весьма оживилась съ того времени, какъ была начата разработка золотыхъ приисковъ въ Унсан².

Какъ и въ Сеулѣ, въ Пхёнъянъ не существуетъ опредѣленнаго иностраннаго селтлемента, хотя при открытіи города это и было предусмотрено, но такъ и не получило осуществленія³, и иностранцы должны жить въ перемежку съ туземнымъ населеніемъ: американцы и французы (миссіонеры) живутъ главнымъ образомъ въ городской части Ойсёнъ 外城, а японцы внутри города и внѣ его у воротъ Тадонъмун на берегу рѣки. Въ 1904 г. японцевъ проживало въ г. Пхёнъянъ 151 семья (320 мужчинъ, 220 женщинъ), въ 1907 г. — 7,030 душъ⁴; китайцевъ въ 1904 г. было 45 человекъ (главнымъ образомъ рабочихъ, тогда какъ преимущественнымъ занятіемъ японцевъ являлась торговля). Американцевъ тогда же было 50 слишкомъ человекъ миссіонеровъ и лицъ педагогическаго персонала⁵.

Сообщеніе по р. Тадонъганъ съ Чынънампхо поддерживается небольшими пароходами двухъ корейскихъ компаній Инчхёнкульку 仁川堀久 и Кильчхён 吉川 и одной японской Осака-сібсен-кайся⁶; этотъ переѣздъ продолжается около 5 часовъ.

гамъ рѣки и непрерывное движеніе людей, а на рѣкѣ многочисленныя суда, расположившіяся вдоль всего берега у подножья скалъ, увѣнчанныхъ стѣнами.

Въ концѣ 1908 г. численность населенія города официально опредѣлялась въ 6,202 семей и 23,619 душъ. *Résumé statistique de l'empire du Japon*, 25 année, 1911, стр. 33.

1) Обитатели города Пхёнъянъ и вообще провинціи Пхёнъандо всегда отказывали въ повиновеніи династии И и пользовались репутациею людей, склонныхъ къ возстанію. Въ 1866 г. экипажъ шлюпки съ американскаго судна «Адмиралъ-Шерманъ» былъ перерѣзанъ передъ городомъ Пхёнъянъ и всѣ попытки корейскаго регента наказать виновныхъ остались безъ успѣха. Bourdaret, *En Corée*, 1904, 311.

2) Канкоку-сѳран. 66.

3) *Chronicle and Directory for 1902 of China, Japan* и т. д.

4) Ростъ японской колоніи въ г. Пхёнъянъ: въ концѣ 1905 г. въ ней считалось 2,064 душъ, въ 1906 г. — 4,530 душъ, въ 1907 г. — 6,174 душъ, въ 1908 г. — 6,849 душъ и въ 1909 г. — 7,030 душъ (1887 семей). *Seoul Press*, 8 March 1910. Нынѣ численность японской колоніи въ городѣ достигаетъ 7,416 душъ (2,285 семей). *Seoul Press*, 12 Dec. 1911, 3.

5) Канкоку-синцири. 331.

6) Разстоянія по этимъ дорогамъ отъ города до другихъ важныхъ пунктовъ на корейскомъ полуостровѣ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: до Сеула 55 ри, до Касёнъ—29 ри; до Анчжю—17 ри; до Тчхёнсан 天山—50 ри; до Ынсан.

Нѣсколько болѣе крупные пароходы съ трудомъ могутъ пройти по рѣкѣ выше Мангёнъда (яп. Манкейдай) 萬景岱, въ $2\frac{1}{2}$ ри ниже Пхёнъянъ, почему между этимъ пунктомъ и самимъ городомъ сообщеніе поддерживается на корейскихъ лодкахъ: но и то, если при путешествіи вверхъ по теченію не воспользоваться приливомъ, приходится выбирать, вслѣдствіе трудности такого плаванія, сухопутную дорогу. Судоходство по р. Тадонъганъ продолжается въ обычные годы съ послѣдней декады марта до средней декады декабря, т. е. въ теченіе 9 мѣсяцевъ; на остальные три мѣсяца рѣка замерзаетъ и движеніе идетъ цѣликомъ по сухопутной дорогѣ.

Важная дорога, соединяющая Сеуль и Ыйчжю, при которой лежитъ Пхёнъянъ, можетъ быть названа первой изъ большихъ дорогъ во всей странѣ; но кромѣ нея отъ города Пхёнъянъ идутъ во всѣ стороны очень много другихъ дорогъ¹; кромѣ того нынѣ имѣется вполнѣ законченная ж. д. магистраль Сеуль-Ыйчжю и ж. д. вѣтка отъ Пхёнъянъ'ской станціи указанной линіи до города Чынънампхо, въ качествѣ начальнаго участка будущей ж. д. линіи Чынънампхо-Пхёнъянъ-Гензанъ.

Въ 1909 г. официальная коммиссія отыскала въ полѣ у горы Табакъ въ $\frac{1}{4}$ мили разстоянія отъ уѣзднаго города Канъдон, прямо на востокъ отъ г. Пхёнъянъ въ той же провинці Южной Пхёнъандо, могилу прославленнаго въ корейской легендарной исторіи Тангун, представляющую собою нынѣ небольшую насыпь⁴. Если въ пользу этого открытія врядъ ли могутъ быть приведены историческія доказательства, то съ другой стороны подобное открытіе лишній разъ подтверждаетъ высокій историческій интересъ, который связывается со всѣмъ окрестнымъ райономъ вокругъ города Пхёнъянъ въ качествѣ ранней колыбели корейскаго государства и культурнаго развитія корейскаго народа.

Чынънампхо, отстоящій отъ г. Пхёнъянъ въ 37 морскихъ (44 обычныхъ англійскихъ миляхъ), является его морской гаванью, расположенной на сѣверномъ берегу нижняго теченія р. Тадонъганъ въ крайнемъ юго-западномъ углу провинці Южной Пхёнъандо, отдѣляясь рѣкою отъ напротивъ

гдѣ расположены англійскіе золотые пріиски, 殷山—15 ри; до г. Ыйчжю 51 ри, до г. Хоанъ-чжю 10 ри; до Сѣнчхѣн 宣川—35; до Чынънампхо 15 ри; до Унсан (съ его американскимъ золотымъ пріискомъ) 32 ри. Канкоку-синцири, 332.

¹) Seoul Press, 19 May 1901,2.

лежащей на южномъ берегу ея провинці Хоанъхăдо. При самомъ открытіи гавани въ 1897 г. для иностранной торговли Чынънампхо представлялъ собою убогое селеніе, но съ того времени благодаря притоку городского населенія и росту судоходства онъ пріобрѣлъ нынѣшній цвѣтущій видъ. Въ силу своего положенія при входѣ въ рѣку, ведущую на сѣверо-востокъ къ городу Пхѣнъянъ, на пути къ городу Ыйчжю на сѣверѣ и въ господствующей позиціи по отношенію ко всей сосѣдней береговой полосѣ Желтаго моря на западѣ, Чынънампхо является дѣйствительно важнымъ стратегическимъ пунктомъ (и бывшей корейской крѣпостью 鎮) въ западной части сѣверной Кореи¹.

Чынънампхо является единственной гаванью въ нижнемъ теченіи р. Тăдонъганъ, при чемъ въ этомъ мѣстѣ рѣка расширяется на подобіе залива, въ которомъ могутъ одновременно имѣть стоянку до 40 большихъ судовъ водоизмѣщеніемъ около 2000 тоннъ². Въ отношеніи существующихъ въ немъ средствъ сообщенія Чынънампхо обладаетъ регулярными морскими сообщеніями, обслуживаемыми двумя японскими и одной корейской пароходными компаніями, затѣмъ рѣчными по рѣкѣ Тăдонъганъ, которая далеко углубляется внутрь страны и доставляетъ удобства воднаго сообщенія съ большими и малыми городами провинці Пхѣнъандо и Хоанъхăдо; въ частности рѣчныя сообщенія идутъ изъ Чынънампхо по двумъ направленіямъ: 1) по главной рѣкѣ до г. Пхѣнъянъ и 2) по его притокамъ а) до г. Хоанъчжю и б) до г. Чăрѣнъ и въ разные попутные меньшіе населенные пункты. Наконецъ, Чынънампхо располагаетъ и сухопутными сообщеніями, изъ коихъ двѣ большія дороги въ Пхѣнъянъ и въ Анчжю, обѣ ровныя и широкія (по 4 японскихъ кен или 24 фута шириною). По этимъ дорогамъ перевозятся цѣликомъ рисъ, прочее зерно и разные товары изъ тѣхъ мѣстностей въ этой части страны, которыя не имѣютъ водныхъ сообщеній, если исключить морское побережье провинці Пхѣнъандо; однако, во время проливныхъ дождей

¹) Канкоку-синцири, 327.

²) Канкоку-синцири, 327.

въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ движеніе повозокъ и лошадей по этимъ дорогамъ чрезвычайно затрудняется¹.

Кем'ипхо (яп. Кендзихо) 兼二浦, открытый для иностранной торговли впервые въ 1905 г., лежитъ на берегу р. Тадонъганъ на полпути между Чынънампхо и Пхёнъянъ. Окрестная страна весьма богата земледѣльческими продуктами, а глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ такова, что названная гавань свободно допускаетъ суда въ 4000 тоннъ. Въ 1905 г.² эта гавань была еще слишкомъ недавно открыта для иностранной торговли, чтобы здѣсь могло уже наблюдаться сколько-нибудь значительное торговое движеніе. Однако, важнымъ обстоятельствомъ въ пользу гавани являлось то, что, перейдя черезъ рѣку, можно было достигнуть отсюда г. Хоанъчжю на Сеуло-Ыйчжюской ж. д.; нынѣ здѣсь проложена ж. д. вѣтка, соединившая оба пункта. При сооруженіи этой вѣтки ожидали, что Кем'ипхо постепенно отвлечетъ къ себѣ торговлю Чынънампхо и пріобрѣтетъ важное значеніе въ качествѣ цвѣтущаго торговаго центра³; однако, эти надежды не оправдались, такъ какъ Чынънампхо сумѣлъ сохранить свою позицію, а Кем'ипхо болѣе не числится въ спискѣ формально открытыхъ портовъ.

Сёнъчхён (яп. Дзібсен) 城川, отстоящій отъ Сеула въ 63 ри и отъ г. Пхёнъянъ на сѣверо-востокъ въ 14 ри, лежитъ на восточномъ берегу р. Пуллюганъ 沸流江, притокъ р. Тадонъганъ. Будучи окружено со всѣхъ сторонъ горами, это

1) Канкоку-синцири, 329. Остальныя подробности относительно экономическаго значенія и торговой дѣятельности порта Чынънампхо см. выше стр. 93-5. Неудобство гавани Чынънампхо то, что въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ въ году зимою рѣка замерзаетъ и судоходство въ гавани пріостанавливается. Канкоку-сѣран, 67. Самъ городъ Чынънампхо производилъ уже къ 1907 г. на наблюдателя впечатлѣніе совершенно японскаго портоваго города со своими многочисленными домами японской конструкціи, многолюднымъ японскимъ населеніемъ, исчисляемымъ нынѣ въ нѣсколько тысячъ человекъ, и всевозможными японскими учрежденіями; при самомъ же открытіи гавани для иностранной торговли число японцевъ, поселившихся здѣсь изъ Сеула, Чѣмульпхо и другихъ мѣстъ, едва достигало 30 человекъ. Канкоку-сѣран, 67-68.

Помимо японцевъ, въ Чынънампхо проживаетъ не мало китайцевъ. Это китайское населеніе въ порту и въ окрестностяхъ нынѣ достигаетъ около 470 человекъ, въ томъ числѣ около 30 женщинъ. Большинство ихъ занимается земледѣліемъ; родомъ они главнымъ образомъ изъ Шаньдуна. Seoul Press, 2 Dec. 1911 г., 2 (Seoul Press, 5 Dec, 1911, 2, даетъ другія цифры—380 и 32).

2) Когда было издано Канкоку-синцири, откуда заимствуются настоящія свѣдѣнія (стр. 329-330).

3) Тамъ же.

мѣсто само по себѣ образуетъ въ малыхъ размѣрахъ какъ-бы особый міръ. Жителей считается свыше 500 дворовъ; дома, хоть и не велики, но крыты синей черепицею, стоятъ частыми рядами; улицы правильно распланированы и вообще городъ производитъ впечатлѣніе многолюднаго центра. Городъ лежитъ на большой дорогѣ изъ Пхёнъянь въ Гензань; произведенія всего окрестнаго района сперва свозятся въ городъ, откуда уже отправляются въ Пхёнъянь. Специальными произведеніями этой мѣстности являются табакъ и шелкъ-сырецъ¹. Жители широко занимаются торговлею².

Анчю (яп. Ансю) 安州 отстоитъ отъ г. Пхёнъянь на западъ въ 15 ри и отъ Сеула въ 64 ри, будучи расположенъ на южномъ берегу р. Чхёнъчхёнганъ. Городъ окруженъ земляной стѣною, измѣряющей въ 1¹/₂ ри въ окружности, внутри стѣны раздѣляясь на двѣ части Насёнъ 內城 на сѣверо-западѣ и Ойсёнъ 外城 на юго-востокѣ, при чемъ второй занимаетъ двѣ трети всей площади города. Въ обѣихъ городскихъ частяхъ имѣется всего 13 воротъ. Улицы «внѣшняго города», лежащаго на ровномъ мѣстѣ, правильны, дома наполовину крыты черепицею; въ этой части города сосредоточено большинство населенія. «Внутренній городъ» лежитъ вдоль подножья горы, улицы неровны, то поднимаясь вверхъ, то спускаясь внизъ, жителей не такъ много. Раньше городу придавали очень живописный видъ различные башни и храмы, но они были большей частью уничтожены огнемъ во время военныхъ дѣйствій 1894 г. и нынѣ городъ мало что сохранилъ отъ прежняго вида. Тогда же сгорѣла и болѣе половины городскихъ построекъ. Съ тѣхъ поръ число обитателей города не превышаетъ 1000 семей.

Рѣка Чхёнъчхёнганъ, протекающая мимо города, при значительной ширинѣ, настолько мелководна, что даже во время прилива едва пропускаетъ до города небольшія парусныя суда³.

Провинція Сѣверная Пхёнъандо имѣетъ съ 1908 г. главнымъ городомъ Новый Ыичкю (Сингисю по японски)

¹) Канкоку-цири, 182, называетъ еще жэньшэнь, но не упоминаетъ о шелкѣ.

²) Канкоку-синцири, 333-1.

³) Канкоку-синцири, 333.

新義州, отстоящій около 1 ри внизъ по р. Амнокканъ отъ Стараго Ыйчжю, или просто Ыйчжю 義州 (Гисю по японски). Этотъ послѣдній, отстоящій отъ Сеула на 96 ри, лежитъ на границѣ Кореи съ Китаемъ, отъ котораго его отдѣляетъ лишь рѣка Амнокканъ. Напротивъ города на другомъ (китайскомъ) берегу рѣки стоитъ городъ Цзюляньчэнъ въ пекинскомъ произношеніи названія (знаменитый Тюренченъ русско-японской войны) 九連城¹.

На югѣ и востокѣ городъ Ыйчжю окружаетъ поясъ холмовъ. Весь городъ, измѣряемый въ 10 слишкомъ ціо съ востока на западъ и въ 6 ціо съ сѣвера на югъ, обнесенъ стѣною съ 4 воротами, по однимъ воротамъ съ каждой стороны (на восточной сторонѣ имѣются еще отдѣльно малыя ворота). Южныя ворота увѣнчаны многоэтажной башнею и имѣютъ надпись: Хадонъ-тчѣильгоан 海東第一關, т. е. «Первая застава въ (странѣ) на востокъ отъ моря²». Внутри города дома тянутся частыми рядами, будучи большей частью крыты черепицею; населеніе насчитываетъ свыше 2000 семей³ и всюду замѣтно процвѣтаніе; однако, улицы узки и покаты на одну сторону, такъ какъ городъ лежитъ вдоль подножья возвышенности и, кромѣ какъ на большой улицѣ, идущей отъ южныхъ воротъ, въ немъ почти не найдется ровнаго мѣста.

Внѣшній пригородъ, прилегающій къ восточной и южной сторонамъ внутренняго города, занимаетъ $\frac{2}{3}$ общей площади города, но имѣетъ не болѣе 1,000 семей населенія⁴; улицы его проходятъ на половину по ровной, на половину по покатоѣ почвѣ, дома большей частью крыты соломой и вообще пригородъ уступаетъ внѣшнимъ видомъ внутреннему городу, однако, превосходя его оживленіемъ и шумомъ, такъ какъ черезъ эту часть города проходитъ непрерывное движеніе путешественниковъ, телѣгъ и лошадей; торговое оживленіе его также нѣсколько значительнѣе.

1) Ранѣе это былъ цвѣтущій складочный пунктъ для торговли въ долинѣ р. Амнокканъ, но нынѣ онъ утратилъ прежнюю роль, которая перешла къ Андунсянь. Канкоку-сбран, 1091.

2) Канкоку-синцири, 335.

3) Канкоку-сбран, 68, считаетъ населеніе города Ыйчжю свыше 10,000 душъ.

4) Такимъ образомъ общее населеніе города съ пригородомъ достигаетъ свыше 3000 семей.

Съ давняго времени въ городѣ Ыйчжю существовала т. н. Тхънъ-мунхойси 柵門會市, т. е. съѣзжая ярмарка у воротъ «изгороди»¹. Это названіе объясняется тѣмъ, что въ старину корейское правительство ежегодно въ 10-ую зимнюю луну отправляло къ Пекинскому двору посла, который посему именовался тонъчжиса 冬至使, т. е. «посоль зимняго солнцестоянія». Обратнo онъ возвращался на слѣдующій годъ во второй лунѣ. Передъ отправленіемъ посла изъ Кореи и во время его поѣздки въ Пекинъ, въ Ыйчжю на корейско-китайской границѣ открывались дважды ворота въ изгородь (柵門)² и китайскимъ и корейскимъ подданнымъ разрѣшалось въ это время съѣзжаться здѣсь для обоюдной торговли; это и есть съѣзжая ярмарка (會市) у воротъ «изгороди». Послѣ возвращенія посольства устраивалась новая, или третья ярмарка. Каждая ярмарка имѣла специальное обозначеніе и опредѣленные сроки открытія и закрытія: первая съ 10 числа 9 луны до 30 числа 10 луны (по старому китайскому календарю) называлась Хоанънѣккъанъ-сапи 皇歷賡使市, т. е. ярмарка по случаю чествованія посла въ эпоху китайскаго сюзеренитета; затѣмъ съ 20 числа 10 луны до 30 числа 12-ой луны продолжалась ярмарка Тонъчжисанчюси 冬至使入朝市, т. е. ярмарка по случаю прибытія къ китайскому двору зимняго посла и, наконецъ, съ 20 числа 2 луны до 30 числа 5 луны—ярмарка Тонъсагуйчюси 冬使歸朝市, т. е. ярмарка по случаю возвращенія въ Корею зимняго посла³.

Въ періодъ процвѣтанія торговли общіе обороты этихъ ярмарокъ достигали 2—3 милліоновъ енѣ. Съ отмѣною послѣ японо-китайской войны обычая отправленія въ Пекинъ зимняго посла, сама собою прекратилась и названная ярмарка⁴.

Новый Ыйчжю возникъ около конечнаго пункта Сеуло-Ыйчжюской ж. д. въ разстояніи 1 ри приблизительно ниже Стараго Ыйчжю; нынѣ онъ является какъ-бы начальнымъ пунктомъ Аньдунъсянь-Мукденской желѣзной дороги благодаря завершенію постройки моста черезъ р. Амнокканъ. Благодаря быстрому теченію и отмелямъ въ рѣкѣ судоходство по ней возможно или, по крайней мѣрѣ, менѣе затруднительно только для мелкосидящихъ пароходовъ съ сильными машинами; поэтому сообщеніе между Ыйчжю и лежащимъ по рѣкѣ ниже въ 9 ри

1) Это знаменитая «ивовая изгородь» или точнѣе окончаніе восточной вѣтви главной изгороди, проходившее по территоріи Маньчжуріи въ нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ р. Амнокканъ (см. выше на стр. 23).

2) По китайски Цэмынь, иначе Бяньмынь 邊門 «пограничныя ворота».

3) Канкоку-синцири, 336—7. Ср. Описаніе Кореи, II, 240-1 (изъ Поджіо, Очерки Кореи, 344-5).

4) Канкоку-синцири 337. Однако, понынѣ шесть разъ въ мѣсяцъ въ городѣ бываетъ обычная ярмарка, которая въ нѣкоторые дни достигаетъ особаго оживленія. Канкоку-сбран, 68.

Ионъампхо производится съ бѣльшимъ удобствомъ сушею, чѣмъ водою. Точно также, хотя разстояніе по рѣкѣ между Ыйчжю и напротивъ его лежащимъ Аньдунъсянь не превышаетъ 8 морскихъ ри, тѣмъ не менѣе пароходное сообщеніе между обоими пунктами не легко вслѣдствіе трудно проходимыхъ мѣстъ въ рѣкѣ на пути между ними¹.

Ионъампхо (яп. Рюгампо) 龍巖(岩)浦, находясь въ устьѣ р. Амнокканъ, можетъ быть названъ единственной хорошей гаванью на морскомъ побережьи Пхёнъандо, если не считать Чынънампхо (отъ котораго Ионъампхо отстоитъ въ 125 морскихъ миляхъ), такъ какъ остальные 2—3 якорныя мѣста по этому берегу страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ мелководная полоса тянется отъ берега въ море на 1—2 и даже 3—4 морскія мили. Напротивъ, гавань Ионъампхо, во время прилива, когда глубина воды увеличивается до 17 и даже до 20 футовъ (при отливѣ, правда, бываетъ всего 5 футовъ глубины) свободно можетъ принимать суда свыше 1000 тоннъ водоизмѣщенія (какъ показалъ примѣръ русскихъ транспортовъ въ 1500 тоннъ, которые бросали якорь въ гавани близъ берега).

Какъ въ отношеніи условій судоходства, такъ и по мѣстоположенію, Ионъампхо превосходитъ Аньдунъсянь, и всѣ изслѣдователи сѣверной Кореи единогласно признаютъ его единственно хорошей гаванью въ бассейнѣ рѣки Амнокканъ. Равнымъ образомъ, если судить о якорныхъ стоянкахъ Санъдаоланътоу и Дадунъгоу на китайскомъ берегу съ точки зрѣнія ихъ географическихъ и торговыхъ условій, то опять-таки нельзя не сказать, что Ионъампхо далеко превосходитъ всѣхъ ихъ².

На противоположномъ китайскомъ берегу рѣки лежитъ нѣсколько торговыхъ пунктовъ, не считая Дадунъгоу. Благодаря имъ гавань Ионъампхо пріобрѣтаетъ роль въ высшей степени важнаго торговаго центра между Китаемъ и Кореей въ сѣверномъ углу корейской территоріи³. Значеніе Ионъампхо подчеркивается и тѣмъ, что онъ лежитъ на пути всѣхъ судовъ, слѣдующихъ вверхъ и внизъ по р. Амнокканъ и необходимо касающихся его гавани⁴.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, русскіе обратили къ началу XX столѣтія особое вниманіе на эту гавань, названную ими Нпко-

1) Канкоку-синцири, 337. О новомъ Ыйчжю говорилось выше на стр. 97—98.

2) Канкоку-сѣран, 1091.

3) Канкоку-синцири, 338.

4) Канкоку-сѣран, 68 и 1091. Ср. выше стр. 96—97 и 171 прим.

лаевской, и, намѣреваясь завладѣть ею въ качествѣ начальнаго шага активной политики въ Корей, построили здѣсь казармы, склады, жилые дома; эти постройки существовали еще въ 1905 г.¹ Дѣйствія русскихъ впервые придали Ионъампхо, бывшему ранѣе небольшимъ рыбацкимъ селеніемъ, мировую огласку и вызвали протесты корейскаго и японскаго правительствъ².

По срединѣ гавани Ионъампхо находится гора Ионъамсан 龍岩山, которая раздѣляетъ ее на двѣ части—старую и новую якорную стоянку. Если подняться на эту гору, то съ вершины ея открывается видъ на обширнѣйшее пространство равнины кругомъ. Корейское селеніе въ Ионъампхо называется Ионъамни 龍岩里. Число японцевъ, проживающихъ здѣсь, уже въ 1905 г. достигало нѣсколькихъ сотъ, а китайцевъ въ томъ же году было свыше 200 человекъ; они составляютъ особую часть всего селенія³.

До перенесенія мѣстопробыванія губернатора въ Новый Ыйчжю главнымъ городомъ провинціи Сѣверной Пхёнъандо являлся съ 1897 г. Ёньбён, а передъ тѣмъ Тчёнъчжю 定州, расположенный въ 89 в. на юго-востокъ отъ Ыйчжю, по большой дорогѣ въ Пхёнъянь. Во время японо-китайской войны городъ былъ совершенно разрушенъ, такъ что отъ свыше 1000 домовъ въ немъ оставалось только 160 домовъ. Городъ является центромъ довольно обширнаго рисоваго района, какихъ совсѣмъ немного въ провинціи Сѣверной Пхёнъандо⁴.

Городъ Ёньбён (яп. Нейхен) 寧邊, куда была перенесена резиденція губернатора изъ города Тчёнъчжю, оказавшагося непригоднымъ для этой цѣли, на восточномъ берегу р. Куріонъганъ 九龍江, въ мѣстѣ впаденія ея въ р. Чхёнъчхёнганъ въ 68 ри отъ Сеула и 4 ри на сѣверо-востокъ отъ Анчжю. Городъ сдѣлался административнымъ пунктомъ еще въ эпоху династіи Корё подъ именовъ Ёнчжю 延州. Вокругъ города на значительномъ разстояніи тянется большой валъ длиною въ 73 тысячъ футовъ; снаружи его была построена во времена короля Сьчжонъ 世宗 (1418—1448 г.) для обороны про-

1) Канкоку-синцири, 337—8.

2) Канкоку-сбран, 68.

3) Канкоку-синцири, 337.

4) Описаніе Кореи, I, 225 (со словъ Лубенцова).

тивъ маньчжурскихъ племень¹ крѣпость Яксансѣнь 藥山城. Городъ лежитъ на очень неровной почвѣ, улицы неправильны, но постройки многочисленны и населеніе превышаетъ 2000 дворовъ; жители большей частью занимаются торговлею, причемъ нѣкоторые изъ нихъ съ этой цѣлью отправляются такъ далеко, какъ въ Гензанъ и его районъ.

Сосѣдняя страна производитъ много риса и прочаго зерна, кромѣ того встрѣчается примывное золото, которое ежегодно въ очень большомъ количествѣ вывозится въ Пхѣнъянь. Жители города отличаются вообще большими достатками².

Канъгъ (яп. Кōкай) 江界 отстоитъ отъ Сеула въ 103 ри³; со всѣхъ сторонъ его окружаютъ горы, густо покрытыя рослымъ столѣтнимъ лѣсомъ, такъ какъ отсюда начинается территория дремучихъ лѣсовъ, т. н. ялускихъ лѣсовъ, по верхнему теченію р. Ялуцзянь (Амнокканъ). Послѣ возвышенія маньчжурской династїи, колыбель коей находилась недалеко отсюда, корейское правительство, руководясь политикою замкнутости, усвоенной имъ по отношеніи къ новымъ хозяевамъ Китая, упразднило уѣздъ Канъгъ и запретило жителямъ селиться въ этомъ районѣ; но въ недавніе годы сами китайцы родомъ изъ Ляодуна въ большомъ числѣ стали являться сюда для торговли и рубки лѣсовъ. Рѣка Токчынъганъ 秃曾江 (Унсѣнъганъ) протекаетъ на западъ отъ Канъгъ и затѣмъ впадаетъ въ Амнокканъ; она проходима для лодокъ и плотовъ на близкое разстояніе къ Канъгъ.

¹) Въ японскомъ текстѣ употреблено въ данномъ случаѣ выраженіе: пунктчѣк 北狄, кит. бэйди, буквально: «сѣверные инородцы». Однако, если сопоставить это весьма неопредѣленное выраженіе съ тѣмъ мѣстомъ Канкоку-ібран, стр. 180 (см: выше стр. 206 настоящаго «Очерка»), гдѣ говорится о нападеніяхъ на эту же мѣстность въ ту же эпоху со стороны «потомковъ чжурчженъ», т. е. раннихъ маньчжуръ и вообще маньчжурскихъ племень, какъ это и указано въ русскомъ переводѣ, то становится яснымъ, что и въ настоящемъ случаѣ подъ обозначеніемъ «пункчѣк» разумѣются тѣ же «потомки чжурчженъ» или маньчжурскія племена, возможно, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, т. е. со включеніемъ и прочихъ тунгусскихъ обитателей Маньчжурїи.

²) Канкоку-синцири, 334.

³) Первоначально городъ причислялся къ провинціи Хамгѣндо, но въ царствованіе короля Сѣчжонъ (1418—1449 г.) онъ былъ включенъ въ составъ провинціи Пхѣнъяндо. Канкоку-синцири, 334—5. Къ произведеніямъ этой мѣстности Канкоку-цири, 183, относитъ мѣдъ и жэньшэнь.

Необходимыя исправленія и дополненія къ первой части „Очерка Кореи“.

Стр. 21. Четырьмя открытыми для иностранной торговли пунктами въ Цзяньдао являются Цзюйцзыцзѣ (Яньцзифу) 局子街, Лунъцзинъ-цунь 龍井村 (Людаогоу), Тоудаогоу 頭道溝 и Байцаогоу 百草溝. Японское консульство (какъ и русское вице-консульство, учрежденное въ 1911 г.) находится въ Цзюйцзыцзѣ, а въ трехъ другихъ указанныхъ пунктахъ, какъ и въ сосѣднемъ городѣ Хунъчунь, помѣщаются его отдѣленія (всѣ названія даны въ китайскомъ чтеніи іероглифовъ).

Стр. 32. Канкоку-синцири, стр. 51—53, отмѣчаетъ время и высоту прилива—большого и малаго, въ 25 различныхъ пунктахъ по западному, южному и восточному побережью Кореи. Такъ какъ эти данныя отличаются отъ цифръ, помѣщенныхъ въ текстѣ «Очерка», дополняя или исправляя ихъ, то ниже онѣ приводятся полностью (только для высоты прилива).

Названіе мѣста:	Высота прилива.		Названіе мѣста.	Высота прилива.	
	Большого.	Малаго.		Большого.	Малаго.
<i>Западное побережье</i>	Сяку.	Сяку.	<i>Южное побережье.</i>	Сяку.	Сяку.
Чёлладо.			Кёнъсянъдо.		
О-въ Чиндо	14 слишк.	9,8	Чюннимпхо 竹林浦	9	6,6
Мокпхо	14,5	10	Тхонъёнъ	7,3	7
О-ва Начжюгундо	10,8	4	Тхарянъдо 蛇梁島	10	6,3
О-ва Кёгъымгундо	24	17	Чёлладо.		
Гавань Кунсан	25	17	Въ морѣ у Ёсю	12	7,8
Чхюньчхёнъдо			Сюнтчхёнман	13,3	8,7
Заливъ Шоаль	26 слишк.	18 слишк.	О-въ Сюандо	10,8	7,5
Кёнъгыйдодо.			О-въ Кёмундо	11	
Чъмульпхо	30	24 слишк.	О-въ Квельпартъ	около 12	
Пхёнъандодо.			<i>Восточ. побережье.</i>		
Чынънампхо	28	—	Кёнъсянъдо.		
Якорная стоянка у о-ва Тчхельдо	20 слишк.	17 слишк.	Ульсан	около 3	
<i>Южное побережье.</i>			Ёнъильман	» 3	
Кёнъсянъдо.			Хамгёнъдо.		
Фудзан	14,5	3	Гензанскій заливъ	около 1,5	
Заливъ Чинхаман	7 слишк.	4,3	Бухта Сюнъджён	» 1	
			Синпхо (Марянъдо)	» 2	
			Чосанман (Заливъ Гошкевича)	» 3,5	

Стр. 32, строка 16, снизу исправить имя Гэля на Галля или Холла.

Стр. 41, 11 строка сверху, вмѣсто «Гисю» надо читать: Кисю.

Стр. 44, 1 строка сверху, вмѣсто Сѳнѣтѣн надо читать Сѳнѣджѣн.

Стр. 48, 2 строка сверху, вмѣсто «бобовъ и сои» надо читать: бобовъ сои.

Стр. 49. На островъ Маряндо спаслись уцѣлѣвшіе солдаты съ судна «Кисю-мару», потопленнаго огнемъ съ русскихъ военныхъ судовъ во время русско-японской войны. Канкоку-цири, 176.

Стр. 56, 10 строка снизу, вмѣсто Макиномина читай: Макиносима.

Стр. 62. Вице-адмиралъ Кимоцуки заявилъ въ газетѣ «Тѳкіѳ-Нициници-симбунъ», что, съ закрытіемъ порта Масанпо для иностранной торговли, Японское море становится замкнутымъ со всѣхъ сторонъ и положеніе Японіи на Востокѣ нынѣ очень напоминаетъ положеніе Англии въ Средиземномъ морѣ, при чемъ Масанпо является Гибралтаромъ, а проливъ Цугару изображаетъ собою Суэцкій каналъ. «Харб. Вѣстникъ», № 1992, 19 окт. 1910, стр. 2.

Стр. 69, 11—12 строки сверху, вмѣсто Сѣчхѣн (яп. Сейсен) 泗川 читай: Сачхѣн (яп. Сисен) 泗川.

Стр. 74. Лѣса острова Квельпартъ состоятъ главнымъ образомъ изъ дуба; встрѣчается также бамбукъ. Bourdaret, En Corée, 352 и 355. Ср. стр. 209 предлагаемаго «Очерка».

Изъ дикихъ животныхъ на о-вѣ Квельпартъ встрѣчаются еще медвѣди, но тигровъ нѣтъ. Bourdaret, En Corée, 352. Всюду встрѣчаются также змѣи, насчетъ происхожденія коихъ существуетъ особая легенда; о ней см. тамъ же 355—6.

Стр. 75. Bourdaret, En Corée, 123. упоминаетъ о существованіи въ прежнее время на о-вѣ Квельпартъ особаго закона, запрещавшаго мужчинамъ выходить изъ дома днемъ, когда женщинами производился морской промыселъ. Это обстоятельство вызвало предположеніе, что островъ управляется женщинами. Бурдаре (тамъ же 352), лично посѣтившій островъ, описываетъ способъ ловли женщинами жемчужныхъ раковинъ. Онъ подтверждаетъ, что, съ прибытіемъ японцевъ на островъ, число женщинъ, занятыхъ этимъ промысломъ, стало уменьшаться съ каждымъ днемъ, по той причинѣ, что японскіе промышленники, съ помощью своихъ водолазовъ, снаряженныхъ по современному образцу, получаютъ обильный уловъ, который совершенно обезкуражилъ рыбацекъ.

Стр. 77, 2 строка снизу, вмѣсто: именемъ читай: именемъ.

Стр. 78. Примѣчаніе 3. Доступъ въ гавань Мокпо съ моря затрудняется разсѣянными всюду подводными камнями, утесами и островками, оставляющими въ промежуткѣ для судоходства только узкіе каналы (изъ нихъ два главныхъ). Bourdaret, En Corée, 350.

Стр. 82. Самымъ высокимъ островомъ въ группѣ Кѳг'ымгундо является островъ Кѳг'ымсандо 隔音山島. Между нимъ и островомъ Муиндо лежитъ закрытая отъ всѣхъ вѣтровъ якорная стоянка. Канкоку-цири, 167.

Стр. 83. Канкоку-цири, 167, называетъ среди вывозныхъ статей порта Кунсан еще лѣсные матеріалы (дерево кири по японски Paulownia Imperialis 桐).

Стр. 85. Заливъ Шоаль имѣеть около 25 морскихъ сажень глубины и образуетъ безопасную якорную стоянку; но здѣсь вызываетъ затрудненія сила прилива и отлива. Канкоку-сѳран, 55.

Стр. 86. Seoul Press, 5 Aug. 1911, 2. подъ заголовкомъ: «Утонія въ корейскихъ моряхъ» содержитъ любопытную замѣтку относительно острова Пак'адо 白牙島 въ архипелагѣ Императорскаго принца, уединенно лежащаго въ 60 морскихъ миляхъ отъ Чѣмульхо; обитатели этого острова въ числѣ 45 семей и 240 душъ, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій совершенно отрѣзанными отъ сообщенія съ материкомъ—нынѣ только два или три раза въ годъ они ѣздятъ въ Чѣмульхо для мѣновой торговли и разъ въ мѣсяць посѣщаютъ ближайшій островъ Тѳкчхѳкто 德積島 въ томъ же архипелагѣ—сохранили до настоящаго времени патріархальную простоту нравовъ.

Стр. 87. На сѣверномъ берегу острова Большой Уѳльмидо находятся угольные склады японскаго военнаго вѣдомства. Канкоку-сѳран, 51. На южномъ берегу того же острова раньше находились такіе же русскіе склады, перешедшіе во время войны въ руки японцевъ.

Стр. 88. Внутренняя гавань Чѣмульхо, расположенная передъ самымъ городомъ, образована островами Большимъ и Малымъ Уѳльмидо, Чхюндо 忠島 и другими небольшими островами. Снаружи этихъ острововъ лежитъ внѣшняя гавань. Внутренняя гавань узка и недоступна для судовъ свыше 2,000 тоннъ водоизмѣщенія; во время отлива вдоль берега материка обнажаются скалы и судамъ остается только бросать якорь у противоположнаго берега острова Уѳльмидо. Канкоку-синцири, 297. Когда почтовый пароходъ останавливается на внѣшнемъ рейдѣ Чѣмульхо, въ 3—4 километрахъ отъ внутренней гавани, то для переѣзда отъ берега къ нему требуется почти одинъ часъ времени, при чемъ это путешествіе затрудняется теченіемъ прилива или отлива и при сильномъ вѣтрѣ дѣлается даже опаснымъ. Bourdaret, En Corée, стр. 22.

Стр. 143, 18 строка сверху, вмѣсто Сѳнджѳнман (анъ) слѣдуетъ читать: Сѳнъджѳнман (ханъ).

Стр. 144, 10 строка снизу, вмѣсто классификаціи слѣдуетъ читать: классификацію.

Стр. 150, 18 строка сверху, вмѣсто Симнюннѳнъ (въ яп. чтеніи Дзѳрокурей) 十六嶺 читай: Юксимнѳнъ (въ яп. чтеніи Рокудзѳрей) 六十嶺.

Стр. 151, 8 строка снизу, прибавить: стр. 33 послѣ ссылки на Канкоку-синцири.

Стр. 152, 8 строка снизу, поставитъ «и» между словами—«судоходства» и «торговаго движенія».

Стр. 153, 5 и 7 строки сверху, первый іероглифъ въ названіи города Ёчжю долженъ быть 驪, а не 驤.

Стр. 175, 17 строка снизу, пропущено слово: близъ передъ словами: города Фынъхуанъчѳнъ.

Стр. 176. Въ началѣ октября н. ст. 1911 г. должна была открытѣся новая метеорологическая станція въ г. Канънынъ въ провинціи

Каньюондо; открытіе ея было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что двѣ существующія на восточномъ побережьи Кореи метеорологическія станціи въ Гензанѣ и Фузанѣ отстоятъ одна отъ другой на 300 миль, почему давно ощущалась необходимость въ учрежденіи новаго пункта наблюденій на полдорогѣ между ними. Seoul Press, 28 Sept. 1911, 2.

Стр. 199. Мэйльсинбо сообщаетъ, что въ уѣздѣ Янъянъ въ провинціи Каньюондо проживаетъ старикъ-кореець, которому 130 лѣтъ отъ роду. Онъ сохранилъ еще совершенно крѣпкіе зубы, но волосы его совершенно побѣлѣли. Seoul Press, 8 Sept, 1911, 2.

Стр. 199, прим. 2. Относительно эндемическихъ болѣзней въ Корей, въ связи съ санитарными условіями въ этой странѣ и ея климатомъ (рѣзкія измѣненія погоды и сухость воздуха обуславливаютъ многочисленныя заболѣванія дыхательныхъ путей и распространеніе легочнаго туберкулеза) см. мнѣніе д-ра Мориясу въ Seoul Press, 7 Oct. 1911, 2.

Вообще корейцы крѣпкаго сложенія и пользуются лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ японцы, почему менѣе страдаютъ отъ послѣдствій своихъ негигіеническихъ привычекъ и могутъ не обращать вниманія на санитарныя условія.

Стр. 235, 14 строка снизу, вмѣсто: мѣнчхянъ читай: мѣнчжянъ.

Стр. 239. По послѣдней переписи, произведенной японскими властями, населеніе Кореи составляютъ «Харб. Вѣстн.», № 2346, 4 янв. 1912, 3:

Корейцевъ	13,589,218	} человекъ обоого пола.
Японцевъ	193,675	
Иностранцевъ	14,655	
	<hr/> 13,747,548	

Стр. 243. Сравнивая цифру корейскаго населенія въ Корей въ 13,122,496 душъ въ концѣ 1910 г. съ только что приведенной цифрою въ 13,539,218 душъ для того же населенія къ концу 1911 г., должно заключить, вопреки возможнымъ погрѣшностямъ въ этихъ подсчетахъ, что корейское населеніе въ настоящее время обнаруживаетъ несомнѣнный ростъ, въ чемъ могли сказаться благопріятные результаты реформъ, насаждаемымъ японцами въ Корей, вмѣстѣ съ наблюдаемымъ успокоеніемъ страны и выясненіемъ ея политическаго положенія.

Стр. 246. Общее число корейцевъ изъ сѣверныхъ провинцій Кореи, проживающихъ въ Цзяньдао, было въ 1911 г., по даннымъ японскаго генеральнаго консула въ этой мѣстности, 118,008 душъ (22,555 семей) противъ 78,158 душъ въ 1909 г. и 98,137 душъ въ 1910 г. Быстрый ростъ корейской иммиграціи въ Цзяньдао обусловленъ трудностью для населенія въ сосѣднихъ корейскихъ провинціяхъ добывать себѣ пропитаніе. Seoul Press, 11 Jan. 1912, 2.

Стр. 249. Пунктъ 8 соглашенія о корейско-маньчжурскомъ прямомъ

сообщеніи между Китаемъ и Японіей отъ 12 числа 9 мѣсяца 3-го года Сюаньтунъ и 2 ноября 44-го года Мейдзи (1911) гласить: «Корейцы, проживающіе еще съ прежняго времени въ Китаѣ, могутъ оставаться на мѣстѣ (теперешняго) жительства; другіе же корейцы могутъ пріѣзжать въ Китай по желѣзной дорогѣ, только будучи снабжены хучжао, т. е. паспортомъ отъ китайскаго правительства». «Харб. Вѣстникъ», № 2297, 9 ноября 1911, 2.

Стр. 253. Иностранное желтое населеніе въ районѣ Амгунской золотопромышленной системы къ 1 янв. 1908 г. составляли 1119 корейцевъ и 637 китайцевъ (Листокъ Приморск. обл. стат. Комитета, 1908, № 3 и 4, стр. 13). Благодаря удаленію корейскихъ рабочихъ съ золотыхъ припсковъ, мѣсто ихъ заняли китайцы, число которыхъ поэтому возрасло въ этомъ районѣ къ концу 1910 г. до 4152 человекъ, въ томъ числѣ 5 женщинъ.

Стр. 257. Численность корейцевъ—иностранныхъ подданныхъ въ Амурской области въ 1910 г.:

Названіе мѣста:	Мужчинъ.	Женщинъ.
Г. Благовѣщенскъ	576	137
Г. Зея-Пристань	92	24
Амурскій уѣздъ	196	2
Округа Амурскаго казачьяго войска	385	281
Зейскій горно-полицейскій округъ	2	5
Бурейскій горно-полицейскій округъ	321	12
Районъ 3-го полицейскаго участка при постройкѣ западной части Амурской жел. дор.	37	4
	<hr/>	<hr/>
	1.609	465

Для сравненія: общая численность китайцевъ въ Амурской области въ томъ же году было 31,809 мужчинъ и 63 женщинъ.

(Обзоръ Амурской области за 1910 г. Изд. Амурск. обл. статистическаго комитета, прилож. № 1).

Стр. 257. Какъ говорится въ отчетѣ управленія генеральнаго резидента за 1906 г., число корейцевъ, первоначально переселившихся на Гавайскіе острова, благодаря увѣщаніямъ одного американца, 5—6 тѣтъ передъ тѣмъ, достигало около 8,400 человекъ, въ томъ числѣ 400 женщинъ, см. «Очеркъ административныхъ реформъ въ Корей». Русскій переводъ отчета управленія генеральнаго резидента за 1906 г. въ Извѣстіяхъ Восточнаго Института, стр. 43 (англійскій переводъ того же отчета въ Japan W. Times, 8 June 1907, стр. 352).

Стр. 258. Корейцы, законтрактованные для работъ въ Мексикѣ, по прибытіи на мѣсто, имѣли со своими нанимателями цѣлый рядъ недоразумѣній. Между тѣмъ въ то время у Кореи не оказалось соотвѣтствующихъ властей, обязанныхъ попеченіемъ объ интересахъ ея подданныхъ, отправлявшихся за границу, и правительство не было въ состояніи помочь этимъ эмигрантамъ въ ихъ затруднительномъ положе-

ни, почему въ апрѣлѣ 1905 г., наученное этимъ опытомъ, оно издало распоряженіе о воспрещеніи эмиграціи корейскихъ рабочихъ «до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ изданъ законъ объ эмиграціи и не будутъ предусмотрѣны мѣры къ защитѣ корейскихъ эмигрантовъ за границей». Учрежденное вслѣдъ за тѣмъ, управленіе генеральнаго резидента признало подобное запрещеніе эмиграціи несостоятельнымъ, почему была снова разрѣшена свободная эмиграція, но одновременно съ тѣмъ были приняты мѣры къ охранѣ корейскихъ эмигрантовъ за границею и къ строгому контролю эмиграціонныхъ агентовъ путемъ изданія въ іюлѣ 1906 г. корейскимъ правительствомъ закона объ охранѣ эмигрантовъ и инструкціи его примѣненія. Основныя начала этого закона излагаются въ «Отчетѣ управленія генеральнаго резидента за 1906 г.», при чемъ наиболѣе важными являлись слѣдующіе два пункта: 1) Никто изъ эмигрантовъ не имѣетъ права выѣхать за границу безъ разрѣшенія министра земледѣлія, торговли и промышленности и 8) Всякаго рода мѣропріятія въ связи съ эмиграціоннымъ дѣломъ проводятся съ согласія генеральнаго резидента. См. цитированный отчетъ управленія генеральнаго резидента за 1906 г., русскій переводъ, стр. 43—45 (ср. англійскій переводъ, Japan W. Times, 8 June 1907, стр. 352—3).

Стр. 269. По официальнымъ свѣдѣніямъ, общее число брачныхъ союзовъ, заключенныхъ до сего времени между японцами и корейцами, составляетъ 96, въ томъ числѣ въ 59 случаяхъ японцы женились на корейскихъ женщинахъ и въ 37 случаяхъ корейцы брали японскихъ женъ. Seoul Press, 26 November 1911, 3.

Стр. 272, 12 строка сверху, вмѣсто Коанчжю читай: Коанъчжю.

Стр. 277, 1 строка снизу, выбросить запятую послѣ: стр. 1.

Стр. 287, 18 строка снизу, вмѣсто: Чюнсѣнь читай Чюньсѣнь.

Стр. 297. Саро являлось однимъ изъ названій королевства Силла до 504 г. по Р. X. (Korea Review, I, 225: Hulbert, Korean History).

Стр. 304, 5 строка снизу, вмѣсто іероглифа 基 слѣдуетъ поставить: 基.

Стр. 301, 2 строка сверху, выбросить «къ» передъ словами: первымъ столѣтіямъ.

Стр. 331, 10 строка снизу, вмѣсто Ёнъынман читай: Ёнъынмун.

Стр. 332, 11 строка снизу, названіе Кёнъхору—павильонъ отдыха и веселья пишется 慶會樓 Кёнъхойру и значить: «павильонъ радостнаго собранія».

Стр. 355, 16 строка снизу. Въ дѣйствительности, имя горы Мариса имѣетъ буддійское происхожденіе отъ слова мони (санскр. чистый), яп. мани, въ корейскомъ произношеніи мари и, слѣдовательно, относится ко времени не ранѣе IV—V стол. по Р. X.

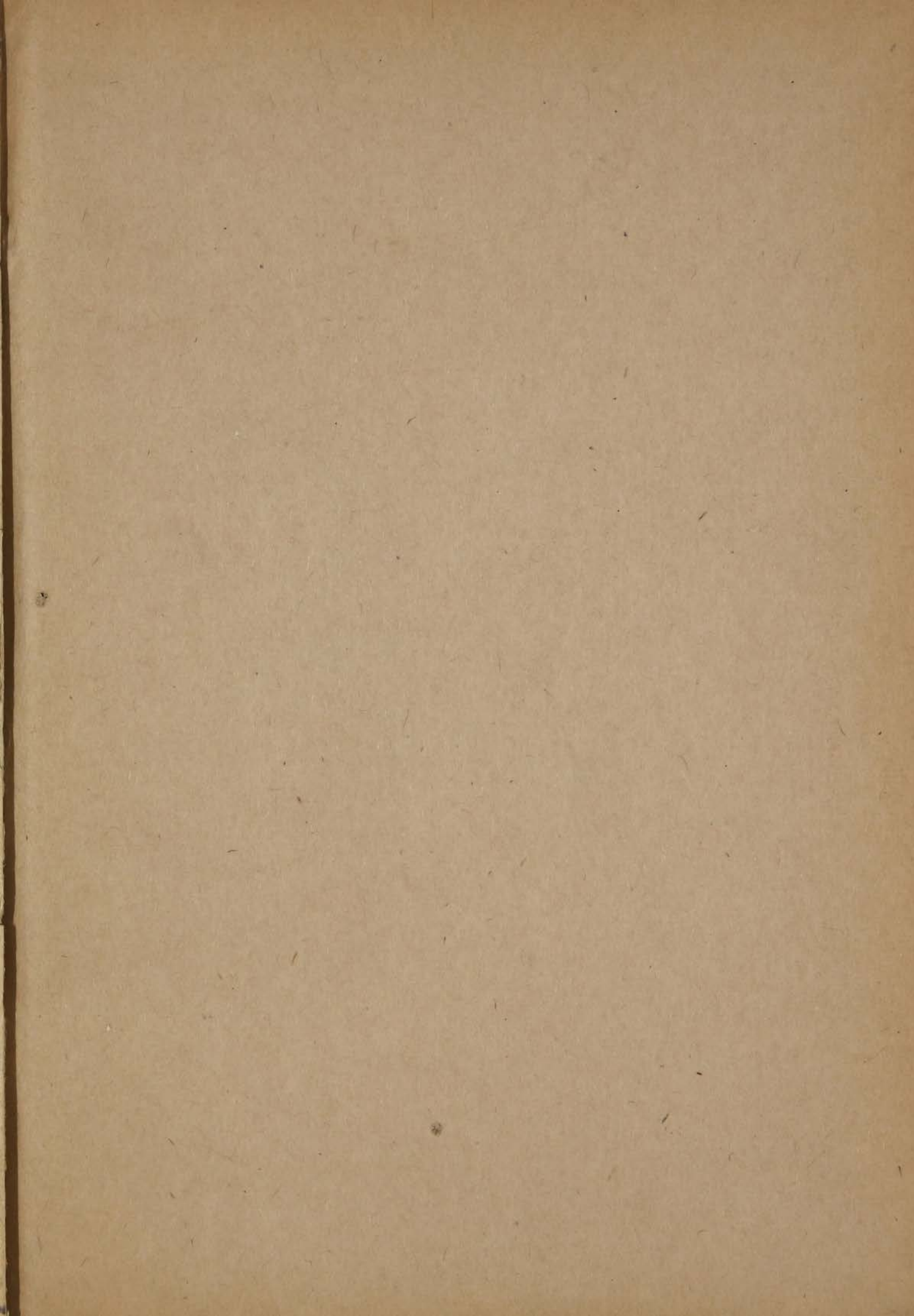
Стр. 365, 4 строка снизу, надо читать: если не относить его.

Стр. 367, 13 строка сверху, вмѣсто 1907 г. читай: 1909 г.

Оглавление I части „Очерка Кореи“.

	Стр.
Предисловіе	I—XIII
Таблица китайскихъ, корейскихъ и японскихъ «на- званій годовъ правленія» съ 1876 г.	XIV
Употребительныя японскія мѣры.	XV—XVI
<hr/>	
Глава I. Общія замѣчанія. Взаимодѣйствіе между корейскимъ полуостровомъ и сосѣдними обла- стями на материкѣ и островахъ. Значеніе Кореи, какъ колоніальной области для Японіи	1 — 8
Глава II. Имя страны. Географическое положеніе. Границы. Площадь. Протяженіе	8—29
Глава III. Строеніе береговъ	29—34
Глава IV. Обзоръ береговой линіи корейскаго по- луострова съ указаніемъ открытыхъ для иностран- ной торговли портовъ и ихъ торговаго значенія на соотвѣтствующемъ участкѣ берега: Восточное побережье. Южное побережье. Западное побе- режье. Острова.	34—100
Глава V. Устройство поверхности	100—133
Глава VI. Рѣчныя системы.	133—175
Глава VII. Климатъ	175—200
Глава VIII. Растительный міръ. Животный міръ	200—217
Глава IX. Населеніе: 1) Кореѣцы. Численность населенія. Плотность населенія. Ростъ населенія.	218—243
Глава X. Корейская эмиграція	243—258
Глава XI. Иностранцы въ Кореѣ: 2) Китайцы; 3) Иностранцы бѣлой расы	258—264
Глава XII. 4) Японцы	264—269

Глава XIII. Политическое дѣленіе	269—281
Глава XIV. Обзоръ корейскихъ провинцій съ ука- заніемъ главныхъ городовъ и прочихъ примѣча- тельныхъ населенныхъ пунктовъ	281—371
<hr/>	
Необходимыя исправленія и дополненія	01 — 06

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

издаются въ количествѣ 5 томовъ въ теченіе академическаго года, выпускаемыхъ по мѣрѣ напечатанія матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой во Владивостокъ—6 руб.
съ пересылкой въ другіе города—8 руб.

Подписка принимается въ Библиотекѣ Восточнаго Института въ городѣ Владивостокѣ, Приморской области.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 13-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ИЗВѢСТІЙ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА“

1911—1912 акад. г., т. т. XXI—XLV съ официальн. приложениями.

ВЫПУЩЕНЪ:

ТОМЪ XXI. Н. В. Кюнеръ. Статистико-географическій и экономическій очеркъ Кореи, нынѣ японскаго генераль-губернаторства Ціосенъ. *Часть I.* Статистико-географическій очеркъ Кореи. Владивостокъ. 1912. IV; XVI; 376; 08; 4 стр.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

а) въ составъ 13-го года изданія:

Н. В. Кюнеръ. Статистико-географическій и экономическій очеркъ Кореи, нынѣ японскаго генераль-губернаторства Ціосенъ. *Часть II.* Экономическій очеркъ Кореи.

б) въ составъ 12-го года изданія:

В. М. Мендринъ. Исторія сіогуната въ Японіи. *Книга III.* Минамото. II.

В. М. Мендринъ. Исторія сіогуната въ Японіи. *Книга IV.* Хōдзіō.

Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по. *Вып. II.* Русскій переводъ. Протоколы засѣданій Конференціи Восточнаго Института за 1910—11 акад. годъ.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Восточнаго Института за 1910 годъ.

